

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

**ДИНАМИКА И ИНЕРЦИОННОСТЬ
ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ
ПОКОЛЕНИЙ В РОССИИ И СНГ**

VII Уральский демографический форум
с международным участием

Сборник статей

Том 2

**Демографический потенциал регионов России и СНГ:
динамика роста и инерционность изменений**

Екатеринбург

2016

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Д47

*Оргкомитет форума выражает благодарность
Федеральному агентству научных организаций России
за субсидию на выполнение государственного задания
по оказанию государственных услуг / выполнению
работ в 2016 г.*

Ответственные редакторы акад. РАН **А. И. Татаркин,**
д-р социолог. наук, проф. А. И. Кузьмин
Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова,
д-р социолог. наук, Н. Г. Чевтаева

Издание сборника осуществлено при поддержке
Института истории и археологии УрО РАН,
Уральского института управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Уральского государственного медицинского университета Минздрава России,
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса,
Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза,
РОО «Форум женщин Урала»,
Законодательного Собрания Свердловской области

Д47

**Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в
России и СНГ. Сб. ст. VII** Уральский демографический форум с междунар. участием / отв. ред.
акад. РАН **А.И. Татаркин**, д-р социол. наук А. И. Кузьмин. Т. II. – Екатеринбург : Институт
экономики УрО РАН, 2016. – 444 с.

ISBN 978-5-94646-560-1

В сборник вошли статьи участников VII Уральского демографического форума. В материалах форума нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с изучением демографических процессов: естественного воспроизводства населения, миграции, брачных и семейных отношений, демографической и миграционной политик. Значительное внимание уделено исследованию особенностей демографического поведения населения через призму других научных дисциплин: экономики, истории, психологии, географии, медицины, а также междисциплинарным аспектам исследования демографических процессов.

Второй том содержит материалы докладов дискуссионных площадок по социально-экономическим вопросам формирования и реализации демографического и трудового потенциала территорий, медико-демографической оценки режима и качества замещения поколений в России и СНГ, особенностей миграционных процессов на постсоветском пространстве, государственной политики в сфере воспроизводства человеческого капитала.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области управления демографическими процессами, представителей научного сообщества и общественных организаций, а также преподавателей и аспирантов.

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN978-5-94646-560-1

© Институт экономики УрО РАН. Редактирование. 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: ДИНАМИКА РОСТА	8
<i>Багирова А.П., Дятель К.Л. ДОГОВОРНЫЙ РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ</i>	<i>8</i>
<i>Багирова А.П., Климова Н.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛОВ НАСЕЛЕНИЯ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ</i>	<i>14</i>
<i>Быкова Д.Г. СТРУКТУРА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА ДОШКОЛЬНОЙ И ШКОЛЬНОЙ СТАДИЯХ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ</i>	<i>20</i>
<i>Ворошилова А. И. ТЕМАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ПО СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВУ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА</i>	<i>26</i>
<i>Гокова О.В. МОЛОДЕЖНАЯ ПРОНАТАЛИСТСКАЯ ПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ</i>	<i>32</i>
<i>Грудина Т.Н. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....</i>	<i>38</i>
<i>Давлетишина Л.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН</i>	<i>43</i>
<i>Денисов А.Ю. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАУЧНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЗА ПЕРИОД 2007-2015 ГГ.</i>	<i>49</i>
<i>Джанаева Н.Г., Архангельский В.Н. РОЖДАЕМОСТЬ В СТРАНАХ СНГ: ТЕНДЕНЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ.....</i>	<i>55</i>
<i>Джонакова Г.А., Аскарров А.Р. ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ СТРУКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН</i>	<i>63</i>
<i>Зверева Н.В. ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i>	<i>68</i>
<i>Илинбаева Е.А .РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ «ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОГО» ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ</i>	<i>73</i>
<i>Ильвес Э.В. ВЛИЯНИЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ</i>	<i>78</i>
<i>Козлова О.А., Казмалова О.Н. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ УРАЛА И ЕГО ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА</i>	<i>82</i>
<i>Коленникова О.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ - ЦЕНТРАХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА</i>	<i>89</i>
<i>Корсенюк А.И. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА</i>	<i>95</i>

<i>Логинов В.Г.</i> ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИУРАЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА.....	100
<i>Макарова М.Н., Воронина Л.Н., Третьяк А.Н.</i> ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КОМПОНЕНТОВ КАЧЕСТВА ЗАНЯТОСТИ НА СМЕРТНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ	106
<i>Мащенко Ю.А.</i> РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ	113
<i>Мельников А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ХМАО-ЮГРЫ.....	119
<i>Молчанова Е.В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	124
<i>Обыграйкин А.В.</i> ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ КРУПНЕЙШИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	129
<i>Орешникова И.В.</i> АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	135
<i>Пышминцева О.А.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	141
<i>Сафиуллина Р.М., Насырова Э.В.</i> АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ РБ	146
<i>Сергеев И.Д.</i> ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В ГО Г. УФА.....	151
<i>Симагин Ю.А.</i> ТЕРРИТОРИИ С РОСТОМ И СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	154
<i>Синица А.Л.</i> ЧИСЛО ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И АРМЕНИИ В 1990-2015 ГОДАХ.....	159
<i>Смирнова Т.Л.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ.....	165
<i>Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА, 1990-2013 гг.	168
<i>Сукнёва С.А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ	175
<i>Сухинин С.А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	180
<i>Февралева С.В.</i> РЕПРОДУКТИВНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ.....	186
<i>Чернышев К.А.</i> КОМПОНЕНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	190
<i>Чернышева И.В., Запольских М.В.</i> МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.....	194

<i>Шелуханова Л.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	199
<i>Шишкина М.А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	203
<i>Шубат О.М., Караева А.П.</i> СОХРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ.....	208
<i>Щукина А.С., Иванов И.И.</i> ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЙ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	214
2. МЕДИКО – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАМЕЩЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ	220
<i>Ануфриева Е.В., Казанцева А.В., Ножкина Н.В.</i> МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	220
<i>Верецагин И.В., Игошев Г.М.</i> СОВРЕМЕННАЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ	224
<i>Гордеева С.С., Хачатрян Л.А.</i> ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ВНЕШНЕСРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ НА ЗДОРОВЬЕ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	228
<i>Ласточкина М.А.</i> ВЕРОЯТНЫЕ ПРОГНОЗЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	234
<i>Мостахова Т.С.</i> СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	239
<i>Новоселова Е. Н.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОГО ПРОФИЛЯ РОЖДАЕМОСТИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	244
<i>Потанина Ю.А.</i> ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОРОВ РИСКА В ЦЕЛЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ	249
<i>Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гришин А.С.</i> ВОЗМОЖНОСТИ СОКРАЩЕНИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	253
<i>Сафиуллина Р.М., Сабанчина Л.С.</i> ЭВОЛЮЦИЯ СТАРЕНИЯ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	259
<i>Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р., Насырова Э.В.</i> СТРУКТУРА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ОСНОВНЫМИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ БОЛЕЗНЯМИ	265
<i>Сафиуллин Р.Г., Сафиуллин М.Р., Мазитова Й.И.</i> ДИНАМИКА РАСХОДОВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И В РОССИИ.....	270
<i>Скрябина Я.А.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	275
<i>Старкова Е.В., Игошев М.В.</i> ПОНЯТИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	280

<i>Шевалдина Ю.С., Шевалдина Е.И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДОРОВЬЕ» И УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН.	286
<i>Утяшева И.Б., Шамсутдинова Н.К.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЯ СМЕРТНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	291
<i>Фельдман М.А., Кузнецова А.А.</i> ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ В РЕГИОНЕ: ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛЬНЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ	294
<i>Хамитова Л.М.</i> БЕДНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ: ПОРОЧНЫЙ КРУГ.....	299
<i>Хасанов В.Ф., Хасанова Р.Р.</i> СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	303
<i>Хасанова Р.Р.</i> ТЕНДЕНЦИИ ИНВАЛИДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ	307
<i>Цетилова Т.М., Гурвич В.Б., Ярушин С.В., Козлова О.А.</i> ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ОТ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ.....	311
3. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	317
<i>Акьюлов Р.И., Казанцева К.А.</i> ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ	317
<i>Бедрина Е.Б., Глухова Н.А.</i> МОНИТОРИНГ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ	320
<i>Боброва А.Г., Пилютик А.А.</i> МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС.....	327
<i>Вандышев М.Н.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП РАЗМЕЩЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ	331
<i>Ветошкин С.А.</i> ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	338
<i>Донец Е.В.</i> МИГРАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИИ	342
<i>Красинец Е.С.</i> ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	349
<i>Кузьмин А.И., Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х., Носов А.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОТОКОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ УЗБЕКИСТАНА В СВЕРДЛОВСКУЮ ОБЛАСТЬ	354
<i>Кузьмицкая Т.В., Сергеевич Т.В.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	358
<i>Куприна Т.В.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТОКОВ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ МИГРАЦИИ НА ОСНОВЕ ДИРЕКТИВЫ BLUE CARD.....	364
<i>Левина Е.И.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ	370

<i>Масленников М.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.....	376
<i>Мельникова А.С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ИНСТРУМЕНТОВ ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	381
<i>Неклюдова Н.П., Илинбаева Е.А.</i> ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	386
<i>Петракова Ю.Н.</i> ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	394
<i>Попова О.В.</i> ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ).....	399
<i>Козлова О.А., Проворова А.А.</i> МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА(НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)	403
<i>Ракачева Я.В.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	410
<i>Смалюга А.К.</i> СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНАЯ БАЗА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ	415
<i>Тарасьев А.А.</i> ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОТОКОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ДИНАМИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ	422
<i>Тарасьев А.А., Тарасьева Т.В.</i> ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ГРАВИТАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ	427
<i>Чевтаева Н. Г., Саранчук С. Ю.</i> ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ КАРЬЕРНОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАПРЯЖЕННОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА.....	433
<i>Чистова Е.В.</i> ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ПЕНСИОННУЮ СИСТЕМУ РОССИИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	438

1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: ДИНАМИКА РОСТА

УДК 376.64, 331

А.П. Багирова, К.Л. Дятель

ДОГОВОРНЫЙ РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ*

В статье вводится категория договорного родительского труда. Представлены результаты эмпирического анализа этого вида труда – его распространенности и преобладающих форм по субъектам РФ. Для анализа использованы данные официальной российской статистики за 2008-2014 гг.

Ключевые слова: договорный родительский труд, субъекты родительского труда, формы реализации договорного родительского труда, российская статистика, субъекты РФ.

Родительский труд многообразен и многогранен. В качестве субъектов родительского труда в разных случаях могут выступать родители, приемные родители, бабушки и дедушки, сотрудники центров социальной помощи и т.д. При этом субъекты родительского труда дифференцируются по разным основаниям. Особым видом родительского труда можно считать так называемый договорный родительский труд, который реализуется в формах опеки, попечительства и усыновления по отношению к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Он может осуществляться российскими и иностранными гражданами. Возможные формы реализации родительского труда различаются в зависимости от гражданства субъектов этого труда. Ключевые аспекты системы договорного родительского труда приведены на рис. 1.

Субъекты договорного родительского труда	• российские граждане • зарубежные граждане
Формы реализации договорного родительского труда	• опека • попечительство • усыновление
Категории детей, в отношении которых реализуется родительский труд	• дети-сироты • дети, оставшиеся без попечения родителей

Рис. 1. Система договорного родительского труда

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020).

Рассмотрим с этих позиций специфику приемных родителей как субъекта родительского труда. В России долгие годы было популярно такое явление, как международное усыновление российских детей, когда иностранные граждане усыновляли (удочеряли) российских детей, в результате чего между ними возникали правоотношения, аналогичные существовавшим до усыновления между кровными родителями и детьми.

Для иностранных граждан усыновление (удочерение) российских детей имело ряд преимуществ. Во-первых, усыновление ребенка из России для иностранного гражданина стоило в разы дешевле, чем в собственной стране. Например, в странах Европы введены высокие налоги на усыновление, что, в свою очередь, связано с высоким уровнем жизни населения; в России затраты предполагали перевод иностранных документов и другие незначительные расходы. Во-вторых, как правило, иностранные граждане в своих странах сталкивались с более жестко регламентированными условиями усыновления. Например, в Нидерландах усыновление возможно только для семейных пар, состоящих в браке не менее пяти лет; в Испании лицо, усыновляющее ребенка, должно быть не моложе 25 лет и т.п. В-третьих, усыновление детей из России было выгодным бизнесом для международных агентств по усыновлению. Эти причины часто приводили потенциальных субъектов родительского труда к решению о выборе российских детей для усыновления.

До 2013 г. российские власти не могли регулировать судьбу детей, усыновленных иностранными гражданами. В ответ на известные случаи жестокого обращения с российскими детьми в Америке и безнаказанности за совершенные преступления был принят Закон № 272-ФЗ «О мерах воздействия лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ». В данном законе установлены меры воздействия на граждан США, причастных к нарушениям прав и свобод граждан России. Одной из мер является запрет на въезд в РФ граждан США, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, граждан США, совершивших преступления против находящихся за рубежом граждан РФ, американских должностных лиц, способствовавших освобождению от ответственности лиц, совершивших преступления в отношении граждан РФ, судей, вынесших в отношении граждан РФ необоснованные и несправедливые приговоры, а также, в частности, граждан США, принявших необоснованные решения, нарушившие права и законные интересы граждан и организаций РФ [1]. Также был принят закон о запрете усыновления российских детей гражданами иностранных государств, где легализованы однополые браки. С 2013 г. было введено решение, определяющее ограничения усыновления детей иностранными гражданами. Усыновление иностранцами стало возможно только при подписанном двумя странами двустороннем договоре о сотрудничестве в области усыновления детей, где обозначены принципы усыновления детей, требования к будущим родителям и определен порядок контроля за условиями жизни и воспитанием усыновленного ребенка.

Нами проанализированы данные Росстата за 2008-2014 гг. об усыновлении российских детей субъектами родительского труда из России и других стран. В каждом федеральном округе мы посчитали число субъектов РФ, в которых за этот период не было усыновлений иностранными гражданами. Динамика удельного веса таких субъектов РФ в общем числе субъектов РФ в федеральных округах представлена в табл. 1 и на рис. 2.

Согласно представленным данным, самые высокие показатели усыновления детей россиянами наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе. В нем в 71,4 % субъектов РФ зафиксировано полное отсутствие зарубежных усыновителей. Такая тенденция сохранялась на протяжении всего анализируемого периода. Видимо, это объясняется тем, что у представителей кавказских национальностей с сильными родственными узами не принято передавать детей в чужие – и особенно иностранные – семьи.

Таблица 1

Распространенность договорного родительского труда в форме усыновления российскими гражданами в территориальном разрезе

Федеральный округ	Доля числа субъектов РФ в общем числе субъектов РФ округа, где 100% детей усыновлены гражданами РФ						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Центральный	5,5	5,5	11,1	11,1	5,5	5,5	5,5
Северо-Западный	9,1	9,1	0	0	0	9,1	9,1
Южный	33,3	50	33,3	33,3	33,3	16,6	33,3
Северо-Кавказский	71,4	71,4	71,4	71,4	71,4	71,4	71,4
Приволжский	21,4	21,4	21,4	14,3	0	21,4	28,6
Уральский	0	0	0	0	16,6	33,3	33,3
Сибирский	8,3	16,6	8,3	16,6	16,6	25	8,3
Дальневосточный	44,4	55,5	33,3	33,3	33,3	22,2	22,2

Рассчитано по: [3]

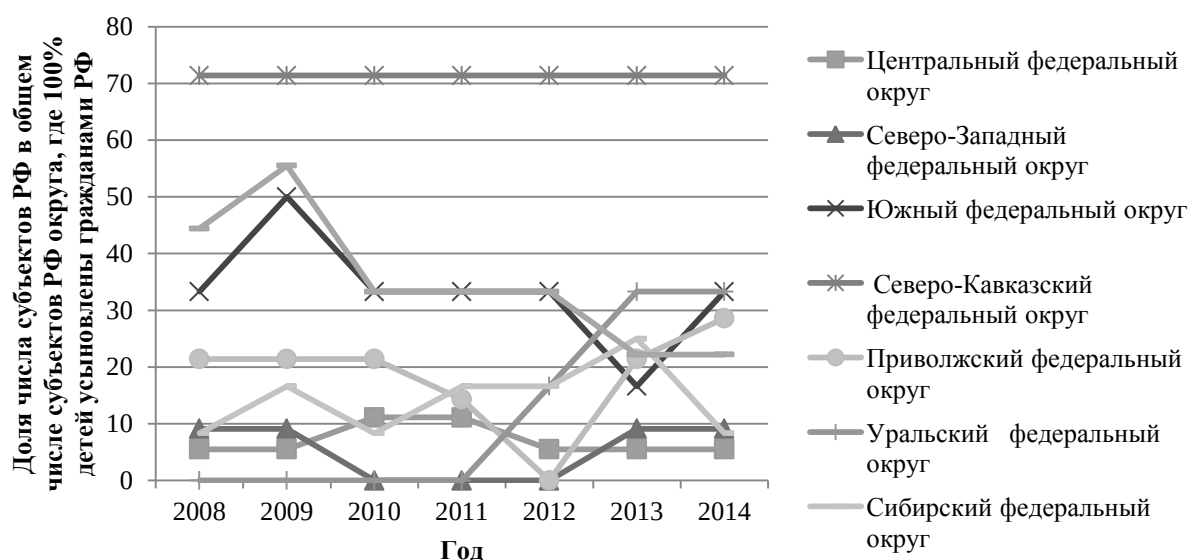

Рис. 2. Динамика удельного веса субъектов РФ в федеральных округах с исключительно российским усыновлением, %

Отдельно можно отметить Уральский федеральный округ, где анализируемый показатель заметно вырос – с 0 % в 2008 г. до 33,3 % к 2014 г. Предположительно, численность усыновителей-россиян увеличилась за счет материальных мер поддержки, которые оказывали региональные власти приемным родителям. Зауралье являлось четвертым регионом, где были введены дополнительные меры социальной поддержки усыновителей. Помимо государственных субсидий и выплат были введены дополнительные социальные выплаты в размере от 100 до 800 тыс. руб. после усыновления ребенка в Свердловской и Курганских областях. Также стоит заметить, что в Уральском федеральном округе с каждым годом увеличиваются объемы введенного жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые имеют возможность получить его при достижении 18 лет, воспитываясь в замещающих семьях.

В таблице 2 и на рисунке 3 приведены медианные значения численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей за 2008-2014 гг.

Как следует из данных таблицы 2, подавляющее большинство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказывалось в российских семьях. Наибольшее медианное число по субъектам РФ зафиксировано в Уральском федеральном округе (88,1 %), наименьшее – в Дальневосточном федеральном округе (68,7 %). Заметим, что в Уральском федеральном округе на протяжении анализируемого периода наблюдается достаточно высокая динамика этого показателя. Если в 2008 г. медианное значение доли регионов в Уральском федеральном округе составляло 75 %, то в 2014 г. – уже 88,1 %. При этом максимальное значение доли детей, в отношении которых в 2014 г. договорный родительский труд реализовывался в российских семьях, наблюдалось в Ханты-Мансийском автономном округе (96,5 %) и в Курганской области.

Таблица 2

Динамика медианных значений доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в российских семьях, в их общем числе, по субъектам РФ (2008-2014 гг.)

Федеральный округ	Медианные значения доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан РФ							Темп роста медианного значения с 2008 по 2014 гг., %
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Центральный	59,4	67,8	70,4	72,1	73,6	76,7	80,5	135,5
Северо-Западный	51,8	61,9	63,9	64,4	64,8	74,2	77,3	149,2
Южный	70,8	86,3	87,3	83,8	82,3	82,6	87,0	137,0
Северо-Кавказский	77,5	95,9	97,6	98,2	86,1	85,3	86,6	111,7
Приволжский	61,0	77,6	78,7	80,0	77,6	81,0	84,7	138,8
Уральский	75,0	74,4	75,7	77,6	78,1	82,8	88,1	117,4
Сибирский	64,7	72,7	74,0	76,6	76,8	82,2	84,6	130,7
Дальневосточный	56,4	61,8	60,8	63,7	64,9	64,1	68,7	121,8

Рассчитано по: [3].

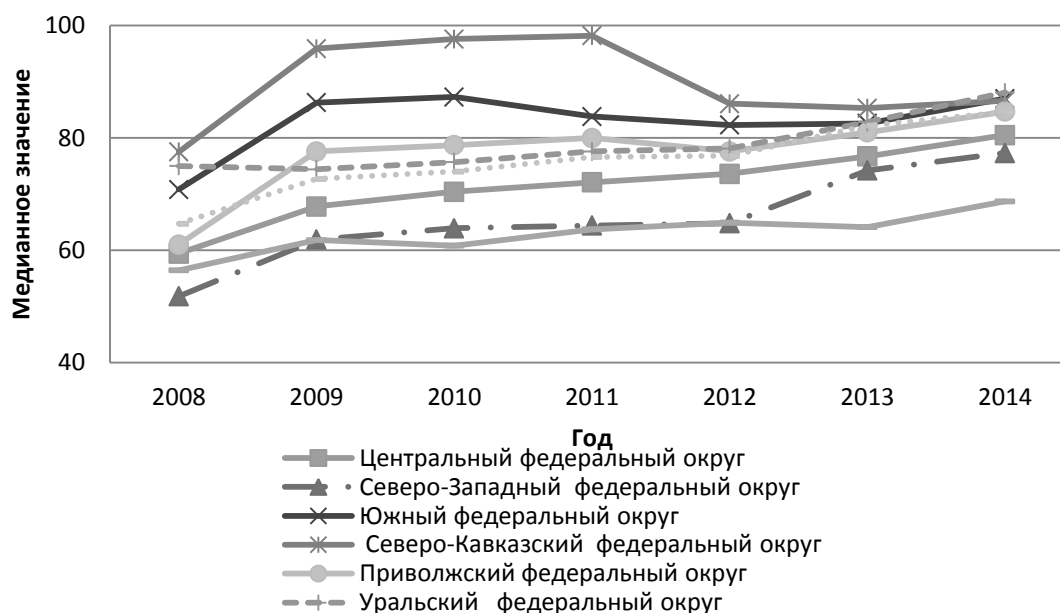

Рис. 3. Динамика медианных значений численности детей в субъекте РФ, воспитывающихся в российских семьях, в их общем числе по субъектам РФ

Полностью максимальные значения доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в российских семьях, по субъектам РФ приведены в таблице 3. Отметим, что самый высокий темп роста максимального значения наблюдается в Дальневосточном федеральном округе (141,2 %). В Уральском федеральном округе произошло повышение максимального удельного веса детей, переданных на воспитание в российские семьи – с 90,4 % в 2008 г. до 96,5% в 2014 г.

Таблица 3

Динамика максимальных значений доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан РФ, по субъектам РФ в разрезе федеральных округов (2008-2014 гг.)

Федеральный округ	Максимальные в федеральном округе значения удельного веса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан РФ							Темп роста максимального значения за 2008-2014 г.,%
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Центральный	95,7	76,6	78,8	81,5	81,9	86,7	91,5	95,6
Северо-Западный	66,8	76,1	77,0	78,1	78,8	83,3	86,3	129,2
Южный	94,6	92,8	95,0	93,7	90,9	91,3	94,0	99,3
Северо-Кавказский	98,7	100,0	99,9	100,0	100,0	100,0	100,0	101,3
Приволжский	93,8	88,5	89,0	89,9	92,5	93,5	93,9	100,1
Уральский	90,4	89,2	91,7	93,0	94,3	93,7	96,5	106,7
Сибирский	73,1	91,5	96,1	99,1	93,1	92,3	93,6	128,0
Дальневосточный	64,5	89,8	91,0	89,1	91,0	87,6	91,1	141,2

Рассчитано по: [3].

Формы реализации договорного родительского труда многообразны. Проведенный нами анализ позволил зафиксировать дифференциацию российских федеральных округов по преобладающим субъектам этого вида труда, а также по распространенности самого феномена договорного родительского труда на российских территориях. Продолжение исследований мы видим в изучении факторов и мотивации договорного родительского труда. Результаты такого анализа должны быть направлены на совершенствование механизмов реализации этого вида труда, системы его организации, а также на создание условий его распространения в регионах России.

© Багирова А.П., Дятель К.Л. Текст. 2016

Список источников

1. О мерах воздействия лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ: ФЗ РФ № 272-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 05.05.2016).
2. Сайт Уполномоченного по правам человека в Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsman.midural.ru/> (дата обращения: 05.05.2016).
3. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 03.05.2016).

Информация об авторах

1. Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).
2. Дятель Кира Львовна (Россия, Екатеринбург) – магистрант 1 курса Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б; e-mail: kira.dyatel@mail.ru).

Bagirova A.P., Dyatel K.L.

CONTRACTUAL PARENTAL LABOR: ANALYSIS OF REGIONAL DIFFERENTIATION

The article introduces the category of the contractual parental labor. Presents the results of the empirical analysis of this kind of labor – its prevalence and the prevailing forms of the constituent entities of the Russian Federation. For analysis used data of the official Russian statistics for 2008-2014 years.

Keywords: contractual parental labor, the subjects of parental labor, forms of realization of contractual parental labor, official Russian statistics, subjects of Russian Federation.

Information about the authors

1. Bagirova Anna Petrovna (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for science and innovations of the Institute of public administration and entrepreneurship. The Ural Federal University (Russia, 620014, Yekaterinburg, 13B, Lenina st.; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

2. Dyatel Kira Lvovna (Russia, Yekaterinburg) – undergraduate student of master degree at the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of Ural Federal University. The Ural Federal University (Russia, 620014, Yekaterinburg, 13-B, Lenina st.; e-mail: kira.dyatel@mail.ru)

УДК 314.3, 331.56

А.П. Багирова, Н.В. Климова

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛОВ НАСЕЛЕНИЯ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

В статье раскрывается взаимосвязь показателей уровня безработицы и рождаемости, рассматриваемых в качестве индикаторов реализации трудового и демографического потенциалов населения российских регионов. Применяются методы корреляционного, регрессионного анализа, сравнения средних.

Ключевые слова: уровень безработицы, общий коэффициент рождаемости, родительский труд, регрессионный анализ, корреляционный анализ.

Одним из индикаторов уровня реализации трудового потенциала населения региона является распространенность явления безработицы.

Уровень и динамика безработицы в том или ином регионе зависят от ряда факторов:

1) экономическая ситуация. Например, в условиях экономического спада в регионе ряд организаций-работодателей вынуждены минимизировать свои расходы, сокращая рабочие места, заработную плату работников и т.д. И, наоборот, благоприятная экономическая ситуация в регионе будет способствовать развитию малого и среднего бизнеса, расширению системообразующих предприятий региона, которые, в свою очередь, предоставляют населению дополнительные рабочие места, снижая тем самым уровень безработицы;

2) уровень научно-технического развития экономики региона. Как правило, экономически эффективная реализация достижений НТР невозможна без абсолютного высвобождения рабочей силы. Другими словами, внедрение новых технологий и оборудования в производство приводит к сокращению излишней рабочей силы;

3) специализация населения региона на тех или иных видах деятельности. Например, сельскохозяйственные регионы, регионы с высокой долей въездного туризма заметно зависят от фактора сезонности, что сказывается на уровне занятости населения в те или иные периоды времени;

4) уровень трудовой миграции в регион. Увеличение числа беженцев и вынужденных переселенцев потенциально приводит к уменьшению количества рабочих мест для коренного населения региона. Увеличение числа трудовых мигрантов из стран бывшего СНГ (республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) приводит к сокращению уровня заработной платы, так как зачастую мигранты готовы работать за меньшую заработную плату, нежели жители региона.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020).

5) динамика возрастной структуры населения региона. Рост численности населения в трудоспособном возрасте увеличивает спрос на предложение труда, вследствие чего вероятность безработицы возрастает;

6) эффективность работы центров занятости. Она зависит от наличия партнерских отношений между ними и организациями-работодателями, наличия актуальной базы вакансий, эффективности программ переобучения безработных. Выполнение перечисленных условий позволяет центрам занятости выполнять роль регулятора регионального рынка труда и способствовать сокращению уровня безработицы.

Отметим, что частью общей безработицы в регионе является молодежная безработица. Она связана, в частности, со следующими причинами:

1) низкий уровень доверия работодателей к молодым специалистам, который может быть обусловлен низким социально-профессиональным статусом молодежи, отсутствием у большинства из молодых людей опыта работы, несоответствием уровня образования молодых специалистов требованиям вакансий, предложенных организациями-работодателями и т.д.;

2) недостаточность внимания со стороны местных органов власти вопросам разработки программ содействия занятости молодежи;

3) несоответствие полученных выпускниками образовательных учреждений профессий структуре потребностей регионального рынка труда;

4) отсутствие гарантий трудоустройства для молодых специалистов после окончания профессионального образовательного учреждения.

Мы сформулировали гипотезу о взаимосвязи уровня безработицы населения региона и рождаемости. При этом рождаемость мы рассматривали как один из результатов родительского труда, в котором отражается реализация репродуктивного потенциала населения.

Для проведения корреляционного и регрессионного анализа мы использовали данные с электронного портала Федеральной службы государственной статистики по следующим показателям: общий коэффициент рождаемости, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, уровень безработицы, уровень молодежной безработицы (20-29 лет) и уровень молодежной безработицы (15-29 лет) [1]. Все данные брались по субъектам РФ за 2014 г.

В связи с наличием явных выбросов на диаграмме рассеяния, построенной по двум переменным, для проведения корреляционного анализа мы использовали непараметрические показатели – коэффициенты Спирмена и Кендалла (таблица 1).

Таблица 1

Расчет коэффициентов Кендалла и Спирмана (для переменных «уровень безработицы» и «общий коэффициент рождаемости»)

Показатели			Коэффициент рождаемости, ‰	Уровень безработицы, %
Tau-b Кендалла	Коэффициент рождаемости, ‰	Коэффициент корреляции	1,000	0,367**
		Знач. (2-сторонняя)	.	0,000
		N	83	83
	Уровень безработицы, %	Коэффициент корреляции	0,367**	1,000
		Знач. (2-сторонняя)	0,000	.
		N	83	83
Po Спирмана	Коэффициент рождаемости, ‰	Коэффициент корреляции	1,000	0,536**
		Знач. (2-сторонняя)	.	0,000

		<i>N</i>	83	83
	Уровень безработицы, %	Коэффициент корреляции	0,536**	1,000
		Знач. (2-сторонняя)	0,000	.
		<i>N</i>	83	83
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).				

Коэффициенты Спирмена и Кендалла, равные 0,536 и 0,367 соответственно, показали, что между переменными «уровень безработицы» и «общий уровень рождаемости» наблюдается прямая, умеренная по силе связь. Это означает, что чем выше в регионах России коэффициент рождаемости, тем выше уровень безработицы. Верно и обратное: со снижением коэффициента рождаемости в субъектах РФ уровень безработицы также снижается.

Парный регрессионный анализ этих же переменных основывался на следующих характеристиках модели (таблица 2).

Таблица 2

Параметры регрессионной модели

Модель	<i>R</i>	<i>R</i> -квадрат	Скорректиро- ванный <i>R</i> - квадрат	Стандартная ошибка оценки	КоэффициентД арбина-Уотсона
Линейная	0,712 ^a	0,507	0,501	2,8394	1,844
а. Предикторы: (константа), Коэффициент рождаемости, ‰					
b. Зависимая переменная: Уровень безработицы, %					

Соотношение между регрессией и остатком, полученное в ходе дисперсионного анализа по линейной модели, в целом позволяет построить регрессионное уравнение (таблица 3).

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа

Модель		Сумма квадратов	Ст.св.	Средний квадрат	<i>F</i>	Знач.
Линейная	Регрессия	671,642	1	671,642	83,308	,000 ^b
	Остаток	653,033	81	8,062		
	Всего	1324,675	82			
а. Зависимая переменная: Уровень безработицы, %						
b. Предикторы: (константа), Коэффициент рождаемости, ‰						

Линейное регрессионное уравнение выглядит следующим образом:

$$УБ = -7,144 + 0,986 \times КР,$$

где УБ – уровень безработицы в субъекте РФ;

КР – общий коэффициент рождаемости в субъекте РФ.

Проинтерпретируем полученное уравнение по оцениваемым параметрам.

Знак «+» перед коэффициентом рождаемости в уравнении говорит о прямой связи между коэффициентом рождаемости и уровнем безработицы, то есть, с ростом коэффициента рождаемости значение уровня безработицы повышается, и наоборот, с падением коэффициента рождаемости значение уровня безработицы понижается.

Проинтерпретируем наше уравнение по эластичности. Для этого подсчитаем средние значения переменных (таблица 4).

Таблица 4

Средние значения переменных «уровень безработицы» и «общий коэффициент рождаемости»

Показатели	N	Среднее значение
Уровень безработицы, %	83	6,380
Коэффициент рождаемости, ‰	83	13,713
N валидных	83	

Коэффициент эластичности составляет:

$$\Theta = 0,986 \times \frac{13,713}{6,380} = 2,1$$

Следовательно, при росте коэффициента рождаемости на 1% в среднем увеличение уровня составит 2,1 %.

Для дальнейшего анализа разделим все субъекты РФ на две равные группы: со значениями общего коэффициента рождаемости ниже медианного (13,2) и выше него. С помощью критерия Манна – Уитни проведем сравнение средних в двух независимых выборках по ряду показателей, связанных с трудовой сферой регионов (таблица 5).

Таблица 5

Статистические критерии для сравнения двух групп регионов, выделенных по уровню рождаемости

Критерий	Уровень молодежной безработицы (20-29 лет), в % к итогу	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Уровень безработицы, %	Уровень молодежной безработицы (15-29 лет), в % к итогу
U Манна-Уитни	554,000	687,000	388,500	514,500
W Уилкоксона	1457,000	1590,000	1291,500	1417,500
Z	-2,796	-1,585	-4,305	-3,156
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,005	,113	,000	,002
а. Группирующая переменная: Тип региона				

Как видно из таблицы, асимптотическая значимость в показателях «уровень безработицы», «уровень молодежной безработицы (20-29 лет)» и «уровень молодежной безработицы (15-29 лет)» равна 0,000, 0,005 и 0,002 соответственно, что говорит о том, что средние в выборках значимо различаются между собой.

Проведем медианный тест для этих трех переменных (таблица 6).

Таблица 6

Медианный тест для переменных «уровень безработицы», «уровень молодежной безработицы (20-29 лет)» и «уровень молодежной безработицы (15-29 лет)»

№ п/п	Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
1	Распределение «Уровень безработицы, %» является одинаковым для категорий «Тип региона»	Медианный критерий для независимых выборок	0,000	Нулевая гипотеза отклоняется
2	Распределение «Уровень молодежной безработицы (15-29 лет, в % к итогу)» является	Медианный критерий для независимых	0,100	Нулевая гипотеза принимается

	одинаковым для категорий «Тип региона»	выборок		
3	Распределение «Уровень молодежной безработицы (20-29 лет, в % к итогу» является одинаковым для категорий «Тип региона»	Медианный критерий для независимых выборок	0,324	Нулевая гипотеза принимается

Результаты теста показывают, что о значимых различиях можно говорить в отношении лишь одного параметра – уровня безработицы. Это означает, что медиана в группе регионов, где рождаемость ниже среднего (ниже 13,2 промилле), значимо отличается от медианы в группе регионов с рождаемостью выше средней (выше 13,2 промилле). Графически это показано на рисунке.

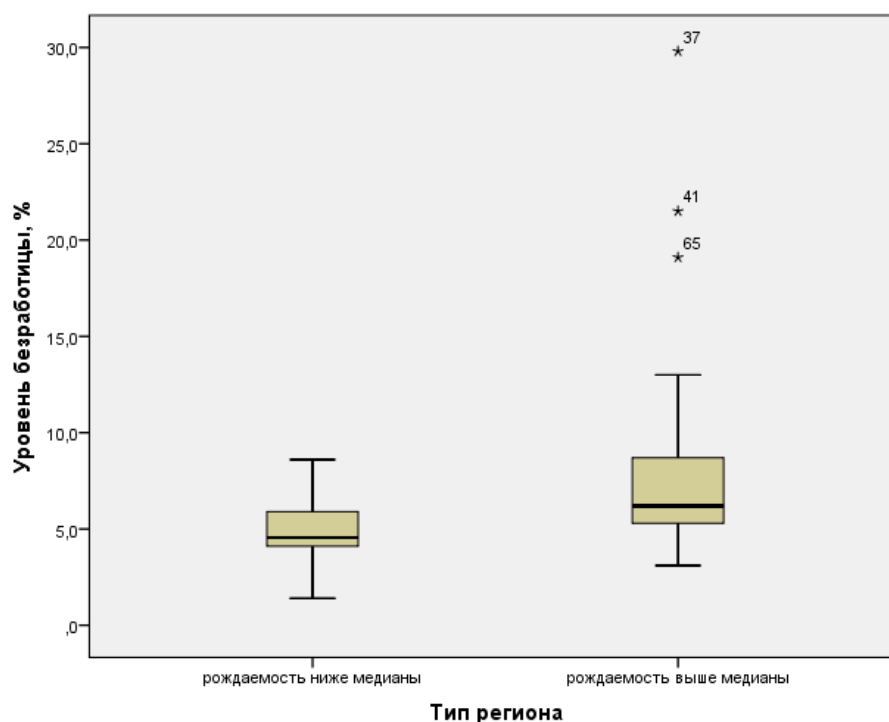

Рис. Ящичковая диаграмма для переменной «Уровень безработицы» по группам наблюдений «Тип региона»

Таким образом, с помощью различных статистических процедур нами получен одинаковый результат, свидетельствующий о прямой связи между уровнями рождаемости и безработицы в регионах России. На наш взгляд, эта связь может объясняться следующими обстоятельствами:

1. Женщины при рождении ребенка меняют профессиональный труд на родительский, в связи с чем появляются дополнительные рабочие места. Численность безработных при этом может сокращаться;

2. Высокий уровень безработицы может высвобождать время на реализацию родительского труда. Безработные, находящиеся в фертильном возрасте, могут рассматривать свою незанятость в профессиональной сфере как возможность заняться родительским трудом. Невысокая стоимость затрат времени на рождение и воспитание детей при этом является дополнительным стимулом активизации себя в сфере родительского труда.

Отметим, что поиск причин обнаруженной в ходе нашего анализа взаимосвязи – предмет дальнейших исследований. Кроме того, интересным представляется изучение

факторов безработицы и мотивации родительского труда в каждом из типов регионов. Результаты таких исследований могут помочь в разработке системы стимулирования родительского труда, специфичной для того или иного типа субъектов РФ.

© Багирова А.П., Климова Н.В. Текст. 2016

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – 2015. С. 50-52, 154-155, 160-161, 200-201. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/region/reg-pok15.pdf (дата обращения 01.05.2016 г.).

Информация об авторах

1. Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

2. Климова Наталья Витальевна (Россия, Екатеринбург) – магистрант 1 курса Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б; e-mail: Natalia-Klimova94@yandex.ru).

Bagirova A.P., Klimova N.V.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE REALIZATION OF LABOR AND REPRODUCTIVE POTENTIAL OF THE POPULATION: INTER-REGION ANALYSIS

The article reveals the relationship between the unemployment rate and fertility rate, which are considered as indicators of the implementation of the labor and reproductive potential of the population of Russian regions. In this work apply the methods of correlation and regression analysis, comparison of mean values.

Keywords: the unemployment rate, total fertility rate, parental labor, regression analysis, correlation analysis.

Information about the authors

1. Bagirova Anna Petrovna (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for science and innovations of the Institute of public administration and entrepreneurship. The Ural Federal University (Russia, 620014, Yekaterinburg, 13-B, Lenina st.; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

2. Klimova Natalia Vitalievna (Russia, Yekaterinburg) –undergraduate student of master degree at the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of Ural Federal University. The Ural Federal University (Russia, 620014, Yekaterinburg, 13B, Lenina st.; e-mail: Natalia-Klimova94@yandex.ru)

СТРУКТУРА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА ДОШКОЛЬНОЙ И ШКОЛЬНОЙ СТАДИЯХ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Методика предполагает оценку результата родительского труда по группам показателей и расчет интегрального показателя по стадии родительского труда. В статье представлены результаты практического применения методики оценки результатов родительского труда на дошкольной и школьной стадиях.

Ключевые слова: результаты родительского труда, интегральная оценка, дошкольная стадия, школьная стадия, оценка по группам показателей

Семья играет большую роль в формировании личности и относится к наиболее значимой ценности. В свою очередь, типы и ценностные ориентации семьи, ее роль в процессе воспитания детей становится сегодня предметом исследования не только отдельных ученых, но и целых научных направлений [2, 4, 6]. Все более значимым становится именно развитие, а не просто рождение, ребенка, то есть повышение качества человеческого капитала детей, что является важнейшим результатом родительского труда.

На наш взгляд, учет результатов родительского труда с последующей той или иной формой компенсации затрат, связанных с их формированием, может содействовать стимулированию рождаемости, ответственного родительства, повышению качества будущего человеческого капитала. Нами были разработаны методические принципы и система показателей оценки результатов родительского труда [1, с. 2-12]. Согласно этим принципам, учет и оценку результатов родительского труда целесообразно осуществлять в разрезе его семи стадий (перинатальная, младенческая, дошкольная, ранняя школьная, школьная подростковая, стадия профессиональной подготовки, инкорпоративная стадия [3, с. 70]). При этом для оценки необходимо использовать характеризующие результаты родительского труда медицинские и социальные группы показателей, которые содержатся в различных источниках информации. Для каждой стадии разработана шкала возможных значений показателей по группам и формула для вычисления интегрального показателя результата родительского труда.

Для апробации методики оценки результатов родительского труда методом анкетного опроса нами было проведено эмпирическое исследование двух категорий населения: родители дошкольников и выпускники школ. Отметим, что в проведенном нами исследовании расчеты произведены на основании самооценки респондентов, тогда как разработанная методика оценки результатов родительского труда предусматривает проведение оценочных процедур на основании данных, содержащихся в формализованных источниках информации о результатах родительского труда, третьими лицами, а именно – специалистами медицинских или образовательных организаций, выступающих администраторами перечня показателей стадии. Анкетирование проводилось с 01.06.2015 г. по 01.12.2015 г. Формирование выборочной совокупности осуществлялось посредством многоступенчатого отбора. Из списка дошкольных образовательных учреждений города Екатеринбурга случайным образом были отобраны три детских сада. На втором этапе была организована серийно-гнездовая выборка и проведен сплошной опрос родителей воспитанников дошкольных образовательных учреждений 2008-2010 гг. рождения, посещавших старшую или подготовительную группу. Таким образом, для анализа результатов родительского труда на дошкольной стадии были опрошены 216 родителей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ» № 16-32-00020)

Аналогичным образом, в два этапа, была сформирована выборка выпускников школ. На первой ступени был составлен полный список вузов города Екатеринбурга, из которого случайным образом были отобраны три вуза. После этого были составлены списки всех групп очной формы обучения, сформированных в 2015 году, из которого случайным образом были отобраны двенадцать групп. На втором этапе была организована серийно-гнездовая выборка и проведен сплошной опрос студентов-первокурсников 1996-1998 гг. рождения, которые обучались в этих группах. Таким образом, для анализа результатов родительского труда на школьной стадии были опрошены 206 выпускников школ.

На основании ответов по разработанной методике были рассчитаны интегральный показатель результата родительского труда на дошкольной ($B_{PLR\ 3}$) и школьной ($B_{PLR\ 5}$) стадиях. Максимальное значение, которое может принимать интегральный показатель результата родительского труда на каждой стадии, равно 12. Совокупность балльных значений на дошкольной и школьной стадиях однородна, коэффициенты вариации – 21,7% и 17,8%. В результате нашего анализа оказалось, что средний балл по совокупности опрошенных родителей дошкольников составил 6,7 при медианном значении 6,9, а по совокупности опрошенных выпускников школ – 7,1 при медианном значении 7,2. Распределение опрошенных по итогам интегральной оценки результата родительского труда на дошкольной и школьной стадиях приведено на рисунке 1.

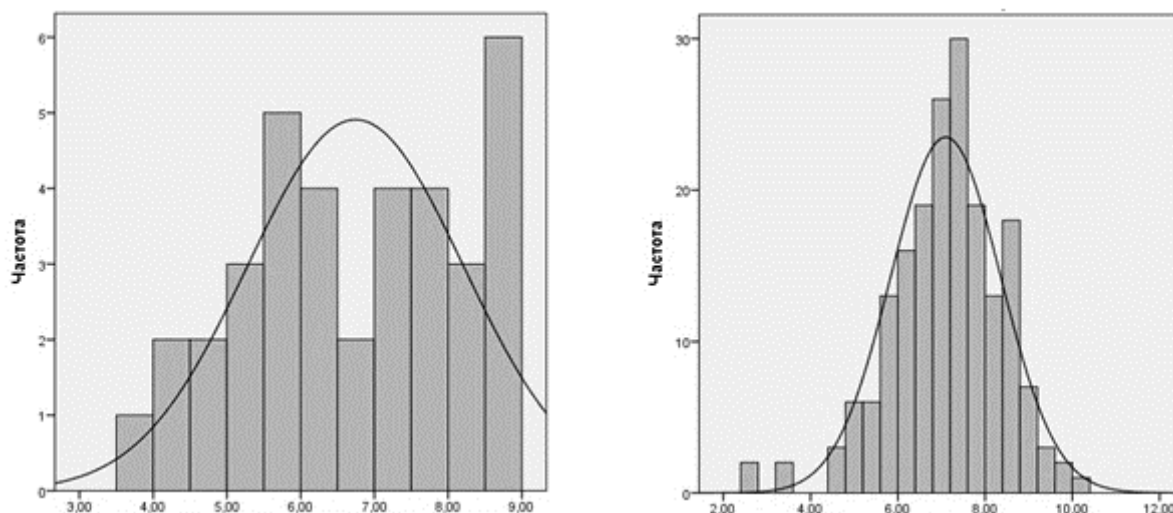

Рис. 1. Частота распределения опрошенных по интегральной оценке результата родительского труда на дошкольной и школьной стадиях

На значение интегрального показателя результата родительского труда оказывают влияние четыре группы показателей: физическое здоровье, психическое здоровье, социальная практика и образовательные показатели. Методикой расчета предусмотрено, что каждая из вышеуказанных групп показателей оказывает одинаковое влияние на интегральный показатель. Однако по результатам исследования влияние групповых показателей на интегральный показатель оказалось различным. Статистические характеристики, подтверждающие данные выводы, представлены в таблицах 1, 2.

Статистические характеристики распределения групповых оценок результата родительского труда на дошкольной стадии достаточно однородны: у каждой группы показателей мода, медиана и среднее значение практически равны. Ни по одной из групп показателей максимальное значение не равно максимальному значению, предусмотренному методикой. В результате максимальное значение интегральной оценки результата родительского труда на дошкольной стадии на 3,1 балла меньше максимального значения, предусмотренного методикой.

Таблица 1

Статистические характеристики распределения интегральной и групповых оценок результата родительского труда на дошкольной стадии

Характеристики	Интегральная оценка результата родительского труда, B_{PLR3}	Оценки результата родительского труда по группам показателей:			
		Физическое здоровье, b_{FH3}	Психическое здоровье, b_{MH3}	Образовательные показатели, b_{E3}	Социальная практика, b_{SR3}
Минимальное значение	4,0	0,6	1,2	0,3	0,7
Максимальное значение	8,9	2,2	2,8	2,4	2,8
Модальное значение	6,6	1,4	2,3	1,4	2,3
Медианное значение	6,9	1,3	2,3	1,6	2,0
Среднее значение	6,7	1,3	2,2	1,4	1,8
Коэффициент вариации, %	21,7	28,3	19,3	39,9	35,8
Нижний квартиль	5,7	1,0	1,9	0,9	1,1
Верхний квартиль	8,0	1,6	2,6	1,9	2,3

Группа показателей психического здоровья характеризуется наибольшими медианой, модой, средним значением, нижним и верхним квартилями при однородности совокупности значений (коэффициент вариации менее 30%). У данного группового показателя по итогу оценки ответов большинства опрошенных родителей (66,7 %) значение составило от 2 до 3. По сравнению с этим, по группе показателей социальной практики значение от 2 до 3 наблюдается по результатам ответов только 50% опрошенных родителей.

Группа показателей физического здоровья, в свою очередь, характеризуется наименьшими медианой, средним значением, верхним квартилем при однородности совокупности значений (коэффициент вариации менее 30%). При этом минимальное значение группы показателей физического здоровья не является наименьшим и превышает минимальное значение группы образовательных показателей.

Совокупность значений групп показателей образования и социальной практики чуть менее однородна, коэффициент вариации составляет от 30 до 40%. За исключением коэффициента вариации статистические характеристики группы показателей образования колеблются около тех же значений группы физического здоровья. Схожая ситуация наблюдается между характеристиками групп социальной практики и психического здоровья. При различном коэффициенте вариации эти группы показателей характеризуются одинаковым максимальным и модальным значением.

Таблица 2

Статистические характеристики распределения интегральной и групповых оценок результата родительского труда на школьной стадии

Характеристики	Интегральная оценка результата родительского труда, V_{PLR5}	Оценки результата родительского труда по группам показателей:			
		Физическое здоровье, b_{FH5}	Психическое здоровье, b_{MH5}	Образовательные показатели, b_{E5}	Социальная практика, b_{SR5}
Минимальное значение	2,6	0,4	-0,9	0,2	0,6
Максимальное значение	10,2	2,2	3,0	2,8	3,0
Модальное значение	7,1	1,5	1,9	1,6	2,4
Медианное значение	7,2	1,5	2,0	1,7	2,2
Среднее значение	7,1	1,4	1,9	1,6	2,2
Коэффициент вариации, %	17,8	24,9	37,2	31,6	24,1
Нижний квартиль	6,4	1,2	1,5	1,2	1,8
Верхний квартиль	7,9	1,7	2,4	2,0	2,7

На школьной стадии группа показателей социальной практики характеризуется наибольшими медианой, модой, средним значением, нижним и верхним квартилями при однородности совокупности значений (коэффициент вариации менее 30%). Только у данного группового показателя для большинства опрошенных (66,1 % школьников) значение составило от 2 до 3.

Группа показателей физического здоровья, в свою очередь, характеризуется наименьшими медианой, модой, средним значением, нижним и верхним квартилями при однородности совокупности значений (коэффициент вариации менее 30%).

Совокупность значений групп показателей психического здоровья и образования чуть менее однородна, коэффициент вариации составляет от 30 до 40%. Верхний квартиль группы показателей психического здоровья больше 2; у достаточно высокого процента опрошенных (41,4% школьников) значение данного показателя составляет от 2 до 3.

Влияние различных групп показателей на интегральный показатель на дошкольной и школьной стадиях представлено на рисунке 2.

Рис. 2. Структура интегральной оценки результата родительского труда на дошкольной и школьной стадиях, %

Прикладной аспект применения методики оценки результатов родительского труда связан с возможностью выработки рекомендаций по улучшению результатов труда родителей при переходе от одной стадии родительского труда к другой. Полученные нами результаты позволяют подготовить системные рекомендации для организаций, занимающихся развитием, воспитанием и обучением детей, а также для родителей.

В целом по результатам анализа школьная стадия характеризуется наиболее высокими показателями интегральной оценки результата родительского труда. Первый и второй квартили распределения для школьной стадии родительского труда выше, чем для дошкольной, что свидетельствует о том, что для половины опрошенных школьников с наименьшим баллом его значение выше, чем для аналогичной группы дошкольников. Максимальное возможное значение балла за результат родительского труда на школьной стадии тоже выше и превышает 10 баллов, тогда как на дошкольной стадии максимальное значение не превышает 9 баллов.

Более высокое значение интегрального показателя оценки результата родительского труда достигается за счет более высоких значений по группам показателей социальной практики, образования и физического здоровья. Согласно полученным данным, доля школьников, положительно оценивающих состояние своего физического здоровья, на 12,1 процентных пункта выше, чем доля родителей дошкольников (87,1 и 75 % соответственно). Результаты исследования показали, что доля болеющих школьников на 10-15% ниже, чем доля дошкольников, выпускники школ чаще посещают санаторно-курортные учреждения, лучше сдают физкультурные нормативы, регулярнее посещают спортивные секции и физкультурные праздники, чаще побеждали в спортивных соревнованиях. Таким образом, родителям дошкольников для получения тех результатов родительского труда, которые показывают сегодняшние выпускники школ, следует перераспределить свои усилия именно в пользу этих показателей. По остальным показателям группы физического здоровья обе категории опрошенных демонстрируют сопоставимые невысокие результаты. Зарядкой и закаливанием совсем не занимаются 69,4% дошкольников и 76,3% школьников, еще более высокий процент опрошенных (86,1% дошкольников и 84,9% школьников) не посещают медицинских специалистов в целях профилактики заболеваний. Отметим, что состояние здоровья другой категории детей – опекаемых и усыновленных – находится под регулярным контролем со стороны органов опеки и попечительства [5]. В частности, дети периодически проходят профилактические осмотры ряда профильных медицинских специалистов. Помимо профилактики заболеваний, родителям выпускников дошкольных учреждений и школ следует уделять больше внимания спортивным достижениям своих детей: по данным нашего исследования, 63,9% дошкольников и 56,5% выпускников школ ни разу не

побеждали в спортивных соревнованиях, при этом соответственно 87% и 61,8% детей ни разу не принимали участия в спортивных соревнованиях.

Среди образовательных показателей результата родительского труда на дошкольной и школьной стадиях сопоставимыми являются уровень освоения образовательных программ и посещение секций художественно-эстетической направленности или по развитию речи. Только 25% родителей считают, что их дети освоили программы подготовки к школе на «хорошо» или «отлично», тогда как школьники демонстрируют аналогичный уровень освоения программ основного общего образования в 88,2% случаев, а программ среднего общего образования – в 81,2% случаев. Отметим, что среди опрошенных выпускников 23,1% окончили школу только на отличные оценки либо с одной оценкой «хорошо» – сопоставимо с количеством дошкольников, которые, по мнению родителей, готовы к школе. Что касается развития творческого начала, то больший, нежели выпускники школ, процент дошкольников совсем не посещает секции художественно-эстетической направленности или по развитию речи (72,2 и 65,6 % соответственно). Таким образом, родителям нынешних дошкольников для дальнейшего повышения результатов своего труда необходимо больше времени уделить подготовке к школе, а также развитию творческого потенциала детей.

Удельный вес группы показателей социальной практики на школьной стадии занимает первое место и в наибольшей степени влияет на интегральный показатель. Согласно полученным данным, в числе испытывающих трудности при выстраивании общения с взрослыми и сверстниками дошкольников в разы больше (41,7%) по сравнению со школьниками (2,7%). Родителям дошкольников следует больше времени посвятить развитию их социально-коммуникативных навыков. Показатели участия детей в трудовой деятельности на обеих стадиях сопоставимы и имеют существенный потенциал роста. Среди опрошенных 58,3% дошкольников охотно и по собственной инициативе участвуют в трудовой деятельности на бытовом уровне (уборка, сервировка стола, мытье посуды, садово-дачные работы, уход за животными), сопоставимое количество школьников (51,1%) уже имеют опыт работы.

На обеих исследуемых стадиях наблюдаются значимые положительные корреляции между группой показателей образования и социальной практики, а также между групповыми показателями физического и психического здоровья. При этом на дошкольной стадии связь между группами показателей более сильная. Следовательно, родительский труд на ранней школьной стадии, направленный на улучшение указанных выше показателей физического здоровья и образования, будет способствовать улучшению по всем группам показателей.

Результаты исследования показали, что статистические показатели группы параметров, связанных с психическим здоровьем, от стадии к стадии ухудшаются. Родители 13,9% дошкольников отмечают у них неустойчивое эмоциональное состояние: процент школьников, которые характеризуют себя аналогичным образом, в разы выше – 46,2%.

Высокий процент выпускников школ признался в том, что время от времени совершают правонарушения, за которые могут привлечь к ответственности (22 %). При этом среди опрошенных только 3,8% школьников указали, что пребывали на учете по делам несовершеннолетних.

Также от стадии к стадии наблюдается рост процента опрошенных, имеющих вредные привычки: 13,9% – на дошкольной стадии, 29,6% – на школьной.

Следовательно, родителям и дошкольников, и школьников следует больше внимания уделять развитию психической устойчивости, самоконтроля, самостоятельности детей, выработке у них умения противостоять влиянию негативных факторов молодежной среды. Фиксация результатов родительского труда на его конкретной стадии администратором перечня показателей в специальном источнике информации позволит родителям не только иметь доступ к этой информации, но и получать индивидуальные

рекомендации по корректировке содержания и характера реализуемого ими родительского труда.

© Быкова Д.Г. Текст. 2016

Список источников

1. Багирова А.П., Быкова Д.Г. Оценка результатов родительского труда: методические принципы и система показателей // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 27. – С. 2-12.
2. Говорухин Г.Э. Семья как ценность и семейные ценности в российском обществе (социологическое исследование семейных ценностей студентов КНАГТУ) / Говорухин Г.Э., Андросова И.С. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – Т. 2. – № 3 (23). – С. 71-81.
3. Илышев А.М., Багирова А.П. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. – М.: Финансы и статистика, 2010. – 304 с.
4. Лазарева М.С. Ценностные ориентации многодетной семьи в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2015. – № 7. – С. 359-362.
5. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан: Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 (ред. от 10.09.2015) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
6. Рашитова Л.К. Монородительская семья как особый тип семьи // Электронный научный журнал. – 2015. – № 2 (2). – С. 523-526.

Информация об авторе

Быкова Дарья Георгиевна (Россия, Екатеринбург) – помощник депутата, Екатеринбургская городская Дума (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 24а; e-mail: bykovadarya91@gmail.com)

Bykova D.G.

STRUCTURE OF THE INTEGRAL PARENTAL LABOR RESULTS' ASSESSMENT AT PRE-SCHOOL AND SCHOOL STAGES: RESEARCH EXPERIENCE

Methods for parental labor results' assessment include integral and group index. The paper presents the results of practical application of methods for assessing parental labor results at pre-school and school stages.

Keywords: parental labor, integral assessment, pre-school stage, school stage, group index

Information about the author

Bykova Daria Georgievna (Russia, Yekaterinburg) – assistant of local councilor, Yekaterinburg city Duma (Russia, 620014, Yekaterinburg, Lenina ave., 407; e-mail: bykovadarya91@gmail.com)

УДК: 314.172/60.5

А. И. Ворошилова

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ПО СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВУ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ОСОБЕННОСТИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Статья посвящена анализу сообществ по семье и родительству в самой крупной социальной сети в России и СНГ «ВКонтакте». Данная сеть рассматривается в качестве одной из детерминант репродуктивного поведения молодежи.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-сообщества социальных сетей, контент-анализ.

За последние 10 лет численность пользователей сети Интернет возросла в России в 10 раз. По данным ВЦИОМ, на сегодняшний день 70 % граждан в возрасте от 18 лет ежедневно пользуются интернетом [5]. Аналитические ресурсы сети Интернет фиксируют 84 млн уникальных пользователей на территории России. Проникновение Интернета в среду молодых россиян (16-29 лет) достигло предельных значений еще в 2014-2015 годах, по данным интернет-статистики, составляет сейчас 97 % [2].

Помимо этого, за последний год более чем в два раза (до 37,2 %) выросла доля россиян, пользующихся Интернетом со смартфонов. Это говорит о том, что более трети населения имеют непрерывный доступ в сеть в течение дня. Социальные сети охватывают 80 % дневной аудитории пользователей Интернета. Ежедневно в среднем пользователи тратят на онлайн-общение 40-60% времени [3]. В 2015 году самая крупная социальная сеть России и СНГ «ВКонтакте» оставила позади все крупнейшие российские телеканалы по охвату аудитории в день и месяц.

Совокупность вышеперечисленных характеристик (охват аудитории, частота использования, количество времени, проводимого в социальных сетях) делает социальные сети мощным инструментом информационной политики. Информация, подаваемая через столь мощный канал воздействия на молодежную аудиторию, несомненно, оказывает влияние на восприятие определенных социальных фактов, смыслов и образов. Тотальное проникновение социальных сетей как способа общения накладывает отпечаток и на ежедневные социальные практики. Исследователи отмечают, что социальные сети играют сегодня все более значимую роль в социализации и самовыражении молодежи [1, 6, 7], становясь ведущим и авторитетным информационным каналом, доводящим порой кого-то до крайних форм интернет-зависимости. В этой связи информационный контент социальных сетей, а также характеристики транслируемых в сети образов представляют собой несомненный интерес для анализа с точки зрения прогнозирования отношения в обществе к тому или иному вопросу. Влияние социальных сетей на аудиторию, в особенности молодежную, выступает значимой детерминантой социально одобряемых моделей поведения. С учетом неоднозначных прогнозов развития демографической ситуации в России [4] особенно актуальным становится исследование социальных сетей как детерминант моделей репродуктивного поведения. Изучение социальных сетей на предмет представленности в них темы семьи и родительства позволит определить основные тренды в формировании моделей репродуктивного поведения.

При анализе контента социальных сетей следует учитывать особенности способа подачи информации. В отличие от традиционных СМИ, в социальной сети контент поступает непрерывно, почти круглосуточно, небольшими дозами, тематически разрозненно, образуя некое «лоскутное одеяло» из смыслов и образов. Это разрывает цельность информационной картины, усиливает компоненту бессознательного в восприятии сообщений, затрудняя его рациональное осмысление.

Согласно интернет-статистике [2], половину времени в социальных сетях пользователи проводят за просмотром новостной ленты, которая формируется сообществами сети. Отметим, что под категорией «сообщества» в нашем исследовании понимаются виртуальные страницы социальной сети, объединяющие людей по интересам и представляющие собой площадку для обмена информацией. Новостная лента – это непрерывный новостной информационный поток сообщества, особенность которого заключается в отображении сообщений ленты у всех участников сообщества. Пост (от

итал. *posto*, прич. прош. вр. от *porre* «помещать», ср.: народнолат. *positum* – «помещённый») – это обособленная информационная единица сообщения в новостной ленте сообщества, содержащая законченную мысль.

Исследование было проведено в несколько этапов.

1. В качестве поля для контент-анализа образа родительства была выбрана уже упомянутая выше социальная сеть «ВКонтакте». Это было сделано на основании ряда характеристик: 1) «ВКонтакте» – наиболее крупная по количеству пользователей среди социальных сетей на территории России и СНГ, ежемесячная аудитория составляет порядка 47 млн чел. и охватывает 88 % пользователей Интернета; 2) данная сеть имеет наибольшую долю молодежи в своей структуре – 53 % пользователей в возрасте до 34 лет; 3) «ВКонтакте» является наиболее динамично развивающейся социальной сетью на территории России по совокупности показателей интернет-статистики (количество пользователей, охват аудитории, количество посещений) [2].

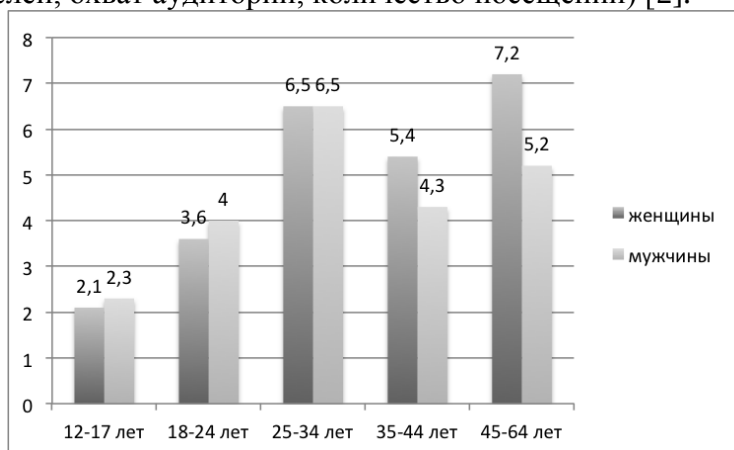

Рис. 1. Половозрастная структура социальной сети «ВКонтакте» ([2]; декабрь 2015, Россия (все города и населенные пункты, 12–64 лет), MAU, млн человек)

2. В структуре выбранной социальной сети были выделены сообщества, связанные с семьей и родительством, найденные по следующим ключевым словам: «семья», «родители», «мама», «мать», «ребенок», «папа», «отец». По результатам отбора было получено следующее распределение (табл. 1).

Следует сразу отметить погрешности количественного способа оценки. Так, обманчиво большое количество сообществ, содержащих в названии слово «папа», на самом деле особого отношения к семье не имеют, просто являются излюбленной темой для метафор и вариаций на тему «папина дочка», вульгарного выражения «папик» и проч. и по содержанию являются «цитатниками». Аналогичная ситуация с запросом по слову «мать» – это слово в сети приобрело несколько скабрёзный оттенок и соответствующее направление тематических сообществ. Слово «отец», напротив, приобрело религиозное значение и большая часть сообществ по этому запросу посвящена тематике духовной культуры. Особенности смыслового содержания сообществ были учтены при анализе, и все не относящиеся к теме семьи и родительства сообщества были исключены из выборки.

Таблица 1

Распределение количества и размера сообществ по ключевым словам поиска

№ п/п	Ключевое слово	Количество сообществ, шт.	Число подписчиков в самом крупном сообществе каждой из категорий, чел.
1	Мама	83 061	2 063 619
2	Семья	79 546	939 610
3	Папа	21 655	328 217
4	Родители	20 474	1 318 795
5	Мать	14 132	15 151
6	Ребенок	12 192	133 078
7	Отец	4 633	13 315

По запросу «Семья» среди сообществ «ВКонтакте» обнаруживается порядка 80 тыс. страниц, но ни одно из данных сообществ не набирает числа подписчиков хотя бы в 1 млн чел. Наиболее крупное сообщество насчитывает 856,8 тыс. подписчиков, остальные – значительно меньше. На запрос «родители» поиск отображает 18 840 страниц, однако здесь есть два наиболее крупных тематических сообщества с аудиторией в 1,2 млн чел. Наиболее успешные результаты поиска по запросу «мама» – 83 061 сообщества, 3-4 из которых имеют аудиторию, близкую к 2 млн чел. Однако даже в совокупности данные сообщества не могут составить конкуренцию по популярности развлекательным порталам. Для сравнения отметим, что самое крупное развлекательное сообщество социальной сети имеет аудиторию в 8,3 млн подписчиков.

3. Десять наиболее крупных сообществ, тематика которых максимально близка к семье и родительству, были найдены по запросу «мама». Среди них было отобрано наиболее крупное – с аудиторией 2 107 133 подписчиков. В нем серийно-гнездовой выборкой был отобран материал для анализа: генератором случайных чисел было выбрано 5 недель (10 % от 52 недель года), содержащих 1473 записи. В результате анализа было установлено, что наибольшей популярностью (по количеству отметок «мне нравится» и «рассказать друзьям») пользуются «статусы» – посты, содержащие эмоционально окрашенное (юмором, смыслом, игрой слов) короткое послание, обычно сопровождающееся изображением. Такие эмоционально окрашенные посты-статусы составили примерно половину всего контента сообщества.

4. Семантический анализ (SEO-анализ) текста статусов как чистой, максимально образной и воспринимаемой информации показал, что наиболее часто встречающиеся слова – это смысловая связка «ребенок» («дети») и «счастье». За ним идут повторения слов «веселье», «счастье», «быть», «жизнь», «любить», «муж». Слово «женщина» стоит на 8-м месте по частоте, «жена» на 11-м месте (после слова «бог»), а слово «мама» по частоте упоминания в тексте находится в тематическом паблике по материнству только на 15-м месте (см. рис. 2).

подчеркивается визуальными образами. Центральным объектом внимания становится ребенок, затем – муж, целью – счастье и благополучие близких. Не случайно данные ключевые компоненты выделены обилием указующих местоимений. Обилие эмоционального контента свидетельствует о формировании образа семьи прежде всего как духовного, ментального союза, а не только как совокупности хозяйственно-родственных связей. Вероятно, это связано с облегчением быта и высвобождением времени женщины на себя, эмоции и внимание к отношениям.

Интернет-коммуникации постепенно вытесняют традиционные средства массовой информации, становясь ведущим информационным каналом, в особенности для молодежи. Они сложнее поддаются контролю, стихийны, менее прогнозируемы и имеют большое количество разнонаправленных акторов, источников информации и векторов деятельности. Эти особенности необходимо учитывать при разработке и внедрении современных методов продвижения определенных ценностей в обществе, а также различных форм информационной политики.

© Ворошилова А.И. Текст. 2016

Список источников

1. Артишевская Т. М. Психологический портрет пользователя социальными сетями // Журнал «Знак»: проблемное поле медиаобразования. – Челябинск: ООО Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», 2012. – Т. 1. – № 9. – С. 6-9.
2. База данных интернет-статистики // Маркетинговый информационный сервис TNS Web Index [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tns-global.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Иванова Т.В. Интернет-зависимость как проблема современного общества // Журнал «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания». – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2014. – № 24. – С. 49-53.
4. Илышев А. М., Багирова А. П. Демографическая ситуация в России до 2025 года: вызовы времени и альтернативы развития // Национальные приоритеты и безопасность. – 2008. – № 6. – С. 7-19.
5. Новое о цифровой грамотности, или россияне осваиваются в сети // Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения, 15.04.2016. № 3084 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (дата обращения: 20.04.2016).
6. Овчинникова И. Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети твиттер) // Вестник Пермского университета. Серия: политология. – 2013. – № 2. – С. 143-156.
7. Ушкин С. Г. Отношения дружбы в виртуальных социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Социум и власть. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015. – № 6 (56). – С. 71-76.

Информация об авторе

Ворошилова Анжелика Игоревна (Россия, Екатеринбург) – ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

Voroshilova A. I.

THEMATIC COMMUNITIES ON FAMILY AND PARENTHOOD IN A SOCIAL NETWORK: FEATURES OF THE CONTENT ANALYSIS

The article is devoted to analysis of the communities on family and parenthood in the largest social network in Russia and CIS "Vkontakte". The network is considered as one of the determinants of reproductive behavior of young people.

Keywords: social network, an online community of social networks, content analysis.

Information about the author

Voroshilova Anzhelika Igorevna (Russia, Ekaterinburg) – Assistant of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration Management and Entrepreneurship of the Ural Federal University (Russia, 620002, Yekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

УДК 314.04

О.В. Гокова

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОНАТАЛИСТСКАЯ ПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На основе результатов трех эмпирических исследований, проведенных в РФ, Германии и Франции, в данной статье выявлены репродуктивные ориентиры современной молодежи данных стран. С опорой на опыт Германии и Франции разработан комплекс мер российской молодежной пронаталистской политики.

Ключевые слова: молодежная пронаталистская политика, репродуктивное поведение современной молодежи, семейные ценности, демографическая политика Германии, Франции и России, «work-life balance».

Россия, несмотря на улучшение демографической ситуации в последние годы, все еще находится в демографическом кризисе, который, по мнению многих исследователей, может усилиться в перспективе. Современная демографическая политика российского государства сводится в основном только к мерам экономического характера, не устраняя основную причину демографического кризиса, и может иметь лишь частичный и временный характер. В настоящее время меры, направленные на стимулирование рождаемости, реализуются российскими органами власти на фоне недостаточного исследования и понимания факторов, оказывающих влияние на развитие репродуктивной активности населения, отсутствия региональной дифференциации этих мер, понимания их связей с региональной социально-экономической политикой, реализации усредненного подхода к стимулированию рождаемости для разных групп населения [1, с. 137-138]. Это требует систематизации и учета всех условий обеспечения должного качества жизни населения и разработки отдельного демографического направления – пронаталистской политики, формирование которой должно начинаться с регионального уровня для последовательного решения демографического кризиса в масштабах страны.

Демографическая, и особенно пронаталистская, политика, безусловно, должна учитывать специфику различных социально-демографических групп населения, иначе она просто будет иметь крайне низкую эффективность. Отдельное внимание следует уделять молодежи как основному субъекту пронаталистской политики и потребителю государственных услуг в демографической сфере. Молодежь является главным ресурсом

для воспроизводства населения – естественного, миграционного и социального, и с демографической точки зрения несет основную нагрузку, связанную с репродуктивным поведением, а именно: создание семьи, рождение и воспитание детей. На данную социальную группу наибольшее влияние оказывают как экономические факторы (недостаточная материальная обеспеченность, отсутствие жилья и необходимость в помощи родителей), так и нравственно-духовные (уязвимость перед негативными тенденциями современности, нивелирование семейных ценностей, ценности труда, усиливающееся потребительское отношение к миру) [3, с. 562-563]. Отсюда, с одной стороны, молодежь – это социально менее защищенная группа, нуждающаяся в государственной поддержке, а с другой – это поколение, от которого зависит демографическое будущее страны. И конечно, особый статус молодежи необходимо учитывать при определении адекватной пронаталистской политики, способной решить или смягчить имеющиеся проблемы.

Стоит отметить, что Россия не единственное государство, в котором проявляются депопуляционные тенденции. Почти все развитые европейские страны находятся сейчас на стадии «второго демографического перехода», характеризующегося более высоким уровнем благосостояния населения, высокой степенью вовлеченности женщин в общественное производство, возрастанием их социальной роли, повышением ценности высшего профессионального образования и, как следствие, снижением рождаемости, трансформацией социальных установок в отношении семейного поведения [4].

С учетом этого возникает необходимость в сравнительном исследовании факторов, влияющих на изменение репродуктивного поведения молодежи разных стран, на отношение молодежи к институту брака, внебрачной рождаемости и к мерам демографической (пронаталистской) политики. В качестве сравниваемых стран нами были выбраны Россия, Германия и Франция как государства со сходными концептуальными взглядами на вопросы управления демографическими процессами: Россия и Германия имеют общие тенденции демографического развития, Франция является государством, осуществляющим с конца XIX века активную пронаталистскую политику. Основной научной идеей данного исследования является авторский подход к формированию механизма проведения молодежной пронаталистской политики в регионах России с учетом опыта развитых европейских стран (Германия, Франция) и различных региональных факторов, оказывающих влияние на репродуктивное поведение молодых людей. Исследование носит комплексный характер и включило в себя два направления, позволившие уделить внимание обозначенным проблемам и сделать релевантные предложения по разработке мероприятий пронаталистской политики в молодежной среде.

Первая исследовательская задача была определена необходимостью выявления и систематизации факторов, оказывающих влияние на репродуктивное поведение современной молодежи из типичных регионов Франции, Германии и России. Для этого в июле-октябре 2015 года в отдельных регионах РФ, Франции и Германии было проведено три исследования репродуктивных установок и отношения молодежи в возрасте от 20 до 35 лет к институту брака. В качестве российских территорий были взяты Омская и Новосибирская области, Хабаровский край как типичные регионы с точки зрения общих тенденций демографического развития, численности и состава населения, количественных и качественных характеристик молодежи (в частности, доля молодежи в данных регионах составляет не менее 30 % от общей численности населения). Во Франции и Германии исследование также проведено именно в тех трех регионах, которые отражают наиболее общие тенденции демографического поведения современной французской и немецкой молодежи, и ее доля в данных регионах также составляет более 30 % от общей численности населения: во Франции – Иль-де-Франс, Лангедок-Руссильон, Рона-Альпы; в Германии – Берлин, Рейнланд-Пфальц и Баден-Вюртемберг. Общее количество респондентов составило 1136 человек, из них 616 молодых людей опрошено в России, 286

человек – во Франции и 234 респондента – в Германии. Средний возраст респондентов составил 26 лет.

Результаты нашего исследования показали, что из числа опрошенных российских респондентов в браке состоят 38 % молодых людей, во Франции – 33 %, в Германии – 29 %. При этом следует отметить, что 41 % респондентов из Франции, 38 % – из Германии и 21 % молодых людей из России состоят в неофициальном браке.

Интересные данные были получены о восприятии молодежью разных стран содержания категории «семья». Так, 97 % российских респондентов ассоциируют семью с супружеской парой (мужчина и женщина), совместно проживающей и имеющей детей. Во Франции 71 % респондентов считают семьей супружескую пару, проживающую в незарегистрированном или гостевом браке с детьми, при этом 18 % французов указали, что семья, по их мнению, это совместное проживание со своими детьми двух женщин или двух мужчин, состоящих в зарегистрированном браке. Для 68 % опрошенных молодых людей в Германии семья означает совместное проживание трех поколений семьи – бабушек и дедушек, родителей и детей, но около 20 % немецкой молодежи считают, что семья – это супружеская пара без детей. Любопытно, что 8 % респондентов во Франции и 12 % – в Германии воспринимают семью как двух женщин или двух мужчин без детей, проживающих в зарегистрированном браке. Российская молодежь такую модель семьи пока не видит.

На вопрос «Сколько всего детей Вы планируете иметь?» 11 % респондентов (125 человек) ответили, что вообще не хотят иметь детей в будущем. Из них 66 % опрошенных (83 чел.) проживают в Германии, 21 % (26 чел.) – во Франции и 13 % (16 чел.) – в России. Германия демонстрирует очень низкий уровень рождаемости, что подтверждается не только эмпирическими данными этого исследования, но и данными Федерального статистического управления: суммарный коэффициент рождаемости в ФРГ в 2014 году составил 1,47 рождения на одну женщину. Франция и Германия также показывают сравнительно поздний и повышающийся возраст начала деторождения – 30-33 года. В России этот возраст ниже, но принятие решений о создании семьи и рождении ребенка начиная с конца 1980-х годов все больше откладывается.

Респонденты честно отмечают проблемы, которые способствуют снижению возраста появления детей в молодежных семьях. Так, подавляющее большинство респондентов из России в качестве двух основных причин откладывания рождения ребенка на более поздние сроки назвали «отсутствие собственного жилья» – 39 % (240 человек) и «неуверенность в завтрашнем дне» – 18 % (111 человек). Во Франции большинство молодежи указало, что «желание какое-то время пожить для себя» (34 %, или 97 человек) и «учеба» (17 %, или 49 человек) являются достаточными причинами для того, чтобы на какое-то время отложить рождение ребенка. «Стремление сделать карьеру» является основной причиной откладывания или вообще полного отказа от рождения детей у 37 % немецких молодых людей, 21 % респондентов Германии отметили «учебу» как еще одну причину, оказывающую, по их мнению, значительное сдерживающее влияние на процесс создания семьи и рождения детей. Кроме этого, 7 % немцев дали собственные ответы, указав на то, что для них значимыми причинами отложить рождение детей являются желание сохранять независимость, возможность путешествий и отсутствие стремления брать на себя ответственность за ребенка.

Стоит отметить, что уровень потребности в детях довольно сильно зависит от страны проживания респондентов. В России 51 % опрошенных считают идеальной семью с двумя детьми, тогда как во Франции только 34 % респондентов выбрали двухдетную модель рождаемости, а для 38 % французов «идеальной» стала трехдетная семья. В Германии 31 % опрошенных указали, что хотели бы иметь одного ребенка в семье, 27 % респондентов выбрали двухдетную семью в качестве «идеальной» и лишь 6 % немцев хотят иметь трех и более детей.

Развитие рынка труда и увеличение занятости женщин может быть более важным фактором, оказывающим влияние на рождаемость, чем специальные семейно-политические меры в этом отношении. Во Франции доход матери имеет гораздо большее влияние на планирование процесса деторождения, чем доход ее партнера. В Германии и России, наоборот, доход партнера имеет большее влияние на планирование второго и третьего ребенка [2; 5].

Таким образом, развитие рынка труда оказывает сильное влияние на формирование системы семейных ценностей современной молодежи в Германии, Франции и России, задавая необходимость достигать некоторого баланса между созданием семьи, рождением детей и стремлением сформировать себя в качестве профессионала. Возможность достижения такой жизненной гармонии должна быть обеспечена и поддержана государственными мероприятиями в рамках эффективной демографической (пронаталистской) политики.

На основе проведенных исследований и опыта реализации пронаталистской политики в Германии и во Франции нами был разработан комплекс мер российской молодежной пронаталистской политики для регионального уровня.

Во-первых, одной из самых важных, на наш взгляд, мер данной политики должно стать изменение условий предоставления декретных отпусков. Как показывают наши исследования, важнейшим фактором, влияющим на откладывание или вообще отказ от рождения детей, является нежелание большинства женщин (в том числе российских) надолго «выпадать» из социальной и профессиональной жизни в связи с рождением и воспитанием ребенка. Пребывание в декретном отпуске в течение двух-трех лет зачастую делает женщину неконкурентноспособной на рынке труда, так как она теряет профессиональные навыки. Многие российские женщины, полностью погружаясь в воспитание детей, не участвуют в социальной жизни – у них на это либо нет времени, либо психологического настроя. Развитие рынка труда и расширение возможностей занятости женщин может быть более важным фактором, оказывающим влияние на повышение рождаемости, чем специальные семейно-демографические меры в этом отношении. Политика, которая содержит мероприятия по обеспечению степени доступности трудовой деятельности для молодых женщин, сохранности за ними рабочих мест и достаточного уровня дохода, в большинстве случаев выступает предпосылкой для принятия женщинами решений завести первого или еще одного ребенка. Целью такой политики является интегрирование молодых матерей в профессиональную сферу. Длительные декретные отпуска и гендерно-сегрегационная политика дают женщинам сигнал о том, что совмещение работы с материнством, возвращение на рынок труда после декретного отпуска и сохранение прежнего уровня жизни могут быть довольно трудными. Это и приводит к снижению рождаемости. Более широкое обеспечение системой детских учреждений, высокий уровень денежных декретных пособий, возможность предоставления гибкого декретного отпуска, а также политика, ориентированная на половое равенство, может уменьшить беспокойство молодых женщин по поводу невозможности совмещения карьеры и ухода за ребенком, что может послужить более легкому принятию решения по поводу планирования деторождения.

Наши предложения заключаются в предоставлении нескольких вариантов системы декретных отпусков и пособий в зависимости от пожеланий родителей:

а) декретный отпуск продолжительностью четыре месяца с сохранением не только рабочего места, но и 100 % заработной платы. После этого молодая женщина может выйти на работу и воспользоваться услугами сертифицированной няни, принимающей детей либо у себя дома, либо приходящей на дом к родителям. Например, во Франции это представляет собой целую систему специально подготовленных воспитателей, которые принимают детей у себя дома: около 300 тысяч нянь, ухаживающих за более чем 1 миллионом детей, т.е. в среднем один воспитатель принимает троих детей. На сегодняшний день такие домашние ясли являются самой распространенной и доступной

формой ухода за малолетними детьми. В России зависимости от уровня бюджетной обеспеченности региона стоимость услуг няни может компенсироваться из регионального бюджета, либо при софинансировании расходов федеральным и региональным бюджетами, либо самими молодыми родителями исходя из их финансовых возможностей;

б) декретный отпуск, разделенный между обоими молодыми родителями: часть отпуска берет мама (3,5 месяца), затем она выходит на работу, а вторую часть отпуска берет папа (до 3,5 месяца) с сохранением рабочих мест и 100 % заработной платы. После использования отпуска родители могут либо выйти на работу и так же, как в первом варианте, воспользоваться услугами няни, либо отдать ребенка в ясли, либо продлить частично оплачиваемый декретный отпуск по уходу за ребенком (с сохранением рабочего места), который может длиться до достижения им 3 лет.

Во-вторых, действующая в России модель дошкольного образования, рассчитанная в основном на детей от 3 до 7 лет, должна быть дополнена вариативной системой ухода за детьми до 3 лет и поддержкой занятости молодых женщин. Фактически в системе образования должна быть выделена область социальных услуг по уходу и присмотру за детьми. Финансовым инструментом должно стать пособие по уходу за ребенком, которое должно выплачиваться в случае получения услуги по уходу в аккредитованных дошкольных учреждениях (яслях, детских садах) или у сертифицированных нянь. Для создания и развития данной системы может быть использована материальная и педагогическая база действующих дошкольных образовательных учреждений. Дополнительными финансовыми источниками для развития системы могут стать средства коммерческих предприятий, увеличенные акцизы на табак и алкоголь, налоги на игорный бизнес – и их целевое направление на финансирование мер семейной политики. Поскольку в России система яслей создается практически заново, требуется разработка Концепции развития системы услуг по уходу и присмотру за детьми до 3 лет как на федеральном, так и на региональных уровнях, учитывающая возможности открытия яслей при бизнес-структурах для своих молодых сотрудников, вовлечения частного бизнеса в процесс создания данной системы, расширения обмена опытом между специалистами разных стран в этой сфере.

В-третьих, еще одной мерой молодежной пронаталистской политики должно стать создание культуры «*work-lifebalance*» (поддержание баланса между работой и личной жизнью). Ориентирование молодежи на создание семьи по принципу совместимости труда, рождения и воспитания детей хорошо как для самих молодых семей, так и для общества в целом. Эта политика может включать в себя разнообразные варианты: многие молодые мамы хотели бы принимать более активное участие в профессиональном развитии, в то время как отцы могут больше времени проводить со своими детьми, получая при этом пособие на детей. Дети будут чаще видеть своих родителей в качестве равноправных воспитателей внутри семьи. Такое сочетание работы и личной жизни является одним из ключевых моментов современной молодежной пронаталистской политики. Кроме того, эта система может включать предоставление обоим родителям либо одному из родителей гибкого рабочего графика с неполным рабочим днем.

В-четвертых, создание поддерживающей среды, которая включает в себя большое количество приспособлений и ежедневных практик, облегчающих жизнь молодой семьи. Использование специальных детских сидений для велосипеда или карго-велосипедов с вместимостью до четырех детей дает возможность проводить много времени с детьми на улице и поддерживать физическую форму. Создание специальных детских комнат в крупных торговых, развлекательных и медицинских центрах, пандусов для колясок, стоянок для велосипедов – все это позволит молодым женщинам с детьми чувствовать себя полноценными членами общества и не испытывать каких-либо неудобств или ограничений в связи с рождением ребенка. В России необходимо через средства массовой информации транслировать идею о том, что рождение ребенка не должно повлиять на ограничение передвижений молодых родителей, на участие в общественной жизни

молодых мам. Многочисленные примеры во Франции, Германии, США, скандинавских странах свидетельствуют о том, что рождение детей практически никак не влияет на возможность участия молодых женщин в обычной повседневной жизни. В этих странах можно ходить с детьми в любые рестораны, на выставки, конференции, на лекции и общество воспринимает это как «само собой разумеющееся».

В-пятых, как показывают результаты социологических опросов, основной проблемой для молодых семей в России является жилищный вопрос. В этом направлении целесообразно развивать систему льготного ипотечного кредитования молодых семей, включая понижение процентной кредитной ставки в зависимости от количества детей (чем больше детей – тем ниже процентная ставка). Льготное предоставление земельных участков для строительства жилья также способствовало бы решению жилищного вопроса молодых семей. Ряд российских экспертов в сфере демографической политики отмечают в качестве одного из вариантов возможного решения жилищного вопроса молодежи возмещение (как правило, частичное) оплаты арендного жилья. С появлением детей в молодых семьях компенсация данных расходов должна производиться в полном объеме (как правило, с рождением двух и более детей). Кроме того, можно предложить в качестве мер молодежной пронаталистской политики в сфере обеспечения доступности жилья для молодых семей строительство социального жилья, а также низкую стоимость кредитных ресурсов, привлекаемых для приобретения жилья.

Таким образом, важным условием эффективности мер российской молодежной пронаталистской политики является системное сочетание различных вариантов реализации социально-экономической политики в отношении семей с детьми: прямой государственной поддержки, налоговых преференций, развития необходимой инфраструктуры. Современная демографическая ситуация в РФ и необходимость поддержания достигнутых результатов требует выработки новых решений, использования лучших международных практик (в том числе опыта Франции и Германии).

© Гокова О.В. Текст. 2016

Список источников

1. Гокова О.В. Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 2. – С. 137-144.
2. Daten zum Demografischen Wandel in Deutschland: Bevölkerungsentwicklung und -struktur, Geburten, Lebenserwartung und Pflege // Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. – 2000. – URL: <http://www.bmfsfj.de/RedaktionBMFSFJ/Abteilung3/Pdf-Anlagen/daten-zum-demografischen-wandel-praesentation,property=pdf,bereich=bmfsfj,sprache=de,rwb=true.pdf>
3. Dorbritz J. Germany: Family diversity with low actual and desired fertility // Demographic Research. – 2008. – № 19. – P. 557-598. – URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol19/17/19-17.pdf>.
4. Thévenon O. Does Fertility Respond to Work and Family-life Reconciliation Policies in France? // Research Gate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/46479023_Does_fertility_respond_to_work_and_family_reconciliation_policies_in_France.
5. Thévenon O. Family Policies: France // PERFAR: Population Europe Resource Finder & Archive. – URL: <http://www.perfar.eu/policy/family-children/france>.

Информация об авторе

Гокова Ольга Владимировна (Россия, Омск) – аспирант, старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления территориями экономического

факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (644053, г. Омск, площадь Лицкевича, 1; e-mail: capri484@yandex.ru).

Gokova O.V.

YOUTH PRO-NATALIST POLICY: REGIONAL ASPECT

This article analyzes the results of three empirical studies conducted in Russia, Germany and France, which reveal value reproductive orientations of contemporary young people of these countries. Evaluation of experience of pro-natalist policy implementation in the regions of France and Germany we have developed a number of measures of the Russian youth pro-natalist policy.

Keywords: youth pro-natalist policy, reproductive behavior of today's youth, family values, demographic policy of Germany, France and Russia, «work-life balance».

Information about the author

Gokova Olga Wladimirowna (Russia, Omsk) – postgraduate student, the senior lecturer of the Department of regional economics and territory management, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky (Russia, 644053, Omsk, Litskevich Square, 1; e-mail: capri484@yandex.ru).

УДК/ББК 316.356.2/60.7

Т.Н. Грудина

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Статья посвящена анализу социально-демографического положения жителей нашей страны. Опираясь на данные социологического исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, и другие статистические данные, автор описывает демографические характеристики, социальное положение, жизненные ценности и установки населения регионов России

Ключевые слова: семейный образ жизни, потребности, материальное положение семьи, жизненные ценности, кризис семьи.

Социально-демографическое положение населения России, особенно в регионах, за последние несколько лет значительно изменилось. В условиях нестабильности в нашей стране отмечается ухудшение уровня жизни, которое во многом произошло за счет экономических реформ государства, игнорирующих интересы большинства населения [3, 4].

В сентябре-октябре 2014 года проведено межрегиональное социологическое исследование кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Научно-исследовательским центром Фондом Андрея Первозванного и Институтом социологии Российской академии наук. Целью опроса стало изучение социального положения, жизненных ценностей и установок, ориентаций на семью и семейный образ жизни среди населения регионов России.

Опрос проводился в общественных местах по месту работы и учебы, на разного рода собраниях людей и также на дому методом самозаполнения. В разработке оказалось 1330 женских и 831 мужских анкет (8 человек свой пол не указали).

Средний возраст опрошенной совокупности – 39,5 года, в том числе средний возраст женщин – 39,2 года, мужчин – 40,1. Для всего городского населения России данные показатели составили соответственно: 45,7; 43,2 и 47,7 года [9, с. 9].

41,2% опрошенных на момент исследования находились в возрасте 30-49 лет, значительную часть выборки составила молодежь в возрасте 16-29 лет, их доля – 31,8%. Среди респондентов 26,1% – это представители старшей группы (50 лет и старше). Это значительно меньше, чем по данным переписи (40,8%). Различие объясняется тем, что в состав выборочной совокупности вошло относительно немного лиц старше 70 лет (2,8% против 11,0% во всем городском населении РФ на 1 января 2014 г.), из-за чего и средний возраст опрошенных оказался заметно ниже, чем по всему городскому населению.

Одной из ключевых характеристик респондентов является уровень их образования. Доля лиц с высшим образованием в выборочной совокупности составляет 38,2%. Среднеспециальное образование имеют примерно 35% респондентов. Образование среднее и ниже – у 12,5% опрошенных. Лиц с образованием ниже полного среднего по всей выборке оказалось лишь два процента. Небольшой процент респондентов, не имеющих среднего общего образования, объясняется тем, что в выборке оказалось очень мало людей старше 70 лет, представляющих поколения, значительная часть которых не окончила среднюю школу.

Результаты опроса показали, что по семейному положению большинство респондентов женаты (либо замужем) – 59, 2% (по данным переписи – 56,6%), при этом четверть опрошенных – 26,7% – никогда не состояли в браке (по данным переписи – 21,0%). Доля разведенных составляет 7,1% (по переписи – 9,2%), разошедшихся без формального развода – 0,9% и 1,7% (таблица). Доля вдов и вдовцов по данным опроса (4,7%) оказалась меньше, чем по данным переписи (11,5%). Это объясняется тем, что в выборочной совокупности оказалось относительно немного очень старых людей, большую часть которых составляют овдовевшие.

Таблица

Распределение опрошенной совокупности по семейному положению

Семейное положение	Человек	%	Валидные %	Данные переписи 2010 г. по городскому населению РФ *
Женат / Замужем	1243	57,3	59,2	56,6
Холост / Незамужем	580	26,7	27,6	21,0
Разведен / Разведена	155	7,1	7,4	9,2
Разошелся / Разошлась	19	0,9	,9	1,7
Вдовец /Вдова	103	4,7	4,9	11,5
Всего ответов	2100	96,8	100,0	100,0
Нет ответов	69	3,2		
Итого	2169	100,0		

* Рассчитано по: Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года/Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – С. 31.

Может показаться, что данные характеристики выборочной совокупности, равно как и данные переписи о проценте разведенных, значительно отличаются от существующей в стране статистики ЗАГСов, когда на каждые два брака приходится один развод [6]. Однако данные ЗАГСов характеризуют риск развода в течение всей супружеской жизни. До того, как развестись, супруги длительное время живут вместе (средняя продолжительность расторгнутого брака составляет около 10 лет [8]) и учитываются при переписи как состоящие в браке. Процент разведенных, как по данным

переписи, так и по данным исследования, приводится по отношению ко всему населению старше 16 лет, включая никогда не состоявших в браке и овдовевших. Ни те, ни другие не могут развестись. Ни по данным переписи, ни по данным исследования в число разведенных не включаются люди, вновь вступившие в брак, даже если он не зарегистрирован, но они считают себя состоящими в т.н. «гражданском» браке. К сожалению, ни в анкете данного исследования, ни в переписном листе нет вопроса о том, является ли брак первым или повторным.

Среди опрошенных работают в настоящее время 63,6%, тогда как 33,8% респондентов не заняты в трудовой деятельности. Это лишь на 1,1% отличается от данных переписи 2010 г. по городскому населению РФ в возрасте 15-72 года. По социальному положению среди незанятых респондентов учащиеся составили 12,8%, пенсионеры – 10,3%, домохозяйки – 7,9%.

Доля респондентов, работающих в государственных учреждениях и частных компаниях, примерно одинакова – 32,7% и 33,1% соответственно. В основном как женщины, так и мужчины работают в бюджетных и небюджетных организациях (61% и 72,4% соответственно). Среди женщин относительное большинство работают в государственной организации – 33,5%. В негосударственной (частной) организации – 27,5%. Мужчины в основном работают в негосударственной, частной организации – 40,7%. В государственной организации работают 31,7%. Женщины чаще, чем мужчины, работают в муниципальных учреждениях (школы, детсады, социальная работа и др.). Стоит отметить, что представители старшей возрастной группы (50 лет и старше) активно вовлечены в трудовую деятельность, также как и молодежь до 29 лет (соответственно 54,3% и 49,3%). Среди респондентов в возрасте 30-49 лет подавляющее большинство в настоящее время – работающие (85,2%).

В рамках выборочной совокупности доля тех, кто живет от зарплаты до зарплаты, занимает деньги на самое необходимое, не так высока. Это говорит о том, что минимальные потребности сейчас могут себе позволить удовлетворить респонденты всех возрастов [7]. Среди тех, для кого покупка одежды представляет трудность, 14,4 % респондентов в возрасте 30-49 лет, тогда как молодежь в возрасте 18-29 лет составила здесь 10,7%. Независимо от возраста, покупка товаров длительного пользования (холодильник, плазменный телевизор, компьютер и т.п.) сподвигает большинство респондентов пользоваться кредитом, брать деньги в долг или искать дополнительный заработок.

На вопрос о материальном положении семьи и возможностях семейного дохода в удовлетворении возникающих потребностей мы наблюдаем среди категории людей, которые ни в чем себе не могут отказать, 15% молодежи (18 – 29 лет). Тогда как представители более старшей возрастной группы испытывают здесь затруднения.

С одной стороны, можно предположить, что в настоящее время молодежь во многом находится на попечении у родителей и родных, которые вкладывают значительную часть своего семейного бюджета в развитие подрастающего поколения. С другой стороны, стоит отметить нацеленность молодежи на построение карьеры, независимость, стремление к успеху и к полной и скорой самореализации. Желание иметь комфортные условия приводит к максимальной занятости, режиму «зарабатывания денег». Молодые люди ищут престижную работу с высоким уровнем оплаты труда, жертвуют своим свободным временем, в том числе общением с родными и близкими, отказываются от создания семьи, откладывают «на потом» рождение детей. Современные компании с высокой заработной платой одновременно предлагают различные развивающие услуги (спортивные абонементы, языковые курсы, заграничные стажировки и др.). Дом и семья в такой системе не находят себя, главное – высокая заработная плата. Таким образом, жизнь превращается в непрерывный процесс зарабатывания средств для «достойного» и комфортного существования, где человек-одиночка целиком и полностью реализовывает себя, ни в чем себе не отказывая (это включает и дорогостоящий отпуск,

различные путешествия, покупку машины, ипотечное приобретение жилья и прочее). «Современная система социального устройства не стимулирует семью и семейный образ жизни, а скорее ориентирована на холостяцкое существование. Рыночный капитализм требует, чтобы человек больше работал, больше прибыли приносил и меньше отвлекался на личную жизнь. Его главная цель – накопление капитала в отличие от докапиталистической экономики, целью которой было удовлетворение потребностей семей» [1].

Самооценка достатка семьи в настоящее время средняя. Треть респондентов относят себя к группе с низким уровнем дохода (28%), доля респондентов с высоким доходом в выборочной совокупности составила 3%.

По жилищным условиям мы наблюдаем преимущественно наличие в собственности у респондентов отдельной приватизированной квартиры – 53,1%. В собственном доме проживает треть опрошенных – 34,1%. Достаточно высокой является доля тех, кто не имеет постоянного жилья (снимают комнату, угол). Служебную, ведомственную квартиру имеют 1,7% респондентов, неприватизированную квартиру – 5,7% среди ответивших, 2,4% респондентов располагают резервным жильем. Живут в коммунальной квартире и в общежитии – 1,6% и 3,5% соответственно.

Среди респондентов самыми распространенными причинами для совершения поездок в зарубежные страны являются возможность посмотреть мир, достопримечательности, музеи, а также желание отдохнуть и подлечиться, приобрести товары. Стоит отметить, что как среди мужчин, так и среди женщин данные причины выступают в качестве значимых, особенных отличий не наблюдается. Профессиональные интересы в большей степени мужчины, чем женщины, стремятся реализовать за рубежом. Молодежь в возрасте 18-29 лет в своих заграничных поездках чаще, чем остальные, стремится получить образование (40,6%), приобрести товары (52,6%), работать с целью заработка (36,7%), получить вид на жительство (32%). Данные тенденции прослеживаются также и среди холостых (незамужних) респондентов. Можно предположить, что это и есть основные причины, по которым происходит отказ молодых людей в настоящее время от создания семьи (либо откладывание на более поздние сроки) [2, 5].

Интересно отметить, что для респондентов данной выборочной совокупности высшее образование не является препятствием для создания семьи: 45% опрошенных с высшим образованием состоят в браке. Различия в уровне образования в зависимости от пола показали, что преимущественно с высшим образованием в данной выборочной совокупности – женщины (41,9%), тогда как мужчины в большинстве своем имеют среднее специальное образование (42,2%). Интересно, что женщины с более высоким уровнем образования чаще состоят в браке.

Отвечая на вопрос о том, с кем чаще всего из ближайшего окружения обсуждаются волнующие проблемы жизни общества, респонденты чаще всего отмечали, что с членами семьи (родственниками), с товарищами по работе (учебе), с друзьями вне работы. Следующий по частоте выбора был ответ «с соседями, знакомыми». И лишь на пятом месте стоит ответ «в Интернете». Молодежь до 29 лет, с одной стороны, доверяет свои проблемы ближайшему окружению (членам семьи, родственникам), с другой стороны, меньше, чем у других групп, выражено доверие к соседям, знакомым. Это, вероятно, компенсируется за счет общения в виртуальной среде (Интернет).

Для выявления жизненных ценностей и предпочтений респондентов им было предложено ответить на следующий вопрос: «Все люди хотят жить хорошо, но каждый человек понимает это по-своему. А что значит "хорошо жить" для вас?». Для исследования вопроса использовалось ранжирование утверждений. На первое место респондентов просили поставить ценность, которая для них выступает наиболее важной и далее по убыванию степени важности. Были подсчитаны средние значения рангов для каждой из ценностей. Отметим, что чем меньше значение среднего, тем более значимой

является определенная ценность. Таким образом, наиболее важным аспектом жизни для респондентов нашего исследования является здоровье (минимальный средний ранг – 2,3). Практически столь же важной является ценность семьи, детей, заботливых близких (средний ранг – 2,8). Семья и здоровье – со значительным отрывом – стоят впереди всех остальных предложенных ценностей. Семья и здоровье – то, что особенно ценит население в регионах России.

© Грудина Т.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Антонов А.И. Коэффициенты рождаемости растут, а население убывает // *Российская Федерация сегодня*. 2015. № 13 [Электронный ресурс]. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/8e9/178/10643721/Koeffitsientyi_rozhdaemosti_rastut_a_naselenie_ubyivaet.pdf
2. Антонов А.И., Новоселова Е.Н., Палилова И.Э. Ценностные ориентации учащейся молодежи на образ жизни, социальные установки на здоровье, брак и семью // *Фамилистические исследования*. – Том 2. Миллион мнений о семье и о себе. – М.: КДУ, 2009. – С. 156 – 206.
3. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М., ТЕИС, 2006. – 399 с.
4. Елизаров В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2014. – № 1. – С. 57–72.
5. Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 99–110.
6. Синельников А. Б. Пределы расширения границ семьи и брака // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – № 1. – С. 90–108.
7. Аналитика экспертов ВЦИОМ. **Трагедия братской страны заставляет больше ценить то, что есть у нас**. Глава ВЦИОМа Валерий Федоров отвечает на вопросы студии. "Вестей ФМ" [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114922>
8. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 79.
9. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 года: стат. бюллетень). – М.: Росстат, 2014.
10. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России: кол. моногр. / Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. – М., 2015. – 270 с.
11. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М., 2006.

Информация об авторе

Грудина Татьяна Николаевна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии (119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33; e-mail: tngrudina@gmail.com).

Grudina T. N.

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA

This article analyzes the socio-demographic situation of the populations of our country. Based on the data of sociological studies conducted by the Department of Sociology of the Family and Demography of Sociological faculty of MSU and other statistical data, the author shows the demographic characteristics, social status, life values of the population in the regions of Russia.

Keywords: family lifestyle, needs of family, family income, human values, family crisis.

Information about the author

Grudina Tatiana Nikolaevna (Russia, Moscow) – PhD in Sociology, Moscow State University. University, Department of Sociology (Russia, Moscow, Lenin gory, 1, p. 33; e-mail: tngrudina@gmail.com).

УДК 314.18

Л.А. Давлетшина

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В работе рассмотрено понятие «демографический потенциал», предложена упрощенная система статистических показателей, позволяющих оценить перспективы и направление его изменения. Система показателей апробирована на одном из ключевых регионов Приволжского федерального округа. Особенности Республики Татарстан представлены в аналитической части статьи.

Ключевые слова: демографический потенциал, Республика Татарстан, численность населения, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни.

Точная количественная и качественная характеристика демографического потенциала является крайне важной в рамках исследования социально-демографической ситуации всякого государства, в том числе и в его отдельных административно-территориальных единицах. В этой связи экономико-статистический анализ состояния и перспектив развития демографического потенциала на региональном уровне вызывает огромный научный и практический интерес, особенно с позиций перспективного роста и конкурентоспособности как страны в целом, так и ее конкретных субъектов.

Данная работа посвящена анализу демографического потенциала Республики Татарстан и перспектив его изменения с учетом проводимой в регионе социально-экономической политики. Необходимо учитывать, что в настоящее время еще не все аспекты статистического исследования социально-демографической ситуации на региональном уровне приобрели соответствующий уровень научной проработки, а поэтому не соответствуют сложности решаемых задач.

Впервые понятие «демографический потенциал» предложил ввести английский демограф Р.Фишер в 1920-х годах. Он рассматривал рождение человека как получение им жизни «в кредит», а последующее рождение собственных детей как «выплату долга». Однако предложенное понятие в демографии не нашло точного измерителя (см. [3]).

Демографический потенциал характеризует возможности воспроизводства населения и развития человека. Для его определения можно выделить следующие показатели: динамика численности населения, распределение населения на городское и сельское, половозрастная структура населения, половая диспропорция населения, уровень рождаемости населения, уровень смертности населения, в том числе младенческой, ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

В экономико-статистическом исследовании демографического потенциала, как на федеральном, так и на региональном уровне, важная роль принадлежит анализу динамики численности населения, которая традиционно представляет итоги развития общества. Подобный шаг позволяет судить о характере демографической трансформации административно-территориальных субъектов. Например, увеличение численности жителей чаще свидетельствует о благоприятных условиях жизни населения, о миграционной привлекательности региона, или, наоборот, при снижении численности населения – об определенных проблемах. В этой связи крайне важно остановиться на изменении численности населения на территории современной Республики Татарстан.

За последние двадцать четыре года в ряду динамики числа жителей Татарстана наблюдались колебания, свидетельствующие о нестабильном характере данного показателя [1]. С 1990 по 2013 гг. численность населения Республики Татарстан увеличилась на 168 тыс. человек, или на 4,6%. С учетом увеличения численности жителей Татарстана немаловажное значение имеют физическая плотность жителей и удельный вес городского населения. Увеличение численности жителей на определенной территории приводит к росту физической плотности населения. В России по состоянию на 1 января 2013 г. физическая плотность жителей находится на очень низкой отметке – 8,4 чел/км². Аналогичный показатель по Республике Татарстан в 2013 г. составил 56,3 чел/км² (по состоянию на 2016 г. – 57,02 чел/км²), что в 6,7 раза превышает общероссийское значение.

Динамика общей численности населения формируется в результате изменения количества городских и сельских жителей (таблица 1).

Таблица 1

Характеристики динамики численности населения Республики Татарстан за 1990–2013 гг.

Группы населения	Размер прироста (убыли) численности населения, тыс. чел.	Темп роста (убыли) численности населения, %
Городское	175	106,55
Сельское	-42	95,68
Все население	133	103,65

Трансформация показателей свидетельствует о том, что численность населения в городе и на селе эволюционировала в противоположных направлениях. Сокращение сельской популяции за 1990-2013 гг. было покрыто за счет прироста городского населения, который смог «окупить» демографические потери и в конечном итоге обеспечил общее увеличение числа жителей Татарстана на 3,65%.

Учитывая это обстоятельство, уместно проанализировать динамику распределения населения республики по месту жительства. Уровень урбанизации татарстанского общества трансформировался весьма неоднозначно. Детализация исследуемого процесса позволяет подметить интересную особенность [1]. Если за весь рассматриваемый 24-летний период уровень урбанизации населения республики повысился на 3,1 процентных пункта, то всего за шесть лет, с 2000 по 2005 гг., он увеличился сразу на 1,1 п.п. При всей неоднозначности и противоречивости урбанизации общества следует отметить, что по совокупности условий жизнедеятельности в городской местности все же предпочтительнее, чем в сельской (например, с позиций доступности социальных благ, развития транспортной сети, качества жизни и т.д.), а поэтому выявленные подвижки вполне могут рассматриваться с позитивной точки зрения.

Оценивая демографический потенциал любого региона, нельзя оставить без внимания изменения, связанные с трансформацией половозрастного состава жителей, потому что они находят свое непосредственное отражение в различных областях общественной деятельности (репродуктивное поведение, параметры рынка труда, занятость и безработица населения, конъюнктура потребительского рынка и т.д.).

Подвижки в составе населения, динамика уровня благосостояния жителей, их заболеваемости и других параметров подготавливают условия и предпосылки для

преобразования интенсивности естественного и миграционного движения населения. Особое место в изучении структурных изменений состава населения занимает половозрастная структура жителей региона.

Исследование половой структуры населения актуально в том отношении, что сказывается как на параметрах брачно-семейной ситуации, так и на особенностях занятости, безработицы и потребления членов общества. Ее сводной оценкой служит степень диспропорциональности полового распределения жителей, динамика которой отражена в таблице 2.

Таблица 2

Изменение степени диспропорциональности половой структуры населения в Республике Татарстан, %

Группы населения	1990 г.	2013 г.
Городское	6,9	8,8
Сельское	8,4	4,2
Все население	7,3	7,6

В настоящее время в Республике Татарстан как в обществе в целом, так и в городском и сельском населении в отдельности сложилась сильная диспропорция полов (уровень показателя превышает 3%-ный рубеж). В абсолютном выражении в 2013 г. численность женщин в регионе превосходила численность мужчин более чем на 289 тыс. человек, а на каждую тысячу мужчин приходилось 1166 женщин, что немного превышало общефедеральный уровень (1163 женщины на 1000 мужчин). Такое положение дел, видимо, следует трактовать как один из аспектов неблагоприятного развития демографической ситуации, поскольку углубляющаяся диспропорция полов формирует предпосылки для формирования общества с заметным количественным преобладанием женщин (особенно в городском населении), что впоследствии может найти отражение в трансформации демографического потенциала республики.

Изменения демографических и социальных процессов оказывают непосредственное влияние на результативность общественного воспроизводства. В этой связи исключительно важное практическое значение приобретает статистическое измерение результатов трансформации демографического потенциала.

Татарстан, будучи субъектом РФ, развивается в схожих с общефедеральными условиях, однако имеет и свои неповторимые черты. Анализ динамики общего коэффициента рождаемости говорит о ряде изменений, схожих с общефедеральными подвижками, но даже с некоторым перевесом в лучшую сторону. Старая и сильно диспропорциональная в половом отношении популяция не способна в полной мере обеспечивать уровень рождаемости, необходимый для устойчивого преодоления естественной убыли общества [2]. Так, в рассматриваемом ряду динамики после 1990 г. вплоть до 2005 г. наблюдалось неуклонное снижение интенсивности деторождения (с 15,4 до 9,4‰ соответственно). С 2005 до 2013 г. прослеживался постоянный рост общего коэффициента рождаемости до 13,4‰. Но, несмотря на заметный прирост этого показателя, он пока так и не смог превзойти значение 1990 года. Необходимо обратить внимание и на различия в динамике общего коэффициента рождаемости в городе и на селе. Испокон веков в сельской местности Татарстана рождалось больше детей, чем в городской, что было связано с условиями и образом сельской жизни, когда необходимо достаточное количество рабочих рук для выполнения работ, а также с низкой контрацептивной просвещенностью населения. В этом аспекте необходимо отметить, что в рассматриваемом нами ряду динамики присутствует одно принципиальное изменение – с 2002 г. уровень общей интенсивности рождаемости в городе превысил аналогичный показатель на селе. Подобный результат связан и с урбанизацией региона, а также с тем, что в сельской местности сокращается доля населения репродуктивного возраста, а это ведет к снижению результативности процесса рождаемости (таблица 3).

Таблица 3

Возрастные коэффициенты рождаемости населения в Республике Татарстан, ‰

Возраст, лет	1990 г.			2013 г.		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
15–18	12,2	12,6	11,1	5,3	4,9	6,4
15–20	43,4	41,3	50,8	16,3	14,5	22,1
18–20	93,3	82,2	147,5	29,0	24,8	45,4
20–25	168,4	150,8	237,2	81,2	74,1	109,0
25–29	111,1	103,0	144,1	111,1	108,4	123,9
30–34	56,0	51,7	76,0	75,3	74,5	78,9
35–39	23,9	21,1	37,5	32,9	31,9	36,5
40–44	5,4	4,4	9,8	5,8	5,6	6,6
45–50	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
50–55	0	0	0	0	0	0

Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют о том, что за рассматриваемые двадцать с лишним лет наблюдалось увеличение рождаемости в старших возрастных группах. В 1990 г. (в отличие от 2012 г.) более высокая рождаемость имела место по группам женщин в возрасте 15-25 лет, т.е. более интенсивная рождаемость приходилась на более молодые поколения женщин Татарстана.

В рамках исследования демографического потенциала проведем анализ изменений в возрастной структуре женского населения во времени. Для этого используем индекс Гатева, учитывающий численность совокупности, количество выделенных групп и различный вклад групп в общий объем изучаемого показателя (таблица 3):

$$K_s = \sqrt{\frac{\sum (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum d_{i1}^2 + \sum d_{i0}^2}}, \quad (1)$$

где d_{i0} – доля женщин в i -й возрастной группе среди женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан в базисном периоде (1990 г.);

d_{i1} – доля женщин в i -й возрастной группе среди женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан в отчетном периоде (2013 г.).

$$K_{\text{Все население}} = \sqrt{\frac{\sum (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum d_{i1}^2 + \sum d_{i0}^2}} = \sqrt{\frac{453,4}{2494,1 + 2778,6}} = 0,293, \quad K_{\text{город}} = 0,305, \\ K_{\text{село}} = 0,279.$$

Полученные выше значения интегральных коэффициентов структурных сдвигов свидетельствуют о том, что в возрастной структуре женского населения в Республике Татарстан за 1990–2013 гг. наблюдались средние, но заметные структурные сдвиги. При этом наибольшие подвижки были характерны для городского населения. То есть наблюдается увеличение среднего возраста матери. Подобные трансформации негативно воздействуют на демографический потенциал Татарстана: во-первых, снижение числа рождений на одну женщину (чем позже рожден первый ребенок, тем меньше вероятности рождение второго и более); во-вторых, снижение здоровья матери и новорожденного. Данные тенденции являются общемировыми проблемами и пока что не имеют определенного решения.

В сложившейся ситуации особый интерес вызывает динамика альтернативного показателя, а именно изменение коэффициента смертности населения [2]. За 1990-2013 гг. общий коэффициент смертности населения Республики Татарстан имел колебания,

характерные для многих регионов нашей страны. Помимо этого, он содержал исключительные, свойственные только рассматриваемому региону особенности развития. Среди них – существенные различия показателя в зависимости от места проживания населения. В Татарстане смертность городского и сельского населения имела заметно больший разрыв, нежели аналогичные показатели по Российской Федерации.

Наибольшие различия были зафиксированы в 1990 г., когда в Татарстане разрыв смертности между городскими и сельскими жителями составлял 38,0%, в то время как по ПФО – 26,1%, а по России – 20,5%. Наименьший разрыв имел место в 2001 г.: для Татарстана это 24,7%, для ПФО – 16,0%, а по России в целом – 13,9%. По нашему мнению, подобные различия наблюдаются в Республике Татарстан из-за возрастающего уровня урбанизации. Во-первых, из села в город уезжает молодое, трудоспособное поколение, на селе же остается население старших возрастных групп. Во-вторых, население старших возрастов, проживающее в городах, в свою очередь, частично предпочитает перебираться на село, в родные края.

Хотя в последние годы и наметилось некоторое снижение уровня смертности населения, он продолжает оставаться в зоне «демографического риска», так как на сегодняшний день еще не достигнут докризисный уровень рассматриваемого показателя (для Республики Татарстан его значение в 1990 г. составляло 9,9‰).

Анализ изменений младенческой смертности также имеет большое значение для понимания демографического потенциала региона. Новорожденный, с одной стороны, – это новая жизнь, до года подверженная различным заболеваниям, а посему требующая особого внимания как со стороны медицинских работников, так и со стороны родителей, а с другой стороны – это будущее популяции. Подвижки в ряду динамики младенческой смертности в Республике Татарстан представлены на рисунке 1.

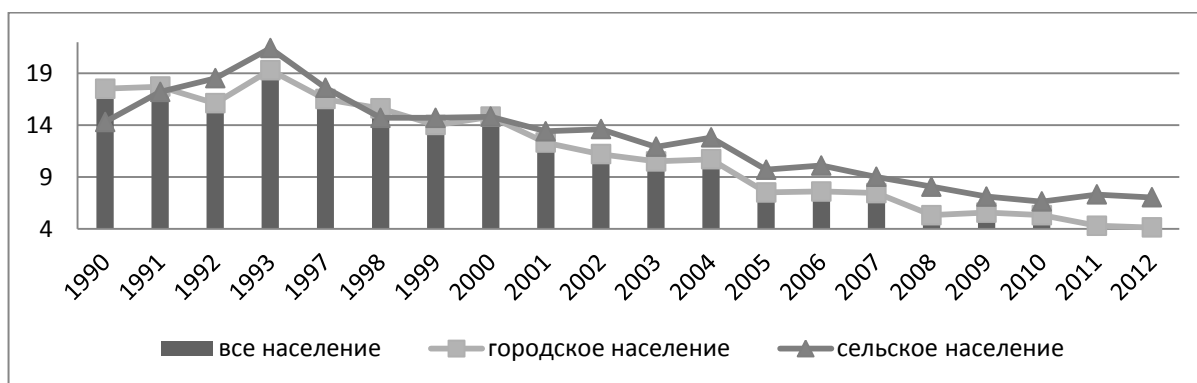

Рис. 1. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Татарстан, на 1000 рожденных

Проводимая в Татарстане политика повышения грамотности молодых родителей при помощи женских консультаций уже сейчас дает свои результаты. Скорость и направление изменения младенческой смертности в Республике Татарстан внушают определенные надежды. На протяжении 90-х гг. XX столетия общий коэффициент младенческой смертности был очень высоким. Пиковое значение показателя приходилось на 1993 год: 19,9 промилле для всего населения Татарстана, 19,3 промилле для городского и 21,4 промилле для сельского населения. Но в дальнейшем величина младенческой смертности пошла на снижение и к концу рассматриваемого периода составляла всего 5 смертей на 1000 новорожденных. Для сравнения: аналогичный показатель по России составлял 7,3‰.

Проблема снижения младенческой смертности приобретает особое значение, так как гибель ребенка – это не только личная трагедия родителей, но и потеря для общества в целом. Данный показатель представляет собой важную характеристику социально-экономического и культурного благополучия, так как отражает реальное положение детей

и женщин репродуктивного возраста, являясь одновременно и индикатором развития системы здравоохранения.

В рамках анализа демографического потенциала весьма показательной представляется динамика такого интегрального параметра эффективности общественного развития, как средняя продолжительность предстоящей жизни населения (рис. 2).

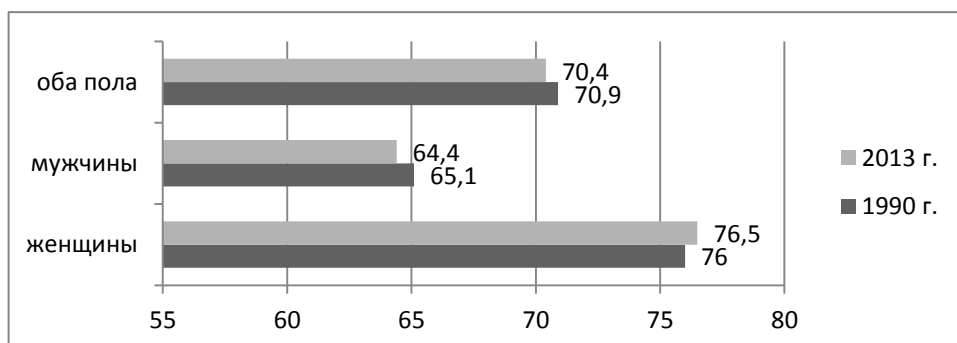

Рис. 2. Динамика средней ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении в Республике Татарстан, лет

Представленные на рисунке 2 данные наглядно демонстрируют, за счет каких именно изменений в Татарстане в конечном итоге снизилась средняя ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении. Как и другим регионам России, Татарстану свойственна более высокая продолжительность жизни женщин при низкой продолжительности жизни мужчин (разница составляет более 10 лет), что крайне негативно сказывается на экономическом развитии региона из-за больших потерь населения в предпенсионном и пенсионном возрастах среди мужского населения. Именно эта категория населения имеет большой трудовой опыт, который следует передавать молодым поколениям.

В рамках данной статьи автором была предпринята попытка оценки демографического потенциала в Республике Татарстан. В целом в регионе сложилась благоприятная ситуация для наращивания демографического потенциала (динамика численности населения, увеличение коэффициента рождаемости, снижение коэффициентов показателей общей и младенческой смертности). В то же время необходимо помнить о половозрастной структуре населения Татарстана. Вполне может сложиться так, что только за счет постоянного населения республики решить существующие демографические вопросы не удастся и возникнет необходимость привлечения населения из других субъектов. В Татарстане в этом плане проблем возникнуть не должно, так как регион был и остается миграционно привлекательным, имевшим механический прирост населения и в 90-е гг. XX века. Однако не стоит забывать, к чему может привести сверхактивная миграционная политика без учета качественных показателей и потребностей региона.

© Давлетшина Л.А. Текст. 2016

Список источников

1. Давлетшина Л.А. Статистическое исследование социально-демографической ситуации в Республике Татарстан: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. – М., 2014.
2. Карманов М.В., Волкова Е.Н., Давлетшина Л.А., Эпштейн Н.Д., Пеньковская Т.С. Методологические подходы к оценке социально-экономического развития региона: монография. – М.: МЭСИ, 2014.
3. Эдиев Д.М. Теория и приложения демографических потенциалов: дис. ... д-ра физ.-мат. наук: 05.13.18. – М., 2008.

Информация об авторе

Давлетшина Лейсан Анваровна (Россия, Московская область, пос. Электроизолятор) – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и финансов Гжельского государственного университета (40155, Московская область, Раменский район, пос. Электроизолятор, 67, ГГУ; e-mail: artgzhel@yandex.ru, +7 (496) 464-76-4; e-mail: fille_777@mail.ru).

Davletshina L.A.

THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The paper considers the concept of "demographic potential", proposed a simplified system of statistical indicators to assess the prospects and the direction of change. System performance was tested on one of the key regions of the Volga Federal District. Features of the Republic of Tatarstan are presented in the analytical part of the paper.

Keywords: demographic potential, Tatarstan, population, fertility, mortality, life expectancy.

Information about the author

Davletshin Laysan Anvarovna (Russia, Moscow region, pos Electrical insulators.) – PhD, Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, Gzhel State University (40155, Moscow region, Ramenskoe district, pos Electrical insulators, 67, GSU, e-mail: artgzhel@yandex.ru, +7 (496) 464-76-4; e-mail: fille_777@mail.ru).

УДК 314.113.012:001.89(476)"2007/2015"

А.Ю. Денисов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАУЧНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЗА ПЕРИОД 2007- 2015 ГГ.

Результаты демографической политики Республики Беларусь в 2007-2015 гг. характеризуются значительным увеличением показателей рождаемости. В статье предлагается рассмотрение данного факта с точки зрения оценки эффективности государственного управления и выявившихся недостатков научного сопровождения.

Ключевые слова: рождаемость, стимулирование рождаемости, научное сопровождение, оценка эффективности.

За период 1989-2002 гг. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Беларусь сократился с 2,03 до 1,24 ребенка на одну женщину. Достигнутые значения в соответствии с методологическими указаниями Организации Объединенных Наций характеризовались как «очень низкая рождаемость, ниже уровня замещения поколений» [4, р. 101-102]. Снижение рождаемости стало одной из основных причин депопуляции населения, в связи с чем 4 января 2002 г. был принят Закон Республики Беларусь № 80-З «О демографической безопасности». В рамках этого закона провозглашалась необходимость проведения политики, направленной на создание «устойчивых количественных и качественных параметров воспроизводства населения», необходимых для обеспечения «полного замещения родительских поколений».

Средством реализации заявленной цели стало принятие Национальных программ демографической безопасности 2007-2010 и 2011-2015 гг. (далее Национальных программ). В рамках Национальных программ до основных заказчиков (министерств, исполнительных комитетов областей и г. Минска) были доведены нормативные цифры повышения суммарного коэффициента рождаемости как за весь период, так и с указанием ожидаемых значений по годам. Нормативные показатели и уровень реализации по всей Республике Беларусь приведены в таблице.

Таблица

Нормативные показатели повышения суммарного коэффициента рождаемости в рамках национальных программ демографической безопасности Республики Беларусь

Период действия Национальных программ демографической безопасности	Отчетный период, гг.	Суммарный коэффициент рождаемости за период	
		Нормативный	Фактический
Справочно	2006	-	1,34
Национальная программа демографической безопасности 2007-2010 гг.	2007	-	1,43
	2008	-	1,49
	2009	-	1,51
	2010	-	1,49
	2007-2010	1,40-1,50	1,49
Национальная программа демографической безопасности 2011-2015 гг.	2011	1,50	1,52
	2012	1,51	1,62
	2013	1,52	1,67
	2014	1,53	1,70
	2015	1,55-1,65	н/д
	2011-2015	1,55-1,65	н/д

Как следует из таблицы, нормативные значения суммарного коэффициента рождаемости достигнуты. Более того, в отдельные годы фактические значения существенно выше нормативных. Таким образом, на основании приведенных данных можно сделать вывод об успешности политики повышения рождаемости. В частности, тот факт, что нормативные значения, доведенные заказчикам Национальных программ, оказываются выполненными, позволяет предположить наличие некоторой модели прогнозирования влияния государственных мероприятий на суммарный коэффициент рождаемости. При этом данная модель достаточно специфицирована, чтобы позволить прогнозировать эффект с точностью до сотых как в разрезе регионов для исполнения доведенных показателей исполкомами, так и всей Республики Беларусь. Однако подобные предположения не отражают действительное состояние уровня планирования и организации государственной политики повышения рождаемости в Республике Беларусь за период 2007-2015 гг. А потому подобное предположение может привести к некорректному выводу о действительной эффективности мер, предложенных в рамках Национальных программ.

В качестве основных источников информации использовались научно-исследовательские работы (далее НИРы), финансируемые из государственных средств за период 2007-2015 гг., по таким темам, как разработка мер пронаталистской политики и оценка эффективности политики повышения рождаемости. С учетом нормативно-правовых актов и статистических данных по проблемам рождаемости анализ научно-исследовательских работ позволяет выявить недостатки современного научного сопровождения политики повышения рождаемости и сделать переоценку результативности государственного управления в этой области.

Результаты исследования. Можно предположить, что полноценное научное сопровождение политики повышения рождаемости включает в себя как минимум два взаимосвязанных этапа.

Этап 1. Разработка и обоснование мер повышения рождаемости. Результатом этапа должны быть предложения по повышению рождаемости и прогноз влияния предлагаемых мер на показатели рождаемости.

Этап 2. Построение прогнозной модели, которая позволяет спрогнозировать влияние всех мер государственной политики на рождаемость населения. По итогам этого этапа система государственного управления получает нормативные индикаторы, достижение которых возможно при полной реализации мер повышения рождаемости.

Однако в действительности, как будет показано далее, ни на одном из этапов научное сопровождение не может быть признано приемлемым. В результате меры повышения рождаемости и оценка их эффективности, с одной стороны, и нормативные значения прогнозов, которые доводятся органам государственного управления, с другой стороны, практически никак не связаны между собой. По этой причине *основным тезисом* данной работы можно считать следующий: суммарный коэффициент рождаемости как основной индикатор эффективности государственной политики Республики Беларусь за отчетный период действительно увеличился, однако это увеличение не было результатом продуманной управленческой политики, но в большей степени незапланированным и, в некотором смысле, случайным эффектом.

Можно выделить два основных недостатка научного сопровождения на этапе разработки и обоснования мер повышения рождаемости. Во-первых, ни для одной меры повышения рождаемости нет приемлемого научного обоснования и прогноза влияния на рождаемость. Таким образом, все без исключения меры повышения рождаемости в Республике Беларусь, как реализованные в период 2007-2015 гг., так и оставшиеся предложениями в рамках научно-исследовательских работ, проектировались без учета их прямого эффекта. Но в таком случае нельзя говорить о том, что эффект политики повышения рождаемости был запланированным. Во-вторых, при проектировании мер, как правило, величина предлагаемых населению стимулов выводилась на основе минимальных потребительских нормативов, без учета реальных потребностей населения.

Приведем несколько примеров из многочисленных проектов и предложений мер повышения рождаемости, в том числе реализованных. Однако прежде следует отметить, что количество возможных замечаний практически к каждому из проектов и реализаций велико, потому в рамках данного формата статьи целесообразно осветить только наиболее важные для иллюстрации выдвинутых утверждений.

В качестве первого примера можно привести проект введения семейного (материнского) капитала, изложенного в НИР с характерным названием «Разработать и обосновать предложения по совершенствованию действующей системы пронаталистских мер экономической поддержки семей с детьми» (2012 год). Основным обоснованием введения этой меры был следующий силлогизм, который не может быть признан достаточным аргументом. Авторы пишут, что за период с момента введения материнского капитала в Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,3 до 1,6 ребенка на одну женщину (т.е. на 22,7%). Из этого делается вывод, что если такая мера будет реализована в Беларуси, то можно ожидать роста рождаемости на 22,7% – до 1,9 ребенка на одну женщину (то есть приблизиться к простому замещению поколений) [5, с. 92, 114]. Вторым аргументом в пользу реализации данной меры стало утверждение, что «ретроспективное исследование развития белорусской системы мер экономической поддержки семей с детьми» показало, что наибольшее влияние имеют меры, которые отличаются «новизной» и «финансовой значимостью» [5, с. 92-93]. Однако в тексте нет ссылок на «ретроспективное исследование», также и анализ тематических НИР не позволяет утверждать, что такое исследование проводилось. Дополнительно следует отметить, что в тексте не раскрывается понятие «финансовая значимость для населения». А так как предложение сводится к выдаче сертификата, эквивалентного стоимости покупки 12 м² жилой площади (хотя и не по рыночной цене), то в условиях отсутствия

информации о масштабе потребностей населения исчезает критерий оценки достаточности указанной меры для рождения детей второй и более очередности.

Идея семейного капитала все же была реализована в 2014 году. Однако значительно отличаясь от проекта 2012 года, реализация унаследовала все недостатки предшествующего документа. При рождении третьего ребенка (но не большей очередности, чем третьего) у семьи появляется право на получение сертификата на 10 тысяч долларов через 18 лет (то есть с 2032 года) с учетом капитализации процентов за этот период. Указанные средства находятся в распоряжении Банка Развития Республики Беларусь, который финансирует государственные проекты и председателем которого является премьер-министр страны. Таким образом, почти двадцать лет деньги являются скорее виртуальными стимулами, чем реальными. Как и в рамках других проектов, при разработке этой меры не учитывались потребности населения, не делалась оценка влияния на рождаемость третьих детей.

В качестве другого примера можно привести проект повышения пособий по уходу за ребенком, который впоследствии был реализован без существенных отклонений от текста НИР. В рамках этой работы было предложено (и предложение было принято) увеличить размер пособия по уходу за ребенком до трех лет с величины бюджета прожиточного минимума до величины, как это было названо, «социального норматива более высокого порядка – минимального потребительского бюджета» [5, с. 56]. При этом без объяснения причин было предложено вместо прямой привязки сделать это посредством привязки пособия к средней заработной плате по стране, без учета предшествующего заработка работника. Никакого прогноза эффекта данной меры предложено не было. Одним из наиболее дискуссионных предложений является предложение при рождении первого ребенка устанавливать величину пособия на уровне 35% от средней заработной платы по стране, а второго – 40%. Однако авторы не берут во внимание тот факт, что учитываемый ими минимальный прожиточный бюджет, также как и бюджет прожиточного минимума, – это подушевые бюджеты. В результате если до нововведения в среднем на мать и одного ребенка приходилось 50% бюджета прожиточного минимума, то после – от 62 до 77% в зависимости от индексации. То есть, как и до повышения данная величина существенно ниже нормативно установленного уровня простого биологического воспроизводства. Также авторы не учитывают типичную ситуацию, когда в семье один ребенок до трех лет и один старше трех. В таких условиях указанное пособие позволит при рождении второго ребенка обеспечить только 45% душевого бюджета прожиточного минимума. При рождении детей более высокой очередности ситуация ухудшается. Данная проблема была осознана и несколько скорректирована (но не решена) только через несколько лет после реализации указанного проекта. При этом следует отметить, что данная мера была одной из центральных и самых затратных в системе нововведений, ориентированных на увеличение уровня рождаемости. Однако приведенные цифры позволяют утверждать, что это была не столько мера стимулирования рождаемости, сколько мера социальной поддержки, и ее вклад в повышение рождаемости весьма ограничен.

Отсутствие системы оценок и моделей влияния отдельных мер или комплекса мер государственного стимулирования рождаемости делает невозможным научно обоснованное прогнозирование результатов проводимой политики. Потому прогноз рождаемости, как и полученные на его основе нормативные оценки, сделан независимо от разрабатываемых мер повышения рождаемости и уже поэтому не может иметь большой ценности для государственного управления. Также достаточно отметить, что нормативные цифры доводились до каждого исполнительного комитета областей и города Минска. И анализируя ситуацию на этом уровне, можно утверждать, что точность исполнения прогноза весьма низкая, что говорит о недостатках прогнозной модели даже самой по себе. Так, к примеру, в соответствии с региональной программой демографической безопасности г. Минска на 2007-2010 гг. в столице был запланирован рост рождаемости к

2010 году до уровня суммарного коэффициента рождаемости в 1,5 ребенка. Однако в действительности эта величина не достигнута до сих пор.

Остается нерешенным вопрос, что же послужило причиной, по которой сделанные нормативные прогнозы изменения рождаемости всего населения Республики Беларусь на период 2007-2015 гг. сбывались? Ответ на него весьма сложен, однако сжато на него можно попробовать ответить с использованием методики темпо-корректировки суммарного коэффициента рождаемости. Как известно, суммарный коэффициент рождаемости рассчитывается по условному поколению, поэтому может существенно искажать реальную интенсивность деторождений в условиях изменения средних возрастов рождения детей различной очередности (см. подробнее [1; 2]). На данный момент наиболее совершенный способ корректировки данного показателя – это последняя редакция темпо-корректировки Бонгаартса-Финни [3]. На основании данных Института демографии Макса Планка автором были проведены расчеты по указанной методике для Республики Беларусь за период 1989-2011 годов (рисунок). Расчет по более поздним годам невозможен в связи с недостатком данных.

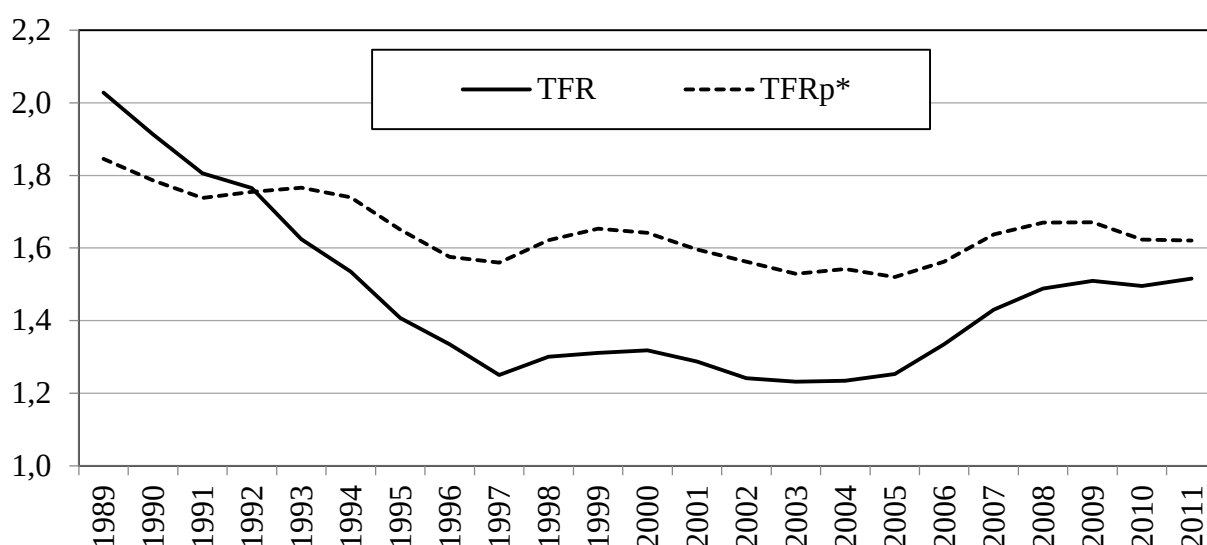

Рис. Суммарный коэффициент рождаемости (TFR) и скорректированный TFR (TFRp*) по методу Бонгаартса-Финни Республики Беларусь за период 1989-2011 гг.

По представленным данным можно сделать несколько выводов.

Во-первых, падение рождаемости никогда не было таким существенным, как это показывает нескорректированный коэффициент. В целом реальная интенсивность воспроизводства снизилась по сравнению с 1989 годом, но незначительно. Так, если ориентироваться на TFRp*, как более точный показатель, менее подверженный ситуативным колебаниям, рождаемость упала примерно на $-0,2 \pm 0,1$ ребенка. По тем же данным нескорректированный коэффициент показывает падение до $-0,8$.

Во-вторых, динамика нескорректированного коэффициента создает видимость того, что до 2005 года рождаемость исключительно сокращалась, а после – росла. Это дает наглядное обоснование тезису о том, что политика государства могла оказать сколь-либо значимый эффект. Однако при отделении искажающего темпо-эффекта от quantum-эффекта рождаемости становится очевидным, что республиканская рождаемость с 1990-х годов находится примерно на одном уровне: $1,6 \pm 0,1$ ребенка на одну женщину. Данный факт позволяет усомниться в эффективности государственной политики повышения рождаемости за период с 2007 года до момента, пока этот уровень не будет превышен и зафиксирован на сколь-либо продолжительный срок. Потому на данный момент нет оснований полагать, что Национальные программы, как минимум до 2011 года

включительно (то есть полностью первая и части второй программы), значимо повлияли на изменение ситуации.

В-третьих, представляется, что приближение значений скорректированного и нескорректированного суммарных коэффициентов при относительной устойчивости и неизменности последнего вероятно означает, что в ближайшие годы видимый рост рождаемости, который сейчас фиксируется нескорректированным суммарным коэффициентом, закончится. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что потенциал роста общереспубликанской рождаемости близок к исчерпанию за счет снижения влияния темпо-эффекта на динамику суммарного коэффициента.

Резюме. Исходя из наличной информации, на данный момент можно констатировать ряд недостатков научного сопровождения политики повышения рождаемости в Республике Беларусь за период 2007-2015 гг.: разработка мер повышения рождаемости отталкивается не от потребностей целевых социальных групп, но, как правило, от минимальных социальных нормативов; практически полностью отсутствуют обоснование и прогнозная оценка предлагаемых пронаталистских мер; нормативный прогноз рождаемости, который доводится в качестве целевых значений органам государственного управления, никак не учитывает систему мер повышения рождаемости и существует отдельно от них. На основании этого можно утверждать, что повышение суммарного коэффициента рождаемости не было закономерным и ожидаемым эффектом Национальных программ демографической безопасности за этот период. В качестве возможного объяснения действительных причин увеличения данного показателя можно привести результаты применения методики корректировки темпо-эффекта суммарного коэффициента рождаемости Бонгаартса-Финни. Результаты позволяют утверждать, что интенсивность деторождений никогда не опускалась до значений суммарного коэффициента и в период 1996-2011 гг. изменялась в интервале $1,6 \pm 0,1$ ребенка на одну женщину. Для анализа динамики показателя в период 2012-2015 гг. данных недостаточно.

© Денисов А.Ю. Текст. 2016

Список источников

1. Bongaarts J. Demographic explanation of the recent rise in European fertility: Analysis based on the tempo and parity-adjusted total fertility / J. Bongaarts, T. Sobotka // Max Planck Institute for demographic research. – 2012. – Mode of access [Electronic resource]. URL: http://www.humanfertility.org/Docs/Symposium/Bongaarts_Sobotka.pdf (Date of access : 19.06.2014).
2. Bongaarts J. On the Quantum and Tempo of Fertility / J. Bongaarts, G. Feeney // Population and Development Review. – 1998. – Vol. 24. – No. 2. – P. 271–291.
3. Bongaarts J. The quantum and tempo of life-cycle events / J. Bongaarts, G. Feeney // Max Planck Institute for demographic research – Mode of access [Electronic resource]. URL: <http://www.demogr.mpg.de/books/drm/005/3.pdf> (Date of access : 19.06.2014).
4. Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies – Third edition. Methodology sheets / the United Nations. – Mode of access [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/esa/sustdev/natlinfo/indicators/methodology_sheets.pdf. (Date of access: 26.05.2016).
5. Разработать и обосновать предложения по совершенствованию действующей системы пронаталистских мер экономической поддержки семей с детьми: отчет о НИР (заключ.) / Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь ; рук. В.Н. Пинязик. – Мн., 2012. – 202 с. – № ГР 20110842.

Информация об авторе

Денисов Артур Юрьевич (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник государственного учреждения «Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы» (ГУ «БелИСА», Республика Беларусь, 220004. г. Минск, пр. Победителей, 7, раб.тел. 8(017)-203-93-81).

Denisov A.Y.

ABOUT SOME WEAKENESSES OF SCIENTIFIC SUPPORT OF STATE PRONATALISTIC POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2007-2015

Significant increase of fertility indicators is the main result of the Belarusian pronatalistic policy in the period 2007-2015 years. Some weaknesses of scientific support of this policy are reviewed in the article.

Keywords: fertility, pronatalistic policy, scientific support, efficiency evaluation.

Information about the author

Denisov Artur Yurevich (the Republic of Belarus, Minsk) – research associat of the State Organization «Belarusian Institute of System Analysis and Information Support for Scientific and Technical Sphere» (SO «BELISA», the Republic of Belarus, 220004, Minsk, Pobediteley av., 7; 8(017)-203-93-81).

УДК 314.3

Н.Г. Джанаева, В.Н. Архангельский

РОЖДАЕМОСТЬ В СТРАНАХ СНГ: ТЕНДЕНЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье рассматриваются тенденции рождаемости в странах СНГ, начиная с 1990 г., на основе анализа динамики общего и суммарного коэффициента рождаемости. Представлена информация о некоторых исследованиях репродуктивного поведения, проведенных учеными из стран СНГ.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, репродуктивное поведение, страны СНГ.

В преддверии 25-летия Содружества Независимых Государств активизировались сравнительные исследования демографических процессов (в т.ч. рождаемости) в странах СНГ и других государствах на постсоветском пространстве (например, недавняя работа Даниловой И.А. и Елизарова В.В. [6]).

В данной статье рассматриваются тенденции рождаемости в 9 странах. С одной стороны, в их число не входят Узбекистан и Туркменистан (ассоциированный член СНГ), на сайтах статистических служб которых недоступны данные по рождаемости, а, с другой, входит Украина, являющаяся наблюдателем, не входя в состав СНГ.

Во всех странах СНГ в 1990-е гг. в той или иной мере происходило снижение общего коэффициента рождаемости, а в последние 10-15 лет его динамика различалась по странам. В большинстве из них он заметно повысился по сравнению с 1990-ми гг. Исключение составили только Молдова и Таджикистан, где некоторое увеличение общего коэффициента рождаемости также произошло, но в заметно меньшей степени, чем в

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-02-00599 «Демографическое развитие постсоветского пространства»

других странах. В результате только в Казахстане величина общего коэффициента рождаемости в 2015 г. была большей, чем в 1990 г. (соответственно, 22,7 и 22,2‰), а в России – почти такой же (13,3 и 13,4‰). Наибольшее снижение общего коэффициента рождаемости в 2015 г. по сравнению с 1990 г. произошло в Таджикистане (с 38,8 до 27,8‰ в 2014 г.), Армении (с 22,5 до 13,9‰), Молдове (с 17,7 до 10,9‰) и Азербайджане (с 25,9 до 17,4‰) (см. табл.1).

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости в 1990-2015 гг.

Год	Число родившихся на 1000 населения								
	Азербайджан ¹	Армения ²	Беларусь ³	Казахстан ⁴	Кыргызстан ⁵	Молдова ⁶	Россия ⁷	Таджикистан ⁸	Украина ⁹
1990	25,9	22,5	14,0	22,2	29,1	17,7	13,4	38,8	12,6
1995	18,9	15,0	9,9	17,5	25,6	13,0	9,3	34,1	9,6
2000	14,7	10,6	9,4	14,9	19,8	10,2	8,7	27,0	7,8
2005	16,9	11,9	9,4	18,4	21,3	10,5	10,2	26,7	9,0
2010	18,5	14,7	11,4	22,5	26,8	11,4	12,5	31,9	10,8
2011	19,4	14,3	11,5	22,5	27,1	11,0	12,6	29,1	11,0
2012	19,0	14,0	12,2	22,7	27,6	11,1	13,3	27,8	11,4
2013	18,6	13,8	12,5	22,7	27,2	10,6	13,2	25,9	11,1
2014	18,1	14,3	12,5	23,1	27,7	10,9	13,3	27,8	10,8
2015	17,4	13,9	12,5	22,7	27,4	10,9	13,3	...	9,6

При динамическом и межстрановом сравнении величины общего коэффициента рождаемости следует, конечно, иметь в виду его зависимость от особенностей половозрастной структуры населения, которая различается по странам СНГ. Более приемлемым для анализа является суммарный коэффициент рождаемости (см. табл.2).

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости в 1990-2014 гг.¹

¹ Azərbaycanın demografik göstəriciləri Demographic indicators of Azerbaijan Bakı, 2015, с.102 (http://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/indexen.php); 2015 – <http://www.stat.gov.az/news/?id=3128>

² Հայաստանի ժողովրդագրական ժողովածու - 2015 - The Demographic Handbook of Armenia. ԵՐԵՎԱՆ - 2015 – YEREVAN, с.25 (http://www.armstat.am/file/article/demog_2015_1.pdf); 2015 – <http://armstat.am/ru/?nid=126&id=11005>

³ Статистический ежегодник Республики Беларусь 2015. Минск, 2015, с.65 (http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_724/); 2015 – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/obschie-koeffitsienty-rozhdaemosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/

⁴ http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=25373690549409380#%40%3F_afLoop%3D25373690549409380%26_adf.ctrl-state%3D1d7f7xwd39_584; 2015 – http://stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afLoop=34074732777078173#%40%3F_afLoop%3D34074732777078173%26_adf.ctrl-state%3D18c8he6u90_37

⁵ 1990, 1995 – Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2003, с.657; 2000, 2005 – Женщины и мужчины Кыргызской Республики 2005-2009. Бишкек, 2010, с.48 (<http://stat.kg/media/publicationarchive/b025ee77-203b-4a2f-9304-ba77c2367d93.pdf>); 2010 – <http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>; 2015 – <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/30c1af54-2244-4fe1-a470-4d1a88bcea8b.pdf>

⁶ http://statbank.statistica.md/pxweb/Dialog/varval.asp?ma=POP0202_en&ti=Vital+statistics+rate+by+years%2C+indicators+and+areas%2C1940-2014&path=../Database/EN/02%20POP/POP02/&lang=3; 2015 – http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/Principalii_ind.soc_econ/Buletin_raioane_ian_dec_2015.pdf; с 1997 г. – без Приднестровья

⁷ <http://cbsd.gks.ru/#>; 2015 – http://www.gks.ru/bgd/free/B16_00/Main.htm

⁸ Демографияи солонаи Љумњурии Тоҷикистон Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2012, с.96 (http://stat.tj/ru/img/01c0a666738323bc1c3512243cfbf74e_1367165061.pdf); <http://www.stat.tj/ru/database/socio-demographic-sector/>; за 2015 г. нет данных на сайте статистической службы

⁹ <http://www.ukrstat.gov.ua/>; 2015 – рассчитано по: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Год	Азербайджан ²	Армения ³	Беларусь ⁴	Казахстан ⁵	Кыргызстан ⁶	Молдова ⁷	Россия ⁸	Таджикистан ⁹	Украина ¹⁰
1990	2,8	2,6	1,913	2,72	3,63	2,390	1,892	5,091	1,850
1995	2,3	1,8	1,406	...	3,12	1,760	1,337	4,385	1,398
2000	2,0	1,3	1,317	1,85	2,40	1,286	1,195	3,493	1,116
2005	2,3	1,4	1,252	2,22	2,50	1,219	1,294	3,274	1,213
2010	2,3	1,6	1,494	2,60	3,06	1,309	1,567	2,905	1,443
2011	2,4	1,5	1,515	2,59	3,09	1,266	1,582	2,766	1,459
2012	2,3	1,6	1,620	2,62	3,15	1,279	1,691	...	1,531
2013	2,2	1,6	1,668	2,64	3,11	1,238	1,707	...	1,506
2014	2,2	1,7	1,696	2,74	3,19	1,279	1,750	...	1,498

По сравнению с 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился во всех странах СНГ, кроме Казахстана, где в 2014 г. величина этого показателя была чуть больше, чем в 1990 г. При этом в 1990-е гг. произошло значительное ее снижение (с 2,72 в 1990 г. до 1,85 в 2000 г., т.е. почти в 1,5 раза), а затем – почти такое же ее повышение к 2008 г. до 2,68.

В 1990 г. наибольшая (среди рассматриваемых в статье стран СНГ) величина суммарного коэффициента рождаемости имела место в Таджикистане (5,09). За последние годы на сайте статистической службы этой страны нет информации о величине суммарного коэффициента рождаемости, но к 2005 г. он сократился (по сравнению с 1990 г.) более чем в 1,5 раза, составив 3,27. По данным Демографического ежегодника ООН, в последующие годы продолжилось снижение суммарного коэффициента рождаемости в Таджикистане и в 2011 г. он составил 2,766 (в 1,84 раза меньше, чем в 1990 г.).

Несколько меньшим, чем в Таджикистане, в 2005 г. по сравнению с 1990 г. было снижение суммарного коэффициента в Кыргызстане (с 3,63 до 2,50, т.е. в 1,45 раза;

¹ Суммарный коэффициент рождаемости приводится с тем количеством знаков после запятой, как он приведен на сайте статистической службы соответствующей страны

² Azərbaycanın demografik göstəriciləri Demographic indicators of Azerbaijan Baki, 2015, с.113-114 (http://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/indexen.php)

³ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԿԱՆԱՅԷՎՏՂԱՍՄԱՐԴԻՎ 2 0 1 5 Women and Men in Armenia. ԵԴԵՎԱՆ – 2015 – Yerevan, с.17 (http://www.armstat.am/file/article/kanajq_ev_txamardik.pdf)

⁴ Демографический ежегодник Республики Беларусь Demographic Yearbook of the Republic of Belarus. Минск, 2015, с.276 (http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_703/)

⁵ 1990 – Демографический ежегодник СНГ. 1991. М., с.220; 2000 – Қазақстанның демографиялық жылнамалығы Демографический ежегодник Казахстана. Астана 2005, с. 269 (http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2006?_afzLoop=25378286577889660%40%3F_afrLoop%3D25378286577889660%26_adf.ctrl-state%3D1d7f7xwd39_715); 2005 – Женщины и мужчины Казахстана. Астана, 2009, с.12 (http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2009?_afzLoop=25377077451583888%40%3F_afrLoop%3D25377077451583888%26_adf.ctrl-state%3D1d7f7xwd39_673); 2009 – Қазақстанның демографиялық жылнамалығы Демографический ежегодник Казахстана. Астана 2013, с.275 (http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2013?_afzLoop=25375628980662017%40%3F_afrLoop%3D25375628980662017%26_adf.ctrl-state%3D1d7f7xwd39_618); 2010-2014 – Қазақстанның демографиялық жылнамалығы Демографический ежегодник Казахстана. Астана 2015, с.178 (http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afzLoop=25375175746537947%40%3F_afrLoop%3D25375175746537947%26_adf.ctrl-state%3D1d7f7xwd39_605)

⁶ <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>

⁷ http://statbank.statistica.md/pxweb/Dialog/varval.asp?ma=POP0313_en&ti=Fertility+and+reproduction+rate+by+area%2C+1978-2014&path=../Database/EN/02%20POP/POP03/&lang=3; с 1997 г. – без Приднестровья

⁸ <http://cbsd.gks.ru/#>

⁹ 1990-2005 – Демографияи солонаи Љумњурии Тољикистон Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2012, с.107 (http://stat.tj/ru/img/01c0a666738323bc1c3512243cfbf74e_1367165061.pdf); 2010-2011 – Demographic Yearbook. 2014. NY, 2015, p. 96 (<http://unstats.un.org/unsd/Demographic/Products/dyb/dysets/2014.pdf>)

¹⁰ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

минимальная величина показателя здесь имела место в 2001 г. (2,39)). Однако, в отличие от Таджикистана, в Кыргызстане в последующие годы суммарный коэффициент рождаемости, в основном, повышался и в 2014 г. был равен 3,19 (в 1,14 раза меньше, чем в 1990 г.).

В наибольшей степени (не считая Таджикистана, по которому нет официально опубликованной величины суммарного коэффициента рождаемости после 2011 г.) в 2014 г. по сравнению с 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости сократился в Молдове (на 46,5%). Минимальная величина этого показателя в Молдове была в 2002 г. (1,21), что почти вдвое меньше, чем в 1990 г. (2,39). В последующие годы динамика суммарного коэффициента рождаемости в республике была неустойчивой, годы повышения величины этого показателя сменялись годами ее снижения, но разница между максимальной (2009 г. – 1,33) и минимальной (2002 г. – 1,21) точками здесь была наименьшей из всех стран СНГ.

Очень значительным было сокращение суммарного коэффициента рождаемости и в Армении. Если в 1990-1991 гг. он составлял 2,6, то в 2001-2002 гг. – 1,2 (т.е. в 2,17 раза меньше). В последующие годы, скорее, можно говорить о тенденции к некоторому повышению этого показателя, но, как и в Молдове, его динамика была неустойчивой. В 2014 г. суммарный коэффициент рождаемости в Армении равнялся 1,7 и был более чем на треть, меньше, чем в 1990 г.

В Беларуси, России и Украине суммарный коэффициент рождаемости снижался почти неуклонно до конца 1990-х – начала 2000-х гг. В России минимальная величина этого показателя имела место в 1999 г. (1,157, т.е. более чем в 1,6 раза меньше, чем в 1990 г.). В XXI в. суммарный коэффициент рождаемости в России повышался почти постоянно, особенно существенно начиная с 2007 г., когда начали реализовываться новые меры государственной помощи семьям с детьми. В результате в 2014 г. этот показатель был лишь на 7,5% меньше, чем в 1990 г.

Почти таким же, как в России, было снижение суммарного коэффициента рождаемости в Беларуси. В 2003 г. (точка минимума) он был меньше, чем в 1990 г., в 1,55 раза. Повышение этого показателя в последующие годы привело к тому, что в 2014 г. он был меньше, чем в 1990 г., только на 11,3%.

В Украине минимальная величина суммарного коэффициента рождаемости была достигнута в 2001 г., составив 1,078 (в 1,7 раза меньше, чем в 1990 г.). Это была наименьшая величина этого показателя среди всех стран СНГ за рассматриваемый период. К 2012 г. суммарный коэффициент рождаемости в Украине вырос в 1,4 раза по сравнению с 2001 г., составив 1,531, но 2013-2014 гг. и, судя по общему коэффициенту рождаемости, в 2015 г. его величина сократилась.

Если в 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости в Беларуси, России и Украине был существенно ниже, чем в Армении и Молдове, то в 2014 г. во всех трех славянских странах СНГ он был выше, чем в Молдове. В Беларуси он был таким же, как в Армении, а в России несколько выше.

Официально опубликованные данные о величине суммарного коэффициента рождаемости в Казахстане сейчас доступны только с 1999 г. В начале XXI в. вплоть до 2008 г. в этой стране имел место почти неуклонный существенный рост суммарного коэффициента рождаемости. В 2008 г. он составлял 2,68 и был в 1,45 раза больше, чем в 2001 г. Однако в последующие годы движение суммарного коэффициента рождаемости здесь уже не было столь поступательным и в 2014 г. его величина (2,74) была почти такой же, как в 2008 г.

Суммарный коэффициент рождаемости в Азербайджане снижался с 2,8 в 1990 г. до 1,8 в 2001-2002 гг. Затем он вырос до 2,3 в 2005 г. и в последующие годы находится на уровне 2,2-2,4.

Практически во всех странах СНГ проводятся научные исследования проблем рождаемости и репродуктивного поведения.

Несколько исследований репродуктивного поведения в 2000-е гг. было проведено в Беларуси. Например, в 2011 г. специалистами отдела социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси был проведен опрос 1768 человек в возрасте 15 лет и старше. Выяснялось желаемое число детей («Сколько детей Вы хотели бы иметь в Вашей семье?»), а также причины, по которым не планируют рождение детей в ближайшем будущем [2; 3; 4]. Свыше 1000 человек (точнее, 1043) было опрошено в 2009 г. в Гомельской области. В ходе исследования им также задавался вопрос о желаемом числе детей («Сколько детей Вам хотелось бы иметь, если бы Вам были созданы все необходимые для Вашей жизни условия?») [10].

Одной из групп населения, в отношении которой сравнительно часто проводятся исследования вопросов брачного и репродуктивного поведения, являются студенты. Такой опрос 345 студентов был проведен, например, в 2009 г. в Бресте социологической учебно-методической лабораторией Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. В анкету были включены вопросы об ожидаемом числе детей, о причинах, мешающих иметь желаемое число детей [12].

В Таджикистане в 2005 г. было проведено исследование, основанное на опросе 690 замужних женщин в возрасте 18-49 лет. Им задавались вопросы «Сколько детей вообще желаете иметь Вы и Ваш муж?», «В сложившихся нынешних условиях сколько детей лучше иметь в семье?», «Если не учитывать нынешние семейные проблемы, сколько лучше всего иметь детей в семье?». Кроме того, изучались мотивы многодетности [11].

В Узбекистане, начиная с 1999 г., Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» периодически проводятся опросы в рамках социологического исследования «Общество и семья». Один из таких опросов, в котором участвовало около 4000 человек, был проведен в 2011 г. Выяснялось мнение респондентов о том, сколько детей лучше всего родить и иметь в семье в настоящее время, об оптимальном возрасте женщины для рождения первого ребенка, о том, как должно приниматься супругами решение о рождении очередного ребенка, изучалось их отношение к планированию семьи, к абортam [16].

В 2011 и 2012 гг. в Узбекистане социологические исследования, включающие вопросы репродуктивного поведения, проводились Республиканским научно-практическим центром «Оила» (Семья). У респондентов выяснялось идеальное и желаемое число детей [14].

Целый ряд исследований репродуктивного поведения проведен в Казахстане. Перечислим некоторые из них. Во второй половине 1990-х гг. Академией профилактической медицины Казахстана было проведено исследование, включающее вопросы репродуктивного поведения и репродуктивного здоровья, в ходе которого было опрошено 4800 женщин 15-49 лет и 1440 мужчин 15-59 лет¹. В рамках социологического исследования «Современная демографическая ситуация в Казахстане» в ноябре 2003 г. Казахстанским Институтом стратегических исследований был проведен опрос 1200 человек в возрасте 18 лет и старше. Среди прочих респондентам задавался вопрос «Как Вы считаете, почему в настоящее время некоторые казахстанские семьи не хотят заводить второго или третьего ребенка?» [15, с. 20].

В 2003 году в рамках исследовательской программы «Стратегия демографического развития Восточно-Казахстанской области» НИИ демографии Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова было проведено обследование мнений женщин (2000 человек в возрасте 15 лет и старше) по теме: «Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области». Выяснялись мнения респонденток об идеальном и планируемом числе детей [1].

¹

<http://www.academypm.org/language/ru/proekt-mediko-demograficheskogo-issl/proekt-mediko-demograficheskogo-issledovaniya-naseleniya-kazaxstana-1999-goda/>

Республиканским Советом женщин в 2005 г. было опрошено 1000 женщин и мужчин в возрасте от 18 до 45 лет (исследование «Семья, дети и семейное благополучие»). У респондентов выяснялось мнение об идеальном, желаемом и планируемом числе детей, а также то, в каких семьях, по их мнению, легче воспитывать детей – в семьях с одним ребенком или в многодетных. Безусловный интерес представляет вопрос «Согласны ли Вы с тем, что наличие нескольких детей в семье может быть благом столь же сильным по своей привлекательности, как и ...» [13].

В 2004-2005 гг. в ряде областей Казахстана, а также в Алматы и Астане было опрошено 1394 замужних женщин в возрасте от 18 до 39 лет. Среди прочих вопросов у них выяснялись мнения об идеальном и планируемом числе детей, о том, оставит ли женщина ребенка в случае незапланированной беременности и др. [7]. Этим же ученым – А.Б. Есимовой – было проведено еще несколько исследований. Например, в 2007 г. у 750 замужних женщин в Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях выяснялось идеальное, желаемое и планируемое число детей [8; 9].

Одно из исследований репродуктивного поведения в Молдове было проведено в 2009 г. в Кишиневе. Было опрошено 600 женщин в возрасте 15-44 лет. Выяснялось намерение иметь еще ребенка вообще и в ближайшие 3 года, идеальное и планируемое число детей, мнение о помехах к рождению детей и др. [5].

В Украине основным научно-исследовательским демографическим центром является Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи Национальной академии наук Украины. В 2008 г. учеными этого института было проведено исследование «Семья и дети» (3112 респондентов) [17; 19], а в 2009 г. – «Семья и семейные отношения» [18]. Респондентам задавался вопрос об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, выяснялись мнения о помехах к рождению желаемого числа детей, намерении родить ребенка в ближайшие три года, причинах откладывания рождения ребенка, представление об оптимальном возрасте рождения первого ребенка и др. Ряд исследований, в которых затрагивались вопросы репродуктивного поведения, был проведен в Украине в 1990-е гг.: «Молодая семья 1990-х», «Рождаемость и семья – 1992», «Семья молодых людей – 1996».

Среди исследований репродуктивного поведения в России выделим два, проведенные Росстатом: «Семья и рождаемость» (2009 г.)¹ и «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения» (2012 г.)², а также исследование «Родители и дети, мужчины и женщины» (1 волна – 2004 г.; 2 волна – 2006-2007 гг.; 3 волна – 2011 г.), проведенное Независимым институтом социальной политики совместно со специалистами Института демографии Высшей школы экономики и других научно-исследовательских центров³.

© Джанаева Н.Г., Архангельский В.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Алексеенко А.Н., Айтказина З.Н., Краснобаева Н.Л., Серекпаева А.Б., Тарасова Е.В., Уалиева С.К. Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области // Демоскоп Weekly, 2003, № 125-126 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0125/analit04.php>
2. Балбуцкая М.А. Демографическое поведение и установки сельских жителей Беларуси // Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества. Минск, 2011, с. 277-280 [Электронный ресурс]. URL: <http://socio.bas->

¹ http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

³ <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

net.by/Library/news_files/_Socialnoje_znaniye_i_problemy_konsolidacii_belorusskogo_obshchestva.pdf

3. Балбуцкая М.А. Репродуктивное поведение и установки сельских жителей Республики Беларусь // Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». М., 2012, с. 283-284 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/283.pdf

4. Балбуцкая М.А. Репродуктивное поведение женщин малых городов и сельских поселений Беларуси // Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности. Минск, 2013, с.165-169 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43264/1/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%94%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%20%D1%86%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf>

5. Бучучану-Врабие М. Детерминанты низкой рождаемости в столичном городе (на примере г. Кишинева) // Демографія та соціальна економіка. Київ, 2010. № 1, с.124-130 [Электронный ресурс]. URL: http://dse.org.ua/arhcrive/13/1%2813%29_2010.pdf

6. Данилова И.А., Елизаров В.В. Тенденции изменения рождаемости на постсоветском пространстве // Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала. – М., 2015. – С. 26-30.

7. Есимова А. Основные характеристики репродуктивного поведения женщин Казахстана // Демоскоп Weekly, 2006, № 245-246 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit01.php>

8. Есимова А.Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения // Научный журнал Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, Гуманитарная серия, 2010, № 2, с. 8-14 [Электронный ресурс]. URL: http://library.psu.kz/fulltext/transactions/1048/esimova_a.b_semejno-rodstvennie_svyazi_kak_socialniy_kapital_v_realizacii_reproduktivnogo_pokoleniya_esimova_a.b.pdf

9. Есимова А.Б. Репродуктивное поведение русских женщин в Казахстане (по материалам социолого-демографического обследования) // Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения). – М., 2012. – С. 288-292.

10. Злотников А.Г. Семья в системе глобальных изменений (по результатам социологического исследования в Гомельской области) // Демографические перспективы России и задачи демографической политики. – Вып.3. – М., 2010. – С. 54-56.

11. Исламов Ф.С. Тенденции демографического развития Республики Таджикистан. – Душанбе, 2005.

12. Кавецкий С.Т. Демографическая ситуация в Республике Беларусь // Социально-демографические проблемы молодежи в условиях кризиса. – М., 2009. – С. 212-216.

13. Климова Т.В. Современная казахстанская семья в эпоху социальных перемен // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Социально-экономические науки, 2006, т. 6, вып. 2, с. 109-118 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/2605/13.pdf>

14. Мамадалиева Х.Х. Репродуктивные намерения населения в современном Узбекистане // Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе: Восьмые Валентеевские чтения. – Т.1. – М., 2015. – С. 35-41.

15. Современная демографическая ситуация в Казахстане. Алматы, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/xdQNa1NP.pdf>

16. Убайдуллаева Р.А. Общество и семья в Узбекистане // Социологические исследования, 2011, № 10, с. 88-98 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-10/Ubaidullaeva.pdf>

17. Населення України. Народжуваність в Україні у контексті суспільно-трансформаційних процесів. Київ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.dipsm.org.ua/files/2008/11/narukr.pdf>

18. Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку. Київ, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.idss.org.ua/public_rus.html

19. Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації в Україні. Київ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://old.dipsm.org.ua/files/2008/11/%D0%A8%D0%BB%D1%8E%D0%B1_%D0%A1%D1%96%D0%BC%D1%8F_%D0%94%D1%96%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BD%D1%96%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf

Информация об авторах

1. Джанаева Наталья Георгиевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: njanaeva@gmail.com).

2. Архангельский Владимир Николаевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Dzhanayeva N.G., Arkhangel'skiy V. N.

THE FERTILITY IN THE COUNTRIES OF THE CIS: TRENDS AND RESEARCH

This article discusses fertility trends in the CIS countries since 1990, based on an analysis of the dynamics of general and total fertility rate. Presented the information about some of the reproductive behavior studies conducted by scientists from the CIS countries.

Keywords: fertility, total fertility rate, reproductive behavior, countries of the CIS

Information about the authors

1. Dzhanayeva Natalya Georgievna (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Senior Research, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991, Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46; e-mail: njanaeva@gmail.com)

2. Arkhangel'Skiy Vladimir Nikolaevich (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991, Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ СТРУКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В данной статье дается обзор демографических тенденций динамики численности населения, темпов роста, половозрастной структуры населения, соотношения полов, численности населения по регионам Республики Таджикистан за последние 30 лет.

Ключевые слова: демографические тенденции, численность населения, половозрастная структура населения.

Известно, что основная часть, а именно 73% населения Таджикистана, проживает в сельской местности. Структура населения республики, при сохраняющемся еще традиционным типе воспроизводства населения, определяется развитием сельского населения.

Для более ясного понимания картины изменения численности населения Таджикистана рассмотрим тенденцию его роста за последние 30 лет.

Численность населения Таджикистана увеличивалась достаточно быстрыми темпами. Это наглядно демонстрируют данные таблицы 1. За 30 лет (1979-2010), население Республики Таджикистан увеличилось в 3,6 раза, Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) – в 2,7 раза, г. Душанбе – в 2,9 раза, Согдийской области – в 3,2 раза, в городах и РРП – в 4,0 раза, в Хатлонской области – в 4,2 раза. Разница между среднереспубликанским темпом роста населения и Хатлонской области в 1989 г. составила 29,1%, а в 2008 г. – 68,3% [1]. Это происходит в условиях, когда в Хатлонской области наблюдается отрицательное сальдо чистой миграции, т.е. выезжает из области больше населения, чем прибывает.

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Таджикистан и ее регионов
за 1979-2010 годы, %

Регионы РТ	1979	1989	1991	1997	2000	2005	2007	2008	2009	2010
Республика Таджикистан	186,0	249,1	262,2	282,1	300,0	338,4	345,5	352,9	360,6	368,2
ГБАО	158,5	201,1	210,8	243,9	258,0	272,4	275,5	272,5	274,2	276,1
г. Душанбе	216,8	260,3	252,8	216,8	242,8	273,3	286,0	293,9	300,7	305,4
Хатлонская область	200,0	278,2	296,5	330,0	351,0	392,6	411,4	421,2	431,5	441,0
Согдийская область	179,5	233,6	245,5	268,2	281,2	304,7	315,0	320,4	326,3	333,1
Города и РРП (районы республиканского подчинения)	198,0	280,2	291,7	319,3	337,3	377,7	394,9	405,0	414,8	424,8

Рассчитано по: [2, с.18; 3, с.32; 4, с. 27]

Существенным фактором, способствующим высокому темпу роста численности населения, выступает благоприятная половозрастная структура населения Таджикистана.

Данные переписи населения подтверждают тезис о положительном росте населения в постсоветский период развития республики.

За этот период во всех регионах республики, исключение составляет ГБАО, наблюдается положительный рост. При таких темпах роста всех регионов республики население ГБАО гипотетически должно не отставать от среднереспубликанских показателей прироста населения. Такая ситуация говорит о том, что воспроизводство

населения Горного Бадахшана происходило на уровне простого замещения населения. Также сказалось влияние интенсивности трудовой миграции населения этого региона.

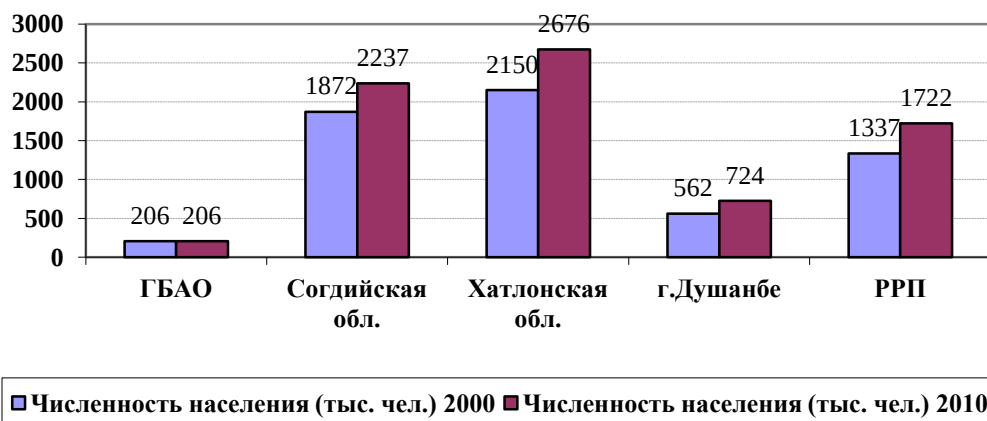

Рис. 1. Численность постоянного населения по регионам РТ [5]

В остальных регионах страны наблюдается положительный прирост населения: Согд – темпы роста 119,4%, прирост 19,3%, РРП – темп роста 128,7%, прирост 28,7%, Душанбе – 128,8%, прирост 28,8%, Хатлон – 124,4%, прирост 24,4% соответственно.

Рассматривая вклад регионов Таджикистана в общую численность населения, можно наблюдать, что лидирующие позиции занимает Хатлонская область – 36%.

Анализ источников научной и статистической информации свидетельствуют, что в Таджикистане на протяжении последних десятилетий идет равномерное распределение в половой структуре населения, пропорциональность между числом мужчин и женщин. Это важнейший аспект формирования брачного рынка, где между спросом и предложением не имеется существенного разрыва (таблица 2).

Таблица 2

Соотношение численности мужчин и женщин в Республике Таджикистан за 1989-2010 годы, %

Регионы РТ	1989 г.		2000 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Всего по республике	49,6	50,4	50,1	49,9	50,2	49,8	50,2	49,8	50,2	49,8	50,2	49,8
ГБАО	36,8	63,2	42,7	57,3	50,1	49,9	50,1	49,9	50,2	49,8	50,2	49,8
Согдийская область	49,2	50,8	49,9	50,1	50	50	50	50	50	50	50,0	50,0
Хатлонская область	49,7	50,3	50,0	50,0	49,8	50,2	49,8	50,2	49,8	50,2	49,8	50,2
г. Душанбе	49,2	50,8	51,0	49,0	52,1	47,9	52,1	47,9	52,2	47,8	52,3	47,7
Города и РРП	50,5	49,5	50,1	49,9	50,1	49,9	50,1	49,9	50,0	50,0	50,1	49,9

Рассчитано по: [3, с. 65-80; 6, с. 27]

По всем регионам республики, за исключением ГБАО, не наблюдается существенных различий в половом соотношении. Хорошие условия для воспроизводства населения сложились по всем областям республики (см. табл. 2). Данные таблицы показывают, что численный состав женщин и мужчин в Таджикистане равномерно распределен, даже с некоторым преобладанием мужчин в общей численности населения.

Еще одним важным фактором формирования брачного рынка и высокой рождаемости выступает равномерное соотношение мужчин и женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте (см. таблицу 3).

Таблица 3

Соотношение мужчин и женщин в возрасте 20-29 лет в Республике Таджикистан за 1979 – 2010 годы, тыс. чел. [3]

Регионы РТ	1979г.		1989г.		2000г.		2010	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Республика Таджикистан	285,5	298,9	447,2	458,1	497,2	505,0	747,1	736,7
Хатлонская Область	82,1	92,0	144,1	154,1	161,0	170,0	254,7	262,1
Согдийская Область	89,0	96,1	135,6	142,0	154,9	156,1	220,8	218,7
г. Душанбе	52,0	45,1	59,8	52,7	54,0	51,0	78,7	67,4
ГБАО	7,1	8,4	12,0	13,1	19,9	19,2	22,5	20,2
Города и РРП	55,3	56,4	95,6	96,3	107,4	108,6	170,1	170,2

Благоприятная половозрастная структура также предполагает пропорциональное распределение мужчин и женщин в активном репродуктивном возрасте. Такое распределение создает мощный репродуктивный потенциал для воспроизводства населения. На основе данных о половозрастной структуре в активном репродуктивном возрасте (20-29 лет) можно спрогнозировать уровень рождаемости в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Из данных таблицы 3 видно, что показатели соотношения мужчин и женщин в активном репродуктивном возрасте изменились в сторону повышения по всем регионам республики. Такая ситуация еще раз доказывает тот факт, что создан потенциал для брачной структуры, растет численность бракоспособного населения. Такое проявление демографического развития Таджикистана становится важным условием и предпосылкой для роста численности населения в будущем. Рост численности будет определяться не только естественным движением населения, но и пропорциональным развитием в половозрастной структуре.

Из данных таблицы 3 также наблюдается некоторая диспропорция в количественных параметрах, к примеру, в городе Душанбе разница составила 10 тыс. человек в пользу мужского населения. По другим регионам преобладают женщины. Такую ситуацию можно охарактеризовать следующим:

- внешняя трудовая миграция, в которой активно участвует мужское население;
- смертность у мужчин выше, особенно в старших возрастных группах;
- во внутренней миграции из города в село также преобладают мужчины.

Как подчеркнуто выше, численность населения и рождаемость зависят от количества женщин репродуктивного возраста.

Таблица 4

Динамика численности населения репродуктивного возраста (15-49 лет) в Республике Таджикистан и ее регионах за 2000-2010 годы, тыс.чел. [7, с. 112]

Регионы РТ	2000 г.		2010 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Республика Таджикистан	1469,3	1486,2	2029,3	2018,9
Хатлонская область	477,2	496,3	687,3	701,6
Согдийская область	470,3	475,9	609,5	609,9
г. Душанбе	155,5	144,9	215,4	199,0
ГБАО	53,7	52,6	61,1	57,1
Города и РРП	312,6	316,3	456,1	452,3

Из таблицы 4 видно, что за 10 лет демографического развития населения РТ наблюдаются диспропорции в приросте мужского и женского населения в

репродуктивном возрасте. По Хатлонской и Согдийской областям очевидно увеличение доли женщин репродуктивного возраста, т.е. создается база для повышения рождаемости в этих регионах.

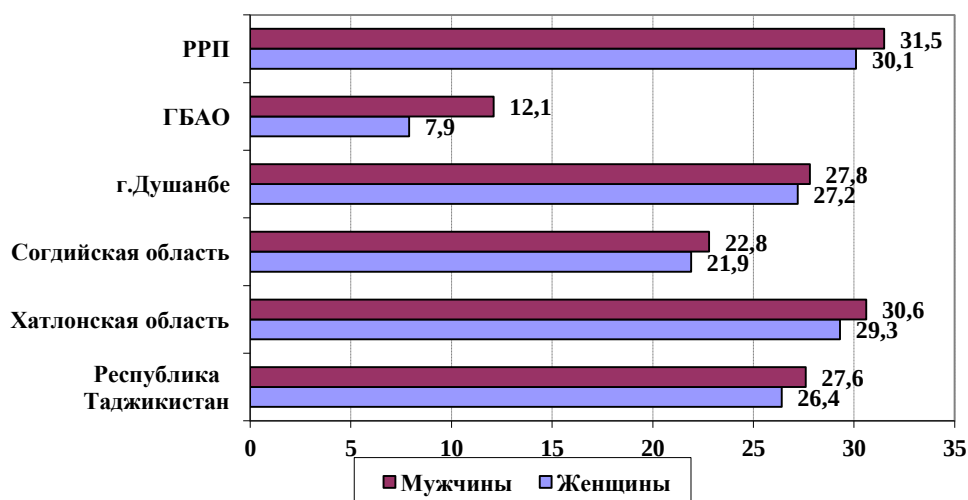

Рис. 2. Прирост соотношения между мужчинами и женщинами репродуктивного возраста по регионам РТ на 2010 год, %

Структура и состав населения по полу и возрасту играет решающую роль в изменении практически всех демографических показателей. К примеру, одинаковое соотношение мужского и женского населения в активном брачном возрасте служит базовой основой для ускоренного формирования новых семей и, соответственно, является предпосылкой для роста рождаемости населения.

Возрастно-половая пирамида населения Республики Таджикистан показывает изменения, происшедшие в рождаемости, смертности и миграции населения почти за 100 лет. За последние годы наблюдается некоторое сужение основания пирамиды, что связано со значительным снижением рождаемости и ростом масштабов эмиграции населения. Значительные изменения пирамиды наблюдается у мужчин и женщин в возрастной группе 56-57 лет, что было связано со снижением рождаемости, прежде всего, среди городского населения в годы рождения этой когорты населения. В Таджикистане сохраняются пережитки традиционного типа воспроизводства населения, который существует, прежде всего, в сельской местности, что обеспечивает расширенное основание пирамиды.

Из этого можно сделать определенные выводы:

- население Таджикистана увеличивается достаточно быстрыми темпами, прежде всего, за счет естественного прироста;
- рост сельского населения является гарантом сохранения традиционно высокой рождаемости, что способствует развитию дезурбанизации населения;
- молодая возрастная структура и благоприятная половозрастная структура населения формируют базу для будущего роста численности населения Таджикистана в ближайшие 15-20 лет.

За последние десятилетия население трудоспособного возраста увеличилось в 1,7 раза, моложе трудоспособного – в 1,1 раза и старше трудоспособного возраста – уменьшилось в 1,1 раза [6]. В процентном выражении экономически активное население увеличилось на 8,6%, доля населения в общей численности населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась на 7%, старше трудоспособного возраста – сократилась на 1,5%.

Таблица 5

Половозрастная структура населения РТ [8]

Категории населения	2000г.			2010г.		
	Все население	Муж.	Жен.	Все население	Муж.	Жен.
Моложе трудоспособного возраста	42,7	43,3	42,1	35,6	36,2	34,9
Экономически активное население	51,0	51,5	50,5	59,7	60,1	59,3
Население старше трудоспособного возраста	6,3	5,2	7,3	4,7	3,7	5,8

Снижение численности населения моложе и старше трудоспособного возраста уменьшает экономическое давление на трудоспособное население. С 2000 по 2010 гг. число иждивенцев на 100 чел. экономически активного населения снизилось с 96 до 68 человек. Население моложе трудоспособного возраста снизилось с 83,6 в 2000 году до 58,8 в 2010 году, старше трудоспособного возраста – с 12,2 до 9,7 на 100 экономически активного населения.

Снижение доли населения моложе трудоспособного возраста связано в первую очередь с демографической политикой страны и политикой планирования семьи с начала 2000-х годов. Снижение суммарного коэффициента рождаемости до 2,6 ребенка на семейную пару повлекло за собой такую ситуацию.

С экономической точки зрения такое положение проявит свои негативные стороны, во-первых, с переходом в будущем этой возрастной группы в трудоспособный возраст, так как будет мощное экономическое давление со стороны населения трудоспособного возраста, переходящего в старшие возраста; во-вторых, со снижением числа населения трудоспособного возраста.

Рост населения трудоспособного возраста оказывает мощное влияние на социально-экономическое развитие страны, проявляющееся, в частности, в:

- давлении на рынок труда, росте конкурентной борьбы;
- активизации миграционных потоков;
- росте неформального сектора на рынке труда;
- повышении уровня потребления и т.д.

Неопределенность тенденций социально-экономического развития Таджикистана вызывает опасения. Государственное регулирование экономики в стране в условиях роста трудоспособного населения заключается в развитии реального сектора экономики, развитии сельского хозяйства (интенсивный рост наблюдается именно в сельской местности), в государственной поддержке развития предпринимательства, эффективном регулировании миграционных потоков, координации и изменении вектора направления этих потоков.

© Джонакова Г.А., Аскарлов А.Р. Текст. 2016

Список источников

1. Исламов С.И. Рождаемость населения. – Душанбе: Ирфон, 2009.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Таджикской ССР. – Т. 1. – Душанбе, 1990.
3. Население Республики Таджикистан, 2000 год. – Душанбе, 2001.
4. Статистический ежегодник Республики Таджикистан, 2010 г. – Душанбе, 2010.
5. Хайдаров А. Анализ демографических тенденций / ЮНФПА. – Душанбе, 2013. – С. 10.
6. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2010.

7. Население Республики Таджикистан по итогам всеобщей переписи населения 2000 года. – Душанбе, 2005.
8. Данные переписи населения РТ, 2010 г.

Информация об авторах

1. Джонакова Гулжахон Абдулманоновна (Республика Таджикистан, г. Душанбе) – старший научный сотрудник Института экономики и демографии АН РТ (Республика Таджикистан, 734024, г. Душанбе, ул. Айни, 44. e-mail: guljahon07@mail.ru).
2. Аскарлов Ахрор Рахмоналиевич (Республика Таджикистан, г. Душанбе) – старший научный сотрудник Института экономики и демографии АН РТ (Республика Таджикистан, 734024, г. Душанбе, ул. Айни, 44. e-mail: ahror74@mail.ru).

Jonakova G.A., Askarov A.R.

DYNAMICS OF POPULATION AND ITS STRUCTURE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

This article provides an overview of demographic trends of population dynamics, growth rate, age and sex structure of the population, sex ratio, population of the regions of the Republic of Tajikistan for the past 30 years.

Keywords: demographic trends, population size, age and sex structure of the population.

Information about the authors

1. Jonakova Guljaxon Abdulmanonovna (Republic of Tajikistan, Dushanbe) – senior researcher, Institute of Economy and Demography AS RT (Republic of Tajikistan, 734024, Dushanbe, Ayni st., 44; e-mail: guljahon07@mail.ru).
2. Askarov Axror Rahmonalievich (Republic of Tajikistan, Dushanbe) – senior researcher, Institute of Economy and Demography AS RT (Republic of Tajikistan, 734024, Dushanbe, Ayni st., 44; e-mail: ahror74@mail.ru).

УДК: 314

Н.В. Зверева

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Устойчивый экономический рост страны или региона определяется рядом факторов, влияющих на их социально-экономическое развитие, как со стороны производства, так и со стороны накопления и потребления. Одним из таких факторов выступает возрастная структура населения (численность, динамика, отдельных возрастных групп, их соотношение, в частности доля населения трудоспособного возраста, детей (в т.ч. до 3 лет, 3-14 лет), населения «третьего возраста» во всем населении, возрастная структура самих этих основных возрастных групп, например, доля лиц в возрасте 25-29 лет и 30-35 лет в населении трудоспособного возраста, старше 80 лет среди пожилых людей старше 60 или 72 лет и т.д., показатели демографической нагрузки). Используются возрастные экономические показатели, оказывающие влияние на общие экономические показатели страны или региона, на

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ №15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)»

основе использования метода экономических возрастных пирамид. Показано, что возрастная структура оказывает на них влияние.

Ключевые слова: возрастная структура населения, экономическое развитие, спрос на средства производства и потребления, региональное устойчивое развитие, демографическая нагрузка.

В процессе принятия социально-экономических решений на уровне страны нужно учитывать различия в возрастной структуре населения ее регионов, региональное экономико-демографическое неравенство, одним из факторов которого выступает региональное демографическое неравенство. Нужно также иметь в виду не только финансовую, но и трудовую нагрузку на население трудоспособного возраста, которую возможно учесть на основе данных социологических исследований. В семьях работающие члены семьи должны одновременно заботиться как о своих детях, так и о родителях и прародителях (нагрузку на так называемое «сэндвич-поколение» в условиях сосуществования «overlapping generations»).

Большое внимание, как правило, с указанием отрицательных экономических последствий, в современных исследованиях уделяется старению населения. Однако имеются и другие выводы. «Мой основной вывод состоит в том, что текущие демографические изменения не всегда препятствуют технологическому прогрессу и экономическому процветанию. Одновременное снижение рождаемости и смертности (что и ведет к старению населения) могут способствовать экономическому росту [10]. Этот вывод соответствует эмпирическим исследованиям (моделирования экономического роста), показывающим, что негативный эффект старения населения может быть преувеличен среди неспециалистов, занимающихся проблематикой влияния старения населения на социально-экономическое развитие» [7, 347]. Необходимо принимать во внимание уровень старения, темпы роста доли лиц пожилого возраста, глубину старения, величину накопления (на 1 человека пенсионного возраста), уровень занятости лиц «третьего возраста», продолжительность их здоровой жизни, стимулы изменения техники и технологии («реиндустриализации» на новой технико-технологической основе), определяемые также и старением.

Анализ социально-экономических последствий изменения возрастной структуры составляет предмет экономики возрастной структуры населения. До 1980-х гг. на это направление исследований, даже на уровне стран, обращалось недостаточное внимание (в основных моделях экономического роста учитывался рост численности населения, т.е. эффект численности или темпов его роста, что только косвенно связано с возрастной структурой). Оценка возрастных различий производительности, потребления (в т.ч. и услуг воспитания, образования, здравоохранения, социального обслуживания), сбережений и их влияния на региональный устойчивый экономический рост, его темпы, его дифференциацию, на динамику и структурные изменения экономики страны выступают основной задачей экономики возрастной структуры населения.

Анализ последствий изменения возрастной структуры населения и значимости различных возрастов человека для экономики региона и страны является важным аспектом исследования формирования человеческого капитала. Один из ключевых методов анализа возрастных особенностей производства и потребления, получивший название *возрастных экономических пирамид*, был предложен Э. Валковичем, построившим возрастные шкалы интенсивности производства и потребления населения Венгрии (при условии, что известны соответствующие соотношения возрастных экономических показателей). У Э. Валковича – это соотношения возрастных показателей занятости, производства и потребления. Показатели возрастных шкал (возрастные коэффициенты) рассчитывались на основе результатов специальных обследований исходя из общих объемов производства и потребления, численности экономически активного

населения по возрастам и всего населения, а также данных о возрастном распределении указанных величин. Экономические показатели их зависимости от возраста показаны в таблице, опубликованной в книге [5, с. 203].

В 1970 г. в сборнике «Население и экономика» была опубликована статья Э. Валковича «Производные экономические таблицы смертности населения Венгрии», где он применил ту же методику (использовав относительные возрастные показатели – возрастные коэффициенты) для анализа экономики возрастной структуры (ее влияния на производство, соотношение рабочего и нерабочего времени, производительности труда, потребления, «стоимости средней продолжительности жизни» в отдельных возрастах и к определенному возрасту, поколения в целом) в стационарном населении, взяв за основу таблицы смертности Венгрии 1959-1960 гг. [1, с. 53-74]. В 1975-1976 гг. в Латвии было проведено обследование рабочих важнейших отраслей материального производства, позволившее построить возрастные шкалы производства и потребления как для мужского, так и для и женского населения [3, с. 3-12]. Рассчитанные возрастные коэффициенты производства и потребления также отражали отношение соответствующих возрастных интенсивностей к соответствующему значению для всего населения.

Возрастные коэффициенты производства для Венгрии и Латвии оказались близки друг к другу. Некоторая разница в сравнительной интенсивности производства в старших возрастах (расчеты для Венгрии сделаны на основе данных о доходах, а для Латвии – на основе данных о заработной плате), по-видимому, может быть объяснена именно спецификой исходных данных (включением в доход и пенсионных выплат, и накоплений, увеличивающихся с возрастом). Возрастной профиль производительности в обоих случаях имеет Λ-образную форму, достигая своего максимума в интервале возраста 35-44 года. Сходные результаты были получены М. Денисенко и А. Саградовым и для России второй половины 1990-х гг. [2, с. 87-93]. При этом максимум профиля, построенного на основе данных о заработной плате, приходился на интервал 35-39 лет, а профиля, построенного на основе данных о доходах, – на интервал 40-44 года. Сравнение данных, полученных разными исследователями в разные годы, в то время позволял говорить о возможности использования выявленных соотношений возрастных экономических интенсивностей в качестве единой возрастной шкалы (как основы анализа) производства, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Однако в настоящее время необходим соответствующий перерасчет этих соотношений, особенно на региональном уровне.

Возрастные коэффициенты доходов (связанные с возрастными коэффициентам производства), рассчитанные как доли дохода возрастных групп от среднедушевого по регионам дохода за последний год (по двум регионам с относительно большей численностью населения), попавших в выборку (обследование в России проведено осенью 2012 г.), показаны в таблице 1.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты производства (по доходам) Нижегородской области и г. Санкт-Петербург по данным исследования «Репродуктивные планы населения», 2012 г. (пятилетние возрастные группы)¹

Возрастные группы, лет	Нижегородская область	г. Санкт-Петербург
До 25	0,82	0,88
25-29	0,80	1,08
30-34	0,73	1,00
35-39	0,81	1,00
40 и старше	1,42	1,00
Число ответов	419	580

¹ Опрошены женщины 18-44 лет, мужчины – 18-59 лет. Расчет произведен по отношению уровня среднедушевых доходов возрастной группы к среднему доходу всех ответивших на этот вопрос. Расчеты автора.

Возрастные коэффициенты доходов, рассчитанные для Санкт-Петербурга в 2012 г., незначительно отличаются от данных по Латвии почти треть века назад. В то же время в Санкт-Петербурге самый высокий коэффициент дохода в возрасте 25-29 лет, а в Латвии (данные по заработной плате, а не о доходах) – в возрасте 35-39 лет. Самый высокий коэффициент в Нижегородской области – в возрасте 40 лет и старше.

Возрастные коэффициенты доходов (по ним косвенно можно судить и о вкладе различных возрастов в производство) в настоящее время в регионах различны, что определяется не только выбором индикатора (зарботной платы или доходов), но и другими факторами, связанными с производительностью труда, уровнем оплаты часа рабочего времени, развитием полной или неполной занятости (если учитывается заработная плата), структурой производства, демографической нагрузкой на работающих (если учитывается среднедушевой доход), уровнем занятости пенсионеров и величиной их пенсий и другими факторами. Возрастная заработная плата по одногодичным возрастными группам показана в таблице 2.

Таблица 2

Возрастные показатели производительности труда (по заработной плате) в России, «Российский мониторинг экономического положения и здоровья», 24 волна, 2014 г. (РМЭЗ, однолетние возрастные группы)¹

Возраст, лет	Отношение заработной платы в данном возрасте к средней	Возраст, лет	Отношение заработной платы в данном возрасте к средней
21	1,87	42	0,71
22	1,70	43	0,50
23	2,38	44	0,96
24	1,66	45	0,68
25	0,82	46	0,38
26	0,34	47	0,97
27	0,51	48	1,11
28	0,40	49	0,75
29	0,67	50	0,62
30	1,08	51	0,27
31	1,76	52	0,43
32	0,70	53	1,17
33	0,72	54	0,72
34	1,42	55	0,79
35	0,92	56	0,46
36	1,63	57	0,35
37	0,80	58	0,67
38	1,24	59	2,10
39	0,19	60	0,59
40	0,64	61	1,50
41	1,75	62	1,03

Анализ коэффициентов, полученных из обследования РМЭЗ, не указывает на возрастное распределение заработной платы (производительности) Λ формы, т.е. определенную возрастную закономерность распределения заработной платы. Однако, по нашему мнению, этот метод (по 5-летним или 10-летним возрастным группам) до сих пор может быть полезным при анализе влияния возрастной структуры на социально-

¹См.: <https://www.hse.ru/rlms/spss>. Вопрос задавался о величине заработной платы за последний месяц, после вычета налогов. Приведены коэффициенты в возрастах, по которым было не менее 50 ответов. Расчеты автора.

экономическое развитие регионов и страны в целом, перспективы их социально-экономического развития, одним из факторов которой выступает возрастная структура.

Для регионов страны публикуются данные численности всех занятых для 5-летних возрастных групп, в региональном разрезе и повозрастные доли занятых. Так что представляется возможным прямой расчет влияния возрастной структуры региона на уровень занятости в регионе, динамику занятости (табл. 3).

Таблица 3

Возрастные показатели занятости населения России (в % от средней), сентябрь 2015 г.¹

Возраст. лет	Всего	Мужчины	Женщины
15-19	0,6	0,7	0,5
20-24	7,0	7,7	6,2
25-29	14,5	15,5	13,3
30-34	13,7	14,4	13,0
35-39	12,9	12,8	13,1
40-44	12,2	11,7	12,6
45-49	11,3	10,6	12,1
50-54	12,8	11,8	13,9
55-59	9,3	9,4	9,3
60-72	5,7	5,3	6,1

Для каждого социально-экономического показателя, отражающего влияние на него возрастной структуры населения страны или региона, выбирается наиболее приемлемый (не обязательно одинаковый для всех социально-экономических индикаторов) способ расчета. Неизменность соотношения основных возрастных групп населения выступает демографической основой устойчивого развития как страны, так и регионов.

© Зверева Н.В. Текст. 2016

Список источников

1. Валкович Э. Производные экономические таблицы смертности населения Венгрии // Население и экономика. Новое в зарубежной демографии / под ред. А.Г. Волкова, А.Я.Кваши. – М.: Статистика, 1970.
2. Денисенко М.Б., Саградов А.А. Микроэкономическая модель пожизненных доходов // Население и доход / под ред. Саградова А.А. – М.: Макс Пресс, 2001. – С. 86-93.
3. Звидриньш П.П., Звидриня М.А. Население и экономика. – М., Мысль, 1987.
5. Марксистско-ленинская теория народонаселения / под ред. Валентя Д.И. – М.: Мысль, 1974.
6. Bloom DE, Börsch-Supan A, McGee P, Seike A. Population aging: facts, challenges, and Responses // Program on the Global Demography of Aging Working Paper 71. – 2011.
- Perlman M. Stiles of Population Economics: A Review Essay // Population and Development Review. – 1998. – No. 24(4). – P. 846-859, 853.
7. Della Vigna S., Pollet J.M. Demographics and industry returns // Am. Econ. Rev. – 2007. – No. 97(5). – P. 1667–1702; Feyrer J. Aggregate evidence on the link between demographics and productivity // Population and Development Review. – 2008. – No. 34.
8. Fair R.C., Dominguez K. Effects of the changing U.S. age distribution on macroeconomic equations // Am. Econ. Rev. – 1991. – No. 81(5).

¹Обследование населения по проблемам занятости – 2015.[Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm (дата обращения 14.12.2015). Подобные показатели имеются и в среднем за год. Все занятое население принимается за 100%. Можно также рассчитать и численность занятых по 5-летним возрастным группам по субъектам Федерации.

9. Macunovich Diane J. The role of demographics in precipitating economic downturns //Popul. Econ. – 2012. – No. 25. – P. 783–807. DOI 10.1007/s00148-010-0329-5.

10. Prettnner Klaus Population aging and endogenous economic growth [Electronic resource]. URL: <http://www.doi:10.1007/s00148-012-0441-9> (дата обращения 11.12.2015).

Информация об авторе

Зверева Наталия Викторовна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. [М.В.Ломоносова \(Москва, Ленинские горы, 1; e-mail: \[zvereva52@yandex.ru\]\(mailto:zvereva52@yandex.ru\)](#)

Zvereva N.V.

POPULATION AGE STRUCTURE AS ONE OF THE FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Sustainable economic growth of a country or region is determined by a number of factors affecting their socio-economic development of both the production and the accumulation and consumption. One such factor is the age structure of the population. (size, dynamics, of the main age groups, the ratio between them, in particular, the share of the working-age population, children (including up to 3 years, 3-14 years), the population of the "third age" in the whole population, the age structure of the major age groups, for example, the proportion of persons aged 25-29 years and 30-35 years in the population of working age over 80 years among older people over 60 or 72 years, etc. indicators of demographic burden. Using the age economic indicators, the method of economic age pyramids show that the age structure affect overall economic indicators of a country or a region.

Keywords: the age structure of population, economic development, the demand for means of production and consumption, regional sustainable development, demographic pressure

Information about the author

Zvereva Nataliya Victorovna (Russia, Moscow) – PhD professor of the Chair of Population of Economic Faculty of Moscow State University under M.V.Lomonosov. E-mail: zvereva52@yandex.ru.

УДК 314.88

Е.А. Илинбаева

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ «ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНОГО» ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ*

В статье выделены ключевые факторы, обуславливающие отток населения из малых и средних городов. По результатам социологического опроса населения были выявлены основные проблемы городов, среди которых наиболее острыми являются проблемы трудоустройства и заработка.

Ключевые слова: региональные факторы, «центр – периферия», мотивация, малые и средние города, регион, социологический опрос.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Гранта РГНФ №16-32-01041 «Методический инструментарий оценки факторов и перспектив социально-демографического развития малых и средних городов России»

В современном представлении малые и средние города являются связующим звеном между сельскими поселениями и административным центром области как субъекта Российской Федерации. Помимо этого, это «опорные точки» территорий, место расположения промышленных предприятий, транспортно-распределительные узлы, научные центры, очаги культуры и образования [4]. С точки зрения функционального подхода, малые и средние города «рассматриваются как составная часть региона и фактор его социально-экономического развития» [2]. Однако во многом развитие данных городов нестабильно вследствие ограниченности ресурсов и влияния факторов экономического, социального, управленческого и институционального характера¹. Наличие нерешенных социально-экономических проблем в городах приводит к оттоку населения из периферии в центр. При этом «центростремительное» движение населения может составить «от 20 до 40 млн чел., что станет прямым следствием невозможности поддержки и развития пространственной инфраструктуры городами, бюджеты которых не дают налоговых поступлений» [1].

С позиции модели пространственного развития «центр – периферия» (Дж. Фридман) [7], малые и средние города («периферия») являются донорами трудовых, финансовых и природных ресурсов для «центров», тем самым снижая свой потенциал развития.

Для оценки факторов «центростремительного» перемещения населения из малых и средних городов коллективом Института экономики Уральского отделения РАН был проведен социологический опрос населения (городское поселение Петухово (Курганская область) и г. Троицк (Челябинская область) – 1057 респондентов) на территориях их притяжения мегаполисами и крупными городами Среднего Урала и Зауралья. Наша цель заключалась в том, чтобы выявить, какие факторы лежат в основе центростремительного передвижения населения.

Рассмотрим некоторые особенности данных городов. Городское поселение Петухово является административным центром Петуховского муниципального района Курганской области. Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016) «Об утверждении перечня моногородов» [3] поселение включено в список моногородов Российской Федерации с риском ухудшения социально-экономического положения. В целом экономика муниципального района представлена сельскохозяйственным и промышленным производством. Город Троицк расположен на территории Челябинской области. На территории города расположены ОАО: «Троицкий электромеханический завод», «Троицкий станкостроительный завод», «Кирпичный завод им. Ильина», «Троицкая швейная фабрика», «Троицкий дизельный завод» и другие. Градообразующим предприятием является Троицкая ГРЭС.

Оценка динамики численности постоянного населения в Петухово показала убыль населения в данном городском поселении (рис.1). По данным 2015 года, число выбывшего населения составило 680 человек, из них 514 – население трудоспособного возраста, а прибыло всего 341 человек трудоспособного возраста.

¹Экономические – ограниченность финансовых ресурсов предприятий и устаревшая технологическая база; наличие одного градообразующего предприятия; снижения налоговых поступлений в местный бюджет; снижение качества и количества трудовых ресурсов; социальные – проблемы безработицы, образования, здравоохранения населения, неразвитости социальной инфраструктуры, а также социального расслоения населения; институциональные – в связи с последними новациями в области стратегического планирования на муниципальные образования возложены функции по разработке стратегий социально-экономического развития.

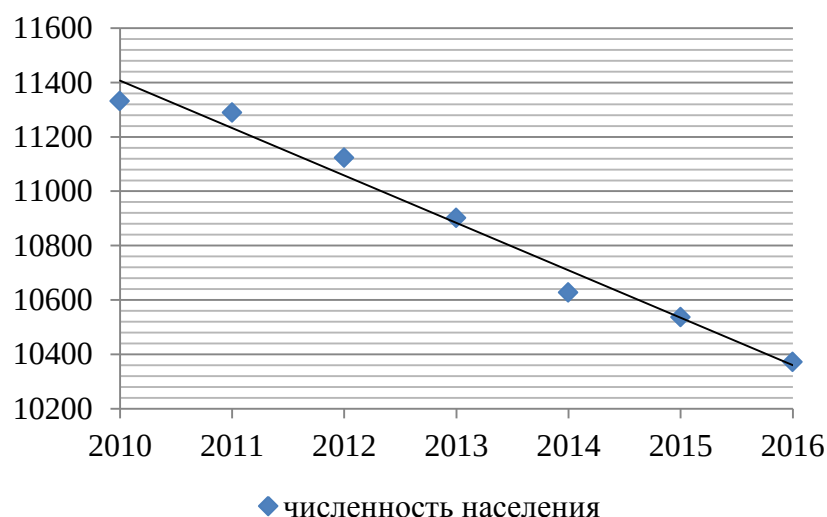

Рис. 1. Численность постоянного населения городского поселения Петухово Курганской области, тыс. чел. [5]

Оценка динамики численности населения в г. Троицк также показала тенденцию к снижению показателей (рис. 2).

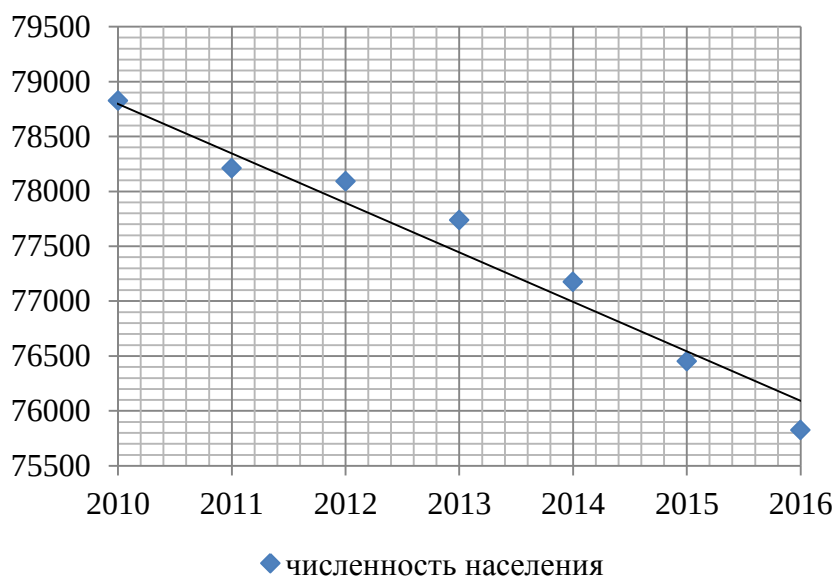

Рис. 2. Численность постоянного населения г. Троицк Челябинской области, тыс. чел. [6]

При проведении социологического опроса предлагалось ответить на вопрос: «Какие проблемы вашего муниципального образования (поселения) волнуют вас больше всего?». Результаты показали следующее. Больше всего (68,5%) респондентов волнуют проблемы трудоустройства (табл.1). Помимо этого, 32,8 % респондентов считают, что их доход увеличится за пределами их города (табл. 2). Свыше 23% респондентов на вопрос: «Если вы работаете за пределами вашего постоянного места проживания, то с чем это связано?» (табл. 3) ответили: с желанием улучшить свое материальное положение и содержательно провести свободное время; 13,7% указали на желание получить образование и повысить квалификацию. Отток молодежи из населенного пункта многие респонденты связывают, во-первых, с отсутствием рабочих мест в городе проживания – 56,6%; во-вторых – с низким уровнем заработной платы – 71,7%; в-третьих – с получением образования – 15,2%.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы вашего муниципального образования (поселения) волнуют вас больше всего?»

№	Варианты ответов	% ответивших
1	Трудоустройство	68,5
2	Рост цен	39,3
3	Улучшение жилищно-бытовых условий	33,7
4	Доступность услуг здравоохранения	23,6
5	Организация свободного времени подростков	22,5
6	Экология	15,7
7	Преступность	14,6
8	Наркотики	10,1
9	Безопасность	10,1
10	Регулирование нелегальной миграции	3,4
11	Межнациональные отношения	2,2
12	Другая проблема	1,1
13	Пенсии	0,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли вы, что ваш доход увеличится при условии занятости за пределами вашего города (села)?»

№	Варианты ответов	% ответивших
1	Да	32,8
2	Скорее да, чем нет	27,8
3	Скорее нет, чем да	20,4
4	Изменится незначительно	19,0

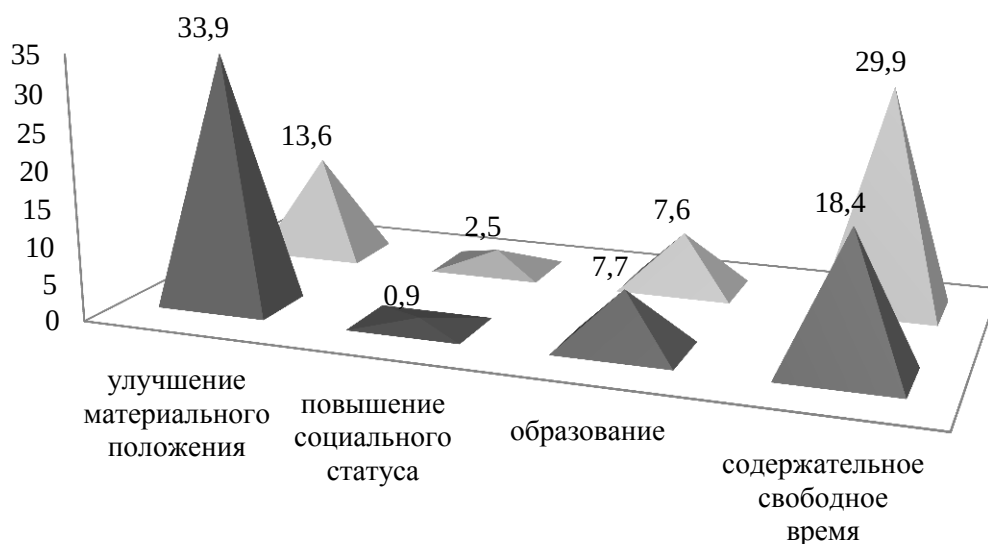
Распределение ответов на вопрос: «Если вы работаете за пределами вашего постоянного места проживания, то с чем это связано?»

Что касается мотивации на поиск работы за пределами постоянного места проживания, то она выше у респондентов, которые ищут перспективы в другом городе, чем у населения, постоянно проживающего по месту жительства (рис. 3).

Таблица 3

№	Варианты ответов	% ответивших
1	Содержательное проведение свободного времени	23,3
2	Желание улучшить свое материальное положение	23,1
3	Другое	20,4
4	Получить образование, повысить квалификацию	15,2
5	Вынужден ездить помогать родственникам	10,3

6	Необходимость получения квалифицированной мед. помощи	4,3
7	Желание повысить свой социальный статус	2,6
8	Ищу возможность переехать в другой город	2,6
9	Экологические условия	1,9

■ население, которое ищет перспективы в другом городе ■ постоянное население

Рис. 3. Мотивация на поиск работы за пределами постоянного места проживания респондента, %

Таким образом, математическая обработка данных позволила выявить основные факторы, влияющие на перемещения населения из одного населенного пункта в другой. Результаты исследования показали, что фактор ожидаемого дохода напрямую связан в мотивациях с вопросом о занятости за пределами места проживания ($V_{\text{Крамера}}: 0,335$).

© Илинбаева Е.А. Текст. 2016

Список источников

1. Бондарская О. В. Институциональные факторы совершенствования инструментария социально-экономического развития малых городов // Социально-экономические явления и процессы / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – 2013. – № 10. – С. 21-27.
2. Никифорова Л.Ю. О роли малых городов в экономическом пространстве региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 3. – С. 31-34.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016) «Об утверждении перечня моногородов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/
4. Рассеко Ю.Ю. Активизация роли малых городов в региональном развитии // Вестник Полоцкого государственного университета (экономические и юридические науки). – 2012. – № 3. – С. 20-23.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курганской области (Курганстат) [Электронный ресурс]. URL: http://kurganstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurganstat/ru/municipal_statistics/
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области (Челябинскстат) [Электронный ресурс]. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/municipal_statistics/main_indicators/naselenie_godovay
7. Friedmann J. Regional development policy. – Boston, Mass. Inst. Techn., 1966.

Информация об авторе

Илинбаева Екатерина Александровна (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист Института экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

Ilinbaewa E. A.

REGIONAL FACTORS OF THE "CENTRIPETAL" MOVEMENT OF THE POPULATION

The aim of this article is assessment of major factors causing outflow of the population from the small and average cities. In this article are presented results of sociological poll of the population, the concerning main problems of the region. The sharpest are problems of employment and earnings.

Keywords: regional factors, center – periphery, motivation, small and average cities, region, sociological poll.

Information about the author

Ilinbaewa Ekaterina Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) – leading Economist, The Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) Russia, Ekaterinburg (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

УДК 331.5; 316.4

Э.В. Ильвес

ВЛИЯНИЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ*

Протекающие в современном обществе социально-экономические процессы ведут к распространению прекаризации труда, которая мало зависит от сферы деятельности и опыта работника. Прекаризованной занятости подвержены все социальные и возрастные группы, в том числе молодежь. Статус «молодости» зачастую усиливает прекаризацию его носителя. В статье рассматривается влияние прекаризованной занятости на положение молодежи в России и Японии. Исследуется занятость молодежи, ее влияние на профессиональную самоидентификацию молодых работников, на личную жизнь молодых людей. Делается вывод, что процессы, протекающие в России и Японии, имеют одинаковую природу. Неформально занятых становится больше, и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020).

государству придется с этим считаться. Проблемы прекариата и прекаризованного труда требуют дальнейшего осмысления.

Ключевые слова: прекаризованная занятость, молодежь, труд, Япония, прекариат.

Вовлечение молодежи в процессы формирования и развития будущего человеческого капитала важно во все времена. Однако современная социально-экономическая ситуация в мире остается неблагоприятной для становления и развития самой молодежи. Протекающие в обществе социальные процессы ведут к распространению прекаризованной занятости и прекаризованных условий труда, для которых характерны отсутствие стабильной занятости, гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав [1, с. 185].

Прекаризованная занятость мало зависит от сферы деятельности работника и может возникнуть практически в любом виде профессионального труда [2, с. 109]. Представителей прекариата в современной России можно найти в следующих социально-профессиональных группах: трудоспособное население, постоянно работающее на временных должностях; люди, работающие неполный рабочий день или ограничивающиеся сезонными и случайными приработками; безработные; представители креативных профессий; занятые заемным трудом; мигранты; стажеры и часть студенчества. Молодежь широко представлена во всех перечисленных группах. Статус «молодости» зачастую способствует усилению прекаризованной занятости его носителя.

Занятость и безработица среди молодежи.

Количество безработных людей среди молодежи достаточно велико. По данным проведенного Росстатом выборочного обследования, в январе 2016 г. средний возраст безработных составил 36,4 года, молодежь до 25 лет составляет 21,5 % от числа безработных¹. Молодые люди часто сталкиваются с ограничениями различного характера, которые вынуждают их прибегать к смене работы. Для них характерна тенденция сокращения продолжительности периода, проведенного на одной трудовой позиции. Считается вполне обычным, если молодой человек до 30 лет сменил пять-шесть мест работы. Это связано в первую очередь с тем, что работать по специальности могут далеко не все. По данным всероссийского исследования «Жизненный мир россиян» (РГГУ, октябрь 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны), почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или же затруднились ответить на этот вопрос [3, с. 5].

Молодежный прекариат пополняется стажерами и студентами, которые хотят начать работать раньше, чтобы занять в обществе устойчивое положение. Эта часть молодежи соглашается на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих компетенций и оправданных претензий на достойное место в жизни.

Общее чувство незащищенности молодежи усугубляется тем, что они живут «сами по себе», не получают социальных пособий: пособия по безработице для людей, не имеющих стажа работы, мизерны, и молодые люди зачастую уклоняются от регистрации как безработных, не желая считаться неконкурентоспособными и опускаться в глазах своей референтной группы на «социальное дно».

Профессиональная самоидентификация.

По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6 % молодых людей не могли устроиться на работу по своей профессии, то в 2002 г. их было 37 %, а в 2013 г. – уже 49,1 % [4, с. 57]. В настоящее время ситуация только усугубилась. Молодые люди –

¹ Информационный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/osn-01-2016.pdf

выпускники высших учебных заведений, несмотря на полученную специальность, выполняют некий набор усредненных требований, для реализации которых не обязательно иметь высшее образование. В этих условиях важно иметь диплом об образовании без особой разницы, какую профессию получил молодой человек. В результате происходит потеря профессиональной самоидентификации и профессиональной культуры.

Статусный диссонанс.

Нередки ситуации, когда важные государственные должности занимают близкие родственники, сыновья и дочери высокопоставленных чиновников. Социальный лифт должным образом не работает. Наблюдается сужение возможности обновления общества за счет талантливых молодых людей из различных слоев, «серьезно ограничивается социально обусловленное генерирование способных и творческих людей на следующие ступени служебной лестницы» [3, с. 7]. В таких условиях молодые люди, которым приходится искать работу или мириться с временной, вынужденной занятостью, испытывают статусный диссонанс.

Личная жизнь молодых людей.

Прекариат не имеет четкого видения своего будущего. Молодые люди не уверены в обеспеченности своей жизни, они не имеют гарантий достойной старости после завершения трудовой деятельности. В этой ситуации меняется отношение к труду и служебным обязанностям. Чтобы удержаться «на плаву», молодые работают на износ, стараясь доказать работодателю свою незаменимость, приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к истощению моральных и физических сил человека и потере здоровья.

Молодые люди не спешат вступать в брак и не стремятся быстрее завести детей. И такая тенденция усиливается. По данным Федеральной службы государственной статистики, в январе 2016 года количество браков к январю 2015 года сократилось на 16,4 %, количество родившихся уменьшилось на 4,8 % ¹. Набирает масштабы тенденция *childfree*.

Вопросы качества человеческого капитала и растущая прекаризация труда волнуют экономистов и социологов разных стран. Растет количество научных публикаций на тему прекаризации труда. Так, японские социологи Акио Инуиа, Акихико Хигучи и Маки Хирацука исследуют рост прекаризации среди молодого населения в современной Японии [8]. Исследование охватывает 768 молодых людей, поступающих на работу после окончания школы. В течение пяти лет авторы следили за тем, как живут и работают респонденты, что они чувствуют, удовлетворены ли они жизнью и уверены ли в себе. Авторы отвечают на вопрос о том, каким образом прекаризация затрагивает определенные группы молодых людей: обучающихся, имеющих постоянную работу, занятых нестабильно, предпринимателей, безработных и других. Вхождение в прекариат начинается сразу после школы. Молодые люди получают прекаризованные должности. И только некоторые, кто начал свою работу с нестабильной, позже достигают стабильной занятости. Разрыв зарплат между работником, занятым регулярно и нерегулярно, весьма широк. Прекаризованные работники меньше удовлетворены жизнью и не уверены в будущем. Молодые люди не защищены, они не имеют крепких связей с рабочими организациями. Официальная японская статистика показывает высокий рост прекаризации среди молодежи. За время исследования уровень безработицы вырос с 4 до 10 %, доля нестандартной занятости увеличилась с 20 до 50 %. Официальная статистика не показывает, как и за какой период молодые люди оказались на шатких должностях. Кажется, что нестабильная занятость является ступенькой для приобретения стабильной, но это является правдой только отчасти. Половина респондентов поступила на стабильные

¹ Информационный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/info/oper-02-2016.pdf

должности сразу после обучения, четверть остается на нестабильных должностях до сих пор. Прекаризация коснулась 315 респондентов исследуемой выборки, при этом средний период нестабильной занятости составил 11 месяцев. Прекаризация затрагивает условия работы и доход. Японские зарплаты напрямую зависят от того, как занят работник. Работающие на стабильной должности получают более высокие зарплаты. Нестабильно занятым людям меньше платят за час работы: около 62 % от того, что получают стабильно занятые. Стабильно занятые работники получают премии от компании, надбавки за стаж. Разрыв между людьми, работающими на разных условиях, увеличивается. Авторы указывают, что молодые люди, работающие неполный рабочий день, не удовлетворены своим финансовым состоянием, 75 % данных работников испытывают депривацию: их заработок не достигает даже минимального размера оплаты труда. Рассматривая эффективность поддержки молодых людей в прекаризованных условиях занятости, авторы приходят к выводу, что большинство работников вообще не получают никакого пособия по безработице и у них очень мало каких-либо бонусов и преференций. Это связано с тем, что социальная поддержка в Японии ограничена и на финансовую помощь можно рассчитывать, если человек не может трудиться и никто из родственников не может оказать необходимую поддержку. В условиях прекаризованной занятости молодые люди с низкими доходами рассчитывают на поддержку со стороны своих семей, которые могут смягчить своей помощью последствия прекаризованной занятости. Авторы показывают, что уверенность в будущем и удовлетворенность жизнью среди японской молодежи довольно низки, падают в течение последних пяти лет как среди мужчин, так и женщин. Причем уровень уверенности в себе и удовлетворенность жизнью среди нестабильных групп гораздо ниже, чем среди тех, кто работал на стабильной работе. Кроме того, наблюдаются гендерные различия: прекаризованные мужчины негативнее воспринимают окружающее, чем женщины. Корреляция между субъективностью восприятия и рабочим статусом меньше влияет на женщину, чем на мужчину. Изучив уровень прекаризации среди молодежи в Японии, авторы приходят к выводу, что два из десяти респондентов остались на нерегулярной занятости или безработными за период с 18 до 25 лет. Те, кто занимает прекаризованную экономическую позицию, часто недополучают денежные средства и не могут полагаться на социальную защиту. Прекаризованные группы меньше уверены в себе и не удовлетворены жизнью, при этом очень высок разрыв карьер между теми, кто трудится на стабильной работе, и теми, кто имеет нестабильную занятость.

Анализ особенностей прекаризованного труда молодого населения в Японии приводит к гипотезе о том, что процессы в сфере молодежного рынка труда, протекающие в России и Японии, имеют одинаковую природу. В России также увеличивается доля прекаризованного труда, в первую очередь это касается молодежи. Неформально занятых становится все больше, государству уже в ближайшее время придется с этим считаться. Разработка мер по преодолению складывающихся негативных тенденций невозможно без серьезного научного осмысления проблем прекариата и особенностей прекаризованного труда в России.

© Ильвес Э.В. Текст. 2016

Список источников

1. Багирова А. П. Родительский труд как прекаризованная занятость / А. П. Багирова, Э. В. Ильвес // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Екатеринбург, 23-24 апреля 2015 г. – Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 184-187.
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

3. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3-13.

4. Воловская Н. М. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина, А. В. Иноземцева // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 52-60.

5. Inuia A., Higuchi A., Hiratsuka M. Entering the Precariat: Young People's Precarious Transitions in Japan. – Japan, Handbook of Children and Youth Studies, 2014. – P. 583-606.

Информация об авторе

Ильвес Эдгар Владиславович (Россия, Екатеринбург) – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: edgar-ilves@yandex.ru).

Ilves E.V.

THE IMPACT OF LABOUR PRECARIETY ON YOUTH'S SOCIO-ECONOMIC STATE

Socio-economic processes that occur in modern society lead to widespread of labour precarity, which little depends on sphere of activities and experience of employee. Employment precarity affects all social and age groups, including youth. Often "youth" status enhance precarity of its owner. This article measures the impact of employment precarity on youth's state in Russia and Japan. The study explores youth employment and its impact on youth self-identity and private life. In the conclusion it is stated that processes that occur in Russia in Japan have the same premises. Informal labour became fact of life and government will have to deal with it. Problem of precariat and labour precarity requires further scientific research.

Keywords: employment precarity, youth, labour, Japan, precariat

Information about the author

Ilves Edgar V. (Russia, Yekaterinburg) – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: edgar-ilves@yandex.ru)

УДК 332.1

О.А. Козлова, О.Н. Казмалова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ УРАЛА И ЕГО ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА*

В данной статье анализируется состояние и качество развития демографического потенциала регионов Большого Урала. Проанализированы показатели, отражающие воспроизводственные процессы в регионе и характер их взаимодействия с формированием человеческого капитала.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

Ключевые слова: демографический потенциал, человеческий капитал, здравоохранение, образование

Практика показывает, что ключом к достижениям в области человеческого развития и приданию им долгосрочного характера являются крупные государственные инвестиции, эффективно осуществляемые в сферах здравоохранения и образования. Повышение уровня человеческого развития помогает ускорить экономический рост.

Одним из наиболее мощных инструментов продвижения равенства возможностей и человеческого развития является образование, которое формирует потенциал людей и расширяет их свободу выбора. Образование способствует росту уверенности людей в себе и позволяет им найти лучшую работу. Кроме того, образование также оказывает благоприятное воздействие на здоровье и уровень смертности. Однако в России доля государственных расходов, выделяемых на образование, в ВВП, несмотря на рост за последние 12 лет (с 2,9% в 2000 г. до 4,1% в 2012 г. до 4,8%), ниже в 1,3 и более раз, чем в ряде ведущих зарубежных стран, а смертность среди взрослых на 1 тысячу человек взрослого населения значительно выше, что видно из таблицы 1.

Таблица 1

Зависимость продолжительности жизни и смертности взрослого населения от доли государственных расходов, выделяемых на образование, здравоохранение [1]

Страна	ВВП на душу населения, 2013 г., долл. США	Гос. расходы на образование, 2012 г., в % к ВВП	Гос. расходы на здравоохранение, 2011 г., в % к ВВП	Продолжительность жизни при рождении, 2013 г., лет	Смертность среди взрослых, на 1 тыс.чел. взрослого населения (2011 г.)	
					Ж	М
Россия	22617	4,1	6,2	68,0	131	351
Австрия	42930	5,1	9,0	81,8	46	80
Германия	43049	5,1	11,1	80,7	51	96
США	52308	5,6	17,9	78,9	77	131
Канада	41887	5,5	11,2	81,5	53	84
Нидерланды	42397	5,5	12,0	81,0	55	72
Исландия	35116	7,8	9,1	82,1	38	64
Республика Корея	30345	5,0	7,2	81,5	42	102
Япония	36747	3,8	9,3	83,6	46	84
Франция	36629	5,9	7,7	81,8	53	113
Финляндия	37366	6,8	8,9	80,5	51	116
Италия	32669	4,5	9,5	82,4	40	73
Испания	30561	5,0	9,4	82,1	41	91

Официальная статистика также свидетельствует, что Россия по такому показателю, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, находится в середине распределения развивающихся стран. В развитых странах достигнут такой уровень продолжительности жизни, что распределение по этому показателю оказывает небольшое влияние на их иерархию по комплексному индексу человеческого развития. Развивающиеся страны, наоборот, характеризуются большим разбросом уровней смертности, вследствие чего она может оказывать большее влияние на индекс человеческого развития, чем образование и уровень экономического развития.

Отличительной особенностью России от развивающихся стран по показателям смертности заключается в том, что там низкая продолжительность жизни при рождении обусловлена в первую очередь высокой смертностью, а в России – высокой смертностью в возрасте, которой принято считать расцветом человеческой жизни, – от 20 до 60 лет, причем главным образом сверхсмертностью мужчин. Еще одно отличие: за последние полвека в развивающихся странах значительно снизилась детская смертность и, как

следствие, выросла продолжительность жизни. В развитых странах основным компонентом роста продолжительности жизни было снижение смертности взрослых.

Интегральный показатель «ожидаемая продолжительность жизни» отражает состояние здоровья населения, окружающей среды, бытовые условия и качество доступной медицинской помощи.

Ожидаемая продолжительность жизни за исследуемый период выросла по всем регионам Большого Урала. Увеличение показателя произошло, во-первых, в результате некоторого увеличения продолжительности жизни у обоих полов. Самый низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении среди мужчин в Пермском крае – 62 года и в Оренбургской области (62,7года). У женщин – также в Оренбургской области (74,8 года) и Пермском крае (75 лет)¹. Во-вторых, увеличение показателя произошло за счет снижения смертности. Причем у мужчин наибольший вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни обеспечило снижение смертности от внешних причин в трудоспособных возрастах и от болезней системы кровообращения. У женщин главной причиной увеличения продолжительности жизни стало снижение смертности от болезней системы кровообращения.

Улучшение показателей общей смертности населения, смертности в трудоспособном возрасте, младенческой и материнской смертностей происходит на фоне реализации областных государственных целевых программ, программ поддержки высокотехнологичных видов помощи и лекарственного обеспечения.

Диагностика человеческого капитала по блоку демографического капитала проводится по индикативным показателям, характеризующим наличие человеческих ресурсов, состояние здоровья и воспроизводственный потенциал населения. Данный анализ показывает «запас здоровья» и характеризует возможность в течение более длительного периода применять знания, навыки и компетенции, формируемые в рамках иных составляющих человеческого капитала [2, с.105].

Для регионов Большого Урала характерен невысокий воспроизводственный потенциал населения. Демографическая ситуация в регионе в последние годы отражает изменения, которые происходят в целом по Российской Федерации. Одним из самых отрицательных моментов в подавляющей части ее субъектов явилось сокращение численности населения. При этом, если в Российской Федерации сокращение численности наблюдается с начала 90-х годов, то в Пермском крае, Курганской, Оренбургской и Свердловской областях – после 2002 года. Результатами происходивших процессов в большинстве регионов Большого Урала с 1990 по 2010 гг. явились превышение смертности над рождаемостью и снижение миграционной активности населения. В Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, наоборот, благоприятная динамика роста.

Несмотря на тот факт, что с 2012 года наблюдается рост числа родившихся и одновременно сокращение смертности и естественной убыли населения, согласно основным отечественным и международным прогнозам, процесс депопуляции населения в России будет продолжаться. На начало 2014 года численность населения Российской Федерации составила 143,7 млн человек. Согласно различным вариантам прогнозов к 2030 году население России сократится, по низкому варианту – примерно на 1,2 млн человек [3].

Оценивая текущее значение естественного прироста населения регионов Большого Урала с точки зрения формирования человеческого капитала, стоит отметить, что в период 2000 по 2010 гг. убыль населения сократилась во всех регионах и наметилась тенденция естественного прироста, кроме Курганской области, для которой естественная убыль населения является острой проблемой на протяжении всего рассматриваемого

¹ Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 25.10.2015г.).

периода. Благоприятная динамика роста коэффициента естественного прироста в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО обеспечена в основном за счет молодой структуры населения.

Таблица 2

Естественный прирост (убыль) в регионах Большого Урала, чел./1000чел. населения¹

Субъект РФ	1990 г.	2000 г.	2005г.	2010 г.	2014 г.
Республика Башкортостан	6,5	-2,9	-3,4	0,6	1,6
Республика Удмуртия	5,3	-3,4	-4,4	0,3	1,7
Пермский край	2,8	-6,3	-7,1	-1,2	0,7
Курганская область	3,1	-6,4	-7,4	-3,1	-2,3
Оренбургская область	5,6	-4,6	-5,0	-0,5	0,4
Свердловская область	1,0	-8,1	-6,3	-0,9	0,5
Челябинская область	2,9	-6,6	-6,0	-1,0	0,5
Тюменская область	9,6	1,3	3,2	7,1	8,9
ХМАО	12,6	4,5	6,5	9,6	10,9
ЯНАО	12,0	6,2	7,9	10,3	11,8
В среднем по России	2,2	-6,6	-5,9	-1,7	0,2

Несмотря на положительные тенденции, уровень смертности населения продолжает оставаться высоким, особенно населения трудоспособного возраста, каждый третий умерший в регионах Большого Урала находился в трудоспособном возрасте, в ХМАО, ЯНАО и в Оренбургской области – практически каждый второй.

Таблица 3

Уровень смертности в регионах Большого Урала, 2012 г.

Субъект РФ	Умершие, всего чел.	Умершие, доля трудоспо- собного населения, %	Умершие в трудоспособном возрасте			
			Всего чел.		На 1000 чел. населения соответствующего пола и возраста	
			м	ж	м	ж
Республика Башкортостан	53624	29	12429	3198	9,9	2,7
Республика Удмуртия	19526	28	4585	995	9,8	2,2
Пермский край	37453	28	8390	2281	10,6	3,0
Курганская область	28412	13	2916	689	11,0	2,8
Оренбургская область	14274	49	6332	1724	10,2	2,9
Свердловская область	60155	26	12445	3362	9,5	2,7
Челябинская область	49544	26	10264	2821	9,8	2,8
Тюменская область	29374	39	9054	2346	7,7	2,1
ХМАО	9986	47	3795	955	7,0	1,9
ЯНАО	2889	58	1301	364	6,5	2,1
Российская Федерация	1906335	26	394762	101550	8,9	2,4

Основными причинами смертности населения регионов Большого Урала являются болезни кровообращения, новообразования и внешние причины. В среднем по России в структуре смертности в 2014 году от внешних причин значительная доля приходится (число умерших на 100000 человек населения) на самоубийства (18,5) и на транспортные несчастные случаи (20,0). В регионах Большого Урала большую долю в структуре смертности занимают самоубийства, кроме ХМАО. Самый высокий уровень смертности от данной причины – в Республике Удмуртия и Курганской области [4].

¹Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 25.10.2015 г.).

Показатель младенческой смертности является общепризнанным индикатором социального неблагополучия общества. За 20 лет произошло сокращение младенческой смерти в возрасте до 1 года на 1000 родившихся почти в 2,5 раза как в целом по России, так и в регионах Большого Урала, а в Свердловской области – в 2,8 раза. Хотя его значение в России (в 2012 г. – 8,6) в 2-4 раза выше, чем в экономически развитых странах в тот же период: в Германии – 3,4; в Финляндии – 2,4; в Великобритании – 4,1 [5].

Сохраняется высоким уровень материнской смертности. Ежегодно в результате осложнений во время беременности, родов и в послеродовом периоде в России умирает около 220 женщин. Материнская смертность на 100 000 родившихся живыми в 2014 году среди городского населения – 9,5; сельского – 14,1. В целом этот показатель в России – 10,8 [3], Австрии – 1,3; Германии – 4,6; Дании – 1,7; Японии – 4,1.

В группу населения трудоспособного возраста входят мужчины в возрасте от 16 до 59 лет и женщины в возрасте от 16 до 54 лет. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, численность населения трудоспособного возраста за период 2014-2030 гг. снизится с 59,3 до 53,7% в структуре населения, или на 5,9 млн человек [3]. Стоит отметить, что при сохранении существующего уровня производительности труда такая тенденция станет одной из основных причин сокращения экономического роста.

Одна из острых демографических проблем – старение населения, которая является следствием проблемы устойчивого и долговременного снижения рождаемости и роста демографической нагрузки.

Согласно прогнозам Росстата, старение населения России продолжится. В 2014 г. доля лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения составила 23,5%, а к 2030 г. возрастет до 28,7%. Наряду с этим доля лиц моложе трудоспособного возраста значительно не изменится, а при сохранении современных тенденций – несколько снизится. Следствием этого процесса станет резкий рост демографической нагрузки на трудоспособное население, достигнув пика, по прогнозам Росстата, в 2017 г., когда на 1000 человек трудоспособного населения будет приходиться 878 человек нетрудоспособного возраста. Все это внесет свой вклад в торможение экономического роста и отразится на формировании рынка труда. Существующий в настоящее время дефицит рабочей силы (особенно квалифицированной для высокотехнологичных производств) будет только расти.

Таблица 4

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения, в % в 2014 г. (по данным Росстата)

Субъект РФ	Удельный вес возрастных групп в общей численности населения, %								
	моложе трудоспособного			трудоспособном/ прогноз на 2030г			старше трудоспособного		
	1970	2014	2030	1970	2014	2030	1970	2014	2030
Пермский край	30,2	18,7	18,6	55,9	58,3	54,4	13,9	23,0	27,0
Свердловская область	27,7	17,5	20,3	58,5	58,3	53,3	13,7	24,2	26,4
Челябинская область	29,3	17,9	19,1	57,5	58,1	53,3	13,1	24,0	27,6
РФ	28,6	17,2	18,0	56,0	59,3	53,6	15,4	23,5	28,4

Значительные колебания в возрастной структуре влияют на социально-экономическую ситуацию в стране. Так растущая численность пенсионеров влияет на состояние Пенсионного фонда страны и ставит вопросы об изменении величины отчислений в фонд или пенсионного возраста, о проблемах трудоустройства, поддержания здоровья и лечения данной категории населения. Также негативный вклад в средне- и долгосрочное планирование формирования рынка труда вносит отсутствие необходимого пополнения трудовых ресурсов страны молодежью.

Показатель удельной численности населения моложе трудоспособного возраста (от 0 до 15 лет) характеризует потенциал развития человеческого капитала. Чем больше доля населения моложе трудоспособного возраста в общей численности населения, при условии грамотного воспитания и гармоничного развития, тем более высокого качества будет капитал.

Значение индикатора численности населения моложе трудоспособного возраста в России на 2014г. – низкое. Высокий уровень значения среди регионов сохранился только в республиках Чеченской (34,8%) и Тыва (32,9%). За исследуемый период доля населения моложе трудоспособного возраста в общей численности населения регионов Большого Урала сократилась и имеет весьма низкий показатель до 20% от численности населения.

Необходимый компонент состояния человеческих ресурсов – общий уровень здоровья населения.

Заболеваемость населения характеризуется прежде всего на основе данных об обращаемости – по числу случаев заболеваний, выявленных в течение года при обращении в лечебно-профилактические учреждения или при профилактическом осмотре. Отношение числа зарегистрированных случаев заболеваний к среднегодовой численности постоянного населения определяет уровень заболеваемости (частоту распространения заболеваний). При этом выделяют заболеваемость первичную (при установлении нового диагноза впервые в жизни в данном году) и общую (учитываются все случаи заболеваний, которые установлены как впервые, так и при повторном, в том числе многократном, обращении по поводу данного заболевания).

Сохраняется долговременная и устойчивая тенденция роста общей и первичной заболеваемости в таких регионах, как Удмуртия, Пермский край, Оренбургская и Свердловская области, ЯНАО и Челябинская область. Стоит отметить, что рост зарегистрированных заболеваний впервые в жизни на 1000 человек населения в Свердловской области хотя и растет, но значение данного показателя ниже, чем в целом по России. Наиболее высок данный показатель среди регионов Большого Урала в Пермском крае и ЯНАО. Так, в Пермском крае за период с 2000 по 2012гг. общее число зарегистрированных заболеваний на 1000 человек населения с впервые установленным диагнозом увеличилось на 10,3%¹.

Регистрируемый уровень заболеваемости в значительной мере зависит от полноты выявления случаев заболеваний и охвата населения медицинским наблюдением, рост заболеваемости населения говорит об ухудшении состояния здоровья по большинству основных классов болезней. Вклад в эту тенденцию вносит и процесс старения населения.

В структуре первичных заболеваний в регионах Большого Урала, также как и в целом по России, лидирующее место занимают болезни, связанные с органами дыхания. Данный индикатор в регионах Большого Урала выше, чем в среднем по России, кроме регионов Тюменской области, Республики Башкортостан. Это связано в первую очередь с экологией и высокой долей курильщиков среди взрослого населения. Второе место в структуре первичной заболеваемости занимают травмы и отравления. Основным источником отравления является чрезмерное потребление алкоголя.

Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization), в России в 2014 году среднее потребление алкоголя на душу населения в пересчете на чистый спирт составляет около 16 литров в год. Однако нужно принимать во внимание высокую долю отечественного рынка, который, по оценкам экспертов, может «добавлять» еще от 5 до 8 литров к официальному показателю российской торговой статистики. При этом отмечается, что среднее потребление на душу населения в России в последнее десятилетие неуклонно растет, а также высока доля крепких спиртных напитков (около 50%) в общей структуре потребления алкоголя. По данным ВОЗ, во

¹Здравоохранение в России - 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/Main.htm (дата обращения 01.11.2015)

многих европейских странах крепкий алкоголь постепенно вытесняется слабым, а в традиционных «пивных» странах пиво замещается вином. В России же существенный рост потребления пива практически не сокращает потребления крепких напитков. В Пермском крае самый высокий показатель среди регионов Большого Урала по смертности населения от случайных отравлений алкоголем (число умерших на 100000 человек населения – 25,1 в 2014 году¹).

Особое внимание в последнее десятилетие привлекает распространение наркомании и токсикомании. Данный вид социальной девиации особо опасен из-за того, что находит широкое распространение среди подростков. Реальное распространение наркомании среди населения России достаточно сильно отличается от фактически зарегистрированных данных.

Уровень заболеваемости населения характеризует уровень здоровья и, соответственно, возможности реализации личного потенциала населения как составляющей человеческого капитала путем развития личностных качеств и приобретения профессиональных навыков с целью удовлетворения потребностей, получения дохода и, как следствие, формирования национального капитала.

© Козлова О.А., Казмалова О.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Доклад о человеческом развитии 2014. [Электронный ресурс]. URL: hdr.undp.org (дата обращения 23.10.2015).
2. Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина, М.В. Федорова. – Т.1. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012.
3. Демографический прогноз до 2030 г. (дата обращения 12.12.2015) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
4. Естественное движение населения Российской Федерации - 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_106/Main.htm (дата обращения 01.11.2015)
5. Россия и страны мира - 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_39/Main.htm (дата обращения 20.10.2015).

Информация об авторе

Козлова Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социально-экономической динамики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии, e-mail: Olga137@mail.ru

Казмалова Ольга Николаевна (Россия, Пермь) – преподаватель Пермского филиала Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пермь, бульв. Гагарина, 50; e-mail: Kaolni@rambler.ru).

Kozlova O.A., Kazmalova O. L.

THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE URALS REGIONS AND ITS CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL

The article deals with the relationship between the state and the quality of the development of the demographic potential of the Urals regions. Analysis of the data would

¹Рейтинг стран мира по уровню потребления алкоголя. [Гуманитарная энциклопедия](http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info) // Центр гуманитарных технологий. 31.03.2012 (последняя редакция: 07.07.2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info> (дата обращения 01.11.2015)

reveal the reproductive processes in the region and its interrelation with the formation of human capital.

Keywords: demographic potential, human capital, health care, education

Information about the authors

1. Kozlova Olga – Doctor of Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Kazmalova Olga (Russia, Perm) – Financial University under the Government of the Russian Federation (Perm, B. Gagarina, 50; e-mail: Kaolni@rambler.ru).

УДК 314.8

О.А. Коленникова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ - ЦЕНТРАХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА

В ходе анализа производственной деятельности предприятий муниципальных образований Уральского экономического района выделены сто территорий – центров обрабатывающей промышленности Урала. Показаны направления и характер демографических процессов на этих территориях в 2010-2014 гг.

Ключевые слова: демографические процессы, динамика населения, естественный прирост населения, миграция, Уральский экономический район.

Глубокая деиндустриализация, которая произошла в 1990-е гг., оказала негативное воздействие на социально-экономическое положение индустриальных территорий нашей страны, особенно с развитыми отраслями обрабатывающей промышленности. Среди них исторически сложившийся Уральский экономический район, в состав которого входят Республики Башкортостан и Удмуртия, Пермский край, Оренбургская, Курганская, Свердловская и Челябинская области. Пройдя сквозь тяжелые процессы реструктуризации, связанные с переходом к рыночным отношениям, Урал продолжает играть одну из ведущих ролей в территориальной структуре промышленности. По данным Росстата, в 2014 году доля продукции обрабатывающих производств Урала составляла 15,3% общероссийского выпуска и 17,5% по числу занятых в соответствующих производствах. При этом зависимость населения Урала от положения обрабатывающей промышленности существенно сильнее, поскольку этими видами деятельности заняты 92 человека в расчете на тысячу жителей, что на треть выше показателя в среднем по стране.

Специалисты отмечают продолжающуюся деиндустриализацию страны [1, с. 95-97]. Переломить ее ход могут только глубокие структурные сдвиги в пользу наукоемких отраслей промышленности, в первую очередь обрабатывающей. Дискуссия вокруг новой индустриализации, идущая в научных и политических кругах, напрямую увязывается со стратегией социально-экономического будущего регионов страны. Коренное реформирование промышленности предполагает системный подход к выработке теоретических взглядов на источники современного промышленного производства. Системный подход предполагает учет и анализ всех значимых факторов, способствующих, или наоборот, препятствующих новому толчку к развитию российской промышленности на современной технико-технологической основе. Для осуществления

реиндустриализации необходим анализ источников обеспечения промышленности кадрами, а значит учет демографического фактора, от которого непосредственно зависят численность и структура трудовых ресурсов.

Общепризнано, что демографический фактор оказывает непосредственное воздействие на характер экономических процессов. В противовес широко распространенному мнению, что под достаточно инерционные демографические процессы можно адаптироваться за счет внедрения новых технологий, роботизации производств, повышения производительности труда, вовлечения большей численности населения в общественное производство и других мер, многие демографические изменения необратимы. Поэтому возможности адаптации небезграничны – существуют демографические пороги, переходить через которые крайне нежелательно [2]. В таких условиях задача науки попытаться проанализировать демографические процессы и выявить опасные тенденции, ведущие к негативным последствиям. В данной работе проведен такой анализ для территорий промышленного производства Урала с использованием аналитической базы данных «Муниципальная Россия», которая была сформирована в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН на основе данных муниципальной статистики Росстата [5, с. 358-360].

С тем, чтобы выделить территории Урала с развитыми и реально функционирующими отраслями обрабатывающей промышленности, было проведено ранжирование всех 327 муниципальных образований (за исключением закрытых административно-территориальных образований, по которым сведений не предоставляется) по объему отгруженной продукции собственного производства обрабатывающих отраслей (без субъектов малого предпринимательства). В связи с высокой турбулентностью производственной деятельности после кризиса 2008 г. ранжирование было осуществлено по каждому году за период 2010-2014 гг. и вычислен средний балл рейтинга за последние пять лет. Выяснилось, что в настоящее время на Урале сложилось ядро из ста муниципальных территорий, которые являются центрами обрабатывающей промышленности. Возглавляют список городов Пермь, Челябинск, Магнитогорск, Уфа, Екатеринбург, Нижний Тагил, Салават, Верхняя Пышма, Березники, Каменск-Уральский и Ижевск, нижней же границей включения территории в число центров обрабатывающей промышленности был объем продукции в 2010 г. в размере 1 млрд руб. Из ста выделенных территорий Урала 44 входят в рейтинг 250 крупнейших промышленных центров России, составленный Институтом территориального планирования «Урбаника». На этих ста территориях (Урал-100) производится 98% общего объема продукции обрабатывающих производств Уральского экономического района. Характеристика этих территорий представлена в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика территорий – центров обрабатывающей промышленности Урала, 2014г.

Регион	Число муниципальных образований	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	Доля обрабатывающей промышленности, %	Продукция на душу населения, тыс. руб./чел.
Республика Башкортостан	16	2663,5	22,8	350,3
Удмуртская Республика	8	1066,0	4,6	176,7
Пермский край	14	1945,4	19,1	402,1
Оренбургская область	7	1112,1	3,2	117,5
Курганская область	2	403,1	1,5	147,7
Свердловская область	32	3457,7	27,4	324,9
Челябинская область	21	2801,3	21,5	313,7
Урал-100	100	13449,1	100,0	304,5

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

По территории Урала эти сто промышленных центров размещены неравномерно. Условно можно выделить две группы регионов, во-первых, группу с более высокой концентрацией крупных и средних предприятий и большей численностью населения - Башкортостан, Пермский край, Свердловская и Челябинская области. Для Пермского края и Свердловской области характерна к тому же исторически сложившаяся опорная система заводских поселений, так называемых «городов-заводов» [4, с.7-18]. Вторую группу составляют регионы с более низкими соответствующими показателями – Удмуртия, Оренбургская и Курганская области. Если на первую группу территорий приходится 91% обрабатывающей промышленности и 81% населения, то на вторую – 9% объема производства и 19% общей численности жителей ста центров обрабатывающей промышленности Урала.

Какие демографические процессы были характерны для этих территорий в последние годы?

После последней переписи населения 2010 г. демографическая ситуация на территориях Урал-100 была существенно более благоприятной, чем в целом по Уральскому экономическому району. На начало 2015 г. за исключением Кургана и Шадринска Курганской области (где население сократилось на 2,0%), на территориях других регионов в целом наблюдался рост численности населения. Наибольший прирост был в Башкортостане (на 2,1%), наименьший – в Оренбургской области (на 0,6%). В целом по территориям Урал-100 этот рост составил 1,4%, в то время как по всему Уралу численность населения за этот период сократилась на 0,1% (для сравнения, по стране численность населения без учета Республики Крым выросла на 0,8%).

В чем заключались главные различия в динамике населения промышленных территорий?

Положительная динамика населения была характерна для 32 муниципальных образований Урал-100, на которые по итогам переписи 2010 г. приходилось 65% населения промышленных территорий. Такая ситуация в значительной мере объясняется тем, что крупнейшие предприятия обрабатывающей промышленности сконцентрированы в региональных центрах Урала. Три города с более чем миллионным числом жителей – Уфа, Екатеринбург и Челябинск – к началу 2015 г. прирастили население в среднем на 4,9%. В трех крупнейших центрах – Перми, Ижевске и Оренбурге – население увеличилось в среднем на 3,3%. Высокие темпы прироста населения способствовали тому, чтобы Пермь перешла планку в миллион жителей и стала четвертым городом-миллионником Урала. В целом доля этих шести крупнейших городов за счет более высокой динамики населения увеличилась к началу 2015 г. с 30,4 до 31,8% общей численности населения промышленных центров Урала. Из таблицы 2 видна ярко выраженная тенденция: чем меньше по численности жителей населенные пункты промышленных центров, тем большее их число испытывало убыль населения.

Таблица 2

Число населенных пунктов в составе муниципальных образований – центров обрабатывающей промышленности по типу динамики населения (административно-территориальное деление 2010 г.)

Категории поселений	Число населенных пунктов по типу динамики населения		Итого
	прирост	сокращение	
Города- миллионники	3	0	3
Города от 500 тыс до миллиона жителей	3	0	3
Города от 250 до 500 тыс. жителей	2	2	4
Города от 100 до 250 тыс. жителей	5	6	11
Города от 50 до 100 тыс. жителей	7	16	23
Малые города до 50 тыс. жителей	5	43	48
Поселки городского типа	3	33	36

Сельские поселения	167	195	362
--------------------	-----	-----	-----

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Благоприятная демографическая ситуация складывалась в целом в городских округах, к началу 2015 г. население в них увеличилось в среднем на 1,4%. Прирост населения происходил также и в муниципальных районах с чисто сельским населением (на 1,0%) – в Сосновском, Аргаяшском, Увельском и других муниципальных районах. Наиболее высокие темпы прироста населения среди муниципальных образований наблюдались в городских округах и муниципальных районах с общей инфраструктурой (к примеру, к такому типу территорий можно отнести городской округ Пермь и Пермский муниципальный район, Уфу и Уфимский район). Общая инфраструктура районов с крупными городами благотворно влияла на демографическую ситуацию близлежащих муниципальных районов. Именно такие агломерации, имеющие развитые транспортные, хозяйственные и прочие связи, демонстрировали динамичный прирост населения (на 2,9%), в то время как в целом муниципальные районы с городскими поселениями промышленного типа отличала убыль населения. Так, сокращение численности жителей пришлось на муниципальные районы, административным центром которых являются средние города (-1,3%), малые города (на -3,9%), поселки городского типа (сокращение на 0,7%). Худшая ситуация сложилась в районах с центрами в малых городах.

Какую роль сыграли рождаемость и смертность, и какой вклад в динамику населения внесла миграция?

Ситуация имела достаточно ярко выраженную региональную специфику. Плачевная ситуация в Курганской области, где в этот относительно благоприятный в целом демографический период смертность намного превышала рождаемость. Хотя ситуация в Кургане и Шадринске была лучше, чем по Курганской области в целом, тем не менее и они помимо естественной убыли испытывали сильный отток населения. Сокращение численности жителей Кургана и Шадринска на 83% объяснялось отрицательным сальдо миграции и на 17% – превышением смертности над рождаемостью.

Промышленные центры Башкортостана и Удмуртии, наоборот, резко отличал от остальных регионов существенный естественный прирост населения. Так в Башкортостане среднегодовая рождаемость за период 2011-2014 гг. на 2,2 промилле была выше, чем смертность. В Удмуртии аналогичный разрыв составлял 1,5 промилле. В отличие от общей ситуации в этих республиках Урала, которые в целом испытывали отток населения, в промышленных центрах, наоборот, наблюдался приток жителей, причем в Башкортостане он составлял в среднем ежегодно 2,6, в Удмуртии – 0,7 человека на тысячу жителей. За период 2011-2014 гг. вклад естественного движения населения в Башкортостане составил 46% общего прироста населения, в Удмуртии – 68%.

В динамике населения промышленных центров других регионов главную роль играл приток новых жителей. В Оренбургской и Челябинской областях вклад миграции составил 94 и 98% общего прироста населения, в Пермском крае и Свердловской области – 88 и 89%.

Демографические процессы на территориях шли в разных направлениях (см. табл. 3). Первое направление отличали естественный прирост населения и положительное сальдо миграции. Такая благоприятная ситуация наблюдалась в городских округах (особенно только с городским населением) и в городских округах и муниципальных районах с общей инфраструктурой. При этом промышленные центры агломерационного типа отличали более высокие размеры естественного прироста населения и миграции. Так, в 2011-2014 гг. в городских округах и муниципальных районах, связанных единой сетью хозяйственных и социальных связей, естественный прирост ежегодно составлял в среднем 1,9 промилле и обеспечил 27% общего прироста населения, доля миграционного притока составила 73%. Особенно отличали эти территории относительно низкие

показатели смертности. В городских округах, не имевших тесных инфраструктурных связей с близлежащими районами, доля естественного прироста была невысокой и составила только 8% общего прироста населения, а основную роль играла миграция, ее вклад – 92%.

Второе направление демографических процессов было характерно для чисто сельских промышленных территорий и муниципальных районов с административным центром в пгт. Для них были характерны, с одной стороны, естественный прирост населения, а с другой – отрицательно сальдо миграции. В более благоприятной ситуации были сельские территории, где рождаемость превышала смертность в среднем ежегодно на 3,2 промилле (соответственно 17,8 и 14,6 промилле), а миграционный отток был не таким высоким (-0,7 промилле). Наличие рабочих мест на промышленных предприятиях удерживало людей от переезда в городские поселения. Что касается пгт, то там отток населения вдвое превышал естественный прирост населения. Чтобы как-то решить наболевшие вопросы пгт, во многих регионах Урала (Башкортостане, Удмуртии и Пермском крае) были проведены массовые административные преобразования по переводу пгт в категорию сельских населенных пунктов, эти преобразования коснулись и промышленных центров, к примеру, Увинский и Кезский муниципальные районы.

Третье направление демографических процессов наблюдалось в муниципальных районах со средним и малым городом в качестве административного центра. Население этих промышленных территорий сокращалось как за счет превышения смертности над рождаемостью, так и за счет высоких темпов оттока населения из таких районов. Особенно трагическая ситуация наблюдалась в муниципальных районах с центром в малом городе, где естественная убыль населения составляла в среднем ежегодно 1,9 человек, а отток населения – 7,6 человека на тысячу жителей. В итоге сокращение численности населения таких промышленных центров на 4/5 определялось тем, что люди массово покидали эти территории, и на 1/5 – за счет более высокой смертности (этот показатель был наибольшим среди всех других типов промышленных территорий и составлял в среднем ежегодно 16,3 промилле). Такого рода ситуация отражает процессы пространственного перераспределения и концентрации промышленности. В Свердловской области специалисты отмечают ярко выраженные процессы концентрации промышленного производства в Екатеринбургской городской агломерации и в Западном управленческом округе, в то время как удельный вес Северного, Горнозаводского и Южного округов падает и практически сводится на «нет» в Восточном управленческом округе [6,с.139]. Трудности, которые испытывают промышленные предприятия в малых городах, вынуждают квалифицированные кадры искать работу в других городских промышленных центрах. На деятельность предприятий городских поселений «завязано» и население близлежащих сельских территорий, поэтому демографические проблемы внутри таких муниципальных районов ведут к тому, что с исчезновением промышленной базы малых городов начинаются процессы обезлюдения и сети сельских населенных пунктов.

Таблица 3

Компоненты движения населения территорий – центров обрабатывающей промышленности Урала в муниципальных образованиях разного типа, 2011-2014 гг.

Тип муниципального образования	В среднем за год, промилле		
	естественное движение	механическое движение	динамика населения
Городской округ	0,3	3,1	3,4
Городской округ и муниципальный район с общей инфраструктурой	1,9	5,0	6,9
Муниципальный район со средним городом	-0,4	-2,6	-3,0
Муниципальный район с малым городом	-1,9	-7,6	-9,5
Муниципальный район с пгт	1,3	-2,6	-1,3

Сельский муниципальный район	3,2	-0,7	2,5
Урал-100	0,7	2,8	3,5

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

В последние годы на промышленных территориях Урала протекали разнонаправленные процессы. Неблагоприятная ситуация сохраняется в Курганской области, которая высокими темпами теряет население. Наоборот, относительно благоприятное положение на территориях других шести регионов Урала. Тем не менее только промышленные территории Башкортостана и Удмуртии «подпитываются» естественными источниками прироста населения, основная же масса промышленных регионов – за счет притока мигрантов. Вместе с процессами концентрации промышленного производства продолжается переток населения из менее населенных промышленных центров в крупные промышленные центры и агломерации. Внутри Уральского экономического района основные надежды могут возлагаться на Башкортостан, отличительной особенностью которого являются исторически сложившиеся тесные миграционные связи с уральскими регионами и значительные диаспоры башкир, уже проживающие в них [3, с. 148].

© Коленникова О.А. Текст. 2016

Список источников

1. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1(35).
2. Вишневский А.Г. Время демографических перемен. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Галин Р.А. Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики. – Уфа: БАГСУ, 2016.
4. Города-заводы /Н.Г. Чагин. – Пермь, 2014.
5. Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. База данных «Муниципальная Россия» //Статистика как средство международных коммуникаций. – СПб.: «Нестор-История», 2014.
6. Татаркин А.И., Романова О.А., Акбердина В.В. Промышленность индустриального региона: потенциал, приоритеты и динамика экономико-технологического развития. – Екатеринбург: Институт УрО РАН, 2014.

Информация об авторе

Коленникова Ольга Александровна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: info@isesp-ras.ru).

Kolennikova O.A.

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE INDUSTRIAL AREAS OF THE URALS

During the analysis of the production activity of the enterprises of municipalities of the Ural economic region allocated a hundred areas-manufacturing centers of the Urals. Directions and nature of demographic processes in these areas are shown on the basis of municipal statistics 2010-2014.

Keywords: demographic processes, population dynamics, natural population growth, migration, Ural economic region

Information about the author

Kolennikova Olga (Russia, Moscow) – Ph.D. of economics, Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies of Population (117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32. e-mail: info@isesp-ras.ru).

УДК 911.373.2

А.И. Корсенюк

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

В статье рассматривается современная специфика сельского расселения Кировской области, сложившаяся в постсоветское время, в целом по региону и отдельно по муниципальным образованиям, а также выявляются проблемы, обусловленные данной спецификой.

Ключевые слова: сельское расселение, сельский населенный пункт, Кировская область, плотность сельского расселения, густота сельских населенных пунктов.

Сельским населением считаются жители сельских населенных пунктов (СНП), то есть населенных пунктов, находящихся в сельской местности. При этом сельской местностью считается вся территория, расположенная за пределами городских поселений. В отличие от городских поселений некоторые сельские населенные пункты являются обитаемыми только временно (в том числе сезонно) [6].

Приказ Росстата от 26.08.2015 г. № 392 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за автомобильными дорогами общего пользования местного значения» определяет сельские населенные пункты как «поселки, села, деревни, станицы, кишлаки, аулы, хутора и другие сельские населенные пункты, отнесенные независимо от количества проживающих в них людей к сельским населенным пунктам административно-территориальным делением, установленным в субъектах Российской Федерации. В них может сезонно проживать значительное количество городских жителей» [1].

В свою очередь в соответствии с п.10 ст. 2 Закона Кировской области от 02.12.2005 г. № 387-ЗО «Об административно-территориальном устройстве Кировской области» к сельским населенным пунктам относятся «населенные пункты с преобладанием жителей, занятых в сельскохозяйственном производстве и в связанных с ним отраслях, а также не отнесенные к категории городских населенных пунктов, в том числе населенные пункты служебного назначения» [2].

Таким образом, основаниями для отнесения населенных пунктов к сельским являются:

- 1) преобладание в них числа жителей, занятых в сельском хозяйстве;
- 2) количество постоянно проживающего населения менее 3 тыс. человек.

Исторически до первой четверти XX века Вятская земля была традиционно одной из самых аграрных в европейской части России. Преобладающая часть населения проживала в селах, деревнях, выселках и других сельских поселениях. По переписи населения 1926 года, в сельских населенных пунктах проживало более 2 млн человек, или 93,7% всего населения края.

Позднее процессы, происходящие в целом в государстве, определили тенденцию интенсивного сокращения сельского населения не только в Кировской области, но и в других регионах Нечерноземья. К таким процессам относятся, прежде всего, курс

государства на индустриализацию страны, политика выделения «неперспективных» сельских поселений, преобразование ряда сельских населенных пунктов в городские. А с 1990-х гг. сокращение доли сельского населения происходило также за счет естественной убыли, которая у сельских жителей оказалась выше, чем у городских [8]. С 1989 г. численность сельского населения сократилась более чем в 1,5 раза: Кировская область – явный лидер в Приволжском ФО по темпам снижения сельского населения (рис.) [4].

Рис. Динамика численности сельского населения Кировской области по переписям населения в 1926–2010 гг., тыс. чел. [4].

Однако необходимо отметить, что в ходе административных изменений 2005-2006 гг. ряд поселков городского типа были преобразованы в поселки сельского типа. Сельскими стали городские поселки с населением от 800 до 2000 жителей: Белореченск, Дубровка, Заря, Лесные Поляны, Маромица, Медведок, Октябрьский, Созимский, Торфяной, Христофорово, Чёрная Холуница, а также Косино в 2012 г. В 2006 г. такие административные действия определили снижение удельного веса горожан в населении области [8]. Однако это все равно не позволило остановить тенденцию сокращения доли сельского населения.

Сельское население региона на начало 2015 года по сравнению с переписью населения 1926 г. в итоге сократилось на 1,8 млн чел., составив 318485 человек, или 24,42 % населения области, и было представлено в 2 городских округах из 6-ти и во всех 39 муниципальных районах.

Наибольшее сокращение численности сельского населения, более чем на 5 процентов, произошло в 5 муниципальных районах области (в Лузском – на 5,7%, в Подосиновском – на 5,6%, в Арбажском и Кикнурском – на 5,4% в каждом, в Опаринском – на 5,1%). Несмотря на это, по сравнению с началом 2014 года отмечен рост численности сельского населения в городских округах «Город Киров» (на 2%), «Город Слободской» (на 0,6%) и Слободском муниципальном районе (на 0,1%)¹.

Уменьшение численности сельского населения привело к значительному сокращению числа сельских населенных пунктов. Так, количество сельских населенных пунктов в 2015 г. по сравнению с 1950 г. уменьшилось более чем в 4 раза. А если взять во внимание, что примерно четверть нынешних населенных пунктов, числящихся в реестре, не имеет населения, то реальное сокращение составляет примерно 5,5 раза.

Динамика изменения числа сельских населенных пунктов Кировской области в 1950–2015 гг. такова [5]:

¹ Численность населения Кировской области на 1 января 2015 года (Пресс-выпуск) [Электронный ресурс]. URL: http://kirovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kirovstat/resources/e2c4fb8048462dfa82cca6ed3bc4492f/chisl_2015.pdf. (дата обращения: 01.05.2016).

1950 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1998 г.	2010 г.	2015 г.
17159	16748	11250	8011	5675	4839	4320	4228

В структуре этих населенных пунктов, по Всероссийской переписи населения 2010 года, преобладают сельские населенные пункты с численностью 25 и менее человек (43 % от общего числа СНП), что говорит о такой особенности сельского расселения в регионе, как мелкоселенность (таблица 1).

Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по состоянию на 2010 г.¹

СНП с числом жителей:	Число сельских населенных пунктов	Численность населения
Всего	4320	348136
Без населения	1073	-
Менее 6	946	2437
6 – 10	402	3133
11 – 25	516	8454
26 – 50	319	11712
51 – 100	305	21961
101 – 200	283	41518
201 – 500	314	98895
501 – 1000	105	73932
1001 – 2000	46	57546
2001 – 3000	9	21216
3001 – 5000	2	7332
Более 5000	-	-

Лишь два сельских населенных пункта Кировской области имеют численность постоянного населения более 3 тысяч человек. К ним относятся п. Костино (3,8 тыс. чел.) и д. Стулово (3,7 тыс. чел.), которые фактически являются предместьями больших городов региона – Кирова и Слободского [4].

Средняя людность сельских населенных пунктов по региону на начало 2015 года составила 75,3 чел. Наибольшая людность отмечается в Вятскополянском (262,3 чел), Белохолуницком (192,7 чел.) муниципальных районах, а также в городском округе «Город Киров» (191,7 чел.); а наименьшая – в северных районах области: Лузском и Подосиновском, а также в Санчурском районе (менее 30 чел.). В целом можно отметить, что значение средней людности сельских населенных увеличивается с запада на восток.

Плотность сельского населения в Кировской области составляет 2,64 чел. на 1 км². Она повышается по направлению с севера на юг. Самая низкая плотность сельского населения в северных районах области: в Лузском, Нагорском, Верхнекамском (0,54–0,74 чел. на 1 км²). Самая высокая плотность сельского населения наблюдается в городах Киров (33,93 чел. на 1 км²) и Слободской (10,07 чел. на 1 км²), а также в юго-восточных районах – Вятскополянском (11,85 чел. на 1 км²), Малмыжском, Пижанском, и в центральных районах: Кирово-Чепецком, Оричевском, Слободском.

Другим важным показателем сельского расселения является густота сельских населенных пунктов, которая характеризует количество сельских населенных пунктов на 100 км² (снп/100 км²). Густота сельских населенных пунктов Кировской области (3,5 снп/100 км²) выше аналогичных значений показателя как в Приволжском федеральном округе (3,28 снп/100 км²), так и Российской Федерации (0,9 снп/100 км²).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi_1612.htm (дата обращения: 12.04.2016).

Максимальное значение густоты сельского населения наблюдается в г. Кирове, Кирово-Чепецком и Санчурском районах, а наименьшее значение – в северных и северо-восточных районах: Верхнекамском, Опаринском, Белохолуницком (таблица 2). В целом значение густоты увеличивается с северо-востока на юго-запад.

Как уже отмечалось выше, удельный вес сельского населения составляет 24,42%. Наиболее урбанизированными объективно являются городские округа без сельского населения (г. Кирово-Чепецк, г. Вятские Поляны, г. Котельнич), а также г. Слободской (1,46%) и г. Киров (4,95%). Среди муниципальных районов выделяются северные районы традиционных лесозаготовок, где большее развитие в соответствии с природно-климатическими условиями и обилием лесных ресурсов приобрели отрасли лесопромышленного комплекса, а не сельского хозяйства. К таким районам относятся Лузский (17,41%), Омутнинский (18,74%), Верхнекамский (25,66%).

Таблица 2

Густота сельских населенных пунктов региона по муниципальным районам и городским округам¹

Муниципальный район, городской округ	Густота сельских населенных пунктов (снп/100 км ²)
г. Киров	17,7
Кирово-Чепецкий	10,7
Санчурский	10,4
...	...
Белохолуницкий	0,8
Опаринский	0,7
Верхнекамский	0,6

Наименее урбанизированными являются Кирово-Чепецкий, Котельничский, а также Афанасьевский районы. В Кирово-Чепецком и Котельничском районах доля сельского населения составляет 100%. Такой высокий процент сельского населения объясняется, в основном, тем, что административные центры районов г. Кирово-Чепецк и г. Котельнич не входят в состав муниципальных районов, а являются городскими округами.

И такие черты существующей системы сельского расселения региона определяют ряд проблем, к важнейшим из которых, согласно Концепции градостроительного развития Кировской области, относятся:

1. высокая мелкоселенность населенных пунктов, которая делает невозможным размещение в малонаселенных деревнях предприятий реального сектора экономики, что влечет за собой неэффективное расходование средств на социальную сферу и низкий уровень управляемости территорией;
2. концентрация населения вокруг областного центра и значительное опустынивание сельской местности;
3. дисперсный характер расселения, определяющий значительную удаленность многих населенных пунктов от основных путей сообщения и опорных центров всех уровней, а также недостаточное развитие транспортной инфраструктуры [3]. Так, около половины населенных пунктов не связаны дорогами с твердым покрытием, что с учетом транспортной доступности снижает комфортность получения высокотехнологичных социальных услуг. В среднем около 3% населения области не имеет регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района (городского округа), в Санчурском районе – около половины населения [7].

¹Число административно-территориальных единиц и плотность постоянного населения Кировской области на 1 января 2015 года [Электронный ресурс] URL: http://kirovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kirovstat/resources/f8cf1c8045503023a888fa1b0c854b35/Нас_ОП_Число+административно-территориальных+единиц.htm (дата обращения: 16.04.2016).

Список источников

1. Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за автомобильными дорогами общего пользования местного значения: Приказ Росстата от 26.08.2015 № 392.
2. Об административно-территориальном устройстве Кировской области: Закон Кировской области от 02.12.2005 № 387-ЗО
3. Концепция градостроительного развития Кировской области, утв. распоряжением Правительства Кировской области от 08.07.2009 №187.
4. Алалыкина Г.М. Экономика региона (территория, население и хозяйство Кировской области): учебное пособие / Г. М. Алалыкина, И. Ю. Алалыкина, К. А. Чернышев. – Киров: ФГБОУ ВПО «ВятГУ», 2013. – 328 с.
5. География Кировской области: атлас-книга / под ред. и с предисл. Е.А. Колеватых, А.М. Прокашева, Г.А. Русских. – Киров: Киров. обл. тип., 2015. – 80 с.: ил.
6. Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства: учебное пособие. – 5-е издание, перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2011. – 384 с.
7. О стратегии социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Правительство Кировской области. Официальный сайт». – 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirovreg.ru/strategy/preword.php> – 12.04.2016.
8. Чернышев К.А. Особенности городского расселения в Кировской области [Электронный ресурс]. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj_16/prj_16_07.pdf (дата обращения: 19.04.2016).

Информация об авторе

Корсенюк Александр Игоревич (Россия, г. Киров) – студент 3 курса Института экономики и менеджмента Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный университет» (610000, г. Киров, ул. Московская, 36; e-mail: aleksandr.korsenyuk@mail.ru).

Korsenyuk A.I.

THE PROBLEMS OF MODERN RURAL SETTLEMENT OF THE REGION

The article deals with the specifics of the modern rural settlement of the Kirov region, developed in the post-Soviet period the region in general and separately for municipalities, and identify problems caused by these characteristics.

Keywords: rural settlement, rural locality, Kirov region, the density of rural settlement, the density rural localities.

Information about the author

Korsenyuk Aleksandr (Russia, Kirov) – the 3rd year student of the Institute of Economics and Management of the «Vyatka State University» (610000, Kirov, Moscow st., 36; e-mail: aleksandr.korsenyuk@mail.ru).

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИУРАЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА*

В статье рассматриваются вопросы состояния и развития демографического потенциала арктических районов западной части Ямало-Ненецкого автономного округа. Выявлена роль естественного прироста и миграции в формировании коренного и пришлого населения на разных этапах развития территории.

Ключевые слова: арктические территории, коренные малочисленные народы Севера, естественное воспроизводство, миграция, муниципальное образование.

Интерес к рассматриваемой территории вызван ее географическим положением в северной части потенциального транспортного коридора вдоль восточного склона Урала [1]. В прогнозный период на территории Ямало-Ненецкого автономного округа формируются восемь зон опережающего развития: три крупных и пять локализованных, одна из которых располагается в приуральской части – зона опережающего развития «Восточный склон Урала». Она занимает западную часть автономного округа, включает территорию восточного склона Полярного Урала и Обско-Надымское междуречье. Ее развитие связывается с транспортным строительством и освоением месторождений твердых полезных ископаемых. В эту зону входят две региональные: «Горнодобывающая зона Полярного Урала» (освоение месторождений твердых полезных ископаемых с возможным созданием особой формы пространственной организации хозяйства – Харпского горнопромышленного района) и «Салехардский транспортно-логистический узел», прилегающий к городам Салехард и Лабытнанги. Этот узел включает ряд объектов транспортной инфраструктуры: ж.д. станцию Обская, ж.д. ветки Обская – Бованенково и Салехард – Надым; автомобильные дороги Харп – Лабытнанги и Салехард – Аксарка; Салехардский и Лыбытнангский речные порты, аэропорт г. Салехарда. В перспективе намечено строительство совмещенного (железнодорожный и автомобильный) моста через р. Обь. Главной отраслью специализации выступает транспорт. Здесь также формируется агломерационная зона на базе городов Салехард и Лабытнанги, пгт Харп (76194 чел., 2010 г.) [2, с. 209]. В связи с вышеизложенными обстоятельствами возникла необходимость оценки ее демографического потенциала.

В административном отношении в состав рассматриваемой территории входят Шурышкарский и Приуральский муниципальные районы (МР) с Салехардским и Лабытнангским городскими образованиями (ГО), расположенные в низовье р.Обь.

Общая численность населения приуральской территории по переписи 2010 г. составила 94,6 тыс.чел., в том числе 14,2 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) (табл.1).

В последующие годы население увеличилось на 5,8%. Оно сосредоточено в трех городских (Салехард – 48607 чел., Лабытнанги – 26539 чел., пгт Харп – 6141 чел., 2015 г.) и 41 сельском населенном пунктах (Шурышкарский район – 27, Приуральский – 13, Салехард – 1 СНП) при удельном весе городского населения 81% (табл. 2).

Таблица 1

Численность населения приуральской территории по данным переписи 2010 г., чел.

* **Благодарность.** Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда «Обоснование геоэкоэкономического подхода к освоению стратегического природно-ресурсного потенциала северных малоизученных территорий в рамках инвестиционного проекта “Арктика – Центральная Азия”» №14-18-00456

МО	Всего	КМНС	Ханты	Манси	Ненцы	Коми	Русские	Проч.
ГО Салехард	42845	2601	1320	70	1211	1098	26252	12894
ГО Лабытнанги ГО	26936	480	202	13	258	630	18719	7107
Шурышкарский МР	9814	5244	5041	26	169	1755	2706	109
Приуральский МР	14995	5847	2648	17	3177	870	6152	2126
Итого	94590	14172	9211	126	4815	4353	53829	22236
Уд. вес, %	100,0	14,8	9,6		5,0	4,6	57,0	23,3

Рассчитано по данным Ямалстата.

Примечание: курсивом – оценка.

Таблица 2

Динамика численности населения приуральской территории по данным переписей населения и текущего учета, чел.

МО	1959 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2015 г*
ГО Салехард	17319	25213	33470	37035	42845	48607
ГО Лабытнанги	4468	22270	38925	35199	26936	26539
Итого	21787	47483	72395	72234	69781	75146
Приуральский МР	6852	6080	6652	7680	14995	15246
Шурышкарский МР	8782	8764	9029	9559	9814	9651
Районы (МР)	15749	14844	15681	17239	24809	24897
Всего	37536	62327	88076	89473	94590	100055
ЯНАО, всего	62334	158844	494844	507006	522798	539985
Уд. вес в ЯНАО, %	60,2	39,2	17,8	17,6	18,1	18,5

Рассчитано по данным Ямалстата.

Примечание: снижение численности населения в ГО Лабытнанги между переписями 2002 и 2010 гг. в значительной степени связано с передачей пгт Харп в состав Приуральского района в 2007 г.

*На 1 января.

В гендерной структуре населения в целом по территории на долю женщин приходится 50,1% (2010 г.). По сравнению с переписью населения 2002 г. она выросла на 0,7 п.п. Мужчины более половины численности составляют в г. Лабытнанги (51,8%) и Приуральском муниципальном районе (55,2%). В последнем на данный показатель оказывает влияние население пгт Харп, где удельный вес сильного пола составляет 63%. Основная причина – горнодобывающая специализация экономики, требующая мужского труда (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения по данным переписей населения, чел.

Территория, МО	2002 г.				2010 г.			
	Всего	Муж.	Жен.	Уд. вес, %	Всего	Муж.	Жен.	Уд. вес, %
ГО Салехард :	37035	17738	19297	52,1	42845	20101	22744	53,1
<i>г. Салехард</i>	<i>36827</i>	<i>17635</i>	<i>19192</i>	<i>52,1</i>	<i>52544</i>	<i>19957</i>	<i>22587</i>	<i>53,1</i>
<i>село</i>	<i>208</i>	<i>103</i>	<i>105</i>	<i>50,5</i>	<i>301</i>	<i>144</i>	<i>157</i>	<i>52,2</i>
ГО Лабытнанги	35199	19037	16162	45,9	26936	13938	12998	48,3
г. Лабытнанги	27304	13801	13503	49,5	26936	13938	12998	48,3
Пгт Харп	7278	4903	2375	32,6	6413	4042	2371	37,0
село	617	333	284	46,0	-	-	-	-
Шурышкарский МР	9559	4744	4815	50,4	9814	4855	4959	50,5
с. Мужы	3200	1525	1675	52,3	3609	1728	1881	52,1
Приуральский МР	7680	3771	3909	50,9	14995	8291	6704	44,7
с. Аксарка	2569	1218	1351	52,6	3133	1535	1598	51,0
Всего	89473	45290	44183	49,4	94590	47185	47405	50,1

Рассчитано по данным Ямалстата.

Среди сельских поселений наиболее значительны с. Мужы (центр Шурышкарского района) – 3,6 тыс. жителей и с. Аксарка (центр Приуральского района) – 3,3 тыс. Помимо вышеперечисленных центров сельских поселений значительная часть коренного населения проживает в мелких, в основном мононациональных поселениях: ханты – в «гортах» (Анжигорт, Ильягорт, Ямгорт и др.). У коренного населения существуют сезонные пункты проживания – зимние и летние. У жителей Шурышкарского района, исторически ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, зимние «горты» рыбаков расположены по рекам Войкар и Сыня, летом рыбацкие семьи переезжают на пойменные рыбоугодья Малой Оби. Кочевой образ жизни ведут оленеводы Шурышкарского и Приуральского районов, круглый год проживая на оленьих пастбищах. Их основная деятельность требует периодической смены пастбищных угодий в зависимости от времени года.

Численность пенсионеров, здесь проживающих, составляет 26 тыс. чел., или 23,5% от общей численности населения. Самый высокий удельный вес пенсионеров имел место в г. Лабытнанги – 29,7%, самый низкий в Приуральском районе – 12,7%. Для первого это было обусловлено процессом старения прибывших в 1980-е гг. из других районов страны. Для второго – сохранившейся более молодой структурой населения, связанной с современным этапом освоения природных ресурсов и транспортного строительства.

В муниципальных районах данной территории значительный удельный вес (44,1%) занимают коренные малочисленные народы Севера (КМНС). Отличие их от других районов ЯНАО связано с национальной структурой КМНС, в которой 65% приходится на хантыйское население и лишь 34% на титульную национальность – ненцев. Вместе с крупным народом Севера – коми они составляют 71% населения Шурышкарского и 78% сельских жителей Приуральского районов (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности сельского населения приуральской территории по данным переписей районов и текущего учета населения, чел.

Территория, МО	1959 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2015 г*
Приуральский МР	6852	6080	6652	7680	8582	9107
В т.ч. КМНС						
коми	856	820	864	850	870	
Шурышкарский МР	8782	8764	9029	9559	9814	9651
В т.ч. КМНС						
коми	1888	1946	1849	1810	1755	
Районы (МР)	15749	14844	15681	17239	18396	18758
в т.ч. КМНС	6327	7036	7697	9815	10946	
Уд.вес, % КМНС	40,2	47,4	49,1	56,9	44,1	
коми	2744	2766	2713	2660	2625	
Салехард (село)	-	234	263	208	301	296
В т.ч. КМНС	-	177	184	192	209	
Всего	15749	15078	15944	17447	18697	19054
в т.ч. КМНС	6327	7213	7881	10007	11155	
Уд.вес, % КМНС	40,2	47,8	49,4	57,4	59,7	
коми	2744	2796	2770	2690	2650	

Рассчитано по данным Ямалстата

*на 1 января.

Из 41 сельского населенного пункта 37 относятся к национальным с высоким удельным весом КМНС, в том числе 14 – к мононациональным, поселениям с численностью проживающих от 1 до 47 чел. В Шурышкарском районе более половины представителей коренных малочисленных народов Севера (3,6 тыс.чел. – 57,8%)

проживает в 3 наиболее крупных населенных пунктах: с. Мужы (844 чел.), с. Овгорт (718 чел.), с. Шурышкары (518 чел.).

Численность населения Ямало-Ненецкого автономного округа до начала 1970-х годов увеличивалась в основном за счет естественного прироста. Более высокими темпами росло число жителей городских поселений Салехард и Лабытнанги, испытывающих приток населения из сельской местности и других районов страны. На их долю до начала 1970-х гг. приходилось более 60% населения ЯНАО. В настоящее время в связи с быстрым развитием восточных нефтегазодобывающих районов автономного округа она снизилась до 18%. С 1959 по 1970 гг. темпы роста коренных малочисленных народов Севера были на уровне всего населения округа, соответственно 124,9 и 124,1%. В 1970-е и 1980-е годы ситуация значительно изменилась, что было связано с освоением и разработкой месторождений природного газа и нефти, транспортным строительством. Резко возросшее число контактов с пришлым населением повлияло на общую численность коренных народов, которая в 1979 г. не достигла даже уровня 1970 г., а удельный вес их снизился до 16,1%.

Возрастная структура народов Севера отличается высоким удельным весом детей до 16 лет (до 40 и выше процентов) и довольно низким удельным весом лиц старше трудоспособного возраста (6-8% от общей численности). В сложившейся к настоящему времени гендерной структуре КМНС преобладают женщины. Такое соотношение между полами связано с более высоким процентом случаев преждевременной смерти среди мужского населения. Самая высокая доля женщин в городских поселениях. В целом по округу она составляла в 1979 г. 59,7%, в 1989 г. – 60,3% от общей численности проживающих здесь представителей малочисленных народов Севера.

Это обусловлено рядом причин:

- меньшая вероятность найти себе работу в традиционных отраслях, где преобладают мужские профессии, непрестижность их; в связи с этим большее стремление, чем у мужчин, получить среднее образование и желание продолжить учебу дальше;
- рост числа городских и промышленных поселений в ареалах проживания коренных народов, где более широкие возможности использования женского труда в непроизводственной сфере;
- стремление найти себе партнера для брака из представителей некоренной национальности, чему способствует структура населения в новых городах и поселках с высокой долей молодых холостых мужчин;
- структура средних специальных заведений в округе (медучилище, педучилище) с их явно женским уклоном.

Приуральские районы являются территориями, где издавна одним из основных занятий коренного населения было оленеводство, связанное с постоянной сменой пастбищ и кочевым образом жизни. Здесь проживает около 15% кочующего населения ЯНАО, к которому относится около 20% сельских жителей из числа коренных малочисленных народов приуральских МР.

Более динамично демографические процессы идут в городских поселениях, особенно в Салехарде, где население с начала нового столетия увеличилось на четверть..

Численность сельского населения Приуральского и Шурышкарского МР на протяжении длительного периода до середины 1980-х гг. оставалась стабильной. На этих территориях промышленное производство отсутствовало. Экстенсивный характер традиционного хозяйствования не способствовал увеличению численности коренного населения. Рост его в последующие годы был обусловлен положительным естественным приростом коренного населения.

Естественный прирост был и остается основным источником воспроизводства коренного населения и в настоящее время. Начиная с начала 1990-х гг. во всех муниципальных образованиях территории шли процессы снижения рождаемости и роста

коэффициента смертности. После 2005 г. ситуация улучшилась за счет роста рождаемости и снижения смертности (табл. 5).

Таблица 5

Среднегодовые показатели естественного движения населения, промилле

МО	К	1991-1995	1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2014
Шурышкарский МР	Кр	21,9	18,9	17,8	20,4	21,1
	Кс	12,3	13,2	14,4	13,2	11,1
	Кеп	9,6	6,7	3,4	7,2	10,0
Приуральский МР	Кр	24,6	23,7	22,1	23,6	19,4
	Кс	12,5	13,9	10,8	11,5	9,1
	Кеп	12,1	9,8	11,3	12,1	10,3
ГО Салехард	Кр	12,7	13,1	14,8	16,5	18,6
	Кс	2,5	9,9	9,0	7,5	6,4
	Кеп	2,2	3,2	5,8	9,0	12,2
ГО Лабытнанги	Кр	11,5	11,2	12,1	12,5	14,0
	Кс	6,6	7,2	8,0	7,7	7,5
	Кеп	4,9	4,0	4,1	4,8	6,5

Рассчитано по данным Ямалстата и Росстата: База данных муниципальных образований. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Примечание: Кр – коэффициент рождаемости; Кс – коэффициент смертности; Кеп – коэффициент естественного прироста.

Миграционный отток, который составил за период с 2010 по 2014 гг. 2407.чел., обусловил снижение численности населения в ГО Лабытнанги. Отрицательное значение он имел и в муниципальных районах, и только в Салехарде – столице автономного округа, привлекательной для мигрантов, был положительным (3500 чел.). Это обеспечило в целом по территории механический прирост в 1093 чел. Общий естественный прирост за 5 лет (2010-2014) составил 4752 чел., суммарный прирост – 5845 чел. (табл. 6).

Таблица 6

Динамика миграции населения, чел.

Территория, МО	М	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2010-2014 гг.
Шурышкарский МР	Пр	93	389	498	501	494	1975
	В	152	447	694	715	543	2551
	См	-59	-58	-196	-214	-49	-576
Приуральский МР	Пр	245	726	533	573	643	2720
	В	294	715	746	691	684	3130
	См	-49	11	-213	-118	-41	-410
ГО Салехард	Пр	1272	2868	3945	3406	2731	14222
	В	1014	1780	2147	2750	3031	10722
	См	258	1088	1798	656	-300	3500
ГО Лабытнанги	Пр	410	843	1201	1465	1646	5565
	В	802	1316	1630	1588	1650	6986
	См	-392	-473	-429	-123	-4	-1421

Рассчитано по данным Ямалстата и Росстата: База данных муниципальных образований. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Примечание: М – показатели миграции; Пр – прибыло; В – вышло; См – сальдо миграции.

Демографические показатели коренного населения Шурышкарского, и особенно Приуральского, районов ЯНАО имели положительный естественный прирост как в перестроечные 1990-е, так и в последующие годы. Они были обеспечены, главным образом, высоким уровнем рождаемости, который даже при более высоком уровне

смертности среди КМНС, по сравнению с остальным населением, обеспечивал положительный естественный прирост.

Причины высокой смертности представителей КМНС общеизвестны. Они связаны с большим количеством летальных исходов от несчастных случаев, отравлений и случаев насильственной смерти, которые занимают здесь первые места. Второе место среди причин занимают болезни системы кровообращения.

Во многих отдаленных мелких поселениях-юртах нарушен процесс естественного воспроизводства населения из-за дисбаланса между полами. Для мужского населения острой проблемой является здесь отсутствие невест. Представительницы слабого пола значительно чаще покидают родительский дом в поисках работы или находят мужа некоренной национальности. В связи с этим в этих населенных пунктах преобладают холостые мужчины, как в молодом, так и в более зрелом возрасте, не сумевшие по вышеназванной причине создать семью. Другой причиной низкой брачности является то, что потенциальные женихи и невесты являются в малых поселениях близкими родственниками, что обязывает их искать партнера на стороне.

Несмотря на происшедшие в 1990-е и 2000-е гг. сдвиги в половозрастной структуре населения, где вырос удельный вес лиц старших и уменьшилась доля лиц моложе трудоспособного возраста, у представителей КМНС она сохранилась традиционной для этой национальной группы, обеспечивающей как простое, так и расширенное воспроизводство населения. Об этом свидетельствуют данные таблицы 7, где представлена возрастная структура сельского населения Приуральского и Шурышкарского МР, в которых удельный вес КМНС составляет соответственно 68% и 53%.

Таблица 7

Динамика половозрастной структуры сельского населения муниципальных районов приуральской территории по данным текущего учета населения, чел., на 1 января

Группа возраста	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г.к 2011 г.
Приуральский МР	8593/ 100	8812/ 100	8833/ 100	8963/ 100	370/ 104,3
Моложе трудоспособного	2827/ 32,9	3020/ 34,3	2965/ 33,6	3030/ 33,8	203/ 107,2
Трудоспособный	5032/ 58,6	4999/ 56,7	5043/ 57,1	5082/ 56,7	50/ 101,0
Старше трудоспособного	734/ 8,5	793/ 9,0	825/ 9,3	851/ 9,5	117/ 115,9
Шурышкарский МР	9780/ 100	9807/ 100	9710/ 100	9607/ 100	-173/ 98,2
Моложе трудоспособного	2805/ 28,7	2792/ 28,5	2725/ 28,1	2720/ 28,3	-85/ 97,0
Трудоспособный	5861/ 59,9	5860/ 59,8	5784/ 59,5	5630/ 58,6	-231/ 96,1
Старше трудоспособного	1114/ 11,4	1155/ 11,7	1201/ 12,4	1257/ 13,1	143/ 112,8

Рассчитано по данным Ямалстата и Росстата: База данных муниципальных образований. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Примечание: под чертой доля группы в общей численности населения, %; в последней колонке показаны сравнения 2011 и 2014 гг. (чел./ прирост или снижение, %).

Для муниципальных районов характерны снижение доли трудоспособного населения и абсолютный и относительный рост лиц старше трудоспособного населения при сохранении практически неизменной доли когорты моложе трудоспособного возраста.

В целом сложившиеся демографическая ситуация позволяют осуществлять расширенное естественное воспроизводство населения. Освоение Полярного Урала и развитие городов Салехард и Лабытнанги обеспечит положительный механический прирост, что будет способствовать возрастанию демографического потенциала территории.

Список источников список

1. Концептуальные основы формирования и реализации проекта «Урал промышленный – Урал Полярный». – М.: Экономика, 2007. – 361 с.
2. Логинов В.Г., Балашенко В.В. Срединный арктический регион: ресурсы, социум, экология и экономика. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 291 с.

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, доцент, зав. сектором регионального природопользования и экологии Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail:log-wg@rambler.ru).

LoginovV. G.

EVALUATION OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE URAL TERRITORY IN YAMAL-NENETS AUTONOMOUS AREA

The article examines the status and development of demographic potential of the Arctic regions of West Yamal-Nenets Autonomous district. The role of natural increase and migration in the formation of the native and migrant populations is considered in the article.

Keywords: Arctic territories, the indigenous small peoples of the North, natural reproduction, migration, municipal formation

Information about the author

Loginov Vladimir Grigorevich (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, 29, Moscovskaya st.; e-mail:log-wg@rambler.ru).

УДК 314.48

М.Н. Макарова, Л.Н. Воронина, А.Н. Третьяк

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КОМПОНЕНТОВ КАЧЕСТВА ЗАНЯТОСТИ НА СМЕРТНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ*

В представленной статье обоснован значительный вклад смертности населения трудоспособных возрастов в общую смертность населения. Приведены результаты оценки влияния компонентов качества занятости на смертность трудоспособного населения, выявлена тесная взаимосвязь смертности трудоспособного населения с занятостью в неблагоприятных условиях труда.

Ключевые слова смертность трудоспособного населения, компоненты качества занятости, неблагоприятные условия труда.

Снижение смертности трудоспособного населения является приоритетной задачей социально-экономического развития России, поскольку за счет трудоспособного населения формируется основная и самая производительная часть трудовых ресурсов, обеспечивающая социально-экономическое развитие, экономическую стабильность и

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

безопасность страны. По мнению А. Аганбегяна, особая значимость сокращения смертности в России заключается в том, что у нас она преимущественно происходит за счет снижения смертности трудоспособного населения. И потому курс на сокращение смертности в первую очередь обеспечит нам увеличение снижающейся вследствие возрастных сдвигов численности трудоспособного населения [1].

Динамика общей смертности населения России за период 2004-2014 гг. имеет тенденцию к снижению. Тем не менее, уровень смертности в России остается намного выше по сравнению с ведущими странами Европейского союза. По данным Росстата, коэффициент смертности в нашей стране в 2014 г. составил 13,1 (на 1000 человек), что в 1,4 раза выше, чем в ведущих странах Европейского союза (Германии, Франции, Англии и Италии). При этом продолжительность жизни в России в 2014 г. составила 71,6 года в сравнении с 82 годами в среднем в этих же странах¹.

Общая смертность населения в России за последнее десятилетие снизилась с 2,3 млн чел. в 2004 г. до 1,9 млн чел. в 2014 г., или на 400 тыс. чел. При этом смертность трудоспособного населения сократилась с 720,8 до 484,2 тыс. чел. за аналогичный период, или на 236,6 тыс. чел. Таким образом, около 60% в снижении общей смертности населения приходится на снижение смертности в трудоспособных возрастах. Доля смертности трудоспособного населения в общей смертности всего населения в эти годы также сократилась: с 31,4% в 2004 г. до 25,4% в 2014 г.².

Среди факторов, способствовавших снижению смертности населения в 2004-2014 гг., следует отметить активную государственную политику в сфере здравоохранения в виде реализации национального проекта «Здоровье». В те же годы многие регионы стали принимать решения по усилению действующих федеральных мер, разработке дополнительных к ним мероприятий. В результате с 2006 г. смертность населения стала систематически, в отдельные годы достаточно существенно, сокращаться, а с 2007 г. началось неуклонное повышение рождаемости [2].

Наряду с мерами государственной политики в сфере здравоохранения существует также резерв снижения смертности за счет улучшения качества занятости. В структуре общей смертности самая высокая доля приходится на смертность населения в рабочем возрасте, что позволяет говорить о существенном влиянии условий и процессов, а также государственной политики в сфере занятости на состояние здоровья и динамику смертности населения.

Учитывая высокий уровень экономической активности населения (в 2014 г. для мужчин – 75,1% и для женщин – 63,3%), следует акцентировать внимание на том, что в сфере занятости, а значит и в зоне риска для здоровья и жизни, находятся около 70% населения в возрасте от 15 до 72 лет. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) также выражает озабоченность состоянием здоровья работающих во многих странах мира и степени их подверженности профессиональным рискам. На 60-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения ВОЗ одобрила и приняла Глобальный план действий по охране здоровья работающих на 2008-2017 гг., в котором особо подчеркнуто, что наряду с условиями труда и медико-профилактическими мероприятиями здоровье работающих зависит от политики в отношении занятости [3].

Для характеристики сферы занятости нами предложено рассчитывать коэффициент качества занятости, который базируется на показателях, отражающих качество условий занятости, и включает показатели: численность населения, занятого в неблагоприятных условиях труда, численность занятых в неформальном секторе экономики и численность населения, признанного по методологии МОТ безработными, по следующей формуле [4, с. 164]:

¹Россия и страны - члены Европейского союза. 2015: стат.сб. / Росстат. – М., 2015. – 271 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 21.05.2016)

²Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 1.03.2016)

$$K_3 = 1 - (\sum_i N + N_{\text{нф}} + N_6) / N_{\text{зан}}$$

где K_3 – коэффициент качества занятости;

i – количество групп населения по признаку занятости;

N – численность населения, занятого в неблагоприятных условиях труда;

$N_{\text{нф}}$ – численность занятых в неформальной экономике;

N_6 – численность населения, которая (по методологии МОТ) является безработной;

$N_{\text{зан}}$ – численность экономически активного населения.

Исходя из формулы, мы получаем коэффициент, отражающий долю населения, занятого в более качественных и благоприятных условиях в экономике. Чем выше значение коэффициента, тем больше населения региона имеет качественные условия занятости. В таблице 1 приведены данные расчетов коэффициента качества занятости за период 2004-2014 гг.

Таблица 1

Коэффициент качества занятости населения по федеральным округам Российской Федерации за период 2004-2014 гг.¹

Федеральный округ	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
РФ	0,698	0,677	0,668	0,698	0,658	0,667	0,696	0,700	0,705	0,695	0,693
ЦФО	0,791	0,774	0,767	0,790	0,745	0,756	0,783	0,785	0,802	0,801	0,796
СЗФО	0,755	0,739	0,739	0,780	0,750	0,755	0,774	0,778	0,796	0,780	0,769
ЮФО	0,600	0,585	0,558	0,596	0,566	0,419	0,659	0,662	0,661	0,656	0,638
СКФО	-	-	-	-	-	0,475	0,490	0,516	0,515	0,473	0,472
ПФО	0,680	0,661	0,650	0,662	0,637	0,644	0,682	0,686	0,667	0,652	0,651
УрФО	0,653	0,621	0,635	0,710	0,648	0,657	0,675	0,676	0,684	0,667	0,670
СФО	0,634	0,619	0,609	0,635	0,581	0,597	0,633	0,629	0,623	0,624	0,646
ДФО	0,694	0,638	0,635	0,660	0,618	0,635	0,679	0,689	0,700	0,686	0,667

Дифференциация значений коэффициентов качества занятости в различных федеральных округах Российской Федерации во многом обусловлена региональными особенностями занятости в неформальном секторе, различиями в уровне безработицы и уровне занятости населения в неблагоприятных условиях труда в субъектах, входящих в округа. Следует отметить более высокие значения коэффициента в Центральном и Северо-Западном федеральных округах.

На рисунке 1 отражена динамика показателей качества занятости, из которой видно, что только численность безработных имеет устойчивое снижение, тогда как численности занятых в неформальном секторе экономики и численности занятых в неблагоприятных условиях труда растут. Однако во многом это обусловлено изменением методологии статистического наблюдения, осуществляемого Росстатом по форме №1-Т (условия труда). В соответствии с приказом Росстата от 24 сентября 2014 г. № 580 в перечень вредных производственных факторов, по которым проводится учет занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, были введены: химический фактор; нагревающий и охлаждающий микроклимат; световая среда; биологический фактор. Только по последним трем факторам численность занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда составила более 1,75 млн человек (35,8% от общей численности занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда) [5].

¹ Рассчитано по: Бюллетень "Состояние условий труда работников, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, в строительстве, на транспорте и в связи Российской Федерации» 2005-2015 гг.; Бюллетень «Обследование населения по проблемам занятости» 2005-2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

Рис. 1. Динамика компонентов качества занятости в Российской Федерации, тыс. чел.¹

Входящие в коэффициент качества занятости показатели отражают риски, которые может испытывать человек на рынке труда, вместе с тем они являются факторами, прямо или косвенно влияющими на смертность в трудоспособном возрасте.

Безработица ведет к снижению уровня и качества жизни, негативно отражается как на человеке, так и на обществе в целом, поскольку человек теряет не только источник средств существования, но и социальные гарантии, уверенность в завтрашнем дне, тем более что на трудоспособном населении лежит, как правило, высокая иждивенческая нагрузка. Безработица является причиной затяжного психоэмоционального стресса и повышенного уровня тревожности, который способствует резкому увеличению числа самоубийств и распространению алкоголизма. О связи безработицы как важнейшей причины бедности с нарушениями психического здоровья свидетельствуют многочисленные работы отечественных исследователей из НИИ медицины труда РАМН и зарубежных авторов. В проведенных исследованиях показано, что среди лиц, не имеющих работы, или тех, кому угрожает ее потеря, возрастает риск смерти, прежде всего от суицидов, а также от несчастных случаев, отравлений, травм, сердечно-сосудистых заболеваний, других причин. Подобные закономерности выявлены и во многочисленных зарубежных исследованиях [5].

Занятость в неформальном секторе экономики представляет собой занятость, не подтвержденную трудовым договором как формальным контрактом, и часто служит альтернативой экономической неактивности и хронической безработице. Увеличение неформальной занятости усиливает неравенство доходов. Занятые в этом секторе находятся в сложном положении, лишены многих трудовых прав и социальных гарантий, они подвергаются риску социальной незащищенности, финансовой нестабильности, увеличения или сокращения рабочего времени. Как отмечается в «Глобальном плане действий по охране здоровья работающих на 2008-2017 гг.», растущий неформальный сектор экономики зачастую ассоциируется с опасными условиями труда и охватывает такие уязвимые группы населения, как дети, беременные женщины, пожилые люди и работники-мигранты [6].

Неблагоприятные условия труда на производстве негативно отражаются на состоянии здоровья работающего населения, способствуют возникновению профессиональных заболеваний, повышают уровень производственного травматизма. Неблагоприятные условия труда не только являются фактором риска развития

¹Бюллетень "Состояние условий труда работников, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, в строительстве, на транспорте и в связи Российской Федерации» 2005-2015гг.; Бюллетень «Обследование населения по проблемам занятости» 2005-2015гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

профессиональных заболеваний и производственных травм, но и способствуют росту заболеваемости и смертности от общих (непрофессиональных) болезней, этиологически связанных с условиями труда, т. е. производственно обусловленных. Наличие взаимосвязи между профессиональной деятельностью и смертностью трудоспособного населения подтверждают исследования многих авторов, выполненные в НИИ медицины труда РАМН (Горчакова Т.Ю. [7], Лебедева Н.В., Гурвич Е.Б., Тихонова Г.И., Яковлева Т.П., Головкова Н.П. и др.). У работников основных цехов предприятий черной и цветной металлургии, шинной, добывающей, деревообрабатывающей, коксохимической промышленности и др. риски умереть от болезней, этиологически связанных с производственными факторами (сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования, болезни органов дыхания, органов пищеварения и др.), существенно выше по сравнению с населением того же возраста и пола. В России смертность от профзаболеваний и в результате трудовой деятельности не регистрируется (в свидетельстве о смерти нет соответствующей графы). По оценкам экспертов МОТ, на основе проведенных исследований в 15 странах Евросоюза, где система регистрации наиболее надежная, соотношение числа погибших на производстве и количества смертей по причине заболеваний, связанных с работой, равно 1 : 20 [5]. По данным Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) в результате несчастных случаев на производстве в 2014 году в Российской Федерации в организациях всех видов экономической деятельности погибло 2344 работника (в 2013 г. – 2 757 человек) [5]. Если рассчитывать исходя из этих данных, то в России по причинам, связанным с условиями труда на производстве, за 2013-2014 гг. умерло от 46 до 55 тыс. человек. В 2008 году эти потери составляли 82 тыс. человек, при смертности от несчастных случаев на производстве 4103 человек [5].

Несмотря на усилия, направленные на модернизацию и обновление основных фондов, численность занятых в неблагоприятных условиях труда в России только растет. По данным Росстата, с 2004 по 2014 гг. удельный вес работников, занятых в неблагоприятных условиях труда, в России возрос с 6,9 до 7,2%, в абсолютном выражении рост произошел с 4556,4 тыс. чел. в 2004 г. до 4893,7 тыс. чел. в 2014 г. (на 337,3 тыс. человек). Максимальная численность занятых в неблагоприятных условиях труда в этот период была зафиксирована в 2008 г. на уровне 7108,3 тыс. человек что составило 10,5% от численности занятых в экономике. В отраслевом разрезе удельный вес работников, занятых в производствах с вредными и опасными условиями труда, значительно увеличился в добыче полезных ископаемых – с 33,4 до 57,1% (на 23,7 п.п.), на предприятиях обрабатывающих производств – с 22,8 до 41,1% (на 19,2 п.п.), в производстве электроэнергии газа и воды – с 29,9 до 39,2% (на 9,3 п.п.), на транспорте и связи – с 15,8 до 33,9% (на 18,1 п.п.) и в строительстве – с 10,8 до 35,6% (на 24,8 п.п.). Сохраняется также тревожная тенденция роста занятости женщин во вредных и опасных условиях труда, особенно в промышленности, где их доля в численности занятых возросла в добывающей отрасли с 20,2 до 34,7%, в обрабатывающих производствах с 16,5 до 31,9% и на транспорте с 6,5 до 20,4%¹.

В совокупности все эти факторы оказывают психологическое и физическое влияние на состояние здоровья и продолжительность жизни трудоспособного населения. Поэтому было важно исследовать влияние компонентов качества занятости на смертность населения трудоспособного возраста. Для обеспечения сопоставимости данных все показатели были переведены в относительный вид (на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста). Для проведения исследования применены методы корреляционно-регрессионного анализа.

¹Труд и занятость в России. 2005; 2011;2015: стат.сб. /Росстат. М., 2005; 2011;2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

Анализ взаимосвязи коэффициента смертности трудоспособного населения и компонентов качества занятости не выявил статистической зависимости с коэффициентом безработицы и занятостью в неформальном секторе. Вместе с тем связь смертности трудоспособного населения и занятости в неблагоприятных условиях труда показала умеренную тесноту и составила 0,3; 0,3 и 0,5 за 2004, 2009 и 2014 годы соответственно. Данная связь подтверждается и в исследовании, проведенном О.А. Козловой, М.Н. Макаровой и др., в котором был выявлен вклад фактора «условия труда» в вариацию показателя смертности на уровне 43% [8]. Для снижения погрешности при расчете коэффициента корреляции были исключены выбросы – субъекты с экстремально высокими и низкими показателями смертности и занятости в неблагоприятных условиях труда. К ним в течение исследуемого периода относились Кемеровская область, ЯНАО, ХМАО, Ненецкий и Чукотский автономные округа, где фиксировались экстремально высокие, и Республика Калмыкия с экстремально низкими показателями занятости в неблагоприятных условиях труда. Экстремально низкие показатели смертности населения трудоспособного возраста были отмечены в кавказских республиках – Дагестане, Ингушетии и Чеченской Республике, а экстремально высокие – в Чукотском автономном округе, Псковской области и Республике Тыва.

На рисунке 2 приведено распределение субъектов РФ по смертности трудоспособного населения и занятости в неблагоприятных условиях труда.

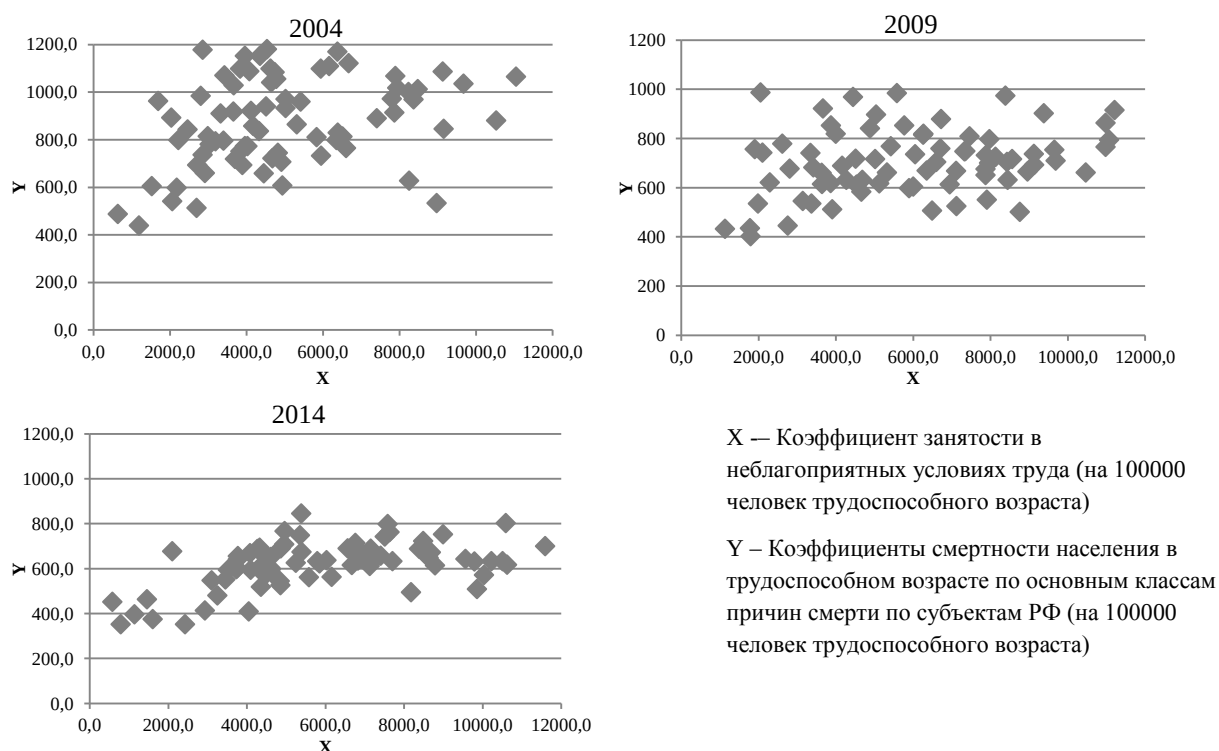

Рис. 2. Распределение субъектов Российской Федерации по коэффициентам занятости в неблагоприятных условиях труда и смертности населения трудоспособного возраста

Анализируя динамику взаимосвязи коэффициентов занятости в неблагоприятных условиях труда и смертности трудоспособного населения в субъектах РФ в 2004-2014 гг., следует выделить несколько тенденций. Основная тенденция – это снижение верхней границы уровня смертности трудоспособного населения во всех субъектах Российской Федерации, с 1200,0 до 800,0 на 100 000 человек трудоспособного возраста, нижняя граница уровня смертности, как видно из рисунка 2, остается на уровне 400,0 на 100 000 человек трудоспособного возраста. Вторая тенденция – это сокращение дифференциации

между субъектами РФ и более плотная концентрация субъектов по уровню смертности в пределах от 400,0 до 800,0 на 100 000 человек трудоспособного возраста. Третья тенденция, которая выделяется в исследуемом периоде, – это сохранение и даже увеличение высокой занятости в неблагоприятных условиях труда. Однако на диаграммах видно, что высокая смертность трудоспособного населения также наблюдается и в субъектах с низкой занятостью в неблагоприятных условиях труда, что еще раз подтверждает гипотезу о частичном вкладе фактора условий труда в общую картину смертности населения [8].

Таким образом, проведенное исследование показало, что из трех компонентов качества занятости смертность трудоспособного населения имеет существенную корреляционную связь только с занятостью в неблагоприятных условиях труда. Полученные нами результаты подтверждают выводы других авторов о том, что условия труда не только являются фактором риска развития профессиональных заболеваний и производственных травм, но и способствуют росту заболеваемости и смертности от общих (непрофессиональных) болезней, этиологически связанных с условиями труда, т. е. производственно обусловленных.

© Макарова М.Н., Воронина Л.Н., Третьяк А.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Аганбегян А. Тревожный звоночек: в России прекратилось снижение смертности населения // Экономическая политика. – 2015. – Т.10. – №2. – С.63-76. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iep.ru/files/text/policy/2015-2/aganbegyan_2_2015.pdf. (дата обращения 10.05.2016)
2. Демографическое развитие России: новые вызовы и возможные решения проблем. Аналитический доклад 2015 / под общей редакцией Л.Л. Рыбаковского. [Электронный ресурс]. URL: http://social.council.gov.ru/activity/other_activities/60462(дата обращения 4.04.2016)
3. Измеров Н.Ф.,Тихонова Г.И. Проблемы здоровья работающего населения в России // Социальные аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esfor.ru/pdf.php?id=2011/3/04> (дата обращения: 15.04.2016)
4. Козлова О.А.Занятость населения индустриального региона: проблемы теории и практики регулирования . – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 224 с.
5. О реализации государственной политики в области условий и охраны труда в Российской Федерации в 2014 году. Доклад / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации.ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охраны и экономики труда» Минтруда России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru>
6. Здоровье работающих: глобальный план действий. Шестидесятая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: http://prombezpeka.com/wp-content/uploads/2014/02/Глобальный-план-действий-ВОЗ_2008_2017.pdf(дата обращения 26.03.2016)
7. Горчакова Т.Ю. Зависимость смертности населения трудоспособного возраста в промышленных городах от специфики градообразующих предприятий (на примере Мурманской области): автореф. дис. ...канд. экон. наук.– М., 2010. НИИ медицины труда РАМН. [Электронный ресурс]. URL:<http://economy-lib.com> (дата обращения 23.04.2016)
8. Козлова О.А., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х., Беленкова Т.В. Условия труда как фактор влияния на показатели смертности населения в трудоспособном возрасте // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 7-1. – С. 161-165.

Информация об авторах

1. Макарова Мария Никитична (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, мл. науч. сотр. Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

2. Воронина Любовь Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – вед. экономист Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: Luvoronina@mail.ru)

3. Третьяк Анна Николаевна (Россия, г. Екатеринбург) – вед. экономист Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29).

Makarova M.N., Voronina L.N., Tretyak A.N.

ASSESSMENT OF INFLUENCE OF COMPONENTS OF QUALITY OF EMPLOYMENT ON THE WORKING AGE POPULATION MORTALITY

The article proves that the working-age population mortality contributes to the general mortality of the population significantly. The authors display the results of assessment how the components of employment quality influence on the working-age population mortality, and the close correlation between the working-age population mortality and damaging working conditions.

Keywords: the working-age population mortality, components of employment quality, damaging working conditions

Information about the authors

1. Makarova M.N. (Russia, Yekaterinburg) – Candidate of Economics, junior researcher, Institute of Economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences

2. Voronina L.N. (Russia, Yekaterinburg) – senior economist, Institute of Economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences

3. Tretyak Anna Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg) – senior economist, Institute of Economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences.

УДК 341.1:338.46

Ю.А. Мащенко

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В статье проанализированы тенденции развития демографических процессов в РФ во взаимосвязи с развитием отраслей социальной сферы. Особое внимание уделено характеристике инфраструктуры отраслей социальной сферы, доступности для населения социальных услуг.

Ключевые слова: социальная сфера, отрасли социальной сферы, демографическая ситуация.

Демографическая ситуация, сложившаяся в РФ к началу 2016 года, характеризуется рядом негативных изменений в модели воспроизводстве населения в целом и одновременно формированием определенных положительных тенденций. Официально определяемая как демографический кризис в 2000-е годы, в последние несколько лет она отличается благоприятной динамикой показателей рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни и ряда других (табл. 1).

Таблица 1

Динамика некоторых демографических показателей в РФ, тыс. чел. (на 1 января соответствующего года)

Показатель	2002	2005	2010	2013	2014	2015**
Численность населения	145167	143801	142833	143347	143667	146267
Численность родившихся*	1397,0	1457,4	1788,9	1901,2	1942,7	1944,1
Численность умерших*	2332,3	2303,9	2028,5	1878,3	1912,3	1911,4
В том числе детей в возрасте до 1 года*	18,4	16,1	13,4	15,5	14,3	
Естественный прирост (+), убыль (-)*	-935,3	-846,6	-239,6	22,9	30,4	32,7
Из общей численности – население в возрасте:						
моложе трудоспособного	27274	24095	23086	24110	24717	25689
трудоспособном	88515	90218	88561	86137	85162	85415
старше трудоспособного	29860	29161	31186	33100	33788	35163
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	64,95	65,37	68,94	70,76	70,93	71,39

* В течение года.

**Данные на 01.01.2015 с учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополю.

Составлено автором. Источники: Российский статистический ежегодник – 2015: стат. справочник/ Росстат. – М., 2015; Российский статистический ежегодник – 2010: стат. справочник/ Росстат. – М., 2010; оперативная информация Федеральной службы государственной статистики РФ.

Как известно, 1990-е и первая половина 2000-х годов стали разрушительными для демографического потенциала страны. Депопуляция проходила невиданными ранее темпами. Так, с 1992 по 2011 гг. сокращение численности населения за счет значительного превышения смертности над рождаемостью составило 13374 тыс. чел. Параметры рождаемости стали меньше требуемых для замещения поколений почти в 2 раза. Значение суммарного коэффициента рождаемости в 1992 году составило 1,547, в 1999 году – 1,157, в 2002 году – 1,286. Для простого же воспроизводства населения без прироста численности суммарный коэффициент рождаемости должен составлять 2,15. Наиболее высокий уровень смертности был в младенческом и трудоспособном возрастах. Подобные тенденции, несмотря на достаточно благоприятную для страны миграционную ситуацию, обусловили сокращение постоянной численности населения – с 148,6 млн чел в 1993 году до 142,7 млн чел. в 2009 году, или на 5,8 млн чел. Столь длительный период депопуляции населения России свидетельствует о затянувшейся фазе демографического перехода, искусственно заторможенной процессами, деформирующими экономику и социальную сферу.

На рубеже 2010-х годов в стране отчетливо проявились тенденции долгожданной демографической стабилизации. Начиная с 2012 года демографические процессы в России вписываются в контуры третьей фазы демографической эволюции в соответствии с теорией демографического перехода, разработанной А. Ландри и Ф. Ноутстейном [2, с. 241-242]. При данном типе воспроизводства устанавливается равновесие между рождаемостью и смертностью, а убыль населения прекращается. Отражением этой тенденции стало практически нулевое сальдо естественного прироста в 2012 году (-2,5 тыс. чел.) и превышение численности родившихся над численностью умерших с 2013 года. При этом численность родившихся в последние годы достаточно стабильна и сохраняется на уровне 1,9 млн чел., смертность же только на 100 тыс. чел. превышает уровень 1992 года, когда значение данного показателя составляло 1807,4 тыс. чел.

Подобные явления в целом не расцениваются как положительные проявления демографической модернизации в стране. В научной среде продолжают доминировать

пессимистичные настроения относительно демографических перспектив России. Ряд ученых, среди которых А. Вишневский, С. Захаров, А. Антонов, Е. Гонтмахер и другие, полагают невозможными долгосрочные благоприятные демографические изменения [1]. Тренд увеличения рождаемости, который впервые проявился в 2003 г., а более устойчиво в 2007 г., охарактеризовали как структурный, т.е. ставший возможным благодаря соответствующей возрастной структуре населения. В 1985–1989 годах в России наблюдался всплеск рождаемости, благодаря которому до 2010 года росло число женщин в наиболее благоприятном для деторождения возрасте (20–25 лет).

Тем не менее, в 2010–2015 годах, несмотря на снижение влияния структурно-возрастного фактора, увеличение рождаемости продолжилось. Естественный прирост в последние годы определялся несколькими факторами, масштаб и степень устойчивости которых были недооценены демографами и социологами. Перемещение рождаемости на более поздние возраста (изменение возрастной модели рождаемости, сближение с европейской и американской), а также определенный рост интенсивности рождений (числа детей и частоты их рождения у одной матери) смягчили общие неблагоприятные воздействия структурного фактора. Однако в средне- и тем более долгосрочной перспективе демографические показатели имеют шанс ухудшиться в связи с резким уменьшением числа потенциальных матерей, по мере вступления в детородный возраст малочисленного поколения конца 1990-х – начала 2000-х годов. Но и сегодняшний уровень рождаемости все еще остается недостаточным даже для простого замещения поколений. Значение текущего суммарного коэффициента рождаемости в 2015 году составляло около 1,7 ребенка на одну женщину.

Таблица 1 демонстрирует также общие изменения в возрастной структуре населения, которые в целом укладываются в тенденцию старения населения. Стабильный рост численности населения старше трудоспособного возраста с 29,8 млн чел. в 2002 году до 33,8 млн чел. в 2014 году в условиях сокращения населения в трудоспособном возрасте с 90,1 млн чел. в 2005 году до 85,1 млн чел. в 2014 году свидетельствует о росте демографической нагрузки, уменьшении количества и изменении возрастной структуры рабочей силы. Так, по данным официальной статистики, численность населения старше трудоспособного возраста в составе трудовых ресурсов возросла с 4,4 млн чел. в 2000 году до 5,7 млн чел. в 2014 году. Возможности получения Россией так называемого «демографического дивиденда», т.е. преимуществ благоприятного изменения возрастной структуры, на данном этапе развития практически полностью исчерпаны [3]. Страна вступила в период быстрого роста демографической нагрузки и ее парадоксальных изменений: чем более благоприятными будут собственно демографические показатели (выше рождаемость, ниже смертность и больше ожидаемая продолжительность жизни), тем быстрее будет увеличиваться демографическая нагрузка.

Столь неоднозначная демографическая ситуация в стране задает определенные контуры реализуемой социальной политике. Развитие демографического потенциала общества следует понимать не только в контексте повышения уровня рождаемости, но и как обеспечение всестороннего и гармоничного развития личности через укрепление здоровья, повышение уровня образования и культуры, развитие профессионального и творческого потенциала, повышение в целом качества жизни. В осуществлении этих задач значительная роль принадлежит социальной сфере, выступающей важнейшим фактором развития демографического и трудового потенциала РФ.

Социальная сфера как комплекс отраслей, деятельность которых направлена на формирование общих условий всестороннего развития личности, обеспечение расширенного воспроизводства трудового, интеллектуального, потребительского потенциала общества, занимает важное место в национальной экономической системе [4, с. 7]. В соответствии с ее особым функциональным назначением в системе национального общественного воспроизводства в состав социальной сферы традиционно включают отрасли, обеспечивающие накопление и расширенное воспроизводство индивидуального

человеческого капитала и совокупного человеческого потенциала общества: образование, здравоохранение, культуру. Существующие в отечественной литературе представления об экономическом содержании социальной сферы относят к ней также социальное страхование и обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство и рекреационный комплекс. Причем единства мнений, как и терминологического порядка, по данному вопросу в научном сообществе пока нет.

Рыночная трансформация и кризисное состояние экономики, переживаемые Россией в последние годы, внесли много существенных изменений в функционирование социальной сферы. В России недооценка социальной сферы как важнейшего фактора развития человеческого потенциала в течение ряда лет привела к формированию целого комплекса негативных тенденций, в том числе и в демографической сфере: сокращению численности населения и уровня занятости в экономике; растущей конкуренции с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров; низкому качеству и снижению уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования; низкому уровню доходов существенной части населения при относительно высокой квалификации и уровне образования; недостаточной обеспеченности жильем значительной части семей.

Так, одной из наиболее значимых и разрушительных по своим последствиям тенденций стало сокращение числа учреждений социальной сферы (табл. 2).

В частности, число детских дошкольных учреждений сократилось за период с 1992 по 2014 гг. с 87,9 тыс. до 41,3 тыс., число санаторно-курортных организаций – с 7431 до 3776, число общеобразовательных школ – с 69,7 тыс. до 44,0 тыс., число больничных учреждений – с 12,6 тыс. до 5,6 тыс. Безусловно, объективно это стало проявлением влияния демографического фактора, т.е. сокращения числа потребителей и объема совокупного потребительского спроса. Сыграли свою роль и политика реструктуризации медицинских организаций в свете оптимизации объема и структуры медицинской помощи, процессы реорганизации в системе общеобразовательных учреждений, приведшие к закрытию или «оптимизации» тысяч сельских малокомплектных и потому неэффективных школ. Вместе с тем такая ситуация определенно противоречит новым демографическим тенденциям – например, тенденции увеличения рождаемости, которая привела в последние годы к росту числа детей в дошкольных образовательных учреждениях с 4,3 млн чел. в 2000 году до 6,3 млн чел. в 2014 году. С другой стороны, тенденция старения населения в сочетании с ухудшением экологической ситуации, снижением доходов значительной части населения в периоды экономических кризисов привели к росту общего уровня заболеваемости на 26% в 2014 году по сравнению с 1992 годом, росту заболеваемости новообразованиями с 882 тыс. чел. в 1992 году до 1630 тыс. чел. в 2014 году и другим проявлениям ухудшения здоровья людей, что объективно требует медицинской помощи больших объемов и лучшего качества.

Таблица 2

Некоторые показатели развития систем образования, здравоохранения и культуры в Российской Федерации

Показатель	1992 г.	1998 г.	2005г.	2010 г.	2014г.
Число дошкольных образовательных учреждений, тыс.	82,0	56,6	46,5	45,1	41,3
Число общеобразовательных учреждений, тыс.	68,3	67,3	62,5	47,1	44,0
Число больничных учреждений, тыс.	12,6	11,0	9,5	6,3	5,6
Численность врачей на 10000 человек населения	43,4	47,2	48,6	50,1	48,5
Число больничных коек на 10000 человек населения	131,3	118,2	110,9	93,8	86,6
Число амбулаторно-поликлинических учреждений, тыс.	21,3	21,3	21,8	15,7	17,1

Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену, на 10000 человек населения	224	239	257	264	264
Число общедоступных библиотек, тыс.	63,0	59,8	49,5	46,6	40,1
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс.	70,4	56,8	51,4	46,1	42,1
Число санаторно-курортных организаций и организаций отдыха	7431	5810	4457	3886	3776

Составлено автором. Источники: Российский статистический ежегодник – 2015: стат. справочник/ Росстат. – М., 2015; Российский статистический ежегодник – 2005: стат. справочник/ Росстат. – М., 2005.

Проведенные в 1990-2000-е годы преобразования в экономической и правовой сферах создали необходимые предпосылки для функционирования учреждений и организаций, оказывающих услуги. Потребление многих видов услуг практически полностью стало определяться платежеспособным спросом населения, что и порождает одно из существенных противоречий современного этапа развития социальной сферы. Недостаточно высокий уровень реальных доходов населения привел к формированию неэффективной структуры потребительских расходов у большинства россиян, что выражается в завышенной доле потребления продовольственных и непродовольственных товаров и заниженной доле услуг, в том числе и социально значимых.

Данная тенденция особенно очевидна при анализе структуры потребительских расходов средне- и низкодходных слоев россиян. Внутригрупповая дифференциация потребительских расходов домашних хозяйств по 10-процентным группам населения характеризуется резко дифференцированными расходами на услуги стационаров и амбулаторные услуги – в 5 раз, услуги образования – в 3 раза, услуги центров отдыха и туризма – в 32 раза! Показательно, что свыше 70% расходов на услуги приходится на «неисключаемые из потребления» виды услуг (жилищно-коммунальные, бытовые, пассажирского транспорта и связи). В настоящее время доходы 17 млн чел. не превышают прожиточный минимум, а коэффициент дифференциации доходов составляет более 16 раз, что приводит к недоступности многих видов услуг. А ведь современному человеку важно не только быть сытым и иметь крышу над головой (причем, согласно специфике российской ментальности, желательно свою собственную), но и быть образованным – иметь профессиональные знания, умения и навыки, быть здоровым – и иметь доступ к оперативной и качественной медицинской помощи в случае необходимости, иметь свободное время – и материальные и нематериальные условия для развития собственных способностей и т.д. Очевидно, что в постиндустриальном обществе и социально ориентированной экономике должны быть созданы максимально равные возможности для удовлетворения столь разнообразных социальных потребностей.

Таким образом, оценка расходов среднестатистического потребителя в РФ, анализ развития учреждений социальной инфраструктуры, оценка степени их территориальной дифференциации и финансового обеспечения и другие аспекты развития социальной сферы, не затронутые в данной публикации, показывают, что государственная политика управления социальной сферой ориентирована не на социальное и духовное развитие личности, а на воспроизводство рабочей силы. Такая политика, безусловно, противоречит требованиям современной демографической обстановки. Вместе с тем, как указано в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2025 года, Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на социальном развитии. Для России ответ на этот вызов предполагает ускоренное развитие эффективной социальной сферы и создание комфортной и безопасной социальной среды, способствующих модернизации здравоохранения и образования, развитию пенсионной сферы и социальной

помощи, развитию культуры, формированию эффективных рынков труда и жилья и т.д.

Годы, предшествующие последнему экономическому кризису, характеризовались усилением внимания государства к социальным проблемам и разработкой комплекса мер развития демографической, социально-трудовой и других подсистем социальной сферы. Вместе с тем эксперты отмечают несогласованность, а по ряду вопросов – противоречивость задач демографической политики с задачами политики в области образования, занятости, здравоохранения, социального обеспечения и доходов, жилищного строительства, налоговой политики [3, с. 21]. В государственном управлении развитием социальной сферы и разработке социальной политики на современном этапе необходимо учесть наличие нерешенных проблем на фоне внешних угроз и вызовов и обеспечить:

- в демографической сфере – поддержку семей не только в вопросах стимулирования рождений, но и на протяжении всего периода взросления детей;

- в социально-трудовой сфере – совершенствование законодательного, институционального, информационного регулирования рынка труда, повышение его информационной открытости; содействие адаптации образовательного потенциала и имеющихся профессиональных умений работников к меняющимся потребностям экономики;

- в решении проблем повышения доходов населения – развитие немонетарных мер социальной поддержки и создание благоприятных условий для различных социальных групп; дополнительные меры адресной поддержки бедных слоев населения, модернизация распределительных отношений, внедрение налогового регулирования неравенства;

- в вопросах развития отраслей социальной сферы – совершенствование государственного регулирования, направленного на повышение доступности жилья для всех групп населения, исходя из их доходов и жилищных предпочтений, формирование комфортной среды в районах жилой застройки, а также увеличение объемов бюджетной поддержки по ключевым направлениям; инвестиции в новые технологии в медицинской сфере; повышение уровня квалификации работников и другие меры.

© Машенко Ю.А. Текст. 2016

Список источников

1. Вишневский А.В. Демографический прорыв или движение по кругу? / Электронный бюллетень «Демоскоп Weekly» № 533-534. [URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema04.php](http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema04.php) (дата обращения 5.05.2016).
2. Демографический переход // Демографическая энциклопедия. – М.: ООО «Издательство Энциклопедия», 2013.
3. Доклад о социальной политике: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. С. 21 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2015/03/30/1095804427/doklad_o_soc_politike.pdf (дата обращения 2.05.2016).
4. Фахрутдинова Е.В. Роль социальной сферы и социальной политики в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны // Экономические науки. – 2009. – № 8.

Информация об авторе

Машенко Юлия Александровна (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: yulia-maschenko@yandex.ru.

DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SPHERE IN THE CONTEXT OF MODERN DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

The article analyzes the trends of the demographic processes in Russian Federation in connection with the development of social sphere. Particular attention is paid to the characteristics of the infrastructure sectors of the social sphere, assessment of the social services for the consumers.

Keywords: social sphere, social services, the demographic situation

Information about the author

Mashchenko Julia A. (Russia, Rostov-on-Don) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, South-Russian Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Management. e-mail: yulia-maschenko@yandex.ru

УДК 314.122

А.В. Мельников

ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ХМАО- ЮГРЫ

Статья посвящена вопросам социального положения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на западе ХМАО-Югры (Березовский район). Рассматриваются вопросы динамики численности этой группы населения, проблемы занятости, уровень благоустройства.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционное природопользование, демография, рождаемость, смертность, занятость.

Несмотря на небольшую численность и незначительный удельный вес в составе населения, коренные малочисленные народы Севера (КМНС) широко расселены по территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Вплоть до начала 1990-х годов численность ханты, манси и ненцев оставалась стабильной, что обусловило на фоне быстрого роста населения округа, особенно в 70-80-е годы XX века, неуклонное снижение их доли в общей численности населения округа: с 41% в 20-е годы XX века до 2% в настоящее время. В отдельных районах в сельской местности доля их до сих пор значительна. Наибольшее число жителей коренных национальностей автономного округа проживает в Березовском (6,3 тыс. чел.), Кондинском (4,9 тыс. чел.), Сургутском (2,9 тыс. чел.) районах. Около 8% коренного населения округа ведут традиционный образ жизни. В сельском населении отдельных муниципальных районов они занимают значительный удельный вес: в Березовском районе – 22,3%, в Кондинском районе – 16,0%.

Основной показатель, характеризующий социальное положение коренных малочисленных народов, заключается в динамике демографических процессов. Общая численность коренного населения, проживающего на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, увеличилась за последние годы с 30,3 тыс. чел. (2006 г.) до 33,8 тыс. чел. (оценка 2014 г.). Положительный естественный прирост коренных малочисленных народов вырос с +12,1 человека на 1000 населения в 2006 г. до +28,0 в 2014 г. Это говорит о положительной тенденции демографических показателей.

Несмотря на произошедшие в целом по Российской Федерации сдвиги в половозрастной структуре населения, где вырос удельный вес лиц старшего поколения и уменьшилась доля лиц моложе трудоспособного возраста, у представителей КМНС соотношение между данными возрастами сохранилось на прежнем уровне, что способствует простому воспроизводству населения. Показатель рождаемости среди коренного населения автономного округа имеет стойкую тенденцию к увеличению на протяжении многих лет и в 1,5 раза превышает показатели рождаемости по округу в целом [1]. Рождаемость среди коренных народов выросла с 22,0 промилле (родившихся на 1000 населения) в 2005 г. до 31,9 промилле в 2013 г., что в 3 раза выше общероссийских показателей. Снизился показатель общей смертности малочисленных народов: с 10 промилле в 2005 г. до 4 умерших на 1000 населения в 2013 г., что ниже общероссийского в 3 раза и чуть ниже окружного. Положительный естественный прирост коренного населения за период 2005-2013 гг. вырос с 11,8 до 28 человек на 1000 человек населения. Эти показатели значительно выше, чем в целом по Российской Федерации, и почти в 2,5 раза выше окружных показателей. Показатель младенческой смертности КМНС в 2005 г. составил 9,2 ребенка, умершего до 1 года, на 1000 родившихся живыми против данного показателя в 7,5 в 2013 г. (общероссийский показатель – 8,2), то есть также имеет место положительная динамика. Главные причины смертности представителей КМНС связаны с большим количеством летальных исходов от несчастных случаев, отравлений и случаев насильственной смерти, среди других основных причин выделяются болезни системы кровообращения.

В западной части Березовского района округа увеличение общей численности населения наблюдалось до начала 1990-х годов. Это было связано с появлением нового населенного пункта (поселок Приполярный) и развитием национального поселка Хулимсунт, обусловленном строительством газопровода в Республику Коми и центральные районы страны и двух газокompрессорных станций для их обслуживания. В 1980-е гг. здесь наблюдалось увеличение численности населения за счет миграционного притока русскоязычного населения. С середины 1990-х годов начался отток населения с территории в районе села Саранпауль вследствие сокращения объемов геологоразведочных работ на Приполярном Урале. В последующие годы общая численность населения данной территории практически не изменилась.

По статистической оценке, общая численность населения МО «Березовский район» ХМАО–Югры в настоящее время составляет немногим более 25 тыс. чел., где доля женщин – 52%, мужчин – 48%. Удельный вес населения в трудоспособном возрасте (женщины 16-55 лет, мужчины 16-60 лет) – 64%. Численность экономически активного населения (занятые в экономике, учебе, военной службе и безработные) составляет 53-54% от общей численности [2; 3].

Исторически сложившаяся система расселения коренных народов на территории округа за последнюю четверть XX века претерпела значительные изменения, обусловленные, главным образом, разработкой природных ресурсов. Появление новых городов и рабочих поселков вызвало рост численности городских жителей, повысило миграционную подвижность северных этносов, которая зачастую имела вынужденный характер. Так как в этом процессе большую активность проявляло женское население (в силу его более высокого, чем у мужчин, образовательного уровня, возможности найти приемлемую работу и устроить свою судьбу), изменилось соотношение полов как в местах традиционного проживания коренного населения, так и в городских поселениях. Во многих отдаленных мелких поселениях-юртах нарушен процесс естественного воспроизводства населения из-за дисбаланса между полами. Для мужского населения острой проблемой является отсутствие невест. Представительницы слабого пола значительно чаще покидают родительский дом в силу более высокого, чем у мужчин, образовательного уровня в поисках работы или находят мужа некоренной национальности. В связи с этим в этих населенных пунктах преобладают холостые

мужчины как в молодом, так и в более зрелом возрасте, не сумевшие по вышеназванной причине создать семью. Другой причиной низкой брачности является то, что потенциальные женихи и невесты являются в малых поселениях близкими родственниками, что обязывает их искать партнера на стороне.

В связи с увеличением контактов с другими народами нашей страны, ростом культурного и образовательного уровня подрастающего поколения растет число этнически смешанных семей. В настоящее время этнически чистыми остаются только семьи кочевого населения и мононациональных населенных пунктов. Необходимо подчеркнуть двоякую роль этнически смешанных браков, которые, с одной стороны, приводили к размытию национальной общности, с другой стороны, молодое поколение, которое отождествляло себя с коренным этносом, способствовало росту национального самосознания. Многие представители национальной интеллигенции являются выходцами из этнически смешанных семей.

Территориальные рынки труда муниципальных образований ХМАО–Югры различны по обеспеченности рабочими местами и наличию свободных рабочих мест. В наиболее сложном положении находятся непромышленные районы автономного округа с моноструктурной экономикой, к которым относится и Березовский район. В целом по рынку труда Березовского района коэффициент напряженности (численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения, в расчете на одну заявленную вакансию) за период с конца 2014 г. до начала 2016 г. увеличился с 1,8 до 2,7, в то время как в целом по округу эта динамика составила, соответственно, 0,5 и 0,8. Таким образом, в среднем на одно рабочее место претендовало по три человека безработных, состоящих на учете в Березовском центре занятости населения. Уровень регистрируемой безработицы (на начало года): по Березовскому району в 2015 г. – 1,79, 2016 г. – 2,25; по ХМАО–Югре, соответственно, 0,45 и 0,54. Уровень общей безработицы по району за последние годы колеблется в пределах 10-15%. В возрастном разрезе наибольшую долю занимают лица в самом трудоспособном возрасте. Значительное место принадлежит и молодежи: каждый третий – безработный [3]. На 10 человек безработных в Березовском районе 4 человека относятся к группе КМНС, что значительно превышает средне-окружные показатели. Свыше половины всех состоящих на учете в службе занятости безработных КМНС приходится на западные территории района, прежде всего на сельские поселения Саранпауль и Хулимсунт. Территории проживания КМНС отличаются более высокими, по сравнению со среднерайонными, показателями напряженности. Для данных территорий характерно невысокое количество (либо полное отсутствие) свободных рабочих мест и меньшие, по сравнению с другими территориями, возможности для трудоустройства. В связи с высоким уровнем безработицы доля заработной платы, как источника дохода для населения, здесь постоянно снижается. В свою очередь повышается доля других источников. Для жителей отдаленных поселков основными источниками фиксированных денежных доходов являются пенсии, различного вида пособия, социальная помощь. Существенную роль в семейных бюджетах данной территории играют доходы от промыслового и личного подсобного хозяйства, учесть которые можно только ориентировочно.

В количественном отношении самыми массовыми местами приложения труда являются сбор и заготовка необходимого сырья, которые не требуют определенной квалификации и носят сезонный временный характер. Недревесные ресурсы леса сравнительно легкодоступны. Их можно использовать без узкоспециальных знаний и навыков. Благодаря этому они потенциально являются важным альтернативным источником дополнительных доходов для людей разных возрастных групп, в силу разных обстоятельств вытесненных на обочину экономического развития, прежде всего, в отдаленных и труднодоступных районах, где особенно остро стоит необходимость в помощи местному населению. Здесь, помимо безработного населения, может

привлекаться и занятое население (скользящий график работы, отпуска, выходные и др.) [4; 5].

На рассматриваемой территории исторически сложился комплекс отраслей традиционного природопользования: рыболовство, оленеводство, охотничий промысел, производство сувениров и сбор дикоросов, представленный муниципальными предприятиями, национальными общинами и индивидуальными хозяйствами.

Уровень благоустройства низкий. Исключение составляют поселки газозаводов Приполярный и Хулимсунт. Среди остальных сельских населенных пунктов по степени благоустройства незначительно выделяется село Саранпауль, где имеются дома, полностью благоустроенные. На фоне «газовых» островов экономического и социального благополучия контрастно выглядят национальные сельские населенные пункты, в большинстве которых единственными источниками цивилизации являются электроосвещение от дизельных станций и наличие таких транспортных средств, как снегоходы и моторные лодки.

Развитие традиционных отраслей, где преимущественно занято коренное население, в современных экономических условиях требует постоянной бюджетной поддержки. Ведущие отрасли традиционного хозяйствования – рыболовство и оленеводство. Основные рабочие места дает рыбный промысел. Им занимаются национальные предприятия и общины, индивидуальные лица. Самой этнически сберегающей отраслью КМНС остается оленеводство. Его развитию способствуют наличие здесь достаточного количества кормовых ресурсов (летних в горной и зимних в равнинной таежной части пастбищ) и исторически сложившаяся специализация традиционного хозяйствования малочисленных народов и народа коми. Сохранились существующие с советского периода общественные хозяйства ГУОП «Саранпаульское». Саранпаульский совхоз сохранил только оленеводческое направление. Закрылась звероводческая ферма, прекратило существование молочное животноводство и рыболовство. Нарушено воспроизводство трудовых ресурсов, в связи с чем идет процесс старения рабочих кадров. Сложившееся положение и нарушение преемственности уже в ближайшей перспективе могут привести к исчезновению оленеводства, как это уже произошло на некоторых других территориях округа.

Освоение территории имеет противоречивое значение для жизнедеятельности коренного населения. Рост населения за счет привлечения его из других районов окажет влияние на численность КМНС (как относительную, так и абсолютную) за счет увеличения числа этнически смешанных браков. Увеличение контактов с пришлым населением приводит к росту алкоголизации КМНС, повышению смертности вследствие значительного удельного веса неестественных причин и неполных семей из-за утраты одного из родителей в результате таких случаев. Возрастает антропогенная нагрузка на природную среду, являющуюся материальной базой традиционных отраслей хозяйствования. Оставшиеся в родных местах вынуждены приспосабливаться к иным профессиям, как правило, наиболее простым в обучении, малопrestiжным и низкооплачиваемым, с регламентированным рабочим днем. Положительными моментами станут рост социальной обустроенности сельских населенных пунктов, снижение безработицы, повышение доходов населения. Совершенствование транспортной инфраструктуры позволит увеличить контакты населения между мелкими сельскими поселениями, что позволит обеспечить более сбалансированную структуру проживающих по полу.

Для населения, которое хочет сохранить традиционный образ жизни, следует создавать этнические территории, где они смогут беспрепятственно заниматься привычными для них видами деятельности и где их приоритетные права на природные ресурсы будут законодательно закреплены. При невозможности выполнения таких условий представителям КМНС должен быть полностью компенсирован вред, нанесенный техногенными отраслями.

В случае создания новых участков добычи полезных ископаемых прирост численности населения может произойти в районе села Саранпауль за счет: Борисовского угольного участка, создания складов кварцевого сырья, участка россыпного золота. При начале разработок добычи бетонитов увеличится численность населения в районе Усть-Маньи, при добыче кварцевого сырья – в районе Усть-Пуйвы, при добыче рудного золота – в районе Хальмерью, а также в г. Нягань (переработка кварцевого сырья).

К отрицательным моментам, влияющим на достижение целей и эффективность политики правительства автономного округа в сфере социально-экономического развития коренных малочисленных народов, можно отнести отсутствие официальной (государственной) статистики по показателям жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, что существенно влияет на определение системы целевых показателей, характеризующих результаты реализации программ. Отчет о достижении целевых показателей соглашений формируется на основе оценочных данных органов местного самоуправления муниципальных образований. При реализации соглашений субъекты Российской Федерации вынуждены подводить соответствующие индикаторы под уже утвержденные Министерством регионального развития Российской Федерации (Федеральным агентством по делам национальностей), а не определять показатели исходя из объективной стороны мероприятий, предложенных регионами к софинансированию из федерального бюджета.

© Мельников А.В. Текст. 2016

Список источников

1. Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016-2020 годы». Приложение к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 3 октября 2013 года № 398-п (в редакции [постановления Правительства ХМАО – Югры от 13.11.2015 N 404-п](#)).

2. Материалы Администрации Березовского района ХМАО-Югры 2010-2015 гг.

3. Материалы Березовского центра занятости населения 2010-2015 гг.

4. Логинов В.Г., Балашенко В.В., Мокроносов А.Г. Оценка потенциала и направления хозяйственного использования недревесных природных ресурсов: препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 36с.

5. Логинов В.Г., Мельников А.В. Трудовые ресурсы и занятость населения ХМАО-Югры: проблемы и перспективы. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 78 с.

Информация об авторе

Мельников Андрей Васильевич (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: anvame@mail.ru).

Melnikov A.V.

THE PROBLEMS OF THE INDIGENOUS POPULATION OF THE WESTERN TERRITORIES OF KHMAO-YUGRA

The article deals with the social situation of the indigenous peoples of the North who live in the West of KHMAO-Yugra (Bieriezovsk district). Population dynamics are analyzed. Employment problems are analyzed. The level of improvement is considered.

Keywords: Indigenous peoples of the North, traditional nature management, demography, fertility, mortality, employment

Information about the author

Melnikov Andrey Vasilievich (Russia, Yekaterinburg) – leading economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29, Moskovskaya st; e-mail: anvame@mail.ru).

УДК: 314

Е.В. Молчанова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье с помощью экономико-математического инструментария выполнена оценка факторов, определяющих демографический потенциал регионов России. При проведении расчетов использовались статистические (панельные) данные по основным социально-экономическим и демографическим индикаторам для регионов России за 2005-2014 гг.

Ключевые слова: медико-демографическая ситуация, регион, здоровье, ожидаемая продолжительность жизни, причины смертности.

Демографическая ситуация в России и регионах страны имеет серьезные социально-экономические и политические последствия, которые будут сказываться на развитии российского общества еще многие десятилетия. По данным Росстата, общая численность населения России на 1 января 2016 г. составила 146,5 млн чел. Увеличение численности населения произошло не только за счет миграционного и естественного прироста, но и за счет образования двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и г. Севастополь (Крымский ФО) с численностью населения 2,3 млн чел. Большинство граждан России проживают в Центральном ФО – 39,1 млн чел., причем 74% населения являются городскими жителями. Несмотря на наметившиеся положительные тенденции (рост населения в России за 2015 г. составил 0,14%), медико-демографическую ситуацию нельзя назвать благополучной. Россия по-прежнему отстает от развитых стран мира по уровню средней продолжительности жизни, но опережает по заболеваемости и смертности, в том числе от предотвратимых причин. Оценка демографических процессов в регионах страны требует комплексного подхода к анализу основных индикаторов, определяющих качество человеческого потенциала [6, с. 236]. Большое практическое значение в данном случае имеет применение экономико-математического инструментария.

Исследование взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей регионального развития проводилось с помощью математических методов, основой которых являлись рейтинговый анализ качества жизни и регрессионный анализ панельных данных. В качестве информационной базы использовались данные Росстата – «Регионы России» и «Здравоохранение в России». Показатели по 80 субъектам Российской Федерации (без учета автономных округов) за период 2005–2014 гг. были сформированы в виде базы данных, состоящей из следующих блоков: медико-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ № 15-06-03978-а).

демографическая ситуация, уровень экономического развития территории и благополучие населения, развитие социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия, научные исследования и инновации. Всего порядка 70 показателей, характеризующих различные аспекты регионального развития. Результаты предложенной интегральной оценки позволяют выявить направления деятельности для сохранения человеческого потенциала и улучшения качества жизни населения на региональном уровне.

В исследовании был применен прагматический подход, основу которого составил комплекс эконометрических алгоритмов (построения рейтинговых оценок качества жизни населения в регионах России, выявления факторов, определяющих повышение или понижение благосостояния социальной группы, населения региона или страны, анализа и оценки физического и психического здоровья общества с помощью специальной системы индикаторов).

В мире насчитывается сотни различных рейтинговых агентств, которые являются коммерческими организациями и оценивают платежеспособность, долговые обязательства, а также другие важные финансовые показатели эмитентов. Самыми известными и авторитетными рейтинговыми агентствами мира являются американские агентства Standard and Poor's, Moody's, и Fitch Ratings. Их история насчитывает около 100 лет. Российские рейтинговые берут начало своей истории в 1990-е годы, и самыми крупными являются Рейтинговое агентство «Эксперт РА» и НРА (Национальное рейтинговое агентство). Рейтинговые агентства проходят аккредитацию при Министерстве финансов РФ. Всего в России 8 официально аккредитованных агентств, 3 зарубежных: Standard and Poor's, Moody's и Fitch Ratings, одно совместное: «РА МУДИС ИНТЕРФАКС» и 4 российских агентства: «Национальное рейтинговое агентство», «Эксперт РА», РА «Анализ, Консультации и Маркетинг», «Рус-Рейтинг». Однако рейтинговые агентства в основном делают акцент на построение финансовых оценок: кредитных рейтингов, рейтингов надежности, качества услуг, инвестиционной привлекательности и т.п. При этом очень мало внимания уделяется построению рейтингов качества жизни, социальных характеристик, состояния здоровья и благополучия населения. Тем не менее, такие работы становятся все более востребованными в разных странах мира, правительство и общественные организации уделяют им особое внимание при формировании социально-экономической политики.

Наиболее известными являются индекс развития человеческого потенциала ООН (ИРЧП, Human Development Index (HDI)). Индекс публикуется ООН в ежегодном отчете о развитии человеческого потенциала с 1990 г. Основные компоненты ИРЧП: 1) ожидаемая продолжительность жизни; 2) уровень грамотности населения страны; 3) уровень жизни, оцененный через валовой национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США. Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index) рассчитывается с 2011 г. для сравнения качества жизни в 36 странах (34 страны, входящие в ОЭСР, плюс Россия и Бразилия). Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways (Gallup-HealthwaysGlobalWell-BeingIndex) рассчитывается с 2005 г. Исследование основывается на национальных опросах, при этом базовый набор вопросов одинаков для всех стран. Всемирный индекс счастья (Happy Planet Index (HPI)) разработан в 2006 г. и представляет собой комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. Индекс процветания (Prosperity index) рассчитывает крупнейшая независимая британская частная инвестиционная компания Legatum Group для 142 стран мира начиная с 2009 г. Он вычисляется на основе 89 различных показателей (как объективных, так и субъективных). Индекс социального прогресса (Social Progress Index) разработан некоммерческой организацией Social Progress Imperative и впервые представлен в 2013 г. Он основан на трех аспектах: основные потребности человека, основы благополучия и возможности. Национальные расчеты благополучия (National

accounts of well-being) разработал Фонд новой экономики (New Economics Foundation (NEF)) для 22 стран Европы (Россия не входит в их число). Индекс состоит из двух основных аспектов: индивидуальное и социальное благополучие [2].

Все предложенные индексы рассчитывают характеристики качества и благополучия жизни населения на макроуровне. Для реализации аналогичной идеи на мезоуровне мы воспользовались методикой С.А. Айвазяна и реализовали ее в виде специального программного модуля в пакете R на статистических данных по Российской Федерации за 2005-2014 гг., подробное описание алгоритма и его интерпретация приведены в работе [1]. Интегральный индикатор (рейтинговая оценка) синтетической категории «качество жизни в регионе» представляет собой определенного вида свертку оценок более частных свойств и критериев этого понятия (которые могут быть представлены в виде различных комбинаций отчетных статистических показателей или в виде соответствующих экспертных оценок). Этапы построения интегрального индикатора можно определить следующим образом: формирование исходного перечня статистических показателей, унификация измерительных шкал, вычисление редуцированного набора частных критериев, построение интегральных индикаторов.

В блоке «медико-демографическая ситуация» ведущие позиции заняли в основном республики Северо-Кавказского федерального округа. Согласно статистическим данным, в этих регионах низкий уровень смертности и заболеваемости по основным группам и классам болезней, высокая продолжительность жизни, стабильная ситуация в семейно-брачных отношениях. Тюменская область, республики Татарстан и Башкортостан являются одними из наиболее экономически развитых регионов России, что существенным образом влияет и на демографическую ситуацию. В блоке «уровень экономического развития территории и благополучие населения» наивысшие рейтинговые позиции заняли Москва и Санкт-Петербург, а также Ленинградская область, республики Татарстан, Коми, Башкортостан и Мурманская область. Республика Татарстан является 6-м по объемам производства и одним из наиболее экономически развитых регионов России. Экономика Коми связана с добычей и первичной переработкой полезных ископаемых – нефть, газ, уголь, бокситы, самоцветы, обработка древесины и бумагоделательные предприятия, что и определяет ее положение в рейтинге. В Мурманской области хорошо развиты добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля, рыбная, горнодобывающая, химическая промышленность и цветная металлургия. Башкортостан является одним из наиболее экономически развитых регионов России с точки зрения регионального валового продукта, промышленного производства, выпуска сельскохозяйственной продукции и инвестиций в основной капитал. Список ведущих регионов в блоке «развитие социальной инфраструктуры» во многом определяется социально-экономическим развитием территорий и коррелирует с блоком «уровень экономического развития территории и благополучие населения». Структура блока «экологические и климатические условия» в основном объясняется отсутствием крупных промышленных предприятий и как следствие незначительным количеством выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сбросом загрязненных сточных вод. Высокая рейтинговая позиция в блоке «научные исследования и инновации» представлена крупными научными и промышленными городами и регионами, в которых активно внедряются новые технологии и разработки. Несомненными лидерами в этом отношении являются города Москва и Санкт-Петербург. В свою очередь сводный интегральный индекс позволяет синтезировать различные аспекты демографического и социально-экономического развития регионов, определяя приоритетные направления региональной политики.

Вычисление сводных интегральных индексов позволяет разработать типологию регионов, включающую различные аспекты регионального развития (медико-демографическую ситуацию, уровень экономического развития территории и благополучие населения, развитие социальной инфраструктуры, экологические и

климатические условия, научные исследования и инновации). Важным направлением такого исследования является установление взаимосвязи между различными блоками индикаторов, а также выявление ведущих факторов, определяющих тенденции изменения демографических процессов. Наиболее сложная задача в данном случае заключается в оценке комплексного (интегрального) влияния различных факторов на демографические тенденции (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, состояние общественного здоровья, миграцию). Большинство процессов имеют многофакторную природу, поэтому математическая оценка действия нескольких факторов одновременно представляется наиболее интересной. В статистических моделях регрессионного типа используется первичная информация двух типов: временные ряды и пространственные совокупности. Временные ряды – это набор данных об определенной территории и факторах, определяющих ситуацию в разные моменты времени (*time-series data*). В пространственных совокупностях «точками» наблюдения является информация в конкретный момент времени, но на различных территориях (*cross-section data*). Часто первичную информацию обоих типов обрабатывают одинаково, не обращая внимания на принципиальные различия. Практически более значимый подход – это использование панельных данных (*Panel Data*), которые состоят из наблюдений одних и тех же экономических единиц или объектов (индивидуумы, домашние хозяйства, фирмы, регионы, страны и т. п.) в последовательные периоды времени. Таким образом, панельные данные сочетают в себе как показатели пространственного типа (*cross-section data*), так и информацию о временных рядах (*time-series data*). Выделяют три модели регрессии по панельным данным: объединенная модель регрессии (*pooled model*), модель регрессии с фиксированными эффектами (*fixed effect model*), модель регрессии со случайными эффектами (*random effect model*) [4, 5, 7]. В таблицах 1, 2 представлены примеры регрессионных моделей с фиксированными эффектами по панельным данным для 80 регионов России за 2005-2014 гг. для ОПЖ и рождаемости.

Таблица 1

Регрессия с фиксированными эффектами по панельным данным (80 регионов России за 2005-2014 гг.), связывающая ожидаемую продолжительность предстоящей жизни и социально-экономические факторы ($R\text{-sq: within} = 0,7316$)

Фактор	Коэффиц.	Ст. ошибка	t-статист.	p-значим.
Контингент пациентов с алкоголизмом и алкогольными психозами на учете в ЛПУ на 100 тыс.чел.	-0,0029	0,00027	-10,44	0,000
Продажа алкогольных напитков и на душу населения (водка и ликеро-водочные изделия)	-0,2126	0,02574	-8,26	0,000
Число больничных коек на 10 тыс.чел.	0,0034	0,00191	1,80	0,072
Численность зрителей театров на 1000 чел.	0,0055	0,00180	3,08	0,002
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс.чел.	-0,0008	0,00016	-5,07	0,000
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения, руб.	2,6875	0,17505	15,35	0,000
Константа	49,8564	1,88501	26,45	0,000

Таблица 2

Регрессия с фиксированными эффектами по панельным данным (80 регионов России за 2005-2014 гг.), связывающая рождаемость, демографические и социально-экономические факторы ($R\text{-sq: within} = 0,5967$)

Фактор	Коэффиц.	Ст. ошибка	t-статист.	p-значим.
--------	----------	------------	------------	-----------

Общие коэффициенты разводимости на 1000 чел.	-1,4440	0,07931	-18,21	0,000
Общие коэффициенты брачности на 1000 чел.	0,8544	0,06273	13,62	0,000
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения, руб.	2,1644	0,12312	17,58	0,000
Число больничных коек на 10 тыс. чел.	0,0049	0,00145	3,37	0,001
Продажа алкогольных напитков и на душу населения (водка и ликеро- водочные изделия)	-0,0669	0,01946	-3,44	0,001
Константа	-8,1168	1,21724	-6,67	0,000

Применение методов математического моделирования для регионов России позволило установить, что основные демографические индикаторы (в том числе продолжительность жизни и рождаемость) в значительной мере связаны с социально-экономическими факторами (уровнем благосостояния, денежными доходами населения). Важную роль играет ситуация социального напряжения (социального стресса), обусловленная переходом к рыночной экономике. В работе дана интегральная оценка влияния на продолжительность жизни среднедушевых денежных доходов, уровня заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами, преступности, объема продаж алкогольных напитков на душу населения. Стрессовые ситуации способствуют развитию серьезных психических проблем, таких как тревожные, невротические и депрессивные расстройства, которые значительно снижают качество жизни граждан.

Социальная нестабильность и напряжение провоцируют рост потребления алкогольных напитков. В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ до 2012 года алкоголизм назван одной из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения. По данным рейтинга стран мира по уровню потребления алкоголя за 2014 год, Россия находится на 4-м месте из 188 стран мира – 15,76 литра чистого этилового спирта на душу населения от 15 лет и старше. Впереди только Молдова (18,22 л), Чехия (16,45 л), Венгрия (16,27 л). С алкоголизацией связано 50% дорожно-транспортных происшествий, 50% убийств, 25% самоубийств, до 50% семей распадается на почве злоупотребления алкоголем одним из супругов [3, с. 512]. В значительной степени этим объясняется столь низкая продолжительность жизни мужчин в стране. Причем для населения России характерно преимущественное потребление крепких напитков (водка) и преобладание больших, ударных доз («северный тип» потребления).

Таким образом, разработка демографической политики должна строиться на современной научной информации, касающейся социально-экономического развития региона, индикаторов общественного и психического здоровья, эффективных способов лечения основных заболеваний, перспективных стратегиях профилактики. Для решения этой задачи необходимо проведение комплексных демографических и эпидемиологических исследований, которые позволят получить полную информацию о масштабах и видах проблем в регионе. Результаты данного исследования позволяют выявить направления для снижения социально-экономического бремени болезни и улучшения качества жизни населения.

© Молчанова Е.В. Текст. 2016

Список источников

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: экономический подход. – М.: Наука, 2012.

2. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 62 с.
3. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
4. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2004. – 576 с.
5. Кручек М.М., Молчанова Е.В. Исследование медико-демографических процессов в регионах России методом регрессионного анализа по панельным данным // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 18 (297). – С. 41 – 50.
6. Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской. – М.: Наука, 2007.
7. Badi H. Baltagi. Econometric Analysis of Panel Data. – Third Edition, 2005.

Информация об авторе

Молчанова Екатерина Владимировна (Россия, Петрозаводск) – доктор экономических наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН (185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: molch@yandex.ru).

Molchanova E.V.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL REGIONS OF RUSSIA: ECONOMIC-MATHEMATICAL ANALYSIS

The article with the help of economic and mathematical tools estimated the factors that determine the demographic potential of the Russian regions. In the calculations used in statistics (panel) data on the main socio-economic and demographic indicators for the regions of Russia for 2005-2014.

Keywords: the medico-demographic situation, region, the health, expected life expectancy, the death rate reasons.

Information about the author

Molchanova Ekaterina Vladimirovna (Russia, Petrozavodsk) – the Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, the senior research associate, Institute of economy KarRC of RAS (Russia, 185030, Petrozavodsk, A. Nevsky, 50; e-mail: molch@yandex.ru).

УДК 314.7

А.В. Обыграйкин

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ КРУПНЕЙШИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В статье рассматриваются изменения этнического состава населения регионов, входящих в Уральский федеральный округ, которые произошли за межпереписной период 2002 – 2010 годов. На основе данных переписей населения построены таблицы, отражающие основные произошедшие изменения.

Ключевые слова: население, миграционный прирост, миграционная убыль, численность, доля.

Острота проблем, связанных с этническими и конфессиональными вопросами, в современном мире возрастает. Уральский федеральный округ относится к

многонациональным регионам Российской Федерации. С учетом стратегической значимости регионов Урала для государства значимость этнических вопросов повышается, особенно в условиях существенного увеличения объемов миграционных потоков. В состав Уральского федерального округа входят нефтегазодобывающие регионы страны – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, которые являются своеобразными магнитами для трудовых мигрантов из всех регионов страны и ближнего зарубежья. Миграционный поток в эти округа вполне можно сравнить с миграцией в столичный регион. Свердловская и Челябинская области являются одними из лидеров обрабатывающей промышленности, в частности металлургии, машиностроения, военно-промышленного комплекса, химической промышленности. Сюда также направлен немалый миграционный поток, значение которого существенно уменьшается оттоком в центральные регионы страны и вышеперечисленные нефтегазодобывающие автономные округа. Численность населения этих стратегически важных индустриальных областей продолжает сокращаться, но уже не такими значительными темпами, как это было в 1990-е гг. Южная часть округа представлена преимущественно аграрными регионами – Курганской и Тюменской областями, находящимися на границе с Казахстаном. Такое географическое положение способствует существенному усложнению этнического состава населения сельской местности приграничья. Но некоторое отставание экономического развития этих регионов способствует сохранению миграционного оттока.

Общую картину динамики этнического состава населения субъектов, входящих в состав Уральского федерального округа, можно наглядно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Население регионов Уральского федерального округа
(составлено автором по данным [1; 2])

Этнос / регион	Численность в 2002 г., тыс. чел. (доля, %)	Численность в 2010 г., тыс. чел. (доля, %)	Изменение численности (+/- тыс. чел.)	Соотношение 2010/2002, %
<i>Курганская область</i>	1019,5 (100)	910,8	– 108,7	89,3
русские	932,6 (91,5)	823,7 (90,4)	– 108,9	88,3
татары	20,9 (2)	17 (1,9)	– 3,9	81,4
башкиры	15,3 (1,5)	12,3 (1,3)	– 3	79,9
казахи	14,8 (1,5)	11,9 (1,3)	– 2,9	80,6
украинцы	11,2 (1,1)	7,1 (0,8)	– 4,1	63
белорусы	4,2 (0,4)	2,5 (0,3)	– 1,7	59,9
азербайджанцы	1,7 (0,2)	1,8 (0,2)	+ 0,05	103,4
армяне	2,1 (0,2)	1,7 (0,2)	– 0,4	83
немцы	2,7 (0,3)	1,7 (0,2)	– 1	64,3
удмурты	2,3 (0,2)	1,6 (0,2)	– 0,7	68,9
чуваши	1,9 (0,2)	1,4 (0,15)	– 0,5	71,3
цыгане	0,8 (0,1)	1 (0,11)	+ 0,2	122,9
другие	8,9 (0,9)	27 (3)	+ 18,1	303,4
<i>Свердловская область</i>	4486,2	4297,7	– 188,5	95,8
русские	4003 (89,2)	3684,8 (85,7)	– 318,2	92
татары	168,1 (3,7)	143,8 (3,3)	– 24,3	85,5
украинцы	55,5 (1,2)	35,6 (0,8)	– 19,9	64,1
башкиры	37,3 (0,8)	31,2 (0,7)	– 6,1	83,6
марийцы	27,9 (0,6)	23,8 (0,5)	– 4,1	85,4
немцы	22,5 (0,5)	14,9 (0,3)	– 7,6	66,2
азербайджанцы	15,2 (0,3)	14,2 (0,3)	– 1	93,7
удмурты	17,9 (0,4)	13,8 (0,3)	– 4,1	77
белорусы	18,5 (0,4)	11,7 (0,3)	– 6,8	62,9
армяне	11,1 (0,2)	11,5 (0,3)	+ 0,4	103,7
таджики	6,1 (0,14)	11,1 (0,3)	+ 5	181,8
узбеки	3,8 (0,09)	9,4 (0,2)	+ 5,6	244
чуваши	11,5 (0,3)	8,3 (0,2)	– 3,2	72,1

киргизы	1,9 (0,04)	6,3 (0,15)	+ 4,4	327,8
мордва	9,7 (0,2)	6,3 (0,15)	– 3,4	65
евреи	6,8 (0,2)	5,4 (0,13)	– 1,4	79,6
казахи	4,4 (0,1)	4,4 (0,1)	0	100,1
цыгане	4 (0,09)	3,4 (0,08)	– 0,6	85,2
молдаване	2,9 (0,07)	2,3 (0,05)	– 0,6	79,7
китайцы	2,4 (0,05)	1,8 (0,04)	– 0,6	72,8
грузины	2,7 (0,06)	1,8 (0,04)	– 0,9	66,4
греки	2 (0,04)	1,5 (0,03)	– 0,5	75,4
поляки	2,1 (0,05)	1,4 (0,03)	– 0,7	67,5
коми-пермяки	1,9 (0,04)	1,3 (0,03)	– 0,6	70
езиды	0,9 (0,02)	1,3 (0,03)	+ 0,4	141,8
лезгины	1,2 (0,03)	1,3 (0,03)	+ 0,03	102,1
корейцы	1,2 (0,03)	1,2 (0,03)	– 0,04	96,5
другие	44,4 (1)	243,9 (5,7)	+ 199,5	549,3
<i>Тюменская область</i>	3264,8	3395,8	+ 131	104
русские	2336,5 (71,6)	2352,1 (69,3)	+ 15,6	100,7
татары	242,3 (7,4)	240 (7,1)	– 2,3	99
украинцы	211,4 (6,5)	157,3 (4,6)	– 54,1	74,4
башкиры	46,6 (1,4)	46,4 (1,4)	– 0,2	99,6
азербайджанцы	42,4 (1,3)	43,6 (1,3)	+ 1,2	103
ненцы	28 (0,9)	31,6 (0,9)	+ 3,6	113,1
ханты	26,7 (0,8)	29,3 (0,9)	+ 2,6	109,7
чуваши	30,2 (0,9)	25,7 (0,8)	– 4,5	85,1
белорусы	36 (1,1)	25,6 (0,8)	– 10,4	71,3
немцы	27,2 (0,8)	20,7 (0,6)	– 6,5	76,2
казахи	18,6 (0,6)	19,1 (0,6)	+ 0,5	102,7
кумыки	12,3 (0,4)	18,7 (0,6)	+ 6,4	151,2
лезгины	10,6 (0,3)	16,2 (0,5)	+ 5,6	152,8
молдаване	17,9 (0,5)	15,8 (0,5)	– 2,1	88,1
армяне	14,8 (0,5)	15,5 (0,5)	+ 0,7	105
узбеки	7,7 (0,2)	14,7 (0,4)	+ 7	190,7
таджики	8 (0,2)	14,3 (0,4)	+ 6,3	179,8
манси	10,6 (0,3)	11,6 (0,3)	+ 1	110
марийцы	11 (0,3)	11 (0,3)	+ 0,02	100,2
чеченцы	10,6 (0,3)	10,5 (0,3)	– 0,1	98,9
ногайцы	4,3 (0,13)	8,9 (0,3)	+ 4,6	208,1
киргизы	3,1 (0,09)	8,7 (0,3)	+ 5,6	281,4
коми	10,6 (0,3)	8,5 (0,2)	– 2,1	80,2
мордва	9,7 (0,3)	7,4 (0,2)	– 2,3	76,9
удмурты	6,3 (0,2)	5,1 (0,15)	– 1,2	80,7
аварцы	2,8 (0,08)	3,8 (0,11)	+ 1	136,8
даргинцы	2,7 (0,08)	3,7 (0,11)	+ 1	139,8
ингуши	2,4 (0,07)	3 (0,09)	+ 0,6	125,2
болгары	3,4 (0,1)	2,7 (0,08)	– 0,7	79,7
коми-пермяки	3,4 (0,1)	2,6 (0,08)	– 0,8	77,2
грузины	3,2 (0,1)	2,6 (0,08)	– 0,6	80,3
гагаузы	2,6 (0,08)	2,5 (0,07)	– 0,04	98,3
поляки	3,4 (0,1)	2,4 (0,07)	– 1	70,6
селькупы	1,9 (0,06)	2,1 (0,06)	+ 0,2	111,2
лакцы	1,3 (0,04)	1,8 (0,05)	+ 0,5	134,1
осетины	1,8 (0,06)	1,7 (0,05)	– 0,1	93,7
греки	2 (0,06)	1,7 (0,05)	– 0,3	82,1
цыгане	2,1 (0,06)	1,6 (0,05)	– 0,5	77,1
корейцы	1,7 (0,05)	1,5 (0,05)	– 0,13	92,4
евреи	1,7 (0,05)	1,2 (0,04)	– 0,5	72,2
табасараны	0,7 (0,02)	1,1 (0,03)	+ 0,4	152,6
другие	44,4 (1,4)	201,1 (5,9)	+ 156,7	452,9
<i>Ханты-Мансийский округ</i>	1432,8	1532,2	+ 99,4	106,9

русские	946,6 (66,1)	974 (63,6)	+ 27,4	102,9
татары	107,6 (7,5)	108,9 (7,1)	+ 1,3	101,2
украинцы	123,2 (8,6)	91,3 (6)	– 31,9	74,1
башкиры	35,8 (2,5)	35,4 (2,3)	– 0,4	98,9
азербайджанцы	25,1 (1,8)	26 (1,7)	+ 0,9	103,8
ханты	17,1 (1,2)	19,1 (1,2)	+ 2	111,3
белорусы	20,5 (1,4)	14,7 (1)	– 5,8	71,7
кумыки	9,6 (0,7)	13,8 (0,9)	+ 4,3	145
чуваши	15,3 (1,1)	13,6 (0,9)	– 1,7	89,1
лезгины	8,6 (0,6)	13,3 (0,9)	+ 4,7	155,4
манси	9,9 (0,7)	11 (0,7)	+ 1,1	110
узбеки	5,2 (0,4)	10 (0,7)	+ 4,8	192,4
таджики	5,7 (0,4)	9,8 (0,6)	+ 4,1	173,3
молдаване	10,9 (0,8)	9,5 (0,6)	– 1,4	87,2
марийцы	7,3 (0,5)	7,3 (0,5)	– 0,02	99,7
чеченцы	6,9 (0,5)	6,9 (0,5)	– 0,05	99,2
немцы	8,3 (0,6)	6,8 (0,4)	– 1,5	82,3
армяне	6,5 (0,5)	6,3 (0,4)	– 0,2	98
ногайцы	2,5 (0,2)	5,3 (0,3)	+ 2,8	212,7
киргизы	2,1 (0,14)	5 (0,3)	+ 2,9	243,9
мордва	6,4 (0,4)	4,9 (0,3)	– 1,5	77,3
казахи	4,3 (0,3)	4,4 (0,3)	– 0,1	102,9
удмурты	3,7 (0,3)	3,1 (0,2)	– 0,6	84,3
даргинцы	2 (0,14)	2,7 (0,2)	+ 0,8	139,8
аварцы	1,9 (0,13)	2,6 (0,2)	+ 0,7	134,9
коми	3,1 (0,2)	2,4 (0,15)	– 0,7	76,7
коми-пермяки	2,7 (0,2)	2,1 (0,14)	– 0,6	78,9
гагаузы	1,6 (0,11)	1,6 (0,1)	0	100,1
ненцы	1,3 (0,09)	1,4 (0,09)	+ 0,1	111,5
болгары	1,8 (0,12)	1,4 (0,09)	– 0,4	80,2
поляки	1,9 (0,13)	1,3 (0,09)	– 0,5	70,9
лакцы	1 (0,07)	1,3 (0,08)	+ 0,3	132,2
другие	32 (2,2)	114,9 (7,5)	+ 82,9	359,1
<i>Ямало-Ненецкий округ</i>	507	522,9	+ 15,9	103,1
русские	298,4 (58,8)	312 (59,7)	+ 13,7	104,6
украинцы	66,1 (13)	49 (9,4)	– 17,1	74,1
ненцы	26,4 (5,2)	29,8 (5,7)	+ 3,3	112,6
татары	27,7 (5,5)	28,5 (5,5)	+ 0,8	102,8
ханты	8,8 (1,7)	9,5 (1,8)	+ 0,7	108,3
азербайджанцы	8,4 (1,6)	9,3 (1,8)	+ 0,9	111,2
башкиры	7,9 (1,6)	8,3 (1,6)	+ 0,4	104,6
белорусы	9 (1,8)	6,5 (1,2)	– 2,5	72,1
коми	6,2 (1,2)	5,1 (1)	– 1	83,2
молдаване	5,4 (1,1)	4,7 (0,9)	– 0,7	87,3
кумыки	2,6 (0,5)	4,5 (0,9)	+ 1,9	170,9
ногайцы	1,7 (0,3)	3,5 (0,7)	+ 1,8	203,7
чуваши	3,7 (0,7)	3,5 (0,7)	– 0,3	93,1
чеченцы	2,2 (0,4)	2,4 (0,5)	+ 0,2	109,5
марийцы	1,8 (0,4)	2,1 (0,4)	+ 0,3	114,5
селькупы	1,8 (0,4)	2 (0,4)	+ 0,2	110,6
лезгины	1,3 (0,2)	1,9 (0,4)	+ 0,6	149,1
немцы	2,6 (0,5)	1,8 (0,4)	– 0,7	71,5
киргизы	0,6 (0,11)	1,8 (0,3)	+ 1,2	317,3
узбеки	1 (0,2)	1,8 (0,3)	+ 0,8	181,3
армяне	1,6 (0,3)	1,6 (0,3)	+ 0,05	103,3
казахи	1,4 (0,3)	1,5 (0,3)	+ 0,1	109,1
таджики	0,6 (0,11)	1,5 (0,3)	+ 0,9	254,2
мордва	1,6 (0,3)	1,3 (0,2)	– 0,4	76,2
другие	18,3 (3,6)	29,1 (5,6)	+ 10,8	159
<i>Челябинская область</i>	3603,3	3476,2	– 127,1	96,5

русские	2965,9 (82,3)	2829,9 (81,4)	– 136	95,4
татары	205,1 (5,7)	180,9 (5,2)	– 24,2	88,2
башкиры	166,4 (4,6)	162,5 (4,7)	– 3,9	97,7
украинцы	77 (2,1)	50,1 (1,4)	– 26,9	65
казахи	36,2 (1)	35,3 (1)	– 0,9	97,5
немцы	28,5 (0,8)	18,7 (0,5)	– 9,8	65,7
белорусы	20,4 (0,6)	13 (0,4)	– 7,4	64
мордва	18,1 (0,5)	12,1 (0,3)	– 6	67
армяне	8,6 (0,2)	9,3 (0,3)	+ 0,7	108,3
нагайбаки	9,1 (0,3)	7,7 (0,2)	– 1,4	84,5
таджики	5,1 (0,14)	7,4 (0,2)	+ 2,3	143,9
азербайджанцы	7,4 (0,2)	7,2 (0,2)	– 0,2	97,8
чуваши	9,5 (0,3)	6,8 (0,2)	– 2,7	71,9
узбеки	3,1 (0,08)	6,4 (0,2)	+ 3,4	210,9
цыгане	3,3 (0,09)	4,3 (0,12)	+ 0,9	128,3
евреи	4,9 (0,14)	3,4 (0,1)	– 1,6	68,1
марийцы	3,7 (0,1)	2,8 (0,08)	– 0,9	76,5
удмурты	3,3 (0,09)	2,4 (0,07)	– 0,9	72,4
молдаване	1,9 (0,05)	1,6 (0,04)	– 0,3	84,8
грузины	1,8 (0,05)	1,4 (0,04)	– 0,4	78,9
киргизы	0,6 (0,02)	1,4 (0,04)	+ 0,8	233,4
поляки	1,7 (0,05)	1,2 (0,03)	– 0,5	69,3
другие	21,8 (0,6)	110,3 (3,2)	+ 88,5	506

Таким образом, среди регионов Уральского федерального округа можно выделить две группы – регионы миграционного притока и регионы миграционного оттока. По этническому составу наибольшую сложность представляют автономные округа Тюменской области – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Их этнический состав имеет склонность к усложнению, так как за 8 лет, прошедшие между последними переписями населения, абсолютное большинство народов, проживающих в этих регионах, увеличили свою численность. Сохраняется тенденция роста численности коренных народов округов – хантов, манси, ненцев и селькупов, при этом интересно, что все они имеют примерно равный объем прироста – около 10 %. Вместе с этим продолжает сокращаться численность коми – еще одного народа Севера, родственного хантам и манси. Но коми не имеют официального статуса «коренной малочисленный народ» и льгот, связанных с этим статусом. Таким образом, увеличение численности хантов, манси и ненцев во многом является искусственным процессом.

Вместе с этим продолжается значительный миграционный прирост азербайджанцев, народов Дагестана, киргизов, узбеков, таджиков и, в некоторой степени, цыган. Однако такое явление в значительной степени имеет волновой характер, когда периоды прироста чередуются с периодами некоторого оттока, связанными с экономическими причинами. Например, освоение шельфа Карского моря и месторождений нефти и газа на севере полуострова Ямал закономерно будет приводить к нарастанию миграционного притока в Ямало-Ненецкий автономный округ, что повлечет дальнейшее усложнение его этнического состава. Ханты-Мансийский округ показывает один из наиболее значительных показателей миграционного притока в целом по стране – 7 %, однако эта цифра имеет тенденцию к некоторому уменьшению.

Среди других народов, составляющих значительную долю в населении Уральского округа, повсеместно сокращается численность украинцев, белорусов, немцев, татар, башкир, марийцев, мордвы, удмуртов. Это происходит из-за ассимиляции этих народов (за исключением татар) русскими по причине отсутствия четкой языковой и культурной среды. Такой процесс происходит практически по всей стране, но в условиях автономных округов он менее значителен, так как некоторый миграционный приток сдерживает ассимиляционное сокращение. Татары, проживающие в сельской местности на юге

округа, также подвержены существенному миграционному оттоку, который направлен, в том числе, в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа.

Вторая группа регионов – Курганская, Свердловская и Челябинская области, которые характеризуются общим сокращением численности населения, которое затрагивает практически все этнические группы. Эти области относятся к регионам «старого освоения», то есть их экономический потенциал уже в значительной степени исчерпан. Это привело к тому, что население Свердловской и Челябинской областей сократилось приблизительно на 5 %, при этом здесь сохраняются основные ассимиляционные тенденции, затрагивающие украинцев, белорусов, немцев, характерные для страны в целом. В этих условиях сокращение численности крупных этнических групп (украинцы, татары, башкиры, белорусы, немцы) в указанных областях усиливается по причине общего миграционного оттока. В Курганской области ситуация усугубляется отсутствием крупных промышленных предприятий, что делает этот регион преимущественно сельскохозяйственным, что существенно усиливает его зависимость от природных условий. Поэтому здесь наблюдаются наибольшие темпы уменьшения численности населения – более 10 % всего за 8 лет. Это сокращение затрагивает все этносы области, за исключением цыган.

Тюменская область в целом (с учетом автономных округов) демонстрирует незначительный прирост населения, но при этом население автономных округов прирастало очень значительными темпами. Однако южная часть Тюменской области по экономической специализации близка к аграрной Курганской области, поэтому для более подробного изучения населения этого региона целесообразно составить еще одну таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Население Тюменской области без учета автономных округов
(составлено автором по данным [1; 2])

Этнос / регион	Численность в 2002, т.ч. (доля, %)	Численность в 2010, т.ч. (доля, %)	Изменение численности (+/- т.ч.)	Соотношение 2010/2002 (%)
Всё население	1325	1340,6	+ 15,6	101,2
Русские	1091,5 (82,4)	1066,1 (79,5)	– 25,5	97,7
Татары	107 (8,1)	102,6 (7,7)	– 4,4	95,9
Украинцы	22,1 (1,7)	17 (1,3)	– 5,1	77
Казахи	13 (1)	13,2 (1)	+ 0,3	102
Немцы	16,3 (1,2)	12 (0,9)	– 4,3	73,8
Чуваши	11,2 (0,8)	8,6 (0,6)	– 2,6	76,9
Азербайджанцы	8,9 (0,7)	8,3 (0,6)	– 0,6	92,9
Армяне	6,8 (0,5)	7,6 (0,6)	+ 0,8	112,1
Белорусы	6,5 (0,5)	4,5 (0,3)	– 2	68,8
Таджики	1,7 (0,13)	3,1 (0,2)	+ 1,3	176,1
Узбеки	1,6 (0,12)	3 (0,2)	+ 1,4	191,1
Башкиры	2,8 (0,2)	2,7 (0,2)	– 0,2	94,5
Киргизы	0,4 (0,03)	1,8 (0,14)	+ 1,4	407,4
Марийцы	1,9 (0,14)	1,7 (0,12)	– 0,2	88,2
Ингуши	1,3 (0,1)	1,7 (0,12)	+ 0,4	129,2
Молдаване	1,7 (0,13)	1,6 (0,12)	– 0,06	96,5
Удмурты	1,8 (0,14)	1,4 (0,11)	– 0,4	77,3
Цыгане	1,8 (0,14)	1,4 (0,1)	– 0,5	74
Мордва	1,6 (0,12)	1,3 (0,09)	– 0,4	76
Чеченцы	1,5 (0,11)	1,2 (0,09)	– 0,3	80,9
Грузины	1,4 (0,1)	1,1 (0,08)	– 0,3	81,2
Лезгины	0,8 (0,06)	1 (0,08)	+ 0,2	130,6
Коми	1,3 (0,1)	1 (0,07)	– 0,3	74,3
Другие	20,1 (1,5)	76,7 (5,7)	+ 56,6	381,6

В Тюменской области наблюдаются разнонаправленные миграционные потоки, которые поддерживают относительное постоянство населения региона. С одной стороны, в область направляется транзитный миграционный поток, конечная цель которого – нефтегазодобывающие округа. С другой стороны, присутствует некоторый отток в центральные регионы страны, который затрагивает сельскую местность региона. В целом этнический состав региона также имеет тенденцию к некоторому усложнению, однако численность многих этносов, издавна проживающих в данном регионе, существенно сократилась.

© Обыграйкин А.В. Текст. 2016

Список источников

1. Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru
2. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2010.ru

Информация об авторе

Обыграйкин Александр Вильямович (Россия, Москва) – аспирант кафедры экономической географии и социальной экологии Московского городского педагогического университета, тел. 8-499-172-24-09, 8-917-549-29-19; e-mail: geo2028@rambler.ru

Obygraikin A. V.

CHANGES IN THE SIZE OF THE LARGEST ETHNIC GROUPS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

In this article discusses the changing ethnic composition of the population of the regions in the Urals Federal district, which have occurred over the period between censuses 2002 and 2010. Based on the population censuses in the table, reflecting the main developments.

Keywords: the population, migration growth, migration loss, the proportion.

Information about the author

Obygraikin Alexander (Russia? Moscow) – post-graduate student of chair of economic geography and social ecology of the Moscow City Pedagogical University. 8-499-172-24-09, 8-917-549-29-19\$ e-mail: geo2028@rambler.ru

УДК 331.522

И.В. Орешникова

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье рассматриваются вопросы изменения численности и структуры населения региона. Выявлена динамика и сформирован прогноз на среднесрочную перспективу. Рассчитаны показатели демографической нагрузки и трудового замещения. Определены угрозы развития региона.

Ключевые слова: численность населения, трудовые ресурсы, коэффициент трудового замещения, прогноз.

Эффективное управление социально-экономическим развитием территории требует четкого понимания тенденций изменения основных параметров экономической системы. Соответствующая задача решается в рамках прогностической функции территориального менеджмента. В соответствии с законом «О государственном прогнозировании социально-экономического развития Республики Башкортостан» прогнозы разрабатываются исходя из комплексного анализа производственного [4, с. 23], научно-технического, трудового и инвестиционного потенциалов, рыночной конъюнктуры, демографической ситуации, состояния экономики и социальной сферы [1, с. 275], природных ресурсов и климатических условий, а также изменений указанных факторов в перспективе. В связи с этим для обеспечения инновационного развития региона требуется научно обоснованная оценка всех имеющихся в распоряжении территории ресурсов.

В числе основных экономических ресурсов особое место занимают трудовые ресурсы как часть населения территории, способная по физическому развитию и профессионально-квалификационному уровню заниматься общественно полезной деятельностью. Величина трудовых ресурсов территории зависит от официально установленных возрастных границ (верхнего и нижнего уровней трудоспособного возраста), доли трудоспособных среди населения трудоспособного возраста, численности участвующих в общественном труде из лиц за пределами трудоспособного возраста. На сегодняшний день вопросы экономической демографии занимают важное место как в научно-исследовательской, так и в практической деятельности [2, с. 6]. Однако, как и во многих других сферах, вопросы прогнозирования последствий взаимовлияния указанных показателей остаются открытыми. Имеют место несогласованность, субъективность оценок, что влечет за собой существенные ошибки. Всё это приобретает особую важность в условиях осложнения внешнеэкономической и политической обстановки, влияющих на региональные процессы. При этом сам объект исследования экономической демографии находится на стыке различных направлений – экономики, демографии, социологии, политологии и так далее [8, с. 97].

Их формирование тесно связано с демографической ситуацией в регионе. Для ее оценки используется показатель половозрастной структуры населения. Динамика изменения численности населения по отдельным возрастным группам в Республике Башкортостан в 2007-2015 годах представлена в табл. 1.

В тоже время, внутри данных укрупненных групп также могут быть обозначены определенные тенденции. Так, динамика показателей структуры населения младше трудоспособного возраста противоречива. С одной стороны, рост рождаемости привел к тому, что обозначился четкий рост в возрастной группе 0-5 лет (на 32% с 2002 по 2015 год). С другой стороны, в возрастной группе 6-15 лет (потенциальный трудовой резерв в ближайшие годы) наблюдается снижение на 28% за рассматриваемый период. Эта же тенденция проявилась в младшей возрастной группе населения трудоспособного возраста. Так, численность населения от 16 до 19 лет сократилась на 42,5%, с 20 до 24 – на 13,7%. В группах от 25 до 29 лет и от 30 до 34 лет наблюдался рост на 28,8% и 21,3% соответственно. В старших группах также присутствует снижение численности (вплоть до 30% в группе от 40 до 44 лет). При этом наиболее существенный рост характеризует группы в возрасте 50-54 года (в 1,4 раза) и 55-59 (в 2,7 раза). Таким образом, мы наблюдаем существенное изменение возрастной структуры населения, которое ведет к повышению демографической нагрузки.

Таблица 1

Изменение половозрастной структуры населения Республики Башкортостан, тыс. чел.

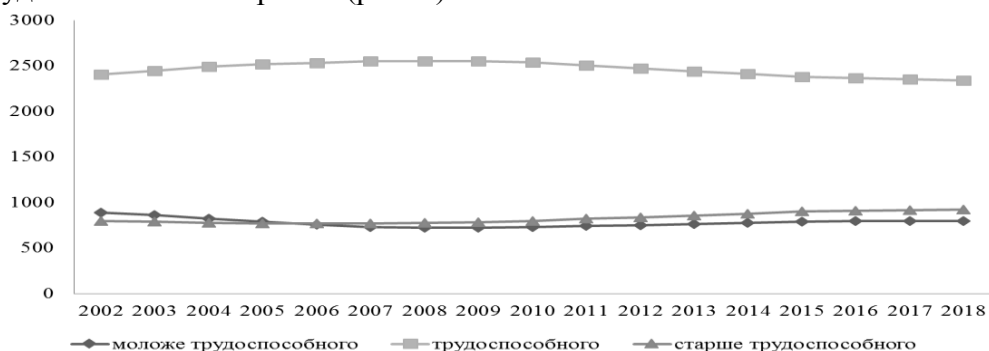
Возрастные группы, лет	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
------------------------	---------	---------	---------	---------	---------	---------	---------	---------	---------

Возрастные группы, лет	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Мужчины									
0-5	134,4	139,9	144,9	150,2	155,7	161,7	168,8	169,5	170,4
6-15	239,0	228,9	223,5	222,6	223,5	221,9	221,2	228,0	233,7
16-19	152,3	140,4	128,0	114,9	106,8	102,7	92,9	89,9	90,3
20-24	175,7	189,8	196,9	197,6	176,8	163,8	154,2	142,8	136,5
25-29	140,0	140,5	145,1	153,5	168,4	174,0	180,2	182,0	173,5
30-34	132,4	132,6	134,3	135,6	139,1	141,6	145,5	152,9	158,0
35-39	133,0	131,2	129,2	128,9	128,2	128,1	128,0	130,4	134,1
40-44	157,0	148,7	141,6	136,0	132,3	128,5	126,1	124,8	124,9
45-49	172,8	173,6	171,3	166,1	158,1	149,3	141,5	135,4	131,8
50-54	132,6	137,4	145,2	150,6	158,1	162,8	163,0	161,0	153,3
55-59	95,5	101,9	107,6	111,9	119,5	122,7	127,4	134,8	136,9
60 и более	225,1	225,1	224,2	228,2	237,3	243,3	250,0	256,0	265,4
Итого	1889,8	1889,9	1891,9	1896,1	1903,7	1900,3	1898,9	1907,4	1908,8
Женщины									
0-5	128,8	133,1	138,3	143,5	149,7	154,7	161,2	161,2	161,7
6-15	230,5	221,2	215,6	214,0	215,4	213,9	212,9	220,3	225,4
16-19	150,4	138,8	126,6	113,9	106,4	98,2	92,4	88,2	88,3
20-24	183,8	191,9	194,3	194,2	181,9	171,9	159,2	145,5	138,3
25-29	149,0	153,3	160,4	167,2	167,0	171,3	176,0	176,5	170,3
30-34	136,7	137,9	140,3	142,1	144,6	146,1	148,0	152,7	157,5
35-39	136,7	135,7	134,3	134,5	135,2	135,9	136,6	138,3	141,1
40-44	164,3	155,6	148,3	142,6	138,5	135,2	133,8	132,6	133,5
45-49	185,3	186,1	184,0	179,1	169,0	160,8	152,1	144,7	142,0
50-54	152,5	158,2	166,0	170,7	177,2	181,5	181,7	179,0	171,4
55-59	119,7	127,3	134,2	138,8	146,9	150,7	156,1	163,7	165,6
60 и более	423,5	423,8	423,2	429,5	436,6	443,6	452,1	459,7	471,4
Итого	2161,2	2162,8	2165,4	2169,9	2168,4	2163,9	2162,1	2162,3	2166,4

По данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

Принимая в качестве допущения равномерное распределение численности населения внутри каждой возрастной группы, можно построить упрощенную модель их восполнения исходя из численности населения в предшествующей группе в прошлом временном периоде. Для учета выбытия населения применяются таблицы дожития, показывающие вероятности дожить от рождения до определенного возраста в исследуемом населении.

Исходя из того, что к населению в трудоспособном возрасте относятся мужчины в возрасте от 16 до 59 лет и женщины в возрасте от 16 до 54 лет [5, с. 272], а также предполагая сохранение существующих тенденций, получим следующую структуру населения Республики Башкортостан до 2018 года: 798,6 тыс. чел. младше трудоспособного возраста, 2338,8 тыс. чел. трудоспособного возраста, 921,6 тыс. чел. старше трудоспособного возраста (рис. 1).

Составлено автором по данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

Рис. 1. Численность населения Республики Башкортостан, тыс. чел.

Моделирование экономико-демографических процессов должно проводиться в рамках более общей модели региональной системы и являться неотъемлемой ее частью [7, с. 105]. Описание демографического блока показателей представляется целесообразным начать с определения численности каждой из половозрастных групп. Численность населения в каждой возрастной группе от 1 до 59 лет на конец года определяется по формуле (1). При этом учет и гендерной составляющей позволяет более адекватно оценивать данные процессы. При расчете данных параметров также учитывались социально-экономические факторы. Таким образом, рассматривается N половозрастных групп: $\forall n, n = \overline{1; N}$.

$$P_t^n = P_{t-1}^{n-1} - D_t^n + M_t^n, \quad (1)$$

где P_t^n – численность населения в t -й год в n -й половозрастной группе; D_t^n – численность умерших в t -й год в n -й половозрастной группе; M_t^n – сальдо миграционных потоков в t -й год в n -й половозрастной группе.

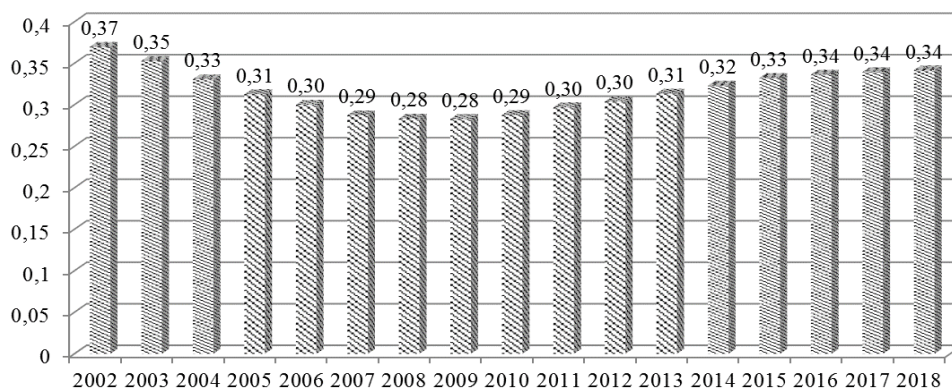
Таким образом, при сохранении имеющихся тенденций на период до 2018 года ожидается сокращение численности населения в трудоспособном возрасте на 7,9% по сравнению с уровнем 2010 года, при одновременном росте численности населения в возрасте младше трудоспособного на 9,3% и старше трудоспособного на 15,7%. То есть демографическая нагрузка после ряда лет снижения начнет существенно возрастать и выйдет на уровень начала 2000-х гг.

Рассчитаем коэффициент трудового замещения в соответствии с формулой (2):

$$КТЗ = \frac{ЧН_{0-15}}{ЧН_{16-59(54)}} * 100, \quad (2)$$

где $ЧН_{0-15}$ – численность населения в возрасте моложе трудоспособного; $ЧН_{16-59(54)}$ – численность населения в трудоспособном возрасте.

Как видно из рисунка 2, на протяжении 2002-2009 годов наблюдается снижение коэффициента трудового возмещения. То есть на каждые 100 человек трудоспособного возраста в 2002 году существовали 37 человек, которые в будущем могли бы войти в состав населения трудоспособного возраста. К 2009 году их число снизилось до 28 человек. В последующие годы прогнозируется незначительный рост показателя до 0,34. Таким образом, из приведенных выше данных видно, что в среднесрочной перспективе будет наблюдаться снижение числа населения в трудоспособном возрасте в связи с невозможностью восполнения выбытия трудовых резервов.

Составлено автором.

Рис. 2. Коэффициент трудового замещения

Принимая во внимание, что основной базой для формирования трудового ресурса является именно население в трудоспособном возрасте [6, с. 30], рассмотрим соотношение численности занятого населения и численности населения в данной возрастной группе (табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Численность населения в трудоспособном возрасте	2550,1	2553,4	2553,4	2539,4	2507,1	2474,4	2438,7	2411,3
Среднегодовая численность занятых в экономике	1856,0	1836,9	1782,4	1770,6	1760,7	1797,1	1770,4	1761,9
Отношение занятых к численности населения в трудоспособном возрасте	0,73	0,72	0,70	0,70	0,70	0,73	0,73	0,73

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан и исследованиям автора.

Из таблицы видно, что рост доли занятых в экономике был обеспечен не столько увеличением числа занятых, сколько снижением численности населения в трудоспособном возрасте. Выход на уровень 73% представляет собой, в определенной степени, пороговый уровень, поскольку с 2002 года более высоких значений не наблюдалось.

Влияние миграционного прироста на трудовые резервы не столь существенно, как могло бы быть. Несмотря на то, что в последние годы имеет место положительный миграционный прирост, в среднем он составляет не более 3,7% от ежегодного восполнения трудоспособного населения за счет взросления населения младше трудоспособного возраста. По отношению к численности всего трудоспособного населения эта цифра составляет 0,06%. То есть миграционный прирост на современном уровне не в состоянии восполнить ожидаемые потери трудовых ресурсов.

Исходя из всего выше сказанного, для обеспечения экономики Республики Башкортостан достаточными трудовыми резервами в среднесрочной перспективе потребуется [9, с. 310]:

1. Увеличить долю занятого населения в общей численности трудоспособного населения, а также в составе населения старше трудоспособного возраста. Для этого необходимы соответствующие стимулы, в первую очередь, посредством повышения уровня заработной платы.

2. Обеспечить миграционный прирост трудоспособного населения. При этом требуется дополнительный анализ потребности в трудовых ресурсах по уровню профессионально-квалификационной подготовки. В первую очередь, на наш взгляд, требуется сократить отток трудоспособного населения за пределы региона, что представляется более эффективным, чем увеличение его притока.

3. Использовать в производстве достижения научно-технического прогресса, позволяющие снизить потребность в трудовых ресурсах за счет повышения фондоотдачи производственного процесса.

В долгосрочной же перспективе требуется принимать меры по повышению рождаемости [3, с. 19]. Исходя из того, что из старшей возрастной группы, относящейся к трудоспособному возрасту, на сегодняшний день ежегодно выбывает порядка 60 тыс. человек, требуется соответствующий приток трудоспособного населения из групп младше трудоспособного возраста. Исходя из вышесказанного, в ближайшие годы экономика Республики Башкортостан может столкнуться с проблемой нехватки трудовых резервов,

преодоление которой требует изменение существующих тенденций, повышения уровня занятости и внедрения современных производственных технологий.

© Орешникова И.В. Текст. 2016

Список источников

1. Атаева А.Г., Зиннурова Г.Р. Отдельные аспекты предоставления и финансирования муниципальных услуг для удовлетворения базовых потребностей экономических агентов муниципального образования // Аудит и финансовый анализ. – 2012. – № 2. – С. 274-278.
2. Балдов Д. В., Суслов С. А. Мировые продовольственные кризисы и производственные проблемы // Вестник НГИЭИ. – 2014. – № 3 (24). – С. 3-17.
3. Барина Ю. А., Суслов С. А. Продовольственная безопасность, развитие сельского хозяйства и демографические тенденции на отдельных территориях РФ // Вестник НГИЭИ. – 2013. – № 1 (20). – С. 3-24.
4. Буньковский Д.В. О методиках оценки потенциала производственного предпринимательства // Современные проблемы инвестиционной деятельности в России и странах СНГ: материалы II Международной научно-практической конференции. – ООО «Научно-исследовательский центр «Стратегия»», 2010. – С. 23-26.
5. Гаврикова А.В. Демографические процессы Республики Башкортостан в контексте проблемы устойчивости территориальных образований // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2.
6. Губанова Е.В. Исследование регионального рынка труда на примере Калужской области // Наука XXI века: тенденции и перспективы: сборник материалов II Международной научной конференции, 15 сентября 2015 года / под общ. ред. д.э.н., профессора А.И. Барановского. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2015. – С. 28-33.
7. Низамутдинов М.М. Имитационное моделирование как инструмент обоснования среднесрочных стратегий регионального развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2009. – № 5. – С. 104-110.
8. Низамутдинов М.М., Орешников В.В., Исламова Д.В. Демографический потенциал как резерв развития регионов в современных экономических условиях // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической internet-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. – С. 97-100.
9. Орешников В.В. Тенденции изменения численности трудовых ресурсов Республики Башкортостан // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2011. – С. 305-310.

Информация об авторе

Орешникова Ирина Владимировна (Россия, Уфа) – магистрант Башкирского государственного педагогического университета им М. Акмуллы (450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а; e-mail: VOresh@mail.ru).

Oreshnikova I.V.

ANALYSIS AND FORECASTING OF CHANGES IN THE LABOR FORCE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article discusses the changes in population size and structure of the region. The dynamics and the forecast generated in the medium term. demographic burden and labor substitution calculated indicators. Evaluated Threat development of the region.

Keywords: population, labor force, labor replacement rate forecast.

Information about the author

Oreshnikova Irina Vladimirovna (Russia, Ufa) – undergraduate, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (450000, Republic of Bashkortostan, Ufa, st. October Revolution, 3-a; e-mail: VOresh@mail.ru).

УДК 314.48:330.59

О.А. Пышминцева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ*

В статье проведен анализ смертности трудоспособного населения с учетом влияния на нее социальных факторов в период 2005-2014 гг. Проведена кластеризация регионов по смертности и качеству жизни населения, позволяющая произвести функциональное зонирование территории Российской Федерации по уровню смертности в трудоспособном возрасте в условиях социально-экономической дифференциации населения. Результаты зонирования регионов позволили оценить влияние экзогенных факторов на смертность населения в трудоспособном возрасте.

Ключевые слова: смертность населения в трудоспособном возрасте, качество жизни населения, региональная дифференциация.

Проблема региональной дифференциации смертности трудоспособного населения тесно связана с сопоставлением различных географических районов, с выявлением тесноты связи между уровнями смертности и их факторами, при этом дополняется анализ особенностями разных социальных групп населения, живущих на одной территории.

Основными факторами, оказывающими влияние на высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте, являются:

1. Экзогенные (внешние факторы по отношению к организму):
 - социальные факторы – обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей;
 - климатический – характеризуется климатическими особенностями (континентальный климат, вечная мерзлота и т.д.);
 - экологический фактор – прямое и косвенное воздействие человека на природу: загрязнение воды, почвы и атмосферы; истребление или переселение животных и растений.

2. Эндогенные факторы – это те факторы, которые развиваются в самом организме по причине какого-то особенного строения органов, из-за изменения их функций либо на фоне нарушений обменных процессов. Все эти особенности способны передаваться по

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария изменения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

наследству или же приобретаться на протяжении жизни по причине продолжительного взаимодействия человека с разными агрессивными условиями окружающего мира.

3. Квазиэндогенные (поведение человека) – индивидуальный образ жизни человека: наличие вредных привычек, пассивный образ жизни, социальный статус [1, с. 35].

Рассмотренные выше факторы имеют одну особенность – их воздействие носит интегрированный характер. Вместе с тем непосредственное воздействие каждого отдельного фактора имеет самую различную степень влияния: одни оказывают незначительное воздействие или даже совсем не влияют на смертность трудоспособного населения, другие – умеренное, третьи – сильное влияние.

В нашем исследовании мы рассмотрим первую группу факторов – экзогенные – через интегрированный показатель качества жизни населения и посмотрим, как он взаимодействует с уровнем смертности в трудоспособном возрасте. Поскольку на тенденции изменения смертности влияет процесс социального и экономического расслоения общества, наиболее сильно проявилась закономерность в начале 90-х годов, на фоне социальных деформаций, последовавших за экономическими реформами, когда в научный оборот вошел термин «сверхсмертность в России» [2, с. 11].

Следующим этапом будет проведение типологии регионов, позволяющее произвести функциональное зонирование территории Российской Федерации по уровню смертности в трудоспособном возрасте в условиях социально-экономической дифференциации населения. Результаты зонирования регионов позволят оценить взаимосвязь смертности населения в трудоспособном возрасте и качества жизни в регионе, что в дальнейшем поспособствует выработке направлений региональной социальной политики, которые требуют государственной поддержки (регулирование процесса дифференциации населения, система формирования доходов, система эффективной занятости, система профилактических мероприятий по снижению заболеваемости, алкоголизма и преступлений).

Оценка качества жизни населения по регионам Российской Федерации осуществлялась по 11 направлениям. Принцип отбора показателей для интегрального индекса качества жизни населения построен на сочетании социальных и экономических индикаторов, отобранных на основании предварительного анализа и исходя из их влияния на удовлетворенность населения своей жизнью. База данных содержит общероссийские показатели Федеральной службы государственной статистики за 2005, 2010, 2014 гг. [3,4].

Для сопоставимости оценки интегрального индекса качества жизни населения и смертности его в трудоспособном возрасте необходимо применить метод нормирования.

При этом было принято, что нулевое значение преобразованного показателя соответствует самому низкому качеству по данному свойству за анализируемый период, а максимальное – самому высокому. Конкретный выбор унифицированного преобразования зависил от того, к какому типу принадлежит анализируемый показатель:

а) если частный показатель характеризуется монотонно возрастающей зависимостью, то значение преобразованного индекса X рассчитывается по формуле:

$$X = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (1)$$

где x – текущее значение преобразуемого показателя; x_{min} , x_{max} – соответственно самое худшее и самое лучшее значение преобразуемого показателя, встречающееся за анализируемый период.

б) если частный показатель с монотонно убывающей зависимостью, то значение преобразованного индекса X рассчитывается по формуле:

$$X = \frac{x_{max} - x}{x_{max} - x_{min}} \quad (2)$$

где X – текущее значение преобразуемого показателя; x_{min} , x_{max} – соответственно самое худшее и самое лучшее значение преобразуемого показателя, встречающееся за анализируемый период.

Частные индексы качества жизни населения рассчитываются как среднее арифметическое значение показателей, входящие в них.

Аналогичным образом нормируется показатель смертности населения в трудоспособном возрасте по формулам 1, 2.

Интегральный индекс качества жизни населения рассчитывается как среднее арифметическое значение 11 частных индексов.

Для группировки регионов по качеству жизни населения и смертности его в трудоспособном возрасте необходимо определить число групп. Определение числа групп осуществлялся формально-математическим способом по формуле Стенджесса:

$$n = 1 + 3.3322 * \lg N \quad (3)$$

где n – число групп, N – число единиц совокупности (в нашем случае он равен 83).

Для определения интервала групп необходимо определить ширину равного интервала по формуле:

$$h = \frac{x_{max} - x_{min}}{n} \quad (4)$$

где h – ширина равного интервала; x_{min} , x_{max} – максимальное и минимальное значение преобразуемого показателя среди регионов РФ, n – число групп.

Для определения изменения качества жизни населения и уровня смертности трудоспособного населения за оцениваемый период автором взяты границы группы за базисный 2005 год.

При оценке регионов по качеству жизни и смертности населения в трудоспособном возрасте количество интервалов уменьшилось из-за отсутствия единиц совокупности и составило в совокупности 7 основных групп:

1. Регионы с низким уровнем жизни и со сверхвысокой смертностью.

В 2014 г. в данную группу вошли 9 регионов, из них 3 из СФО, 3 – из ДФО, 2 – из СЗФО и 1 – из ЦФО, где уровень смертности в трудоспособном возрасте превышает среднероссийский. показатель в среднем в 1,5 раза, в основном из-за высокого уровня смертности от внешних причин и болезней системы кровообращения. В данных регионах фиксируется самый высокий уровень заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом, что свидетельствует о социально-экономическом неблагополучии регионов. В данных регионах коэффициент смертности трудоспособного возраста варьирует от 748,9 до 953,4 на 100000 лиц трудоспособного возраста. Однако по сравнению с 2005 годом количество регионов в данной группе существенно снизилось, практически в 3 раза.

2. Регионы с низким уровнем жизни и с высокой смертностью. Регионы данного типа характеризуются неблагоприятными тенденциями развития экономики, низкой эффективностью здравоохранения, криминализацией, бедностью населения. В данной группе расположились 24 региона, где уровень смертности в трудоспособном возрасте превышает среднероссийский. показатель в 1,3 раза. По сравнению с 2005 г. количество регионов увеличилось на 8, поскольку уровень смертности трудоспособного возраста в регионах России на протяжении 10 лет снижался, но он по-прежнему остается достаточно высоким.

3. Регионы с низким уровнем жизни и со средним уровнем смертности.

В эту группу вошли в основном регионы центральной и южной России (Липецкая, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Ярославская, Ростовская, Астраханская области), а также один сибирский регион – Омская области, а также две республики – Мордовия и Адыгея, где уровень смертности в трудоспособном возрасте находится практически на уровне среднероссийского, а качество жизни населения ниже среднероссийского уровня.

4. Регионы с низким уровнем жизни и с низким уровнем смертности.

Особенностью данной группы является то, что здесь преобладают этнический и природный факторы. В группе находятся пять южных республик Кавказа: Ингушетия,

Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария. Регионы обладают неразвитой экономикой, но именно в южных республиках меньше, чем в большинстве регионов, показатели смертности в трудоспособном возрасте по всем основным группам. А также в этих регионах минимальный вклад алкоголя в преждевременную смертность из-за религиозных особенностей.

5. Регионы со средним уровнем жизни и высокой смертностью.

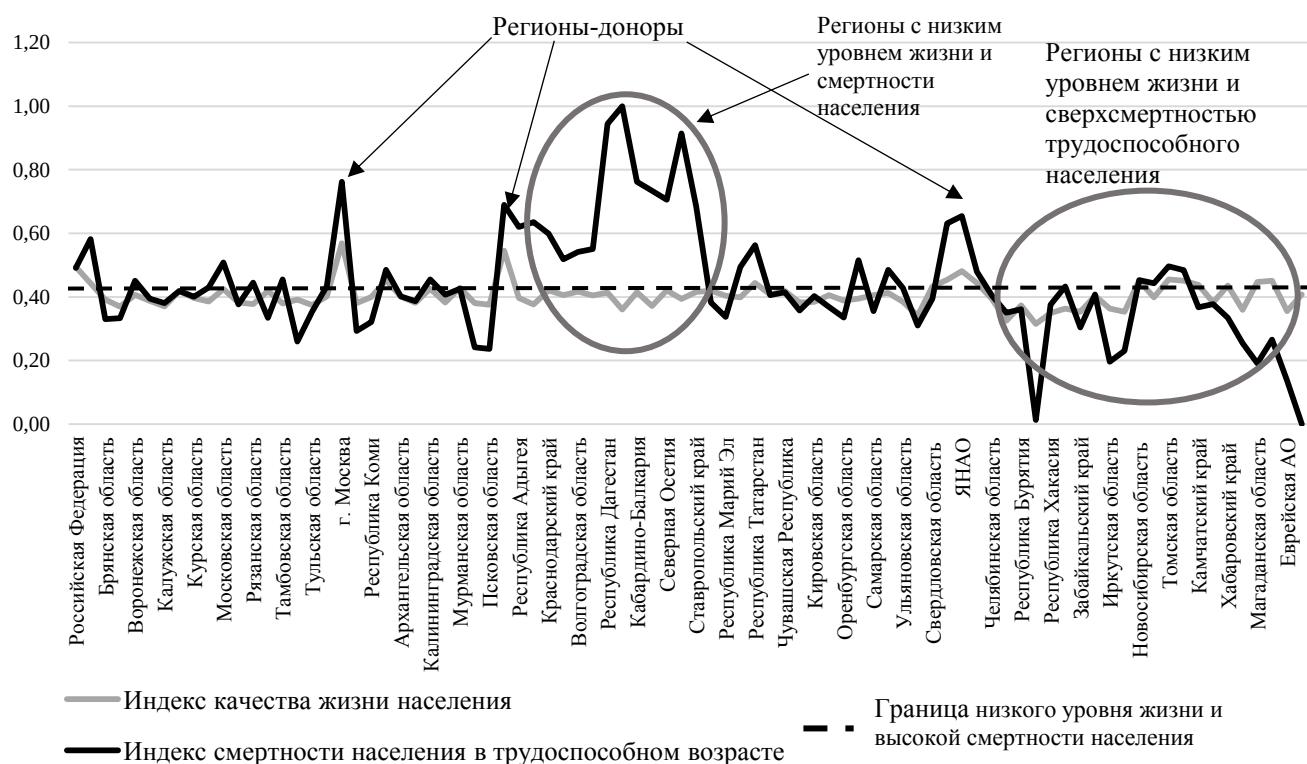
В данный тип вошли старопромышленные регионы, где развита экономика, но из-за экологического фактора и условий труда на предприятиях наблюдается высокая смертность трудоспособного населения. В данных регионах коэффициент смертности в трудоспособном возрасте варьирует от 706,3 до 1083,1 на 100000 лиц трудоспособного возраста. При этом по сравнению с 2005 годом количество регионов в данной группе существенно увеличилось – с 5 до 13-ти.

6. Регионы со средним уровнем жизни и средним уровнем смертности.

В данном кластере регионы разбились по двум направлениям: с одной стороны, Ставропольский край с его здравницами Кавказских Минеральных Вод, Краснодарский край с его Сочи и другими курортами, относительно теплая и экономически сильная Ростовская область, а также Астраханская и Волгоградская области. С другой стороны, самые благополучные с точки зрения экономического и социального развития регионы – Татарстан, Белгородская, Московская области, далее – богатые природными ресурсами Тюменская область, Республика Саха, Томская область. Всего в данную группу в 2014 г. вошло 15 регионов.

7. Регионы высоким уровнем жизни и низким уровнем смертности. Здесь расположились регионы-доноры – Москва и Санкт-Петербург, богатые нефтегазодобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Места первенства они не уступают уже на протяжении 10 анализируемых лет.

По результатам проведенных расчетов была построена диаграмма по данным за 2014 г., на которой видны основные тенденции (рис. 1).

Составлено по данным [3,4].

Рис. Индексы качества жизни населения и смертности в трудоспособном возрасте по регионам России за 2014 г.

Во-первых, концентрация большей части регионов в одной группе, характеризующейся высоким уровнем смертности в трудоспособном возрасте в интервале от 616 до 723 с низким уровнем жизни в этих регионах. При этом имеется особенность, а именно, северо-восточный градиент смертности населения трудоспособного возраста, это связано с общим уровнем социально-экономического развития и освоенности региона, а также с неблагоприятностью природных условий проживания на данной территории.

Во-вторых, социально-экономически развитые регионы, а именно регионы – доноры и лидеры, гарантируют низкую преждевременную смертность. Так, лидирующие места в рейтинге принадлежат экономически развитым регионам, так как Москва, Санкт-Петербург, ХМАО и ЯНАО находятся на протяжении 10 лет в группе с высоким качеством жизни населения и низким уровнем смертности трудоспособного населения.

В-третьих, низкие экономические показатели не означают непременно высокой преждевременной смертности. Кроме определяющего социально-экономического фактора в некоторых регионах главным фактором является климатический, а также этнический. Примером являются этнические республики Кавказа, в которых наблюдается самая низкая смертность населения в трудоспособном возрасте, вследствие того, что в данных республиках по религиозным канонам запрещено употребление алкоголя.

Таким образом, результатом диагностики и типологии регионов по уровню смертности в трудоспособном возрасте в условиях социально-экономической дифференциации населения должно стать определение проблемных мест в социально-экономических процессах на территории, с последующей рекомендацией необходимых мер государственного воздействия.

© Пышминцева О.А. Текст. 2016

Список источников

1. Денисенко М.Б., Сидоренко В.Н., Лившиц М.Л. Региональная дифференциация смертности и заболеваемости в России // Экономические исследования молодых ученых. – 1999. – № 3. – С. 33-40.
2. Неравенство и смертность в России: кол. моногр. /под ред. В. Школьников, Е.Андреева и Т.Малевой; Моск. Центр. Карнеги. – М.: Сигналь, 2000 – 107с. (с.11)
3. Приложение к демографическому ежегоднику России. 2015 //Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 26.01.2015);
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015.

Информация об авторе

Пышминцева Ольга Александровна (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29. e-mail: economics08@mail.ru).

Pyshmintseva O.A.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF MORTALITY OF POPULATION AT WORKING AGE

The article analyzes the working-age population mortality in view of the influence of social factors on it during 2005-2014gg. Spend clustering regions on mortality and quality of life, allowing producing functional zoning of the territory of the Russian Federation on the mortality of working age in the conditions of social and economic differentiation of the population. The result regional zoning allowed us to estimate the impact of exogenous factors on mortality of the population of working age.

Key words: *mortality of population at working age, quality of life, regional differentiation.*

Information about the author

Pyshmintseva Olga Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) – leading Economist, Centre for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: economics08@mail.ru).

УДК 911.3

Р.М. Сафиуллина, Э.В Насырова

АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ РБ

Данная статья посвящена сложной демографической ситуации в Республике Башкортостан. Характеризуются основные демографические процессы. Рассмотрены половозрастная структура, рождаемость, смертность населения РБ.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, половозрастная структура населения.

Демографический показатель выступает в роли показателя, который характеризует состояние и качественный состав населения; это индикатор социальной политики региона. Любой регион заинтересован, чтобы численность его населения возрастала, и РБ здесь не исключение. Численность РБ на сегодняшний день составляет 4071181 человек, плотность населения также незначительна – 28 человек на квадратный километр.

Современная демографическая ситуация в РБ формируется под влиянием социально-экономических и политических процессов, происходящих в РФ, и демографических процессов, происходивших в предыдущие десятилетия [3].

Важнейшими демографическими показателями, которые определяют демографическую ситуацию в регионе, являются смертность, рождаемость, а также миграционные процессы. Все эти показатели оказывают существенное влияние на половозрастную структуру РБ. По состоянию на 1 января 2015 года в регионе сохранялась тенденция превышения численности женщин (2163319) над численностью мужчин (1908668). Такая разница происходит из-за высокой смертности среди мужчин, даже несмотря на то, что мужчин рождается больше, чем женщин.

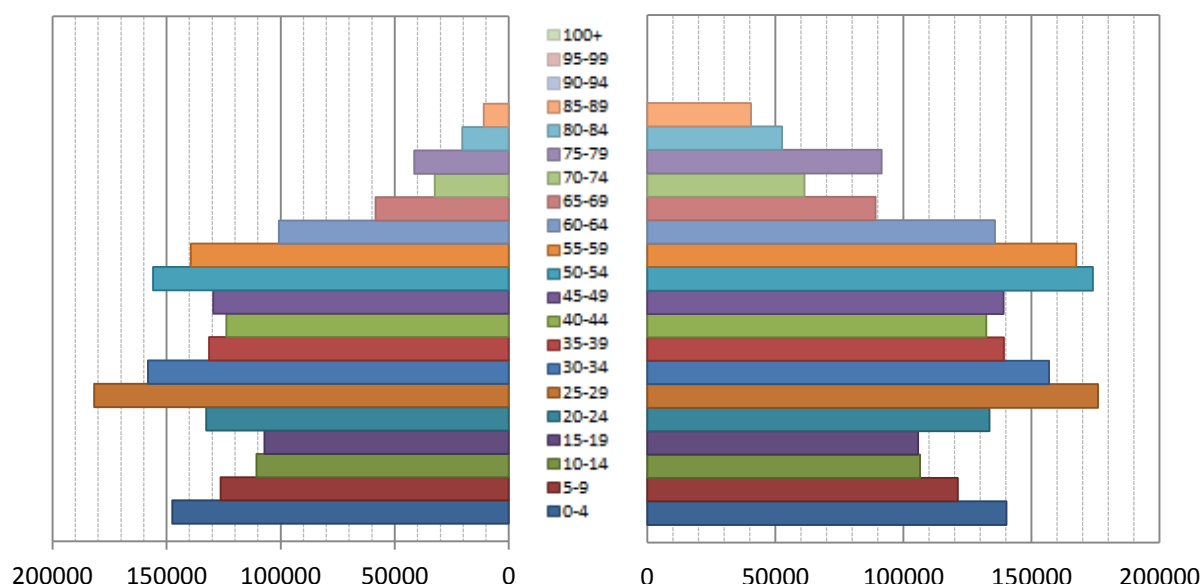

Рис. 1. Половозрастная структура населения РБ, 2015 г.

Анализируя рисунок 1, можно сказать следующее: численность женщин превышает численность мужчин в возрастных группах с 45 по 59, и в старших – с 60 до 89, а возрастах от 5 до 34 лет число мужчин и женщин примерно одинаково. Таким образом, в старших возрастных группах начиная с 45–49 лет для населения РБ характерно преобладание числа женщин.

В республике сохраняется тенденция к превышению доли населения старше трудоспособного возраста над долей лиц моложе трудоспособного возраста, даже несмотря на то, что в последние годы наблюдается увеличение числа родившихся в регионе.

Таблица 1

Изменение состава населения Республики Башкортостан по укрупненным возрастным группам (на начало года) [2]

Год	Численность населения в возрасте:					
	моложе трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	всего, тыс. чел	в % к общей численности населения	всего, тыс. чел	в % к общей численности населения	всего, тыс. чел	в % к общей численности населения
1990	1059,1	26,9	2183,2	55,4	699,0	17,7
2000	966,3	23,5	2348,2	57	805,3	19,5
2005	790,6	19,4	2517,6	61,7	773,1	18,9
2010	736,8	18,1	2525,2	62,1	806,5	19,8
2013	764,1	18,8	2438,7	60,1	858,2	21,1
2014	778,4	19,1	2411,9	59,3	879,4	21,6
2015	793,0	19,5	2376,1	58,4	902,9	22,2

За последние годы наметилось увеличение доли населения моложе трудоспособного возраста, которое связано с положительными темпами рождаемости. Стоит отметить, что и численность населения старше трудоспособного возраста возрастает и на начало 2015 года составляла 902,9 тыс. человек. Наблюдается снижение численности населения в трудоспособном возрасте [1].

Таким образом, в результате складывающихся особенностей в естественном движении населения в будущем будет формироваться население с высокой долей старших возрастных групп, а также с низкой долей мужчин в трудоспособном возрасте. Это, в свою очередь, увеличит нагрузку групп населения старше трудоспособного возраста на работающую часть.

На формирование демографической обстановки в регионе влияет рождаемость населения. В 1999 году наблюдался пик снижения рождаемости, но с 2000 года идет увеличение числа родившихся, и в 2015 году этот показатель достиг уровня 59196 человек. Образуется волнообразная динамика, которая свойственна и для РФ в целом, это объясняется перепадами в численности женщин репродуктивного возраста.

Смертность также является важнейшим демографическим показателем. В современных условиях вопрос снижения уровня смертности населения приобрел исключительную актуальность. Число умерших в Республике Башкортостан составило в 2015 г. 54,1 тыс. человек. Наибольшую долю в причинах смертности занимают болезни системы кровообращения (50,9 % от общего числа умерших) [4].

Основной вклад в смертность в РФ вносят заболевания системы кровообращения. На втором месте в России и Приволжском ФО в 2012 г. были новообразования, а в Башкортостане – внешние причины.

Доля умерших от этих причин в Башкортостане выше, чем в среднем по России, но немного ниже, чем в ПФО. В 2013 г. распределение по России сильно не изменилось. В Башкортостане внешние причины и новообразования внесли почти равный вклад в смертность населения – по 11,4 и 11,2% соответственно [2].

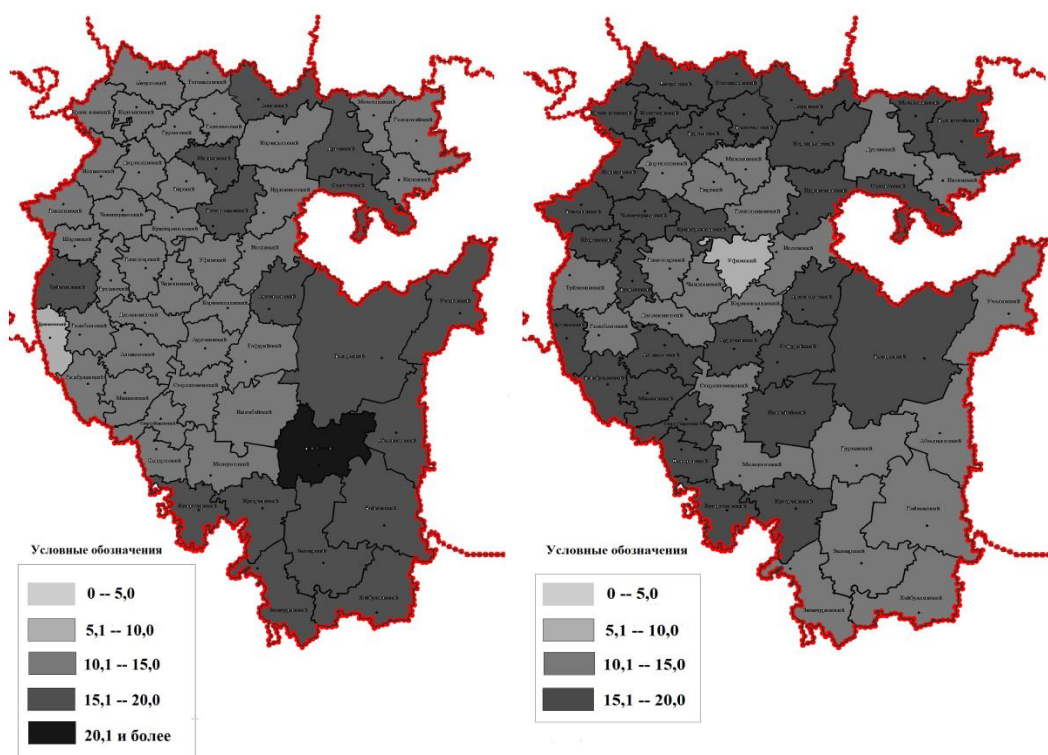

Рис. 2. Рождаемость и смертность на 1000 человек населения РБ за 2015 год, ‰

За последние 5 лет численность умерших от болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин снизилась, от болезней органов дыхания и инфекционных и паразитарных болезней не изменилась, увеличилось количество умерших от болезней органов пищеварения и других причин. Среди «других причин»

существенную долю занимает старость, фиксирующаяся с 80 лет. Смертность по этой причине была зафиксирована в 2012 г. у 53,8% человек, умерших в этом возрасте в РБ. Смерть по неустановленным причинам составила 2,1%, в том числе 1,8% в городской и 2,4% в сельской местности [4].

В Республике Башкортостан, как и в России, существует высокая диспропорция в численности мужчин и женщин. На начало 2015 г. в среднем на 1000 мужчин в республике приходится 1133 женщины (в среднем по России – 1158). При этом надо принимать во внимание, что мальчиков рождается всегда больше, чем девочек (примерно 105-106 на 100). Выравнивание численности мужчин и женщин в республике в настоящее время наступает к 20 годам. В старших возрастных группах трудоспособного населения нарастает превышение численности женщин: чем старше, тем больше. Среди лиц старше трудоспособного возраста на 1000 мужчин приходится 2413 женщин (рис. 3).

Характерной чертой социально-демографической ситуации в Республике Башкортостан за последние годы является *стагнация численности населения*. При этом наблюдаются существенные социально-территориальные различия. Население сельской местности устойчиво сокращается, численность горожан растет, но подвержена колебаниям в отдельные годы. С 2013 по 2014 гг. абсолютная численность городских жителей увеличилась на 19,7 тыс. чел., сельских – сократилась на 11 тыс. чел.; в целом численность населения РБ увеличилась на 8,7 тыс. человек. В 2013 г. наблюдалось сокращение численности населения на 3,3 тыс. человек.

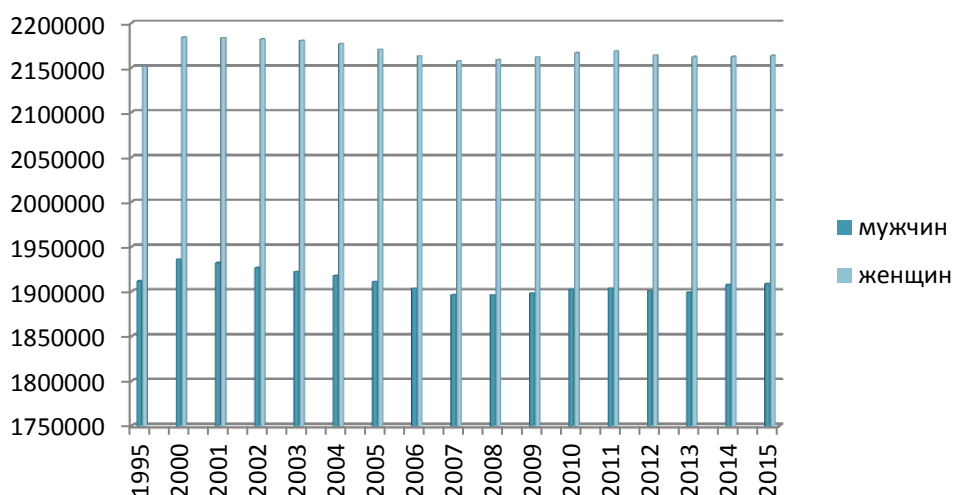

Рис. 3. Динамика численности мужчин и женщин с 1995 по 2015 гг. . чел. [1]

Факторы стагнации и сокращения численности населения связаны с недостаточным объемом естественного воспроизводства населения, миграционным оттоком за пределы республики [4].

Рис. 4. Компоненты общего прироста (убыли) населения РБ в 1995-2013 гг., на 1000 человек [1]

До начала 2000 г. естественная убыль компенсировалась миграционным приростом, что обеспечивало хотя и медленный, но прирост численности населения. С 2000 г. миграционный прирост перестал покрывать естественную убыль, в результате чего общая численность населения начала сокращаться. В 2009-2013 гг. естественная убыль сменилась естественным приростом. Однако в течение 2011-2012 гг. наблюдалась миграционная убыль населения, ставшая основным фактором сокращения численности населения. В то же время в течение 2013 г. наблюдались положительные тенденции как в естественном, так и в миграционном движении населения. К началу 2014 г. население республики увеличилось на 8741 человек, в том числе за счет естественного прироста (+5914 человек) и миграционного притока (+2827 человек). Однако положительная динамика происходит только в городе, на селе сохраняется как естественная, так и миграционная убыль населения [2].

Демографические показатели по РБ указывают на обострение социальных проблем. Отмечено, что по Республике Башкортостан возрастает смертность мужчин трудоспособного возраста. Это, в свою очередь, влечет за собой сокращение трудовых ресурсов и увеличение нагрузки на государство. Ситуация усложняется тем, что возрастает и число пенсионеров в общей численности населения.

Для того чтобы улучшить демографическую обстановку в РБ, нужно принять следующие меры:

- повысить уровень рождаемости и миграционную привлекательность;
- снизить уровень социально значимых заболеваний, улучшить качество жизни населения;
- создать условия и формировать мотивации здорового образа жизни;
- сократить уровень смертности населения среди граждан трудоспособного возраста.

© Сафиуллина Р.М., Насырова Э.В. Текст. 2016

Список источников

1. Демографические процессы в Республике Башкортостан. 2015: стат.сб./Росстат. – М., 2015.
2. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов РБ: содержание, эволюция, политика. – Уфа, 2012. – 132 с.
3. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориально-структурные и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 349-355.
4. Смертность населения в Республике Башкортостан. 2015: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2015.
5. www.bashstat.gks.ru.

Информация об авторах

1. Сафиуллина Рауза Маратовна (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>).
2. Насырова Эльвина (Россия, Уфа) – бакалавр 4 г.о. кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>).

ASPECTS OF DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article is devoted to the demographic situation in the Republic of Belarus. Describes the basic demographic processes. Considered the sex-age structure, birth rate, death rate of the population of the Republic of Bashkortostan.

Keywords: demographic situation, birth rate, mortality, sex - age structure of the population.

Information about the authors

1. Safiullna Rausa Maratovna (Russia, Ufa) – Ph. D., associate Professor of economic geography, Bashkir state University (Republic of Bashkortostan, 450076. Ufa, Zaki Validi st., 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>).

2. Nasyrova Elvina (Russia, Ufa) – bachelor 4 G. O. Department of economic geography, Bashkir state University Bashkir state University (Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32; e-mail: <http://www.bashedu.ru/>).

УДК 314.3

И.Д. Сергеев

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В ГО Г. УФА

В статье рассматриваются вопросы прогнозирования уровня рождаемости. Проведен анализ факторов, влияющих на данный показатель. Представлена оценка значений данных факторов. Выделены три альтернативных сценария. Сформирован прогноз уровня рождаемости в городском округе «Город Уфа».

Ключевые слова: рождаемость, город, структура населения, прогноз.

Региональная социально-экономическая система включает множество элементов и подсистем. Эффективное управление ее развитием требует четкого понимания тенденций изменения основных параметров. Несмотря на выделяемые различными исследователями отличия в описании и моделировании данной системы, важность демографической сферы не ставится под сомнение. Соответственно, одной из ключевых задач, решаемых в рамках прогностической функции территориального менеджмента, является определение демографических параметров в будущие периоды. Решение данной задачи требует учета множества как внутренних, так и внешних факторов. Наблюдавшийся до 2008 года рост численности населения Республики Башкортостан в трудоспособном возрасте (до 2007 г. среди женщин и до 2010 г. среди мужчин) сменился снижением и на сегодняшний день достиг уровня 2003-2004 гг. Одновременно с этим с 2008 года наметилась тенденция роста численности населения младше трудоспособного возраста и старше (в отношении последнего – среди женщин с 2004 г.). Таким образом, в целом именно 2008 год можно считать точкой изменения сложившихся ранее тенденций.

С ростом уровня урбанизации особое значение всё это имеет для городов и промышленных центров. На долю города Уфы приходится более 25% всех жителей республики и 42% городского населения [2]. Происходящие социально-экономические и демографические изменения существенно влияют на уровень рождаемости.

Исследователями данной области выделяется ряд групп факторов, действующих на уровень рождаемости: природно-физиологические, демографические, социально-экономические, культурные и психологические [1]. Учитывая тот факт, что природно-физиологические факторы остаются практически неизменными на протяжении долгого периода времени, их детальное рассмотрение для целей прогнозирования не представляется необходимым. В определенной степени это относится и к культурно-психологической группе факторов, формирующихся и передающихся в процессе социализации личности. Кроме того, данные группы факторов крайне слабо поддаются изменению на муниципальном уровне управления.

Наблюдаемый в последние годы рост рождаемости обусловлен вступлением в репродуктивный возраст женщин 1980-х гг. рождения и принятыми мерами по стимулированию рождаемости. Так в рамках национального проекта «Здоровье» реализуются программы родовых сертификатов, которые способствуют оказанию профилактической помощи беременным женщинам и детям первого года жизни [5]. В то же время следует отметить, что численность девушек, которые в ближайшие годы должны войти в репродуктивный возраст, меньше (и притом существенно) численности женщин, которые покидают данную возрастную группу (по данным <http://bashstat.gks.ru>).

Снижению уровня рождаемости также способствует наметившаяся тенденция старения населения. С уменьшением численности, а также доли населения трудоспособного возраста, возрастает демографическая нагрузка. В связи с этим женщины в фертильном возрасте (практически совпадающем с возрастом трудоспособности [4]) задействованы в трудовых отношениях, что в определенной степени снижает склонность к созданию семьи. Следующая группа факторов – социально-экономические – связана с уровнем благосостояния населения и зависит от уровня доходов. Сопряженным с ними фактором стимулирования рождаемости является обеспеченность населения жильем. В г. Уфа в последние годы наблюдается устойчивый рост этого показателя [3].

Влияние на уровень рождаемости оказывают брачность, разводимость и семейное положение. Данные факторы находятся на стыке демографических и социально-экономических факторов, так как брачные и репродуктивные особенности поведения определяются культурными традициями. На рождаемость оказывают влияние и другие факторы, в том числе уровень урбанизации, состояние окружающей среды, развитость системы здравоохранения, системы поддержки социально различных слоев населения, а также системы защиты материнства и детства. Сходные результаты получены и другими исследователями [6]. В результате проведенного корреляционно-регрессионного анализа из представленных факторов для построения прогноза были выбраны следующие: численность женщин в возрасте 20-34 года, число браков на 1000 человек населения, номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, обеспеченность жильем на душу населения.

С целью повышения достоверности прогнозных оценок расчеты осуществлены по трем альтернативным вариантам, учитывающим возможные изменения социально-экономических условий (табл. 1).

Таблица 1

Оценка значений факторов рождаемости (составлено автором)

Показатель	Вариант	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Число женщин в возрасте 20-34 года, тыс. чел	Базовый	148,5	144,3	139,2	133,7	128,0	122,3
	Пессим.	142,6	138,5	133,6	128,4	122,9	117,4
	Оптим.	151,5	147,2	142,0	136,4	130,6	124,7
Число браков на 1000 человек населения	Базов.	8,7	8,5	8,2	7,9	7,5	7,2
	Пессим.	8,2	7,9	7,6	7,2	6,8	6,4
	Оптим.	9,3	9,1	8,9	8,6	8,3	8,0
Среднемесячная заработная плата в ценах	Базовый	10620,2	11469,8	12387,4	13378,4	14448,6	15604,5
	Пессим.	7621,3	7849,9	8085,4	8327,9	8577,8	8835,1

2000 года	Оптим.	13699,1	15343,0	17184,1	19246,2	21555,8	24142,5
Обеспеченность жильем на душу населения	Базовый	25,1	25,6	26,2	26,7	27,2	27,8
	Пессим.	22,7	22,9	23,1	23,3	23,5	23,7
	Оптим.	26,2	26,9	27,6	28,3	29,0	29,7

В процессе прогнозирования уровня рождаемости в г. Уфа были использованы методы экономико-математического моделирования. Исходя из представленных выше альтернатив развития социально-экономической ситуации в ГО «Город Уфа», разработка прогноза рождаемости осуществлялась по трем вариантам (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз уровня рождаемости в ГО г. Уфа на период до 2022 года (составлено автором)

Показатель	Вариант	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Родилось, тыс. чел.	Базовый	15,2	15,0	14,7	14,4	14,1	13,8
	Пессим.	14,4	14,1	13,7	13,2	12,9	12,5
	Оптим.	16,2	16,0	15,9	15,6	15,4	15,2
Уровень рождаемости на 1000 чел.	Базовый	14,1	13,9	13,6	13,3	13,0	12,7
	Пессим.	13,4	13,0	12,7	12,2	11,9	11,5
	Оптим.	15,0	14,9	14,7	14,5	14,3	14,0

Для поддержания рождаемости на достаточно высоком уровне, улучшения демографической ситуации и предупреждения возможных негативных последствий необходима разработка и реализация комплексной стратегии в данной сфере, которая включала бы мероприятия в сферах здравоохранения, образования, строительства, экономики, массовых коммуникаций, социально-культурной и так далее.

© Сергеев И.Д. Текст. 2016

Список источников

1. Борисов В. А. Демография. – М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. – 272 с.
2. Комплексная программа социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2011-2015 годы. Часть 1. – Уфа: Издательство «Слово», 2011. – 140 с.
3. Орешников В.В. Прогнозирование изменения уровня рождаемости под влиянием социально-экономических факторов // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2012. – С. 264-270.
4. Портнова Л.В. Применение метода кластерного анализа в оценке и прогнозировании уровня безработицы в регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4 (140). – С. 158-163.
5. Ростова А.В. Методология изучения гендерных отношений // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 4 (63). – С. 221-226.
6. Шаяхметова Р. Р. Факторы изменения рождаемости молодежи в Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://sisip.nkras.ru/issues/2011/3/shajahmetova.pdf>.

Информация об авторе

Сергеев Илья Дмитриевич (Россия, Уфа) – ассистент Башкирского государственного университета (Республика Башкортостан, 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: Sergeev_ID@bk.ru)

PREDICT CHANGES IN THE LEVEL OF FERTILITY OF UFA

The article deals with the birth rate forecasting. The analysis of the factors influencing this indicator. It provides an assessment of the data values of factors. Three alternative scenarios are highlighted. Formed in the birth rate forecast in the urban district of the city of Ufa.

Keywords: fertility, the city, the population structure prediction.

Information about the author

Ilya Dmitrievich Sergeev (Russia, Ufa) – Assistant of the Department of Bashkir State University (Republic of Bashkortostan. 450074, Ufa, Validi Zaki st., 32; e-mail: Sergeev_ID@bk.ru).

УДК 314.8

Ю.А. Симагин

ТЕРРИТОРИИ С РОСТОМ И СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ*

В статье проанализирована внутрирегиональная дифференциация динамики численности населения в субъектах Российской Федерации. Выявлено, что растет численность населения, прежде всего, в пригородных зонах городов, даже в тех случаях, когда в самих городах численность населения сокращается.

Ключевые слова: динамика численности населения, миграции, система расселения.

В период после проведения последней Всероссийской переписи населения в конце 2010 года динамика численности населения России претерпела значительные изменения. Начиная с 2011 г., в противоположность предыдущим двум десятилетиям, численность населения страны стала увеличиваться – в 2011-2012 гг. только за счет миграционного прироста, а в 2013-2015 гг. – также и за счет небольшого естественного прироста населения. На 1 января 2016 г. численность населения Российской Федерации в границах 2010 г. (без Крымского ФО) составила 144,2 млн человек. То есть прирост численности населения страны в границах 2010 года за 5 с небольшим лет (с момента переписи 2010 г. до начала 2016 г.) составил около 1%, или 0,2% ежегодно. Численность населения Российской Федерации в современных границах на начало 2016 года составляет 146,5 млн человек.

При этом в большинстве субъектов Российской Федерации в 2011-2015 гг. численность населения сокращалась, как и в предыдущие десятилетия. А прирост ее был достигнут за счет того, что население росло в многонаселенных регионах страны, тогда как депопуляция характерна в основном для малонаселенных территорий. Очень ярко тенденция увеличения численности населения проявляется в Московском столичном регионе (МСР – Москва и Московская область), который характеризуется одними из самых высоких темпов роста численности населения среди всех субъектов Российской Федерации (третье место за период 2010-2015 гг. после республик Ингушетия и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-00530.

Чеченской). К началу 2015 г.¹ по сравнению с моментом переписи 2010 г. население МСР увеличилось на 4,5% и составило 19428,7 тыс. человек – это более 13% населения страны.

При этом внутри региона происходят значительные изменения в системе расселения, связанные с появлением новых населенных пунктов, интенсивной жилищной застройкой некоторых территорий как многоквартирными, так и индивидуальными домами. Одновременно в некоторых частях МСР численность населения сокращается, наблюдается депопуляция существующих населенных пунктов. Общие тенденции происходящих изменений можно выявить при анализе динамики численности населения по муниципальным образованиям первого уровня – административным округам Москвы, городским округам и муниципальным районам Московской области.

Особого анализа требует ситуация, связанная с включением части территории Московской области в состав Москвы в середине 2012 г. – образованием «Новой Москвы». Предполагалось, что эта территория начнет интенсивно развиваться и наращивать численность населения, так как в пределах «Старой Москвы» (город Москва в границах 2010 года) свободных территорий для экономического развития и жилищного строительства не осталось. Население Москвы в границах 2010 г. выросло на 3,5% (в современных границах – на 6,0%), население Московской области – на 6,0% (в современных границах – на 1,9%). Муниципалитеты МСР с максимальными темпами увеличения и сокращения численности населения за период 2010-2015 гг. перечислены в таблице 1.

Таблица 1

Муниципалитеты Москвы и Московской области² с максимальной и минимальной динамикой численности населения за период 2010-2015 гг. (в границах 2010 года)

Динамика численности населения за 2010-2015 гг., %			
Менее 90%	90-100%	110-120%	Более 120%
МР Волоколамский	ГО Власиха ГО Восход ГО Звездный Городок ГО Молодежный ГО Юбилейный МР Зарайский МР Каширский МР Лотошинский МР Можайский МР Орехово-Зуевский МР Сергиево-Посадский МР Серебряно-Прудский	ГО Домодедово ГО Железнодорожный ГО Звенигород ГО Ивантеевка ГО Лобня ГО Лосино-Петровский ГО Подольск ГО Химки МР Люберецкий МР Красногорский АО Троицкий	ГО Балашиха ГО Котельники ГО Троицк ГО Щербинка МР Ленинский АО Новомосковский

Источники: Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, муниципальных районов, городских и сельских поселений // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>; База статистических данных муниципальных образований (Там же).

Из данных таблицы видно, что некоторые территории, вошедшие в состав «Новой Москвы», действительно отличаются высокими темпами роста численности населения – бывшие городские округа Московской области «Город Троицк» и «Город Щербинка», поселения в составе современного административного округа города Москвы «Новомосковский» (частично это пересекающиеся территории). Но максимальными темпами роста численности населения (+27,7% за период 2010-2015 гг.) выделяется городской округ «Город Котельники» Московской области. То есть административное

¹ Официальные данные о численности населения на начало 2016 г. в разрезе субъектов Российской Федерации и муниципальных образований еще не опубликованы.

² здесь и далее: ГО – городской округ, МР – муниципальный район, АО – административный округ Москвы

подчинение территории Москве или Московской области не является определяющим фактором для изменения системы расселения и роста численности населения.

Самая сложная ситуация наблюдается в Волоколамском муниципальном районе Московской области, где сочетаются естественная убыль и миграционный отток населения. При этом за счет международной миграции, как и во всех муниципальных образованиях Московской области, население района в 2014 г. выросло (год, за который есть данные о естественном и миграционном движении населения по всем муниципалитетам МСР). Но отрицательное сальдо миграций как с другими муниципалитетами Московской области, так и с другими регионами России (в основном с Москвой), которое в 2014 г. составило почти 2 тыс. человек, привело к значительному сокращению численности населения.

При этом главной составляющей динамики численности населения в МСР является сальдо миграций. Так, в 10 из 13 муниципальных образований, в которых численность населения за 2010-2015 гг. сократилась, произошло это в основном за счет отрицательного сальдо миграций. В Каширском, Орехово-Зуевском и Серебряно-Прудском муниципальных районах численность населения сократилась за счет превышения масштабов естественной убыли населения над миграционным приростом. Примечательно, что значительную долю среди муниципалитетов, где население уменьшилось из-за оттока населения (городские округа Власиха, Восход и др.), составляют ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), миграционный отток из которых можно считать вынужденным, а не добровольным (перевод военнослужащих и членов их семей на новое место службы, идущее сокращение численности Вооруженных Сил Российской Федерации), при этом переселение зарубежных граждан в ЗАТО ограничено.

В итоге видно, что в МСР наиболее быстрыми темпами растет численность населения территорий, прилегающих к Москве («Старой Москве»), независимо от того, относятся они административно к субъектам Российской Федерации «Город Москва» или «Московская область». Для некоторых периферийных территорий Московской области характерна депопуляция, несмотря на положительное миграционное сальдо как с другими регионами России (кроме Москвы), так и с зарубежными странами. Сокращением численности населения даже при положительном естественном приросте отличаются ЗАТО из-за значительного миграционного оттока жителей. В целом можно сказать, что именно миграции являются главным дифференцирующим фактором динамики численности населения во внутрирегиональном разрезе.

При этом понятно, что Московский столичный регион по многим характеристикам является уникальным в России. Во многом это касается и динамики численности населения, которое здесь постоянно росло из-за интенсивного миграционного притока, а в последние годы также и из-за естественного прироста населения в Москве при минимальных показателях реальной рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости около 1,4 при среднем в России показателе 1,8 в 2014 г.) и минимальных показателях реальной смертности (средняя ожидаемая продолжительность жизни около 77 лет в среднем для мужчин и женщин при среднем для страны показателе 71 год). Возможно, в других регионах России территориальная дифференциация численности населения существенно отличается от МСР?

Если рассматривать динамику численности населения, Ростовская область является типичным регионом России. С начала 1990-х гг. численность населения здесь сокращалась из-за того, что естественная убыль перекрывала положительное сальдо миграций – как и по стране в целом. При этом в окрестностях областного центра Ростова-на-Дону, который является городом-миллионером, процессы изменения численности населения нельзя считать характерными для России в целом, так как городов с населением более 1 млн человек в России всего 15 – в них проживает 32,2% населения городов страны. Дифференциация динамики численности населения вблизи города-миллионера

уже была рассмотрена на примере Москвы. Более типичными для страны являются большие города с численностью населения от 100 до 1000 тыс. жителей – 41,0% жителей городов страны на начало 2015 г. В Ростовской области одним из представителей таких городов является Таганрог, расположенный на юго-западе области.

Сформированная в последние годы в Росстате база статистических данных муниципальных образований позволяет выявить динамику численности населения по составляющим на уровне муниципальных районов и городских округов. На юго-западе Ростовской области таковыми являются городской округ «Город Таганрог» и муниципальные районы «Неклиновский» (прилегающий к городу) и Матвеево-Курганский (более удаленный). За последние 4 года (с момента Всероссийской переписи населения 2010 года до начала 2015 года) постоянное население Неклиновского района выросло на 1,4%, тогда как население города Таганрога сократилось на 1,8%, а Матвеево-Курганского района – на 4,0%. Различия связаны в основном с миграционным движением населения, так как естественное движение во всех рассматриваемых муниципальных образованиях имело за рассматриваемый период отрицательное значение в интервале от -2 до -5 промилле.

При этом в городе Таганроге естественная убыль населения значительнее, чем в прилегающих сельских районах, за счет низкой рождаемости на уровне около 10 промилле (в районах – более 12 промилле). Тогда как общий коэффициент смертности во всех трех муниципалитетах находился в последние годы на одинаковом уровне 15-16 промилле. Подобная демографическая ситуация связана с тем, что возрастная структура населения во всех трех муниципалитетах примерно одинакова и является более старой, чем по России в целом, что и обуславливает высокие значения общего коэффициента смертности населения. Но на более аграрных территориях, как это обычно и бывает, рождаемость выше, чем в городе. Составляющие динамики численности населения Таганрога и прилегающих районов за 2014 год показаны в таблице 2.

Таблица 2

Динамика численности населения муниципальных образований
юго-запада Ростовской области за 2014 год, промилле

Муниципальное образование	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общая динамика
ГО Город Таганрог	-4,7	2,5	-2,2
МР Неклиновский	-3,5	5,8	2,2
МР Матвеево-Курганский	-2,7	-0,1	-2,8

Источник: Рассчитано по базе статистических данных муниципальных образований Росстата. – www.gks.ru.

Хорошо видно, что при общем сокращении численности населения Таганрога и его окрестностей в начале XXI века (на 1,5% за последние 4 года) примыкающий к городу Неклиновский район отличается стабильным ростом численности населения за счет того, что миграционный приток населения превышает естественную убыль. При этом в городе Таганроге замещение естественной убыли мигрантами не происходит. Окраинный Матвеево-Курганский район имеет самые высокие темпы сокращения численности населения за счет сочетания естественной убыли и миграционного оттока населения.

Таким образом, миграционные потоки действительно являются главным дифференцирующим фактором динамики численности населения внутри Таганрогской агломерации (город и прилегающие районы), как это было видно и в окрестностях Москвы. Их обобщенные направления по муниципалитетам представлены в таблице 3. Поток беженцев и вынужденных переселенцев, который хлынул в Ростовскую область из Украины в 2014 г., не нашел отражения в этих цифрах, так как они не были зарегистрированы как постоянные жители региона.

Таблица 3

Миграционный прирост населения муниципальных образований
юго-запада Ростовской области за 2014 год по направлениям, чел.

Муниципальное образование	Направление миграций			Миграционный прирост всего
	Ростовская область	другие субъекты РФ	зарубежные страны	
ГО Город Таганрог	+281	-4	+360	+637
МР Неклиновский	-60	+238	+323	+501
МР Матвеево-Курганский	-179	-117	+290	-6

Источник: База статистических данных муниципальных образований Росстата (www.gks.ru).

За счет переселенцев из зарубежных стран (в основном из Украины и закавказских республик бывшего СССР) население всех муниципалитетов растет, и относительно численности постоянного населения этот приток максимален в удаленном от города Матвеево-Курганском районе (возможно, в нем иностранцам легче устроиться из-за дешевизны жилья и земли). Но в этом же районе и максимален отток жителей (в основном молодежи) на другие российские территории. В итоге миграционный баланс Матвеево-Курганского района почти нулевой, что при имеющейся естественной убыли ведет к сокращению численности населения. В город Таганрог приезжают в основном люди из других муниципалитетов Ростовской области, а в пригородный Неклиновский район – из других регионов России, но только в Неклиновском районе миграционный приток перекрывает естественную убыль населения, что обуславливает положительную динамику.

В целом процессы динамики численности населения в регионах России соответствуют теориям развития систем расселения – теории стадий урбанизации Джигбса [2] и др. Можно констатировать, что на большей части территории страны в последние годы стали преобладать процессы субурбанизации, при которых ускоренными темпами развиваются пригородные зоны, причем уже не только городов-миллионеров, но и больших городов. Особенностью России являются постоянные изменения административных границ муниципальных образований [1], которые преимущественно направлены на расширение территории городов (городских округов) за счет окружающих муниципальных районов или даже субъектов РФ, как это произошло в МСР в 2012 г. При этом сущность реально идущих процессов не меняется: быстрее всего растет численность населения пригородных зон, население городов если и растет, то медленно, а население многих удаленных территорий сокращается. Но перманентные реформы административного и муниципального деления не только затрудняют анализ происходящих процессов, демонстрируя мнимые достижения демографического развития, но и ухудшают условия жизни населения, которое вынуждено приспосабливаться к новым административным структурам, влияющим на обеспечение людей необходимыми услугами – здравоохранения, образования, социального обеспечения и другим. Возможно, на длительный период следует прекратить изменения муниципального и административно-территориального деления страны, что поможет стабилизировать демографические и миграционные процессы на многих территориях, будет способствовать увеличению демографического потенциала регионов России.

© Симагин Ю.А. Текст. 2016

Список источников

1. Симагин Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения // Народонаселение. – 2013. – № 4. – С. 87-93.
2. Gibbs J. The evolution of population // Economic Geography. – 1963. – No. 2.

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Россия, Москва) – кандидат географических наук, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доцент Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. e-mail: yas63@yandex.ru).

Simagin Y.A.

AREAS WITH GROWTH AND DECLINE POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA

The article analyzes differentiation of the population dynamics of the constituent entities of the Russian Federation. It is revealed that there is a growing population, primarily in suburban zones of the cities, even in those cases, when in the cities themselves, the population is declining.

Keywords: population dynamics, migration, the system of settlements.

Information about the author

Simagin Yuriy Alekseevich (Russia, Moscow) – Cand. of Geography, associate Professor for The Financial University Under The Government of The Russian Federation; Head of Laboratory of The Institute for Social and Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences (Russia, 117218, Moscow, Nahimovsky prospect, 32; e-mail: yas63@yandex.ru).

УДК 314.93, 316.346.32, 332.13, 373.2

А.Л. Сеница

ЧИСЛО ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И АРМЕНИИ В 1990-2015 ГОДАХ*

На основе данных ООН и Росстата в статье анализируется динамика изменения численности детей дошкольного возраста в странах ЕврАзЭС и Армении в 1990-2015 годах. Доля таких детей во всех странах сократилась, тогда как их число в странах Центральной Азии возросло, а в Армении, Белоруссии и России сократилось.

Ключевые слова: ЕврАзЭС, дети дошкольного возраста, дошкольные образовательные организации, дифференциация демографических процессов, региональная демография.

Введение

Обычно при изучении социально-экономического развития страны рассматривают динамику численности населения трех групп: моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Ее изменение в значительной степени определяет перспективы развития страны.

Тем не менее, существуют и другие группы, знать численность которых очень важно. Одной из таких групп являются дети дошкольного возраста. Почему важно знать их число?

Это необходимо для определения потребности в дошкольных образовательных организациях (далее – ДОО), численности их персонала и планируемых государственных

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00599 «Демографическое развитие постсоветского пространства».

затрат на них. Также это важно и для определения параметров сети организаций, обеспечивающих начальное образование.

ДОО нужны для матерей с любым числом детей, но особенно для матерей с 2-3 детьми. Это связано с тем, что из-за большого объема домашней работы такие матери позже выходят из отпуска по уходу за ребенком, больше устают и хуже отдыхают. В результате найти подходящую им форму занятости сложнее. ДОО важны и для одиноких родителей, для проживающих на территориях с низким уровнем социально-экономического развития и других. Всем им нужна особая помощь в осуществлении ухода за детьми и их воспитании.

Следовательно, развитие сети ДОО способствует поддержанию темпов экономического развития страны, так как она позволяет минимизировать снижение занятости, вызванное уходом за детьми. Это очень важно в условиях сокращения численности трудоспособного населения и способствует повышению уровня жизни семей с детьми дошкольного возраста. Добиться сохранения существующих темпов экономического развития в таких условиях можно и путем повышения производительности труда, однако это не всегда возможно. При этом следует учитывать, что повышение производительности труда не препятствует развитию сети ДОО, а в современных условиях малодетности ДОО нужны еще и для социализации детей. В странах же Центральной Азии сеть ДОО необходима для обеспечения ухода за детьми в соответствии с медицинскими и педагогическими рекомендациями.

Наконец, сеть ДОО является важным звеном в системе образования. Недовложение ресурсов в человеческий капитал на этом этапе приведет к меньшей скорости накопления человеческого капитала на следующих уровнях образовательной системы и более низкой траектории жизненного пути человека [2].

Все это свидетельствует о том, что для планирования социально-экономического развития страны необходимо знать динамику изменения численности детей дошкольного возраста.

Объект и методы исследования

Целью работы является рассмотрение динамики изменения численности детей дошкольного возраста в 1990-2015 годах в странах Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в которое входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан, а также в Армении, которая в отличие от Таджикистана входит в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Эти страны наиболее активно участвуют в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, вектор которых направлен в сторону России.

Под детьми дошкольного возраста мы понимаем детей, которым на 1 июля было менее семи лет, так как план приема детей в ДОО определяется заранее. Это связано с различным возрастом поступления в школу и с тем, что большинство детей начинают ходить в школу в возрасте семи лет.

Следует отметить, что обычно к детям дошкольного возраста относят детей в возрасте 1-6(7) лет. Тем не менее, это ведет к неправильным результатам, так как некоторая часть родителей хочет отдавать детей в ДОО до достижения ими года [1, с. 161], даже в условиях отсутствия соответствующей инфраструктуры. Следовательно, необходимо учитывать и детей в возрасте до года.

Сайты статкомитетов стран СНГ предоставляют информацию только за 2000-е годы. Это лишает нас возможности изучить динамику изменения численности детей дошкольного возраста с момента распада СССР, поэтому источником данных по странам СНГ являются материалы отдела народонаселения ООН¹. Для России мы используем данные Госкомстата².

¹См.: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/>.

²См.: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>, <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>.

Обсуждение результатов

За 1990-2015 годы численность населения в ряде стран значительно изменилась. Общее увеличение населения составило 2999 тыс. человек, то есть 1,6% от уровня 1990 г. (см. рис. 1).

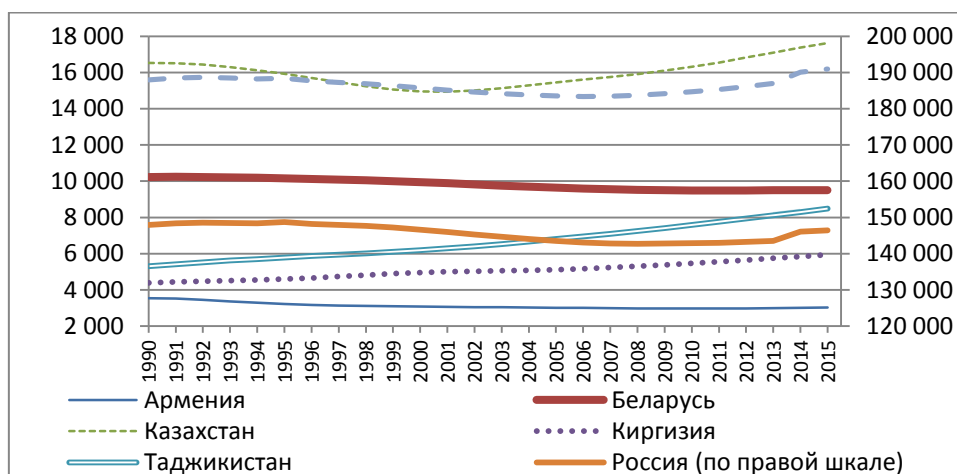

Рис. 1. Динамика изменения численности населения стран ЕврАзЭС и Армении в 1990-2015 годах, тыс. чел.

Можно выделить две группы стран. К первой относятся Армения, Беларусь и Россия. В них число жителей за 26 лет сократилось на 14,9%; 7,2% и 1,1% соответственно (всего на 2826 тыс. человек). Ко второй группе относятся страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизия и Таджикистан, в которых численность населения увеличилась на 6,6%; 35,2% и 60,0% соответственно (всего на 5825 тыс. человек).

В Киргизии и Таджикистане рост населения наблюдался весь период, то есть минимальное значение было в 1990 г., а максимальное – в 2015 г. В Казахстане численность населения снижалась до 2011 г., однако последовавшее затем резкое увеличение позволило в 2015 г. превзойти уровень 1990 г. В России численность населения росла до 1995 г., когда был достигнут максимум, затем началось снижение, которое продолжалось до достижения минимального значения в 2008 г., после чего вновь начался рост. В Армении максимальная численность населения была отмечена в 1990 г., после чего она снижалась до 2010 г., когда был зафиксирован ее минимум. Наихудшая ситуация была в Беларуси, в которой наибольшей численность населения была в 1991 г. Последовавшее затем снижение достигло своего максимума в 2011 г. Затем численность населения начала расти, но в 2015 г. вновь наблюдался некоторый спад.

В целом по экономическому сообществу численность населения снижалась в 1992-1993 и 1995-2005 годах. Наибольшим (более 500 тыс. человек в год) снижение было в 1998-2001 годах. В 1990-1991, 1994 и 2006-2015 годах численность населения увеличивалась. Максимальное увеличение (более 800 тыс. человек в год) было в 2012-2015 годах. В 2014 г. увеличение составило 3154 тыс. человек. В результате в 2015 г. численность населения стран, входящих в Евразийское экономическое сообщество, превысило 190 млн человек.

Страны первой группы являются экономически более развитыми по сравнению со странами второй группы, поэтому социально-экономические изменения проявились в них в более сильной форме. При этом в них и до 1990 г. уровень рождаемости был достаточно низким. В результате в Армении и Беларуси к общей неблагоприятной ситуации добавился и миграционный отток, тогда как в России миграционный приток и присоединение Крыма помогли частично компенсировать низкую рождаемость и высокую смертность. В странах Киргизия и Таджикистан высокая рождаемость помогла скомпенсировать снижение численности населения, вызванное экономической нестабильностью и сильным миграционным оттоком. В Казахстане миграционный отток

1990-х был скомпенсирован достаточно высокой рождаемостью и миграционным притоком 2000-х годов.

Число детей дошкольного возраста сократилось значительно – на 3762 тыс. человек, то есть на 16,6% (см. рис. 2).

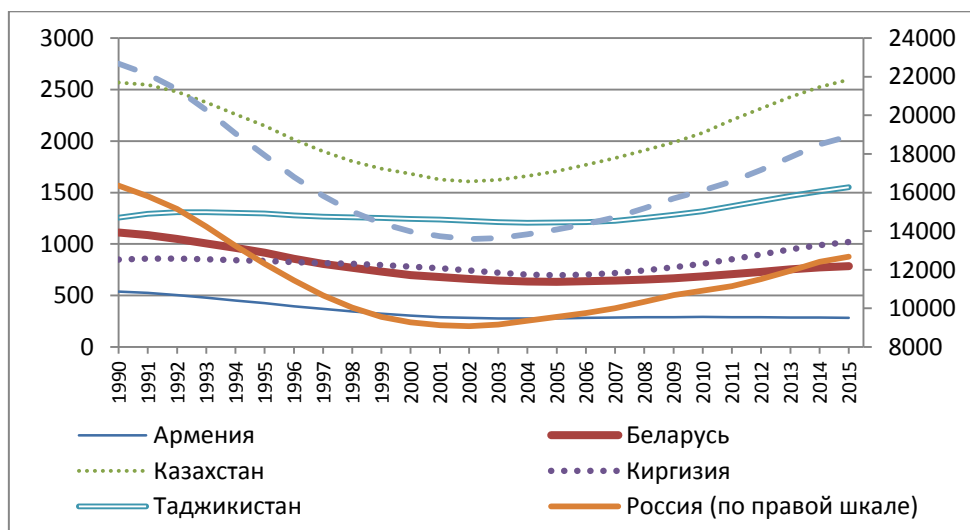

Рис. 2. Динамика изменения численности детей дошкольного возраста в странах ЕвразЭС и Армении в 1990-2015 годах, тыс. чел.

В странах Центральной Азии число детей увеличилось на 496 тыс. человек. В Казахстане увеличение было минимальным – всего 28 тыс. человек (1,1%), в Киргизии оно составило 172 тыс. человек (20,3%), а в Таджикистане – 296 тыс. человек (23,5%). Тем не менее, сокращение числа детей в других странах значительно превысило увеличение в азиатских республиках. Основной объем снижения пришелся на Россию, в которой детей дошкольного возраста стало меньше на 3678 тыс. человек (22,5%). В Белоруссии снижение составило 326 тыс. человек (29,3%). Максимальным снижением было в Армении – 254 тыс. человек (47,3%).

Ни в одной стране численность детей дошкольного возраста не изменялась только в одном направлении.

В Казахстане число детей дошкольного возраста снижалось с 1990 по 2001 г. Максимальной (более 100 тыс. человек в год) скорость снижения была в 1992-1996 годах. С 2002 г. число детей увеличивается. Наибольшей (более 100 тыс. человек в год) скорость увеличения была в 2010-2012 годах. В Киргизии число детей дошкольного возраста в 1990-2004 годах убывало. Максимальной (более 18 тыс. человек в год) скорость сокращения была в 2000-2003 годах. С 2005 г. численность детей увеличивается. Наибольшее увеличение (более 40 тыс. человек в год) зафиксировано в 2010-2013 годах. В Таджикистане в 1990-1992 годы число детей увеличивалось. Затем оно начало снижаться. Максимальная скорость снижения (более 10 тыс. человек в год) была отмечена в 1995-1996 и 2001-2002 годах. С 2004 г. численность детей увеличивается. Максимальным (более 40 тыс. человек в год) увеличение было в 2010-2014 годах.

В Армении число детей дошкольного возраста убывало в 1990-2003 и 2010-2014 годах. Максимальное снижение (более 24 тыс. человек в год) было зафиксировано в 1992-1997 годах. Число детей увеличивалось лишь в 2005-2009 годах. Максимальным (6 тыс. человек в год) увеличение было в 2005 г. В Белоруссии число детей снижалось в 1990-2004 годы. Максимальное снижение (более 40 тыс. человек в год) было отмечено в 1992-1997 годах. В 1995 г. снижение составило 60 тыс. человек. С 2005 г. число детей увеличивается. Максимальной (более 20 тыс. человек в год) скорость увеличения была в 2010-2012 годах. В России число детей дошкольного возраста в 1990-2001 годы сокращалось. Снижение было максимальным (более 870 тыс. человек в год) в 1992-1995

годах. С 2002 г. наблюдается рост численности детей. Максимальной скоростью ее увеличения (более 300 тыс. человек в год) была в 2007-2008 и 2011-2013 годах.

Если мы рассмотрим все страны вместе, то увидим, что число детей снижалось вплоть до 2001 г. Максимальное снижение (более 1 млн человек в год) было зафиксировано в 1992-1995 годах. С 2002 г. численность детей увеличивается. Максимальное увеличение (более 600 тыс. человек в год) было отмечено в 2008 и 2011-2013 годах.

Рассмотрим динамику изменения доли детей дошкольного возраста в общей численности населения (см. рис. 3).

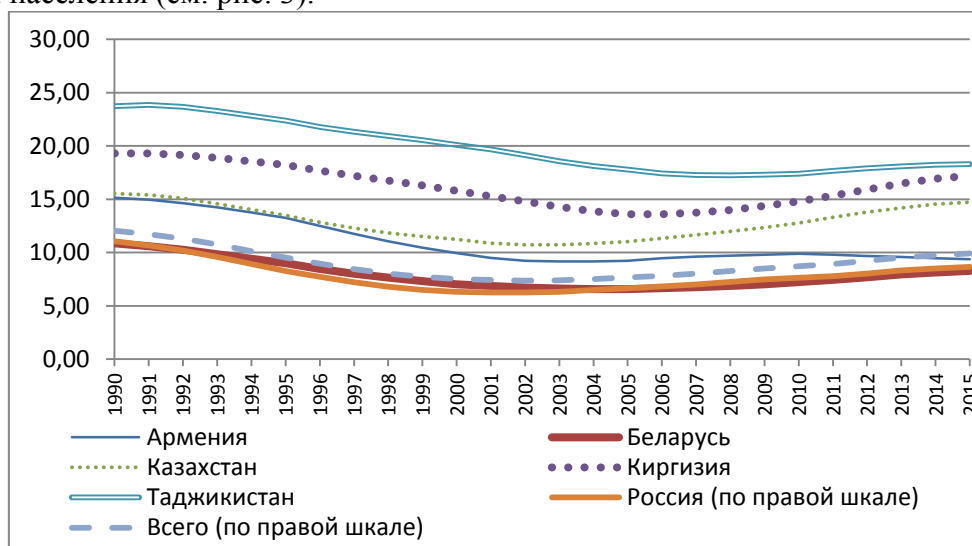

Рис. 3. Динамика изменения доли детей дошкольного возраста в странах ЕвразЭС и Армении в 1990-2015 годах, %

Во всех странах доля детей дошкольного возраста во всем населении сократилась. Минимальным снижением было в Казахстане – 0,8 процентного пункта (5,2%). В Киргизии снижение составило 2,1 процентного пункта (11,0%). В Таджикистане сокращение доли детей было значительным – 5,4 процентного пункта (22,9%). В Армении снижение доли детей дошкольного возраста было максимальным – 5,8 процентного пункта (38,1%). В Белоруссии доля детей снизилась на 2,6 процентного пункта (23,9%), а в России – на 2,4 (21,7%). В целом по экономическому сообществу доля детей дошкольного возраста сократилась на 2,2 процентного пункта (17,9%).

В Казахстане доля детей дошкольного возраста снижалась вплоть до 2002 г. Максимальным (более 0,5 процентного пункта в год) снижением было в 1992-1996 годах. В 2002-2003 годах доля детей была неизменной, а затем начала увеличиваться. Максимальной (более 0,4 процентного пункта в год) скоростью увеличения была в 2009-2012 годах. В Киргизии в 1990-2004 годах доля детей уменьшалась. Наиболее быстро сокращение происходило в 1995-2003 годах (более 0,4 процентного пункта в год). С 2005 г. наблюдался рост доли детей дошкольного возраста. Максимальной (более 0,4 процентного пункта в год) скоростью ее увеличения была в 2009-2013 годах. В Таджикистане доля детей сокращалась в 1991-2007 годах. Наиболее быстро (более 0,45 процентного пункта в год) это происходило в 1993, 1995-1996 и 2001-2003 годах. Доля детей увеличивалась в 1990, 2008-2015 годах. Максимально быстро (более 0,19 процентного пункта в год) это происходило в 2010-2012 годах.

Доля детей дошкольного возраста в Армении сокращалась в 1990-2002 и 2010-2015 годах. Максимальной (более 0,46 процентного пункта в год) скоростью снижения была в 1993-2000 годах. Доля детей увеличивалась лишь в 2003-2009 годах. Максимальное увеличение (0,24 процентного пункта) было зафиксировано в 2004 г. В Белоруссии доля детей снижалась в 1990-2003 годах. Наиболее быстро (более 0,4 процентного пункта в

год) это происходило в 1992-1996 годах. С 2004 г. наблюдалось увеличение доли детей. Наибольшей (более 0,2 процентного пункта в год) скорость увеличения была в 2010-2013 годах. В России доля детей снижалась в 1990-2001 годах. Максимальной (более 0,46 процентного пункта) скорость снижения была в 1991-1996 годах. С 2002 г. доля детей постоянно увеличивается. Наиболее быстро (более 0,2 процентного пункта в год) это происходило в 2007-2008 и 2011-2012 годах.

В целом по странам Евразии доля детей дошкольного возраста снижалась в 1990-2001 годах. Максимальной (более 0,5 процентного пункта в год) скорость снижения была в 1992-1996 годах. В 2002-2015 годах доля детей увеличивалась. Максимальной (более 0,2 процентного пункта в год) скорость ее увеличения была в 2007-2013 годах.

К причинам столь значительных колебаний числа детей дошкольного возраста и их доли следует отнести сформировавшиеся в СССР демографические волны, проводимую в 1980-х годах демографическую политику, произошедшее в 1990-е годы резкое изменение социально-экономических условий, военные конфликты, сильную миграцию и слабую помощь семьям с детьми дошкольного возраста со стороны государства.

Выводы и рекомендации

Какие выводы можно сделать из анализа динамики числа детей дошкольного возраста и их доли во всем населении?

Во-первых, четко выделяются две группы стран. К первой относятся Армения, Белоруссия и Россия, в которых в 1990-2015 годах сокращалось как население в целом, так и число детей дошкольного возраста. Ко второй относятся страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В них численность населения и детей дошкольного возраста, наоборот, увеличивалась. При этом доля детей дошкольного возраста сократилась во всех странах. Это позволяет нам говорить о старении населения.

Во-вторых, Россия обладает самым большим населением, поэтому динамика изменения его численности и численности отдельных его групп в России в значительной степени определяет динамику всех показателей в Евразии в целом. Для получения более точных результатов следует рассмотреть страны Евразии и СНГ отдельно от России.

В-третьих, страны с более благоприятными характеристиками имеют более низкий уровень экономического развития, а сеть ДОО в них развита крайне слабо. В перспективе это приведет к перегрузке и низкому охвату детей этой сетью. В результате человеческий капитал детей в странах Центральной Азии будет ниже.

Следовательно, необходимо более активно развивать сеть ДОО во всех странах. В странах с высокой рождаемостью это поможет снизить нагрузку на женщин, обеспечить детей более качественным уходом и повысить их человеческий капитал. Кроме того, возможно, развитие сети ДОО повлияет на уровень рождаемости, сделав его в этих странах более низким. В странах с низкой рождаемостью это необходимо для облегчения совмещения ухода за детьми с профессиональной деятельностью, повышения качества ухода за детьми и повышения рождаемости и уровня жизни семей с детьми дошкольного возраста.

Демографические процессы имеют большую инерцию, поэтому принимаемые сейчас решения будут оказывать влияние на социально-экономическое развитие еще много лет. События 1990-2000-х годов еще раз подтвердили этот тезис. В связи с этим для обеспечения в будущем более качественной жизни необходимо планировать траекторию демографического развития стран Евразии и Армении с учетом приведенных особенностей, иначе даже самые проработанные программы демографического развития не дадут максимального эффекта. Следовательно, учет числа детей дошкольного возраста и анализ собираемых сведений поможет лучше контролировать происходящие процессы и достигнуть целей социально-экономической политики более быстро и с меньшими затратами.

Список источников список

1. Римашевская Н.М. Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы. – М.: Наука, 1991.
2. Chetty R., Friedman J.N., Hilger N., et al. How does your kindergarten classroom affect your earnings? Evidence from project STAR. NBER Working Paper 16381, September 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w16381>.

Информация об авторе

Синица Арсений Леонидович (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения и демографии, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г.Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет. e-mail: sinita@econ.msu.ru).

Sinita A.L.

THE NUMBER OF PRESCHOOL CHILDREN IN EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY COUNTRIES AND ARMENIA IN 1990-2015

On the basis of the UN and Rosstat data the dynamics of preschool children size is analyzed. The preschool children rate has decreased in all countries, whereas the preschool children size has increased in the Central Asia countries and has decreased in Armenia, Belarus and Russia.

Keywords: EAEC, preschool children, preschool institutions, population processes differentiation, regional demography.

Information about the author

Sinita Arseniy Leonidovich (Russia, Moscow) – Cand. of Sci. (Econ.), Research Fellow, Laboratory for population economics and demography, faculty of economics, Lomonosov, Moscow State University (Russia, 119991, Moscow, GSP-1, Leninskije gory, 3rd new academic building, faculty of economics. e-mail: sinita@econ.msu.ru).

УДК 338.22

Т.Л. Смирнова

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

В статье анализируется динамика развития демографической ситуации под воздействием факторов естественного и миграционного прироста, оказывающих влияние на структуру занятости профессионально-квалификационных групп в России. Показаны региональные тенденции сокращения численности населения в стране в 2002 – 2014 гг.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграция, профессионально-квалификационные группы, численность населения.

Демографический фактор является одним из ключевых факторов, воздействующих на долгосрочные темпы экономического роста и структуру потребления в национальной экономике. Согласно данным Росстата в 1992 – 2014 гг., численность населения в России подвержена колебаниям. Демографические процессы в стране имеют неравномерную

динамику рождаемости, смертности, миграции и деформации половозрастной структуры, формируя специфику территориальных тенденций воспроизводства населения. Демографический фактор проявляется в нестабильности роста численности населения в регионах РФ, изменении возрастной, профессиональной структур экономически активного населения, оказывает влияние на количественные и качественные структурные сдвиги в территориальной занятости населения.

Для разных российских регионов в зависимости от культурных традиций и национальных особенностей характерны разные типы воспроизводства экономически активного населения. Режимы воспроизводства населения в стране различают: простое, расширенное, суженное. Простое воспроизводство населения характеризуется отсутствием прироста населения на территории страны. Расширенное воспроизводство характеризуется увеличением численности населения из-за высокого уровня рождаемости, сохранением модели многодетной семьи. Суженное воспроизводство населения проявляется в депопуляционных процессах, сокращении численности населения, низком уровне рождаемости и сопровождается переходом к малодетной семье.

Изменение структуры населения в России в 2002 – 2014 годы характеризовалось сокращением численности младших возрастных групп и увеличением числа лиц, достигших пенсионного возраста, в структуре экономически активного населения. По данным Всероссийской переписи населения, в 2010 году каждый восьмой россиянин находился в возрасте 65 лет и старше, а средний возраст жителей страны составил 39 лет [1]. Наиболее высокий средний возраст населения, который был выше 41 года, отмечен в Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Псковской, Тверской областях, Санкт-Петербурге и Москве. По данным Всероссийской переписи населения, в 2010 году больше всего жителей проживало в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах, где сосредоточено более 60 % населения страны. В 2014 году средний возраст населения в России приближался к 40 годам [2].

Возрастная специфика структуры населения регионов в России характеризуется тремя типологическими группами территорий. К первой группе относятся территории с высокой долей младших возрастных групп, где демографический переход не завершен, сохраняется высокий уровень рождаемости населения (Северо-Кавказский и Южный федеральные округа). Ко второй группе примыкают территории с высокой долей населения средних возрастных групп и повышенной долей детей из-за миграционного прироста в предыдущие годы (Приволжский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа). Третью группу представляют территории с постаревшей структурой населения и невысокой долей детей, высоким уровнем смертности и ярко выраженными депопуляционными процессами (Северо-Западный, Центральный, Уральский федеральные округа) [3]. Для каждого типа территорий страны социально-экономическая стратегия адаптации и развития занятости имеет свою характерную специфику, зависящую от доли младших возрастных групп в структуре экономически активного населения.

На динамику воспроизводственных процессов экономически активного населения территорий страны оказывают влияние следующие факторы: социально-экономический, культурно-этнический, урбанизационный. Социально-экономический фактор является приоритетным в формировании динамики воспроизводства населения. Специфика этого фактора на региональном уровне вызвана дифференциацией механизмов государственной социальной поддержки населения, инновационной активностью и инвестиционной привлекательностью регионов для бизнеса, социальным и экономическим неравенством в развитии территорий.

Многонациональное население России является носителем определенных установок демографического и экономического поведения, значительно дифференцирующихся на территориях страны, усложняя социально-экономический анализ воспроизводственных процессов. Культурно-этнический фактор предопределяет

тенденции роста или сокращения численности населения регионов страны на основе национальных традиций и обычаев. Усиление урбанизационных процессов, разные установки репродуктивного поведения городского и сельского населения приводят к снижению темпов естественного прироста населения, сокращают численность работников. В стране сохраняется следующая устойчивая тенденция: рост рождаемости сельского населения опережает темпы роста городского.

Миграция способствует компенсации снижения уровня рождаемости в стране в краткосрочной и среднесрочной перспективе, увеличивает численность профессиональных групп, расширяя возможности развития структуры занятости территорий. Фактор миграции имеет характерную противоречивость, поэтому требует жесткого государственного контроля, социальной инфраструктуры, механизмов адаптации и социализации мигрантов.

Демографическая ситуация в стране характеризуется спецификой, заключающейся в разбалансированности темпов развития демографической и экономической подсистем воспроизводственных процессов. Численность населения в стране под воздействием демографического фактора неустойчива, что вызывает периодические изменения структуры предложения профессиональных групп. Территории страны, имеющие существенные различия по степени развития демографических процессов, формируют разный уровень обеспеченности регионов страны профессионально-квалификационными группами.

Переход национальной экономики к интенсивным воспроизводственным процессам и демографическое старение профессионально-квалификационной структуры населения в стране приводят к социально-экономическому противоречию; увеличение возраста экономически активного населения снижает его уровень восприимчивости к инновациям. Противоречия развития занятости меняют модель экономического роста в стране, обеспечивают разную динамику воспроизводственных процессов территорий. Численность населения в России за 1992 – 2014 годы сократилась на 3 % в результате естественной убыли населения, несмотря на положительную динамику миграционного прироста. Число лиц, живущих в городах, в 2014 году увеличилось до 74 % от общей численности населения в России за счет урбанизационных процессов. Доля городских жителей в Северо-Западном, Центральном, Уральском федеральных округах страны составляла около 80 % от общей структуры населения этих территорий [3].

Сокращение численности населения страны в результате уменьшения естественного прироста за 2002 – 2014 годы составило в федеральных округах: Дальневосточном на 7 %, Приволжском и Сибирском – на 4 %, Северо-Западном и Уральском – на 2 %. В 2014 году удельный вес молодежи в структуре населения составил 17 %, а лиц старше трудоспособного возраста – 24 % в общей структуре населения, что формирует специфику структуры предложения профессионально-квалификационных групп на рынке [3]. Формирующаяся динамика воспроизводственных процессов экономически активного населения сопровождается ростом уровня расходов бизнеса и государства на повышение профессиональных навыков, социализацию и поддержку здоровья наемных работников по федеральным целевым программам «Здоровье», «Образование», «Развитие АПК», «Соотечественник».

© Смирнова Т.Л. Текст. 2016

Список источников

1. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. / Росстат. – М.: ИИЦ Статистика России, 2011. – С.7 – 9.
2. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693с.

3 Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.04.2016).

Информация об авторе

Смирнова Татьяна Леонидовна (Россия, Северск) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента Северского технологического института – филиала Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Россия, 636036, г. Северск, пр. Коммунистический, 65; e-mail: ctl2002@mail.ru).

Smirnova T. L.

FORMATION OF DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

The dynamics of the demographic situation under the influence of fertility, mortality and migration increase, affecting the employment structure of professional groups in Russia was analyzed. Regional trends of reducing the country's population in 2002 – 2014 years were shown.

Keywords: demographics, fertility, mortality, migration, professional and qualificational groups, population.

Information about the author

Smirnova Tatiana Leonidovna (Russia, Seversk) – Associate professor, Chair of Economy, Finance, Management, Seversk Technological Institute – branch of State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Nuclear University «MEPhI» (Russia, 636036, Seversk, st. Communist, 65, tel. +7(3823)780255, fax. +7(3823)780259; e-mail: ctl2002@mail.ru).

УДК 314.04+314.87+314.88

С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА, 1990-2013 гг. *

В статье представлена динамика основных составляющих воспроизводства населения Сибирского федерального округа за период 1990-2013 гг. Отмечается, что несмотря на несомненные успехи России в демографической сфере в последние годы выход из депопуляции может носить кратковременный характер.

Ключевые слова: воспроизводство населения, депопуляция, демографический потенциал, возрастная структура, старение населения.

Несмотря на общую направленность демографических изменений в большинстве регионов России, демографические показатели, характеризующие процессы воспроизводства на отдельных территориях, могут сильно различаться. Культурно-исторические, социально-экономические, природно-климатическим условия и другие особенности регионов по-разному воздействуют на течение демографических процессов. Сибирский федеральный округ (СФО) характеризуется в целом более высокой

* Статья подготовлена по плану НИР Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в рамках приоритетного направления XI.179 (проект XI.179.1.1)

рождаемостью, смертностью и более молодой возрастной структурой населения по сравнению с большинством других федеральных округов.

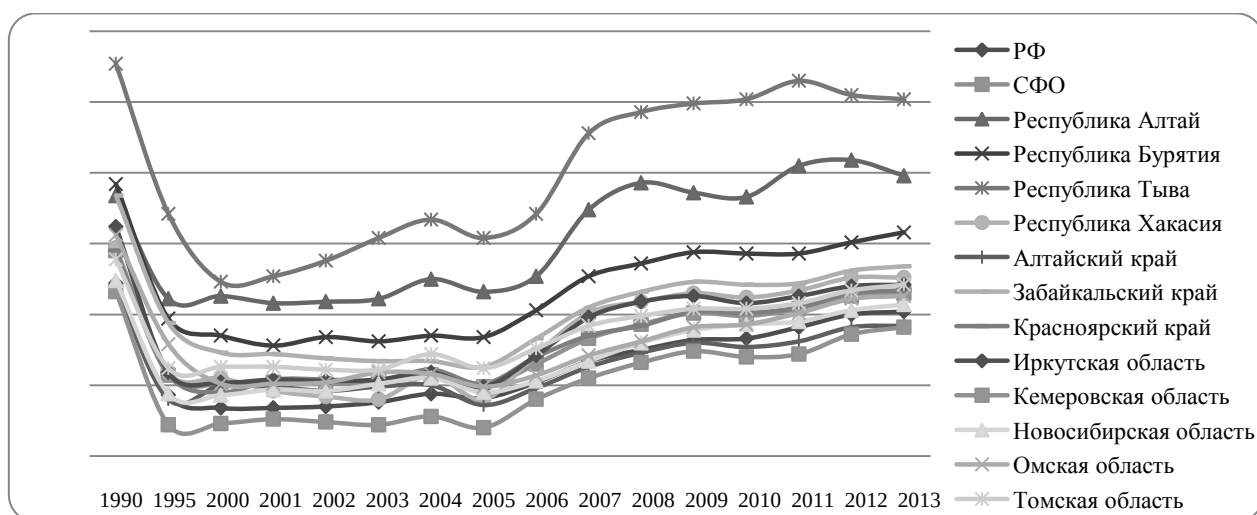
Динамика демографического потенциала регионов Сибири оценивалась с помощью следующих показателей: коэффициент естественного прироста населения; суммарный коэффициент рождаемости; ожидаемая продолжительность жизни; число прерываний беременности (абортов) на 100 родов; коэффициент демографической нагрузки; коэффициент замещения поколений (численность детей на 1000 человек старше трудоспособного возраста).

После распада СССР и проведения либеральных реформ в России демографический потенциал регионов СФО был существенным образом подорван. Резко снизились показатели рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, значительно ухудшилось здоровье сибиряков. Отрицательный естественный прирост в течение многих лет держался на уровне 100 тыс. человек и внес решающий вклад в снижение численности населения. За два межпереписных периода 1989-2010 гг. численность населения СФО сократилась на 1,8 млн человек, или на 8,6%.

Однако, начиная с 2006 г., в СФО, как и по России в целом, наблюдались положительная динамика демографических показателей, рост рождаемости и снижение смертности, что было связано как с общим улучшением в результате оживления экономики, так и с повышенным вниманием, оказанном демографической и социальной сфере со стороны как федеральных, так и региональных властей, а также со структурными факторами.

Естественная убыль в СФО в этот период стала быстро уменьшаться: с более чем 100 тыс. человек в 2005 г. до 13 тыс. человек в 2008 г. А в 2009 г. СФО после длительного периода депопуляции впервые после 1992 г. вышел на положительный естественный прирост, для сравнения – РФ добилась этого в 2013 г.

На фоне незначительного превышения нулевого уровня естественного прироста для большинства из рассматриваемых территорий в последние годы положительный естественный прирост на всем рассматриваемом промежутке наблюдался только в республиках Алтай и Тыва за счет высокого уровня рождаемости среди коренного населения (рис. 1).

Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 1. Динамика коэффициентов естественного прироста населения по субъектам СФО за период 1990-2013 гг., на 1000 человек населения

С 2006 г. к ним присоединилась Республика Бурятия. Таким образом, при среднем, например в 2013 г., по СФО коэффициенте естественного прироста населения, равном

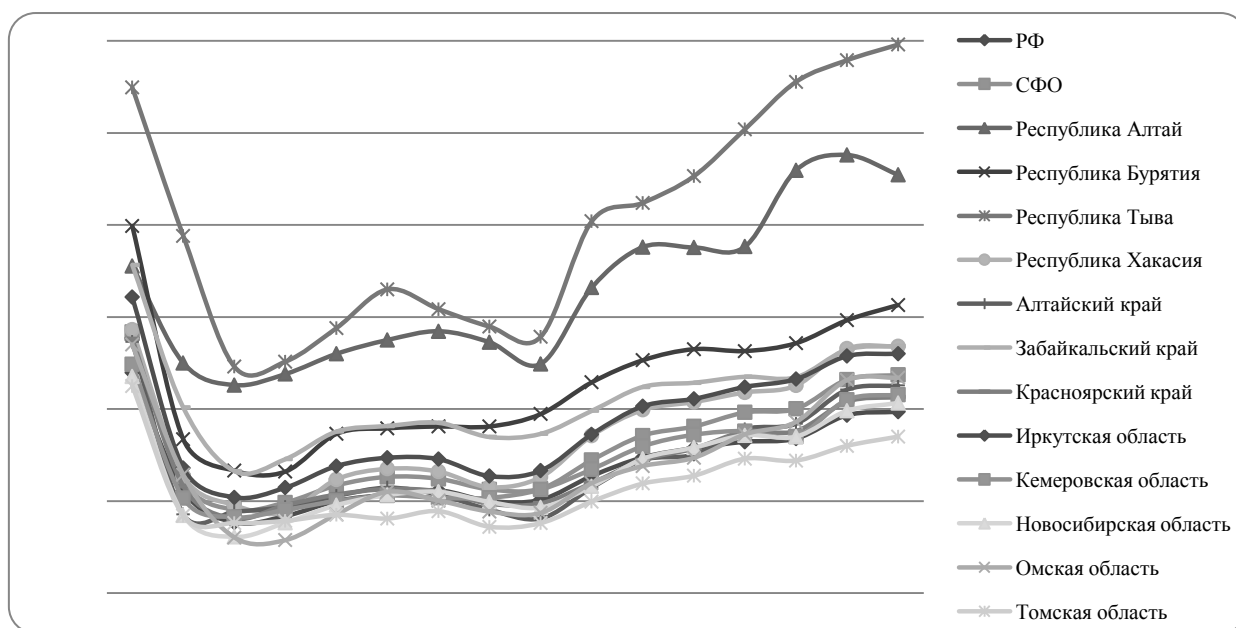
1,5‰ (в РФ – 0,2‰), значительный естественный прирост населения за счет высокого уровня рождаемости происходил в таких субъектах, как Республика Тыва – 15,2‰ и Республика Алтай – 9,8‰, где проживает коренное население СФО. Наибольшими темпами за счет естественной убыли сокращалось население в регионах преимущественного проживания русского населения: в Кемеровской области, Алтайском крае и Новосибирской области, особенно в сельской местности. По данным за 2014 г., отрицательный естественный прирост в СФО продолжает сохраняться только в Кемеровской области и Алтайском крае.

После очень резкого падения с конца 1980-х по начало 1990-х гг. суммарный коэффициент рождаемости в СФО в период 1993-2006 гг. держался на уровне 1,4 и ниже. Меры, предпринятые для поддержки рождаемости как на федеральном, так и на региональном уровне, имели в качестве результата рост суммарного коэффициента рождаемости, особенно значительный в национальных республиках Сибири и в сельской местности.

Республика Тыва занимает по рождаемости первое место в стране с суммарным коэффициентом рождаемости в 2014 г. 3,5, оставив позади северо-кавказские республики, в том числе бывшего лидера по рождаемости – Чеченскую Республику (2,9). Причем в 2005 г., еще до принятия этих мер, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Тыва был ниже уровня простого воспроизводства и составлял 2,1. Таким образом, рост показателя за период 2005-2014 гг. составил 67% и означает переход к расширенному воспроизводству населения.

Следует отметить, что с 2010 г. рождаемость сельского населения Сибири превысила уровень простого воспроизводства с суммарным коэффициентом рождаемости, равным 2,31, и продолжает расти, выйдя в 2014 г. на уровень 2,9. Однако за счет значительно более низкого показателя в городах (1,6) общий суммарный коэффициент рождаемости для всего населения СФО (1,9) пока не вышел на уровень простого воспроизводства. Тем не менее, за период 2005-2014 гг. он увеличился почти в 1,5 раза, и его рост составил 46%.

В результате в 2013 г. для всех территорий, кроме республик Тыва, Алтай и Бурятия, отношение суммарного коэффициента рождаемости к показателю, обеспечивающему простое воспроизводство населения, ниже единицы, а для Томской области этот показатель не достигает даже 80% уровня простого воспроизводства (рис. 2).

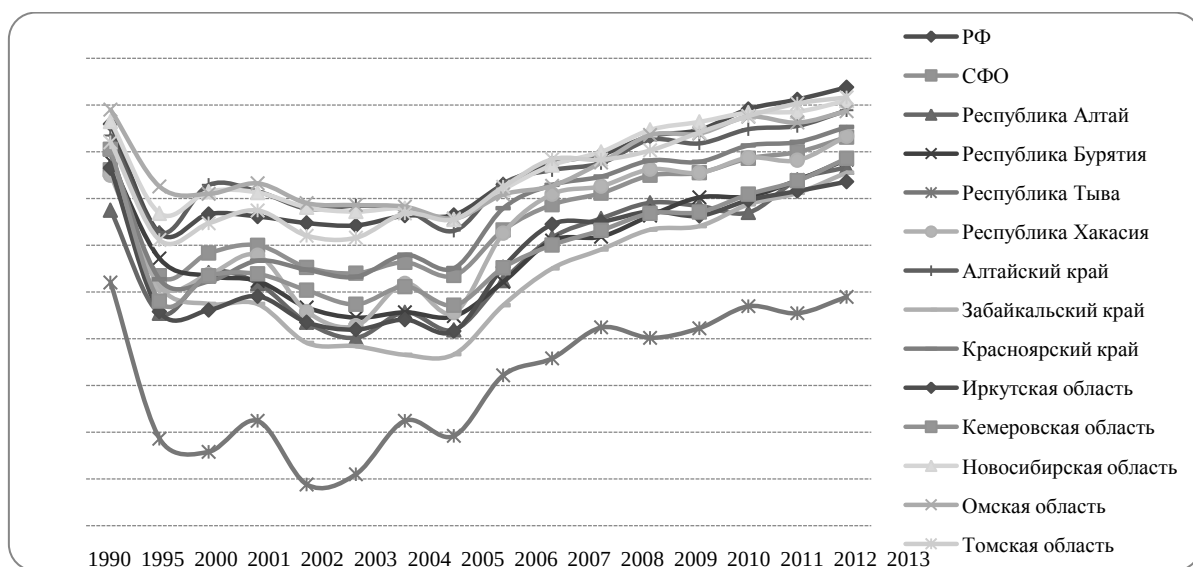
Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 2. Динамика отношения суммарного коэффициента рождаемости к уровню рождаемости, обеспечивающему простое воспроизводство населения, по субъектам СФО за период 1990-2013 гг., раз

Быстрый рост смертности в начале 1990-х гг. привел к интенсивному сокращению ожидаемой продолжительности жизни. Особенно резкое ее падение произошло при переходе от 1992 к 1993 г. Совершенно очевидна четкая и незамедлительная реакция этого показателя на ухудшение условий существования. Системный кризис 1990-х гг. оказал сильнейшее стрессовое воздействие на население, повлек за собой расширение масштабов и углубление бедности, обнищание государственного здравоохранения, ухудшение санитарно-гигиенической обстановки, рост насильственной смертности, преступности и числа самоубийств. Только к 2012 г., то есть через четверть века, ожидаемая продолжительность жизни в России превзошла дореформенный максимум 1987 г. и продолжает расти. Однако в СФО данный показатель в среднем на 2 года ниже общероссийского (рис. 3).

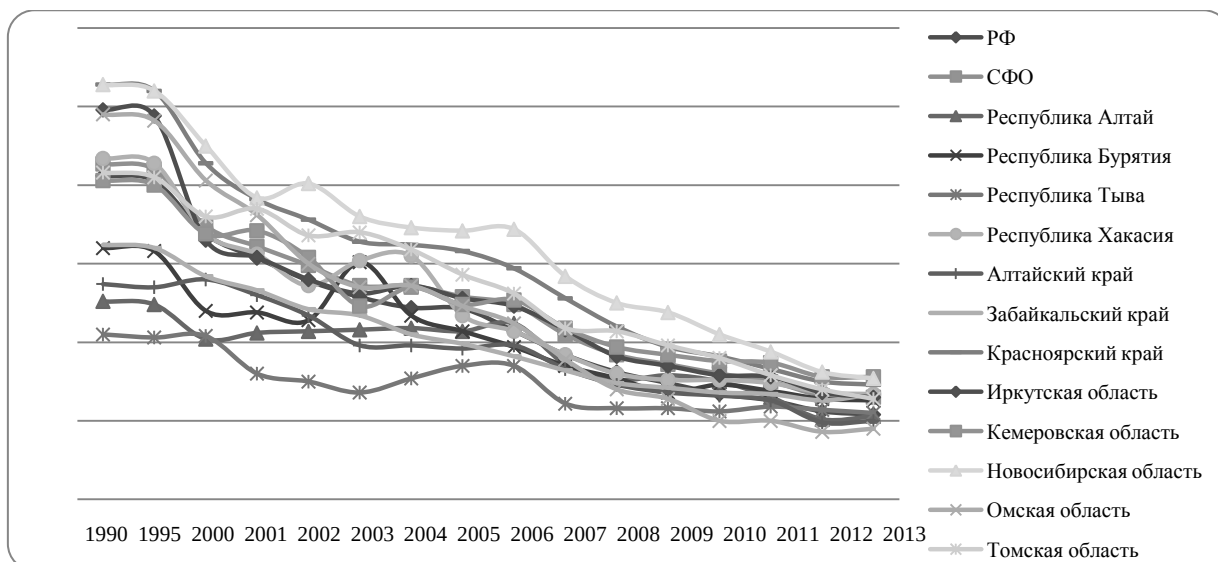
На фоне всех остальных территорий СФО резко негативно выделяется Республика Тыва, которая с большим отрывом занимает предпоследнее место в стране по ожидаемой продолжительности жизни. Хуже ситуация только в Чукотском автономном округе, где в последнее десятилетие она постоянно и существенно ухудшалась в отличие от положительных тенденций по всей стране. Так, если средняя по СФО ожидаемая продолжительность жизни в 2013 г. была 68,6 года, в Томской и Новосибирской областях – превысила 70 лет, то в Республике Тыва составляла только 61,8 года.

Несмотря на значительное сокращение, продолжает оставаться очень большим число аборт, которые весьма существенно (в два и более раз) снижают текущую рождаемость (рис. 4), и это – важнейший интегральный показатель социального неблагополучия. Аборты также негативно воздействуют на будущую рождаемость через рост заболеваемости репродуктивной сферы, в том числе бесплодия и проблем с вынашиванием и рождением детей в будущем, ослабляют здоровье будущих матерей и их новорожденных детей.

Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни по субъектам СФО за период 1990-2013 гг., лет

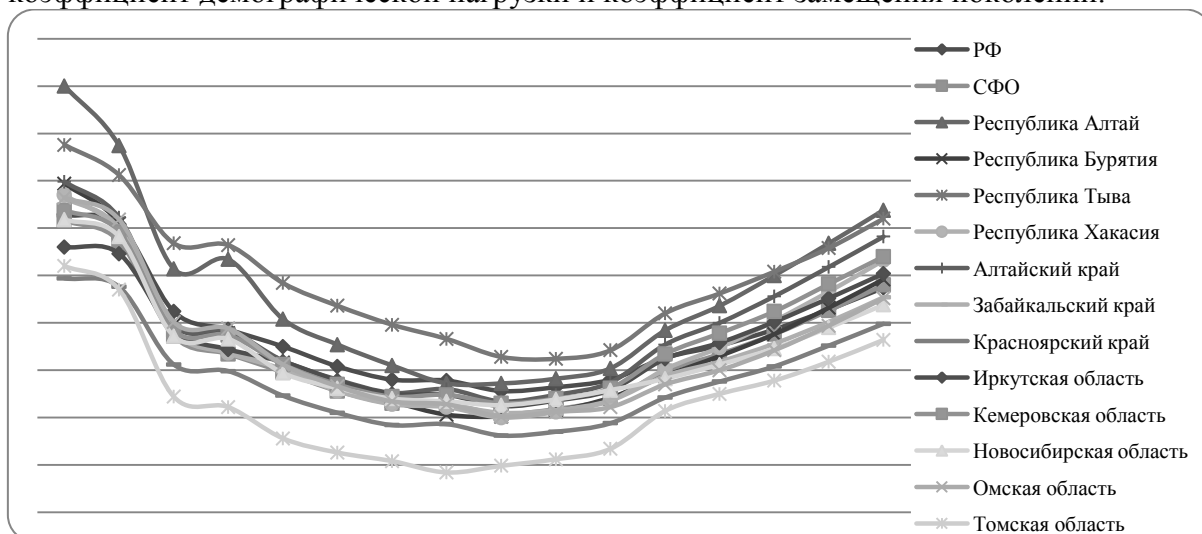
Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 4. Динамика числа прерываний беременности (абортов) на 100 родов по субъектам СФО за период 1990-2013 гг.

Только с 2007 г., причем по неполным данным официальной статистики, не считая аборт, которые производятся в частных клиниках, а также фармакологических безоперационных абортов на ранних сроках, число абортов в РФ стало меньше числа родов. В СФО ситуация еще хуже, чем в среднем по России. Даже на фоне этих высоких показателей особо выделяется Новосибирская область, которая в последние годы устойчиво держалась в первой тройке по всем субъектам Федерации, а в 2002 и 2006 гг. (соответственно 201 и 172 аборт на 100 родов) занимала первые места в стране. Самые низкие показатели прерванных беременностей на 100 родов в последние годы были в Омской области и республиках Тыва и Алтай.

Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции в стране не было бы. Оценка демографических потерь, связанных с абортами, показывает огромные резервы восстановления численности российского населения в XXI веке и возможности роста его демографического потенциала.

Тенденции, сложившиеся в воспроизводстве населения, оказали влияние на формирование показателей, характеризующих структуру населения регионов: коэффициент демографической нагрузки и коэффициент замещения поколений.

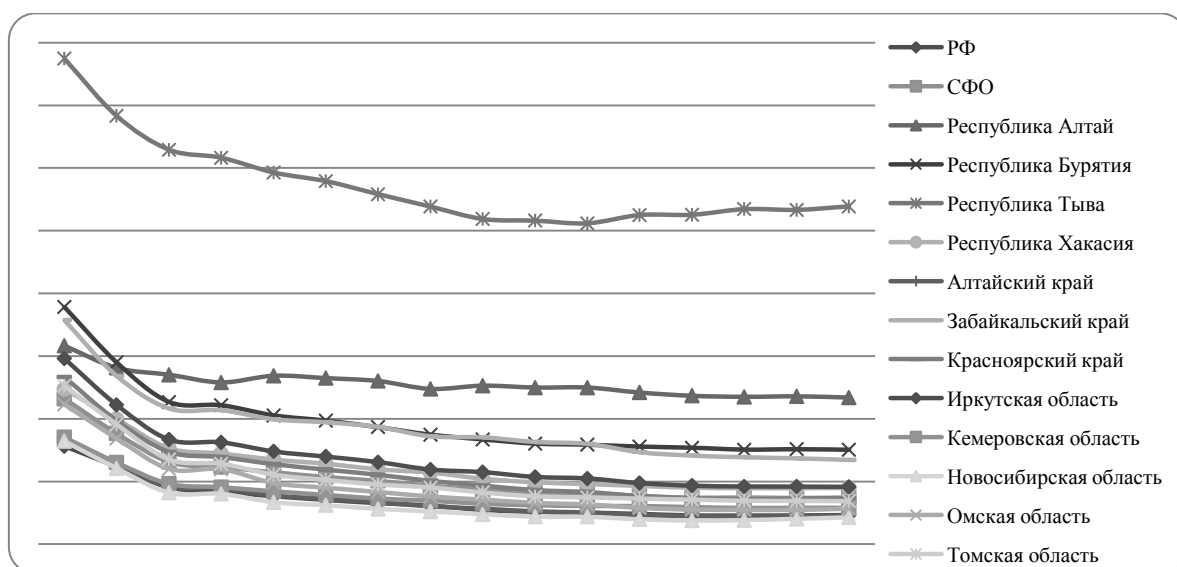

Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 5. Динамика коэффициента демографической нагрузки в субъектах СФО за период 1990-2013 гг., на 1000 человек населения трудоспособного возраста

Начиная с 2007 г., после длительного сокращения коэффициента демографической нагрузки, этот показатель в результате роста рождаемости и сокращения смертности населения, а также абсолютного и относительного сокращения численности населения трудоспособного возраста начал расти в СФО. Самого высокого уровня в 2013 г. он достигал в республиках Алтай – 769 и Тыва – 760, причем важной составляющей его являлась нагрузка детьми, связанная с относительно высоким уровнем рождаемости в этих регионах и обеспечивающая в будущем рост численности населения трудоспособного возраста (рис. 5). Самый низкий уровень коэффициента демографической нагрузки наблюдался в Томской области и Красноярском крае, составляющий в 2013 г. соответственно 632 и 649 человек на тысячу человек населения трудоспособного возраста. Изменение коэффициента демографической нагрузки имеет важные последствия для межпоколенных трансфертов и для социального обеспечения, приводит к изменению ВРП и объема бюджетных расходов на душу населения со всеми вытекающими из этого последствиями изменения уровня благосостояния населения территории.

Что касается динамики коэффициента замещения, то он на протяжении всего рассматриваемого периода сокращался почти для всех территорий (рис. 6). Так, для СФО в целом он сократился с 1660 в 1990 г. до 872 в 2013 г. Самый высокий его уровень, по данным за 2013 г., наблюдался в республиках с высоким уровнем рождаемости: в Республике Тыва – 3194 и Республике Алтай – 1669. На большей части всех остальных территорий коэффициент замещения в настоящее время находится на уровне 700-900 детей на тысячу человек населения старше трудоспособного возраста.

Источник: Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 1993-2014.

Рис. 6. Динамика коэффициента замещения по субъектам СФО за период 1990-2013 гг., на 1000 человек населения старше трудоспособного возраста

Таким образом, достигнутые успехи в преодолении депопуляции еще весьма кратковременны и неустойчивы, и положительная динамика не дает основания для успокоения, поскольку она произошла в значительной степени из-за структурных сдвигов. Численность женщин репродуктивного возраста росла за счет родившихся в последнюю волну увеличения рождаемости в 1980-е годы, что не могло не оказать влияния на увеличение числа родившихся в стране. Одновременно сокращалось число пожилых

людей за счет вступления в возраст старше трудоспособного малочисленных родившихся в годы войны, что в свою очередь оказало влияние и на сокращение числа умерших, так как на возрастные группы после 60 лет приходится основная масса смертей.

В настоящее время в связи с особенностями российской возрастной структуры населения, которая всегда играет большую роль в демографических процессах, происходят значительные изменения: активные репродуктивные контингенты пополняются за счет малочисленных родившихся в 1990-х годах, с худшим здоровьем, в том числе репродуктивным, а в возраст старше трудоспособного вступают относительно многочисленные родившиеся в годы послевоенного роста рождаемости. В 2025 г. в России будет почти в два раза меньше женщин самых активных фертильных возрастов (20-29 лет), чем в 2010 г.

Поэтому основные негативные тенденции в изменении демографического потенциала уже заложены сложившейся половозрастной структурой населения и теми особенностями демографической ситуации, которые сложились в последнее десятилетие XX века. Именно они будут в будущем оказывать существенное влияние на сокращение демографического потенциала восточных регионов России и иметь долговременные как демографические, так и социально-экономические последствия.

© Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Текст. 2016

Информация об авторах

1. Соболева Светлана Владимировна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17. e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru).

2. Смирнова Наталья Евстафьевна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.).

3. Чудаева Ольга Владимировна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.).

Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF SIBERIAN FEDERAL DISTRICT REGIONS, 1990-2013

In the article the dynamics of basic constituents of population reproduction of the Siberian federal district is presented for period 1990-2013. It is marked, that in spite of undoubted successes of Russia in a demographic sphere the last years, an exit from depopulation can be transitory.

Keywords: population reproduction, depopulation, demographic potential, age structure, ageing of population

Information about the authors

1. Soboleva Svetlana Vladimirovna (Russia, Novosibirsk) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 630090, Novosibirsk, Ac. Lavrentiev av., 17; e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru).

2. Smirnova Natalia Evstafievna (Russia, Novosibirsk) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 630090, Novosibirsk, Ac. Lavrentiev av., 17.

3. Chudaeva Olga Vladimirovna (Russia, Novosibirsk) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 630090, Novosibirsk, Ac. Lavrentiev av., 17).

УДК 314.18

С.А. Сукнёва

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ*

В статье рассматриваются вопросы сохранения и развития демографического потенциала региона. Дано обоснование структуры и компонентов формирования демографического потенциала. Проанализированы изменения основных характеристик демографического потенциала Северо-Востока России за период с 1990 по 2014 гг.

Ключевые слова: Северо-Восток России, население, демографический потенциал, рождаемость, продолжительность жизни, миграция.

Демографический потенциал как совокупность ресурсных возможностей воспроизводства населения является важным фактором не только демографического, но и регионального социально-экономического развития. Основные группы факторов, формирующих демографический потенциал, обусловлены характером протекания демографических процессов. Прежде всего, это численность и структура населения по различным демографическим признакам. В то же время важно подчеркнуть, что происходящие демографические процессы зависят не только от количества и распределения населения по различным демографическим признакам, но также и демографического поведения населения. В процессе смены поколений происходит возобновление численности и структуры населения, а также изменение стандартов и норм демографического поведения [1]. Поскольку демографический потенциал реализуется через протекающие в регионе демографические процессы, структурный и поведенческий факторы его формирования носят опосредованный характер, а интенсивность протекания демографических процессов на предстоящий период времени определяется сформировавшимися к настоящему времени структурой населения и его поведенческими установками. Демографический потенциал населения представляет собой заложенные в структуре и определяемые демографическим поведением совокупные способности к воспроизводству [2]. Эти потенциальные возможности обусловлены региональными демографическими процессами, зависящими от особенностей возрастно-половой, брачной и миграционной структуры населения и демографического поведения. Условия проживания и быта, а также особенности занятости населения, проживающего в суровых природно-климатических условиях Севера, формируют традиции демографического поведения. К основным группам факторов, определяющих формирование демографического потенциала, относятся численность населения, структура по различным демографическим признакам, демографическое поведение и региональные особенности протекания демографических процессов (рис.).

Демографическая структура характеризует половозрастной, брачный и миграционный состав населения. В группу факторов, определяющих демографическое поведение, входят репродуктивное, матримониальное, миграционное и витальное поведение. Численность населения определяется процессами рождаемости, смертности и

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (Проект № 01201460077).

безвозвратной миграцией. Кроме прямого влияния на численность населения безвозвратная миграция изменяет демографическую структуру населения. Ввиду того, что в миграционных потоках преобладает молодое население, миграция вносит существенные изменения также и в возрастное распределение населения. Значительный миграционный отток приводит к диспропорциям в составе населения по полу и возрасту, что неблагоприятно сказывается на воспроизводстве населения.

Рис. Схема формирования демографического потенциала

На территории Северо-Востока России расположены Республика Саха (Якутия) (РС(Я)), Магаданская область, Чукотский автономный округ и Камчатский край с национально-автономным образованием Корякский автономный округ. Данная территория всегда отличалась слабой заселенностью. На площади в 4774,6 тыс. кв. км на начало 2015 г. проживало всего 1473 тыс. чел., что составляет 1,01% от численности населения РФ. Наибольшим числом жителей обладает Якутия – 957тыс. чел. (65% населения региона), второй по численности – Камчатский край – 317 тыс. (21,5%). В Магаданской области проживает 148 тыс. (10,0%), и самой малонаселенной территорией является Чукотский автономный округ – 51 тыс. чел. (3,5%). В течение последней четверти века на рассматриваемой территории отмечается значительная убыль населения. С 1990 г. население уменьшилось на 31,2% (с 2140 тыс. чел. до 1473 тыс. чел.). Наибольшие потери зафиксированы в Чукотском АО (68,5%) и Магаданской области (62,1%). Относительно меньше жителей потеряли Камчатский край (33,5%) и РС(Я) (13,9%). Сформировавшаяся тенденция к сокращению населения сохранилась на всей территории Северо-Востока, исключением стала лишь Якутия, где в последние годы отмечается небольшой рост населения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения, 1990-2016 гг. (на начало года), тыс. чел.

Регион	1990	1995	2000	2005	2010	2014	2015	2016/1990
Российская Федерация, млн чел.	147,7	148,5	146,9	143,8	142,8	143,7	146,3	0,99
Дальневосточный федеральный округ	8045	7518	6913	6538	6320	6227	6211	0,77
Северо-Восточный регион	2140	1822	1599	1523	1482	1476	1473	0,69
Республика Саха (Якутия)	1111	1037	963	953	949	955	957	0,86
Камчатский край	477	422	372	344	323	320	317	0,66
Магаданская область	390	267	202	174	159	150	148	0,38

Регион	1990	1995	2000	2005	2010	2014	2015	2016/1990
Чукотский автономный округ	162	96	62	52	51	51	51	0,31

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2015.– С. 237.

Демографическая специфика рассматриваемого региона определяется малочисленностью населения и чрезвычайно неравномерным размещением на огромной территории. Причинами этого являются особенности освоения и заселения северных и восточных регионов страны, а также значительная неоднородность социально-экономической среды [1]. Немаловажны также структурные особенности и этническое своеобразие населения, которое сформировалось под влиянием миграции и высокой рождаемости при сохранении традиционной модели демографического поведения коренных народов, населяющих эти территории. Именно в национальных автономных округах самые высокие уровни рождаемости населения, что подтверждается показателями суммарного коэффициента (табл. 2). Более двух детей в среднем на одну женщину репродуктивного возраста приходится в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе. Увеличение числа рождений в последние годы определяется благоприятным возрастным составом населения, так как в активный репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение родившихся в середине 1980-х гг., когда проводились меры активной пронаталистской политики, а также мерами федеральной и региональной демографической политики и улучшением социально-экономической ситуации в стране.

Таблица 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения

Регион	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013г.	2014 г.
Российская Федерация	1,89	1,20	1,29	1,57	1,71	1,75
Дальневосточный федеральный округ	2,07	1,26	1,42	1,63	1,68	1,87
Республика Саха (Якутия)	2,46	1,77	1,73	2,00	2,17	2,25
Камчатский край	1,69	1,2	1,41	1,51	1,77	1,85
Магаданская область	1,89	1,25	1,36	1,44	1,69	1,66
Чукотский АО	2,09	1,58	1,91	1,89	1,91	2,04

Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31517>

Показатели смертности населения региона отличаются от среднероссийских более высоким уровнем смертности от внешних причин, а также мужской смертности в трудоспособном возрасте [3]. Снижение смертности населения в последние годы положительно сказалось на повышении средней ожидаемой продолжительности жизни населения. С 1990 г. данный показатель вырос в Российской Федерации на 1,7 года и составил в 2014 г. 70,9 года (табл. 3).

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, оба пола, число лет

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	Прирост
Российская Федерация	69,2	64,5	65,3	65,4	68,9	70,9	1,7
Дальневосточный федеральный округ	67,2	61,8	63,2	62,2	65,8	68,2	1,0
Республика Саха (Якутия)	66,2	62,2	63,7	64,7	66,8	69,8	3,6
Камчатский край	65,9	61,0	63,3	63,2	65,8	68,1	2,2

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	Прирост
Магаданская область	66,2	60,1	62,0	62,5	65,1	67,2	1,0
Чукотский автономный округ	68,0	59,8	60,2	58,5	57,5	62,3	-5,7

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2015. – С. 242.

В Республике Саха (Якутия) продолжительность жизни выше средних показателей по ДФО, здесь также отмечается самый большой прирост продолжительности жизни (3,6 года). Самая низкая средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Чукотском АО, составившая в 2014 г. лишь 62,3 года. По сравнению с 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни здесь сократилась на 5,7 года.

Основными причинами смертности населения региона являются болезни системы кровообращения, внешние причины и онкологические заболевания [3]. Причем для мужчин молодого возраста на первом месте стоят насильственные смерти. Анализ среднего возраста умерших показал, что смертность от внешних причин наступает значительно раньше по сравнению с показателем среднего возраста смерти от всех причин. Например, по расчетам 2014 г. в Республике Саха (Якутия) мужчины в среднем не доживают 21,1, а женщины 28,1 года до средней продолжительности жизни (табл. 4).

Таблица 4

Средний возраст смерти от основных классов причин смертности населения, число лет, 2014 г.

Регион	Все причины		Болезни системы кровообращения		Онкологические заболевания		Внешние причины	
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.
Российская Федерация	65,2	76,3	70,8	79,8	67,7	69,8	46,0	53,3
Дальневосточный федеральный округ	62,6	74,0	68,8	78,3	66,9	68,9	44,0	49,6
Республика Саха (Якутия)	64,3	75,4	69,6	78,3	69,4	71,5	43,2	47,3
Камчатский край	55,9	73,8	58,8	76,8	64,8	69,8	42,5	49,8
Магаданская область	54,8	73,1	58,8	77,0	63,3	68,0	42,0	42,7
Чукотский АО	54,8	56,2	64,6	58,1	44,8	67,4	38,2	34,6

Составлено: Приложение к Демографическому ежегоднику России 2015: стат.сб./ Росстат. – М., 2015.

Анализируя демографический потенциал Северо-Востока, помимо рождаемости и смертности необходимо особо выделить безвозвратную миграцию, играющую важную роль в изменении численности и состава населения. В регионах с интенсивным миграционным обменом, к которым относятся северные и арктические территории России, роль миграции в формировании населения в отдельные периоды времени является определяющей по сравнению с естественным приростом. В период активного хозяйственного освоения Севера (60–80-е годы XX века) формирование населения в значительной мере определялось миграцией [4]. В начале 1990-х годов изменения социально-экономических и политических условий в стране повлекли за собой массовый отток населения, следствием которого явилось значительное ухудшение количественных и качественных характеристик населения региона.

Для Северо-Востока России на протяжении многих десятилетий характерной чертой формирования населения было доминирующее влияние миграционного прироста. Миграция и сейчас остается основной причиной сокращения численности, однако в двухтысячные годы влияние данного фактора заметно уменьшилось. Проблемы

демографического развития заключаются в негативных изменениях динамики численности населения, что связано с трансформациями системы расселения населения, изменением вклада естественного и миграционного приростов (убыли) в формирование населения. Рост смертности населения, особенно мужчин трудоспособного возраста, вместе со снизившейся рождаемостью стали причиной естественной убыли населения Магаданской области, Камчатского края (табл. 5). В Республике Саха (Якутия) регистрируется стабильный естественный прирост в результате сохранения высокого уровня рождаемости и снижения смертности населения. Вместе с тем именно миграция является основной причиной сокращения населения Северо-Востока страны.

Таблица 5

Динамика компонентов изменения численности населения: естественный (ЕП) и миграционный прирост (МП) (убыль), на 1000 чел. населения

Регионы	1990 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2014 г.	
	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ЕП(У)	МП(У)
Российская Федерация	2,2	1,9	-6,6	2,5	-5,9	2,0	-1,7	1,9	0,2	7,9
Дальневосточный федеральный округ	7,2	-4,9	-3,5	-8,3	-3,9	-8,1	-0,6	-4,9	1,4	-4,0
Республика Саха (Якутия)	12,7	-6,0	4,0	-9,2	4,0	-2,8	7,0	-7,1	9,2	-7,0
Камчатский край	6,2	-2,7	-1,7	-14,3	-1,5	-19,9	-0,6	-4,1	1,7	-9,8
Магаданская область	8,0	-22,9	-2,1	-38,4	-2,6	-17,9	-1,5	-14,1	0,3	-15,3
Чукотский АО	10,1	-35,5	1,9	-70,4	3,8	7,2	0,9	-17,4	2,8	-3,1

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2015. – С. 241.

Таким образом, анализ демографического потенциала Северо-Востока России выявил особенности демографической динамики, состоящей в резком сокращении численности населения. Установлено, что миграция явилась не единственной причиной сокращения населения, для региона характерна также естественная убыль, определяемая превышением смертности над рождаемостью. Ввиду высокой инерционности демографических процессов для укрепления демографического потенциала первоочередной задачей становится сглаживание сложившихся негативных тенденций. Намечившаяся положительная динамика в повышении рождаемости требует дополнительных мер поддержки, в том числе и существенных материальных вложений. В настоящее время в связи с исчерпанием потенциала возрастной структуры необходимы изменения в демографическом поведении населения. Наиболее важными из них, на наш взгляд, являются сокращение безвозвратной и регулирование внутрирегиональной миграции, повышение самосохранительной культуры населения, улучшение здоровья и снижение потерь от предотвратимой смертности и сверхсмертности мужского населения, а также снижение безбрачия, укрепление института семьи и повышение потребности семей в детях с целью достижения массовой среднететности. Укреплению демографического потенциала воспроизводства населения будут способствовать также улучшение социально-экономических условий и повышение качества жизни населения Северо-Востока России.

© Сукнёва С.А. Текст. 2016

Список источников список

1. Будущее Республики Саха (Якутия): в 5 книгах. – Кн. 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. – Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2015.
2. Сукнёва С.А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010.
3. Сукнёва С.А. Смертность населения в Республике Саха (Якутия) // Вопросы статистики. – 2009. – № 8. – С. 50-55.
4. Sukneva S.A., Barashkova A. S. Demographic development and marital status of the population of the Russian Northeast, 1990–2011 // Sibirica. – Vol. 13, No 2, Summer.

Информация об авторе

Сукнёва Светлана Александровна (Россия, Якутск) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677000, г. Якутск, пр. Ленина, 1; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru).

Sukneva S.A.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE RUSSIAN NORTHEAST

The article discusses the issues of saving and development of demographic potential of the region. The basic components of creation a regional demographic potential are presented. Changes in the basic characteristics of the demographic potential of the North-East of Russia has been analyzed for the period 1990 to 2014.

Keywords: Russian Northeast, population, demographic potential, fertility, life expectancy, migration.

Information about the author

Sukneva Svetlana A. (Russia, Yakutsk) – Doctor of Economic Sciences, Chief researcher Scientific Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University M.K. Ammosov (Russia, 677000, Yakutsk, Prospekt Lenina, 1; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru).

УДК 314.8

С.А. Сухинин

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматривается демографический потенциал Ростовской области исходя из особенностей воспроизводства населения. Проводится сравнение с другими регионами Юга России, выявляются внутрирегиональные особенности воспроизводства населения области и определяются перспективные их изменения.

Ключевые слова: демографический потенциал, воспроизводство населения, Ростовская область, депопуляция, демографические процессы, демографическая политика.

Ростовская область является одним из крупнейших регионов Юга России, занимая второе по численности населения (4,2 млн чел.) место, уступая Краснодарскому краю [2]. Демографический потенциал области определяется численностью населения и характером его воспроизводства, которое имеет ряд особенностей.

Динамика численности населения Ростовской области отличается сменой типов воспроизводства населения. До начала 1990-х гг. регион отличался естественным приростом населения (более 3‰ в год) и ростом числа жителей. В 1990 г., в результате сокращения рождаемости и роста уровня смертности, произошел переход от расширенного типа воспроизводства к простому, а с 1992 г. до настоящего времени область находится в стадии демографического кризиса [3]. За истекшие 25 лет динамика рождаемости в Ростовской области имела сложный характер. В конце XX в. ее уровни снизились почти в два раза – с 12,5‰ в 1990 г. до своего минимума – 7,6‰ в 1999 году. Только начиная с 2000 г., в результате активной реализации мер демографической политики, и прежде всего финансовой поддержки материнства и детства, уровень рождаемости стал постепенно выравниваться до 9,2‰ в 2005 г., 10,9‰ в 2010 г. и 12,2‰ в 2014 г. [3; 4]. Однако более инертный характер динамики смертности и запаздывание изменений ее уровней, по сравнению с рождаемостью, привело к сохранению естественной убыли населения до настоящего времени. Наибольшей величины естественная убыль населения достигала в 2001-2002 гг., составляя -7,5‰, а к 2015 г. она снизилась до -1,8‰ [4]. В итоге Ростовская область до настоящего времени входит в половину субъектов РФ, где наблюдается отрицательный естественный прирост [2]. В то же время в последние годы в демографическом развитии Ростовской области наметились значительные положительные тенденции: устойчиво растет рождаемость, снизилась и закрепились на относительно низком уровне (около 14‰) смертность, постепенно сокращается естественная убыль. Стоит отметить, что в 2015 г. область вошла в состав 12 регионов России, где коэффициент естественной убыли не превысил 1,8‰ (при том, что в 30 субъектах этот показатель варьируется от 2 до 6‰, т.е. демографическая ситуация заметно лучше) [2].

В пределах области значительны территориальные различия демографических процессов, обуславливающих пространственную дифференциацию ее демографического потенциала. Если за период 2006-2016 гг. общая численность населения области сократилась на 87,5 тыс. чел., т.е. более чем на 2%, то численность жителей ядра центро-периферийной структуры области, концентрирующего в себе большую часть населения области (41,2%) и объединяющего Ростов-на-Дону с близлежащими городами и районами, образующими Ростовскую агломерацию, за данный период увеличилось на 113 тыс. человек [3; 4]. Причем большую часть данного прироста обеспечил Ростов-на-Дону (его численность населения за рассматриваемый период возросла до 67 тыс. чел.) и ближайшие к нему города-спутники (Батайск, Аксай), а сам общий рост численности жителей в условиях естественной убыли обеспечен не только миграцией населения – именно в этих городах области в последние годы отмечен естественный прирост [1; 4]. За счет территориальной близости к административному центру области и более низких цен на жилую недвижимость города-спутники и близлежащие к Ростову-на-Дону сельские муниципальные районы стали наиболее привлекательными как для внутренних, так и внешних переселенцев. Миграция позволила в последнее десятилетие увеличить численность жителей городов Батайска более чем на 18%, Аксая – на 20%, Аксайского района – на 27,5%, Мясниковского района – на 12% [1; 4].

Противоположная тенденция характерна для периферии и полупериферии Ростовской области. Инерционность демографических процессов вкупе с более сложной социально-экономической ситуацией в них не позволяет им до настоящего времени выйти из демографического кризиса – численность населения в них продолжает сокращаться и ее снижение за период 2006-2016 гг. составила в полупериферийной зоне области 5,5%, а в периферийной – 7% [3; 4]. Причем в ряде муниципальных районов демографический кризис приобрел не только затяжной характер, но и весьма значительный масштаб, выражающийся в глубокой депопуляции, существенно обедняющей демографический потенциал. «Печальными» лидерами данного процесса выступают муниципалитеты

северо- и юго-восточной периферии области – их численность населения за рассматриваемое десятилетие сократилась более чем на 1/5 часть.

Наиболее интенсивная естественная убыль населения наблюдается в городах и муниципальных районах полупериферии (-4,9‰ в среднем за 2010-2014 гг.), в то время как периферийная зона отличается более низкой естественной убылью населения (-2,8‰), сохраняя при этом более позитивные характеристики естественного движения населения. Наиболее негативная степень проявления суженного воспроизводства населения, установившегося в полупериферийной зоне Ростовской области с начала 1990-х гг., объясняется преобладанием в ее пределах городов и городского населения, в популяционной структуре которых (аналогично, как это происходит и в городах других регионах России) выше уровень смертности (15,8‰ в сравнении с 15,2‰ в зоне периферии и 13,1‰ в центре в среднем за период 2010-2014 гг.) и ниже уровень рождаемости (10,9‰ в сравнении с 12,3‰ в периферийной зоне и в центре области за аналогичный период времени) [3; 4].

Общий уровень смертности населения Ростовской области в 2002-2014 гг. имеет тенденцию понижения, что является результатом развития медицины и здравоохранения на основе внедрения современных стандартов лечения и профилактики заболеваний, более активного распространения здорового образа жизни, общего улучшения социально-экономической ситуации в стране и в регионе. Так, если в 2002 г. общий уровень смертности в Ростовской области составлял 16,1‰, то к 2013 г. он снизился до 13,8‰ [3; 4]. Однако кризисные явления в экономике страны, начавшиеся в 2014 г. и длящиеся до настоящего времени, отразились в снижении доходов населения, а следовательно, и в снижении внимания к своему здоровью, что неминуемо отразилось и в корректировке уровня смертности в большую сторону – в Ростовской области он составил в 2014 г. 14,1‰ [1]. Аналогичная тенденция отмечена и в других регионах Юга России (в границах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов) и может быть спрогнозирована и на ближайшую перспективу.

По уровню смертности Ростовская область занимает 5-е место среди субъектов Федерации, но в то же время это наиболее высокий показатель среди 13 регионов Юга России [2]. Это связано с более высокой продолжительностью жизни населения, преобладанием городского населения, высокой долей населения старших возрастов, а следовательно – повышенной смертностью среди данной возрастной категории населения [5]. Эти же причины объясняют и более замедленную интенсивность снижения смертности за период с 2005 по 2013 гг. (как год с наименьшим уровнем смертности по всем субъектам Юга России) в Ростовской области в сравнении с другими южнороссийскими регионами. Если в Астраханской области общий коэффициент смертности снизился за данный период на 3,2‰, в Краснодарском крае – на 2,8‰, Ставропольском на – 2,5‰, в Волгоградской области – на 2,2‰, в Республике Адыгея – на 2,1‰, то в Ростовской области снижение составило 2‰, но это значительно существеннее, чем в Калмыкии и в северо-кавказских республиках [2].

Анализ внутриобластных различий смертности позволяет установить ее более высокий уровень в сельской местности в сравнении с городской. К примеру, в 2008 г. в среднем на каждую тысячу горожан в регионе отмечалось более 14 случаев смертности, а в сельской местности – более 15; в 2014 г. эти различия соответственно составляли 13,7‰ и 14,8‰ [3; 4]. Причем в ряде административно-территориальных единиц уровень смертности заметно выше среднеобластного – среди муниципальных районов в этом отношении прежде всего выделяются Верхнедонской (19,1‰), Белокалитвинский (18,8‰), Красносулинский (18‰), а среди городов – депрессивные шахтерские Зверево (17,9‰) и Гуково (16,7‰), а также Таганрог (16,8‰), в которых уровень смертности 1,5 раза выше, чем в областном центре (11,7‰) [1]. В сельских районах смертность населения выше общеобластного уровня за счет более значительной доли людей пожилого возраста, а в городах Восточного Донбасса – по причине неблагоприятной социально-экономической

ситуации, сверхвысокой смертности мужчин в связи с травматизмом и аварийностью на производстве, распространением пагубных привычек [5]. В целом же города области отличаются более низким уровнем смертности по сравнению с муниципальными районами, что связано с более высокой долей молодых возрастов в них.

Структура причин смертности населения Ростовской области достаточно широка. Ведущую позицию среди них занимают болезни системы кровообращения – в среднем за период 2008-2014 гг. они составляют более половины всего числа зарегистрированных смертей. В то же время смертность от болезней системы кровообращения с 2005 г. имеет тенденцию некоторого снижения, что связано с активным внедрением превентивных мер предотвращения болезней сердца, профилактики инсультов и инфарктов, оперативного реагирования экстренной медицинской помощи на возникшие заболевания, в том числе и использованием современных методов их лечения.

Злокачественные новообразования занимают второе место среди всех причин смерти. Ежегодно в области регистрируется более 8 тысяч случаев смерти от этой группы заболеваний и их число постоянно увеличивается: если в 2000 г. они составляли 13,1% всех смертей, то в 2008 г. – 14,0 %, а в 2013 г. – 14,3% [3; 4]. Большим остается число смертей, связанных с болезнями органов дыхания и пищеварения. Причем растет как доля каждой из этих групп причин смертности, так и их уровень. Смертность от болезней органов пищеварения увеличилась с 2,7% в 2000 г. до 4,8% в 2014 г. [3; 4], выйдя, таким образом, с четвертого на третье место среди причин смертности населения. Такая негативная тенденция может быть объяснена ухудшением качества питания населения и высокой алкоголизацией, вызывающей заболевания желудочно-кишечного тракта. Рост болезней органов дыхания связан преимущественно с распространением курения, и смертность от данной группы причин составляла в 2014 г. 3,8% в сравнении с 2,5% в 2005 г. и 2,3% в 2008 г. [3; 4]. Стабильной на протяжении 15 лет остается доля смертности от инфекционных и паразитарных болезней – 1,5-2% зарегистрированных случаев [3; 4] – большинство из них составляют летальные исходы от различных форм туберкулеза.

Несчастные случаи, отравления и травмы, т.е. смертность от внешних причин, составляют около 7% всех смертей в регионе [4]. Высокому уровню смертности от данной группы причин способствуют такие факторы, как развитие автоматизации и механизации производственных процессов, автомобилизация, широкое применение в быту различных технических приборов и химикатов. Определенное влияние на уровень смертности от травматизма и других несчастных случаев оказывает употребление спиртных напитков, что в частности подтверждает и достаточно большое число отравлений алкоголем, а также случайные утопления, связанные с низким уровнем культуры поведения отдыхающих на воде, пренебрежением правилами купания в водоемах, а зачастую отсутствием элементарных навыков плавания и оказания первой медицинской помощи утопающим, недостаточной оснащенностью мест водного отдыха спасательными средствами. В то же время за 2000-2014 гг. отмечено существенное снижение числа суицидов с 899 до 327 случаев и убийств с 758 до 167 случаев [3; 4], что объясняется позитивизмом криминогенной ситуации в регионе, улучшением качества и уровня жизни общества, мерами психологической помощи населению.

Особый интерес для анализа в качестве индикатора здоровья детей представляет младенческая смертность. Она является одной из важнейших характеристик социально-экономических условий жизни населения, и прежде всего, беременных женщин и детей, уровня санитарно-гигиенической культуры общества, эффективности службы охраны здоровья матери и ребенка [5]. Младенческая смертность в Ростовской области имеет тенденцию снижения как абсолютных масштабов (с 642 случаев в 2000 г. до 5894 в 2005 г. и 403 в 2014 г.), так и уровня – с 18,2‰ во второй половине в 2000 г. до 7,9‰ в 2014 г. [3; 4]. По уровню младенческой смертности Ростовская область в 2014 г. занимала 52-е место среди субъектов Российской Федерации, уступая Краснодарскому краю, но опережая республики Северного Кавказа (кроме Кабардино-Балкарии) [2]. Среди причин

инфантильной смертности преобладают эндогенные, связанные с врожденными аномалиями (пороками развития), деформациями и хромосомными нарушениями – 17,6%, а также состояниями, возникшими в перинатальном периоде – 52,1% [4]. Зарегистрировано также большое число младенческих смертей от инфекционных и паразитарных болезней (4,9%), болезней органов дыхания (3,4%), несчастных случаев, отравлений и травм (2,5%) [4].

Демографический потенциал является основой трудовых ресурсов, использование которых отражается через занятость населения. Для периферийной и полупериферийных зон Ростовской области отмечается явное несоответствие их доли в общей численности занятых доле в численности населения области – по полупериферии в 2,5 раза, а по периферии – в 3,3 раза. Это указывает на негативную ситуацию на рынке труда, связанную с ежегодным уменьшением численности трудовых ресурсов и миграцией рабочей силы, воспроизводством поколений и сокращением рабочих мест. Низкий уровень занятости в муниципальных районах области связан прежде всего с «выкачиванием» рабочей силы из сельских муниципалитетов в города. Проблемы местного рынка труда связаны с острым дефицитом рабочих мест, более низкой оплатой труда, низким трудовым потенциалом субъектов периферии вследствие затяжного демографического кризиса, и как итог – общей трудоизбыточностью при сохранении трудодефицитности по ряду квалифицированных профессий.

Фокусом демографических проблем области стала зона периферии [6]. Она на протяжении трех десятилетий демонстрирует снижение экономической активности в ходе деиндустриализации, которая проявляется не только в уменьшении числа предприятий (которое за 2008-2015 гг. снизилось на треть) и объемов производства, но и доли муниципальных образований периферийной зоны в общих социально-экономических параметрах области [1, 2]. Так, в пределах периферийной зоны проживает около 1/3 населения Ростовской области и сосредоточено 85% сельских жителей, но единственным крупным производственным центром является г. Волгодонск, а на долю 33 муниципальных районов периферии в совокупности приходится всего лишь 8% среднегодового объема продукции [1; 6]. Ограниченность величины трудовых ресурсов выступает одной из детерминант, лимитирующих создание в пределах периферии Ростовской области крупных предприятий, ориентированных на трудоемкие производства, что не позволяет существенно расширить экономический профиль региона.

Негативным последствием затяжного демографического кризиса в Ростовской области стала значительная деформация половозрастной структуры населения – снижена доля населения в дотрудоспособном возрасте (16,1%) при более высокой доле пожилых людей (25,8%). Наибольшая доля населения старше трудоспособного возраста отмечается в периферийных муниципальных районах области, где в среднем она составляет 27,4% и соответствует развитой демографической старости [1; 6]. Интенсивная внутренняя эмиграция в пределах периферийной зоны отразилась на более низкой доле населения в трудоспособном возрасте (56,8%) в сравнении с периферией (57,2%), центром (61,6%) или общеобластным показателем (58,1%) на начало 2015 года [1]. На этом фоне положение центрального ядра пространственной организации Ростовской области более благоприятно по демографическому потенциалу и прогнозам дальнейшего роста численности населения здесь.

Интегральным медико-демографическим индикатором является ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении. Ее динамика в Ростовской области полностью коррелирует с особенностями демографической ситуации и тенденциями социально-экономического развития и соответствует общероссийской закономерности. После снижения с 69 лет в 1990 г. до 66 лет в 2003 г. она имеет положительную динамику и к настоящему времени составляет 71 год для всего населения, в том числе 66 лет – для мужчин и 76 лет – для женщин, что соответствует средним уровням по Южному федеральному округу и Российской Федерации в целом [2; 4].

Для дальнейшего позитивного демографического развития на Дону правительством региона реализуется комплекс мер, значительной частью которого является поддержка материнства и детства. Более 220 тысяч донских семей получают 15 видов различных мер государственной социальной поддержки [6]. Улучшение демографической ситуации в ближайшей перспективе возможно только посредством продолжения реализации и активизации мер демографической политики не только на национальном уровне, но и региональном. Это позволит преодолеть тенденцию сокращения численности жителей, улучшить социально-демографическую и экономическую ситуацию в регионе, активизирует рынок труда, улучшит уровень и качество жизни населения, а в конечном итоге – минимизирует негативные проявления депопуляции. Для этого необходимо продолжение воплощения в реальность действенных социально-экономических механизмов повышения жизненного уровня населения, реформирования системы здравоохранения и медицинского обслуживания в направлении повышения качества предоставляемых услуг, расширения спектра действия страховой медицины, осуществления социальных мер по развитию здорового образа жизни, которые должны предпринять как государство, так и само население [6].

© Сухинин С.А. Текст. 2016

Список источников

1. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Демографические показатели / Территориальный орган государственной статистики по Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/municipal_statistics/main_indicators/, свободный.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.
3. Ростовская область 2005: стат.сб. Статистический ежегодник / Ростовстат. – Ростов-на-Дону, 2006. – 854с.
4. Ростовская область в цифрах 2014: стат.сб. / Ростовстат. – Ростов-на-Дону, 2015. – 792 с.
5. Сухинин С.А. Медико-демографические особенности воспроизводства населения Ростовской области // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург, 2015. – С. 355-361.
6. Сухинин С.А. Проблемы и перспективы социально-экономического развития периферийных районов северо-востока Ростовской области // Региональная экономика. Юг России. Научно-практический журнал. – 2014. – № 4. – С. 158-163.

Информация об авторе

Сухинин Сергей Александрович (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Академии строительства и архитектуры Донского государственного технического университета (Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 162, корпус 8; e-mail: suhmax@mail.ru).

Sukhinin S.A.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL AND FEATURES OF REPRODUCTION IN ROSTOV REGION

This article discusses the demographic potential of the Rostov region, based on the characteristics of population reproduction. A comparison with other regions of the South of

Russia, identifies intra features of reproduction of the Rostov region and prospects of their change.

Keywords: demographic potential, the reproduction of the population, Rostov region, depopulation, demographic trends, population policy.

Information about the author

Sukhinin Sergey A. (Russia, Rostov-on-Don) – Ph.D., Associate Professor of Economics and Business of the Academy of Construction and Architecture of the Don State Technical University (Russia, 344022, Rostov-on-Don, st. Socialist, 162, building 8; e-mail: suhmax@mail.ru).

УДК 314.3

С.В. Февралева

РЕПРОДУКТИВНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В условиях демографического оздоровления сохраняется факт суженного воспроизводства населения Хабаровского края. В статье рассматриваются некоторые показатели репродуктивно-демографических ресурсов рождаемости, в том числе потенциальной демографии.

Ключевые слова: депопуляция, демографическая база, демографические возможности, рождаемость, потенциальная демография, репродуктивные потери, нереализованные рождения, состоятельность репродуктивной функции, предотвратимая смертность.

Режим естественного воспроизводства является одним из факторов формирования численности населения. Для Хабаровского края, как и для многих других субъектов РФ, характерна депопуляция населения, хотя в последние годы в демографическом развитии региона появились позитивные сдвиги. Начиная с 2005 года происходит стойкий рост уровня рождаемости с 11,1 до 14,0 рождения на 1000 населения с некоторым незначительным кратковременным его снижением. Однако он не обеспечивает простого воспроизводства населения

Начавшееся демографическое оздоровление в РФ пока в полной мере не свойственно Хабаровскому краю. По прогнозу, представленному Хабаровскстатом, в ближайшие 5 лет численность населения стабильно будет сокращаться, в том числе за счет рождаемости ежегодно более чем на 2%¹.

В этих условиях особого внимания требует оценка демографических воспроизводственных возможностей рождаемости. Начальной точкой такой оценки является величина и структура женского населения в возрасте 15 – 49 лет. Тенденции изменения именно этой категории объективно определяют изменения ключевых индикаторов рождаемости и замещения собственных поколений.

Обобщая динамику численности женщин репродуктивного возраста с 1990 года, можно говорить о сокращении воспроизводственного потенциала Хабаровского края. Численность репродуктивного контингента имеет четко выраженный тренд к убыли начиная с 1996 года. До 2006 года сокращение не превышало 1%, позднее темпы сужения репродуктивного контингента растут и составляют 1,5-2% в год. Приходится отмечать,

¹Рассчитано по: Демографический ежегодник Хабаровского края. 2015: стат. сб. /Хабаровскстат. – Хабаровск, 2015. – 188 с.

что демографическая конъюнктура менее отрицательно сказалась на динамике численности населения Хабаровского края, чем на динамике численности женщин репродуктивного возраста.

Меняется не только численность репродуктивно-демографических ресурсов, обновляется и его структура. Общий вектор изменения возрастной структуры репродуктивного контингента задает процесс старения всего населения и женщин в частности. Средний возраст женщин репродуктивного возраста неуклонно растет и в настоящий момент составляет 33 года. В этом возрасте способность к деторождению значительно снижена, поэтому текущая репродуктивная активность женщин Хабаровского края при прочих равных условиях будет находиться на недостаточно высоком уровне. В перспективе демографического оздоровления не произойдет. По прогнозу Росстата, средний возраст репродуктивного контингента женщин Хабаровского края к 2020 году перейдет планку в 34 года.¹

Как известно, численность женщин 35 – 39 лет продуцирует незначительное число рождений – не более 10%, старше 40 лет – еще меньшее число – не более 2%. Это значит, что с точки зрения включенности в процесс воспроизводства его внутренний потенциал в большей степени определяется изменениями в возрастной группе 20 – 34 года, внутри которой особо выделяется группа 20 – 29 года. В 1990-2015 гг. изменения численности и доли женщин в возрасте наибольшей репродуктивной активности (20 – 29 лет) носили неоднозначный характер (рис.).

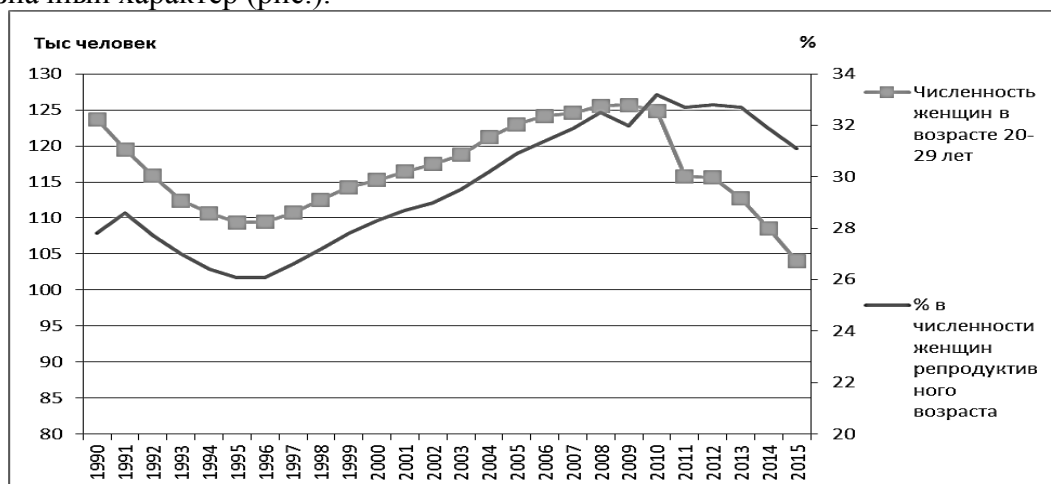

Рис. Динамика численности женщин Хабаровского края в возрасте 20 – 29 лет

В 2008 году произошел качественный перелом в ресурсной части демографического потенциала воспроизводства. Если до 2007 года траектория движения доли женщин 20 – 29 лет практически повторяла тренд общей численности женщин репродуктивного возраста, характеризующийся абсолютным и относительным сокращением контингента женщин до 1995 года и последующим ростом, то начиная с 2010 года внутренний репродуктивно-демографический потенциал воспроизводства проявляет признаки истощенности. Несколько раньше начинает проявляться и дисбаланс в численности девочек 10-14 лет и женщин возрасте 45-49 лет. Начиная с 1999 года ежегодно это соотношение сокращается на 2,5% от уровня 99 девочек, в ближайшие 5 лет входящих в репродуктивный возраст, на 100 женщин, выходящих из репродуктивного возраста², что потенциально снижает число будущих рождений. Наблюдающийся рост уровня рождаемости объясняется не ростом как таковой рождаемости, а некоторым изменением структуры рождений по очередности, связанным, в том числе, с реализацией

¹ Рассчитано по: Перспективная численность населения Хабаровского края: стат. сб./ Хабаровскстат. – Хабаровск, 2005. – 76 с.

² Рассчитано по: Возрастно-половой состав населения Хабаровского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. – Хабаровск, 1999-2014.

государственной программы по повышению рождаемости.

Объективным факторам изменения репродуктивно-демографических ресурсов выступает смертность женщин, что сказывается помимо всего прочего на продолжительности репродуктивного периода. Обобщая длительную динамику рассчитанного сокращения репродуктивного периода, можно отметить, что для женщин, родившихся в 1990 – 2014 гг., оно колеблется в достаточно узком диапазоне – от 0,6 до 1,2 года. За последние 4 года начинает формироваться положительный тренд, в соответствии с которым условия воспроизводства женского населения при прочих равных условиях способствуют более высоким конечным результатам воспроизводства, что сравнимо с условиями периода 1990-1993 гг.¹

Здоровье женщин имеет помимо всего прочего и высокую демографическую значимость. За 2000 -2014 гг. доля женщин, умерших в репродуктивном возрасте, имеет стойкую тенденцию к сокращению – с 14,0 до 10,6%. По данным официальной статистики Хабаровского края, в соответствии с европейской классификацией причин смерти по возможности управления ими [3] уровень предотвратимой смертности репродуктивного контингента крайне высок. Около 65% смертей приходится на причины, влияние которых при современном уровне развития краевого здравоохранения можно существенно ослабить². В первую очередь это относится к смертности женщин, которая обусловлена условиями жизни и поведенческими факторами риска. Ежегодно репродуктивно-демографическая база рождаемости сокращается более чем на 270 человек. Своевременное выявление и ранняя диагностика заболеваний предотвратят сокращение репродуктивного контингента еще на 55 человек, а повышение качества оказания медицинских услуг – на 160 человек ежегодно

Существующая практика искусственного снижения рождаемости объективно сужает фактически имеющуюся демографическую базу для реализации процесса рождаемости населения. С позиций потенциальной демографии в Хабаровском крае с 2000 по 2015 гг. потеряно 323802 человека только за счет аборт, то есть более 21 тысячи потерь человеческого капитала в год.

Имеет место долговременная тенденция существенного превышения числа аборт над числом родов. И только начиная с 2011 года постепенно формируется противоположный тренд репродуктивных потерь за счет аборт: в 2011 г. превышение составило 4%, в 2012 г. – 9%, в 2013 г. – 21%, в 2014 г. – 26% в результате противоположной динамики исходов беременности и числа родов³.

Репродуктивное здоровье женщин – особый фактор, определяющий ресурсы рождаемости. Обобщенного показателя репродуктивного здоровья женщин не существует в силу сложности и многообразия его проявления. Одним из индикаторов является распространенность самопроизвольных (спонтанных) и вынужденных аборт по медицинским и социальным показаниям, которые рассматриваются как оценка эффективности репродуктивной функции женщин. Материалы официальной государственной статистики распространенности самопроизвольных и вынужденных аборт по медицинским показаниям представлены в таблице 1.

Таблица 1
Оценка состоятельности репродуктивной функции женщин Хабаровского края⁴

Год	Аборты, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет		Год	Аборты, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет	
	спонтанные	по медицинским показаниям		спонтанные	по медицинским показаниям

¹ Рассчитано по стат. таблице 3ТС Хабаровскстата.

² Рассчитано по стат. таблице С 51 Хабаровскстата.

³ Состояние здравоохранения в Хабаровском крае: стат. сб / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2015. – С. 32.

⁴ Рассчитано по форме № 32 Хабаровскстата.

Год	Аборты, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет		Год	Аборты, на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет	
	спонтанные	по медицинским показаниям		спонтанные	по медицинским показаниям
2000	4,61	1,00	2008	7,60	0,87
2001	5,02	0,99	2009	9,01	0,54
2002	6,30	0,95	2010	8,32	0,69
2003	5,05	1,07	2011	8,25	0,73
2004	5,53	1,62	2012	9,2	0,86
2005	6,01	0,91	2013	9,6	0,50
2006	5,25	0,89	2014	10,2	1,50
2007	7,38	0,90	2015	9,0	0,80

Следует отметить, что в последние годы произошел рост числа нереализованных рождений практически в два раза, что свидетельствует о нарушении репродуктивного здоровья женщин и снижении их способности воспроизводить потомство. От 77 до 90% оценки состоятельности репродуктивной функции объясняется динамикой спонтанно потерянного поколения. В целом надо констатировать четко выраженную устойчивую тенденцию к сокращению уровня репродуктивных исходов несостоявшихся беременностей, то есть говорить о снижении репродуктивного потенциала рождаемости.

Подводя итог анализу тенденций формирования репродуктивно-демографических ресурсов, надо отметить их сложность и неоднозначность. Решение возникающих проблем возможно при взаимодействии различных социальных институтов, государства.

© Февралева С.В. Текст. 2016

Список источников

1. Михайлова Ю. В., Шестаков М.Г., Соболева Ю.В., Сабгайда Т.П., Назаров В.И. Предотвратимые потери здоровья населения как объект анализа // Экономика здравоохранения. – 2008. – № 2 (123). URL: <http://medi.econom>.
2. Сабгайда Т.П., Михайлов А.Ю. Новые подходы к оценке предотвратимой смертности в России // Народонаселение. – 2009. – № 3. – С. 115-122.
3. Сабгайда Т.П. Возрастные особенности предотвратимой смертности населения России // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/>
4. Суханова Л.П. Репродуктивный процесс в демографическом развитии. // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2009. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/>

Информация об авторе

Февралева Светлана Викторовна (Россия, Хабаровск) – кандидат экономических наук, доцент Хабаровского государственного университета экономики и права, кафедра статистики (Россия, 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, тел. 4212-224-884; e-mail: shurshum_86@mail.ru).

Fevraleva S.V.

**REPRODUCTIVE AND DEMOGRAPHIC RESOURCES OF KHABAROVSKY
KRAI**

In the context of demographic improvement there is a fact of narrowed reproduction in Khabarovsk Krai. The article presents some of the reproductive and demographic birth rate resources showings including prospective demography.

Keywords: depopulation, demographic pool, demographic capabilities, birth rate prospective demography, reproductive losses, outstanding birth, reproductive function opulence, avertable death rate.

Information about the author

Fevraleva Svetlana (Russia, Khabarovsk) – vice-doctor, associate professor, Khabarovsk State University of Economics and Law, department of statistics (680042, Khabarovsk, st. Pacific, 134. e-mail: shurshum_86@mail.ru).

УДК 314.8 + 911.3 (470.342)

К.А. Чернышев

КОМПОНЕНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Определяется роль естественной убыли, миграционного оттока и административно-территориальных преобразований в изменении численности сельского населения Кировской области в 1990–2014 гг., которая является одним из лидеров среди регионов России по сокращению сельского населения. Определяются последствия данного процесса для смежных региональных подсистем.

Ключевые слова: сельское население, депопуляция, миграции, Кировская область, переходный период.

Демографические процессы в сельской местности обладают определенной спецификой по сравнению с урбанизированными территориями. В связи с этим имеется ряд демографических исследований, особо рассматривающих естественное и миграционное движение сельского населения в конкретных субъектах РФ [2, 4, 5 и др.]. При этом компоненты, факторы и последствия демографической динамики сельского населения могут различаться в отдельных регионах России. К числу явных лидеров среди субъектов РФ по сокращению сельского населения относится Кировская область. По темпам сокращения сельского населения худшая динамика за постсоветский период отмечена только в некоторых регионах Дальнего Востока и Европейского Севера (Магаданская и Мурманская области, Чукотский и Ненецкий автономные округа), где была велика миграционная убыль, а также в наиболее демографически проблемной области страны – Псковской.

Сельское население Кировской области составляет 312,3 тыс. чел. (на начало 2016 г.), а на его долю приходится 24,1 % жителей области. В сельской местности региона в 1990 г. проживало 504,1 тыс. чел. (или 30,6% населения). В течение почти всего постсоветского периода (за исключением 1992 и 2005 гг.) сельское население области стабильно сокращается, уменьшившись в 1,6 раза. В отдельных муниципалитетах ситуация значительно хуже: в Даровском районе произошло уменьшение сельских жителей более чем в 3 раза; в Богородском, Тужинском, Кикнурском, Санчурском, Подосиновском – более чем в 2,5 раза. За постсоветский период увеличение численности сельских жителей произошло в областном центре и Омутнинском районе. Стоит отметить, что население вятского села интенсивно сокращается с 20-х годов прошлого столетия. Вятская губерния в работах ученых начала XX века особо отмечалась как одна из самых

аграрных в европейской России, где с развитием капитализма происходил рост индустриального населения за счет земледельческого [3]. В послевоенные годы сокращение численности сельских жителей происходило из-за миграции селян в города, преобразования ряда сельских населенных пунктов в городские, а с 1990-х гг. и естественной убыли, которая у селян несколько выше, чем у жителей городских населенных пунктов.

В постсоветский период тенденции демографического развития сельского населения в основном соответствовали аналогичным процессам, происходившим в это время как в городских населенных пунктах, так и в регионе в целом, но демографические проблемы на селе зачастую проявлялись острее, чем в городах и пгт. Решающее значение в сокращении численности сельских жителей региона имела естественная убыль, которая впервые за послевоенный период проявилась в 1990 г. и сохраняется по настоящее время (рис. 1). Уровень рождаемости сельского населения снижался, составив в 2002 г. 8,2 ‰, а уровень смертности достиг максимального значения в 2003 г. – 23‰. Приток населения в Кировскую область в результате стрессовых и возвратных миграций 1990-х гг. произошел на селе лишь в 1992 и 1994 гг., в результате чего в 1992 г. численность сельского населения области даже возросла.

Рис. 1. Убыль (прирост) сельского населения Кировской области по компонентам в 1990–2014 гг.¹, промилле

Наиболее сложным по соотношению показателей смертности и рождаемости для сельского населения Кировской области был 2003 год, когда количество умерших более чем в 2,6 раза превысило число родившихся (рис. 2). В условиях снижения рождаемости, сохраняющегося миграционного оттока и последующего постарения населения увеличение общей смертности было неизбежным. Проявлением негативных демографических тенденций в возрастной структуре населения было то, что в 2001–2003 гг. уровень рождаемости на селе был даже ниже, чем в городских поселениях региона. Рост рождаемости у сельского населения региона зафиксирован с 2000–2013 гг., а снижение смертности отмечается с 2004 г. По сравнению с большей частью 1990-х и началом 2000-х годов демографическая обстановка улучшилась. Результатом улучшения параметров естественного движения населения стало то, что, как и для всего населения области, с 2010 года миграционная убыль стала играть основную роль в сокращении численности сельского населения. Начиная с 2014 г. в регионе вновь отмечаются негативные тенденции показателей рождаемости и смертности сельского населения. В

¹ Кировская область в 1993–2014 гг.: стат. ежегодник. – Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 1994–2015.

целом по области в 2014 г. рождаемость, смертность и естественная убыль сельского населения составили соответственно 13,8; 18,4 и 4,6 %.

Наиболее точным показателем рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Его значения находились ниже уровня простого воспроизводства в 1993–2007 гг., а минимальным показатель был в 2001 году – 1,155. В последующие годы происходило увеличение СКР, который для сельского населения в 2014 г. составил 3,606. Изменение суммарного коэффициента рождаемости в 1990–2014 гг. представлено на рис. 3.

Несмотря на преимущественно негативные показатели естественного и миграционного движения, на изменение числа сельских жителей влияли административно-территориальные преобразования, в соответствии с которыми за постсоветский период 16 бывших поселков городского типа сменили статус с городского на сельский. Пик таких административных действий пришелся на 2005 г., время подготовки к муниципальной реформе, когда произошло даже увеличение удельного веса селян в населении области. Данные преобразования можно отнести к явлению, которое (применительно к 1990-м гг.) получило название «административная рурализация» [1]. Именно этот фактор привел к увеличению численности сельского населения в Омутнинском районе по сравнению с 1990 г.: сразу четыре пгт в течение 2005 г. перешли в статус сельских населенных пунктов.

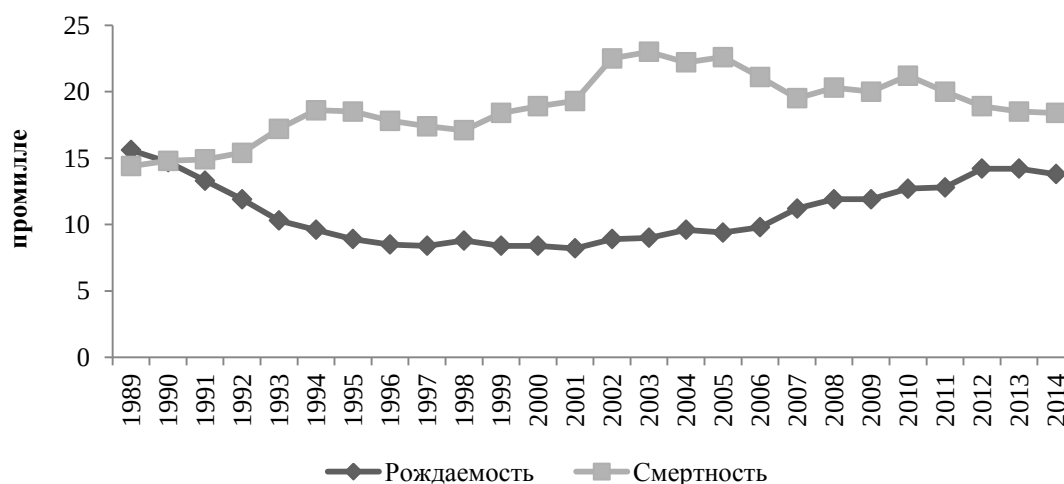

Рис. 2. Рождаемость и смертность сельского населения Кировской области в 1989–2014 гг.¹, промилле

Депопуляция и миграционный отток в сельской местности определяют изменения в смежных с территориальными общностями населения региональных подсистемах, которые вынуждены адаптироваться к новым условиям. К наиболее очевидным последствиям сокращения численности сельского населения можно отнести следующие [6]:

1. Трансформация сельского расселения: уменьшение числа населенных пунктов за 1990–2014 гг. с 5615 до 4228, при этом около четверти из них покинуто жителями. Однако средняя людность сельских населенных пунктов несколько увеличилась. Обезлюдение сельских территорий определяет деградацию городских поселений, по отношению к которым они выполняют обслуживающие и центральные функции.

¹ Кировская область в 1993–2014 гг.: стат. ежегодник. – Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 1994–2015.

2. Вынужденная оптимизация сети учреждений социальной сферы села. Количество школ в сельской местности сократилось почти в 2 раза, детских дошкольных учреждений – в 5,6 раза, фельдшерско-акушерских пунктов – в 1,7 раза и т.д.

3. Изменение числа единиц территориального управления в сельской местности. Если на начало 1990 г. в Кировской области было 580 сельских советов, то через четверть века сетка единиц местного управления включала 268 сельских поселений.

4. Перестройка отраслей сельской экономики. Нехватка трудовых ресурсов способствовала повышению производительности труда в сельском хозяйстве (на фоне общего спада в отрасли) и лесопромышленном комплексе.

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости сельского населения Кировской области в 1990–2014 гг.¹

© Чернышев К.А. Текст. 2016

Список источников

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. / под ред. Ж. А. Зайончковской. – М.: Адамант, 1999. – С. 83–94.
2. Ионцев В.А., Брага Е.А. Особенности демографических процессов сельского населения в регионе России // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2011. – № 5. – С. 73–81.
3. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Т.3. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971. – 792 с.
4. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Российское село: факторы демографического развития // Россия и современный мир. – 2010. – № 3 (68). – С. 59–71.
5. Полякова Г.П. Нижегородское село: социально-демографический потенциал и перспективы развития // Вопросы статистики. – 2008. – № 12. – С. 43–49.
6. Чернышев К.А. Трансформация территориальной организации населения депрессивного региона. – Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2016. – 204 с.

Информация об авторе

Чернышев Константин Анатольевич (Россия, Киров) – кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и менеджмента Вятского государственного университета (Россия, 610000, Киров, ул. Московская, 36; e-mail: kochern@rambler.ru, тел. 8-962-893-21-14).

¹ Кировская область в 1993–2014 гг.: стат. ежегодник. – Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 1994–2015.

THE COMPONENTS OF DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE KIROV REGION RURAL POPULATION DURING POST-SOVIET PERIOD

The role of natural decline, migration outflow and administrative-territorial reform in changing the rural population of the Kirov oblast for 1990-2014 gg. It is one of the leading Russian regions on the reduction of the rural population. The aftermath of this process for adjacent regional subsystems is determined.

Keywords: rural population, depopulation, migration, Kirov oblast, the transitional period

Information about the author

Chernyshev Konstantin (Russia Kirov) – Candidate of Geography, docent, associate professor of State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Management, Vyatka State University (Russia, 610000, Kirov, Moskovskaja st., 36; e-mail: kochern@rambler.ru, 8-962-893-21-14).

УДК 314.113 (045)

И.В. Чернышева, М.В. Запольских

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Программа материнского капитала является одной из главных мер государства в области стимулирования рождаемости. В статье рассматриваются реализация и социально-демографические последствия данной программы. Также представлены результаты опроса молодых семей Удмуртской Республики, которые воспользовались или собираются воспользоваться материнским капиталом. Авторы приходят к выводу, что в целом молодые респонденты одобряют реализацию данной государственной меры. Сложно говорить о влиянии данной программы на увеличение рождаемости, но однозначно можно утверждать, что отношение молодых семей к данной программе положительное. В связи с этим очень важно продолжать проводить данную политику в ближайшее время.

Ключевые слова: демография, материнский капитал, рождаемость, демографическая политика.

Россия находится в условиях демографического кризиса, характеризующегося низкой рождаемостью, сокращением числа женщин детородного возраста, а также высоким уровнем смертности и старения населения. Сегодня происходит процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям, и среди тех, кто особо нуждается в поддержке со стороны государства, – семьи с детьми.

Семейная политика России характеризуется пронаталистской направленностью в основном за счет экономических стимулов. С начала 2000-х годов одним из приоритетных направлений внутренней политики государства становится преодоление демографического кризиса посредством реализации мер, направленных на повышение рождаемости и поддержку многодетных семей. Одной из ключевых мер, введенной с начала 2007 года, является материнский капитал.

Материнский (семейный) капитал – это мера государственной поддержки российских семей при рождении или усыновлении второго, третьего или последующих детей в период с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2018 г. Регламентируется

материнский капитал Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и на 2016 год составляет 453 026 рублей. В подтверждение права на получение средств материнского капитала выдается сертификат государственного образца.

Материнский капитал можно использовать только на следующие, предусмотренные законодательством, цели:

1) улучшение жилищных условий. Улучшение жилищных условий в рамках программы о дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми;

2) формирование накопительной пенсии мамы. Деньги можно направить как в государственный, так и в частный пенсионный фонд. При вложении средств на формирование пенсии законом разрешается забрать средства для вложения их в другие разрешенные формы использования;

3) оплата обучения ребенка. Средства материнского капитала можно направить на обучение как в государственном, муниципальном, так и частном образовательном учреждении. Кроме того, средства можно направить на оплату детского сада; музыкальной, художественной, спортивной школы; обучение в вузе, среднем специальном учебном заведении; проживание ребенка в общежитии при университете. Но оплатить питание, уход за ребенком, а именно, услуги, не связанные с образованием, этими средствами невозможно;

4) социальная адаптация и интеграция в общество детей-инвалидов [4].

На сегодняшний день эффективность программы материнского капитала и необходимость ее продолжения вызывают дискуссии, как в политической сфере, так и среди ученых однозначной позиции нет. Наталья Зверева, профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ, говорит о тайминговых сдвигах, при которых женщины рожают запланированных детей раньше. В то время как известный российский демограф В.Н. Архангельский говорит о реальном повышении рождаемости. «Нигде больше (кроме России) не было такого повышения рождаемости, которое имело бы место на протяжении 5-7 лет, было бы столь же существенным, и при этом после него не произошло бы резкого спада – снижения рождаемости до той точки, с которой этот подъем начался», – так обобщил демографические тенденции начиная с 2006 года В.Н. Архангельский в своем докладе на Втором Российском экономическом конгрессе в Суздале [3].

Положительные последствия введения материнского капитала стали заметны уже через 6, а не через 9 месяцев после введения стимула. По данным РАНХиГС, это связано с тем, что те, кто хотел сделать аборт, узнав о программе, изменили свое решение. К 2007 году число абортотворцев сократилось до 92 на 100 женщин в противовес 106 абортотворцам на 100 женщин в 2006 г.

Материнский капитал повлиял на рождение второго и чуть меньше – третьего ребенка в семье, при этом, по данным Росстата, в 2014 году суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,750 (1,588 в городской местности и 2,318 в сельской).

Удмуртская Республика занимает первые места по рождаемости в Приволжском федеральном округе и 17-18-е – в целом по РФ. Специалисты отмечают, что в период с 2006 по 2012 гг. число родившихся выросло на 11%, при этом: число первенцев незначительно уменьшилось (на 5%); рождения второго ребенка выросли на 27%, третьего – на 47%, четвертого – на 26%. Но при этом в 2006 году население Удмуртской Республики составляло 1,545 млн человек, в 2007 году – 1,538 млн человек, и по состоянию на начало 2016 года, по данным Росстата, численность населения составила 1,517 млн человек. Поэтому говорить о состоятельности мер социальной поддержки, в том числе материнского капитала, говорить сложно, кроме того, падение численности населения официально объясняется миграцией из региона [5].

С 2007 г. сертификат на федеральный материнский капитал в Удмуртии получили почти 81 тыс. семей с двумя или более детьми. Из них около 5,1 тыс. – в первом полугодии 2015 г.

Распорядиться капиталом, направив его на улучшение условий проживания, решили 56 тыс. семей. За счет полученных средств частично или полностью погасили кредиты 46 тыс. семей, на что ушло 16 млрд рублей. 10,5 тыс. сертификатов было использовано на покупку или постройку нового жилья, а также реконструкцию имеющегося. На эти нужды потрачено 2,9 млрд рублей из федерального бюджета. На обучение одного из детей в семье подано около 1,9 тыс. заявок, что предусматривает расходы в размере 2,8 млн рублей. Вложить средства в пенсию решили всего 18 матерей. На пенсионные накопительные счета переведено 2 млн рублей. Кроме того, 208 мужчин в регионе получили сертификаты на материнский капитал вследствие прекращения прав на выплату у женщины, родившей ребенка. Также в регионе пользуется популярностью единовременная выплата, предназначенная для текущих нужд семьи. Она введена Федеральным законом № 88-ФЗ от 20.04.2015 г. и составляет 20 тыс. рублей [5].

В пределах Удмуртской Республики не действует программа регионального материнского капитала, вместо нее в 2009 году введены компенсационные выплаты из регионального бюджета молодым семьям с детьми по кредитам, взятым на покупку жилья. Социальная выплата предоставляется семьям на основании Постановления Правительства Удмуртской Республики № 132 «О предоставлении молодым семьям компенсации процентной ставки по жилищным кредитам и займам и социальных выплат при рождении (усыновлении) детей (наличии детей) за счет средств бюджета Удмуртской республики» от 01.06.2009 г. Сумма компенсационной выплаты по кредиту составляет 300 тыс. рублей, но не больше, чем сумма основного долга по кредиту. По каждой отдельной семье принимается индивидуальное решение. Но право на компенсацию имеют молодые семьи, в которых не менее трех родных детей или двоих несовершеннолетних приемных, возраст супругов должен быть не более 35 лет. Таким образом, материнский капитал в Удмуртии выплачивается только в рамках федеральной программы [5].

Материнский капитал как экономическая мера государства по стимулированию процесса рождаемости отражается не только в демографических, но и в социально-экономических последствиях. Удмуртская Республика, наряду с Республикой Татарстан, лидирует по интенсивности использования средств материнского капитала. На начало 2014 г. около 65% семей в Удмуртии и 68% семей в Татарстане уже реализовали частично или полностью материнский капитал. В то время как активность его использования по России остается низкой и составляет менее 50% (по результатам годового отчета Пенсионного фонда РФ за 2014 год). Подавляющее большинство семей использует материнский капитал на улучшение жилищных условий, как на территории Российской Федерации, так и в обеих республиках [2].

Несмотря на то, что сумма материнского капитала несопоставима с рыночными ценами на жилье и с затратами на воспитание ребенка, она все же облегчает материальное бремя семьи и, в некоторых случаях, помогает полностью решить такие важные проблемы, как оплата образования, детского сада, дополнительных кружков и т.д. Но среди населения все же присутствует критика государства относительно ограничения использования материнского капитала и нечувствительности к актуальным нуждам семьи, так как регламент расходования материнского капитала, предусмотренный законодательством, не учитывает реальное многообразие потребностей семей, а такие потребности, в свою очередь, зависят от многих обстоятельств – уровня жизни и структуры семьи, региона, типа хозяйства, состояния здоровья родителей и детей и так далее [1].

Чтобы выявить отношение молодых семей Удмуртской Республики к данной государственной мере, автором данной статьи было проведено исследование. В ходе анкетирования было опрошено 112 человек. Среди респондентов было 88% женщин и

12% мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Основную часть опрошенных (45%) составила возрастная группа от 25 до 30 лет. Группы возраста «31-35 лет» – 24,5% и «18-24 лет» – 20,4%. Проживают в зарегистрированном браке 72,9% опрошенных, 18,8% – в незарегистрированном и 8 % воспитывают детей одни (без отца/матери). 42,6% проживают в Ижевске, 40% – в городах Удмуртии и 17% – в сельской местности. Среди респондентов преобладают люди с высшим образованием (61,2%), 36,7% имеют среднее и 25% – начальное образование.

Ответы респондентов по количеству детей распределились следующим образом. Респондентов, которые желали бы иметь двоих детей, – 48,9%, троих детей – 40,4%, больше трех детей – 8,5%. В реальности 45% респондентов имеют 2 детей, 24,5% – одного ребенка, 12,2% – трех детей. 18,4% молодых людей детей не имеют. Таким образом, по данным результатам и в плане ожидания, и по факту среди молодых респондентов преобладают те, кто имеет и желает иметь двоих детей.

Среди опрошенных преобладает доля молодых людей, которые собираются воспользоваться материнским капиталом, так как планируют второго ребенка (39,1%), 37% воспользовались данной мерой, 23,9% собираются в ближайшее время. 83% респондентов отметили, что распорядились или собираются распорядиться материнским капиталом на улучшение жилищных условий, 11% обновили или рассматривают такой вариант, однако, стоит отметить, что данный вариант является незаконным. На третье и четвертое места вышли варианты «на образование» и «на пенсию». Среди мер, на которые, по мнению респондентов, необходимо разрешить использовать материнский капитал, на первое место вышли погашение кредитов, покупка автомобиля, лечение детей или срочное лечение членов семьи, ремонт, ежемесячное обновление, мебель, одежда, отдых и путешествия.

Большинство опрошенных (67%) считают программу серьезной мерой поддержки для семьи, но в то же время отмечают, что она не повлияла на семейное решение о рождении второго (последующего) ребенка (59,2%). 33% респондентов отметили, что несмотря на то, что они и так планировали завести ребенка в ближайшие годы, материнский капитал ускорил принятие решения и укрепил их желание. 8,2% молодых людей выбрали вариант ответа «да, хотим завести 2 (3)-го ребенка, пока действует программа».

Исследование отношения жителей Удмуртии к материнскому капиталу показало, что 92% знают о такой мере государственной поддержки, 4% респондентов отметили, что не знают о ней, еще 4% слышали, но не знают подробностей.

В ходе исследования выявлено положительное отношение молодых людей к реализации государственной меры «материнский капитал».

Развитие демографической и семейной политики занимает одно из приоритетных направлений в планах развития Правительства РФ. 6 апреля 2016 г. состоялось заседание Правительства РФ под председательством Д.А. Медведева. Один из вопросов, который был в повестке дня, – «О плане мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции демографической политики». Были отмечены положительные результаты демографических изменений в области рождаемости за последние годы, которые были связаны, в том числе, и с реализацией материнского капитала. Правительство заявило о необходимости поддерживать молодые и многодетные семьи, стимулировать рождение вторых и последующих детей, продлевая срок действия данной государственной меры до 2018 года.

Несмотря на то, что материнский капитал был введен для повышения рождаемости, необходим комплексный подход к решению демографического вопроса: создать условия для осуществления трудовой деятельности в сочетании с родительскими функциями (это предполагает совершенствование системы оплаты труда, занятости и подготовки кадров, налогообложения, кредитования и т.п.); сохранить поддержку семей с детьми, оказавшихся в особо трудных условиях (многодетные, неполные, безработные семьи,

семьи с инвалидами и т.п.); следует сохранить и совершенствовать систему семейных пособий, а также минимальных (бесплатных) социальных гарантий для детей в сфере образования, здравоохранения, культуры, оздоровительного отдыха, развивать социальное страхование и частичную компенсацию расходов в сфере платных услуг; содействовать семье в реализации воспитательных функций, создавая льготные режимы занятости для родителей, развивая системы дошкольного воспитания, педагогического просвещения родителей; развивать и укреплять систему ценностей семьи; повышать престиж многодетных семей; повышать культуру регулирования деторождения и профилактики абортов; активно и грамотно работать со СМИ. Необходимо создать такие условия в стране, чтобы люди были уверены в завтрашнем дне и в том, что они смогут обеспечить достойную жизнь своим детям.

© Чернышева И.В., Запольских М.В. Текст. 2016

Список источников

1. Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. Материнский капитал: стратегии семей [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0585/analit03.php>
2. Русских С. Н Социально-демографические последствия материнского капитала на примере Удмуртии и Татарстана // Междисциплинарные исследования населения. Восьмые Валентеевские чтения. – М.: МГУ, 2015. – С. 246-251.
3. Соболевская О. Материнский капитал стимулировал «бэби-бум» на селе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.ru/1555689.html>
4. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // <http://consultant.ru>
5. Материнский капитал в Ижевске и Удмуртской Республике [Электронный ресурс]. URL: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/regionalniy/v-izhevske-i-respublike-udmurtiya/>

Информация об авторах

1. Чернышева Ирина Васильевна (Россия, Ижевск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.4; тел. (3412) 916-033; e-mail: Iva-0306@yandex.ru)
2. Запольских Марина Владимировна (Россия, Ижевск) – магистрант Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.4; e-mail: zapolskihmarina@mail.ru).

Chernisheva I.V., Zapolskih M.V. FAMILY CAPITAL IS AS ONE OF THE MAIN MEASURES OF RUSSIAN POPULATION POLICY

The Programme of family capital appears to be one of the main measures of Russian state in stimulating birth-rate in the country. The article deals with the ways of the Programme realization and socio-economic results obtained while using this programme. The results of survey among young families in Udmurt Republic who used and are going to use family capital are also given the article. The authors come to conclusion that on the whole the respondents approve this Programme. They also state that it is hard to say whether the Programme influences birth-rate in the republic, but without any doubt it is possible to assume that young families feel positively what the use of the Programme concerns. The authors consider that is very important to continue the policy of stimulating birth-rate.

Keywords: demography, the Programme of family capital, young families, birth-rate,

population policy.

Information about the authors

1. Chernisheva Irina Vasilievna (Russia, Izhevsk) – PhD, associate professor of the department of History, Theory and Practice of Social Communications, the Institute of Social Communications of Udmurt State University (Russia, Udmurt Republic, Izhevsk, Universitetskaya st. 1, bld.4; e-mail Iva-0306@yandex.ru).

2. Zapolskih Marina Vladimirovna (Russia, Izhevsk) – Master of Arts of the Institute of Social Communications of Udmurt State University (Russia, Udmurt Republic, Izhevsk, Universitetskaya st. 1, bld.4; e-mail: zapolskihmarina@mail.ru).

УДК 323.2:316.356.2

Л.В. Шелуханова

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В настоящее время прослеживаются перемены в установках людей на семейные отношения, меняется отношение супругов к семье. Именно семейная политика со стороны государства должна иметь четкую стратегию и тактику проведения. Должен быть отработан комплекс мер, который будет нацелен на сохранение и укрепление института семьи.

Ключевые слова: институт семьи, демография, государственная семейная политика, рождаемость, репродуктивные установки, Республика Татарстан, Центр семьи и демографии АН РТ.

Во все времена институт семьи являлся первостепенным для человека. Именно здесь протекают наиболее важные процессы, такие как социализация и инвестирование семейного капитала из поколения в поколение.

В настоящее время во многих системах общества происходит значительная трансформация, а институт семьи наиболее остро перенимает все последствия данных изменений. Некоторые переломные моменты могут поставить вопрос о том, сохранится ли институт семьи в том виде, в котором мы его привыкли наблюдать. Этот вопрос наиболее остро может затронуть демографические процессы, от которых зависит существование всего человечества.

Перемены прослеживаются и в установках людей на семейные отношения. Меняется поведение супругов по отношению друг к другу, к семье. А это является глубокой проблемой для современного общества, так как может отразиться на репродуктивных установках молодых людей.

Так в условиях трансформации семейных отношений, по мнению специалистов, возникают новые институты для дальнейшего функционирования семейных отношений, появляются новые социальные статусы и нормы поведения родителей [1, с. 3].

Например, в Республике Татарстан 2015 год отмечался тенденцией взросления (по возрасту) вступающих в брак мужчин и женщин. Так, наиболее активным периодом вступления в брак среди мужчин является возраст от 25 до 34 лет, что по итогам года

составило 55% от общего числа вступивших в брак мужчин. Процентное соотношение женщин, вступивших в брак в возрасте от 25-34 лет, составило уже 43%.¹

В рамках проведения семейной политики в Госсовете Татарстана было проведено заседание, на котором одним из главных в повестке дня стал вопрос укрепления института молодой семьи.

В настоящее время в Республике Татарстан наблюдается положительная тенденция снижения количества зарегистрированных актов о расторжении брака. Так, по итогам 2015 года число регистраций расторжения брака уменьшилось на 11% и составило 13450 актов².

Несомненно, именно семейная политика со стороны государства должна иметь четкую стратегию и тактику своего проведения. Должен быть отработан комплекс мер, который будет нацелен на сохранение и укрепление института семьи. Так, в Татарстане в 2015 году, по инициативе президента республики Р.Н. Минниханова, была предложена процедура усложнения развода и исключение упрощенного порядка расторжения брака. Данная инициатива была одобрена парламентом республики и направлена в нижнюю палату федерального парламента.

Президент республики поставил ряд задач по формированию стратегий семейной политики и созданию единого центра ответственности за его реализацию. В данном контексте ставится вопрос о том, чтобы семейная политика имела комплекс мер, которые содержали бы позитивные ориентиры.

Социально-экономическое положение семьи наиболее тесным образом связано с ее возможностями. Именно этому вопросу должно уделяться достаточно внимания со стороны законодательных и правительственных структур.

В современном обществе внутрисемейные вопросы о рождении детей теснейшим образом связаны с рядом трудностей. Это и вопросы с жилплощадью, с образованием, с жизнеобеспечением себя и своего ребенка и последующих детей. В данном случае, если государство хочет повлиять на рождаемость в желаемом для себя направлении, должен быть четко отрегулирован комплекс мер экономической поддержки семьи.

Так, в Татарстане предусмотрен ряд льгот:

1) компенсационные выплаты для родителей за услуги детских садов: компенсация в размере 20% от средней родительской платы на первого ребенка, 50% на второго ребенка, 70% и более на третьего и последующих детей. Эта компенсация выплачивается всем гражданам, независимо от дохода;

2) компенсации, установленные на муниципальном уровне: ими могут воспользоваться семьи, у которых доход на одного члена составляет менее 20 000 руб.

3) следующий вид льгот направлен на помощь многодетным семьям. Данная категория семей оплачивает 50% от установленной родительской платы и также имеет возможность получать компенсации.³

Будущее семьи, ее внутрисемейная демографическая программа обусловлены рядом социокультурных и экономических факторов. Так, в относительно благополучном Кукморском районе уже не первый год рождаемость уверенно превышает смертность [4, с. 26-27].

По итогам 2015 года в Республике Татарстан наблюдается небывалое за последние годы число регистраций новорожденных – 57499. Достигнутый в 2015 году уровень регистрации рождаемости на 0,4% (на 263 акта) выше уровня 2014 года.⁴

Следует заметить, что из года в год наблюдается рост числа рождений вторых и последующих детей. Так, в 2014 году 40,9% – вторые дети, в 2015 году этот показатель

¹ Итоги работы управления ЗАГС Кабинета министров РТ за 2015 год.

² См. там же.

³ Статья 65 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 04.06.2014) «Об образовании в Российской Федерации».

⁴ Итоги работы управления ЗАГС Кабинета министров РТ за 2015 год.

составил уже 43,2%. В столице республики установился демографический рекорд: уже по итогам I квартала 2016 года 2209 ребенка, или 16, 4% от общего числа зарегистрированных детей, родились в неполных семьях.

Из общего числа детей, рождение которых зарегистрировано за I квартал 2016 года, 5393 ребенка (40%) являются первенцами, 5936 (44%) – вторыми детьми, 1683 (12,5%) – третьими, 438 (3,5%) – четвертыми и более.

Таким образом, именно социальная поддержка семей является позитивным показателем реализации мер государственной поддержки, направленных на поощрение рождения вторых и последующих детей [3, с. 52].

Семейная политика по повышению рождаемости – это комплекс самых различных мер, начиная от финансово-экономической поддержки и заканчивая правовой консультацией и психологической поддержкой.

Так, в Татарстане в 2015 году был проведен день правовой помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Тематический прием-консультирование граждан был направлен на консультирование людей по вопросам обеспечения прав отдельных категорий семей с детьми, включая семьи многодетные, неполные, воспитывающие детей с ограниченными возможностями, приемных детей или взятых под опеку, а также семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, или с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Для того, чтобы демографическая стабильность в России и ее субъектах сохранялась, необходимо иметь двоих либо троих детей.

Чтобы стимулировать рождаемость среди населения, нужно принимать государственные меры в поддержку семей. Внедренные в Республике Татарстан программы строительства детских образовательных учреждений, школ, фельдшерско-акушерских пунктов в селе, государственная поддержка семейных ферм, бесплатная доступность спортивных заведений, развитие домов культуры на селе задали положительный вектор на прирост населения. Для того чтобы поддерживать положительный прирост населения, необходимо усилить государственную демографическую политику на федеральном и региональном уровнях, ведь именно институт семьи является носителем репродуктивной функции.

На наш взгляд, необходимо стремиться к созданию *«оптимальной семьи»*. В данном случае это такой вариант семьи, к которому стремятся социум, государство, отдельные индивиды, который представляется в общественном и индивидуальном сознании как наиболее приемлемый и, что важно, достижимый. Другими словами, этот тип семьи соответствует принятым в современном обществе стандартам, нормам семейного благополучия [2, с. 220].

На современном этапе развития семья должна быть самодостаточной ячейкой общества. Исследования Центра семьи и демографии АН РТ показали, что семья стремится сегодня быть таковой. Согласно исследованиям, проведенным центром 10 лет назад, на вопрос «На кого рассчитываете при создании семьи?» молодежь отвечала – «На государство». В исследованиях, проведенных 5-7 лет назад, молодежь выбирала вариант «На родителей», сегодня молодежь отвечает, что при создании семьи «рассчитывает на себя». Это очень важно, ведь ролью государства является помощь в становлении и укреплении семьи, но затем семьям нужно рассчитывать и на собственные силы.

На данном этапе необходимо принимать меры для укрепления молодой семьи, которую нужно поддерживать в кризисный период, который длится первые пять лет совместной жизни. Именно на этот период времени приходится большой процент разводов. Молодые люди, недавно вступившие в брак, сталкиваются с целым рядом проблем, таких как материально-бытовые, жилищные, проблемы трудоустройства, психологические проблемы, медицинские проблемы.

Государству необходимо уменьшить время, сократить процедуру и процентную ставку на получение ипотеки молодой семьей. Также создать центры психологической помощи молодой семье.

По результатам демографического анализа, можно говорить о том, что при условии проведения и внедрения комплекса мер семейной политики достигаются положительные результаты.

На современном этапе развития демографическая политика и ее проблемы должны относиться к числу приоритетных. Государству необходимо принимать такие законы, которые реально окажут воздействие на увеличение рождаемости, ведь именно демографическая стабильность является основой национальной безопасности.

© Шелуханова Л.В. Текст. 2016

Список источников

1. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. д-ра социол. наук. – М., 2008. – 342 с.
2. Ильдарханова Ф.А. Формирование и развитие государственной семейной политики в трансформирующемся обществе: Региональный аспект. – Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 2006. – 280 с.
3. Ильдарханова Ф.А. Институт семьи в контексте демографического развития Республики Татарстан. – Казань: Изд-во «Отечество», 2012. – 316 с.
4. Население и инфраструктура Кукморского муниципального района Республики Татарстан: конструирование локального социума / под ред. Ильдархановой Ф.А.; Габдрахманов Н.К., Зинатуллина Г.Ф., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И., Ильдарханова Ф.А., Мансуров Р.М., Якушкин Н.М. – Казань: «Отечество», 2013. – 466 с.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 04.06.2014) «Об образовании в Российской Федерации». – Ст. 65.

Информация об авторе

Шелуханова Людмила Валерьевна (Россия, Республика Татарстан, Казань) – научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Левобулачная, 36 а; e-mail: gailj_07bk.ru).

Shelukhanova L.V.

FEATURES STATE FAMILY POLICY REPUBLIC OF TATARSTAN

Currently tracked changes in systems of people on family relations, changing attitudes of spouses in relation to the family. That family policy of the state should have a clear strategy and tactics of its implementation. It should be worked out a set of measures which will be aimed at preserving and strengthening the institution of family.

Keywords: institute of family, demography, state family policies, fertility, reproductive attitudes, Republic of Tatarstan, family and demography Centre AS RT.

Information about the author

Sheluhanova Lyudmila (Russia, Republic of Tatarstan, Kazan) – Researcher Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Tatarstan, Kazan, Levobulachnaya st, 36 and; e-mail: gailj_07bk.ru).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

В статье проведен анализ воспроизводственных процессов населения северных регионов России. Установлено, как повлияли современные меры демографической политики на рождаемость. Выявлено, что после 2010-х годов продление позитивного тренда в рождаемости обеспечивается увеличением ее интенсивности.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, воспроизводство населения, северные регионы России.

В 1992 г. в России вследствие пересечения встречных неблагоприятных тенденций рождаемости и смертности начался процесс депопуляции населения. В период 1990-х годов происходило нарастание явлений, отрицательно сказывающихся на демографическом развитии. В начале 2000-х годов в связи с улучшением структуры фертильных контингентов и стабилизацией социально-экономической ситуации в целом по России динамика рождаемости приобрела благоприятный тренд. Однако в 2005-2006 гг., в условиях продолжающегося омоложения структуры населения в репродуктивных возрастах, тенденции рождаемости стали характеризоваться стагнацией. Разнонаправленность динамики воспроизводственных процессов, длительное отсутствие в ней устойчивого положительного тренда актуализировали необходимость активизации государственной демографической политики, направленной на предотвращение усугубления депопуляции и оптимизацию процессов воспроизводства населения.

Для решения данных задач с середины 2000-х годов в России начал реализовываться ряд мероприятий семейной и демографической политики федерального уровня. К главным из них относятся: введение родовых сертификатов в 2006 г. в рамках национального проекта «Здоровье»; увеличение размера и изменение способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 года и введение материнского капитала на федеральном уровне для стимулирования вторых и последующих рождений (усыновлений) с 1 января 2007 г.

В дальнейшем произошло расширение многообразия мероприятий демографической политики. Со второго десятилетия 2000-х годов стал выплачиваться региональный материнский капитал семьям, в которых родились дети третьей или последующей очередности. С 14 июня 2011 г. были внесены поправки в Земельный кодекс РФ, согласно которым граждане, имеющие троих и более детей, имеют право на бесплатное приобретение земельных участков. С 1 января 2013 г. для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране, на федеральном уровне была установлена поддержка нуждающимся семьям после рождения третьего и последующих детей в размере регионального прожиточного минимума на ребенка. Данная выплата производится в 53 регионах РФ, в их число входят семь северных регионов: Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край.

Внедренные крупнозатратные меры демографической политики (выплаты материнских (семейных) капиталов на федеральном и региональном уровнях) стали инновационным механизмом стимулирования рождаемости. Федеральный материнский

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.)

капитал – это индексируемая сумма. На момент введения в 2007 г. ее размер составлял 250 тыс. рублей, к 2015-2016 гг. увеличился до 453026 рублей [4]. Его получают семьи, реализовавшие вторые либо последующие рождения, а также усыновившие второго либо последующего ребенка. Капитал может использоваться на улучшение жилищных условий, получение образования детьми; на оплату проживания ребенка в общежитии, предоставляемом образовательным учреждением; оплату детского сада; повышение уровня пенсионного обеспечения посредством вклада средств материнского капитала в накопительную часть пенсии матери [7]; покупку товаров и оплату услуг для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов [6]. Кроме того, с 2009 г. семьи, не до конца распорядившиеся средствами материнского капитала, имеют право получить единовременную денежную выплату из его суммы. Первоначально размер данной выплаты составлял 12 тыс. рублей. К 2015 г., по итогам антикризисных совещаний Правительства России от 27 января 2015 г., ее размер был увеличен до 20 тыс. рублей [3].

Срок действия выплаты федерального материнского капитала первоначально был рассчитан на период с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2016 г. Однако в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. была признана необходимость «продлить программу материнского капитала еще как минимум на два года, несмотря на проблемы, которые испытывает экономика страны» [1].

Региональный материнский капитал направлен на стимулирование рождений третьей и последующей очередности. Направления расходования средств региональных семейных капиталов могут совпадать с перечнем направлений расходования федерального материнского (семейного) капитала либо дополнять и расширять их.

Сумма регионального семейного капитала установлена на уровне 50 000 рублей в Архангельской области и Республике Тыва. В Мурманской и Магаданской областях, Ханты-Мансийском и Чукотском автономном округе, Республике Карелия, Республике Саха (Якутия) размер регионального семейного капитала находится на уровне 100 000 рублей. В Республике Коми и Сахалинской области семьям, ставшим многодетными, выплачивают 150 000 рублей. Самых больших размеров выплаты, стимулирующие рождения третьей и последующей очередности, достигают в Ненецком АО – 300 000 рублей и Ямало-Ненецком АО – 350 000 рублей. В Камчатском крае размер регионального капитала зависит от очередности родившегося ребенка: при рождении третьего ребенка семье выплачивается 100 000 рублей, четвертого – 150 000 рублей, пятого – 200 000 рублей, шестого и последующих – 250 000 рублей. С 2015 года в Камчатском крае выплачивают молодым семьям 100 000 рублей после рождения первенца женщиной в возрасте 19-24 лет, состоящей в официально зарегистрированном браке. В ряде регионов семейный капитал является индексируемой суммой, в других он сохраняется на изначально установленном уровне.

По результатам оценки процессов естественного воспроизводства населения северных регионов России в период 2000-2014 гг., можно выделить три типа регионов, различающихся динамикой уровня рождаемости и смертности. Первый тип регионов характеризуется естественным приростом населения, который в большинстве данных регионов севера России в условиях активизации демографической политики заметно увеличился. Исключением в этой группе является лишь Чукотский автономный округ, в котором прирост населения за исследуемое время был равномерным (таблица 1).

Таблица 1

Естественный прирост (убыль) населения среди северных территорий России, на 1000 человек населения, 2000-2014 гг.

Субъект РФ	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014
Регионы с естественным приростом населения									
Ненецкий АО	0,3	1,6	1,8	1,1	3,6	4,7	7,0	5,7	7,9
Ханты-Мансийский АО	4,5	6,5	7,2	6,9	8,5	9,6	11,4	11,2	10,8
Ямало-Ненецкий АО	6,2	7,3	8,3	7,6	9,1	10,3	11,4	11,5	11,8

Республика Тыва	2,2	3,8	6,7	7,0	13,9	15,2	15,5	15,2	14,4
Республика Саха (Якутия)	3,9	4,4	5,3	4,7	6,1	7,0	8,5	8,8	9,2
Чукотский АО	1,6	2,1	5,5	3,7	2,7	0,9	2,6	2,6	2,8
Регионы с естественной убылью населения и естественным приростом с 2010-х годов									
Республика Коми	-3,5	-4,0	-3,7	-2,8	-0,6	-0,2	1,8	2,2	2,0
Мурманская область	-2,9	-3,4	-3,2	-2,9	-1,3	-0,2	0,5	0,9	0,3
Камчатский край	-1,6	-1,0	-0,4	-0,3	0,3	-0,6	1,5	1,6	1,7
Магаданская область	-1,8	-1,4	-1,6	-2,5	-2,9	-1,5	-0,1	0,7	0,3
Регионы с постоянной естественной убылью населения, сократившей свой уровень в период активизации демографической политики									
Республика Карелия	-7,5	-8,6	-8,1	-6,8	-5,1	-4,1	-2,8	-2,7	-2,3
Архангельская область	-7,1	-7,1	-6,5	-4,9	-2,6	-2,0	-0,8	-0,5	-0,7
Сахалинская область	-3,9	-5,5	-4,9	-3,8	-2,2	-2,8	-1,2	-0,2	0,6

Рассчитано по: Демографические ежегодники России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

Для второго типа регионов Севера России, к которым относятся Республика Коми, Мурманская и Магаданская область, Камчатский край, наблюдалась естественная убыль населения, характерная для общероссийского периода депопуляции. А далее в условиях ухудшения демографической структуры, с одной стороны, и наращивания мер демографической политики, с другой стороны, в данных регионах в результате планомерного сокращения уровня смертности и повышения рождаемости она прекратилась. В третьей группе северных регионов – в Республике Карелия, Архангельской и Сахалинской областях – даже в условиях реализации комплекса мероприятий демографической политики уровень смертности по-прежнему превышает уровень рождаемости. Однако благоприятно, что в период активизации мероприятий государства по оптимизации демографических процессов глубина депопуляции в данных регионах стала снижаться.

В условиях действия современных мероприятий демографической политики суммарный коэффициент рождаемости повысился во всех регионах Севера России (таблица 2).

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации и среди населения северных территорий России, 2005-2014 гг.

Субъект РФ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	1,29	1,30	1,41	1,49	1,54	1,57	1,58	1,69	1,71	1,75
Республика Карелия	1,24	1,22	1,28	1,35	1,39	1,58	1,60	1,71	1,65	1,74
Республика Коми	1,37	1,38	1,50	1,56	1,62	1,64	1,71	1,88	1,97	2,02
Архангельская обл.	1,34	1,35	1,47	1,48	1,53	1,63	1,63	1,76	1,80	1,84
В том числе:										
Ненецкий АО	1,90	1,80	1,98	2,08	2,10	2,11	2,01	2,35	2,31	2,42
Мурманская обл.	1,23	1,22	1,28	1,33	1,35	1,49	1,49	1,57	1,62	1,65
Ханты-Мансийский АО	1,54	1,56	1,66	1,74	1,77	1,81	1,84	2,02	2,05	2,09
Ямало-Ненецкий АО	1,62	1,56	1,68	1,72	1,80	1,79	1,84	2,05	2,09	2,19
Республика Тыва	2,10	2,06	2,60	2,68	2,81	3,03	3,25	3,35	3,42	3,49
Республика Саха (Якутия)	1,74	1,73	1,92	1,92	2,00	2,00	2,06	2,17	2,17	2,25
Камчатский край	1,39	1,38	1,42	1,47	1,50	1,51	1,61	1,73	1,77	1,85
Магаданская обл.	1,37	1,32	1,34	1,34	1,51	1,44	1,48	1,65	1,69	1,66
Сахалинская обл.	1,42	1,39	1,46	1,53	1,51	1,56	1,57	1,71	1,81	1,96
Чукотский АО	2,19	2,14	2,20	2,07	2,01	1,89	1,81	1,97	1,91	2,04

Источник: Демографические ежегодники России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

В задачах «Концепции демографической политики РФ до 2025 года» в рамках ожидаемых результатов ее действия было запланировано увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 1,3 раза к 2016 году – по завершении второго этапа ее действия [5]. Суммарный коэффициент рождаемости в большинстве северных территорий уже к 2014 году возрос до запланированного уровня и даже превысил его. Особенности в динамике суммарного коэффициента рождаемости отличается Чукотский автономный округ, в котором число родившихся детей на одну женщину в условном поколении достигло максимального уровня не после продолжительного действия и постепенного наращивания мероприятий демографической политики, а в 2004-2006 гг. К 2014 году в Республике Коми, Ханты-Мансийском и Чукотском автономном округах суммарный коэффициент рождаемости приблизился к границе простого воспроизводства, в Ненецком и Ямало-Ненецком автономном округах, а также в Республике Саха (Якутия) он превысил ее, а в Республике Тыва – соответствует расширенному режиму воспроизводства населения. Высокие нормы детности, которые характеризуют этнические особенности репродуктивного поведения населения данных регионов, в условиях современной демографической политики получили возможность отразиться в увеличении числа деторождений.

Со второго десятилетия 2000-х годов ухудшение структуры фертильных контингентов оказывает неблагоприятное влияние на рождаемость. В.В. Локозов так характеризует последствия изменения структуры фертильных контингентов: «демографическая яма», связанная с малочисленным молодым поколением, рожденным в 1990-е годы, несет негативные изменения практически во все сферы экономики и социальной жизни. Предстоящая смена возрастной структуры населения является вызовом безопасности России» [2, с. 59]. В период наращивания мероприятий демографической политики по стимулированию рождаемости продления ее позитивного тренда удалось достичь за счет увеличения интенсивности рождаемости. Об этом свидетельствует превышение годового темпа прироста суммарного коэффициента рождаемости над общим коэффициентом во всех северных регионах после усиления крупнозатратных мер демографической политики реализацией региональных инициатив. Отрицательную динамику общий коэффициент рождаемости уже приобрел в Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Тыва, однако суммарный коэффициент в этих территориях продолжает расти.

Введение инновационных мероприятий стимулирования рождаемости было весьма своевременным, поскольку в середине 2000-х годов в большинстве регионов Севера России динамика суммарного коэффициента рождаемости приобрела отрицательный характер (таблица 3). Хотя в начале 2000-х годов рождаемость в данных регионах повышалась за счет вхождения в детородный возраст более многочисленных поколений.

Таблица 3

Годовые темпы прироста в суммарном коэффициенте рождаемости в Российской Федерации и среди населения северных территорий России, 2005-2014 гг., %

Субъект РФ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	-3,7	0,8	8,5	5,7	3,36	2,0	0,6	7,0	1,2	2,3
Республика Карелия	-5,3	-1,6	4,9	5,5	2,96	13,7	1,3	6,9	-3,5	5,5
Республика Коми	-3,5	0,7	8,7	4,0	3,85	1,2	4,3	9,9	4,8	2,5
Архангельская область	-4,3	0,8	8,9	0,7	3,38	6,5	0,0	8,0	2,3	2,2
В том числе:										
Ненецкий АО	1,1	-5,3	10,0	5,1	0,96	0,5	-4,7	16,9	-1,7	4,8
Мурманская область	-4,7	-0,8	4,9	3,9	1,50	10,4	0,0	5,4	3,2	1,9
Ханты-Мансийский АО	-3,1	1,3	6,4	4,8	1,72	2,3	1,7	9,8	1,5	2,0
Ямало-Ненецкий АО	-3,0	-3,7	7,7	2,4	4,65	-0,6	2,8	11,4	2,0	4,8

Субъект РФ	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Тыва	-4,1	-1,9	26,2	3,1	4,85	7,8	7,3	3,1	2,1	2,1
Республика Саха (Якутия)	-8,9	-0,6	11,0	0,0	4,2	0,00	3,0	5,3	0,0	3,7
Камчатский край	-1,4	-0,7	2,9	3,5	2,0	0,67	6,6	7,5	2,3	4,5
Магаданская область	-4,9	-3,7	1,5	0,0	12,7	-4,64	2,8	11,5	2,4	-1,8
Сахалинская область	-2,1	-2,1	5,0	4,8	-1,3	3,31	0,6	8,9	5,9	8,3
Чукотский АО	0,9	-2,3	2,8	-5,9	-2,9	-5,97	-4,2	8,8	-3,1	6,8

В большинстве северных регионов за период действия современной демографической политики суммарный коэффициент рождаемости имел наибольший годовой темп прироста сразу после введения федерального и регионального материнских (семейных) капиталов, что свидетельствует о положительной реакции населения на новые способы повышения рождаемости, о востребованности данных мероприятий. Последующий спад темпов прироста в данном показателе свидетельствует о необходимости реализации таких направлений семейной и демографической политики, которые будут содействовать более равномерному повышению рождаемости. К ним можно отнести увеличение экономической самостоятельности семей, планирующих деторождение, и тех, кто уже начал реализацию своих репродуктивных намерений, а также ценностно-ориентационную работу с населением, направленную на повышение среди населения потребности в детях.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы естественного воспроизводства населения в период активизации демографической политики приобрели благоприятную динамику в северных регионах России. Согласно характеру этих изменений в период 2000-2014 гг., можно выделить три группы регионов: регионы с естественным приростом населения в период 2000-2014 гг.; регионы с естественной убылью населения и естественным приростом с 2010-х годов; а также регионы с постоянной естественной убылью населения, сократившей свой уровень в период активизации демографической политики. Суммарный коэффициент рождаемости в условиях действия государственных инициатив по стимулированию рождаемости повысился в северных регионах, в некоторых из них достиг и даже превысил норму простого воспроизводства, его динамика соответствует поставленным задачам в рамках «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года». В условиях ухудшения структуры фертильных контингентов со второго десятилетия 2000-х годов повышение интенсивности рождаемости вносит главный вклад в продление ее позитивного тренда. В большинстве северных регионов наибольший темп прироста в суммарном коэффициенте рождаемости наблюдался сразу после введения крупнозатратных мер демографической политики.

© Шишкина М.А. Текст. 2016

Список источников

1. Ежегодное послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию от 03.12.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/
2. Локосов В.В. Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 57-68.
3. Материнский капитал. Актуальная информация [Электронный ресурс]. URL: <http://materinskij-kapital.ru/obnalichivanie/12-tysyach>

4. Размер материнского капитала с 2007 по 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://materinskij-kapital.ru/razmer-materinskogo-kapitala>

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/191961/>

6. Федеральный закон от 28.11.15 г. № 348-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189507/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/

7. Федеральный закон от 29.12.06 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 30.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/

Информация об авторе

Шишкина Мария Александровна (Россия, Сыктывкар) – младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» 167982 (Россия, Республика Коми, 167982, Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, 26, тел.: 248884; e-mail: maria-koroleva0018@rambler.ru).

Shishkina M.A.

MODERN TENDENCIES OF FERTILITY OF THE POPULATION IN THE NORTHERN REGIONS IN RUSSIA

The processes of reproduction of the population in the northern regions of Russia are analyzed in article. The paper discloses how the modern measures of the demographic policy impact on the fertility. The research allowed to reveal, that after 2010 the increasing the intensity of fertility contributed to extend its positive trend.

Keywords: fertility, demographic policy, population reproduction, the northern regions of Russia.

Information about the author

Shishkina Maria Alexandrovna (Russia, Syktывkar) – Junior researcher of the Federal state budgetary establishment of science Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Russia, Republic Komi, 167982, Syktывkar, Kommunisticheskaya st., 26; tel. 248884; e-mail: maria-koroleva0018@rambler.ru).

УДК 314.88:314.186

О.М. Шубат, А.П. Караева

СОХРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В статье представлены результаты нормативного демографического прогнозирования на основе расчета суммарного коэффициента рождаемости, необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения. Представлены возможные пути достижения обозначенной цели.

Ключевые слова: воспроизводство населения, рождаемость, демографическое прогнозирование, нормативный демографический прогноз, стимулирование рождаемости.

Актуальность исследования

Одним из важнейших направлений теоретико-методологических изысканий демографической науки является развитие методики демографического прогнозирования. Следует отметить, что регулярная публикация официальных демографических прогнозов с последующим обсуждением проблем, связанных с их реалистичностью и степенью определенности, реализуется в нашей стране с 1993 г. (см., например, [1, с. 176]). В современных условиях необходимость развития методов демографического прогнозирования усиливается неоднозначностью популяционной динамики последних лет. Действительно, позитивные изменения в трендах рождаемости и достигнутый в 2013 г. естественный прирост населения, согласно перспективным расчетам Федеральной службы государственной статистики, уже в ближайшей перспективе сменится естественной убылью. При этом негативная демографическая динамика оценивается Росстатом как в низком, так и высоком вариантах прогноза¹.

В демографической науке принято выделять несколько видов прогнозирования. Так, по своим целям демографические прогнозы делят на аналитический, прогноз-предостережение, нормативный и функциональный. Аналитический прогноз ориентирован на исследование современных, сложившихся тенденций в популяционной динамике и оценку на этой основе будущей демографической ситуации. В рамках прогноза-предостережения моделируется возможное неблагоприятное или опасное демографическое будущее, которое может свершиться, если не предпринять какие-либо меры, направленные на улучшение демографической ситуации. Нормативный прогноз разрабатывается для достижения каких-то целевых демографических ориентиров (например, предпочитаемый уровень рождаемости или смертности). Затем на основе заданных целевых параметров вырабатываются конкретные рекомендации для их достижения. Функциональный прогноз нацелен на решение прикладных задач и получение информации о будущем вероятностном состоянии населения и его различных групп. Такая информация в дальнейшем используется для принятия решений в сфере государственного управления и менеджмента бизнес-процессов [5, с. 409-411].

Целью настоящего исследования является оценка возможных перспектив воспроизводства населения России на основе нормативного прогнозирования рождаемости. При этом в качестве целевого ориентира рассматривается уровень рождаемости, необходимый для обеспечения простого воспроизводства населения. Представляется, что достижение такого уровня рождаемости может рассматриваться в качестве более или менее реалистичного и в определенной степени достижимого ориентира. Действительно, по мнению наиболее авторитетных демографов современной России, расширенное воспроизводство населения в современных условиях невозможно по определению [9, с. 112].

Особенности применяемой методики

В демографической науке разработано достаточное число показателей, которые могут характеризовать процессы воспроизводства населения. Самыми распространенными в силу своей простоты и доступности являются абсолютный и относительный приросты, а также коэффициент жизненности (индекс Покровского). Однако перечисленные показатели, как известно, подвержены влиянию структурных факторов, наиболее значимым из которых является возрастной состав населения. Преодолевают данный недостаток показатели, которые самым непосредственным образом

¹ Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

характеризуют процесс смены поколений, – суммарный коэффициент рождаемости, брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства населения. При этом в отечественной и зарубежной литературе описываются различные подходы к определению того, какой уровень рождаемости необходим для обеспечения простого воспроизводства населения. В частности, В.Н. Архангельский предлагал индексировать актуальный суммарный коэффициент рождаемости на величину, равную отношению общего коэффициента рождаемости к общему коэффициенту смертности [8, с. 180-181]. Данное отношение позволяет оценить, во сколько раз больше должна быть величина суммарного коэффициента рождаемости, чтобы обеспечивался хотя бы нулевой естественный прирост населения. В демографической литературе предлагаются и другие варианты расчетов, основанных на исследовании брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства населения (см., например, [5, с. 402-404]).

В нашем исследовании мы остановились на методике, предложенной В.Н. Архангельским, и попытались реализовать нормативный вариант прогнозирования, осуществив расчет суммарного коэффициента рождаемости, необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения (гипотетического суммарного коэффициента рождаемости). Расчеты осуществлялись на основе данных Федеральной службы государственной статистики о прогнозной динамике основных демографических показателей (общие коэффициенты рождаемости и смертности, суммарный коэффициент рождаемости). Для расчетов применялась формула:

$$СКР_{гипотетический} = СКР \cdot \frac{K_c}{K_p},$$

где $СКР_{гипотетический}$ – гипотетический суммарный коэффициент рождаемости, необходимый для обеспечения простого воспроизводства населения;

$СКР$ – суммарный коэффициент рождаемости, оцененный Росстатом;

K_c – общий коэффициент смертности;

K_p – общий коэффициент рождаемости.

Гипотетический суммарный коэффициент рождаемости был рассчитан на данных трех видов прогнозов – низкого, среднего и высокого. В дальнейшем на основе абсолютных и относительных показателей производились сравнения рассчитанного гипотетического коэффициента и прогнозируемого Росстатом уровня рождаемости.

Полученные результаты и выводы

Применение описанной методики позволило оценить значения $СКР$, необходимые для обеспечения простого воспроизводства населения России на период до 2050 г. (рис.). Относительные величины сравнения гипотетического (необходимого) и прогнозируемого коэффициентов показаны в таблице 1.

Как следует из представленных данных, в ближайшие годы для достижения обозначенной цели значения суммарного коэффициента рождаемости должны будут существенно превышать его прогнозные уровни. При этом в отдельные периоды для доведения ситуации в популяционной динамике до уровня простого воспроизводства населения значение ожидаемого коэффициента рождаемости должно быть увеличено более чем на треть.

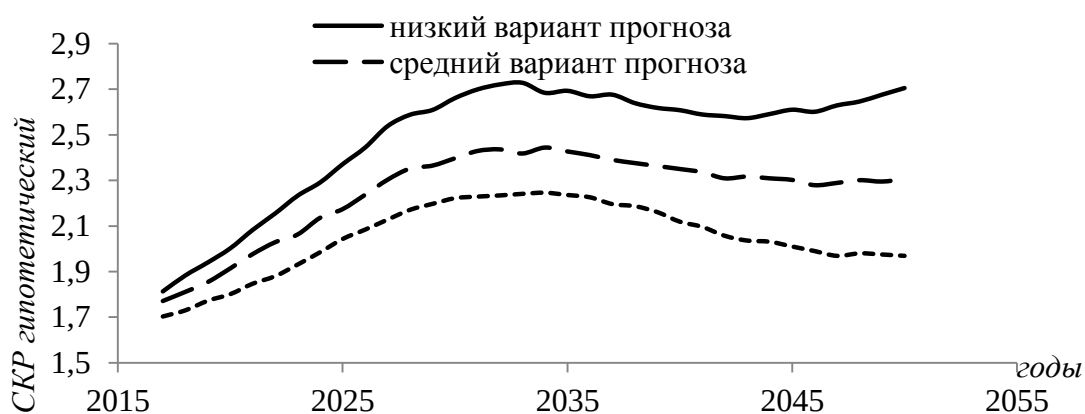

Рис. Гипотетические суммарные коэффициенты рождаемости, необходимые для обеспечения простого воспроизводства населения

Таблица 1

Сравнение гипотетического (необходимого) и прогнозируемого суммарных коэффициентов рождаемости для среднего варианта демографического прогноза

Год	Превышение СКР гипотетического над СКР прогнозным, %	Год	Превышение СКР гипотетического над СКР прогнозным, %
2017	0,0	2034	35,0
2018	2,5	2035	33,3
2019	5,0	2036	31,7
2020	8,7	2037	29,9
2021	12,5	2038	28,4
2022	15,6	2039	27,0
2023	17,8	2040	25,7
2024	22,1	2041	24,3
2025	24,5	2042	22,2
2026	28,3	2043	22,0
2027	32,0	2044	21,0
2028	34,4	2045	20,0
2029	34,4	2046	18,2
2030	35,4	2047	18,2
2031	36,5	2048	18,2
2032	36,1	2049	17,4
2033	34,3	2050	17,4

Безусловно, достижение указанных целевых параметров не может быть легкой и однозначно решаемой задачей. На наш взгляд, можно говорить о нескольких необходимых и комплементарных вариантах ее решения.

Прежде всего, следует говорить о стимулировании и поддержке самой рождаемости. И здесь в первую очередь необходимы меры государственной поддержки, направленные на стимулирование рождений более высоких порядков (вторых и последующих детей). Отметим, что в нашей стране имеется опыт позитивного воздействия мер государственной политики на динамику рождаемости. Так, в 1981 г. в СССР был введен комплекс мер помощи семьям с детьми. К примеру, для работающих

матерей был установлен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 1 года, была введена выплата единовременного пособия при рождении ребенка и некоторые другие меры. Результатом реализации этих мер было существенное повышение суммарного коэффициента рождаемости: если в 1980-1981 гг. СКР составлял 1,895 ребенка на женщину, то в 1984-1985 гг. его значение поднялось до уровня 2,057¹. В последние годы руководство страны также пытается реализовать различные меры стимулирования рождаемости. В частности, с 2007 г. из средств федерального бюджета стали производиться выплаты материнского (семейного) капитала. Помимо федеральной программы поддержки и стимулирования рождаемости в регионах реализуются дополнительные меры, направленные на решение демографических проблем. Так, в Уральском федеральном округе были приняты законодательные акты, предусматривающие ежемесячные выплаты нуждающимся в поддержке семьям при рождении третьего или последующих детей.

Следует отметить, что с момента введения в стране различных мер стимулирования рождаемости исследователи по-разному оценивали их возможности повлиять на динамику воспроизводственных процессов. К примеру, оценивая такую меру, как материнский капитал, в целом положительно, авторы отмечали фрагментарный характер стимулирования рождаемости, когда финансовая поддержка, оказываемая семьям, направляется на поощрение рождения ребенка, а не на оказание поддержки в процессе его последующего воспитания и развития (см., например, [3, 4, 7]).

Потенциалом позитивного воздействия на репродуктивные установки населения и, как следствие, на реальную рождаемость обладает информационная политика государства. В Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. говорится о необходимости более широкого распространения социальной рекламы, выпуске тематических теле- и радиопрограмм, газет и журналов, разработке учебных программ, а также нормативно-правовой базы для проведения государственной информационно-просветительской кампании, направленной на понимание ценностей материнства и отцовства, повышение статуса родительства, на переход от малодетной семьи к семье, имеющей не менее двух детей [6]. Концептуальные основы целостной информационной политики, направленной на активизацию родительского труда, развернуто представлены нами в работе [2].

Помимо указанных наиболее значимых, на наш взгляд, мер по преодолению прогнозируемой негативной демографической динамики можно отметить и другие комплементарные к ним меры. Так, определенный вклад в повышение рождаемости могут внести меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья населения. Кроме того, для достижения простого и расширенного типа воспроизводства необходимы меры, направленные на изменение другого компонента естественного движения, а именно смертности населения. Последнее чрезвычайно актуально в условиях прогнозируемого пусть и незначительного, но повышения уровня этого показателя². Грамотно выстроенная и соответствующая национальным интересам миграционная политика также имеет потенциал позитивного воздействия (хотя отметим, что миграционные процессы не всеми учеными включаются в предметное поле демографии).

На наш взгляд, достижение целевых параметров демографической динамики невозможно без учета специфики протекания воспроизводственных процессов в отдельных регионах. Действительно, в Российской Федерации наблюдается высокая степень региональной дифференциации демографических процессов (табл. 2). В условиях такой поляризации применение единых для всех регионов алгоритмов решения демографических проблем может оказаться неэффективным. Следовательно, необходимы

¹ Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб./ Росстат. – М., 2015.

² Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

демографические прогнозы, в том числе и нормативные, в региональном разрезе, что на данный момент не реализовано Федеральной службой государственной статистики России

Таблица 2

Отдельные демографические показатели в Федеральных округах Российской Федерации¹

Федеральный округ	Общий коэффициент естественного прироста (2015 г.)	Суммарный коэффициент рождаемости (2014 г.)
Центральный	-1,7	1,51
Северо-Западный	-0,9	1,61
Южный	-0,5	1,71
Северо-Кавказский	8,7	2,03
Приволжский	-0,6	1,79
Уральский	2,4	1,96
Сибирский	1,2	1,90
Дальневосточный	1,3	1,87
Крымский	-2,5	1,80

© Шубат О.М., Караева А.П. Текст. 2016

Список источников

1. Андреев Е.М. Современный демографический кризис и прогнозы населения России // Мир России. – 1999. – Т. 8. – № 4. – С. 175-186.
2. Багирова А.П., Шубат О.М., Полушкина И.В. Концептуальные основы информационной политики в демографической сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 19 (256). – С. 2-12.
3. Быстров А.А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 91-96.
4. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. – 2013. – № 1. – С. 68-73.
5. Медков В.М. Демография. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 544 с.
6. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собр. законодательства РФ. – 2007. – 15 окт.
7. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Материнский капитал и рост рождаемости в России в 2007-2012 гг. // Сегодня и завтра российской экономики. – 2012. – № 55. – С. 73-78.
8. Семья и семейная политика в Псковской области / под ред. Н.В. Васильевой и В.Н. Архангельского. – Псков, 1994. – 545 с.
9. Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 208 с.

Информация об авторах

1. Шубат Оксана Михайловна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого

¹ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики о естественном движении населения на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicators/start.do>

Президента России Б.Н.Ельцина» (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

2. Караева Анжелика Пирмамедовна (Россия, Екатеринбург) – студент, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул.Мира, 19; e-mail: 666kap@mail.ru)

Shubat O.M., Karaeva A.P.

SIMPLE REPRODUCTION OF THE POPULATION: EXPERIENCE OF NORMATIVE FORECASTING

The article presents the results of the normative population forecasting by calculating the total fertility rate required for simple reproduction of the population. Possible ways of achieving the designated goal are represented.

Keywords: reproduction of the population, birth rate, demographic projection, normative population forecasting, fertility incentives.

Information about the authors

1. Shubat Oksana (Ekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

2. Karaeva Anzhelika (Ekaterinburg, Russia) – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia, 620002, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: 666kap@mail.ru).

УДК 911.3: 314.18

А.С. Щукина, И.И. Иванов

ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЙ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье анализируются пространственные различия в демографических процессах на внутрирегиональном уровне. Предлагается собственная методика интегральной оценки демографической ситуации. Информационная база исследования – официальные данные Росстата и расчеты автора.

Ключевые слова: территориальные различия, демографические процессы, компоненты динамики численности населения, типы демографической ситуации.

Демографические исследования особую практическую значимость имеют в регионах с наиболее сложной ситуацией, когда на депопуляционные процессы накладывается миграционный отток населения. Тверская область по демографическим параметрам давно является одним из самых проблемных регионов страны. В настоящее время пространственное развитие нашей области тесно связано с демографическими процессами, поскольку они в значительной степени определяют стабилизацию или, наоборот, сжатие сложившейся сети населенных мест и вместе с ней освоенного пространства. Необходимо отметить, что в настоящее время информационная база исследований на внутрирегиональном уровне значительно расширена, упрощен доступ к ней. Система демографических показателей, имеющаяся в свободном доступе на сайтах Росстата и его территориальных органов в базе данных «Показатели муниципальных

образований», позволяет анализировать особенности демографических процессов на уровне муниципальных районов, городских округов и городских поселений, сельских районов и сельских поселений. Система показателей находится в стадии формирования, некоторые данные могут быть представлены только за один год (география миграционных связей). Через 2-3 года этой базой можно будет пользоваться без оговорок по поводу короткого временного ряда.

Поскольку в сельской местности пространственные различия в динамике численности населения, естественном и миграционном движении выражены резче, чем в городских округах и городских поселениях, более четко выражен географический рисунок сложившейся демографической ситуации, в данной статье рассмотрены особенности современных демографических процессов в сельской местности. За 2002-2014 гг. численность сельского населения в Тверской области сократилась на 16%. Меньшее сокращение сельского населения произошло в районах, расположенных в юго-восточной примосковской части области и вдоль полимагистрали Москва – Санкт-Петербург. Наибольшее сокращение отмечено в самых отдаленных западных и северо-восточных районах.

Соотношение естественного и механического движения как составляющих динамики численности сельского населения также дифференцировано в пространстве, причем различия в миграционном движении выражены резче. В 2014 г. показатель рождаемости варьировал от 14,4 до 8,0 ‰. Более дифференцированы показатели смертности населения: самый низкий показатель – 16,3 ‰, самый высокий – 48,7‰. В итоге показатели естественной убыли по сельским районам различались в 3,1 раза – от 3,2 ‰ в Калининском районе до 23,7 ‰ в Сандовском районе. В отличие от естественной убыли, наблюдающейся во всех сельских районах, положительное сальдо миграции за последние три года было зафиксировано официальной статистикой в каждом третьем районе.

Сложившиеся в течение длительного времени пространственные различия в естественном и миграционном движении населения фиксирует возрастная структура населения. При очень неблагоприятной в целом возрастной структуре сельского населения области в 16 районах доля лиц старше трудоспособного возраста составляет более 30%, при этом сверхвысокой долей лиц старше трудоспособного возраста выделяется Сандовский район (39,4%).

Таблица 1

Параметры порайонных различий в основных показателях естественного движения сельского населения Тверской области (2014 г.), ‰

Показатель	В среднем по области	Максимальное значение	Минимальное значение	Размах вариации	
				абсолютный	относительный (макс./мин.)
Рождаемость	11,4	14,4	8,0	6,4	1,8
Смертность	19,0	32,4	16,3	16,1	2,0
Естественная убыль	-8,1	-23,7	-3,2	20,5	6,6

Источник: Естественное движение населения Тверской области в 2014 году. – Тверь, 2015.

Для интегральной оценки демографической ситуации в сельской местности муниципальных районов использованы следующие расчетные показатели:

- индекс динамики численности населения (2015 г. к 2002 г.);
- коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся) за последние 3 года;

- коэффициент эффективности миграции (отношение сальдо миграции к миграционному обороту) за последние 3 года;
- доля населения старше трудоспособного возраста.

В типологиях демографической ситуации на внутрирегиональном уровне необходимо расширять временные рамки используемых показателей. Небольшая численность населения МО приводит к скачкообразной динамике демографических показателей. Так, общий показатель рождаемости за последние три года в Андреапольском районе составил соответственно 10,1; 11,1; 7,9‰, в Молоковском районе – 9,7; 15,4; 12,8‰. Использование статистических данных за один год делает выводы об имеющихся территориальных различиях не совсем корректными. Поэтому для анализа имеющихся пространственных различий необходимо усреднять данные за 2–3 года.

На основе интегральной оценки демографической ситуации, сложившейся в сельских районах Тверской области, разработана типология демографической ситуации по глубине депрессивности. Выделены 4 типа демографической ситуации: относительно благоприятная, неблагоприятная, кризисная и сверхкризисная. Группа районов с относительно благоприятной демографической ситуацией (на фоне среднеобластных показателей) оказалась достаточно большой (13 районов). По мере движения от центра области к периферии ситуация ухудшается и становится критической и сверхкритической в северо-восточных и западных районах области. В документах стратегического и территориального планирования Тверской области необходимо учитывать, что влияние демографического фактора на территориальное развитие в этих районах, прежде всего через трансформационные процессы в системах расселения, будет проявляться сильнее, чем в районах центральной и южной частей области (рис.).

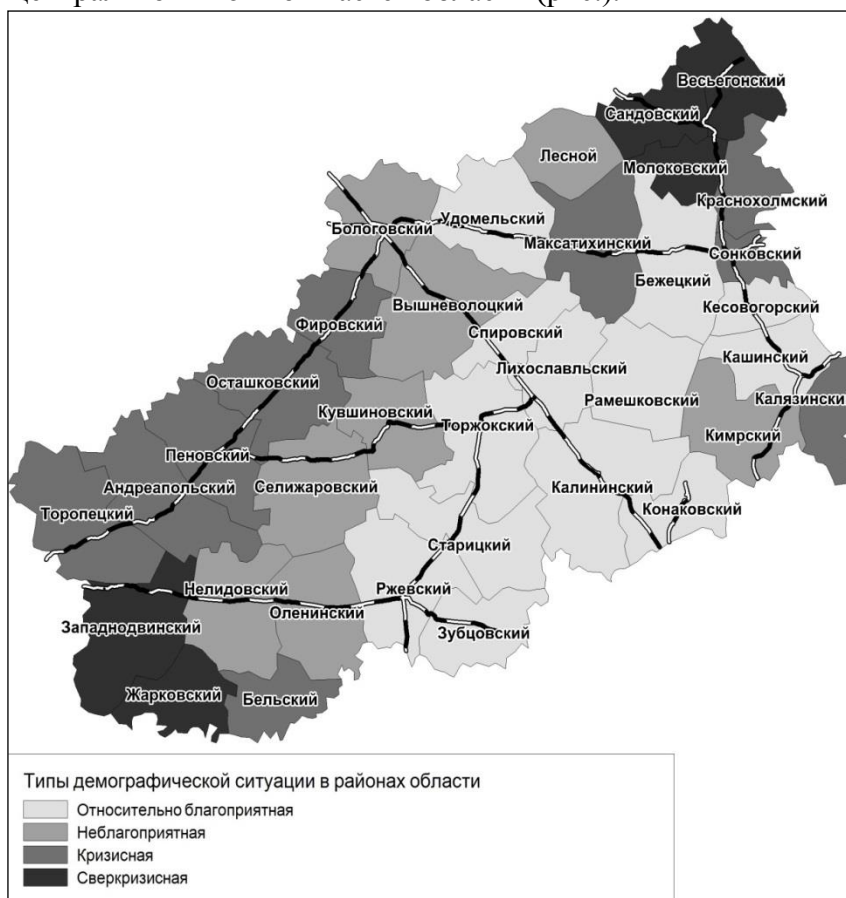

Рис. 1. Типология муниципальных районов Тверской области по характеру демографической ситуации

Таблица 2

Группировка сельских районов Тверской области по характеру демографической ситуации

Демографическая ситуация	Районы
Относительно благоприятная	Бежецкий, Zubцовский, Калининский, Кашинский, Кесовогорский, Конаковский, Лихославльский, Рамешковский, Ржевский, Спировский, Старицкий, Торжокский, Удомельский
Неблагоприятная	Бологовский, Вышневолоцкий, Кимрский, Кувшиновский, Лесной, Нелидовский, Оленинский, Селижаровский
Кризисная	Андреапольский, Бельский, Калязинский, Краснохолмский, Максатихинский, Осташковский, Пеновский, Сонковский, Торопецкий, Фировский
Сверхкризисная	Весьегонский, Жарковский, Западнодвинский, Молоковский, Сандовский

Необходимо также учитывать, что в большинстве районов складываются достаточно большие внутренние различия в демографических параметрах. Среди факторов, дифференцирующих внутрирайонную демографическую ситуацию, необходимо также учитывать размеры и конфигурацию территории сельского поселения, структуру сельской поселенческой сети, экономико-географическое (прежде всего транспортно-географическое) положение сельских поселений и т.д. На следующем этапе исследования были проанализированы внутренние источники воспроизводства населения сельских поселений за счет естественного движения и внешние возможности поддержания демографического потенциала села за счет миграционного прироста. Анализ генпланов сельских поселений показал, что демографические прогнозы, являющиеся важнейшей частью генпланов, чрезмерно оптимистичны. Наше исследование показало, что в большей части сельских поселений Тверской области ситуация очень сложная. Численность населения за исследуемый период сократилась в 256 сельских поселениях из 298 (85,9%) и лишь в 42 сельских поселениях наблюдался рост численности населения (14,1%). Определяющая роль естественной убыли в динамике численности населения зафиксирована в большей части сельских поселений (в 190 сельских поселениях или в 63,7% сельских поселений области). Количество умерших более чем в 2 раза превысило число родившихся в 121 сельском поселении, в том числе в 45 из них более чем в 3 раза.

Таблица 3

Группировка сельских поселений Тверской области по глубине депопуляции

	Глубина депопуляции					Всего
	менее 1	1,1-2,0	2,1-3,0	3,1- 4,0	более 4	
СНП	32	145	76	29	16	298
В %	10,7	48,6	25,6	9,7	5,4	100,0

Миграционному оттоку определяющая роль принадлежит в 59 сельских поселениях области (19,7%). Если естественный прирост был зафиксирован только в 32 сельских поселениях, то миграционный прирост – в 88-ми. На основании соотношения данных о естественном и миграционном движении было выделено 12 подтипов динамики из 16 возможных. Положительная динамика численности населения в 29 из 42 сельских поселений связана с превышением миграционного прироста над естественным приростом / убылью и в 13 сельских поселениях с превышением естественного прироста над миграционным приростом или оттоком.

Таблица 4

Типы динамики населения сельских поселений Тверской области

Типы и подтипы динамики	Количество	Доля, %
-------------------------	------------	---------

1.Рост численности населения	42	14,1
Естественный прирост	1	0,3
Естественный прирост превышает миграционный прирост	1	0,3
Естественный прирост превышает миграционный отток	11	3,7
Миграционный прирост превышает естественную убыль	25	8,5
Миграционный прирост превышает естественный прирост	4	1,3
2.Сокращение численности населения.	256	85,9
Естественная убыль	3	1,0
Миграционный отток	5	1,7
Естественная убыль превышает миграционный прирост	57	19,1
Естественная убыль превышает миграционный отток	130	43,6
Миграционный отток превышает естественный прирост	8	2,7
Миграционный отток превышает естественную убыль	46	15,4
Естественная убыль равна миграционному оттоку	7	2,3
Всего	298	100,0

В условиях дальнейшего сокращения демографического потенциала села особое значение приобретает продуманная экистическая политика. Необходимо четко представлять себе не только то, что мы хотим, но и что реально можем сохранить в современных демографических и социально-экономических условиях. Мониторинг демографических процессов на внутрорегиональном уровне в условиях малоселенности позволяет прогнозировать изменения в сельской поселенческой сети в каждом сельском поселении и в области в целом.

© Щукина А.С., Иванов И.И. Текст. 2016

Список источников

1. Богданова Л.П., Ткаченко А.А., Щукина А.С. Демографическое развитие Тверского региона. –Тверь: Чудо, 2001. – 65с.
2. Генпланы сельских поселений [Электронный ресурс]. URL: <http://fgis.minregion.ru/fgis>
3. Схемы территориального планирования муниципальных районов Тверской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgis.minregion.ru/fgis/>.
- 4.. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тверской области [Электронный ресурс]. URL: tverstat.gks.ru.
5. Щукина А.С. Демографическая составляющая в документах территориального планирования Тверской области // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». – 2015. – № 1-2. – С.107-116.

Информация об авторах

1. Щукина Анна Сергеевна (Россия, Тверь) – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета (Россия, Тверь, ул. Прошина д. 3, корп. 2, тел.77-84-18; e-mail: socgeo2@mail.ru, shchukanser@gmail.com).
2. Иванов Иван Иванович (Россия, Тверь) – студент 2 курса магистратуры по направлению «География» Тверского государственного университета (Россия, Тверь, ул. Прошина, д. 3, корп. 2, тел.77-84-18; e-mail: socgeo2@mail.ru).

Shchukina A.S., Ivanov I.I.

FROM THE EXPERIENCE OF RESEARCH INTRAREGIONAL DIFFERENTIATION
OF DEMOGRAPHIC PROCESSES

This article analyzes the spatial differences in demographic processes in the intraregional level. The authors offers own method of integral assessment of the demographic situation. Information base of research - the official Rosstat data and author's calculations.

Keywords: territorial differences, demographic processes, components of population change, types demographics.

Information about the authors

1. Shchukina Anna Sergeevna (Russia, Tver) – associate professor, candidate of geographical sciences, Tver State University (Russia, Tver, Proshina d. 3, c. 2, 77-84-18. e-mail: socgeo2@mail.ru, shchukanser@gmail.com).

2. Ivanov Ivan Ivanovich (Russia, Tver) – graduate student in direction of geography. Tver State University (Russia, Tver, Proshina d. 3, c. 2, 77-84-18. e-mail: socgeo2@mail.ru).

2. МЕДИКО – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАМЕЩЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

УДК: 31.314.06

Е.В. Ануфриева, А.В. Казанцева, Н.В. Ножкина

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Свердловской области сохраняются негативные показатели, характеризующие развитие детского населения. Наблюдается значительное снижение численности подросткового населения, ежегодный рост заболеваемости детей и подростков. В работе проведен анализ общей заболеваемости, инвалидности детского населения, показателей младенческой смертности в Свердловской области в 2002-2014 гг.

Ключевые слова: детское население, подростки, рождаемость, младенческая смертность, заболеваемость, инвалидность.

Одной из первоочередных задач государственной политики является решение проблем охраны здоровья детей и подростков как инвестиции в главный ресурс общественного развития. Охрана материнства и детства в нашей стране стала одним из стратегических направлений государственной социальной политики. Благодаря последовательным мероприятиям, проводимым как на федеральном, так и на региональном уровне, удалось добиться улучшения основных показателей деятельности этой службы. Организационная и практическая работа органов управления и учреждений здравоохранения в области охраны материнства и детства была направлена на обеспечение доступности и повышения качества медицинской помощи женщинам и детям, снижение материнской, детской и младенческой заболеваемости и смертности, уменьшение детской инвалидности.

В настоящее время в Свердловской области и стране сохраняются негативные тенденции основных показателей, характеризующих развитие детского населения. Ежегодно возрастает заболеваемость детей всех возрастов, сохраняется высокий уровень инвалидизации, наблюдается снижение численности детского населения, несмотря на повышение рождаемости.

Целью данного исследования было установить основные изменения демографических процессов и оценить современное состояние здоровья детского населения Свердловской области.

В процессе депопуляции российского населения изменениям подверглась его возрастная структура. Отличительной чертой XXI века явилось сокращение доли и численности детского населения [2]. В Свердловской области за период с 2002 по 2014 гг. численность детского населения сократилась на 13,5%. Так, если в общей структуре населения области дети 0-17 лет в 2002 году составляли 21,2%, то к 2014 году их доля сократилась до 19,3%, при этом минимальные значения отмечались в период с 2008 по 2011 гг., когда доля детей 0-17 лет в структуре всего населения составляла лишь 18%. В целом по стране наблюдались аналогичные тенденции, доля детей 0-17 лет сократилась на 12,2% (с 22,1 до 19,4%). Такое сокращение доли детей в общей численности населения создает проблему формирования будущих трудовых ресурсов, репродуктивного потенциала.

Вместе с тем на протяжении всего исследуемого периода в Свердловской области происходило увеличение детей в возрасте до 1 года (на 60,3%) – с 38577 чел. в 2002 г. до

61842 чел. в 2014 г., за счет увеличения рождаемости, и одновременное сокращение численности подростков 15-17 лет на 52,2%, с 230000 в 2002 г. до 110 тыс. чел. в 2014 г. (рис.1.). Показатель рождаемости в 2014 году возрос до 14,6 на 1000 населения, что на 49% выше уровня 2002 года и выше среднефедерального уровня на 9,8% (в РФ в 2014 году – 13,3‰).

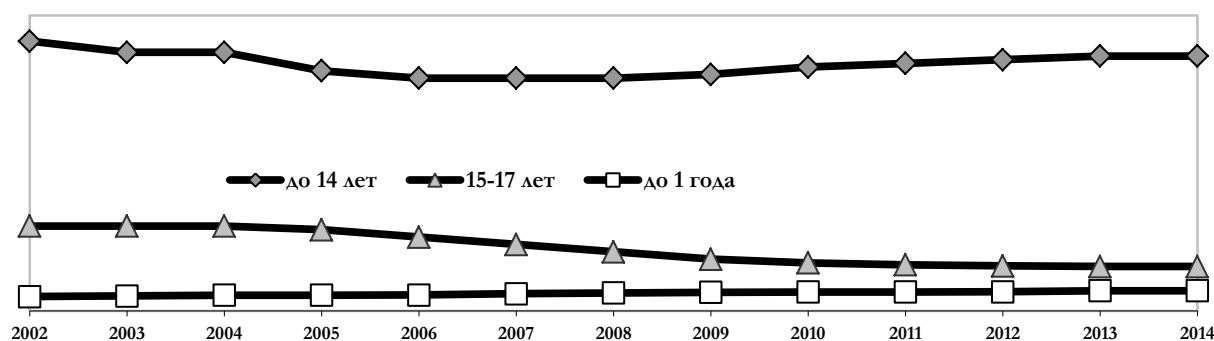

Рис. 1. Динамика численности населения Свердловской области в 2002-2014 гг.

Уровень младенческой смертности (МС) считается объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия региона и отражает состояние службы здравоохранения. За последние годы (с 2002 по 2014 гг.) показатель МС в регионе снизился на 45,7% и составил в 2014г. 6,3 на 1000 родившихся живыми (табл. 1), что ниже значения показателя по РФ на 14,9% (в РФ в 2014 г. – 7,4‰). Стоит отметить, что в исследуемом периоде минимальные значения показателя младенческой смертности были достигнуты в 2011 г. – 5,8‰, однако с 2012 г. в РФ значительно изменились критерии живорождения и мертворождения, в соответствии с рекомендациями ВОЗ [1], что ожидаемо привело к значительному росту показателя младенческой смертности в 2012 году до 7,3‰ (на 25,9%). Проводимый Минздравом РФ и региональным Министерством здравоохранения комплекс мероприятий, направленный на снижение МС [3], – повышение квалификации медицинских работников; развитие трехуровневой системы оказания медицинской помощи и маршрутизации беременных, рожениц, новорожденных и детей в соответствии с порядками оказания медицинской помощи; укрепление первичного звена здравоохранения, активизация работы по пропаганде здорового образа жизни, качественное проведение диспансеризации детского населения и др. – позволил достаточно быстрыми темпами снизить показатели и достичь уровня 2011 года.

Таблица

Динамика младенческой и детской смертности (0-4 года) в Свердловской области в 2002-2014 гг.

Показатель	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Младенческая смертность (на 1000)	11,6	12,2	10,4	10,4	8,7	7,7	7,4	6,4	6,1	5,8	7,3	6,9	6,3
Смертность детей 0-4 года (на 1000 детей данной возрастной группы)	3,4	3,5	3,0	2,9	2,5	2,4	2,4	1,9	1,8	1,7	2,1	2,0	1,7

Анализ возрастной структуры МС показывает снижение ранней неонатальной смертности, неонатальной и постнеонатальной смертности. Удельный вес неонатальной смертности в 2014 году составлял 45,8%. В целом за исследуемый период произошло

снижение уровня неонатальной смертности на 52,2%, постнеонатальной смертности – на 38,2%.

В структуре причин МС в Свердловской области в 2014 году ведущими причинами явились состояния перинатального периода – 41,3%, несчастные случаи – 15,9% и врожденные аномалии – 12,7%. При сравнительном анализе причин МС в 2002 и 2014 гг. установлено, что в 2002 году структура МС несколько отличалась, так, на втором месте находились врожденные аномалии, а травмы и отравления были на третьем ранговом месте. Установлено снижение МС в динамике от разных причин, так, более чем в 3 раза сократилась смертность от врожденных аномалий, в 1,7 раза от состояний перинатального периода, в 2 раза от болезней органов дыхания, что свидетельствует о внедрении новых технологий выхаживания, оказания медицинской помощи новорожденным, своевременной коррекции врожденных пороков развития, а также маршрутизации беременных, рожениц и новорожденных. Немаловажный показатель – смертность детей в возрасте 0-4 года, в нашей стране ему уделяется недостаточно внимания. Однако в экономически развитых странах резервы дальнейшего снижения смертности детей определяются возрастным периодом 1-4 года. В динамике в Свердловской области на протяжении исследуемого периода показатель смертности детей 0-4 года имел устойчивую тенденцию к снижению. Несмотря на то, что показатель младенческой смертности постоянно снижается, ситуацию нельзя считать удовлетворительной, так как показатели МС в регионе и стране в целом выше, чем в развитых европейских странах.

Несмотря на рост рождаемости, снижение младенческой смертности активно проявляются проблемы, которые, по существу, ведут к снижению качества популяции. Это находит выражение в росте заболеваемости, особенно подросткового населения, стабильно высоких показателях инвалидности.

Среди всех возрастных групп населения тенденции в состоянии здоровья детей стали самыми неблагоприятными. Так, в Свердловской области за период 2002-2014 гг. общая заболеваемость детей 0-14 лет увеличилась на 7,5% и достигла 2303,7‰ в 2014 г., что сопоставимо со среднероссийскими данными 2387,9‰ (2014 г.). Вместе с тем большую озабоченность вызывает состояние здоровья подростков 15-17 лет, так как сегодняшние подростки – это не только трудовой ресурс государства, но важная составляющая репродуктивного и оборонного потенциала страны. Уровень общей заболеваемости в данной возрастной группе за период 2002-2014 гг. вырос на 64,5% и достиг 1967,3‰ в 2014 г. Однако показатели общей заболеваемости подростков 15-17 лет в Свердловской области в 2014 году на 12,4% ниже, чем в среднем по РФ (1967,3‰ и 2212,0‰ соответственно).

Ухудшение здоровья детского населения приводит к повышению заболеваемости, а в итоге к инвалидности. Врожденные пороки и заболеваемость детей находят свое отражение в уровне инвалидности. В Свердловской области, как и в целом в РФ, уровень общей инвалидности у детей 0 -17 лет с 2002 года имел тенденцию к снижению, а начиная с 2009 года стабилизировался и составил в регионе в 2015 году 19,1 на 1000 детского населения, что на 5,5% ниже данного показателя по РФ. В структуре причин инвалидности у детей в течение последних лет на первом месте находятся психические расстройства, на втором – болезни нервной системы, на третьем – врожденные аномалии.

Таким образом, здоровье и развитие детского населения заслуживает повышенного внимания со стороны государства, так как в настоящее время сохраняются негативные тенденции по ряду показателей. Наблюдается рост заболеваемости, особенно среди детей подросткового возраста, сохраняется высокий уровень инвалидности. Происходит интенсивное снижение численности подростков.

Основные направления государственной демографической политики должны заключаться в следующем: укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков, а одной из важных задач здравоохранения является дальнейшее совершенствование службы охраны здоровья матери и ребенка. Наряду с этим важное

значение отводится совершенствованию организации медицинского обслуживания детей в образовательных учреждениях, совершенствованию оказания медицинской помощи, профессиональных и реабилитационных технологий подросткам, в том числе в рамках профилактических программ Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), клиник, дружественных к молодежи (КДМ), внедрению профилактических технологий, воспитанию мотивации к здоровому образу жизни и выявлению детей с угрозой социально значимых заболеваний, усилению мер государственной социальной поддержки для семей с детьми.

© Ануфриева Е.В., Казанцева А.В., Ножкина Н.В. Текст. 2016

Список источников

1. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н.
2. Кондакова Н.А. Медико-демографические аспекты развития детского населения // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3. – С. 71-81.
3. Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2014 год. – Минздрав РФ, 2015. – 161с.

Информация об авторах

1. Ануфриева Елена Владимировна (Россия, Екатеринбург) – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ГБОУ ВПО «УГМУ» Минздрава РФ (Россия, 620014, г.Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: elena-@list.ru)
2. Казанцева Анна Владимировна (Россия, Екатеринбург) – интерн кафедры общественного здоровья и здравоохранения ГБОУ ВПО «УГМУ» Минздрава РФ (Россия, 620014, г.Екатеринбург, ул. Репина, 3).
3. Ножкина Наталья Владимировна (Россия, Екатеринбург) – доктор медицинских наук, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ГБОУ ВПО «УГМУ» Минздрава РФ (620014, г.Екатеринбург, ул. Репина, 3).

AnufrievaE.V., KazantsevaA.V., NojkinaN.V.

MEDICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF CHILDREN'S HEALTH POPULATION IN THE SVERDLOVSK REGION

The negative indicators, which are characterizing the child population progress, persist in Sverdlovsk region. There is a significant reduction in the number of teenage population observed, the annual increase in the incidence of children and adolescents. The analysis of overall morbidity, disability of the child population, the infant mortality rate in the Sverdlovsk region in 2002-2014 is given in the article.

Keywords: child population, adolescents, fertility, infant mortality, morbidity, disability.

Information about the author

1. Anufrieva Elena Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) – PhD, assistant professor of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation (Russia, 620014, Yekaterinburg, 3 Repina st.; e-mail: elena-@list.ru).
2. Kazantseva Anna Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) – intern in the department of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation (Russia, 620014, Yekaterinburg, 3 Repina st.).

3. Nozhkina Natalia Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) – MD, head of the department of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation (Russia, 620014, Yekaterinburg, 3 Repina st.).

УДК 316.245:314.07.17:330.341

И.В. Верещагин, Г.М. Игошев

СОВРЕМЕННАЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования самосохранительного поведения граждан в условиях трансформации системы ценностей российского общества. Важность и научная актуальность определяются тем, что в условиях непростой социально-экономической ситуации в России продолжают ухудшаться показатели жизни и здоровья. Основной целью статьи является социологический анализ самосохранительного аспекта здоровья граждан России.

Ключевые слова: долгожительство, старение, средняя продолжительность жизни, здоровье, память, привычки, темперамент, волевые качества, духовность, самооценка, доходы, реформирование.

Самосохранительное поведение – сознательная система действий и отношений, в значительной мере определяющих качество индивидуального и семейного здоровья, которое выражается через заболеваемость, временную нетрудоспособность, инвалидность и продолжительность жизни, слагающаяся из отношения к своему здоровью и здоровью других людей, осуществления здорового образа жизни, выполнения медицинских предписаний и назначений, регулярного посещения лечебно-профилактических учреждений [2].

Выбор темы настоящей статьи определило то, что в условиях непростой социально-экономической ситуации в России продолжают ухудшаться показатели жизни и здоровья населения. Среди основных причин ухудшения здоровья ученые и специалисты называют пренебрежение проблемами охраны здоровья и окружающей среды, просчеты в экономической и социальной политике, перемены в образе жизни населения, стресс, которому подвергаются люди в результате изменений условий и норм жизни, высокую распространенность саморазрушающих видов поведения – пьянства, наркомании, токсикомании. Сказываются социальное расслоение и бедность, неполноценная структура и качество питания, а также природно-климатические катаклизмы, снижение уровня санитарно-эпидемиологического обеспечения и охраны здоровья, бытового обслуживания, организации отдыха.

Основной целью статьи является социологический анализ самосохранительного аспекта здоровья граждан России.

Были поставлены следующие задачи:

- изучить роль доходов населения и жилищных условий в его самочувствии;
- познакомиться с понятиями «экономика счастья», пороги дожития;
- изучить источники средств существования населения как фактор его самочувствия;
- пронаблюдать влияние возраста и продолжительности активного долголетия на воспроизводство населения в регионах России;
- оценить соотношение рождаемости и смертности граждан за последнее время.

Здоровый образ жизни, забота о собственном здоровье являются значимыми ценностями. Гедонистические ценности, включая ценность собственной внешности, красивого тела, опережают ценности духовного и физического здоровья. Стремление к

внешнему успеху, имидж человека, повысившего свой физико-генетический статус, становятся доминирующими. В связи с вышесказанным большую актуальность приобретает проблема формирования самосохранительных стратегий поведения.

Материалом служили результаты опубликованных в научной печати исследований по оценке и коррекции самосохранения, нормативные разработки по организации индивидуальной профилактической работы с населением.

В работе был применен комплексный подход, вследствие чего используются данные таких наук, как геронтология, социология, социальная демография, медицинская социология, социология здоровья, социальная педагогика, социальная психология, социология образования.

Выделенные теоретико-методологические подходы к анализу позволяют подойти к предмету исследования с позиций изучения всех образующих его элементов и выявить особенности самосохранительного поведения.

База исследований – различные литературные, научные источники и наглядные материалы (таблицы, схемы, диаграммы):

- данные официальной статистики по Российской Федерации;
- материалы переписей населения России 2004-2014 г.;
- данные отечественных социологических исследований, связанных с изучением ценностных ориентаций и стратегий поведения;
- различные данные о психологии долгожительства, понятия, связанные с наукой геронтологией;
- данные по системе здравоохранения Российской Федерации.

Современная самосохранительная ситуация зависит от нескольких аспектов, поэтому исследование проводилось путем анализа различной научной литературы, которая касается этой темы.

На начальной стадии прошло ознакомление с геронтологией (наука, изучающая биологические, социальные и психологические аспекты старения человека, его причины и способы борьбы с ним) [1].

Понятие психологии долгожительства было рассмотрено на основании статей научно-практического журнала «Здравоохранение Российской Федерации». Долгожительство является одним из важнейших биосоциальных феноменов. Долгожителей можно отнести к биологической элите. Долгожителем становится только один человек из пяти тысяч. Долголетие часто стремятся связать с объективными факторами: географическими, климатическими, социальными. Однако следует признать, что ведущая роль в определении продолжительности жизни человека принадлежит генетическим факторам [6].

В значительной степени продолжительность жизни зависит от индивидуальных особенностей поведения человека – его пристрастий и привычек, темперамента, работоспособности, волевых качеств, интеллектуального, духовного и культурного развития. Продолжительность жизни индивида во многом зависит от состояния духа человека, его самооценки, представления о собственной значимости для других, от того, насколько необходимым и оправданным он считает свое собственное существование.

Далее были рассмотрены вопросы: макро- и микроэкономические аспекты политики доходов и заработной платы, государственное регулирование доходов, социально-экономические основы реформирования политики. Данные вопросы рассматривались, чтобы изучить источники средств существования населения как фактор его самочувствия. Повышение уровня и качества жизни является социально приоритетной целью политики доходов и заработной платы. Повышение уровня и качества жизни – результат экономического роста и его условие. Для современного производства требуются высококвалифицированные работники. Они составляют основу среднего класса [3]. У таких людей сложнее структура материальных, духовных и социальных потребностей, больше тратится средств на восстановление жизненной энергии, на образование, на

профессиональную подготовку, на поддержание своего физического здоровья. Уровень и качество жизни у них должны быть гораздо выше, чем у людей, просто обеспечивающих свое выживание.

В России на долю 20% наименее обеспеченных приходится 6% доходов, а на долю 20% наиболее обеспеченных – 47% (статистика основана на коэффициенте направленности процесса стратификации населения – отношение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума к численности населения с доходами выше бюджета высокого достатка в расчете на 1 тыс. человек) [3].

Было оценено современное состояние уровня и качества жизни в России. За период рыночных реформ уровень и качество жизни в России значительно снизились. Индекс развития (средняя продолжительность жизни + уровень образования + ВВП на душу населения) человеческого потенциала снизился с 0,848 в 1992 г. до 0,77 в 2000г. По этому показателю Россия перешла в группу развивающихся стран. Резко ухудшились частные показатели качества жизни – рождаемость, смертность, продолжительность жизни, заболеваемость, возросло число зарегистрированных преступлений. Ухудшились многие формы социального обеспечения, состояние окружающей среды – атмосферы, воды, почвы [3].

О снижении уровня жизни свидетельствует тот факт, что в структуре расходов населения повысился удельный вес расходов на питание при общем снижении его калорийности.

За годы реформ, по существу, разрушены многие отрасли социальной сферы и сократилась доля расходов населения на платные услуги. Снизилось качество бесплатного медицинского обслуживания и образования. Полноценное лечение и отдых за пределами постоянного места жительства стали недоступны для значительной части населения [4, с. 14]. Безусловно, существует прямая связь между процессом самосохранения и физической культурой в целом. Потребность в физически здоровом поколении, способном стать активным участником социальной жизни, постоянно напоминает нам об огромной значимости физической культуры в жизни человека.

Мировой опыт показывает, что сфера физической культуры и спорта, особенно массовый спорт, способна решить многие социально-экономические проблемы, в частности, проблемы объединения общества, отвлечения от пагубных привычек, профилактики ряда заболеваний, увеличения средней продолжительности жизни и ее качественного уровня, значительного продления трудового долголетия, повышения культуры самосохранительного поведения. Именно поэтому в зарубежных странах многие демографические проблемы решаются путем развития массового спорта и физической культуры как составляющих частей здорового образа жизни.

Был сделан вывод о том, что природные факторы опосредуются, изменяются социальными условиями, личность зависит от внешней среды жизнедеятельности. На основании данного подхода основные факторы, воздействующие на продолжительность жизни населения, были объединены в четыре группы: уровень жизни народа, эффективность службы здравоохранения, санитарная культура общества, экологическая среда. Их детальное изучение показало различную степень влияния на продолжительность жизни населения.

Социальное здоровье – устойчивое состояние качеств и характеристик личности. Основными показателями социального здоровья выступают социальное самочувствие и самосохранительное поведение. Устойчивость всех характеристик выступает интегрирующим показателем социальной нормы, социального здоровья и благополучия группы или отдельной личности [5].

Изучение проблемы самосохранительного поведения имеет многогранный характер, поскольку включает в себя достаточно большой спектр проблем. Это проблемы жизненного стиля, образа жизни, социализации, адаптации, социального самочувствия, социального развития.

Изменения, происходящие в социально-экономической жизни общества в целом и на рынке труда, связанные с характером трудовых нагрузок, разнонаправленно влияют на самосохранительное поведение населения. Динамика показателей здоровья имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Таким образом, основополагающей задачей является создание условий для формирования и внедрения в массовое сознание идеологии самосохранительного поведения и стандартов реальных, соответствующих этой идеологии практик, как залога роста социального благополучия, стабильности населения России, на этом фоне – создание платформы для успешного демографического развития страны.

Особая роль в реализации комплексных мер по формированию оптимальной модели самосохранительного поведения должна принадлежать средствам массовой информации. Регулярное подробное освещение по телевидению, радио, в печати тем о здоровом образе жизни, активной гражданской позиции, создание «моды на здоровье», повышение общественного престижа устойчивой семьи с несколькими детьми, изменение отношения к своему здоровью и здоровью членов семьи, пропаганда творческого долголетия человека – важнейшие составляющие успешной реализации концепции. Человек совершает действия, ориентируясь на реакцию социальной среды – действия других. Они направлены на удовлетворение определенных потребностей и стремлений.

© Верещагин И.В., Игошев Г.М. Текст. 2016

Список источников

1. Альперович В.Д. Геронтология. Старость. Социокультурный портрет: учеб. пособие. – М., 1998. – 272 с.
2. Образование в области здоровья и укрепление здоровья среди детей, подростков и молодежи в России: материалы Всерос. форума по политике в области общественного здоровья / под ред. А.К. Демина, И.А. Деминой. – М., 1999. – 256 с.
3. Савченко П.В., Кокина Ю.П. Политика доходов и заработной платы: учеб. пособие. – М., 2004. – 456 с.
4. Тимченко И.С. Социальные аспекты здоровья населения России на рубеже 20-21 веков. – М.: ИНИОН РАН, 2001.
5. Ужегов Г.Н. Секреты долголетия. – Смоленск: Русич, 1998. – 624 с.
6. Шабалин В.И. Психология долгожительства // Здравоохранение РФ. – 2014. – № 1. – С. 3-6.

Информация об авторах

1. Верещагин Игорь Викторович (Россия, Пермь) – преподаватель кафедры физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Полевая, 2; e-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru).
2. Игошев Григорий Михайлович (Россия, Пермь) – преподаватель кафедры физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Полевая, 2; e-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru).

Vereshchagin I.V., Igoshev G. M.
MODERN SELF-PRESERVATION SITUATION IN RUSSIA

The article is devoted to an actual problem of formation of methodological research space studying self-preservation behavior of citizens in the conditions of transformation of the system of values of Russian society. The importance and relevance of science is determined by the fact that under the conditions of a difficult socio-economic situation in Russia continues to

deteriorate performance of life and health. The main purpose of the article is a sociological analysis of self-preservation aspects of the health of citizens of Russia.

Keywords: longevity, aging, life expectancy, health, memory, habits, temperament, strong will, spirituality, self-esteem, income reform.

Information about the aauthor

1. Vereshchagin Igor' (Russia, Perm) – Teacher of the Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy (Russia, 614990, Perm, Field st., 2; e-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru).

2. Igoshev Grigorii (Russia, Perm) – Teacher of the Department of Physical Education Perm State Pharmaceutical Academy (Russia, 614990, Perm, Field st., 2; e-mail: perm@pfa.ru, igoshev@pfa.ru).

УДК: 314.174

С.С. Гордеева, Л.А. Хачатрян

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ВНЕШНЕСРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ НА ЗДОРОВЬЕ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье представлены особенности городской и сельской сред, выступающих условиями для социализации молодежи и удовлетворения ее потребностей, пространством формирования и сохранения здоровья молодого поколения.

Ключевые слова: городская среда, сельская среда, молодежь, здоровье, девиантное поведение.

Развитие российского общества, его будущее зависят от того, насколько успешно и эффективно происходит воспроизводство населения. Молодежь – это самая крупная по численности социально-демографическая группа в структуре общества, способная к творчеству, инновациям, поиску новых путей развития страны. Это и сложная по составу, по интересам, по социальному статусу, социальному положению группа, члены которой проходят социализацию в конкретном социально-территориальном пространстве, в котором складывается здоровье подрастающего поколения. Социальная и природная среда пространства, индивидуальные и поведенческие практики сегодня признаны действенными факторами, определяющими состояние и благополучие как российской молодежи в целом, так и городской и сельской в частности. Сегодня многие исследователи выделяют ряд негативных тенденций, влияющих на социализацию молодежи: неравный доступ молодых людей к социальным и социально-экономическим ресурсам, сложности реализации репродуктивного потенциала, ухудшение состояния здоровья и др., что вызвало повышенный научный интерес к изучению данных проблем на региональном уровне. Данный подход позволяет увидеть особенности проявления проблем на уровне субъектов Российской Федерации, найти более точные пути их разрешения, а также выяснить особенности городской и сельской среды как социально-территориального пространства взросления молодежи, что актуализирует изучение влияния социальных и внешнесредовых факторов на здоровье городской и сельской молодежи.

Предметом внимания авторов данной статьи являются проблемы социализации подростков, порожденные спецификой городского и сельского социального пространства, влияющего на их здоровье. В Пермском крае на 1 января 2015 г. проживало 2637 тыс.

человек. Население в возрасте 15–19 лет составило 127908 человек [14, с. 36,39]. Подростковый возраст стал предметом изучения потому, что он характеризуется завершением этапа первичной социализации ребенка, неоднородностью социального статуса, появлением новых социальных ролей. Подавляющее большинство молодых людей этого возраста являются учащимися общеобразовательных школ, средних профессиональных или специальных учебных заведений, студентами вузов. Важной задачей молодых людей подросткового возраста является социальное, личностное, профессиональное самоопределение, в основе которого лежит выбор будущей профессии.

Подростковый возраст – это особый этап в становлении молодого человека – этап «жизненного старта» (В.И. Чупров). На данном этапе осуществляется переход от детства к юности, наблюдаются изменения в образе жизни, в структуре личности, ценностях и мировоззрении молодых людей, сопряженные с ситуацией выбора дальнейшего жизненного пути [18, с. 177–179]. Часто о жизненном старте говорят как о периоде завершения первичной социализации, периоде самоопределения и формирования жизненных планов, становления личной идентичности, чувства индивидуальной самостождественности, а также и обострения ситуации со здоровьем. Для молодых людей важным становится физический рост и половое созревание, значимость того, «как ты выглядишь в глазах других», необходимость найти свое профессиональное призвание, отвечающее приобретенным умениям, индивидуальным способностям и требованиям общества [18, с. 177–179].

Период жизненного старта охватывает промежуток с 14–15 до 18–20 лет. Часто его характеризуют как совпадающий с подростковым возрастом. Однако, учитывая междисциплинарное положение категории «подросток», необходимо сделать некоторое пояснение. С позиции отечественной медицины подростковый возраст охватывает период жизни, продолжающийся в среднем от 10–12 до 15–16 лет у девочек и от 12–14 до 17–18 лет у мальчиков [10]. По определению Всемирной организации здравоохранения, подростковый возраст является периодом роста и развития человека, который следует после детства и длится до достижения зрелого возраста, то есть с 10 до 19 лет [8]. В рамках педагогики подростками называют «детей от 11–12 до 15–16 лет», что приблизительно соответствует возрасту учащихся средней ступени общеобразовательной школы [11]. Отсюда, корректнее говорить о том, что часть периода жизненного старта приходится на подростковый возраст, однако полностью они не совпадают. Результаты социализации и состояние здоровья молодежи определяются ее неоднородностью, отличиями в территориальном и социально-экономическом положении ее групп [17]. Например, проживание в городской и сельской местности оказывает существенное влияние на доступ к ресурсам, образ жизни, стратегию профессионального самоопределения молодежи, что позволяет говорить о городской и сельской молодежи как специфических социальных группах.

Отличительными особенностями городской среды являются более развитая социальная инфраструктура, наличие образовательных и медицинских учреждений, обеспечивающих условия для организации жизнедеятельности молодежи в городском пространстве и времени. В Пермском крае насчитывается 25 городов и 30 поселков городского типа, в них проживает в возрасте 15 – 19 лет 96970 человек [14, с. 40]. Городская молодежь имеет и использует имеющиеся социальные ресурсы, которые позволяют поддерживать более высокий уровень жизни, повышать социальный статус.

Для сельской среды характерными чертами являются традиционность, консервативность, связь с естественной природой, более низкий уровень образования сельских жителей, ограниченность материальных, кадровых и информационных ресурсов [13, с. 7]. В Прикамье насчитывается 2644 сельских населенных пункта, в которых проживает 30938 чел. подростков [14, с. 40]. Доступ к ресурсам у сельской молодежи значительно ниже, чем у молодых людей, проживающих в городской среде. Речь идет о неравном доступе к системе образования, к системе социальной защиты, системе

здравоохранения, профессиональной подготовке. Кроме того, исследователи выделяют специфические барьеры, ограничивающие доступность молодых людей, проживающих в сельской местности, к ресурсам социальной среды: отсутствие учреждений дополнительного образования, стационарных лечебных учреждений и учреждений социальной работы с молодежью, вакансий на сельском рынке труда, несоответствие имеющихся вакансий запросам молодежи. Проживание в сельской местности создает более труднопреодолимый социальный барьер на пути к уровню и качеству образования, чем принадлежность к части городской молодежи, находящейся на нижнем уровне социальной иерархии или к семьям с низким уровнем образования [13, с. 11].

Образ жизни городской молодежи характеризуется ее относительно высокой пространственной, профессиональной и социальной мобильностью. Свойственным для городской молодежи является осознание невозможности их деятельности без включения в разнообразные большие группы, вторичные группы, составляющие городскую общность. Отношения, характерные для вторичных групп, базируются на временных, официальных, неперсональных связях. Доминирование вторичных отношений порождает анонимность, дистанционность между городскими жителями [6, с. 16]. Многоликость субкультур различных социальных групп, ускоренный ритм жизни могут быть причиной эмоциональной подавленности и психологической напряженности у молодых людей, проживающих в городской среде [4, с. 12].

Отличительной особенностью сельского образа жизни молодежи является принятие правил поведения, основанных на чувствах справедливости и законности. Так, проживание в сельской местности, недалеко от преуспевающего мегаполиса, дает молодым людям уверенность в правильности выбранного пути [4, с. 13]. Кроме того, для сельской молодежи свойственны большая распространенность соседских отношений, родственных форм общения, большая значимость и укорененность в быту традиций, ценностей народной культуры [1, с. 184]. В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время сельская молодежь ощущает разрыв преемственности между поколениями [4, с.18]. Старшее поколение сельских жителей перестает играть роль референтной группы как носителей ценностей традиционной культуры. Сохранение потребности молодых людей в идентификации приводит к замещению на объекты, ориентированные на различные формы потребления благ, что может привести к девиантным формам поведения молодых сельчан.

Городская и сельская молодежь имеет специфические особенности в отношении стратегий профессионального самоопределения. Молодые люди, проживающие в городской среде, для которой характерен более высокий уровень занятости населения, стремятся стать высококвалифицированными специалистами. При этом основными способами карьерного роста для городской молодежи является наличие высшего образования, коммуникативных способностей, умение приспосабливаться к изменениям окружающей среды и людям. Особый интерес представляет для городской молодежи предпринимательская деятельность.

Сельская молодежь, получив профессиональное образование в городе, стремится здесь и остаться. Рынок аграрного сектора для сельской молодежи не является привлекательным по социально-экономическим (уровень заработной платы и условия труда) и социально-психологическим (престиж работы) причинам. Предпринимательская деятельность в сельской местности также имеет специфические особенности и носит «предпринимателеобразный» характер, основанный на купле-продаже [4, с. 17]. Включенность молодых людей в предпринимательскую деятельность крайне низкая. Трудовая деятельность сельской молодежи характеризуется более ранней возрастной включенностью в процесс труда, большей степенью сочетания производственного труда с трудом домашним, сезонностью трудовой деятельности, большей связью молодежи с землей, природой в процессе труда [1, с. 183].

Городская среда создает благоприятные условия для проявления различных форм девиантного поведения среди молодежи. В городской среде можно выделить социальный (население как носитель культуры) и пространственный (материальные, архитектурно-территориальные условия) компоненты [6, с.16]. Социальный компонент городской среды непосредственно связан с культурными нормами и ценностями, специфическим стилем жизни молодых людей, включенностью в социальные группы и общности. Разрушение межличностных связей, сосредоточение криминальных структур и групп, массовая миграция в города, формирование новых субкультур, в том числе маргинальных, выступают в качестве специфических особенностей современной городской среды, которые способны оказать влияние на формирование девиантных форм поведения [6, с.16]. Так, в Пермском крае в 2014 г. 1739 правонарушений совершили лица в возрасте 14–17 лет [14, с.183], среди осужденных доля данной категории населения составила 4,1% от числа всех осужденных в Пермском крае в 2014 г.

Городская молодежь – неоднородная, сложно дифференцированная общность, различающаяся по уровню материальной обеспеченности. В Пермском крае, где средний размер заработной платы составляет 27882,5 руб., 28,0% всех малоимущих составила молодежь [14, с. 92]. Социальное неравенство является одной из главных причин девиантных форм поведения молодых людей, проживающих в городской среде. Большая часть молодежи ориентирована на уровень жизни и стандарты потребления материально обеспеченных групп. Товары (модная одежда, современная техника) и услуги (культурно-развлекательные заведения), предоставляемые городской средой, могут быть недоступны для значительной части молодых горожан. Таким образом, неудовлетворенность запросов молодых людей ввиду отсутствия материальных ресурсов наряду со сформированными чувствами обиды, зависти, агрессии могут стать причиной девиантного поведения [7, с. 31]. Так, для структуры подростковой преступности больше характерна корыстная составляющая и менее выражена насильственная направленность [16, с. 148]. У представителей среднего класса городской молодежи причинами девиантного поведения выступают повышенное стремление к удовольствиям, поиск острых ощущений, скука и желание развлечься, пренебрежение к своему здоровью.

Пространственный компонент городской среды характеризуется разделением городской среды по территориальному признаку и формированием гомогенных групп на вынужденной основе. Проживание молодых людей в «неблагополучном» районе со сформированной девиантной субкультурой уменьшает возможность собственного выбора круга общения и увеличивает вероятность включенности молодых людей в преступные группы [7, с. 31]. Каждый третий молодой преступник России совершал преступления в составе группы [16, с. 148]. Кроме того, значимую роль при характеристике девиантного поведения городской молодежи играет вовлечение в противоправную деятельность лиц, имеющих преступный опыт.

Другим ярким примером распространения девиантных форм поведения является вовлечение подростков в прием психоактивных веществ, для которого характерен феномен «заражения». Каждый наркоман «заражает» 6–10 человек. К территориальным особенностям распространения наркомании в городской среде относятся высокая плотность населения в сочетании интенсивностью контактов [2, с. 45]. Именно поэтому проблема наркомании особенно остро стоит в городах. Так, в Пермском крае впервые поставлен диагноз наркомании в 2014 г. 5 подросткам из каждых 100 тыс. человек в возрасте 15-17 лет, на профилактическом учете состоит 232,6 чел. на 100 тыс. чел. [14, с. 161]. Впервые диагноз токсикомании был поставлен 7,8 чел. (на 100 тыс. населения) в возрасте 15-17 лет, на учете состоят 23,5 чел. (на 100 тыс. населения) [14, с. 161].

Города одновременно включают наилучшие (доступ к образованию, здравоохранению, социальным услугам) и наихудшие условия для здоровья и благополучия населения [12]. По данным Всемирной организации здравоохранения, городская среда несет тройную угрозу для здоровья населения: 1) развитие инфекционных

заболеваний (ВИЧ, туберкулез, пневмония и др.); 2) неинфекционные болезни и состояния (болезни сердца, рак, диабет), которые усугубляются в городской среде изменением режима питания, физической активности, риском подверженности загрязнению воздуха; 3) травмы (включая ДТП) и акты насилия [12].

Неблагоприятное воздействие городской среды на здоровье молодых людей определяется высокой концентрацией факторов антропогенного характера: загрязнение воздуха, почвы, воды, высокий уровень шума, электромагнитные излучения. К загрязнению воздуха в городской среде приводят газовые и пылевые выбросы промышленных предприятий, автомобильный транспорт, коммунальные и бытовые отходы и др. Так, по данным на 2014 г., в Пермском крае выбросы в атмосферу загрязняющих веществ составили 312486 т, большая часть их пришлась на г. Пермь, Добрянский и Горнозаводской муниципальные районы [14, с. 30]. Неблагоприятное воздействие загрязненного воздуха отражается на работе легких, сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, психики [5, с. 2461–2465]. По данным ВОЗ, ежегодно из-за загрязнения воздуха в городах всего мира умирает около 1,2 миллиона человек, в основном в результате сердечно-сосудистых и респираторных болезней. В 2014 г. в результате профилактического осмотра были выявлены новые заболевания у 70433 подростков, в том числе злокачественные образования были обнаружены у 16 юношей и 15 девушек [14, с. 152, 156]. В этом же году в крае ушли из жизни из каждых 100 тыс. человек населения возраста 15–19 лет 136,1 мужчин и 67,1 женщин [14, с. 47].

В значительной мере загрязнение воздуха в городской среде вызвано моторизованными видами транспорта, промышленным загрязнением, выработкой электричества, сжиганием топлива в домах [15].

Неблагоприятное воздействие на проживание в городских жилых домах оказывает шум внешних (транспортный шум) и внутренних (техническое оснащение зданий: лифты, теплообменные станции и др.) источников, технологическое оснащение зданий (морозильные камеры магазинов), санитарное оснащение зданий (водопроводные сети и краны) [3, с. 48–51]. Негативное воздействие шума на работу центральной нервной системы, сердечно-сосудистой системы, деятельность внутренних органов отмечено в ряде исследований. Число психических расстройств выше в густонаселенных районах больших городов [5, с. 2461–2465]. Кроме того, информационные и интеллектуальные нагрузки молодых людей, проживающих в городской среде, обуславливают эмоциональные стрессы, являются причиной язвенных болезней, сердечно-сосудистых заболеваний, негативно сказываются на работе иммунной, опорно-двигательной систем, приводят к истощению функциональных резервов организма.

Таким образом, социальное благополучие, соматическое и психическое здоровье современной молодежи, проживающей в городской и сельской местности, находится под сочетанным действием негативных факторов внешней окружающей природной и социальной среды. Высокая степень рискогенности последней, выраженная в благоприятствовании девиантных форм поведения, делает городскую и сельскую молодежь в возрасте 14–19 лет наиболее уязвимой группой в отношении нарушений здоровья и снижения возможности успешной социализации.

© Гордеева С.С., Хачатрян Л.А. Текст. 2016

Список источников

1. Бояк Т.Н. Особенности культуры современной сельской молодежи // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 3 (31). – С. 180–186.
2. Вешнева С.А., Щелков С.А., Мальцева Н.Л. Причины отказа от наркотиков в среде городских школьников // Человек в современном городе. – 2013. – № 2. – С. 44–50.
3. Влияние шума и вибрации на здоровье населения / И. П. Щербинская [и др.] // Здоровоохранение. – 2012. – № 6. – С. 48–51.

4. Габидуллина Г. Р. Особенности изменения образа жизни городской и сельской молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
5. Глебов В.В. Влияние техногенной сферы большого города на адаптационные процессы человека // Современные проблемы науки и образования [Электронный научный журнал]. – 2013. – № 10 – 11. – С. 2461–2465.
6. Григорьев А.В. Социогенные риски социализации молодежи в условиях городской среды // Социология города. – 2011. – № 1. – С. 16–21.
7. Дашкова С.В. Молодежь в городской среде: деструктивное поведение и его проявления // Социология города. – 2011. – № 2. – С. 31–37.
8. Здоровье подростков // Официальный сайт ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/maternal_child_adolescent/topics/adolescence/ru/
9. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М.: ЦСП и М, 2014.
10. Краткая медицинская энциклопедия. – М., 1989.
11. Российская педагогическая энциклопедия / под ред. В. Г. Панова, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://didacts.ru>
12. «Скрытые города»: выявление и устранение несправедливости в отношении здоровья в городах // Официальный сайт ВОЗ, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/kobe_centre/publications/hiddencities_media/who_un_habitat_hidden_cities_ruw.pdf
13. Старик И.Н. Механизмы конструирования неравенства городской и сельской молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Саратов, 2012. – 18 с.
14. Статистический ежегодник Пермского края. 2015: стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2015. – 413 с.
15. Урбанизация и здоровье // Официальный сайт ВОЗ, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/bulletin/volumes/88/4/10-010410/ru/>
16. Харламов В.С. Криминогенность молодежи мегаполиса в семье и вне семейной среды (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3 (24). – С. 146–150.
17. Чигрин В. Сельская молодежь: методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 2. – С. 116–132 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/06/22/1267353708/07_Chigrin.pdf
18. Чупров В.И. Жизненный старт // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2005. – № 2. – С. 177–179.

Информация об авторах

1. Гордеева Светлана Сергеевна (Россия, Пермь) – ст. преподаватель ПГНИУ (Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: SSGordeyeva@mail.ru).
2. Хачатрян Людмила Александровна (Россия, Пермь) – кандидат исторических наук, доцент ПГНИУ (Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: hachatryan46@mail.ru)

Gordeyeva S. S., Hachatryan L.A.

THE IMPACT OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL FACTORS ON THE HEALTH OF URBAN AND RURAL YOUTH

The article presents the features of the urban and rural environment, extending the conditions for the socialization of young people and their needs, space formation and preservation of the health of the younger generation.

Keywords: urban environment, rural environment, young people, health, deviant behavior.

Information about the authors

1. Gordeyeva Svetlana Sergeyevna (Russia, Perm) – the senior lecturer, PGNIU (Russia, Perm, Bukirev st., 15; e-mail: SSGordeyeva@mail.ru).

2. Hachatryan Lyudmila Aleksandrovna (Russia, Perm) – the candidate of historical sciences, the associate professor, PGNIU (Russia, Perm, Bukirev st., 15; e-mail: hachatryan46@mail.ru).

УДК 314.8

М.А. Ласточкина

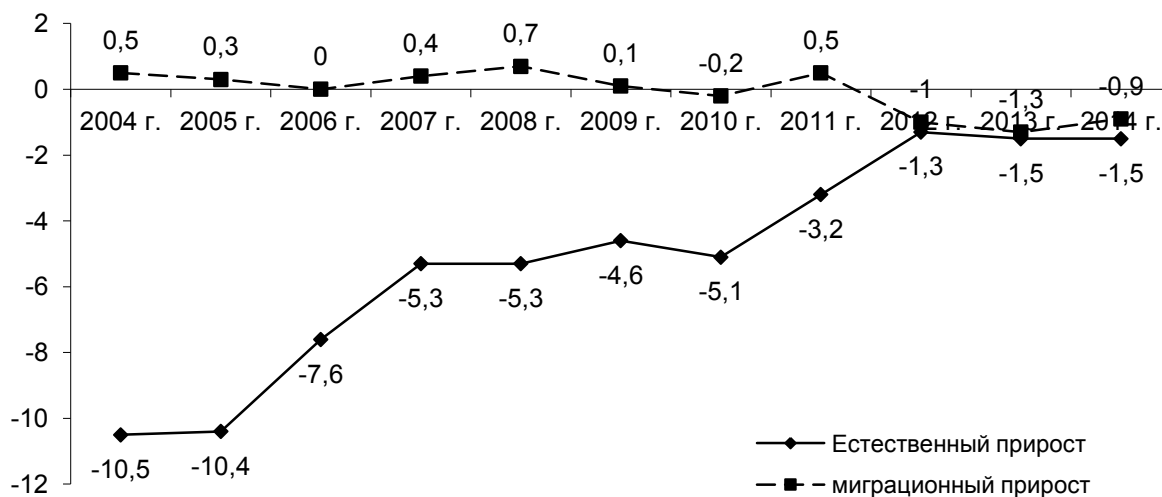
ВЕРОЯТНЫЕ ПРОГНОЗЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)*

В работе рассматривается демографическая ситуация в Вологодской области, тенденции и перспективы ее развития. Анализируются шаги, которые обозначены правительством области для ее улучшения. Предпринята попытка сравнения имеющихся вариантов прогноза с данными статистической отчетности.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, качество населения, прогноз, регион.

В начале 1990-х годов демографическое развитие Вологодской области вступило в период кризиса, включившего такие демографические процессы, как рождаемость, смертность и миграция. Отдельные положительные тенденции, имевшиеся в 1996–1998 годах (снизилась смертность населения), не изменили общей ситуации. Незначительный рост рождаемости начался с 2000 года, когда в активный репродуктивный возраст вступила многочисленная когорта женщин, однако смертность в разы превышала рождаемость, поэтому естественная убыль продолжилась. Некоторая стабилизация демографической ситуации в последние три года видна на рис. 1. Введение материнского капитала (2007 г.) способствовало реализации отложенных рождений, таким образом происходило постепенное увеличение числа родившихся детей. В 2009 г. в сельской местности суммарный коэффициент рождаемости (СКР) стал обеспечивать простое воспроизводство населения (более 2). К 2013 г. в Вологодской области СКР достиг 1,85 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста (в городской местности – 1,63, в сельской – 2,73). Анализ ситуации за последние два года показал, что в 2014 году рождаемость вновь снизилась, так что СКР стал равен 1,75 ребенка. То есть можно констатировать факт достижения желаемого числа детей большей частью женщин репродуктивного возраста.

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Качество детского населения в контексте модернизации России», проект № 14-18-03120.

Источники: Демографический ежегодник Вологодской области / Вологдастат. – Вологда, 2015. – С. 81.

Рис. 1. Изменение численности населения Вологодской области в 2004–2014 г., тыс. чел.

Рассмотрим меры, которые предпринимаются для улучшения демографической ситуации в Вологодской области. Ежегодный отчет губернатора в Законодательном Собрании Вологодской области [1] в 2014 г. содержал следующие шаги социально ориентированной политики:

- с 2014 года малоимущим семьям на третьего и каждого последующего ребенка до достижения им возраста трех лет увеличен размер денежной выплаты с 6 398 рублей до 7 тысяч 196 рублей;

- с 2015 года данная выплата увеличена до 8 230 рублей;

- выплачивается «областной материнский капитал» в размере 100 тысяч рублей при рождении третьего или последующего ребенка (в 2012 г. его получили 490 семей, в 2013 г. – 1788, в 2014 г. – 1947 семей);

- для многодетных семей имеется бесплатное предоставление земельных участков (не конец 2014 г. участками было обеспечено 24,7% нуждающихся семей).

Таким образом видим, что в области проводится политика по поддержке материнства и детства. Однако данные меры все-таки не стимулируют население в должных объемах на многодетность и недостаточны для обеспечения расширенного воспроизводства населения. Например, размер материнского (семейного) капитала, выплачиваемого из федерального бюджета, составляет с января 2016 г. 475 тысяч рублей, что существенно больше (4,7 раза), чем выделяется бюджетом Вологодской области на рождение третьего и последующего ребенка. Почти на полмиллиона рублей семья может улучшить свои жилищные условия, а вот на 100 тысяч этого не сделать, а с учетом того, что выросли еще материальные траты семьи на вновь родившегося, то это становится вообще нереальным.

Что касается смертности, то ее значение на 1000 человек населения составляло 14,8 – это значительно больше, чем в развитых странах (от 7 до 10). Однако введение приоритетных национальных проектов в области здравоохранения по улучшению демографической ситуации с середины 2000 годов дало положительные результаты. Намечившиеся тенденции снижения смертности благоприятно отразились на росте ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), ее значение стремится к мировым стандартам – более 70 лет. За 10 лет она выросла на 7 лет. Основной причиной невысокой ожидаемой продолжительности жизни населения является низкая ОПЖ мужчин, которая на 12 лет меньше, чем у женщин, и составляла в 2014 г. 63,7 года.

Как заявил губернатор Вологодской области О. Кувшинников, здоровье является третьим приоритетом (после комфортной жизни и социально ориентированной политики)

работы правительства области. Так, уже несколько лет проходит диспансеризация населения. В 2014 г. проведена диспансеризация около 200 тысяч человек, что составляет 16% взрослого населения области. Снизился на 1,6% показатель смертности от всех причин, младенческой – почти на 25%. За счет государственно-частного партнерства обновился парк машин скорой помощи для Вологды и Череповца. В 2014 г. открылись два высокотехнологичных медицинских сосудистых центра в Вологде и Череповце, модернизированные гемодиализные отделения в Вологде и «Великоустюгской ЦРБ».

Изложенное выше определяет актуальность изучения перспектив и прогноза численности половозрастного состава населения Вологодской области. Конечно, нельзя относиться к нему как к попытке в деталях предвидеть демографическую динамику на несколько лет вперед. Смысл такого рода перспективных оценок заключается в том, чтобы получить представление о возможных изменениях региональной демографической ситуации при определенных допущениях, касающихся базовых демографических процессов, таких как рождаемость, смертность и миграция [3]. Для оценки динамики структуры населения и прогноза их численности до 2025 г. была использована передвижка возрастов с учетом вероятности дожития каждой возрастной группы до следующей старшей. Ожидаемое число родившихся в году рассчитывалось путем умножения численности женщин репродуктивного возраста 15–49 лет на соответствующие по возрасту коэффициенты рождаемости, полученные из таблиц рождаемости.

Прогноз был построен по данным 2003 г. по двум причинам:

- наличие подробных статистических данных о половозрастном составе населения;
- проверка прогноза и имеющихся статистических данных (2004–2014 гг.).

В 2003 г. суммарный коэффициент рождаемости в Вологодской области составил 1,3 ребенка, количество женщин репродуктивного возраста было 350799 человек – 27,1% от всего населения области (если взять за основу, что в течение всего прогнозируемого периода эти показатели меняться не будут и сохранятся текущие показатели вероятности дожития, а внешняя миграция составит 0,03%).

Таблица 1

Динамика численности населения Вологодской области, распределение по основным возрастным группам на период до 2025 г., при условии сохранения режима воспроизводства населения 2003 г. (стационарный прогноз)

Год	Реальные статистические данные (тыс. чел.)	Разница между прогнозными и реальными значениями (тыс. чел.)	Прогноз				
			Общая численность населения (тыс. чел.)	Изменение численности населения за предыдущий год (тыс. чел.)	Распределение населения по возрастным группам (в %)		
					моложе трудоспособного	трудоспособный	старше трудоспособного
2004	1255,9	23,2	1279,1	-11,6	17,0	62,7	20,3
2005	1245,8	21,9	1267,7	-11,4	16,5	63,3	20,2
2006	1234,9	21,5	1256,4	-11,3	16,0	63,8	20,2
2007	1225,8	19,2	1245,0	-11,3	15,7	64,0	20,3
2008	1219,8	13,9	1233,7	-11,3	15,6	64,0	20,4
2009	1214,1	8,3	1222,4	-11,4	15,6	63,8	20,6
2010	1202,4	8,5	1210,9	-11,4	15,7	63,2	21,0
2011	1201,2	-1,8	1199,4	-11,5	15,9	62,7	21,5
2012	1198,5	-10,6	1187,9	-11,5	16,0	62,1	21,8
2013	1196,2	-19,9	1176,3	-11,6	16,2	61,6	22,3
2014	1193,4	-28,5	1164,9	-11,4	16,4	60,9	22,7
2015	1191,0	-37,2	1153,8	-11,1	16,5	60,2	23,2
2016			1142,9	-10,9	16,7	59,5	23,8

2017			1132,1	-10,8	16,9	58,9	24,2
2018			1121,4	-10,8	16,9	58,5	24,6
2019			1110,6	-10,7	16,9	58,1	25,0
2020			1099,9	-10,7	16,8	57,8	25,3
2021			1089,1	-10,8	16,8	57,6	25,6
2022			1078,2	-10,9	16,7	57,5	25,8
2023			1067,2	-11,0	16,6	57,5	25,8
2024			1056,1	-11,1	16,6	57,6	25,8
2025			1044,9	-11,2	16,6	57,6	25,8

Источники: Демографический ежегодник Вологодской области / Вологдастат. – Вологда, 2015. – С. 81; Копейкина М.А. Перспективы изменения численности и возрастного состава населения региона // Тезисы конференции «Ломоносов – 2005». – М.: МГУ им. Ломоносова, 2005. – С. 577–578.

Как показано в табл. 1, численность населения Вологодской области будет неуклонно сокращаться (в среднем на 11,2 тыс. чел. ежегодно) и достигнет к 2025 г. 1044,9 тыс. человек (на 245,8 тыс. чел. меньше, чем в 2003 г.). При этом более интенсивно число жителей будет убывать в первой половине прогнозируемого периода, ежегодная убыль населения достигнет минимума в 2019, 2020 гг. (10,7 тыс. человек). Из расчетов видно, что разница между прогнозными и реальными значениями сначала была положительной, дальше 2011 г. стала отрицательной. Это произошло вследствие увеличения рождаемости и снижения смертности (напомним, что построенный прогноз имел стационарные значения исходных параметров).

Рассмотри также изменение численности населения по различным сценарным вариантам. По прогнозам Центра демографии и экологии человека, «высокий» коэффициент суммарной рождаемости в России на 2000–2005 гг. равен 1,35, на 2045–2050 гг. – 2,14; «низкий» – 1,13 и 0,95 соответственно [3]. То есть в 2025 г. в среднем можно рассчитывать, что «высокий» суммарный коэффициент рождаемости будет равен 1,7, а «низкий» – 1,0. Относительно смертности населения можно утверждать, что доля населения, перешедшего рубеж трудоспособного возраста, будет неуклонно расти начиная с 2007 г., а значит, есть все основания предполагать, что уровень смертности будет увеличиваться. Поэтому, учитывая возможные ежегодные колебания общего показателя смертности в пределах 2,5%, будем иметь к 2025 г. «высокий уровень» – 23,8‰, «низкий уровень» – 17,1‰ [2]. Рассмотрев все допустимые тенденции изменения численности населения, получили следующие данные: по оптимистическому прогнозу (сокращение смертности и увеличение суммарного коэффициента рождаемости) численность населения региона по сравнению с 2003 г. сократится к 2010 г. на 63,8 тыс. человек; по пессимистическому (увеличение смертности и уменьшение рождаемости) на 95,7 тыс. человек; к 2015 г. по оптимистическому на 99,5, по пессимистическому на 172,1; к 2020 и 2025 гг. разница между прогнозными значениями еще более значительна – 128,9 и 244,9; 156,9 и 318,7 тысяч человек соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Интервалы изменения численности населения Вологодской области по разным прогнозным вариантам демографического развития, тыс. человек

Год	Нижний уровень	Реальное значение	Верхний уровень	Год	Нижний уровень	Верхний уровень
2010	1198,15 – 1202,4 – 1226,68			2020	1048,45 – 1163,13	
2015	1123,20 – 1191,0 – 1191,37			2025	970,39 – 1136,86	

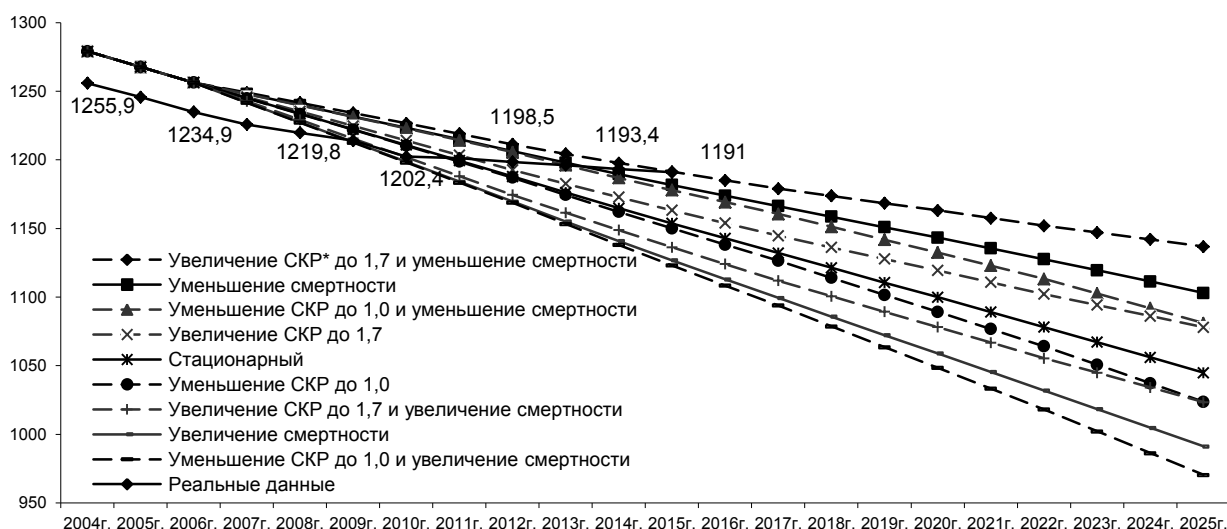

Рис. 2. Численность населения Вологодской области по различным прогнозам, тыс. человек

Источники: Демографический ежегодник Вологодской области / Вологдастат. – Вологда, 2015. – С. 81; Копейкина М.А. Перспективы изменения численности и возрастного состава населения региона // Тезисы конференции «Ломоносов – 2005». – М.: МГУ им. Ломоносова, 2005. – С. 577–578.

При всех различиях девяти рассмотренных прогнозных сценариев (рис. 2) очевидно, что область непременно ожидает до четверти XXI века (почти наверняка и за рамками этого временного периода) постоянное сокращение численности населения. Что касается проведенного прогнозирования, то лишь в период с 2009 по 2015 гг. реальные данные попали в интервал прогнозирования, поэтому требуется более точное аналитическое исследование демографических процессов и корректировка входных параметров.

Вместе с сокращением численности населения будет иметь место и увеличение доли лиц пожилого возраста. Основные последствия этого – замедление процесса трудового замещения и сокращение прироста трудовых ресурсов; возрастание нагрузки на трудоспособных и занятых жителей лицами престарелого возраста; неуклонное увеличение расходов бюджета на социальное обеспечение престарелых людей; возрастание нагрузки на социальную инфраструктуру региона (учреждения здравоохранения, транспорт и т.п.) [4].

© Ласточкина М.А. Текст. 2016

Список источников

1. Ежегодный отчет Губернатора области в Законодательном Собрании области. [Электронный ресурс]. URL: http://okuvshinnikov.ru/interview/ezhegodnyj_otchet_gubernatora_oblasti_v_zakonodatelnom_sobranii_oblasti/ (дата обращения 04.05.2016).
2. Копейкина М.А. Перспективы изменения численности и возрастного состава населения региона // Тезисы конференции «Ломоносов – 2005». – М.: МГУ им. Ломоносова, 2005. – С. 577–578.
3. Население России – 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / под ред А.Г. Вишневого. – М.: КДУ, 2004. – 224 с.
4. Прохор М.Ф. Статистическое исследование и прогнозирование постарения населения в г. Москва: дис... канд. экон. наук. – М., 2003.

Информация об авторе

Ласточкина Мария Александровна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56А; e-mail: mashkop@mail.ru).

Lastochkina M.A.

PROBABLE FORECASTS OF CHANGE POPULATION OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

In work the demographic situation in the Vologda area, a tendency and prospects of her development is considered. Steps which are designated by the Government of the region for her improvement are analyzed. An attempt of comparison of the available versions of the forecast with data of the statistical reporting is made.

Keywords: birth rate, mortality, quality of the population, forecast, region

Lastochkina Maria Alexandrovna (Russia, Vologda) – is the candidate of economic sciences, the senior research associate, Institute of social and economic development of territories of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky st. 56A. e-mail: mashkop@mail.ru).

УДК 314.48 (571.56)

Мостахова Т.С.

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В Республике Саха (Якутия) уровень смертности от внешних причин остается достаточно высоким по сравнению с РФ в целом. Наиболее проблемными социально-демографическими группами выступают сельское население, мужчины трудоспособного возраста, население северных и арктических районов республики.

Ключевые слова: демографическая безопасность, продолжительность жизни, внешние причины смерти, сверхсмертность мужчин, Республика Саха (Якутия).

Наличие кризисных или, по крайней мере, негативных явлений в сфере воспроизводства населения актуализирует внимание к вопросам демографической безопасности регионов. Республика Саха (Якутия) является одним из стратегически важных субъектов федерации, представляя самый крупный регион не только в Дальневосточном федеральном округе, но и в стране в целом. В демографическом развитии республики происходят значительные трансформации, представляющие определенные угрозы для демографической безопасности [5, 163-176], о чем свидетельствует динамика ее индикаторов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика индикаторов демографической безопасности
в Республике Саха (Якутия)

Индикатор	Пороговое значение	1990	2000	2005	2009	2010	2014
Коэффициент депопуляции	1	0,345	0,709	0,708	0,586	0,583	0,483

Суммарный коэффициент рождаемости	2,15	2,46	1,77	1,74	2,00	2,01	2,25
Ожидаемая продолжительность жизни, число лет	75	66,2	63,7	64,7	66,5	66,8	69,8
<i>Отклонения фактического показателя от порогового значения, %</i>							
Коэффициент депопуляции	100	34,5	70,9	70,8	58,6	58,3	48,3
Суммарный коэффициент рождаемости	100	114,4	82,3	80,9	93,0	93,5	104,7
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	100	88,3	84,9	86,3	88,7	88,9	93,1

Только по суммарному коэффициенту рождаемости ситуация достаточно благополучна; основную же угрозу демографической безопасности представляет смертность. В районах Севера процессы смертности населения имеют ключевое значение в обеспечении воспроизводства демографического потенциала. Как и в других северных субъектах Российской Федерации, в Республике Саха (Якутия) ситуация со смертностью населения имеет ряд достаточно негативных проявлений [4, с. 114-116].

Одним из существенных моментов в характеристике смертности в регионе выступает высокая смертность в результате внешних причин смерти. Наблюдается положительная динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших: в 1990 году удельный вес умерших от внешних причин составлял 24,6%, в 2014 году – 17,8%. Абсолютное число умерших по этим причинам за 1990-2014 гг. сократилось почти на 20%, в то время как общее число умерших за тот же период возросло на 10,3%.

Тем не менее по коэффициенту смертности от основных причин смерти эти причины устойчиво занимают 2-е место после болезней системы кровообращения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика коэффициентов смертности по основным классам причин смерти за 1990-2014 гг. (на 100000 населения)

Причины смерти	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014/ 1990
Умершие от всех причин	669,8	971,4	1016,6	981,1	939,5	933,1	874,3	858,8	1,282
В том числе от:									
болезней системы кровообращения	228,9	381,7	465,1	469,5	440,9	443,1	403,7	406,3	1,775
несчастных случаев, отравлений и травм	164,6	243,9	229,2	195,3	181,8	171,3	160,5	155,0	0,942
новообразований	122,0	132,6	125,8	120,7	126,8	129,7	126,8	128,2	1,051

В Республике Саха (Якутия) смертность от несчастных случаев, отравлений и травм выше по сравнению с Российской Федерацией, но ниже аналогичного показателя по Дальневосточному федеральному округу (табл. 3). В 2000 г. в Якутии смертность от несчастных случаев, отравлений и травм составила 243,9 на 100 тыс. чел., в России же – 218,0, а по ДФО – 251,2 на 100 тыс. чел. К 2014 г. в республике отмечается снижение

данного показателя до 155,0, в Российской Федерации – 129,9, а в Дальневосточном федеральном округе – 165,8 на 100 тыс. чел. населения.

В гендерном отношении высокая смертность от внешних причин определяется мужчинами (табл. 4). Сверхсмертность мужчин более характерна для сельского населения, что свойственно и России в целом [2, с. 27-31].

Таблица 3

Динамика коэффициентов смертности от внешних причин смерти,
на 100000 чел.

Регион	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014/ 1990
Российская Федерация	219,0	220,1	151,8	139,4	135,3	129,2	129,9	0,593
Дальневосточный федеральный округ	251,2	284,9	202,4	194,8	184,4	170,9	165,8	0,660
Республика Саха (Якутия)	243,9	229,2	195,3	181,8	171,3	160,5	155,0	0,636

Таблица 4

Динамика коэффициентов смертности от внешних причин смерти за 1990-2014 гг.
(на 100000 населения)

Категории населения	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014/1990
Все население	164,6	243,9	229,2	195,3	181,8	171,3	160,5	155,0	0,942
Мужчины	269,2	403,6	384,9	319,2	303,4	286	266,5	259,4	0,963
Женщины	58,5	89,5	80,7	78,2	66,9	62,9	60,4	56,8	0,969
Городское население	160,1	243,6	217,9	188,2	160,4	149,6	135,9	132,3	0,826
Мужчины	260,0	402,6	365,3	305,9	273,7	252,0	230,9	221,9	0,853
Женщины	58,0	91,6	79,1	78,5	54,9	54,6	48,0	49,4	0,852
Сельское население	173,8	244,3	249,0	208,1	220,4	211,0	206,2	197,8	1,138
Мужчины	287,8	405,3	418,8	342,5	355,7	346,8	330,9	327,3	1,137
Женщины	59,5	85,8	83,5	77,7	89,0	78,6	84,2	70,9	1,192

Сверхсмертность мужчин характерна не только в целом по общему коэффициенту смертности, но и по отдельным причинам, и особенно по внешним причинам смерти (табл. 5).

Таблица 5

Динамика показателей сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия)
за 1990-2014 годы (превышение коэффициента смертности у мужчин над
коэффициентом смертности у женщин, раз)

Категории населения	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014/ 1990
Все население	4,60	4,51	4,77	4,08	4,54	4,55	4,41	4,57	0,992
Городское	4,48	4,40	4,62	3,90	4,99	4,62	4,81	4,49	1,002
Сельское	4,84	4,72	5,02	4,41	4,00	4,41	3,93	4,62	0,954

Показатели сверхсмертности мужчин остаются практически на том же уровне, что и в 1990 году; причем по городскому населению этот разрыв даже увеличивается.

Фактом региональной специфики смертности от внешних причин можно отметить то, что в 1990-1995 годы этот класс причин смерти среди мужчин занимал 1-е место, имея коэффициент смертности 427,8 на 100 тыс. населения, а коэффициент смертности от болезней кровообращения – 372,8 [3, с. 103]. Такая ситуация была свойственна как городского, так и сельского мужского населения. Причем на селе первенство смертности от внешних причин отмечалось даже в 2000 году (от внешних причин – 405,3, от болезней кровообращения – 360,9).

Если в целом по населению и в городской местности коэффициенты смертности от внешних причин сокращаются, то в сельском населении, наоборот, имеют тенденцию к росту.

Дифференциация смертности отмечается и в территориальном плане. Особенно выделяются арктические и северные районы республики, где в течение 2010-2014 гг. показатели смертности по этим причинам в расчете на 100 тыс. населения были намного выше, чем в среднем по республике: в 2010 г. соответственно 327,2 и 195,4, а в 2014 г. – 259,5 и 152,9.

Основная часть смертности от внешних причин формируется за счет смертности от самоубийств (22,15% от общего числа умерших от внешних причин) и убийств (14,4% – на 2014 г.). Для этих причин смерти также отмечается четко выраженная территориальная специфика (табл. 6).

Таблица 6

Динамика коэффициентов смертности населения от убийств и самоубийств за 2010-2014 гг. (на 100 тыс.чел.)

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2014 / 2010
<i>Коэффициенты смертности населения от самоубийств</i>						
В среднем по северным и арктическим районам	85,8	73,3	84,3	50,7	68,5	0,798
В целом по Республике Саха (Якутия)	40,8	39,7	40,1	35,8	33,9	0,831
<i>Коэффициенты смертности населения от убийств</i>						
В среднем по северным и арктическим районам	55,0	47,5	54,4	41,2	54,6	0,993
В целом по Республике Саха (Якутия)	34,3	27,9	28,0	26,2	21,9	0,638

Специфической характеристикой смертности от внешних причин является высокая доля умерших в трудоспособном возрасте, что непосредственно отражается на значительных потерях трудового потенциала [6, с. 126-135; 7, с. 81-84]. В 1990 г. этот показатель составлял 81,8%, к 2008 году он повысился до 84,7%, затем вновь снизился до 81,6% в 2012 году.

Смертность в результате внешних причин представляет значительный резерв роста продолжительности жизни как одного из интегральных показателей демографической безопасности. «Снижение продолжительности жизни в 1990-1994 годах на три четверти и

у мужчин, и у женщин было следствием роста смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин ... У мужчин 43% внес рост смертности от внешних причин и 34% – от БСК, а у женщин, напротив, вклад смертности от БСК был значительнее, чем от внешних причин, соответственно 47% и 29%. Эти же причины внесли основной вклад (у мужчин – 77% и у женщин – 85%) в рост продолжительности жизни в 2003-2014 года» [1].

В Республике Саха (Якутия) смертность от внешних причин также оказывает существенное влияние на сохранение демографического потенциала региона. Наиболее проблемными социально-демографическими группами выступают сельское население, мужчины трудоспособного возраста, население северных и арктических районов республики.

© Мостахова Т.С. Текст. 2016

Список источников

1. Андреев Е., Кваша Е., Харьковская Т. Смертность и продолжительность жизни в России – что нового? [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0683/tema01.php>
2. Иванова А.Е., Калининская А.А., Кудрявцева А.А., Шарафутдинова Н.Х. Предотвратимые потери в связи со смертностью сельского населения // Социальные аспекты здоровья. – 2012. – № 3. – С. 27-31.
3. Мостахова Т.С. Демографическая безопасность региона. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. – 188 с.
4. Мостахова Т.С., Туманова Д.В. Арктика: проблемы освоения и воспроизводства населения (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика, социология и право. – 2015. – № 1. – С.114-116.
5. Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Трансформация демографических процессов в Якутии // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С.163-176.
6. Сукнёва С.А., Туманова Д.В. Влияние витального поведения на трудовой потенциал северного региона // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера-2014: материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: в 2 частях. – Сыктывкар, 2014. – С. 126-135.
7. Туманова Д.В. Смертность в трудоспособном возрасте в Республике Саха (Якутия) // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (24-25 декабря 2013 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар, 2013. – Ч.II. – С. 81-84.

Информация об авторе

Мостахова Татьяна Семеновна (Россия, Якутск) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (Россия, 677007, г.Якутск, ул. Петровского, 2. e-mail: mostakhovats@mail.ru).

Mostakhova T.S.

THE MORTALITY RATE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) FROM EXTERNAL CAUSES IN THE CONTEXT OF THE REGIONAL DEMOGRAPHIC SECURITY

The mortality rate from external causes In the Republic of Sakha (Yakutia) remains high in comparison with Russia. The rural population, men of working age, the population of Northern and Arctic regions of the Republic are the most problematic socio-demographic groups.

Keywords: demographic security, life expectancy, external causes of death, high mortality of men, Republic of Sakha (Yakutia).

Information about the author

Mostakhova Tatyana (Russia, Yakutsk) – doctor of economic sciences, leading researcher of the Department of regional economic and social research, Yakutsk research center, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 677007, Yakutsk, Petrovskogo st., 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru).

УДК 314.32

Е. Н. Новоселова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОГО ПРОФИЛЯ РОЖДАЕМОСТИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу тенденций в возрастном профиле рождаемости населения и их влияния на демографическое развитие РФ. Опираясь на данные демографической статистики и выборочных исследований в области социологии и медицины, автор описывает новые тренды в репродуктивном поведении жителей России, при этом акцент сделан на смещение возраста рождения первого ребенка к старшим возрастам и последствиях данного смещения.

Ключевые слова: возрастной профиль рождаемости, возраст рождения первенца, вспомогательные репродуктивные технологии, возраст вступления в брак.

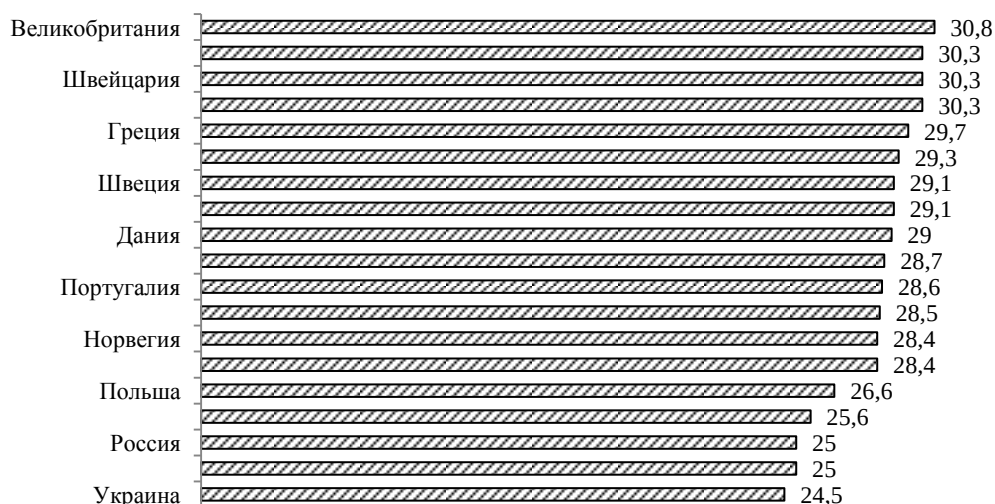
В современной России повышение возраста рождения первого ребенка происходит «в русле откладывания всех этапов взросления» [8]. Сегодняшние молодые люди дольше учатся, откладывают отделение от родителей, вступление в брак и обзаведение семьей и детьми. Постарение рождаемости, особенно в крупных городах России, является одной из основных демографических тенденций.

Количество ранних родов снижается не только в России, но и во всех развитых странах, при этом серьезно увеличивается количество женщин, решивших обзавестись первым ребенком между 30-40 годами [5], таким образом, наблюдается четкая тенденция старения рождаемости, сдвига большего числа рождений к старшим возрастам. Возраст рождения первого ребенка в некоторых странах мира демонстрирует рисунок 1.

В среднем по России возраст рождения первого ребенка – 25 лет [13], при этом рождаемость в крупных городах нашей страны, таких как Москва и Санкт-Петербург, все сильнее приближается к уровню европейских столиц, т.е. к 30 годам, а ведь именно наши две столицы являются демографическим новатором, задают тренд для всех остальных регионов России.

Смещение возраста рождения первого ребенка к более старшим возрастам, безусловно, негативно сказывается на динамике уровня рождаемости в целом. Российские демографы выделяют пять основных последствий откладывания первых рождений. Во-первых, вероятность рождения последующих детей снижается в связи с тем, что сокращается репродуктивный период. Во-вторых, в России, к сожалению, одно из

значимых мест регулирования рождаемости занимает искусственный аборт (несмотря на то, что в последние годы число абортов снижается), а такой метод регулирования деторождения, как аборт, в дальнейшем может привести к невозможности иметь детей. В-третьих, полной реализации репродуктивных намерений могут помешать возрастные ухудшения состояния здоровья, в том числе репродуктивного. В-четвертых, с возрастом растут притязания к уровню жизни, и рождение ребенка может рассматриваться как угроза, как фактор, который этот уровень жизни неизбежно понизит или помешает его достигнуть. В-пятых, откладывание деторождения можно рассматривать как следствие откладывания регистрации брака, а это – снижение ценности устойчивого, длительного брака, что не может не влиять на репродуктивное поведение [4, с. 8-19].

Источник: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php>

Рис. 1. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в некоторых странах мира, 2012 г.

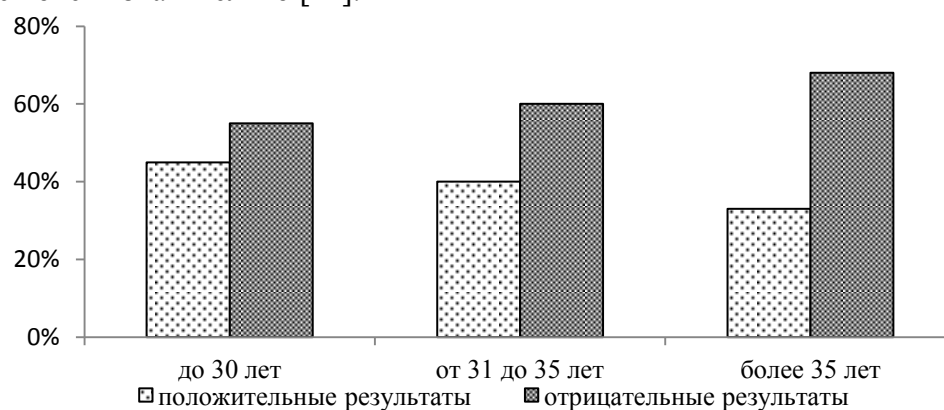
В чем же причины массового откладывания рождений? Увеличение возраста рождения первого ребенка в современном мире имеет множество причин, выделим некоторые из них:

- откладывание брака и его регистрации, распространение незарегистрированных союзов;
- появление новых высокоэффективных способов предупреждения, прерывания и стимулирования беременности, которые позволяют изменить календарь рождений и увеличить период откладывания рождения, повышая возраст материнства;
- удлинение периода социализации, профессиональной подготовки и становления молодого поколения;
- высокая степень доступа женщин к высшему образованию и их вовлечение в общественный труд;
- индивидуализация репродуктивного выбора, т.е. смягчение публичного контроля над репродуктивными решениями и планами, отсутствие демографического давления.

Вероятно, среди экономических и культурных драйверов повышения возраста рождения первого ребенка одно из главных мест принадлежит образованию и доступу к нему женщин. Многие социолого-демографические исследования указывают на значительное влияние на рождаемость уровня образования населения, причем не только на решение женщины родить то или иное количество детей, но и на возрастной профиль рождаемости, т.е. на то, в каком возрасте женщина рождает ребенка. Стремясь получить высшее образование, а затем, отдавая предпочтение работе и построению карьеры, женщина откладывает рождение первенца на неопределенный срок, что не может не

увеличивать риски, связанные с поздней первой беременностью и родами, так как с возрастом организм женщины не молодеет, обостряются хронические заболевания, появляются новые и т.д., а это может подвергнуть опасности жизнь как матери, так и ребенка. Даже если беременность и роды проходят без осложнений, реабилитационный период женщины за 30 значительно более длительный, чем у молодой роженицы, это связано с тем, что иммунная, гормональная и кровеносная системы с возрастом работают в более медленном темпе, что ведет к тому, что организм восстанавливается более сложно и долго.

Как уже отмечалось выше, деторождение в более поздних возрастах можно назвать одним из основных трендов в демографическом развитии развитых стран мира. «При этом проблема «перманентного откладывания» приводит в итоге к бездетности» [9]. Конечно, такие женщины часто прибегают к услугам вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), однако с возрастом значительно уменьшаются шансы зачать ребенка не только естественным путем, «эффективность программ ВРТ также драматически снижается и увеличивается доля «слабого ответа» [16], так как статус фертильности к этому моменту уже снижен очень значительно [11].

Источник: Рудакова Е.Б., Давыдов П.В., Давыдов В.В. Внутриматочная патология у женщин, прошедших первую попытку экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбрионов // Лечащий врач. – 2012. – № 11.

Рис. 2. Влияние возраста женщин на эффективность ВРТ, %

По данным отечественных медиков [10], одним из наиболее значимых факторов бесплодия у женщин является возраст пациенток (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение факторов риска бесплодия по рангу значимости

Влияющие признаки	Ранговое место
Возраст женщины (старше 30 лет)	1
Аборт с осложнениями	2-3
ИППП	2-3
Гинекологические заболевания	4
Уровень образования	5
Социальное положение	6

Источник: Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака // Практическая гинекология / под ред. В.И. Кулакова, В.Н. Прилепской. – М., 2001.

Очевидно, что способность женщины к зачатию и вынашиванию ребенка изменяется на протяжении ее жизни, «существуют объективные биологические ограничения репродуктивного возраста женщины» [9] откладывание деторождения увеличивает риск остаться инфертильной, и чем старше женщина, тем выше этот риск: так, в возрасте 18-29 лет частота случаев бесплодия составляет 10%, после 35 лет – уже

15%, а после 40 лет – 20% [12]. Таким образом, «добровольная» бездетность, из-за откладывания в молодости деторождения на более поздний срок, в зрелом возрасте оборачивается вынужденной бездетностью [15].

По данным переписи населения 2010 года, каждая шестая россиянка остается бездетной к 30-34 годам, а к 50 годам, т.е. к выходу из репродуктивного возраста, все еще не имеет детей каждая десятая жительница России. Налицо рост окончательной бездетности почти в два раза, поскольку ранее переписи населения отмечали такое состояние лишь у каждой двадцатой [14]. Откладывание деторождения и довольно высокий процент бездетных характеризуют сегодняшнее демографическое развитие РФ. Формируют же категорию бездетных как бесплодные, так и сторонники добровольного отказа от рождения детей, к ним можно прибавить еще и тех, кто вышел за границы репродуктивного возраста по причине того, что приоритеты были отданы решению других индивидуальных социально-экономических и психологических проблем [14].

Возраст рождения первого ребенка напрямую зависит от возраста вступления в брак, так как несмотря на трансформацию института семьи сегодня и распространение незарегистрированных сожительств по-прежнему существует привязка рождения детей к официальному заключению брака, и 70% детей рождается именно в таких союзах, которые стали заключаться все в более позднем возрасте. Действительно, возрастные показатели брачности в России в последние полтора десятилетия свидетельствуют о том, что возраст жениха и невесты при вступлении в первый брак постепенно растет. За 15 лет «возраст регистрации первого брака увеличился и у мужчин, и у женщин практически на 3 года (у мужчин с 24,4 до 27,4, у женщин с 22,2 до 25,0)» [6] (см. таблицу 2), и даже официально заключив брак, более половины семей не торопятся завести детей [14], т.е. увеличивается доля супружеских пар, откладывающих рождение ребенка. «При этом сохранились очень существенные различия в доле не имеющих детей в зависимости от того, зарегистрирован первый брак или нет. Если среди тех, кто прожил в зарегистрированном первом браке не менее трех лет, доля не имеющих детей составила, по результатам опроса 2010 г., 19,7%, то среди тех, кто живет не менее трех лет в первом незарегистрированном браке этот показатель в 3,8 раза больше – 74,1%» [2].

Таблица 2

Средний возраст мужчины и женщины при регистрации первого брака (1980, 1985, 1990-1996 и 2011 гг.)

Год	Мужчины	Женщины
1980	24,28	22,44
1985	24,16	22,22
1990	23,93	21,86
1991	23,95	21,80
1992	23,87	21,72
1993	23,83	21,72
1994	23,98	21,84
1995	24,18	21,99
1996	24,41	22,18
2011	27,38	24,97

Источник: [6].

Вступление в брак в более раннем возрасте, по данным российских исследователей, связано с ориентацией на большее число детей, так как более высокие репродуктивные установки подталкивают к раннему заключению брака, для того чтобы раньше создать семьи и успеть более полно реализовать имеющуюся потребность в детях [1, 2]. «Ожидаемое число детей в среднем выше у вступивших в брак в 17-18 лет, а у женщин –

существенно ниже у тех, кто вступил в брак в возрасте 26 лет и старше. У вступивших в брак в 17-18-летнем возрасте москвичек, опрошенных в 2004 году, и желаемое, и ожидаемое число детей значительно выше по сравнению с теми, кто начал свою супружескую жизнь позже» [2].

Отмеченные изменения возрастного профиля рождаемости являются чрезвычайно важными для анализа и прогнозирования демографической ситуации в России. В недавнем прошлом откладывания рождения первого ребенка в нашей стране были очень мало распространены. Для современной России это уже не столь актуально, «приобщение к опыту откладывания первого ребенка среди молодых поколений происходит весьма интенсивно» [6]. Можно предположить, что подобное откладывание приведет как к снижению рождаемости в целом, так и к увеличению женщин, отказавшихся, добровольно или вынужденно, от материнства вообще. Названная тенденция лишь усугубит и без того серьезные демографические проблемы, стоящие перед нашей страной, которые на сегодняшний день являются самыми острыми, злободневными и актуальными.

© Новоселова Е.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур // Социология. – 2014. – № 3.
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. – 2013. – № 2.
3. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М.: ТЕИС, 2006.
4. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2006. с. 18-19.
5. Журавлева Е., Бродская А. Время рожать. Ученые и врачи спорят о том, когда лучше заводить первого ребенка // Новые Известия. – 2005. – 17 авг.
6. Захаров С. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. – № 545 – 546 4. – 17 марта 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>
7. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36241>
8. Ипатова А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. – 2015. – № 4.
9. Малева Т., Тындик А. Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema07.php>
10. Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака // Практическая гинекология / под ред. В.И. Кулакова, В.Н. Прилепской. – М., 2001.
11. Определение овариального резерва у женщин старшего возраста с бесплодием: роль АМГ // Информационное письмо ассоциации гинекологов-эндокринологов России №8/2011 от 15 марта 2011.
12. Основные причины бесплодия у женщин // Интернет-Журнал про женское и мужское здоровье [Электронный ресурс]. URL: <http://vasha-urologiya.ru/osnovnye-prichiny-besplodiya-u-zhenshhin>
13. Россиянки рожают первого ребенка в среднем в 25 лет // Демоскоп Weekly. На просторах России [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/rossia01.php#4
14. Русанова Н.Е., Исупова О.Г. Добровольная или вынужденно: кто обеспечивает 17-20% ожидаемой окончательной бездетности среди молодых поколений

российских женщин? [Электронный ресурс]. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/e0d9b2258df7e09dfe59eb325aa1347887e0582f.pdf>

15. Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2014.

16. Тишкевич О.Л., Жабинская А.Б., Алексеева Е.В., Волоханович С.М., Черноморец Ю.В. Экстракорпоральное оплодотворение после 40 лет. Клинико-эмбриологические аспекты // *MediAnti-aging*. – 2009. – № 3.

Информация об авторе

Новоселова Елена Николаевна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, доцент Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии (Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 33. e-mail: alena_n_@mail.ru).

Novoselova E. N.

THE TRANSFORMATION OF THE FERTILITY AGE PROFILE AS A FACTOR REDUCING RUSSIA'S POPULATION REPRODUCTIVE POTENTIAL: MEDICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

This article analyzes trends in the population age profile birth rate and its impact on the demographic development of the Russian Federation. Based on data and sample surveys in the field of sociology and medicine, the author describes new trends in the reproductive behavior of Russia's citizens, with the emphasis on the shift of the first birth age to the older age and its consequences.

Keywords: age birth profile, age, birth of the first child, assisted reproductive technologies, the age of marriage.

Information about the author

Novoselova Elena Nikolaevna (Russia, Voscow) – Associate professor, PhD in Sociology, Moscow State University, Department of Sociology (Russia, Moscow, Lenin gory, MSU, 1. p. 33, Department of Sociology. e-mail: alena_n_@mail.ru).

УДК 314.15

Ю.А. Потанина

ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОРОВ РИСКА В ЦЕЛЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Информационная поддержка пожилых людей рассматривается с точки зрения возможностей ее использования для повышения знаний пожилых людей в области своего здоровья, стимулирования самосохранительного поведения и профилактики заболеваемости населения в группе информационного риска. Данные изучения факторов риска здоровья с помощью инновационных технологий на основе компьютерного мониторинга, который начал проводиться в конце 90-х годов прошлого века в России, показывают, что для эффективного управления здоровьем в России необходима согласованность между государственными мерами медико-социальной политики с учетом демографических показателей, механизмами влияния на поведение пожилого человека, а также обязательная обратная связь по результатам выполнения мер.

Ключевые слова: демографическое старение, управление здоровьем, факторы риска, социально-демографическая политика, информационная поддержка, профилактика здоровья, компьютерные технологии.

Резервы повышения экономической и трудовой активности пожилого населения напрямую связаны с уровнем здоровья. Пожилые люди обладают определенным уровнем профессиональных знаний, опытом, хотят его использовать, повышая свою квалификацию, поскольку это вызывает мобилизацию их сил и резервов, благоприятно отражаясь на здоровье. Сохранность здоровья обеспечивает им нормальную жизнедеятельность, позволяет осуществлять социальные контакты и удовлетворять культурные потребности. В рамках научного исследования австралийские ученые пришли к выводу, что после выхода на пенсию люди становятся более активными, лучше спят, тем самым восстанавливая физические процессы в организме. Для своего исследования специалистами Сиднейского университета был изучен образ жизни более 25 тыс. австралийцев в старших возрастах на основе различных показателей, включая физическую активность, диетическое питание, наличие сидячего образа жизни, употребление алкоголя и количество сна. По результатам обследования, выход на пенсию для его участников был связан только с положительными изменениями образа жизни, уменьшением склонности к курению, более здоровым сном. Результаты исследования свидетельствуют, что медицинские ведомства совместно с органами власти должны рассмотреть вопрос о разработке специальных программ для пенсионеров, которые способствовали бы тому, чтобы после выхода на пенсию эти люди могли вести максимально здоровый и активный образ жизни¹.

Всемирная организация здравоохранения определила здоровье как состояние полного физического, психического и социального благополучия. Согласно ВОЗ здоровье зависит: на 50% – от условий и образа жизни, на 20% – от окружающей среды, на 20% – от генетических факторов и на 10% – от служб здравоохранения². Синтез этих составляющих здоровья может быть дополнен духовным фактором. Тесная взаимосвязь этих факторов – это забота о телесном здоровье, которое основано на материальной сущности человека, и о духовном здоровье, основанном на религиозном и философском учении о выделении трех сущностей человека – духовной, психической и телесной. Синергетическое понимание здоровья индивида в российской медицине привело к появлению социально-гигиенического направления, в котором большую роль играла профилактика здоровья, формирующегося под действием природных и социальных условий.

Комплексный подход к управлению индивидуальным здоровьем позволяет построить контур его управления [1, с. 43]. Российский ученый в области управления здоровьем Л.А. Дартау считает, что государство, пожилой человек и его здоровье должны быть связаны в едином контуре с обязательной обратной связью. Профилактический эффект обеспечивается за счет выявления факторов риска здоровья у населения, его просвещения и повышения грамотности в области охраны здоровья.

С точки зрения информационной поддержки контур здоровья основан на применении инновационной технологии ЭДИФАР (Экспертный Диалог и Изучение Факторов Риска), с помощью которой выявляют население в группах риска по состоянию здоровья путем компьютерного опроса и анонимной анкеты, а также предоставляют участнику опроса индивидуальную карту с указанием его факторов риска, рекомендациями и сроком следующего посещения опроса.

Указанная система ЭДИФАР способствует повышению грамотности пожилого населения в области здоровья, той его части, которая приходила в поликлинику во время

¹См.: <http://www.kapital-rus.ru>, retrieved 15.03.16

² См.: <http://www.who.org>, retrieved 25.04.16

регулярной диспансеризации, когда обычно проводился опрос с помощью данной технологии (в анкете указываются факторы риска и спрашивается об отношении опрашиваемого к ним). В доступной форме альтернативных вопросов (нужно выбрать правильный ответ из набора вариантов) происходит как ознакомление участника с факторами риска, так и информирование об их последствиях, необходимости принятия профилактических или медицинских мер, стимулирование здорового образа жизни.

Синтез различных функций, которые может выполнять инновационная технология ЭДИФАР (ознакомление, выявление, профилактика, стимулирование, а также научное исследование), ведет к значительному снижению транзакционных издержек информационной поддержки управления здоровьем пожилого населения. Мониторинг выполнения государственных программ (в анкету могут быть включены вопросы, касающиеся эффективности различных медицинских и социальных услуг) позволяет проводить их своевременную корректировку. Доверие к анонимному опросу у пожилых людей о факторах риска здоровья может быть даже больше, чем к медицинским работникам, так как опрос в большей степени связан с тайной частной жизни и не включает персональные данные.

Важность более широкого охвата населения в старших возрастах информационной поддержкой и выявление тех, кто в ней особенно нуждается, базируется на небезосновательном утверждении, что само население во многих случаях невнимательно относится к своему здоровью. При этом необходимо учитывать, что не все пожилые люди могут быть охвачены программами в равной степени: кто-то может испытывать трудности с передвижением, и ему трудно дойти до места, где он может получить услугу. Транспорт в определенной степени может помочь удовлетворить эти потребности, но не всегда. Частная жизнь пожилых людей может не касаться государственных органов, и при этом им не совсем желательно, чтобы это имело место. Своевременная информация о работе медицинских структур (из-за постоянных реорганизаций и изменений в законодательстве) не всегда бывает им доступна из-за более медленной по причине возраста адаптации к новым условиям. Возникают проблемы, связанные с Интернетом и другими СМИ, где различные новые предложения и веяния преподносятся в качестве панацей для поправки здоровья. В связи с кризисом, когда компании, имевшие рынок сбыта, начинают испытывать трудности с финансированием, обостряется проблема мошеннических действий с их стороны, особенно в сфере охраны здоровья и ЖКХ.

Население в третьем возрасте, поэтому, находится в группе информационного риска, особенноному риску подвергаются следующие группы:

- одинокие и больные пожилые люди;
- неграмотные в правовом смысле и психологически неадаптированные к условиям рынка лица в старших возрастах;
- пожилые люди, которые не могут быть охвачены информационными программами в равной степени по различным причинам.

Грамотность населения в области индивидуального здоровья – это способность человека оценить, понять и применить информацию, касающуюся здоровья, для его улучшения. Она охватывает знание современной системы здравоохранения, особенностей частного и государственного медицинского обслуживания, профилактических мер и стимулирования здорового образа жизни. В России повышение этой грамотности будет способствовать снижению заболеваемости пожилого населения, так как исследования показывают, что грамотность в области здоровья играет большую роль в уменьшении заболеваемости. Причем социально-экономический статус или положение индивида также влияют на его осведомленность о проблемах своего здоровья.

Информированность трудоспособного населения о возможных будущих современных проблемах старости, включая здоровье, способствует формированию знаний о реальных ее рисках, в том числе вероятности и тяжести последствий длительного ухода, инвалидности, что в отдельных случаях может составлять долгие годы, методах лечения и

профилактики рисков тяжелых заболеваний, особенностях ухода за пожилыми людьми и тенденциях повышения доли одиноких лиц в старших возрастах, вероятности быть вытесненным из сферы экономической деятельности, наступления психологических кризисов и т.д. Исследование, проведенное в Высшей школе экономики в 2015 г. на тему «Динамика уровня доходной обеспеченности пенсионеров в условиях кризиса», акцентирует внимание на финансовой независимости лиц в старших возрастах как одной из особенностей современных пенсионеров. Реалии таковы, что финансовое состояние многих семей зависит от получения дохода работающим пенсионером, который несет бремя их содержания¹.

Реализация информационной работы с пожилыми людьми направлена на снижение их социальной изолированности и исключения, чтобы преодолеть их определенную уязвимость на местном уровне. Она в большей степени проявляется в городах, особенно в условиях кризиса (так как в сельской местности в большей степени действует т.н. сарафанное радио, информация доступнее даже для тех, кто менее грамотен). Повышается значение обратной связи с пожилым населением, а информационная поддержка становится актуальной и многомерной темой.

© Потанина Ю.А. Текст. 2016

Список источников

1. Дартау Л.А. Теоретические аспекты управления здоровьем и возможности его реализации в условиях Российской Федерации // Проблемы управления. – 2013. – Вып. 2. – С. 43-52.

Информация об авторе

Потанина Юлия А. (Россия, Москва) – младший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, Экономический факультет. e-mail: potanina@yahoo.com).

Potanina Y.A.

THE STUDY OF RISK FACTORS FOR INFORMATION SUPPORT OF ELDERLY POPULATION

The article considers information support of the elderly from the point of view of its possibilities for increasing health knowledge, inducing healthy life-style behavior and implementing preventive measures for the population in high information risky group. The results of the study of health risk factors by means of innovation technology using computer survey show that efficient health control in Russia needs coordination between health measures of medical and social policies, mechanisms of influencing behavior of elderly individuals and receiving necessary feedback after measure implementation.

Keywords: population aging, health control, risk factors, socio-demographic policy, information support, disease prevention, computer technology.

Information about the author

Potanina Yulia A. (Russia, Moscow) – Researcher, Moscow State Lomonosov University, Faculty of Economics (Russia, 119991, Moscow, Leninskiye Gory, House 1, Building 46. e-mail: potanina@yahoo.com).

¹См.: <http://www.ng.ru/economics>, retrieved 28.03.16

ВОЗМОЖНОСТИ СОКРАЩЕНИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН КАК РЕЗЕРВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

В работе рассматриваются факторы, тенденции и региональные особенности смертности российского населения от внешних причин в 2006-2014 гг. Демографические потери России от данного компонента смертности составили более 1,8 млн человек. Внешние причины смертности в стране по-прежнему обусловлены социальными причинами и имеют существенные региональные диспропорции. Выделены социальные условия и сформулированы рекомендации по совершенствованию политики в области предотвращения смертности от внешних причин.

Ключевые слова: смертность от внешних причин, резервы демографического развития регионов России, ожидаемая продолжительность жизни, меры демографической политики в области снижения смертности.

Введение. Основные демографические резервы стабилизации и увеличения численности населения России формируются четырьмя компонентами, обусловленными влиянием целой группы социально-экономических факторов: 1) резервы, которые могут быть сформированы за счет уменьшения уровня смертности от внешних причин; 2) резервы, определяемые сокращением эмиграционного оттока населения; 3) резервы, которые определяются укреплением брачно-семейных отношений; 4) резервы, формируемые социальной инфраструктурой (обеспечение доступности и улучшение качества медицинских услуг, доступность различных уровней образования и пр.).

Одним из ключевых компонентов резервов демографического развития является снижение уровня смертности населения от внешних причин. В структуре смертности населения России внешние причины в течение достаточно продолжительного периода времени прочно удерживают третье место после болезней органов кровообращения и новообразований. При этом важно понимать, что смерти от внешних причин относятся к *предотвратимым*. Следовательно, создание и реализация комплекса условий, направленных на снижение уровня смертности от внешних причин, может дать весьма ощутимый вклад в сбережение и увеличение человеческого потенциала населения России.

Динамика смертности от внешних причин в России. Согласно современной классификации причин смертности, принятой на третьей сессии ВОЗ в 1990 г. (МКБ-10; в России эта классификация действует с 1999 г.), внешние причины принято относить к классам XIX «Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин» и XX «Внешние причины заболеваемости и смертности». В настоящем исследовании мы сфокусируемся на анализе следующих четырех компонентов смертности: от самоубийств, от убийств; от случайных отравлений алкоголем; от транспортных травм всех видов. Динамика смертности в России в 2006 – 2014 гг. от всех внешних причин и в разрезе отдельных компонентов представлена в таблице 1.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что только за период с 2006 по 2014 гг. демографические потери вследствие смертности от внешних причин составили свыше 1,8 млн человек. С начала же 1990-х гг. от внешних причин погибло около 6 млн россиян [5]. Здесь следует отметить, что те же четыре причины вносят весомый вклад в инвалидизацию населения.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-02854-а

Таблица 1

Динамика смертности от внешних причин в России в 2006-2014 гг., человек¹

Год	Число зарегистрированных умерших от всех внешних причин	В том числе от:			
		самоубийств	случайных отравлений алкоголем	транспортных травм всех видов	убийств
2006	271.570	42.468	28.386	37.887	28.513
2007	248.138	40.954	20.773	38.859	24.885
2008	233.709	38.113	19.225	35.390	23.427
2009	213.203	37.198	16.288	29.997	21.121
2010	206.331	33.308	14.381	28.499	18.660
2011	187.861	30.566	11.741	28.813	16.406
2012	178.934	28.934	10.078	29.265	14.945
2013	171.717	28.103	9.721	28.398	13.912
2014	171.287	26.175	9.561	28.504	12.561
Итого	1.882.750	305.819	140.154	285.612	174.430

За анализируемый период времени прослеживается положительная динамика, характеризующаяся снижением абсолютного числа смертей от всех внешних причин. Существенно снизилось число самоубийств (на 38%), случайных отравлений алкоголем (на 64%), убийств (на 56%), несколько меньше (на 25%) снизилось число умерших от транспортных травм всех видов. Однако, если сравнивать российские показатели смертности от внешних причин с европейскими, то можно констатировать многократное превышение смертности от внешних причин в России. Так, например, смертность от самоубийств в России (в расчете на 100 тыс. населения) в два раза выше, чем в Германии, смертность в результате ДТП – выше в 3,8 раза, в результате убийств – в 9 раз [2]. На долю внешних причин смертности в среднем приходится 14% всех смертей, в то время как в большинстве европейских стран этот показатель колеблется от 6 до 8%.

В течение длительного времени существовала заметная дифференциация смертности от внешних причин между городской и сельской местностью. В частности, снижение уровня смертности от внешних причин в городской местности шло более быстрыми темпами, нежели в сельской. Наибольшие разрывы достигались в 2010 г. и составляли 6,8 процентного пункта (рассчитано на основании официальных данных Росстата²). К 2014 г. различия в скорости снижения смертности от внешних причин между городом и селом фактически исчезли.

В России очень ярко проявляется дифференциация в уровнях смертности от внешних причин между мужчинами и женщинами. В различные годы в некоторых возрастных группах превышение мужской смертности над женской достигало десятков раз. В среднем за период с 2006 по 2014 гг. уровень смертности от внешних причин для мужчин был в 3,4 раза выше, чем для женщин. Наибольшие разрывы характерны для трудоспособных возрастов. Если же проводить сравнение женской и мужской смертности от внешних причин в России и ряде европейских стран, то ситуация еще более тревожная:

¹ Источник: Единая Межведомственная Информационная Справочная Система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43780>; <https://www.fedstat.ru/indicator/42932>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30974>.

² Демографический ежегодник России, 2015 г. Электронное издание. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312.

мужская смертность в результате убийств в России в десятки раз выше, чем в странах ЕС, различия для женщин также в разные годы составляли до 10 раз [5].

Выше отмечалось, что по всем компонентам смертности от внешних причин в *абсолютном* выражении наблюдается положительная динамика снижения. Однако, если анализировать *относительные* показатели, то картина не такая однозначная. В таблице 2 представлена динамика доли смертности от отдельных внешних причин в 2006 – 2014 гг.

Анализируя значения, представленные в таблице 2, можно сделать вывод о том, что в структуре смертности от внешних причин снизилась доля убийств и доля случайных отравлений алкоголем. Снижение смертности от алкогольных отравлений хорошо коррелирует со снижением зарегистрированных объемов продаж крепких спиртных напитков, в частности, водки [3]. Основным инструментом воздействия на уровень смертности от отравлений алкоголем явилось внедрение системы ЕГАИС, направленной на ужесточение контроля за качеством алкогольной продукции. С другой стороны, повышение акцизов на алкогольную продукцию может нивелировать достигаемый положительный эффект, поскольку это может привести к росту нелегального производства алкоголя и, как следствие, к росту числа отравлений, в том числе с летальным исходом.

Таблица 2

Доля смертности от отдельных причин в общей смертности от всех внешних причин в России в 2006-2014 гг.¹

Год	Доля отдельных причин в общей смертности от всех внешних причин, в том числе от:				
	самоубийств	случайных отравлений алкоголем	транспортных травм всех видов	убийств	прочих причин
2006	0,156	0,105	0,140	0,105	0,495
2007	0,165	0,084	0,157	0,100	0,494
2008	0,163	0,082	0,151	0,100	0,503
2009	0,174	0,076	0,141	0,099	0,509
2010	0,161	0,070	0,138	0,090	0,540
2011	0,163	0,062	0,153	0,087	0,534
2012	0,162	0,056	0,164	0,084	0,535
2013	0,164	0,057	0,165	0,081	0,533
2014	0,153	0,056	0,166	0,073	0,552

В то же время доля самоубийств показывает разнонаправленную динамику. За рассматриваемый период времени максимум пришелся на 2009 г. Тревожные тенденции прослеживаются в уровне смертности от транспортных травм всех видов: с 2006 по 2014 гг. наблюдается постепенное увеличение этого компонента смертности с 14,0 до 16,6% в общей смертности от внешних причин. Также можно отметить, что доля прочих причин выросла с 49,5 до 55,2%. Некоторыми авторами, например, в [1], отмечается, что это может являться следствием деформации структуры причин смертности. В частности, может происходить как недоучет смертности от отдельных причин, так и маскирование части смертей от убийств, суицидов и алкогольных отравлений под рубрикой «повреждения с неопределенными намерениями».

¹ Рассчитано авторами на основании данных Росстата: Демографический ежегодник России, 2015 г. Электронное издание. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312.

Региональные особенности смертности от внешних причин. Переходя к анализу смертности от внешних причин на региональном уровне, отметим, что в целом в большинстве регионов РФ прослеживаются те же тенденции, что и на федеральном уровне. Однако за рассматриваемый период времени можно выделить и ряд характерных особенностей. В таблице 3 представлена динамика уровня смертности от всех внешних причин в региональном разрезе.

Приведенные в таблице 3 значения свидетельствуют о том, что, с одной стороны, наметились определенные тенденции к снижению смертности от внешних причин практически во всех регионах Российской Федерации, с другой стороны – также происходит уменьшение межрегиональных различий, которое может указывать на определенную стабилизацию социально-демографических процессов в регионах РФ. С течением времени происходит как уменьшение размаха вариации уровня смертности от внешних причин, так и вариабельности значений относительно среднего. Последний факт может быть объяснен снижением дифференциации уровня жизни населения на региональном уровне.

Таблица 3

Динамика уровня смертности от всех внешних причин в разрезе субъектов Российской Федерации, в расчете на 100000 населения региона¹

Год	Среднее взвешенное значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
2006	209,57	71,74	34,22	399,84
2010	164,11	59,15	29,54	369,81
2013	134,85	45,44	24,86	279,00

В таблице 4 выделены регионы РФ, характеризующиеся аномально высокими уровнями смертности от внешних причин. Можно констатировать, что за исключением двух–трех регионов состав группы наиболее неблагополучных регионов за рассматриваемые годы не изменился. Наиболее сложная ситуация сложилась в Республике Тыва, Забайкальском крае и Республике Алтай.

Таблица 4

Регионы России с наиболее высокими значениями смертности от внешних причин

2006 г.	2010 г.	2013 г.
Амурская область (1,44)	Амурская область (1,28)	Амурская область (1,74)
Забайкальский край (2,15)	Еврейская АО (1,38)	Еврейская АО (1,50)
Кемеровская область (1,30)	Забайкальский край (1,77)	Забайкальский край (1,60)
Новгородская область (1,17)	Кемеровская область (1,10)	Иркутская область (1,18)
Псковская область (1,10)	Псковская область (1,15)	Курганская область (1,17)
Республика Алтай (1,95)	Республика Алтай (1,73)	Республика Алтай (1,87)
Республика Бурятия (1,55)	Республика Бурятия (1,32)	Республика Бурятия (1,64)
Республика Марий Эл (1,26)	Республика Марий Эл (1,15)	Республика Марий Эл (1,32)
Республика Тыва (2,65)	Республика Тыва (3,48)	Республика Тыва (3,17)
Сахалинская область (1,39)	Сахалинская область (1,59)	Сахалинская область (1,61)
Тверская область (1,22)	Чукотский АО (3,02)	Чукотский АО (1,72)
Чукотский АО (1,13)		

Примечание: в скобках указано превышение уровня смертности от внешних причин над среднероссийскими показателями, выраженное в стандартных отклонениях.

¹ Рассчитано авторами на основании данных Единой Межведомственной Информационной Справочной Системы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43780>; <https://www.fedstat.ru/indicator/42932>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30974>.

Нами также были выделены четыре типа субъектов РФ по структуре внешних причин смертности, обусловленных девиантным поведением и маргинализацией населения [4]. В первую группу вошли территории с *преобладанием транспортных происшествий среди причин смертности* – Карачаево-Черкесская Республика (39,4%), Республика Северная Осетия (30,3), Краснодарский край (25,4), Ставропольский край (25,3), Москва (24,2), Калужская область (23,5%). Вторую группу образовали *регионы с преобладанием самоубийств* – Республика Удмуртия (28,2%), Алтайский край (25,3), Республика Башкортостан (24,6), Курганская область (22,9), Ивановская область (21,7), Кемеровская область (21,6%). Третий тип – *регионы с повышенной долей алкогольной смертности* – сюда вошли регионы, преимущественно входящие в состав Северо-Западного федерального округа. Четвертый тип – *регионы с повышенной долей убийств* в структуре внешних причин смерти – Республика Тыва (14,3%), Республика Саха (Якутия) (14,3), Забайкальский край (13,4), Еврейская АО (12,8), Республика Бурятия (12,3), Камчатский край (11,8), Чукотский АО (11,6), Приморский край (11,5), Республика Алтай (11,4%). Данная типологизация показывает не только региональную специфику внешних причин смертности, но и позволяет обозначить приоритетные направления программ снижения смертности для федеральных и региональных властей.

Обсуждение результатов и выводы. Государство по сути своей является гарантом обеспечения внешней и внутренней безопасности. В целях укрепления демографической безопасности в России созрели предпосылки для трансформации демографической политики в *социально-демографическую* политику, которая могла бы более комплексно и результативно подходить к изменению социально-экономических условий труда и жизни людей, способствовать сокращению уровня смертности от внешних причин.

В первую очередь необходимо провести *систематизацию и обобщение регионального опыта реализации социально-демографической политики* в 2007-2015 гг. Многие субъекты РФ не только успешно реализовали меры федеральной социально-демографической политики, но и предложили специальные программы субсидирования жилищного строительства, поддержки семей с детьми, снижения бедности, укрепления физического здоровья, духовного развития и патриотического воспитания. Например, можно выделить успешно реализованные программы социально-демографического развития в Белгородской и Вологодской областях, Ханты-Мансийском АО. Данный позитивный опыт нуждается в обобщении, систематизации и распространении на другие регионы России.

Как на федеральном, так и на региональном уровне должны проводиться *мероприятия, направленные на снижение зависимости населения от вредных привычек* (алкоголизм, наркомания, курение). Особые усилия здесь необходимо направить на профилактику девиационного поведения среди молодежи. Злоупотребление спиртными напитками может стать причиной наступления иных видов смертности: от ДТП, случайных падений, утоплений. Алкоголизм увеличивает риск смерти от других причин: болезней системы кровообращения, новообразований и т.д.

Одним из ключевых факторов снижения смертности от внешних причин является улучшение *качества жизни* населения. Обеспечение достойного уровня заработной платы, получение качественной и своевременной медицинской помощи, возможность повышения уровня образования, обеспеченность жильем – необходимые условия снижения смертности от предотвратимых причин.

В последние годы внедряется ряд проектов, направленных на изменение инфраструктуры городской среды, более безопасной для всех участников дорожного движения: создание транспортных развязок, виадуктов и подземных переходов, развитие сети велосипедных дорожек и т.п. Это может способствовать снижению уровня смертности от транспортных травм.

Значительный эффект для снижения уровня смертности от внешних причин можно получить путем *распространения здорового образа жизни и создания благоприятного социального климата в обществе.*

© Рязанцев С.В., Храмова Н.М., Гришин А.С. Текст. 2016

Список источников

1. Антонова О.И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин: автореф. дис. ...канд. экон. наук. – М.: ИСПИ РАН, 2007. – 23с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. Человеческое развитие в условиях экономической неустойчивости / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
3. Немцов А. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2, № 4. – С. 111 – 135.
4. Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Письменная Е.Е., Томайлы А.Е. Социальные резервы демографического развития России: снижение рисков и потерь от алкогольно-девиационных процессов // Миграционные мосты в Евразии: материалы VII международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран» (Москва – Ставрополь, 13-18 октября 2015 года) / под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2015. – С. 228-232.
5. Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность от внешних причин в России и странах ОЭСР: оценка преждевременных потерь и условия их снижения // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, № 3. – С. 896 – 902.

Информация об авторах

1. Рязанцев Сергей Васильевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1. e-mail: riazan@mail.ru).
2. Храмова Марина Николаевна (Россия, Москва) – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1. e-mail: kh-mari08@yandex.ru).
3. Гришин Александр Сергеевич (Россия, Москва) – соискатель Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1. e-mail: grishin08@bk.ru).

Ryazantsev S.V., Khramova M.N., Grishin A.S.

THE POSSIBILITY OF REDUCING MORTALITY FROM EXTERNAL CAUSES AS A RESERVE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The paper examines the factors, trends and regional characteristics of the Russian population mortality from external causes in 2006-2014 years. It is calculated that demographic losses of Russia from this mortality component amounted to more than 1.8 million man. It was revealed that the external causes of mortality in the country is still due to social causes and has significant regional disparities. Allocated social conditions and makes recommendations to improve policies in the area of prevention of mortality from external causes.

Keywords: mortality from external causes, reserves the demographic development of Russian regions, life expectancy, population policy measures in reducing mortality.

Information about the authors

1. Ryazantsev Sergey (Russia, Moscow) – Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for demography, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119333, Moscow, Fotiyevoi st., 6, bldg. 1. e-mail: riazan@mail.ru).

2. Khramova Marina (Russia, Moscow) – PhD, Leading researcher of the Center for demography, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119333, Moscow, Fotiyevoi st., 6, bldg. 1. e-mail: kh-mari08@yandex.ru).

3. Grishin Alexander (Russia, Moscow) – Researcher of the Center for demography, Institute of Socio-Political Research (Russia, 119333, Moscow, Fotiyevoi st., 6, bldg. 1. e-mail: grishin08@bk.ru).

УДК 911.3

Р.М. Сафиуллина, Л.С. Сабанчина

ЭВОЛЮЦИЯ СТАРЕНИЯ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТНА

В статье анализируются процессы старения, демографической нагрузки на трудоспособное население и эволюции причин смертности, территориальные особенности и факторы этих явлений.

Ключевые слова: возрастной состав населения, возрастные группы и контингенты, население трудоспособного возраста, демографическая нагрузка, характеристики здоровья населения трудоспособного возраста, причины смертности населения трудоспособного возраста.

Главная и наиболее известная черта возрастной структуры населения как России, так и Республики Башкортостан на протяжении XX-XXI вв. – старение населения. Первый показатель старения – это повышение в населении доли «стариков», людей старшего поколения. Второй – снижение в населении доли детей и молодых людей в возрасте до 20 лет. Третий – увеличение среднего возраста населения (продолжительности прожитой жизни среднего члена данного населения).

Соотношение трех основных возрастных контингентов населения – трудоспособного, моложе и старше трудоспособного возраста – значительно изменилось за последние десятилетия и продолжит изменяться в Республике Башкортостан (табл. 1).

Таблица 1

Изменение состава населения Республики Башкортостан по укрупненным возрастным группам (на начало года) [3]

Год	Численность населения в возрасте:					
	моложе трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	всего, тыс. чел.	в % общей численности населения	всего, тыс. чел.	в % общей численности населения	всего, тыс. чел.	в % общей численности населения
1990	1059,1	26,9	2183,2	55,4	699,0	17,7
2000	966,3	23,5	2348,2	57,0	805,3	19,5
2005	790,6	19,4	2517,6	61,7	773,1	18,9

2010	736,8	18,1	2525,2	62,1	806,5	19,8
2013	764,1	18,8	2638,7	60,1	858,2	21,1
2014	778,4	19,1	2411,9	59,3	879,4	21,6
2015	793,0	19,5	2376,1	58,4	902,9	22,2

Продолжилось уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте. В Республике Башкортостан снизилось на 35,8 тыс. человек (из них 16,2 тыс. человек – за счет смены поколений). В городской местности республики население в трудоспособном возрасте снизилось на 16,9 тыс. человек, в сельской – на 18,9 тыс. человек.

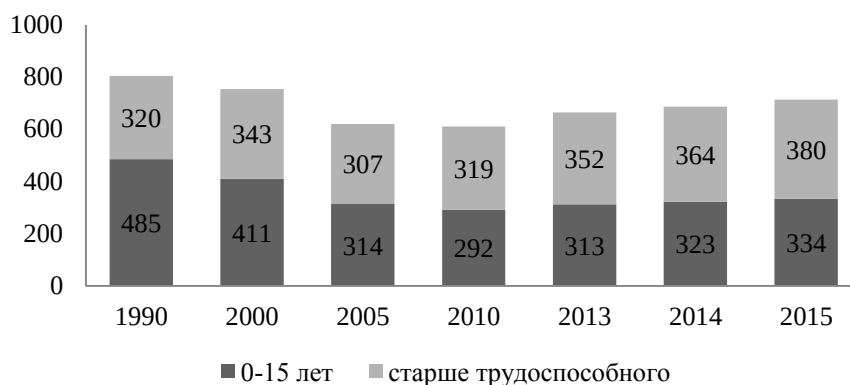

Рис. 1. Демографическая нагрузка на трудоспособное население в Республике Башкортостан (на начало года, на 1000 человек) [3]

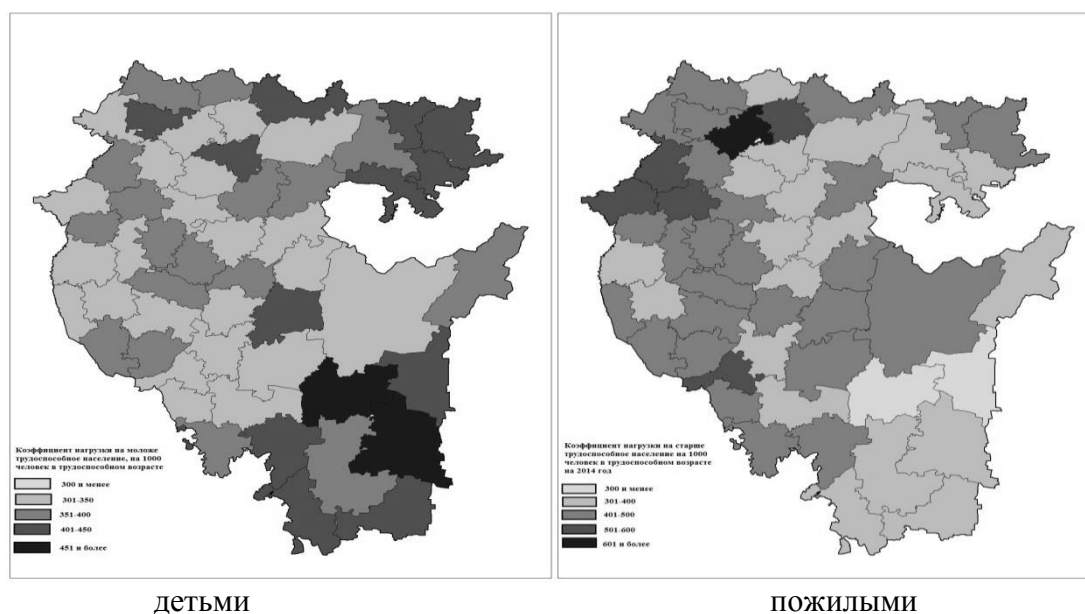

Рис. 2. Коэффициент нагрузки по муниципальным образованиям РБ на 2014г.

Изменение возрастной структуры населения влияет на динамику показателя демографической нагрузки – соотношение численности населения нетрудоспособного и трудоспособного возраста. Показатель демографической нагрузки на 1 января 2015 г. по России составил 711 человек на 1000 населения трудоспособного возраста, в том числе нагрузка детьми – 301 и людьми пенсионного возраста – 410. В Республике Башкортостан соответствующие показатели составили: общая демографическая нагрузка – 714, в том числе нагрузка детьми и подростками – 334 и пожилыми – 380. Несмотря на сложившееся в последние годы увеличение числа родившихся в республике детей, и как следствие, повышение доли в населении лиц моложе трудоспособного возраста, в Республике

Башкортостан (РБ) сохраняется превышение доли населения старше трудоспособного возраста над долей лиц моложе трудоспособного. Важнейшими факторами изменения половозрастной структуры в регионе стали снижение рождаемости и сокращение ожидаемой продолжительности жизни мужчин с 64,30 года в 1991 г. до 63,79 года в 2014 г. при росте данного показателя у женщин с 75,18 до 75,99 года соответственно [4]. Следствием этого является некоторое преобладание в регионе женского населения над мужским.

Территориальная дифференциация демографической нагрузки на трудоспособное население РБ за 2014 г. показало, что увеличение наблюдается в нагрузке детьми в северо-восточных районах, юго-восточных, где высокая рождаемость в сельской местности, нагрузка пожилыми имеет противоположный – вектор- западные и северо-западные и центральные районы, где сосредоточено в основном городское население.

Продолжилось уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте. (рис. 3).

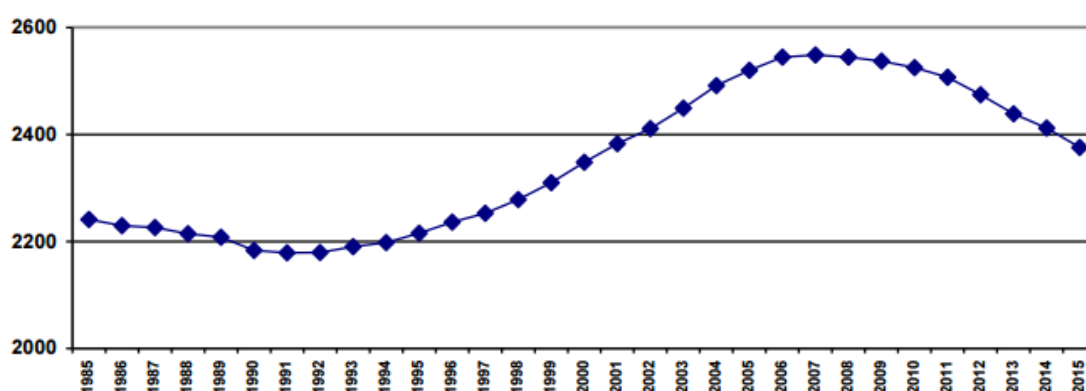

Рис. 3. Изменение численности населения Республики Башкортостан в трудоспособном возрасте (на начало года), тыс. чел. [3]

В свою очередь, сам возрастной состав населения существенно влияет на текущие уровни демографических процессов: рождаемость, смертность и миграционные передвижения. В 1970-1980-х годах ежегодный объем смертности в республике был относительно небольшой. Но это не было следствием только увеличения продолжительности жизни. Смертность была низкой еще и потому, что не просто низкой, а неестественно низкой была численность пожилых людей.

Таблица 2

Динамика уровня смертности и возрастной состав населения РБ [3]

Показатель	1970	1979	1989	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Население в возрасте 60 лет и старше, %	10,2	11,9	13,9	17,7	19,5	19,5	18,9	19,8	21,6
Смертность населения, на 1000 человек	7,3	9,1	9,6	9,7	12,7	13,0	14,2	13,4	13,1

В 2014 г. сохранились все основные параметры структурного распределения смертности: более высокий уровень смертности среди сельского населения, значительное превышение смертности мужчин над уровнем смертности женщин [2].

Таблица 3

Изменение показателей смертности городского и сельского населения Республики Башкортостан [3]

Год	Городское население	Сельское население
-----	---------------------	--------------------

	Человек	На 1000 человек населения	Человек	На 1000 человек населения
1990	22056	8,7	16101	11,4
2000	32257	12,2	21293	14,4
2010	29757	12,1	24700	15,3
2013	29594	11,9	23752	15,1
2014	29549	11,8	23960	15,3

Острым остается вопрос преждевременной смертности. В 2014 г. на смертность в трудоспособном возрасте приходилось 29,0% всех смертей, в городской местности – 28,8%, в сельской – 29,2%. Справочно: в 2013 г. удельный вес смертности в трудоспособном возрасте – 29,3%, в 2010 г. – 28,9%. Среди причин смерти наиболее распространенными остаются болезни системы кровообращения – 41,8%, новообразования – 11,6%, внешние причины – 11,2%. Наблюдаются определенные особенности распространения причин смерти в зависимости от местности проживания. Инфекционные заболевания и новообразования становятся причиной смерти чаще в городских поселениях. В сельской местности выше уровень смертности от болезней органов дыхания и пищеварения, а также от внешних причин.

Таблица 4

Распределение умерших по полу и возрастным группам в 2014 г., человек [3]

Возраст	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Всего	53509	28697	24812	29549	15771	13778	23960	12926	11034
Моложе трудоспособного	692	406	286	385	227	158	307	179	128
Трудоспособном	15511	12384	3127	8518	6702	1816	6993	5682	1311
Старше трудоспособного	37093	15744	21349	20449	8689	11760	16644	7055	9589

Интенсивность смертности от отдельных причин в муниципальных образованиях существенно различается. Выше среднереспубликанских коэффициенты смертности на 100 тыс. человек по причине болезней системы кровообращения отмечаются в городах Давлеканово, Кумертау, Стерлитамак, Белорецк, в Чишминском, Гафурийском, Кугарчинском, Мечетлинском, Нуримановском, Федоровском, Давлекановском муниципальных районах. По интенсивности смертности трудоспособного населения от болезней системы кровообращения впереди г. Баймак, среди муниципальных районов – Кугарчинский, Гафурийский, Нуримановский, Альшеевский.

Смертность сельского населения от внешних причин выше, чем городского. Более чем в 1,5 раза выше среднереспубликанского значения держался коэффициент смертности от внешних причин за 2010-2012 гг. в г. Белорецк, Абзелиловском, Белорецком, Балтачевском, Гафурийском, Иглинском, Татышлинском районах. Причем смертность в трудоспособном возрасте от внешних причин особенно высока в городах Баймак, Белорецк, Янаул, Ишимбай, в Архангельском, Баймакском, Белорецком, Зианчуринском, Гафурийском, Нуримановском районах.

Наиболее высокая интенсивность смертности от новообразований (на 100 тыс. человек) в 2010–2012 гг. зафиксирована в городах Салават, Уфа, Белорецк, Кумертау; среди муниципальных районов – в Нуримановском, Краснокамском, Белорецком и Ишимбайском, за последние три года высокие значения были зафиксированы в Межгорье и Сибай.

В городах смертность от болезней системы органов пищеварения обычно ниже, чем в сельских районах. Из всех городов по средним показателям за 2010–2012 гг.

выделим Ишимбай (70 на 100 тыс. человек), из сельских районов – Стерлибашевский (144 на 100 тыс. человек), что показатель выше среднереспубликанского значения примерно в 3 раза. Выделялись в худшую сторону и Зианчуринский, Аскинский, Миякинский, Балтачевский, Бураевский, Караидельский, Янаульский районы (в пределах 80-90 на 100 тыс. чел.).

Коэффициент смертности от болезней органов дыхания в городской местности был ниже. Но муниципальные районы сильно различаются по его уровню: более чем у половины районов – выше, чем в среднем по РБ, у остальных – ниже и примерно на уровне городов. Особенно острая ситуация сложилась в Бураевском, Стерлибашевском, Аскинском, Караидельском, Илишевском районах, в которых показатель смертности от этой причины в 2010–2012 гг. был в 3–4 раза выше, чем в среднем в РБ в этот же период. По смертности трудоспособного населения от этой причины лидируют сельские районы, особенно Абзелиловский, Буздякский, Зианчуринский. Среди городов ситуация хуже в Ишимбае и Стерлитамаке.

По показателю смертности от инфекционных и паразитарных болезней в худшую сторону выделялись города Салават и Благовещенск, а также Белорецкий, Благовещенский, Иглинский муниципальные районы. Смертность от этой причины в трудоспособном возрасте держалась на относительно высоком уровне в городах Сибай и Салават, Благовещенском, Калтасинском, Баймакском районах (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение умерших по основным группам причин смерти в 2012-2014 гг.

Причины смерти	Все население		Городское население		Сельское население	
	человек	на 100 000 человек	человек	на 100 000 человек	человек	на 100 000 человек
Все умершие	53509	1314,4	29549	1179,2	23960	1531,1
Из них по причине:						
инфекционных и паразитарных болезней	828	20,3	611	24,4	217	13,9
новообразований	6189	152	4131	164,8	2058	131,5
болезней эндокринной системы	548	13,5	345	13,8	203	13,0
болезней нервной системы	910	22,3	566	22,6	344	22,0
болезней органов дыхания	2855	70,1	1130	45,1	1725	110,2
болезней системы кровообращения	22387	549,9	13783	550,0	8604	549,8
болезней органов пищеварения	2530	62,1	1381	55,1	1149	73,4
болезней мочеполовой системы	344	8,5	176	7,0	168	10,7
внешних причин	5992	147,2	2999	119,7	2993	191,3

По данным <http://bashstat.gks.ru>

Социально-экономическая ситуация оказывает и будет оказывать сильное воздействие на качество здоровья всего населения, в том числе на население трудоспособных возрастов. В периоды любых кризисов происходит снижение уровня общественного здоровья, которое выражается в повышении заболеваемости, инвалидности, смертности. Соответственно сокращаются численность и качество трудоспособного населения и уменьшается социально-трудовой потенциал страны и регионов. Повышению показателей смертности способствуют демографические, социально-экономические и поведенческие факторы.

Демографические факторы. Вероятность наступления смерти растет с повышением возраста, поэтому в муниципальных образованиях с высоким уровнем

старения населения смертность выше, и наоборот. Однако абсолютной зависимости нет, действуют разные факторы. Так, по методике ООН получается, что в 3 районах – Бураевском, Балтачевском, Ермакеевском – очень высокий уровень демографической старости (выше 18%), в 8 районах – высокий (16–18%), в 13-ти – средний (14–16%), в 18-ти – начальный (12–14%), 7 находятся на стадии «собственно преддверие старости» (10–12%), 7 – в начальном преддверии старости (8–10%). Бурзянский район, в котором самая высокая рождаемость, находится ближе всего к стадии «демографической молодости» (8,4%).

Наименьшая смертность зафиксирована в наиболее «молодых» Бурзянском, Абзелиловском, Хайбуллинском, Уфимском, Дуванском районах. Исключение составляет г. Баймак и Баймакский район, в которых показатели смертности стабильно высоки при сравнительно молодой структуре населения. Повышенные показатели складываются из-за высокой смертности населения старше и младше трудоспособного возраста и сверхсмертности трудоспособного населения.

Социально-экономические факторы. Высокая смертность населения не обнаруживает прямой связи с формальными показателями здравоохранения, а именно со средним числом врачей и медперсонала в муниципальных образованиях. Однако районы с высокой смертностью зачастую отличаются невысокими показателями заболеваемости, что скорее говорит о низкой выявляемости заболеваний населения, о проблемах доступности медицинских услуг. Территориальный анализ позволил установить, что в зоне повышенной смертности находятся районы и города в составе уральской зоны и сельские районы, входящие в состав северной и северо-восточной зон, которые относятся к Сибайскому, Белорецкому, Дуванскому медицинским округам.

Для уральской, как и северной и северо-восточной, зоны характерны, с одной стороны, неблагоприятная демографическая ситуация, с другой – социально-экономическая неразвитость, низкий уровень жизни, безработица. В некоторых районах, расположенных в них, зафиксирована самая большая доля безработных среди экономически активного населения. В сельских районах с высоким уровнем смертности зачастую относительная численность людей с высшим образованием ниже, и наоборот. Уровень смертности ниже в целом (за редким исключением) в районах, расположенных близко к крупным городам, где выше уровень образования и лучше социально-экономическая ситуация в целом.

Большинство районов, в которых складываются высокие показатели смертности трудоспособного населения, расположены в неразвитых в социально-экономическом отношении зонах (Белорецкий, Баймакский, Калтасинский, Нуримановский, Салаватский районы; районы, примыкающие к уральской зоне, – Архангельский, Гафурийский). Для уральской зоны характерна специализация на добывающей промышленности, для северной и северо-восточной – неразвитость промышленности, отсутствие городов. Именно в них сохраняются наименьшие в РБ объемы ВРП на душу населения и низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни. В результате при сочетании с невысокими показателями ожидаемой продолжительности жизни уровень развития человеческого потенциала в них ниже, чем в других социально-экономических зонах региона.

Причины высокой смертности обусловлены как долговременными, так и краткосрочными факторами. В сущности, до сих пор продолжается влияние долговременных факторов – дезадаптации и маргинализации общества, отсутствия сложившейся практики ведения здорового образа жизни, алкоголизации, низкого качества и доступности здравоохранения.

При сложившейся структуре смертности наибольшее влияние на рост ожидаемой продолжительности жизни в ближайшей перспективе могут оказать возрастные изменения в смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин, особенно среди мужского населения и сельских жителей [1, с. 270].

Поскольку смертность в Республике Башкортостан сильно дифференцирована, уместным видится разработка конкретных мер демографической политики для отдельных территорий на основе глубокого анализа сложившейся ситуации.

© Сафиуллина Р.М., Сабанчина Л.С. Текст. 2016

Список источников

1. Прохоров Б.Б., Иванова Е.И., Шмаков Д.И., Щербакова Е.М. Медико-демографическое прогнозирование: учеб. пособие. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 360 с.
2. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. – 2015. – № 1(47). – С.18-22.

Информация об авторах

Сафиуллина Рауза Маратовна (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

Сабанчина Лилия Сагитовна (Россия, Уфа) – бакалавр кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: sabanchinal@yandex.ru).

Safiullina R.M., Sabanchina L.S.

EVOLUTION OF AGING AND MORTALITY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article analyzes the processes of aging, the demographic burden on the working population and the evolution of causes of death, territorial characteristics and factors of these phenomena.

Keywords: age composition of the population, age groups and contingents, the working-age population, demographic burden, characteristics of the health of the working age population, causes of mortality of the working age population.

Information about the authors

1. Safiullina Rausa Maratovna (Russia, Ufa) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Zaki Validi st., 32. e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

2. Sabanchina Liliya Sagitovna (Russia, Ufa) – Bachelor of the Chair of Economic geography, Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Zaki Validi st., 32. e-mail: sabanchinal@yandex.ru).

УДК 911.3

Р.М. Сафиуллина, М.Р. Сафиуллин, Э.В. Насырова

СТРУКТУРА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ОСНОВНЫМИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ БОЛЕЗНЯМИ

Данная статья посвящена заболеваемости населения РБ основными социально значимыми болезнями. Рассмотрены структура заболеваемости и ее динамика.

Ключевые слова: заболеваемость населения, социально значимые болезни.

Заболеваемость населения социально значимыми болезнями все чаще становится острой проблемой для любого государства в связи с неблагоприятными последствиями, которые впоследствии наихудшим образом сказываются не только на состоянии здоровья населения, но и на благополучии общества в целом.

В последнее время социально-экономические условия как в России, так и в Республике Башкортостан (РБ) в целом характеризуются весьма не положительными особенностями, в связи с чем возрастает распространенность факторов риска, оказывающих непосредственное влияние на образ жизни различных групп населения. Безработица, активные миграционные процессы, ухудшение условий и качества жизни людей провоцируют поддержание уровня заболеваемости социально значимыми болезнями [2].

Анализ данных Федеральной службы государственной статистики по РБ показывает, что заболеваемость болезнями системы кровообращения в 2014 году по сравнению с 1990 годом выросла в 2,7 раза, новообразованиями – почти вдвое, сахарным диабетом – в 1,8 раза.

Среди социально значимых заболеваний большое место занимает заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Они включают в себя целый ряд заболеваний. Рассмотрим только часть из них, связанных с употреблением психоактивных веществ. Предварительно заметим, что, во-первых, исходный уровень заболеваемости населения Башкортостана психическими расстройствами и расстройствами поведения был ниже общероссийского показателя более чем вдвое. Во-вторых, темпы заболеваемости в республике заметно превышали темпы по России. В-третьих, максимальная заболеваемость населения в Башкортостане пришлась на 2000 г., тогда как в России она достигла пика в 1995 г. (рис. 1).

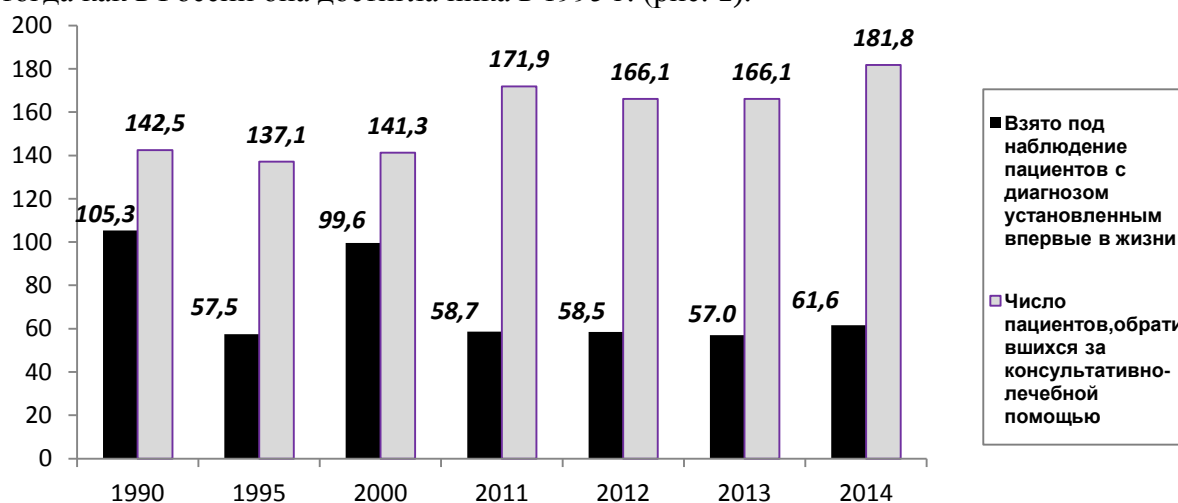

Рис. 1. Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения (в расчете на 100 000 человек населения) [1]

Заболеваемость психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в республике в 2014 году характеризовалась следующими показателями: общая заболеваемость составила 2095,1 на 100 тыс. населения, что на 39,7% ниже уровня 2010 года и на 12,5% – уровня 2013 года; впервые выявленная заболеваемость (первичная) составила 222,8 на 100 тыс. населения и была ниже уровней 2010 и 2013 годов на 11,1 и 2,6% соответственно. Многолетняя тенденция заболеваемости наркологическими расстройствами в республике характеризуется снижением, более выраженным по первичной заболеваемости. В 2014 году психические и

поведенческие расстройства, связанные с употреблением алкоголя, впервые зарегистрированы у 210 детей (0-14 лет включительно) и 1572 подростков (15-17 лет включительно)¹.

В 2014 году показатели первичной заболеваемости наркологическими расстройствами выше республиканского уровня отмечены на 17 территориях, из них:

- в 3,0-3,9 раза – в Хайбуллинском, Кугарчинском районах;
- в 1,7-2,6 раза – в Белебеевском, Бирском, Зилаирском, Калтасинском, Мишкинском, Федоровском районах;
- в 1,2-1,4 раза – в г.Уфа, Буздякском, Давлекановском, Дуванском, Кигинском, Куюргазинском, Стерлитамакском районах².

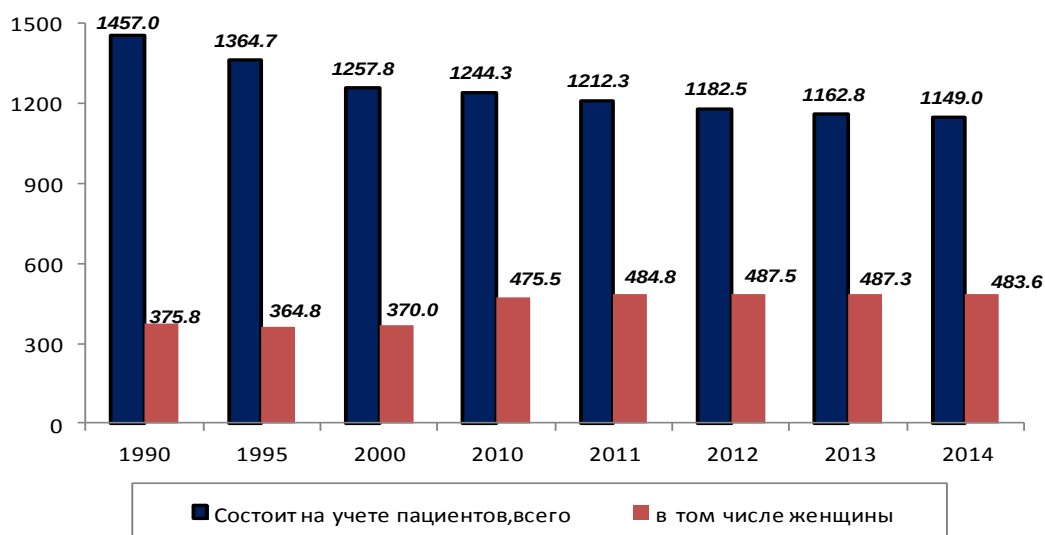

Рис. 2. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами (в расчете на 100 000 человек населения) [1]

В РБ по онкологической заболеваемости населения на 1-м месте обозначился рак молочной железы. За период 2010 – 2014 гг. показатель болезни рака молочной железы увеличился на 12,4%. На 2-м месте – рак трахеи, бронхов, легкого – увеличение произошло на 11,3%. На 3 месте – рак кожи – 9,6%. На 4-м месте – рак предстательной железы – увеличение на 8,4%. В 2000 году в РБ заболеваемость населения онкологическими болезнями в территориальной дифференциации выглядела следующим образом: минимальный показатель заболеваемости населения (менее 140,0 случая на 100 000 человек) наблюдался лишь в одном муниципальном районе РБ – Бурзянском.

Более 70% муниципальных образований РБ регистрируют заболеваемость населения онкологией от 140,1 до 280,0 случая на 100 000 человек. На такие районы, как Куюргазинский, Федоровский, Миякинский, Альшеевский, Стерлитамакский, Уфимский, Белорецкий, Архангельский приходится от 280,1 до 420,0 случая на 100 000 человек. Самый высокий уровень заболеваемости населения онкологией приходился на Баймакский район – более 420,1 случая.

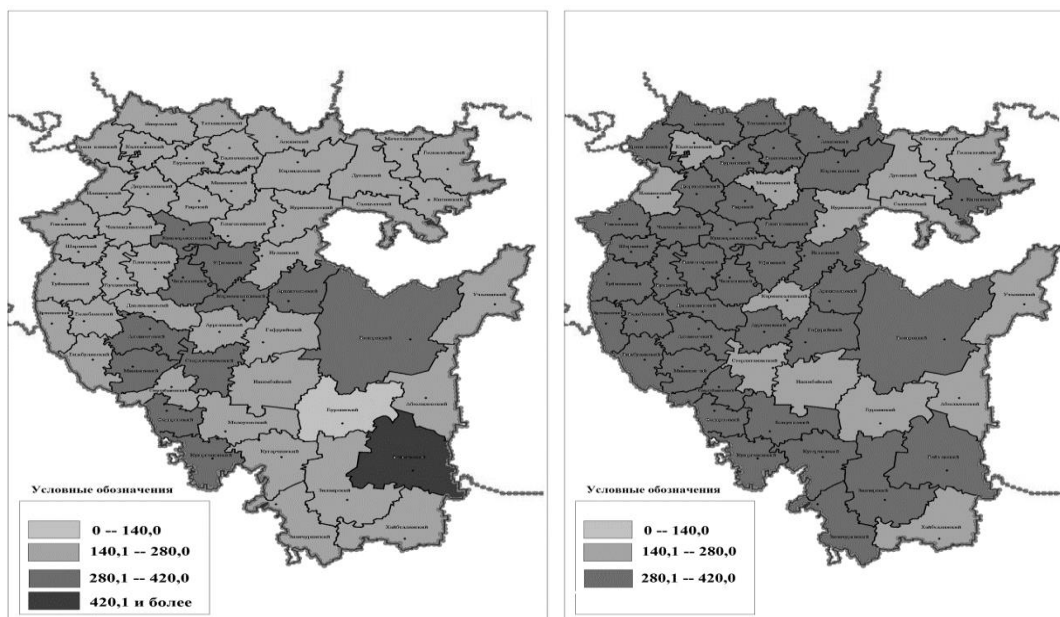
В 2015 году почти 80% муниципальных образований РБ имели показатель заболеваемости населения онкологией на уровне от 280,1 до 420,0 случая на 100 000 человек. В остальных районах заболеваемость составила от 140,1 до 280,0 случая (рис. 4).

Показатели заболеваемости населения в РБ туберкулезом являются одним из самых низких по России. Заболеваемость населения туберкулезом за минувшие 3 года снизилась на 1,5% и в 2014 году составляла 38,7 случая на 100 000 населения. По России в

¹По данным: www.rospotrebnadzor.ru

² По данным www.rospotrebnadzor.ru

целом данный показатель в 2013 году составлял 33,4 случая на 100 000 населения. В 2015 году показатель заболеваемости туберкулезом в РБ снизился на 0,5% и составил 38,5 случая на 100 000 населения.

2000 г.

2015

Рис. 3. Впервые выявленная онкологическая заболеваемость населения РБ по муниципальным образованиям и городским округам (на 100 000 чел. населения) [3]

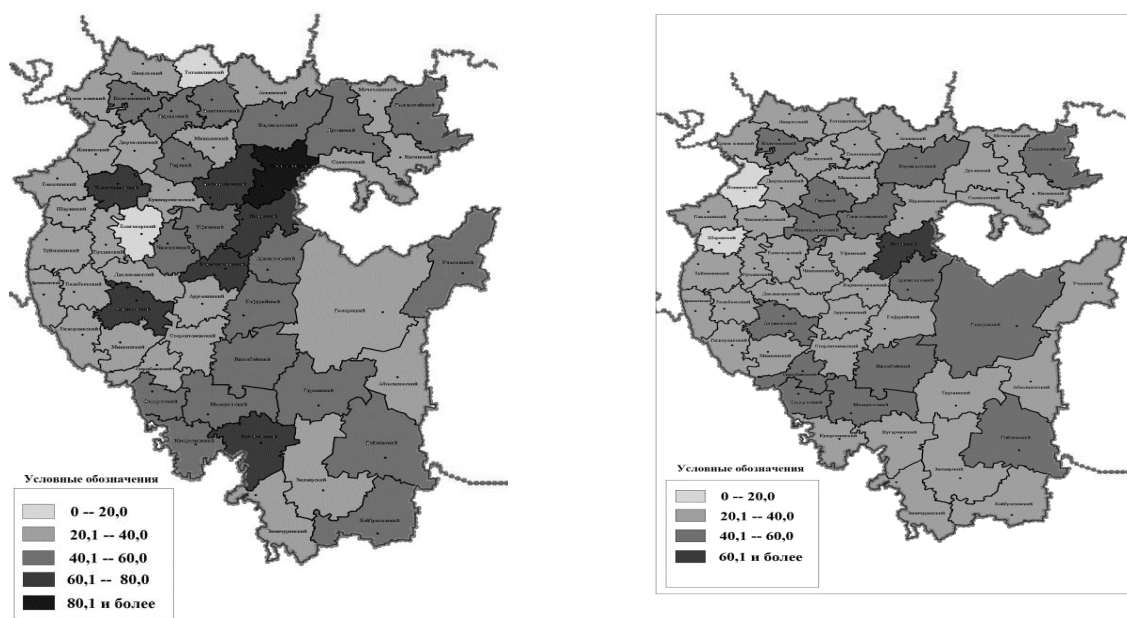

Рис. 4. Заболеваемость населения РБ туберкулезом по муниципальным районам и городским округам (на 100 000 человек населения)¹

На данный момент на учете состоит более 4,5 тысяч человек. Наиболее высокий показатель заболеваемости туберкулезом наблюдается в городах Уфа, Салават, Иглинском и Бирском районах. Следует отметить, что 67% населения, подвергшиеся туберкулезу, это неработающее население трудоспособного возраста. Остальные – инвалиды, пенсионеры,

¹ По данным www.gks.ru

лица, злоупотребляющие алкоголем, малоимущие и наркоманы. Средний возраст заболевших – от 20 до 50 лет. Туберкулезу подвержены больше мужчины, чем женщины, 96% заболевших – курильщики.

© Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р., Насырова Э.В. Текст. 2016

Список источников

1. Здравоохранение в Республике Башкортостан: стат. сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2015. – 120 с.
2. Сафиуллина Р.М. Геодемографические проблемы арктических территорий России // Полимасштабные системы «центр–периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практические общественно-географические исследования / отв. ред. Воронин И.Н., Дружинин А.Г. – Симферополь, 2015. – С. 380-388.

Информация об авторах

1. Сафиуллина Рауза Маратовна (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета, (Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, тел. 8(374)2299648.
2. Сафиуллин Марат Радикович (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, тел. 8(374)2299648. e-mail: marek1987@yandex.ru).
3. Насырова Эльвина (Россия, Уфа) – бакалавр 4 г.о. кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, тел. 8(374)2299648).

Safiullina R.M., Safiullin M.R., Nasyrova E.V.

THE STRUCTURE OF MORBIDITY OF THE POPULATION OF BELARUS MAJOR SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES

This article focuses on the morbidity of the population of Belarus major socially significant diseases. The structure of morbidity of their dynamics.

Keywords: morbidity of population, socially significant socio-significant diseases.

Information about the authors

1. Safiullina Rausa Maratovna (Russia, Ufa) – Ph. D., associate Professor of economic geography, Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32, 8(3472)299648).
2. Safiullin Marat Radikovich (Russia, Ufa) – Senior lecturer in economic geography, Candidate of geographical Sciences, Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32; 8(3472)299648. e-mail: marek1987@yandex.ru.
3. Nasyrova Elvin (Russia, Ufa) – bachelor 4 G. O. Department of economic geography, Bashkir state University Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32; 8(3472)299648).

ДИНАМИКА РАСХОДОВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И В РОССИИ

Данная статья посвящена анализу и оценке динамики общих, государственных расходов на здравоохранение в европейских странах в сравнении с Россией. Рассмотрена функциональная структура расходов на здравоохранение в европейских странах.

Ключевые слова: общие и государственные затраты на здравоохранение, функциональная структура расходов на здравоохранение.

Данная статья является продолжением исследования проблем финансирования и территориальной организации здравоохранения европейских стран, России и ее регионов [1-6]. Динамика общих затрат на здравоохранение в % от ВВП в период с 1995 по 2013 гг. показывает, что по ряду стран наблюдается тенденция к увеличению затрат на здравоохранение (табл. 1). В Эстонии, Латвии, Черногории произошло сокращение затрат к 2013 году по сравнению с 1995 годом.

Таблица 1

Общие затраты на здравоохранение в % от ВВП за 1995 – 2013 гг.

Страна	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Албания	9,56	6,26	6,12	5,34	5,63	5,88
Австрия	9,58	10,02	10,42	11,13	11,1	11,03
Бельгия	7,61	8,12	9,65	10,56	10,89	11,19
Босния и Герцеговина	8,97	7,14	8,71	9,76	10,12	9,63
Болгария	5,25	6,18	7,31	7,58	7,42	7,63
Хорватия	6,85	7,76	6,99	8,36	7,27	7,3
Кипр	4,74	5,77	6,37	7,28	7,4	7,44
Чешская Республика	6,69	6,31	6,93	7,43	7,55	7,24
Дания	8,13	8,7	9,77	11,08	10,98	10,62
Эстония	6,32	5,28	5,02	6,25	5,87	5,72
Финляндия	7,85	7,22	8,43	8,99	9,09	9,4
Франция	10,36	10,08	10,93	11,55	11,61	11,66
Германия	10,11	10,4	10,81	11,56	11,27	11,3
Греция	9,62	7,88	9,66	9,48	9,27	9,82
Венгрия	7,33	7,18	8,45	8,06	7,97	8,05
Исландия	8,21	9,5	9,44	9,29	9,04	9,06
Ирландия	6,56	6,18	7,58	9,21	8,87	8,92
Италия	7,06	7,87	8,74	9,41	9,19	9,09
Латвия	5,76	6,0	6,37	6,55	5,9	5,72
Литва	5,37	6,46	5,83	7,09	6,66	6,24
Люксембург	5,57	7,48	7,95	7,68	7,18	7,1
Мальта	5,63	6,57	9,06	8,31	8,72	8,73
Черногория	7,42	7,32	8,46	6,9	7,25	6,49
Нидерланды	8,33	7,96	10,88	12,15	12,68	12,89
Норвегия	7,88	8,42	9,03	9,42	9,28	9,57
Польша	5,48	5,52	6,21	7,02	6,75	6,66
Португалия	7,52	9,3	10,35	10,86	9,94	9,71
Румыния	3,22	4,34	5,48	5,95	5,56	5,34
Сербия	6,7	6,82	9,05	10,74	10,59	10,6
Словакия	6,06	5,5	7,04	8,51	8,15	8,21
Словения	7,46	8,26	8,5	9,07	9,37	9,16
Испания	7,44	7,21	8,29	9,65	9,3	8,88

Страна	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Швеция	7,96	8,18	9,06	9,47	9,58	9,71
Швейцария	9,33	9,91	10,86	10,91	11,43	11,47
Великобритания	6,69	6,93	8,13	9,37	9,27	9,12

Составлено авторами по: Европейская база данных «Здоровье для всех».

Общие затраты на здравоохранение оказались самыми высокими (в перерасчете по ППС) в Люксембурге – 6518 долларов на одного человека в 2013 году (табл. 2). В Швейцарии и Нидерландах общие затраты на здравоохранение составили свыше 5000 долларов на одного жителя. Самым низким уровнем расходов на здравоохранение характеризуется Албания (539 долларов на одного жителя). В период с 1995 по 2013 гг. наблюдается увеличение общих затрат на здравоохранение по паритету покупательной способности населения европейских стран. Общие затраты на здравоохранение увеличились в 3-4 раза во всех европейских странах, за исключением Боснии и Герцеговины, где расходы увеличились еще больше – в 7,5 раза за рассматриваемый период.

Таблица 2

Общие затраты на здравоохранение в расчете на душу населения за 1995 – 2013 гг. (долл., по ППС)

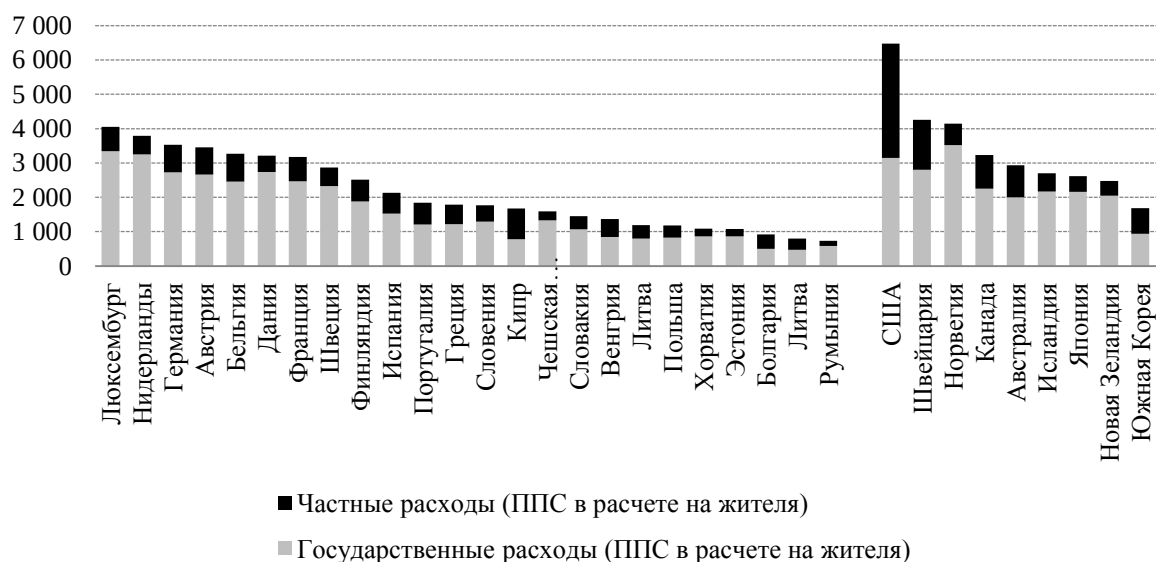
Страна	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Албания	263,69	248,44	366,83	458,74	506,31	539,28
Австрия	2253,29	2904,39	3514,89	4516,83	4812,31	4884,62
Бельгия	1710,3	2250,68	3115,37	4057,76	4345,45	4526,08
Босния и Герцеговина	123,76	314,68	538,3	853,56	934,44	928,45
Болгария	289,71	384,5	714,81	1088,42	1171,05	1212,52
Хорватия	547,75	834,7	1103,83	1606,81	1476,56	1516,85
Кипр	729,94	1114,73	1599,97	2283,61	2261,43	2196,98
Чешская Республика	895,81	982,17	1479,93	1930,13	2037,66	1981,84
Дания	1871,53	2514,36	3248,02	4545,27	4615,45	4552,4
Эстония	396,16	511,39	823,86	1300,21	1415,65	1452,64
Финляндия	1477,23	1857,19	2593,51	3296,84	3497,03	3604,12
Франция	2098,27	2556,49	3240,67	4039,46	4213,23	4333,58
Германия	2275,82	2682,18	3361,86	4426,08	4634,9	4811,82
Греция	1264,08	1454,44	2359,06	2685,04	2354,84	2512,67
Венгрия	657,28	852,91	1432,19	1700,83	1765,54	1839,01
Исландия	1913,11	2764,57	3336,46	3415,2	3484,91	3645,81
Ирландия	1190,31	1800,06	2974,18	3796,18	3817,38	3867,12
Италия	1495,95	2031,02	2504,03	3161,62	3153,18	3126,05
Латвия	314,02	478,09	844,74	1145,37	1256,07	1310,4
Литва	332,15	558,24	846,8	1386,87	1582,84	1578,73
Люксембург	2184,62	4046,85	5475,08	6520,58	6379,5	6518,22
Мальта	897,09	1282,4	1961,45	2326,7	2530	2651,86
Черногория	445,33	479,08	709,52	919,77	980,41	926,37
Нидерланды	1796,91	2351,88	3823,55	5063,13	5394,77	5601,11
Норвегия	1861,11	3055,12	4316,99	5475,38	6059,93	6307,78
Польша	406,08	584,08	856,34	1432,19	1509,19	1550,72
Португалия	1015,36	1652,43	2224,08	2810,37	2522,42	2507,79
Румыния	183,12	247,9	519,95	964,27	982,19	988,16
Сербия	300,7	395,08	771,14	1191,12	1241,8	986,94
Словакия	504,2	604,89	1142,67	2039,18	2064,81	2146,56
Словения	970,38	1453,93	1997,92	2452,28	2617,7	2595,21
Испания	1190,37	1547,62	2275,68	3025,54	2925,31	2845,7
Швеция	1741,72	2291,94	2969,49	3761,95	4041,08	4243,84
Швейцария	2567,85	3233,95	4027,31	5319,08	5992,45	6188,65

Страна	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Великобритания	1347,14	1832,62	2710,7	3223,45	3234,72	3310,7

Составлено авторами по: Европейская база данных «Здоровье для всех».

Доля государственных расходов в общем объеме затрат на здравоохранение был близок или превышает 80,0 % в Хорватии, Румынии, Швеции, Люксембурге, Чехии, Нидерландах, Исландии и Норвегии (2013 год). Лидером по государственным затратам на здравоохранение является Дания (85,4% от общих затрат на здравоохранение). Для значительного числа европейских стран характерна тенденция к снижению государственных затрат на здравоохранение в период с 1995 по 2013 гг. Значительные сокращения государственных затрат произошли в Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Эстонии, Франции, Германии, Венгрии, Ирландии, Латвии, Литве, Люксембурге, Черногории, Польше, Сербии, Испании, Швеции, Словакии и Словении. Это свидетельствует об увеличении доли частных затрат на здравоохранение в этих странах.

Во всех европейских странах, за исключением Кипра и Албании, преобладает государственное финансирование (рис.), хотя его доля в общей величине расходов на здравоохранение в большинстве стран с 1996 г. сократилась.

Составлено авторами по: Eurostat (online data code: hlth_sha_hf)

Рис. Текущие объемы расходов на здравоохранение за 2012 г., ППС \$

Частное финансирование представлено в основном прямыми платежами населения, доля которых в общих расходах здравоохранения с 1996 г. выросла, но в большинстве европейских стран все еще составляет меньше трети общих расходов. Частное медицинское страхование в большинстве европейских стран 1995 г. не существовало вовсе либо вносило очень малый вклад в общие расходы на здравоохранение. Хотя во многих странах его доля в общем финансировании здравоохранения выросла, но она все еще существенно ниже 5%. Его доля превысила 10% только во Франции и Словении (данные 2011 года). В то же время частное медицинское страхование в Канаде достигло 12,9% от текущих расходов здравоохранения в 2011 году, а в США – 34,8%. Однако даже в тех странах, где частное медицинское страхование играет небольшую роль, оно может оказывать значительное влияние на здравоохранение в целом.

Функциональная структура расходов на здравоохранение характеризуется тем, что на лечебные и реабилитационные услуги приходится не менее 50,0% от текущих расходов

здравоохранения в большинстве европейских стран, за исключением Бельгии, Болгарии, Словакии и Румынии (табл. 3).

Расходы на управление здравоохранением и медицинское страхование изменяются от 1,2% текущих расходов здравоохранения в Польше до 6,1% во Франции. В Норвегии доля текущих расходов здравоохранения, в части администрирования и медицинского страхования, была особенно низкой (0,6 %), в то время как в США эта доля достигает 7,5%.

Таблица 3

Функциональная структура расходов на здравоохранение европейских стран (в % от текущих расходов здравоохранения, 2012 г.)

Страна	Услуги лечебной и реабилитационной помощи	Услуги долгосрочного сестринского ухода	Сопутствующие услуги в здравоохранении	Медицинские товары, отпускаемые амбулаторным больным	Профилактика и службы общественного здравоохранения	Управление здравоохранения и медицинского страхования
Бельгия	49,0	22,4	3,8	18,8	1,1	4,9
Болгария	48,9	0,1	3,2	41,4	3,8	2,0
Чешская Республика	60,1	3,9	5,7	24,5	2,1	3,0
Дания	57,3	24,0	4,1	10,1	2,3	2,2
Германия	54,5	12,6	4,8	19,4	3,3	5,4
Эстония	54,9	4,4	11,1	24,3	3,4	2,0
Греция	64,4	0,7	4,5	27,2	1,2	2,0
Испания	58,9	10,9	5,4	19,6	2,1	3,2
Франция	54,6	11,4	5,1	20,8	2,0	6,1
Хорватия	53,7	0,7	8,5	31,1	2,3	2,7
Кипр	64,8	2,8	10,7	18,9	1,3	1,3
Литва	52,3	6,0	6,4	29,7	2,4	3,3
Латвия	52,4	7,7	5,0	31,8	1,2	2,0
Люксембург	56,5	22,5	5,8	11,6	1,9	1,7
Венгрия	50,4	3,8	5,2	35,4	3,4	1,7
Нидерланды	51,0	25,1	2,0	13,3	3,6	3,9
Австрия	60,2	14,5	3,2	16,5	1,8	3,8
Польша	60,1	7,0	5,1	24,6	2,0	1,2
Португалия	62,6	1,7	8,8	23,0	2,1	1,8
Румыния	46,2	11,5	3,9	29,9	6,8	1,7
Словения	56,5	8,9	3,4	23,8	4,0	3,5
Словакия	46,9	0,3	8,5	38,0	2,8	3,5
Финляндия	62,4	9,4	3,6	16,7	6,2	1,7
Швеция	66,6	7,6	4,4	15,2	3,9	1,6
Исландия	59,3	18,6	1,7	17,0	1,3	2,2
Норвегия	50,1	28,9	7,2	10,6	2,5	0,6
Швейцария	58,9	20,1	3,4	11,0	2,1	4,4
Австралия	70,1	1,2	6,0	18,6	2,0	2,1
Канада	48,2	14,9	6,5	20,3	6,1	3,4
Япония	63,7	9,1	0,7	22,0	2,9	1,6
Новая Зеландия	59,2	14,5	5,2	10,7	6,4	4,0
Южная Корея	56,0	12,7	1,0	22,5	3,1	4,8
США	70,1	5,8	:	13,6	3,1	7,5

Составлено авторами по: Eurostat (online data code: hlth_sha_hc).

Доля долгосрочных услуг по уходу (в том числе как с медицинской точки зрения, так и социальной составляющей долгосрочного ухода) в текущем объеме расходов на здравоохранение колеблется среди европейских стран в пределах 2,0-10,0%.

В России расходы бюджета государства в 2015 году составили 406 млрд рублей, или 2,6%. При этом в условиях кризиса финансирование здравоохранения сокращается. Распределение финансов на здравоохранение по функциям в России таково, что половина средств направляется на лечебные услуги, чуть меньше на обеспечение населения медикаментами и товарами медицинского назначения, потребляемыми вне учреждений здравоохранения. На профилактику и другие услуги здравоохранения расходуется около 18% от общего объема средств, направленного на здравоохранение. К числу основных проблем развития системы здравоохранения в России относятся следующие:

- недостаточное финансирование в целом и в расчете на душу населения. Доля расходов на здравоохранение в России составляет 0,5% от ВВП, в США – до 15-7%. В расчете на душу населения расходы на здравоохранение в России – всего 55-60 долл.;
- низкая заработная плата;
- территориальная недоступность дорогостоящей медицинской помощи (высокотехнологичная медицина и сложные операции) большинству нуждающихся российских пациентов;
- усиление в условиях нынешнего кризиса различий между регионами по размерам подушевого финансирования здравоохранения и доступности медицинской помощи.

© Сафиуллин Р.Г., Сафиуллин М.Р., Мазитова Й.И. Текст. 2016

Список источников

1. Сафиуллин М.Р. Оценка эффективности здравоохранения: глобальный, национальный, региональный уровень // Региональные исследования. – 2011. – № 2. – С. 114-121.
2. Сафиуллин М.Р. Финансирование здравоохранения за рубежом и в России: тенденции, эффективность // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации. – Ч.1. – М.: РУДН, 2010. С. 356-362.
3. Сафиуллин М.Р. Развитие здравоохранения в странах Европейского региона: тенденции, затраты, проблемы // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. – Ч.2. – Уфа: УНЦ РАН, 2010. – С. 261-265.
4. Сафиуллин М.Р. Проблемы эффективного функционирования здравоохранения региона (на примере Республики Башкортостан) // Методология и методика региональных исследований: из прошлого в будущее. – Смоленск: 2011. – С. 265-271.
5. Сафиуллин Р.Г., Салимгареев Н.Г. Критерии оценки пространственного развития региона // Регионология. – 2009. – № 3. – С.19-27.
6. Экономическая география и региональное развитие: материалы российской научной конференции. – Уфа, 1997. – Ч.1. – 156 с.

Информация об авторах

1. Сафиуллин Радик Газизович (Россия, Уфа) – доктор географических наук, заведующий кафедрой экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: SafiullinRG@yandex.ru).
2. Сафиуллин Марат Радикович (Россия, Уфа) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: marek1987@yandex.ru).

3. Мазитова Йолдыз Ильверовна (Россия, Уфа) – бакалавр 4 г.о. кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: joldyz.mazitova@yandex.ru).

Safiullin R.G., Safiullin M.R., Mazitova I.I.

DYNAMICS OF HEALTH EXPENDITURES IN EUROPEAN COUNTRIES AND IN RUSSIA

This article is devoted to analysis and evaluation of dynamics of the General, public expenditure on health in European countries in comparison with Russia. The functional structure of health expenditure in European countries.

Keywords: general government expenditure on health, functional structure of health expenditure.

Information about the author

1. Safiullin Radik Gazizovich (Russia, Ufa) – D. SC., head of the Department of economic geography, Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32. e-mail: SafiullinRG@yandex.ru).

2. Safiullin Marat radikovich (Russia, Ufa) – Ph. D., associate Professor. the Department of economic geography, Bashkir state University (<http://www.bashedu.ru>, Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32. e-mail: marek1987@yandex.ru).

3. Mazitova Yoldyz Enverovna (Russia, Ufa) – bachelor 4 G. O. the Department of economic geography, Bashkir state University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32. e-mail: joldyz.mazitova@yandex.ru).

УДК 314.3

Я.А. Скрыбина

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН***

В статье оценивается уровень рождаемости в регионе, рассматриваются перспективы рождаемости. Предложены условия, которые помогут избежать дальнейшего падения рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение населения, потребность в детях, демографическая политика.

Используя статистические данные и опираясь на демографические закономерности и концепции рождаемости, современный уровень рождаемости оценивают в Республике Башкортостан (РБ) как низкий. Для оценки мы используем несколько демографических показателей: общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости и нетто-коэффициент воспроизводства населения.

По предварительным данным за 2015 г., по общему коэффициенту рождаемости (ОКР) мы видим, что в Республике Башкортостан началось новое структурное снижение рождаемости. Так в 2015 г. по сравнению с 2014 г. ОКР сократился на 2,0%, за период

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект», проект № 15-12-02018.

январь-февраль 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. снижение ОКР составило 5,2%. Если ОКР ниже 16 ‰, то такой уровень рождаемости характеризуется как низкий, недостаточный для замещения поколений родителей поколениями детей.

Следующий показатель, который характеризует уровень рождаемости, – это суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Он показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина за репродуктивный период. С момента начала реализации Концепции демографической политики РБ на период до 2025 г. СКР увеличился в 1,14 раза (2014 г. – 1,948). За последние 8 лет рождаемость выросла, но по-прежнему не обеспечивается простое воспроизводство населения. Более того, как в целом на территории России, так и в Башкортостане наблюдается рост доли бесплодных браков выше уровня, определенного ВОЗ как критический, – 15,0%, в России он находится в пределах от 8,0 до 17,5-20,0%, в РБ – 15,0-18,0%. При таких показателях проблема бесплодия приобретает государственное значение.

В последние годы в Башкортостане наблюдается рост мужского бесплодия, причем уровень заболеваемости мужчин болезнями репродуктивной системы и бесплодием по муниципальным образованиям различается. Ухудшение этих показателей в динамике связано с низкой доступностью урологической помощи, отсутствием в республике достаточной учетности и отчетности по поводу репродуктивного здоровья мужчин. Возрастное распределение обследованных в Республиканском перинатальном центре по поводу бесплодия свидетельствует о поздней диагностике бесплодия или объясняется поздним обращением мужчин за медицинской помощью [4]. Поэтому с учетом роста доли бесплодных браков значение СКР, при котором обеспечивался бы уровень простого воспроизводства населения, должен составить 2,1 ребенка в расчете на одну женщину без различия брачного состояния, или выше 2,6 в расчете на один эффективный брак.

В 2000 г. значение СКР в республике опустилось ниже критического уровня – 1,5 ребенка, рожденного одной женщиной, и составило для всего населения 1,419. По среднему варианту прогноза, выполненному Росстатом, суммарный коэффициент рождаемости по Республике Башкортостан в 2020 г. составит 1,762, для городской местности – 1,658, для сельской – 2,158, в 2025 г., соответственно, – 1,791; 1,690; 2,225, в 2030 г. – 1,867; 1,739; 2,214. Средний вариант прогноза СКР может оказаться наиболее вероятным, но и при достижении прогнозных значений уровень рождаемости не дотянет до простого воспроизводства населения, а тем более расширенного, значит, поколение детей не заменит поколение родителей и нас ожидает естественная убыль населения.

Динамика возрастных коэффициентов рождаемости наглядно демонстрирует процесс старения материнства. Становится все более популярным откладывание рождения первого ребенка у молодых поколений. В конце 1990-х гг. максимальное число рождений в РБ приходилось на женщин в возрасте 20-24 года, в 2013 г. – на возрастную группу 25-29 лет. Рождаемость женщин в возрасте 30-34 года в 2013 г. по сравнению с 1990 г. выросла в 1,3 раза, в возрасте 35-39 лет, соответственно, в 1,5 раза.

Для наиболее точной характеристики воспроизводства населения с учетом рождаемости и смертности используется нетто-коэффициент воспроизводства населения, выступающий количественной мерой замещения материнского поколения дочерним. Он имеет самостоятельное значение при анализе рождаемости. За период 2002-2013 гг. значение нетто-коэффициента воспроизводства для всего населения республики колебалось в пределах 0,670-0,897, для городского – 0,608-0,806, для сельского – 0,793-1,138. Значение нетто-коэффициента меньше 1,0 характеризует воспроизводство населения как суженное.

На наш взгляд, такие резервы повышения рождаемости как меры демографической политики, реализуемые с 2007 г. и направленные исключительно на материальное стимулирование рождаемости, и сложившаяся благоприятная половозрастная структура населения практически исчерпали себя.

Экономические меры – «материнский капитал», повышение размера детских пособий и выплат по рождению ребенка и др., реализуемые в соответствии с российскими и региональными нормативными правовыми актами с 2006 г. в целях социальной защиты семьи, материнства и детства, совпали по времени, во-первых, с такими усиливающими их действие событиями, как экономический подъем, и, во-вторых, с так называемым эффектом демографической структуры [3, с. 195-197].

Проведенные нами социологические опросы населения относительно репродуктивных установок и мер демографической политики в рамках научно-исследовательских проектов показали, что более половины респондентов (60,7%) считают, что с помощью мер материального стимулирования рождаемости можно добиться только временного результата. По мнению подавляющего большинства российских и зарубежных ученых (экономистов, демографов, философов, социологов), материальные меры демографической политики не способны обеспечить стабильное, длительное повышение уровня рождаемости; их эффект будет достаточно кратковременным, потому что финансовые влияния способствуют более полному удовлетворению той потребности семей в детях, которая имеется сейчас. Более того, можно согласиться с мнением британского демографа М. Саттеруэита, который видит в материальном стимулировании рождаемости в современных социальных условиях причину роста числа матерей-одиночек, детей в неполных и не способных воспитать их семьях [2].

Действительно, у нас как на региональном, так и на федеральном уровне развита система пособий одиноким, малоимущим, приемным семьям. Значит, семейное неблагополучие становится сегодня выгодным. Особенно это относится к семьям с детьми, проживающим в сельской местности. Проблема разрыва в уровне и качестве жизни сельского и городского населения типична для Башкортостана, также как и для большинства российских регионов. Уровень жизни сельских жителей республики можно охарактеризовать как низкий: средняя заработная плата в сельском хозяйстве самая минимальная по сравнению с предприятиями других видов экономической деятельности. Так, в 2005 г. она составила 37,6% к среднереспубликанскому уровню заработной платы, в 2010 г. – 53,5%, в 2014 г. – 56,3%. Высокий уровень безработицы и малоэффективная занятость сельского населения вынуждают население, в большинстве случаев его мужскую половину в наиболее активном репродуктивном возрасте, уезжать на заработки вахтовым методом в другие российские регионы [1, с. 65]. Длительное раздельное проживание супругов выступает одной из весомых причин распада семей [5]. В советское время село практически не участвовало в вахтовой миграции. Согласно же данным последней переписи, на 1000 человек, занятых в экономике и в сельском хозяйстве в сельской местности, в вахтовой миграции на селе в Башкортостане участвуют 107 чел., в городах – 35.

В целом сельское население значительно отстает от городского, что выражается в низком уровне денежных доходов, низком качестве жизни, кризисном состоянии социальной сферы села, снижении демографического потенциала, ухудшении показателей здоровья. Поэтому в таких условиях для многих сельских семей детские пособия выступают практически единственным источником для существования, а значит, при таком подходе они могут быть использованы не по назначению, а для улучшения своего материального положения за счет детских пособий. Не случайно отмечается рост рождений детей у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Так, в 2004 г. удельный вес родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по сравнению с 1990 г. вырос в 2,6 раза и составил 28,6%, в городской местности – 27,8%, а в сельской местности – почти каждый третий ребенок (30,7%). В 2014 г. соотношение улучшилось: удельный вес рождений вне зарегистрированного брака составил 18,7%, в том числе по заявлению матери – 9,2 процента. Среди сельского населения удельный вес рождений вне зарегистрированного брака выше – 21,9%, в том числе по заявлению матери

– около 12,3% (каждый восьмой ребенок). Данные статистики – это всего лишь цифры, поэтому сложно оценить, так сложились обстоятельства или речь идет об искусственном отказе от регистрации брака с целью материальной выгоды, получения хоть и небольшого, но пособия. В целом существенным образом изменилась система ценностей, прежде всего семейных, когда на первое место ставится не желанное рождение ребенка, не осознанное родительство, а возможность получения дополнительного источника доходов.

В период 2007-2012 гг. в активном репродуктивном возрасте находились многочисленные поколения женщин, рожденные в середине 1980-х годов. Эти поколения постепенно выходят из репродуктивного возраста. Вместо них начинают вступать малочисленные поколения, родившиеся в конце 1980-х – начале 90-х годов. А через три-четыре года в репродуктивный возраст начнут вступать женщины, исходная численность которых еще меньше. К 2020 г. в Республике Башкортостан численность женщин в репродуктивном возрасте сократится на 75 тыс. человек по сравнению с 2014 г., к 2025 г. – на 110 тыс., к 2030 г. – на 122 тыс., в том числе в наиболее активном репродуктивном возрасте 25-34 года – на 112 тыс. женщин. Вследствие этого постепенно рождаемость будет иметь тенденцию к снижению.

Демографическая структура населения (прежде всего – численность женщин в репродуктивном возрасте) уже сформировалась, на нее невозможно повлиять. А вот на второй фактор, под воздействием которого складывается фактический уровень рождаемости – репродуктивное поведение, можно и нужно воздействовать со стороны государства.

В своей работе «Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики» мы уже отмечали, что демографическая политика, призванная повлиять на репродуктивное поведение населения с целью повышения уровня рождаемости, должна быть направлена на решение двух задач: во-первых, это создание благоприятных условий жизни семьям для рождения и воспитания желаемого числа детей – путем общего социально-экономического развития страны и, во-вторых, формирование потребности семей в трех детях – путем повышения общественного престижа и значимости семьи с несколькими детьми [3, с. 186].

Материальное благосостояние семей и хорошие жилищные условия воздействуют на принятие решения о рождении ребенка лишь в том случае, если у семьи имеются высокие репродуктивные установки, и практически не влияют, если репродуктивные установки низкие. Как же воздействовать на репродуктивные установки в сторону их повышения в условиях ослабления потребности семьи и личности в одном-двух детях и с фактическим исчезновением потребности в трех и более детях?

Формирование потребности в трех и более детях и реализация этой потребности наряду с мерами экономического характера возможны при возрождении традиционных ценностей семьи и детей; при пропагандировании семьи с несколькими детьми, состоящей в зарегистрированном браке, при воспитании уважительного отношения к женщине и детям, при предпочтении здорового образа жизни; при обеспечении качественного и доступного медицинского обслуживания; при гарантии получения бесплатного, добротного общего образования; при развитии доступной по цене системы досуга, физической культуры и спорта; при создании реальных условий женщинам, в особенности имеющим малолетних детей, для совмещения семейных обязанностей по рождению и воспитанию детей и профессиональной деятельности; при развитой социальной инфраструктуре.

На наш взгляд, важное внимание следует уделить воспитательно-пропагандистским мерам, поскольку только с их помощью можно изменить систему нравственных ценностей. В последние 25 лет в структуре потребностей россиян перевешивают внесемейные ценности, престиж материального благополучия, потребность в самореализации и т. д., поэтому рождение не то что второго, но и даже первого ребенка

оказывается помехой на пути к реализации этих потребностей. Необходимо восстановить разрушенные в 1990-е гг. социальные нормы брачно-семейного поведения.

Решить проблему снижения рождаемости очень сложно, и на изменение репродуктивного поведения потребуются многие десятилетия – минимум 20-30 лет как средний интервал времени, разделяющий поколения родителей и их детей.

Если мы сумеем сделать так, чтобы каждый ребенок с гордостью говорил «Мы – семья», «Моя семья», «Наша семья», вкладывая в эти слова гораздо больший смысл, чем взрослые люди, то, повзрослев, он будет понимать, что настоящие семейные ценности – это забота, любовь, доброта, доверие, помощь, уют, традиции, единство всех семейных поколений. Если на уровне государства будет проводиться полномасштабная грамотная демографическая и семейная политика под девизом «Семья бесценна и полноценна, когда в ней двое и более детей», будут поддерживаться ценности супружества, ценности родительства, ценности родственных связей, тогда возродится авторитет крепкой, полной семьи с несколькими детьми, престиж материнства и отцовства. Если для решения проблемы низкой рождаемости будет использован научный подход закономерности процесса снижения рождаемости, в основе которого лежат преднамеренные действия супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей, то мы сможем избежать ошибок при определении приоритетов в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи, соответственно, путей их реализации. Тогда перестанет падать рождаемость, сократится количество разводов, будут единичными случаи отказа от детей, прекратится убийство детей собственными родителями, вырастет эмоциональная взаимосвязь между старшим и младшим поколениями, родителями и детьми, сестрами и братьями.

© Скрыбина Я.А. Текст. 2016

Список источников

1. Браки и разводы в современном Башкортостане: препринт научно-исследовательской работы / Р. Р. Яппарова, Р. А. Галин, Я. А. Скрыбина, Л. М. Хамитова; под ред. Я. А. Скрыбиной. – Уфа : БАГСУ, 2012. – 96 с.
2. Саттеруэйт М. Россия, застрявшая в переходе [Электронный ресурс]. URL: <http://demography.invur.ru/index.php?id=300>
3. Скрыбина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. – Уфа : БАГСУ, 2012. – 284 с.
4. Фаттахов И. А. Медико-социальные аспекты состояния здоровья мужского населения в Республике Башкортостан: автореф. дис. ... канд. мед. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://medical-diss.com/medicina/mediko-sotsialnye-aspekty-sostoyaniya-zdorovya-muzhskogo-naseleniya-v-respublike-bashkortostan>.
5. Хамитова Л. М. Разводы в современном Башкортостане: материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_32_2353.htm

Информация об авторе

Скрыбина Яна Альбертовна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Россия, Республика Башкортостан, 450008, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 40. Тел. (347) 272-74-48. e-mail: skryana67@mail.ru).

MODERN STATUS AND PROSPECTS OF BIRTH REGULATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

In article are estimated of birth rate in the region, considered the birth of perspective. The conditions that will help to avoid further fall in fertility.

Keywords: birthrate, reproductive behaviour of the population, necessity in kids, demographic policy.

Information about the author

Skryabina Yana Albertovna (Russia, Ufa) – Candidate of Economic Sciences, leading research worker of the Department of social and economic research, Bashkir academy of public administration and management under the Head of Republic Bashkortostan (Russia, Republic of Bashkortostan, 450008, Ufa city, Zaki Validi st., 40; tel. (347) 272-86-64. e-mail: skryana67@mail.ru).

УДК 316.245:314.07.17:330.341

Е.В. Старкова, М.В. Игошев

ПОНЯТИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье ставится вопрос о неоднозначности и многоплановости понятия здоровья. Указано, что на сегодняшний день здоровье – не только показатель успешно развитой личности, но и критерий высокого уровня жизни общества в целом. Описаны три вида здоровья (физическое, психическое, социальное), даны их основные признаки. Показано, что здоровье населения обусловлено комплексным воздействием множества факторов, определяющих образ жизни людей, среду и условия их обитания, наследственность и состояние системы здравоохранения. Даны основные рекомендации по улучшению состояния здоровья в связи с изменившимися в последнее время условиями жизни (загрязнение окружающей среды, малоподвижный образ жизни, утрата традиции закаливания). Сделан вывод, что здоровье является главной ценностью нашей жизни.

Ключевые слова: здоровье, здоровье населения, ЗОЖ, гигиена, загрязнение окружающей среды, биологические ритмы.

По общему мнению большинства наших современников, здоровье – это одна из главных ценностей жизни, эта ценность стоит на самой высокой ступени в системе человеческих запросов. Здоровье также – это одна из важнейших составляющих, образующих в общем понимании человеческое счастье. Здоровье важно не только для оценки успешности жизни одного человека, но и для оценки условий успешного экономического и социального развития общества в целом. Реализация физического, интеллектуального, нравственно-духовного и репродуктивного потенциала каждого из жителей страны возможна только в обществе, в котором здоровы все его члены и оно здорово в целом.

Одним из основных критериев высокого уровня жизни является хорошее состояние здоровья населения. В XXI в. во всех цивилизованных странах здоровье нации признается важнейшей социальной ценностью, определяющей высокий или низкий уровень социального развития государства. В связи с этим проблема обеспечения, укрепления и поддержания здоровья населения является одной из приоритетных в деятельности государственной власти.

Одновременно с таким пониманием задач власти с каждого гражданина не складывается личная ответственность: забота о собственном здоровье является непосредственной обязанностью каждого. Ни окружающие человека близкие люди, ни семья, ни общество не смогут полностью освободить гражданина от такой обязанности. Тем более это невозможно сделать по отношению к людям, которые не только не сохраняют здоровье, но и разрушают его. В каждом обществе есть люди, которые неправильным образом жизни, вредными привычками, гиподинамией, перееданием уже к 20-30 годам доводят свое здоровье до катастрофического состояния. Обычно в этих случаях такие люди уповают на медицину, забывая, что даже в развитых современных странах медицина, какой бы совершенной она ни была, не может избавить каждого человека от всех болезней [3].

В разных культурах, у разных народов, в разные периоды развития человеческой культуры существовало значительное разнообразие представлений о том, что такое здоровье и как оно измеряется, о чем свидетельствует наличие более ста определений этого понятия. Рассмотрим две фундаментальные проблемы, которые возникают, когда мы начинаем работать над созданием определения здоровья.

Первая проблема отражает противопоставление двух качественно разных состояний: здоровья и болезни. Эти два понятия различаются кардинально: одно из состояний нормальное, физиологическое (ему соответствует понятие «здоровье»), а второе – нарушенное, патологическое (синонимом которого является понятие «болезнь»). Однако перейдя из области абстрактных определений в практическую область, мы видим, что в реальной жизни у каждого из нас между болезнью и здоровьем существует множество переходных состояний. Ощущение здоровья, хорошее самочувствие не исключает наличия в организме еще не проявившегося болезнетворного начала, быть может, развития болезней с продолжительным латентным состоянием. Кроме того, человек может, в целом считая себя здоровым, чаще всего хорошо себя чувствуя, иногда испытывать субъективные колебания в самочувствии, связанные с сезонными изменениями, метеозависимостью, нарушениями режима дня, избыточным питанием. У человека может быть постоянное перенапряжение защитно-приспособительных сил, если его работа связана с длительным воздействием на организм чрезвычайных раздражителей, к числу которых можно отнести низкие температуры в условиях холодного климата, производственный шум, большие физические нагрузки или значительное эмоциональное «выгорание». Со временем это может привести к развитию болезни.

Суть второй проблемы, которая возникает при создании определения здоровья, – это понимание различных системных уровней, на которых в современной науке анализируется понятие здоровье. В качестве полюсных вариантов принято рассматривать «здоровье индивида» и «популяционное здоровье», или здоровье населения. Для описания здоровья населения не могут быть применены те же термины, которые используются при описании здоровья индивида. Здоровье человека обычно определяется как динамическое равновесие функций всех внутренних органов и их адекватное реагирование на влияние окружающей среды. А другой системный уровень, уровень здоровья населения, рассматривается большинством исследователей в современной науке как категория социально-экономическая. На этом уровне для оценки здоровья учитывается не правильное функционирование одного организма, а возможности воспроизводства вида, показатели продолжительности жизни в целом в стране, при этом качество жизни на всех возрастных этапах и в особенности в пожилом возрасте не принимается во внимание, пусть даже при этом длительный старческий возраст протекает не только без участия в жизни общества, но и является тяжелым испытанием для индивида вследствие хронических заболеваний, например, полностью обездвиживающих человека.

Примером удачного компромисса двух системных уровней в определении здоровья служит известное определение, зафиксированное в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в соответствии с которым «здоровье является состоянием

полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов».

Рассмотрим три вида здоровья: физическое, психическое и нравственное (социальное):

- физическое здоровье – это естественное состояние организма, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем. Организм человека – система саморегулирующаяся, в естественном состоянии он правильно функционирует и развивается, способен вносить необходимые поправки в работу органов и систем, взаимозаменяя их;

- психическое здоровье – это состояние психической сферы, которое определяется несколькими компонентами: мотивационно-эмоциональными, мыслительными и нравственно-духовными. Проявляется психическое здоровье через состояние эмоционального комфорта, обеспечивающего умственную работоспособность и правильное, нравственное поведение человека в обществе;

- социальное здоровье определяется теми моральными принципами, которые являются основой социальной жизни человека в определенной стране в определенный период исторического развития. Отличительными признаками социального здоровья человека являются сознательное отношение к труду, овладение сокровищами культуры. В понятие социального здоровья входит также активное неприятие нравов и привычек, противоречащих нормальному образу жизни и наносящих моральный и экономический ущерб обществу. Здоровый и духовно развитый человек счастлив – он отлично себя чувствует, получает удовлетворение от своей работы, стремится к самоусовершенствованию, достигая неувядающей молодости духа и внутренней красоты. Гармония психофизических сил организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения в различных областях нашей жизни. Социальное здоровье считается высшей мерой человеческого здоровья [3].

Для оценки здоровья определенной группы людей или населения в целом принято использовать следующие группы индикаторов:

- показатели медико-демографических процессов;
- показатели заболеваемости;
- показатели инвалидности;
- показатели физического здоровья.

Существуют комплексные оценки здоровья отдельных пациентов, населения в целом, при этом выделяют следующие пять групп здоровья:

I группа – здоровые;

II группа – здоровые лица, у которых отсутствует какая-либо хроническая болезнь, но имеются различные функциональные отклонения, снижение иммунологической резистентности, частые острые заболевания и др.;

III группа – больные с длительно текущими (хроническими) заболеваниями при сохраненных в основном функциональных возможностях организма;

IV группа – больные с длительно текущими (хроническими) заболеваниями со снижением функциональных возможностей организма;

V группа – тяжелые больные, нуждающиеся в соблюдении постельного режима [1].

Здоровье – это целый комплекс факторов, это образ жизни человека, среда его обитания, наследственность и состояние системы здравоохранения.

Общепринята следующая классификация факторов, определяющих состояние здоровья населения:

- социально-экономические (образ жизни, условия труда, жилищные условия, материальное благосостояние);
- социально-биологические (возраст, пол, наследственность);
- эколого-климатические (состояние воздуха, воды, почвы, уровень солнечной радиации);

– медико-организационные (качество, эффективность, доступность медико-социальной помощи).

Какие из перечисленных факторов являются самыми важными? Насколько от самого человека зависит сохранение и поддержание здоровья? Много ли в силах человека, желающего продолжительной, здоровой, полноценной жизни? По мнению известного ученого, академика РАМН Ю.П. Лисицына, здоровье на 50 и более процентов зависит от условий и образа жизни, на 20% – от состояния (загрязнения) окружающей внешней среды, на 20% – от генетических факторов и на 10% – от состояния здравоохранения. Как видим, человек сам кузнец своего счастья, он в значительной мере сам сможет создать то ощущение комфорта жизни, которое обеспечивается здоровьем.

Помимо непосредственных причин заболеваний (вирусы, бактерии и т.д.) существуют факторы риска, к числу которых относятся состояние окружающей среды, уровень медицинского обслуживания в обществе. Разработку и реализацию комплекса профилактических мероприятий по снижению воздействия данных факторов должно обеспечить государство.

Здоровый образ жизни включает в себя следующие основные элементы: плодотворный труд, рациональный режим труда и отдыха, отсутствие вредных привычек, оптимальный двигательный режим, личная гигиена, закаливание, рациональное питание.

1) Плодотворный труд – важный элемент здорового образа жизни. В трудовой деятельности реализуются самые разные человеческие потребности, осуществляется рост профессиональных и творческих возможностей.

2) Режим труда и отдыха – необходимый элемент здорового образа жизни. При правильном и строго соблюдаемом режиме вырабатывается четкий и необходимый ритм функционирования организма, что создает оптимальные условия для работы и отдыха и тем самым способствует укреплению здоровья, улучшению работоспособности.

3) Отсутствие или искоренение вредных привычек (курение, алкоголь, наркотики) является следующим звеном здорового образа жизни. Эти нарушители здоровья – причина многих заболеваний, они резко сокращают продолжительность жизни, снижают работоспособность, пагубно отражаются на здоровье подрастающего поколения и на здоровье будущих детей.

Существует два основных закона рационального питания, нарушение которых опасно для здоровья.

Первый закон, обеспечивающий правильное здоровое питание, – равновесие получаемой и расходуемой энергии. В современных развитых странах система питания такова, что организм, как правило, получает энергии больше, чем расходует. В условиях круглосуточного постоянного температурного режима в квартирах, наличия общественного транспорта во всех направлениях по крупным городам и за их пределами полученное количество калорий просто не может быть использовано, в то время как большинство населения крупных городов потребляет высококалорийную белковую пищу вследствие определенных традиций питания, недостаточной культуры питания, отсутствия проверенной достоверной научно обоснованной информации о правильном питании. Так возникает проблема лишнего веса и связанных с ней заболеваний. Эта проблема приобрела большой размах: более трети населения нашей страны, включая детей, имеет лишний вес.

Второй закон – необходимость соотносить химический состав рациона с физиологическими потребностями организма в пищевых веществах. При этом рацион в каждом случае должен соответствовать наличию или отсутствию физических нагрузок, необходимости обеспечения определенных систем организма, например, нервной системы или опорно-двигательной. Во всех этих случаях обеспечение потребности в белках, жирах, углеводах, витаминах, минеральных веществах, пищевых волокнах разное.

Состояние окружающей среды оказывает немаловажное влияние на здоровье. Загрязнение поверхности суши, гидросферы, атмосферы и Мирового океана сказывается

на состоянии здоровья людей, эффект «озоновой дыры» вызывает образование злокачественных опухолей, загрязнение атмосферы отрицательно сказывается на состоянии дыхательных путей, а загрязнение вод – на пищеварении, кроме того, резко ухудшает общее состояние здоровья человечества, снижает продолжительность жизни.

Влияют на наше здоровье и биологические ритмы. Одной из важнейших особенностей процессов, протекающих в живом организме, является их ритмический характер.

В настоящее время установлено, что свыше трехсот процессов, протекающих в организме человека, подчинены суточному ритму.

Здоровье невозможно без движения, активного, постоянного, достаточного. Для одних будут достаточными систематические занятия физическими упражнениями, для других – серьезное занятие спортом. Сохранение здоровья и двигательных навыков у лиц пожилого возраста также невозможно без правильного двигательного режима, а кроме того, для усиления профилактики неблагоприятных возрастных изменений.

Основными качествами, характеризующими физическое развитие человека, являются сила, быстрота, ловкость, гибкость и выносливость. Совершенствование каждого из этих качеств способствует и укреплению здоровья, но не всегда обеспечивает долголетие. Все мы знаем, что при хорошей физической подготовке все же следует помнить о необходимости сформировать достаточную устойчивость к болезнетворным воздействиям.

Закаливание проводится для эффективного оздоровления и профилактики болезней, оно позволяет тренировать и совершенствовать одно из самых ценных качеств – выносливость, что обеспечит растущему организму надежный щит против многих болезней.

В России закаливание издавна было массовым, несмотря на холодный климат, продолжительные зимы. Примером могут служить деревенские парные бани со снежными ваннами. Издавна применялось зимнее купание в проруби. С незапамятных времен известно, что ходьба босиком – замечательное закаливающее средство. Польза закаливания доказана громадным практическим опытом и опирается на солидное научное обоснование. Широко известны различные способы закаливания – от воздушных ванн до обливания холодной водой. Основные принципы их правильного применения должны знать все: систематичность и последовательность; учет индивидуальных особенностей, состояния здоровья и эмоциональных реакций на процедуру.

Однако в наши дни эти традиции утрачиваются, большинство людей ничего не делают для закаливания как самих себя, так и своих детей. Многие родители из опасения простудить ребенка уже с первых дней и месяцев его жизни начинают заниматься пассивной защитой от простуды: укутывают его, закрывают форточки и т.д. Поэтому проблема поиска и разработки доступных методов закаливания, информирования населения о них, привлечения внимания населения к новым эффективным формам укрепления устойчивости организма к простудным заболеваниям остается одной из важнейших [4].

Гармоническое развитие человека невозможно без систематического выполнения физических упражнений. Экспериментально доказано, что регулярные занятия физкультурой, которые рационально входят в режим труда и отдыха, не только способствуют укреплению здоровья, но и существенно повышают эффективность производственной деятельности. Часто, уставая от постоянных двигательных действий, выполняемых в быту и процессе работы, человек считает свою физическую нагрузку достаточной. Это широко распространенное ошибочное мнение. Полезными для гармонического физического развития являются только движения, специально подбираемые для воздействия на различные органы и системы, развития физических качеств, коррекции дефектов телосложения.

Человек сам всегда может корректировать размеры нагрузки, просто сообразуясь с реакцией организма. Это нужно для того, чтобы не причинить себе вреда, например, если имеются нарушения со стороны сердечно-сосудистой системы, упражнения, требующие существенного напряжения, могут привести к ухудшению деятельности сердца.

Важный элемент здорового образа жизни – личная гигиена. Он включает в себя рациональный суточный режим, уход за телом, гигиену одежды и обуви.

Особое значение имеет и режим дня. При правильном и строгом его соблюдении вырабатывается четкий ритм функционирования организма. Это создает наилучшие условия для работы и восстановления. Режим подразумевает правильное чередование работы и отдыха, регулярное питание. Особое внимание нужно уделять сну – основному и ничем не заменимому виду отдыха. Постоянное недосыпание опасно тем, что может вызвать истощение нервной системы, ослабление защитных сил организма, снижение работоспособности, ухудшение самочувствия.

Здоровье – это первая и важнейшая потребность человека, определяющая способность его к труду и обеспечивающая гармоническое развитие личности. Оно является важнейшей предпосылкой к самоутверждению человека и достижению счастья. Активная долгая жизнь – это важное слагаемое человеческого фактора.

Здоровье как важнейшая, высшая ценность человека формируется под влиянием ряда социальных факторов. Специалисты ВОЗ считают, что здоровье человека на 50% зависит от здорового образа жизни, поэтому первостепенной задачей является сохранение и укрепление здоровья. В настоящее время особенно актуальна мотивация к здоровому образу жизни.

В заключение еще раз подчеркнем, что здоровье человека является результатом проявления наследственных особенностей организма, воздействия окружающей среды и активности самого индивида.

© Старкова Е.В., Игошев М.В. Текст. 2016

Список источников

1. Баль Л.В., Барканов С.В., Горобатенко С.А. Педагогу о здоровом образе жизни детей: книга для учителя. – М., 2005. – 191с.
2. Здоровье населения: эволюция политики охраны и укрепления здоровья [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik2a31.html>.
3. Медков В.М. Демография: учеб. пособие (Учебники и учебные пособия). – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 448 с.
4. Шлозберг С., Непорент Л. О здоровом образе жизни. – М.: Диалект, 2004. – 256 с.

Информация об авторах

1. Старкова Елена Викторовна (Россия, Пермь) – кандидат педагогических наук, декан факультета физической культуры ГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Россия, 614990, г.Пермь, ул.Сибирская, 24. e-mail: starkova@pspu.ru).

2. Игошев Михаил Владиславович (Россия, Пермь) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия» (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Полевая, 2. e-mail: perm@pfa.ru; igoshhev@pfa.ru; доцент кафедры физической культуры ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. e-mail: sportmig58@yandex.ru).

THE CONCEPT OF PUBLIC HEALTH IN SOCIAL CONTEXT

The article raises the question of ambiguity and diversity of health concepts. It is indicated that today's health - not only an indicator of the successful development of the individual, but also the criterion of a high level of society as a whole. We describe three types of health (physical, mental, social), are their main features. It is shown that the health of the population due to the combined action of a number of factors that determine the way of life of people, the environment and the conditions of their environment, heredity and the state of the health care system. Dana's main recommendations to improve the state of health due to the changed recently living conditions (pollution, sedentary lifestyle, the loss of tradition hardening). It is concluded that health is the main value of our lives.

Keywords: health, health, healthy lifestyle, hygiene, pollution, biological rhythms.

Information about the authors

1. Starkova Elena (Russia, Perm) – Ph. D. Perm State Humanitarian Pedagogical University Dean of the Faculty of Physical Education (Russia, 614990, Perm, Sibirskaya st., 24. e-mail: starkova@pspu.ru).

2. Igoshev Mikhail (Russia, Perm) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physical Education «Perm State Pharmaceutical Academy» (Russia, 614990, Perm, Field st., 2. e-mail: perm@pfa.ru igoshev@pfa.ru; Associate Professor, Department of Physical Education Perm State National Research University (Russia, 614990, Perm, Bukireva st., 15. e-mail: sportmig58@yandex.ru).

УДК 373.9(470.83)

Ю.С. Шевалдина, Е.И. Шевалдина

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДОРОВЬЕ» И УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН.

В статье предпринята попытка дать анализ качественных и количественных показателей, характеризующих уровень оказания медицинской помощи населению Республики Башкортостан и эффективность реализации национального проекта «Здоровье».

Ключевые слова: здоровье населения, управление качеством здравоохранения, качество оказания медицинской помощи.

Мероприятия, проводимые в рамках реализации нацпроекта «Здоровье», основными целями которого являются укрепление здоровья населения, снижение уровня заболеваемости, инвалидности, доступность, качество и эффективность медицинской помощи, проводятся на территории г. Уфа в заданные сроки, а для получения высоких результатов осуществляются с уклоном на инновационный путь развития. Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в Республике Башкортостан на период 2010–2016 гг. имеет свои положительные результаты. Одним из мероприятий по управлению качеством оказания медицинской помощи населению г. Уфа является внедрение на территории города социальной карты Башкортостана, имеющей медицинское приложение.

Республиканский фонд обязательного медицинского страхования (РФОМС) – самостоятельная некоммерческая структура, основной функцией которой является аккумуляция страховых взносов по обязательному медицинскому страхованию (ОМС) и расчеты с лечебно-профилактическими учреждениями за медицинскую помощь населению, предоставленную в рамках территориальной программы. Согласно Закону РФ от 28.06.1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.07.2009 г. № 213-ФЗ) [1], обязательное медицинское страхование является составной частью государственного социального страхования и обеспечивает всем гражданам России равные возможности в получении медицинской помощи. Фонд формируется за счет отчислений предприятий, организаций и других хозяйствующих структур. Страховые взносы на ОМС работающего населения устанавливаются в процентах к начисленной оплате труда. Страховой тариф утверждается органом законодательной власти Российской Федерации. Размер тарифа с 1993 г. составлял 3,4% в территориальный фонд и 0,2% в федеральный фонд, а в настоящее время составляет 0,2% и 1,1% соответственно. Взносы на обязательное медицинское страхование неработающего населения ГО «г. Уфа» осуществляются местной администрацией за счет средств, предусмотренных на эти цели.

Цели разработки Программы государственных гарантий оказания населению Республики Башкортостан бесплатной медицинской помощи:

- создание единого механизма реализации конституционных прав населения по получению бесплатной медицинской помощи гарантированного объема и качества за счет всех источников финансирования;
- обеспечение сбалансированности обязательств государства по предоставлению населению бесплатной медицинской помощи и выделяемых для этого финансовых средств;
- повышение эффективности использования имеющихся ресурсов здравоохранения;
- обеспечение планирования в пределах утвержденного бюджета.

По данным Министерства здравоохранения Республики Башкортостан, в последние годы укомплектованность лечебных учреждений участковыми врачами составляла 60%, наполовину лицами предпенсионного и пенсионного возраста [2].

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в Республике Башкортостан в период 2010 – 2016 гг. имеет свои положительные результаты.

За период с 2010 по 2014 гг. на реализацию национального проекта «Здоровье» из федерального бюджета выделено более 7,3 млрд рублей, из бюджета Республики Башкортостан – более 1,5 млрд рублей, в том числе за 2010 г. – 2,3 млрд рублей и 556,3 млн рублей соответственно.

В 2010 г. в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье» проводилась подготовка и переподготовка 445 специалистов, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. На дополнительные денежные выплаты 5,0 тыс. медицинским работникам амбулаторно-поликлинических учреждений выделено 527,85 млн рублей и 210,53 млн рублей – 4,5 тыс. работникам скорой медицинской помощи и фельдшерско-акушерских пунктов.

В целях усиления профилактической работы по предупреждению заболевания, вызываемого ВИЧ, в 2010 г. проведено 1,1 млн исследований, охвачено 951,3 тыс. человек.

Условия труда являются одним из важнейших факторов, влияющих на состояние здоровья работающих и продолжительность трудовой активности. В 2010 г. проведена дополнительная диспансеризация 143,5 тыс. работающих граждан. Углубленные медицинские осмотры занятых на работах с вредными и опасными для здоровья производственными факторами прошли 92,0 тыс. человек, на диспансерный учет поставлено около 10,0% граждан.

В структуре впервые выявленных заболеваний на первом месте – болезни системы кровообращения (20,4%), на втором – нервной системы (17,9%), на третьем – эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (12,3%).

В рамках национального проекта «Здоровье» в целях раннего выявления наследственной патологии проводится медицинское обследование новорожденных. Для выявления больных с тугоухостью, глухотой и своевременного их лечения получено 24 единицы медицинского оборудования для аудиологического скрининга детей первого года жизни.

Проведена диспансеризация 10,6 тысяч детей, находящихся в стационарных учреждениях, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей и оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Повышению эффективности оказания медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и в послеродовой период, а также детям первого года жизни, в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения способствуют дополнительные средства, направляемые в рамках программы «Родовой сертификат».

В 2015 г. направления на получение высокотехнологичной медицинской помощи выданы 1700 жителям республики, лечение получил 1651 человек.

В республике реализовывались новые направления национального проекта. Башкортостан в числе 12 субъектов РФ активно участвовал в программе совершенствования оказания медицинской помощи больным с сосудистыми заболеваниями. Субсидии из федерального бюджета в размере 229,2 млн рублей и средства из бюджета Республики Башкортостан в объеме 120,0 млн рублей позволили оснастить лечебно-профилактические оборудованием и расходными материалами. С 1 января 2009 г. начали функционировать Региональный сосудистый центр и три первичных сосудистых отделения.

В рамках мероприятий, направленных на совершенствование организации медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях на федеральных автомобильных трассах М-5 «Урал» (Москва – Челябинск) и М-7 «Волга» (Москва – Уфа), на базе муниципального учреждения Городская клиническая больница № 21 в Уфе начал функционировать центр специализированной медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях – Региональный травматологический центр. За счет средств субсидий из федерального бюджета и бюджета Республики Башкортостан в размере 219,2 млн рублей учреждения здравоохранения оснащены медицинским оборудованием и санитарным автотранспортом с полной комплектацией.

В рамках реализации мероприятий, направленных на развитие службы крови, за счет средств федерального бюджета закуплено медицинское и информационное оборудование для Республиканской станции переливания крови на сумму 131,2 млн рублей.

В Республике Башкортостан в 2010 г. за счет средств федерального и республиканского бюджетов в размере 12,8 млн рублей на базе лечебно-профилактических учреждений открыты 12 центров здоровья [3].

Во всех лечебно-профилактических учреждениях приказами руководителей определены ответственные исполнители по реализации разделов национального проекта; - проведена паспортизация участков; приведено в соответствие с нормативными документами прикрепленное население; заключены дополнительные трудовые соглашения с медработниками первичного амбулаторного звена.

Одним из основных направлений приоритетного национального проекта «Здоровье» является повышение профессионального уровня работников здравоохранения. В 2010 г. прошли усовершенствование и первичную специализацию на кафедрах Башкирского государственного медицинского университета 676 врачей района.

Большая работа проводится по направлению «Оказание медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и детям». В рамках нацпроекта производятся выплаты женским консультациям, родильным домам и детским поликлиникам по талонам родовых сертификатов. Работа с данными сертификатами позволила увеличить зарплату врачам акушерам-гинекологам до 19 250 рублей и среднему медперсоналу до 15 000 рублей.

Благодаря нацпроекту пациенты с тяжелой патологией имеют возможность получить высокотехнологичную медицинскую помощь в лучших клиниках РФ и РБ бесплатно.

Мероприятия, проводимые в рамках реализации нацпроекта «Здоровье», основными целями которого являются укрепление здоровья населения, снижение уровня заболеваемости, инвалидности, доступность, качества и эффективность медицинской помощи, будут продолжены на территории республики и в дальнейшем [4].

Сформирована единая республиканская многоуровневая система сбора, обработки и хранения медико-статистической и экономической информации. Информационные ресурсы системы здравоохранения и ОМС включают в себя следующие базы данных:

- базу данных застрахованного населения Республики Башкортостан, сбор и проверку которой осуществляют ТФОМС;
- различные федеральные и региональные регистры, связанные с заболеваемостью населения;
- статистические сведения о здоровье населения и показатели деятельности лечебно-профилактических учреждений;
- нормативно-справочные и другие базы данных.

Парк персональных компьютеров в лечебных учреждениях республики постоянно увеличивается. Общее количество компьютеров в лечебных учреждениях РБ по состоянию на 01.01.2015 г. составило 14986 штук. Количество серверов – 276 (3,7% от общего числа компьютеров).

Однако имеющийся компьютерный парк не удовлетворяет потребности лечебно-профилактических учреждений. Только 13% существующего оборудования эксплуатируется менее 1 года, 23% – менее 3 лет, 15,8% персональных компьютеров используются более 5 лет, 21,5% – более 7 лет. Количество компьютеров последнего поколения составляет всего 11% от общей численности компьютеров, в том числе по лечебно-профилактическим учреждениям г. Уфа – 8%, по республиканским учреждениям здравоохранения – 12%.

Информатизации лечебно-профилактических учреждений г. Уфа имеет положительные результаты. Началось внедрение системы электронной регистратуры, которая позволяет осуществлять запись на прием к врачу в удаленном режиме, то есть по телефону или Интернету (<http://doctor.ufacity.info>). Цель проекта – повышение доступности и качества медицинской помощи. Предварительные итоги эксперимента свидетельствуют о том, что данная система себя оправдала. Ликвидированы очереди в регистратуру, снята напряженность на приеме к врачам узкой специализации [5].

Одним из мероприятий по управлению качеством оказания медицинской помощи населению г. Уфа является внедрение с 1 октября 2009 г. на территории города Социальной карты Башкортостана, имеющей медицинское приложение.

Социальная карта Башкортостана – это именная пластиковая карта, электронный аналог удостоверения льготника. Отметим, что число жителей республики, получающих поддержку за счет федерального, регионального, а также местного бюджетов, составляет примерно 870 000 человек, в том числе региональных льготников насчитывается около 300 000 человек. Такая социальная карта призвана как унифицировать работу различных ведомств, так и облегчить возможность получения льгот жителям региона, в том числе и г. Уфы [6].

Система работы Социальной карты Башкортостана представляет собой следующий алгоритм: пациент обращается в регистратуру, там открывают его амбулаторную карту в электронном виде и передают по внутренней сети врачу. Когда пациент заходит в кабинет, врач уже видит его данные на экране компьютера. Причем выписка рецептов теперь стала быстрым делом. Если раньше доктору нужно было заполнять бланк от руки, проверять по справочнику латинские названия новых лекарств и тому подобное, то теперь все эти данные уже имеются в компьютере, включая информацию о льготах пациента, и врач может посвятить больше времени больному, а не работе с бумагами. Реализация данного проекта имеет положительные результаты, предусматривает в перспективе совершенствование самой программы.

© Шевалдина Ю.С., Шевалдина Е.И. Текст. 2016

Список источников

1. Шевалдина Е. И. Управление качеством оказания медицинской помощи в Республике Башкортостан // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 5. – С. 90-95.
2. Shevaldina E.I. Social-ecological factors in children's health // Социологические исследования. – 1997. – № 8. – С. 92-97.
3. Шевалдина Е.И. Социально-экологические проблемы здоровья детей: дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 1999.
4. Шевалдина Е.И., Шевалдина Ю.С. Демографические показатели трудовых ресурсов в Республике Башкортостан // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы современного общества (Аитовские чтения): сб. материалов международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – С. 407-409.
5. Зайнашева З.Г., Мешкова Н.Г. Проблемы развития санаторно-оздоровительных комплексов в современных условиях // Сценарии развития социальной сферы в условиях новых вызовов: материалы Всерос. научно-практ. конф 27.11.2014. – М.: Креативная экономика, 2015. – С. 223-225.

Информация об авторах

1. Шевалдина Юлия Станиславовна (Россия, Уфа) – студентка 2 курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Уфимского государственного нефтяного технического университета (Россия, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145. e-mail: Yulena1903@mail.ru).
2. Шевалдина Елена Ивановна (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление» Уфимского государственного нефтяного технического университета (Россия, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145. e-mail: Shevaldinalena@mail.ru).

Shevaldina Y.S., Shevaldina E.I.

MANAGEMENT OF MEDICAL CARE QUALITY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN. THE NATIONAL PROJECT «HEALTH»

In the article we tried to analyze the qualitative and quantitative indicators characterizing the level of care to the population of the Republic of Bashkortostan, and effectiveness of the national project "Health".

Keywords: population health, quality management of health, quality of care.

Information about the authors

1. Shevaldina Y.S. (Russia, Ufa) – second-year student majoring «State and municipal management» Ufa State Petroleum University. e-mail: Yulena1903@mail.ru.

наиболее крупных 10 районов входят в основном муниципальные районы, в составе которых есть городские поселения: Туймазинский, Белорецкий, Белебеевский, Ишимбайский, Мелеузовский, Уфимский, Учалинский, Бирский, Дюртюлинский, Баймакский.

Возрастная структура муниципальных образований сильно различается, что, разумеется, отражается и на параметрах смертности. Наиболее «старой» структурой населения в настоящее время отличается Бураевский (32% населения старше трудоспособного возраста), в самом «молодом» Бурзянском районе их доля более чем в 2 раза меньше и составляет всего 14,9% [3, с. 63-73].

Из-за этих причин общий коэффициент смертности сильно искажает реальную ситуацию. Общая характеристика смертности включает не только рассмотрение структуры смертности по причинам, но расчет и анализ возрастных коэффициентов смертности, показателя ожидаемой продолжительности жизни, которые в целом позволяют обойти проблему различия численности и возрастной структуры. Однако дело в том, что из-за малочисленности населения смертность даже в пятилетней возрастной группе, во-первых, может быть относительно редким явлением, во-вторых, самые незначительные колебания могут привести к «скачкообразным» изменениям показателя. На наш взгляд, сравнительный анализ целесообразно проводить по показателям, рассчитанным за ряд смежных лет (например, за три года).

Так, для исключения погрешности ожидаемая продолжительность жизни при рождении для муниципальных районов была рассчитана в среднем за 2005-2007 и 2012-2014 гг. Полученные расчеты показали, что по сравнению с 2005-2007 гг. в 2012-2014 гг. в абсолютном большинстве муниципальных образований ОПЖ повысилась, и только в одном городском округе и 7 муниципальных районах стала ниже.

Таблица

Максимальные и минимальные значения ОПЖ при рождении в городских округах и муниципальных районах (ГО и МР) Республики Башкортостан, 2012-2014 гг., лет

Годы	РБ	Наибольшее значение	Наименьшее значение
2005-2007	67,85	МР Туймазинский –70,65	МР Белорецкий – 62,1
2012-2014	69,47	ГО Октябрьский, МР Дюртюлинский –71,9	МР Архангельский – 64,5

Расчеты на основе данных Башкортостанстата.

За этот период разрыв между лидером и аутсайдером уменьшился с 8,55 до 7,4 года, уменьшилась и разница с республиканским уровнем (таблица). Однако в 2005-2007 гг. в 38 муниципальных районах ОПЖ была ниже средней по республике, а в 2012-2014 гг. – уже в 43 из 54.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни в муниципальных образованиях наиболее чувствителен к значению смертности в трудоспособном возрасте: обычно чем она ниже, чем выше ожидаемая продолжительность жизни. Причем в большинстве муниципальных районов ситуация хуже, чем в среднем по республике.

Анализ возрастных коэффициентов смертности показал, что в городских округах ситуация выглядит несколько лучше по сравнению с муниципальными районами: самым высоким значениям для городских округов соответствуют средние для муниципальных районов.

Анализ смертности по причинам за ряд последних лет показал, что у лидеров по ожидаемой продолжительности жизни самая низкая в республике смертность от заболеваний в целом и внешних причин.

В целом более благоприятная ситуация характерна для городских округов и муниципальных районов, находящихся вблизи них или других развитых городских поселений республики (города Туймазы, Дюртюли, Белебей). Несколько особняком выглядит ситуация в городском округе Агидель, в котором за рассматриваемый период

ожидаемая продолжительности жизни снизилась. После остановки работ по строительству Башкирской атомной электростанции в 1990 г. в городе-спутнике до сих пор стоит остро проблема безработицы. Однако в список моногородов с наиболее сложной ситуацией, которые получают федеральную поддержку, Агидель не вошел [2]. Снижение ожидаемой продолжительности жизни произошло в 6 сельских муниципальных районах. В целом более негативная ситуация характерна для неурбанизированных районов. Исключением выглядят горнопромышленные районы (Белорецкий, Баймакский, Учалинский). Можно говорить о том, что непрекращающиеся системные проблемы сельского хозяйства, продолжение концентрации ресурсов в городах привели к кризису самого сельского образа жизни и отражаются в демографических показателях, дифференциация по которым в республике не снижается.

© Утяшева И.Б., Шамсутдинова Н.К. Текст. 2016

Список источников

1. Денисенко М.Б. Вопросы изучения смертности населения малых территорий // Смертность населения. Тенденции, методы изучения, прогнозы / под ред. М.Б. Денисенко, Г.Ш. Бахметовой. Серия «Демографические исследования». – Вып. 13. – М.: Макс Пресс, 2007. – С. 148-174.
2. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.
3. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2 / отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева, Н.К. Шамсутдинова. – Уфа: Восточная печать, 2016. – С. 63-73.

Информация об авторах

1. Утяшева Ирина Борисовна (Россия, Уфа) – начальник отдела статистики населения и здравоохранения Территориального органа Федеральной службы статистики по Республике Башкортостан (Россия, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. Цюрупы, 17); старший научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ» (Россия, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. 50 лет Октября, 20/1. e-mail: utasheva@bashstat.ru).
2. Шамсутдинова Наиля Кадымовна (Россия, Уфа) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ» (Россия, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. 50 лет Октября, 20/1. e-mail: shamsutdinovank@gmail.com).

Utyasheva I.B., Shamsutdinova N.K.

THE CHARACTERISTIC OF THE LEVEL OF MORTALITY IN THE MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

In the article is suggested the method of analysis of level of mortality rate in the municipalities of the Republic of Bashkortostan. Life expectancy increased in the vast majority of them, however, the differentiation of mortality rate does not decreased.

Keywords: life expectancy, age-specific death rates, mortality of working age people, deaths by cause, municipality, the Republic of Bashkortostan.

Information about the authors

1. Utyasheva Irina Borisovna (Russia, Ufa) – the head of Department population and health statistics of the Territorial body of Russian Federal State Statistics Service in the Republic of Bashkortostan (Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Tsyurupy st., 17); senior researcher,

the Centre for the study of human potential of the Institute of strategic studies of the Republic of Bashkortostan (Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, 50 let Oktyabrya st., 20/1. e-mail: utasheva@bashstat.ru).

2. Shamsutdinova Nailya Kadimovna (Russia, Ufa) – candidate of historical sciences, senior researcher, the Centre for the study of human potential of the Institute of strategic studies of the Republic of Bashkortostan (Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, 50 let Oktyabrya st., 20/1. e-mail: shamsutdinovank@gmail.com).

УДК 94.(47).084

М.А. Фельдман, А.А. Кузнецова

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ В РЕГИОНЕ: ДОЛГИЙ ПУТЬ ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛЬНЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ

В статье анализируются позитивные достижения и нерешенные проблемы диспансеризации. Рассматриваются пути оптимизации диспансеризации.

Ключевые слова: диспансеризация, Свердловская область, медицина, проблемы, результаты.

Основными стратегическими документами, определяющими направления диспансеризации, являются: Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения»; приказ Правительства Свердловской области от 21.12.2012 № 1344н «Об утверждении порядка проведения диспансерного наблюдения», приказ Правительства Свердловской области № 589-п от 30 апреля 2015 г. «О порядке проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения на территории Свердловской области». На основании этих документов были разработан ряд подпрограмм, определяющих мероприятия в рамках диспансеризации, в том числе:

- ранние выявления хронических неинфекционных заболеваний (состояний), являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения Российской Федерации, основных факторов риска их развития;
- определение группы состояния здоровья, необходимых профилактических, лечебных, реабилитационных и оздоровительных мероприятий для граждан с выявленными хроническими неинфекционными заболеваниями и (или) факторами риска их развития, граждан с иными заболеваниями (состояниями), а также для здоровых граждан.

В программу диспансеризации должны входить: профилактический осмотр врачом-терапевтом, участковым цехового врачебного участка, врачом общей практики (семейным врачом), фельдшером фельдшерского здравпункта, фельдшерско-акушерского пункта; врача-стоматолога и гинеколога; врачей других специальностей по показаниям и с учетом фактора возраста и пола; лабораторные и инструментальные обследования, имеющие доказательную базу своей медико-экономической эффективности (обязательные и дополнительные по показаниям); профилактическое консультирование по поводу факторов риска хронических неинфекционных заболеваний; составление индивидуального плана-графика получения пациентом профилактических услуг, диспансерных и дополнительных обследований; оформление паспорта здоровья [1].

Основными критериями эффективности диспансеризации взрослого населения являются:

- 1) охват диспансеризацией населения, подлежащего диспансеризации в текущем году (плановое значение – не менее 23% ежегодно);

2) охват индивидуальным углубленным профилактическим консультированием граждан со II и IIIа группами состояния здоровья, а также граждан с IIIб группой состояния здоровья;

3) охват групповым профилактическим консультированием (школа пациента) граждан с II и IIIа группами состояния здоровья, а также граждан с IIIб группой состояния здоровья.

Диспансеризация взрослого населения имеет вполне определенные задачи:

- 1) снижение числа предотвратимых смертей на каждом терапевтическом участке;
- 2) рост числа впервые выявленных заболеваний;
- 3) снижение частоты обострений хронических заболеваний;
- 4) предупреждение развития заболеваний;
- 5) снижение развития осложнений.

Анализ ежегодных докладов Министерства здравоохранения Свердловской области о состоянии здоровья населения позволяет отразить динамику показателей диспансеризации в Свердловской области.

По данным Минздрава Свердловской области, в диспансеризации взрослого населения в 2014 г. принимали участие 102 медицинские организации различных форм собственности, в том числе 70 государственных бюджетных учреждений здравоохранения, 10 – муниципальных бюджетных и автономных учреждений здравоохранения, 11 МСЧ промышленных предприятий, 5 МСЧ ФМБА, 5 негосударственных учреждений здравоохранения ОАО «РЖД», 1 МСЧ ГУВД [2]. Диспансеризация проводится в следующих группах взрослого населения: работающие граждане; неработающие граждане; обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме. Результаты диспансеризации представлены в таблице 1 [2, 3].

Таблица 1

Численность диспансеризируемых граждан Свердловской области за 2007-2014 гг.

Показатель	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2014г.
Всего прошли диспансеризацию, чел.	141106	111951	667722	728750
Граждане, отказавшиеся от диспансеризации, чел.	Нет данных	Нет данных	≈ 6000	≈ 4000
С впервые выявленными заболеваниями (% от всех прошедших диспансеризацию)	2,96	1,08	7,9	11,3

Согласно данным таблицы 1, очевидна позитивная тенденция, а именно увеличение охвата населения диспансеризацией в период 2007– 2014 гг. примерно в семь раз, что отражает определенную эффективность и действенность процесса диспансеризации. Этому результата удалось добиться благодаря, во-первых, изменениям в нормативно-правовой базе; во-вторых, увеличению финансирования данного процесса; в-третьих, организационным мероприятиям (которые проводили Министерство здравоохранения Свердловской области и ГАУЗ СО «Свердловский областной центр медицинской профилактики») [4].

Качественным показателем улучшения хода диспансеризации в 2007–2014 гг. следует считать увеличение доли впервые выявленных хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ) с 2,96 до 11,3%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что принятые в 2012-2013 гг. меры позволили в **четыре** раза увеличить выявляемость ХНИЗ в рамках диспансеризации. Этому удалось добиться благодаря: увеличению количества медицинских организаций, на базах которых граждане могли воспользоваться этой услугой (в 2010г. – 89, к 2014 г. –102 медицинских учреждения); информационной рекламной кампании, посвященной всеобщей диспансеризации, что дало более широкую огласку и привлекло пациентов; большему охвату населения, прошедшего диспансеризацию.

Доля граждан, которые отказались от диспансеризации, сравнительно незначительна и сокращается: в 2013 г. – почти 6 тысяч человек, или 1 % от числа завершивших диспансеризацию. В 2014 г. этот показатель сократился до 4 тысяч человек, или 0,53 %. В принципе задачу можно считать решенной; а доля отказов хотя и мала, но, тем не менее, свидетельствует о сохранении недоверия к эффективности диспансеризации.

Анализ документов позволяет вскрыть причины отказов от диспансеризации:

1) гражданин отказывается от прохождения диспансеризации, если его не отпускает работодатель с предприятия, в нерабочее время поликлиники уже не ведут прием пациентов (гражданин вправе пройти диспансеризацию в рабочее время, это подтверждено в статье 24 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);

2) если нужно проходить диспансеризацию в несколько этапов за несколько дней (это неудобство и работнику, и работодателю);

3) если это затратно по времени (очереди), платежеспособные граждане пройдут обследование самостоятельно в то время, когда им удобно, и тогда, когда захотят.

Спектр выявленных заболеваний весьма широк, что также подтверждает позитивность проводимой диспансеризации. Этот вывод подтверждается и статистикой выявленных онкологических заболеваний. Статистические данные фиксируют колоссальный рост случаев впервые выявленных таких заболеваний: с 51 в 2007 г. до 3780 в 2014 г. Оценивая данную ситуацию, выделим факторы, влияющие на выявляемость:

1) улучшенное оснащение медицинских учреждений;

2) привлечение к процессу диспансеризации узких специалистов (онкологов-хирургов);

3) доступность флюорографического исследования, которое входит в состав обязательных исследований (именно это исследование является «золотым стандартом» для выявления на ранних стадиях онкологических заболеваний);

4) улучшение информированности граждан относительно случаев раковых заболеваний, благодаря этому люди сами обращаются к специалистам за консультированием.

5) отрицательным моментом является то, что выявление может быть уже на поздних стадиях заболевания.

Таким образом, наблюдение данного массива пациентов – одно из приоритетных направлений диспансеризации, так как заболеваемость этой патологией находится на втором месте по распространенности в РФ. Высокая выявляемость опухолевых процессов даст возможность лечения пациентов на ранних стадиях, снижая в будущем инвалидизацию населения, а также смертность.

Мероприятия диспансеризации позволили структурировать группы здоровья граждан (из числа завершивших диспансеризацию) [2].

Таблица 2

Структура групп здоровья граждан (из числа завершивших диспансеризацию), %

Группа здоровья	2010 г.	2013г.	2014г.	В РФ в 2014 г.
I	26,6	29,5	34,4	35,4
II	73,3	25,0	25,6	18,5
III	0,04	38,9	40	44,4
Не установлена	0,06	6,6	0	1,7

Анализ полученных данных показывает, что, во-первых, качество выявления злокачественных новообразований до 2013 г. не выдерживает никакой критики. Во-вторых, тревожным фактором является тот факт, что лидирующие позиции занимает третья группа здоровья, требующая повышенного внимания со стороны медицинского

персонала, специализированной помощи, зачастую высокотехнологичной помощи, а значит большего финансирования лечения.

Важность выявления пациентов с третьей группой здоровья обусловлена необходимостью дальнейшего врачебного контроля, оказания необходимой медицинской помощи, в том числе и высокотехнологичной. Наблюдение данной группы пациентов позволяет обеспечить снижение затрат, связанных с лечением и выдачей больничных листов, а также предотвратить потери экономики, связанные с временной или постоянной утратой трудоспособности диспансеризируемых граждан, отнесенных к III группе здоровья.

Резюмируя, следует отметить ряд позитивных изменений в процессе диспансеризации:

1. Выросла численность охваченных диспансеризацией: с 141106 человек в 2007 г. до 728750 человек в 2014 г.

2. Снижился массив «отказников» от диспансеризации: до 0,55% от числа граждан, подлежащих диспансеризации.

3. Выросла численность граждан с впервые выявленными заболеваниями: с 16275 в 2010 г. до 82427 в 2014 г.

4. Увеличилась доля пациентов первой группы здоровья с 26,6% в 2010 г. до 34,4% в 2014 г.

5. Как резюмирующий итог (несмотря на сложную экологическую ситуацию в Свердловской области) – понизилась смертность: если уровень смертности на 1000 человек населения в 2007 г. составлял 14,65, то в 2014 г. – 14,0 смертей.

Очевидны и нерешенные проблемы диспансеризации. Например, нет динамики снижения числа граждан с впервые выявленными заболеваниями, поскольку на данном этапе диспансеризация – это только инструмент, благодаря которому выявляется уровень заболеваемости населения. Необходим целый комплекс мероприятий по совершенствованию всех показателей уровня жизни населения, в том числе введение подлинной страховой модели здравоохранения.

В перспективе, нужно полагать, этот критерий эффективности даст положительную динамику, когда граждане поймут, что забота об их здоровье – это не только государственный интерес, но и личный. Пациенты должны проявить сами инициативу по обнаружению факторов риска и профилактике заболеваний.

Несмотря на множество учитываемых показателей, существует проблема объективной оценки эффективности проведения диспансеризации взрослого населения. Проведя оценку критериев эффективности, нужно отметить, что самой важной проблемой диспансеризации является, по мнению авторов, что ее результатом является контроль в основном количественных показателей диспансеризации. Не уделяется должного внимания качественным показателям, а именно они отражают степень соответствия затраченных на данный процесс усилий и средств полученному результату.

К сожалению, в действующей редакции Трудового кодекса статьей 213 регламентирована обязательность диспансеризации *только для отдельных категорий граждан*. Работники, чьи профессии не входят в перечень, а таких большинство, лишены возможности участия в мероприятиях по раннему выявлению заболеваний. Помимо этого, в настоящее время работающим гражданам зачастую невозможно пройти диспансеризацию, поскольку работодатели не идут им навстречу и не отпускают их в рабочее время для посещения лечебно-профилактических учреждений. В этой связи в конце февраля 2016 г. в Госдуму внесен проект федерального закона [5], который позволяет работникам проходить диспансеризацию один раз в три года в течение одного рабочего дня с сохранением места работы и заработка. Хочется надеяться, что такой закон повысит доступность медицинских обследований для всех работающих граждан. При этом никаких дополнительных затрат со стороны работников и работодателей не

потребуется, так как диспансеризация входит в программу государственных гарантий и финансируется за счет средств обязательного медицинского страхования.

© Фельдман М.А., Кузнецова А.А. Текст. 2016

Список источников

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.01.2016).
2. Об итогах проведения диспансеризации отдельных групп взрослого населения Свердловской области в 2014 г.: аналитическая справка Министерства здравоохранения Свердловской области Правительству Свердловской области // Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.
3. Доклад «Об итогах проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения Свердловской области в 2013 г.»: постановление Правительства Свердловской области от 13 марта 2014 г.а № 276-П //Текущий архив Министерства здравоохранения Свердловской области.
4. Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 36ан // Текущий архив Министерства здравоохранения РФ.
5. Исаев А. Всеобщая диспансеризация // Российская газета. – 2016. – 2 марта.

Информация об авторах

1. Фельдман Михаил Аркадьевич (Россия, Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. e-mail: feldman-mih@yandex.ru);

2. Кузнецова Анна Андреевна (Россия, Екатеринбург) – аспирантка Уральского института управления – филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620990, г. Екатеринбург, ул.8 Марта,66; e-mail: kuzznetsann@mail.ru)

Feldman M.A., Kuznetsova A.A.

CLINICAL EXAMINATION IN THE REGION: A LONG WAY FROM A PLAN TO REAL ACHIEVEMENT.

The article analyzes the positive achievements and unsolved problems in the clinical examination. The ways of optimizing the clinical examination.

Keywords: clinical examination, Sverdlovsk region, medicine, results.

Information about the authors

1. Feldman Mikhail (Russia, Yekaterinburg) – Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute – the branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia, 620990, Yekaterinburg, 8 March st., 66; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

2. Kuznetsova Anna (Russia, Yekaterinburg) – doctor, e-mail: kuzznetsann@mail.ru.

БЕДНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ: ПОРОЧНЫЙ КРУГ*

В статье рассмотрены основные причины смертности подростков и молодежи Республики Башкортостан, увязанные с социально-экономическими условиями региона.

Ключевые слова: здоровье молодежи, бедность, причины смертности молодежи.

Бедность и состояние здоровья в глобальном смысле взаимосвязаны. Бедные чаще страдают от плохого состояния здоровья. Плохое здоровье, в свою очередь, влияет на возможности бедного населения занять высокооплачиваемую работу, поправить свое материальное положение. Плохое здоровье (наличие различных заболеваний) человека, несомненно, оказывает влияние на уровень его дохода.

Современные статистические данные не дают возможности объективно судить о состоянии здоровья населения, однако с полной уверенностью можно утверждать, что в России нарастает кризис, связанный со слабым здоровьем населения, причем наибольшее опасение касается молодого поколения. Молодежи принадлежит особое место в социально-экономическом, демографическом развитии общества. Она выступает активным демографическим фактором воспроизводства населения и оказывает влияние на естественное и миграционное движение и, в конечном счете, на численность населения и трудовых ресурсов в будущем. Наблюдаемые сегодня социальное расслоение и бедность, стрессы, неправильное питание, саморазрушительное поведение (курение, злоупотребление алкоголем, наркомания) увеличивают риск развития заболеваний и ослабляют состояние здоровья молодежи.

В России наблюдаются региональные различия в состоянии здоровья и смертности как всего населения в целом, так и молодой когорты в отдельности.

В Республике Башкортостан на начало 2014 г., по данным статистики, насчитывалось 978451 молодых людей в возрасте 14-30 лет, что составляет 24 % от общего числа жителей республики. В течение того же 2014 г. в республике умерло 1615 человек в возрасте 15-29 лет (1247 юношей и 368 девушек).

Показатель смертности является одним из основных индикаторов, характеризующих состояние здоровья населения, поэтому остановимся на нем более подробно.

Структура смертности по причинам смерти со временем меняется. Это обусловлено как прогрессом (или регрессом) в области медицины, здравоохранения и качества жизни в целом, так и изменениями в половозрастном составе населения.

Данные о структуре основных причин смертности молодежи Республики Башкортостан (РБ) за 2000-2014 гг. представлены в таблице.

Таблица

Структура основных причин смертности населения Республики Башкортостан
в возрасте 15 – 29 лет (на 100 000 населения соответствующего возраста)

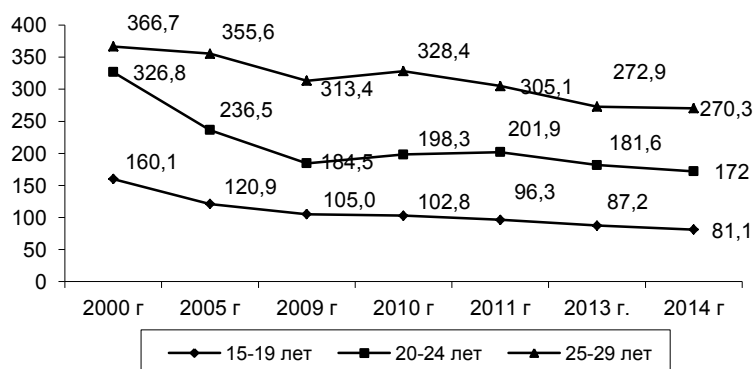
Причины	2000 г.			2005 г.			2010 г.			2014 г.		
	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет
Умершие от всех причин,	160,1	326,8	366,7	124,0	235,9	355,6	102,8	198,3	328,4	81,1	172,0	270,3

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, Правительства и Академии наук Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 15-12-02018.

Причины	2000 г.			2005 г.			2010 г.			2014 г.		
	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет
всего												
В том числе от:												
некоторых инфекционных и паразитарных болезней	2,6	9,3	12,5	0,5	2,7	21,9	1,1	6,3	24,0	0,5	4,3	21,0
новообразований	8,2	8,9	15,4	5,1	9,1	15,6	3,7	9,6	12,5	4,6	7,2	9,8
болезней системы кровообращения	5,3	7,2	22,4	3,3	8,2	21,6	0,4	6,3	18,2	3,7	11,6	28,6
болезней органов дыхания	2,1	4,5	6,3	2,1	4,5	7,8	4,9	6,9	11,2	1,8	4,7	10,7
болезней органов пищеварения	1,8	3,8	7,0	0,8	3,0	9,9	1,1	5,5	16,1	1,4	2,9	14,9
несчастных случаев, отравлений и травм	119,0	240,1	236,9	91,4	169,8	214,6	81,1	145,4	206,3	58,1	128,9	161,2
в том числе: транспортные несчастные случаи	20,2	41,3	30,2	22,6	40,8	35,6	22,8	31,4	34,0	19,4	41,6	36,2
отравления алкоголем	0,6	2,1	6,6	0,3	1,8	4,9	0,4	1,7	4,9	0,5	0,7	3,1
самоубийства	40,2	86,0	92,3	42,7	65,9	73,3	33,6	53,4	62,6	16,1	40,9	46,8
убийства	8,2	20,3	22,1	6,6	11,8	26,1	1,9	9,9	18,2	1,8	5,1	10,4

Источник: [1, с. 43-46, 79-82].

За 2000 – 2014 гг. в возрастном диапазоне 15-29 лет пик смертности пришелся на 2000 г. Тенденция смертности внутри данной группы развивалась неодинаково. У подростков 15-19 лет сформировался устойчивый позитивный тренд. Нужно отметить, что сложившаяся смертность в возрасте 15-29 лет в Республике Башкортостан несколько выше, чем в среднем по стране. Среди 20-24-летней молодежи смертность устойчиво сокращалась до 2009 г., с 2010 г. кривая «поползла» было вверх, однако к 2014 г. вновь «опустилась». Изменения смертности у 25-29-летних имеют неустойчивую динамику. С 2000 по 2009 гг. она относительно позитивная, в 2010 г. показатель «подскочил» на 4,8 процентного пункта, с 2011 г. начал немного снижаться (рис).

Структура смертности неодинакова в разных возрастных группах. За период с 2000 по 2014 гг. доминирующими причинами смертности подростков и молодежи республики являются группы социально значимых внешних причин смерти, к которым относятся смерти от несчастных случаев, отравлений, травм, включая ДТП, самоубийств и убийств. Наиболее опасный возраст завершенных суицидов – с 14-15 лет и выше. У мальчиков «пик» суицидальности приходится на 9-14, у девочек – на 15-18 лет.

Башкортостан является неблагополучным регионом России по уровню смертности от самоубийств, в том числе среди молодежи. В 2014 году в республике на 100 тыс. населения пришлось 33,5 случая самоубийства. Оговоримся, что при анализе мы опираемся на статистические данные, в основе которых – конкретная причина смерти. Поэтому нельзя исключить не истинный, а чисто статистический характер показателей смертности от самоубийств в республике, который может быть в разы выше. Максимальная суицидальная активность в республике, как мужчин, так и женщин, проявляется в возрасте 16-24 лет. Пик интенсивности суицидов в РБ в рассматриваемом возрастном диапазоне приходится на возраст 25-29 лет. Мужчины чаще избирают добровольный уход из жизни, чем женщины. В структуре смертности от внешних причин самоубийства занимают первое место у молодых мужчин. Смертность 25-29-летних мужчин от самоубийств почти в 10 раз выше, чем женщин в этом же возрасте.

В целом, можно сказать, что в последние годы смертность от самоубийств молодых мужчин стабилизируется, но о ее сокращении пока говорить рано. Самоубийства у молодых женщин республики в структуре смертности от внешних причин находятся на втором месте. Однако женщины совершают суицид в более раннем возрасте. С 2005 по 2008 гг., в 2011 г., в 2013 г. у женщин смертность от самоубийств выше в возрасте 20-24 лет, чем у мужчин.

Особенно велики различия в смертности от данной причины между городским и сельским населением. Среди сельской молодежи показатели смертности от самоубийств выше в 2 раза.

Уровень суицидов молодежи и в целом населения в нашей стране тесно связан с происходящими социально-экономическими и политическими реформами, которые значительно повышают уровень стресса. Глубокое расслоение общества, падение доходов, как следствие этого, рост уровня бедности, резкое снижение качества жизни, неуверенность в будущем, конфликты на работе и семейные неурядицы – вот основные источники стресса на сегодняшний день, которым очень подвержена молодежь.

Профилактика самоубийств должна осуществляться комплексно. Улучшение условий жизни населения, борьба с бедностью, повышение занятости (преодоление высокой безработицы), особенно сельского населения – вот необходимые направления деятельности по снижению смертности от самоубийств.

Вторая по частоте причина смертности молодежи 15-29 лет от внешних причин в республике – дорожно-транспортный травматизм (ДТП). Показатели смертности от ДТП имеют наибольшее значение в возрастной группе от 20 до 24 лет.

Республика Башкортостан относится к регионам с отраслями нефтеперерабатывающей и нефтехимической, машиностроительной промышленности. Концентрация перерабатывающей промышленности в крупных городах (Уфа, Стерлитамак, Салават) РБ ухудшает экологию поселений, что, несомненно, отрицательно сказывается на заболеваемости и смертности населения.

В структуре смертности от соматической патологии у подростков 15-19 лет первое место с 2000 по 2009 гг. занимала смертность от новообразований, с 2010 г. с данной причиной «поменялась местами» смертность от болезней органов дыхания, среди которых ведущую роль играет пневмония. Смертность от болезней системы кровообращения у подростков стабильно занимала с 2000 по 2005 гг. второе место. Неправильное питание,

употребление спиртосодержащих коктейлей, энергетических напитков способствуют развитию патологических процессов в растущем организме, как следствие, смертность подростков 15-19 лет от болезней органов пищеварения к 2005 г. поднимается с пятой ступени на четвертую, а к 2010 г. на третью.

Среди 20 – 24-летней молодежи с 2005 г. первое место заняла смертность от новообразований, но к 2014 г. на эту ступень «взобралась» смертность от болезней системы кровообращения. К 2010 г. подскочил показатель смертности от болезней органов пищеварения.

У старшей возрастной группы молодежи (25-29 лет) в последние годы вырос уровень смертности от инфекционных и паразитарных болезней. Умирают от этих болезней почти в 3 раза чаще мужчины, чем женщины. Нельзя не отметить, что за последние 10 лет наблюдается четырехкратный рост смертности молодых женщин от данной причины. В классе инфекционных и паразитарных болезней, становящихся причиной смерти в республике, как и в целом в России, особое место занимает туберкулез. В республике регистрируется рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией, соответственно, увеличивалась доля умерших от болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека. За весь период наблюдения центром по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями «ГУЗ РЦПБ со СПИДом и ИЗ», начиная с 1987 года, лабораторно выявлено ВИЧ-инфицированных 22844 человек.

Постепенно повышается доля умерших в возрасте 25-29 лет от болезней органов пищеварения. Этот показатель в 2010 г. по сравнению с 2000 г. увеличился в 2,3 раза. В смертность от этого класса причин наиболее весомый вклад вносят болезни печени. Одним из главных факторов гибели молодых людей от внешних причин и поражения пищеварительной системы является, по нашему мнению, употребление алкоголя и наркотиков.

В республике, как и в целом в стране, все еще сохраняется пренебрежение ценностью человеческой жизни как на уровне государства, так и на общественном уровне и даже в индивидуальном сознании. Именно поэтому новая стратегия борьбы со смертностью требует индивидуальной активности самого населения, в особенности молодого поколения, в охране своего здоровья, т.е. в оздоровлении среды обитания, образа жизни, искоренении вредных привычек. Основными направлениями деятельности в демографической политике по снижению смертности в Российской Федерации должны стать улучшение условий жизни населения, борьба с бедностью, пропаганда здорового образа жизни, трансформация здравоохранения в систему охраны здоровья.

Список источников

1. Смертность населения Республики Башкортостан : стат. сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2015.

Информация об авторе

Хамитова Ляйсан Мухаметовна (Россия, Уфа) – младший научный сотрудник отдела социально-экономических исследований НИЦ, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (Россия, Республика Башкортостан, 450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40, тел. 272-86-64. e-mail: hlm81@mail.ru)

Khamitova L.M.

POVERTY AND YOUTH HEALTH: A VICIOUS CIRCLE

The article considers the main causes of death of adolescents and young people of the Republic of Bashkortostan, linked to the socio-economic conditions of the region

Key words: youth health, poverty and the causes of death of young people

Information about the author

Khamitova Lyaysan (Russia, Ufa) – Junior researcher of the Department of social and economic research State Budgetary Educational Institution of Higher Education «The bashkir academy of public administration and management under head of the Republic Bashkortostan». e-mail: hlm81@mail.ru).

УДК 314.4

В.Ф. Хасанов, Р.Р. Хасанова

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Изучение смертности населения стран постсоветского пространства представляет сложность из-за недостоверности и недоступности данных. Данные национальных статистических сайтов и международных баз данных подтвердили, что уровень смертности и темпы изменения показателей смертности значительно различаются по странам. В 1990-2012 годах не во всех сравниваемых странах отмечалась тенденция снижения смертности.

Ключевые слова: страны постсоветского пространства, смертность, продолжительность жизни населения.

Изучение смертности в странах постсоветского пространства представляет сложность из-за скудности и недостоверности данных. Национальные статистические сайты и бюро выкладывают в общий доступ недостаточно полные и сложные для сравнения данные. Статистический комитет Республики Беларусь¹ предоставляет данные по общему коэффициенту смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении начиная с 1995 года, национальное бюро статистики Республики Молдова² предоставляет данные по смертности за 2006-2013 гг. В список представленных данных входят: ожидаемая продолжительность жизни в 0, 15, 30, 45, 60 лет (2006-2013 гг.), число умерших по полу и возрастным группам (2006-2013 гг.), число умерших по причинам и по типу местности (2011-2013 гг.), коэффициент смертности населения по причинам смерти (2013 гг.), коэффициент смертности от самоубийств и убийств (2006-2013 гг.). Национальная статистическая служба Республики Армения³ предоставляет данные по общему коэффициенту смертности населения (2000-2013 гг.), ожидаемой продолжительности жизни при рождении по полу (2000 -2011 гг) и младенческой смертности (2000-2013 гг.). Также сайт выкладывает статистические сборники, где можно найти данные о смертности населения начиная с 1997 года. Вдобавок к перечисленным данным в сборниках отображены возрастные коэффициенты смертности. На сайте государственной статистики Грузии⁴ предоставлена статистическая информация о смертности населения за 2005-2014 гг. (число умерших по регионам, коэффициент смертности населения, число умерших по возрастным группам, число умерших в 1-м году жизни по месяцам). Азербайджан⁵ предоставляет на сайте комитета по статистике данные о смертности населения с 1990 года. К ним относятся: число умерших по полу и

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-02-00599

¹ <http://belstat.gov.by/>

² <http://www.statistica.md/>

³ <http://www.armstat.am/ru>

⁴ <http://www.geostat.ge/>

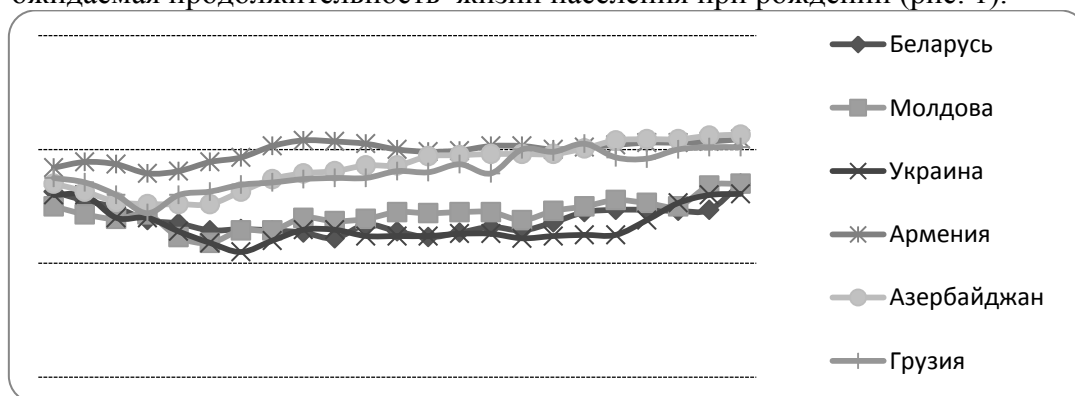
⁵ <http://www.stat.gov.az/>

возрастам, возрастные коэффициенты смертности по полу, число умерших в трудоспособном возрасте, коэффициент младенческой смертности, младенческая смертность по причинам, материнская смертность, младенческая и материнская смертность по регионам Азербайджана, число умерших по основным причинам смерти, число умерших в трудоспособном возрасте по причинам смерти. На сайте государственной службы статистики Украины¹ предоставлена следующая информация о смертности населения, начиная с 1990 года: число умерших, распределение умерших в возрасте до 1 года по полу, общий коэффициент смертности, число умерших по основным причинам смерти, средняя ожидаемая продолжительность жизни населения по полу.

Международные статистические сайты представляют данные не по всем странам постсоветского пространства. Так, в базе данных смертности человека (Human Mortality Database) Института Макса Планка² собраны только данные о смертности в республиках Беларусь и Украина (ожидаемая продолжительность жизни по полу). Наиболее полная информация по всем странам дана на сайте ЮНИСЕФ «Мониторинг положения женщин и детей в странах Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств (ЦВЕ/СНГ)». База данных TransMonEE, основанная в 1992 году исследовательским центром Инноченти UNICEF, отражает широкий спектр данных по социальным и экономическим вопросам, имеющим отношение к положению и благосостоянию детей, молодежи и женщин в странах Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств (ЦВЕ/СНГ). База данных обновляется каждый год благодаря сотрудничеству национальных статистических управлений (НСУ) в странах ЦВЕ / СНГ. Большинство данных собрано непосредственно из национальных статистических управлений с использованием стандартного шаблона. Но, как и в случае любой межнациональной статистической базы данных, концепции и параметры могут значительно различаться по странам. Последующий анализ смертности в некоторых странах постсоветского пространства проведен по данным Базы данных TransMonEE³.

Уровень смертности и темпы изменения показателей смертности значительно различаются по странам. В 1990-2012 годах не во всех сравниваемых странах отмечалась тенденция снижения смертности.

Интегральным показателем, характеризующим уровень смертности в стране, является ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении (рис. 1).

Источник: База данных TransMonEE 2014, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/СНГ (www.transmonee.org).

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин⁴, 1990-2012 гг., лет

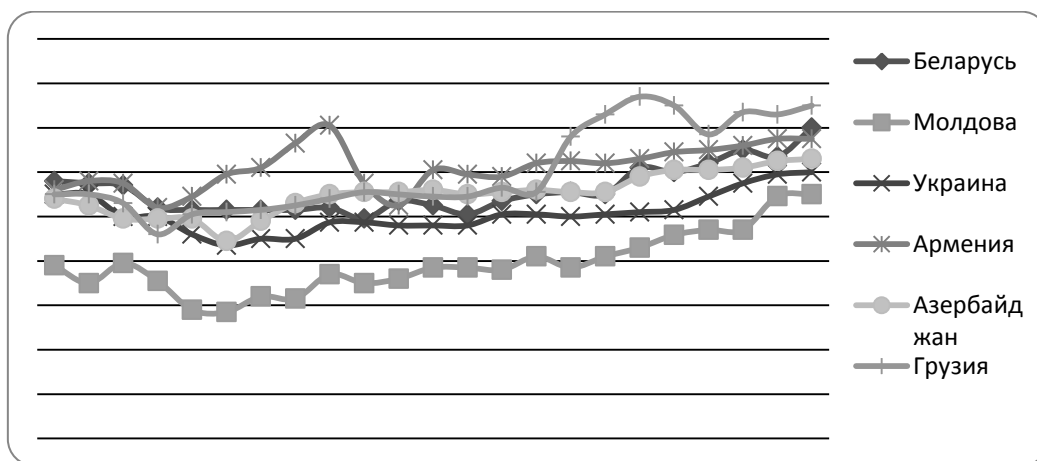
¹ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

² <http://www.mortality.org/>

³ <http://www.transmonee.org/ru/>

⁴ По Молдове данные с 1997 года не включают Приднестровье, по Украине – Отчетный период до 2011 года – среднее за два года: 1989: 1988-1989; 2010: 2009-2010.

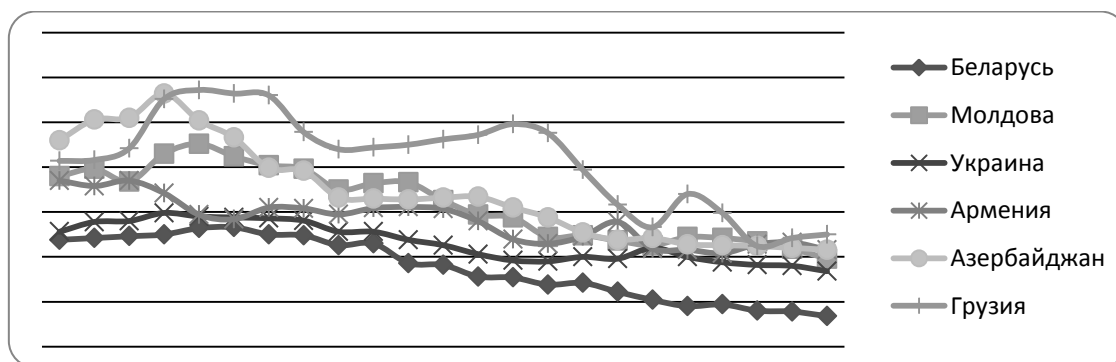
Наибольшая ожидаемая продолжительность жизни женщин в 2012 году наблюдается в Грузии (рис. 2). Наименьший показатель – в Республике Молдова. В отличие от показателей ожидаемой продолжительности жизни мужчин, у женщин наблюдался значительный рост за 1990 -2012 годы. В 2012 году самый большой разрыв между показателями ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин – 11 лет в Республике Беларусь и 10 лет в Украине. В Грузии данный показатель равен 9 годам, Молдове – 8, в Армении –7 и Азербайджане – 5 годам.

Источник: База данных *TransMonEE 2014*, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/СНГ (www.transmonee.org).

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни женщин¹, 1990-2012 гг., лет

К числу, несомненно, положительных тенденций смертности в рассматриваемых регионах постсоветского пространства относится стабильное снижение смертности в младших возрастах. За период 1990-2009 годов коэффициент младенческой смертности значительно снизился (рис. 3), в 2012 году он составил в Республике Беларусь 3,4 ‰, Украине – 8‰, Молдове – 9,8‰, в Армении и Азербайджане –10,8‰, Грузии –12,5‰. Нужно отметить, что в Республике Беларусь определение живорождения по ВОЗ принято в 2005 году, в Грузии – с 2008 года.

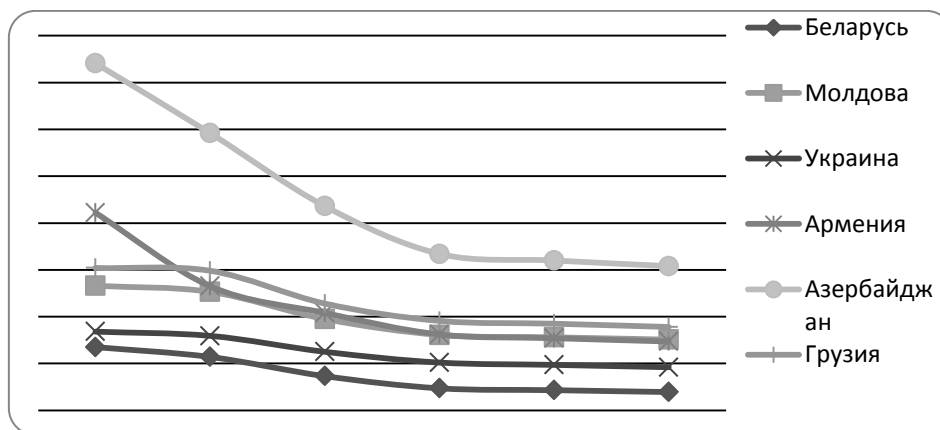

Источник: База данных *TransMonEE 2014*, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/СНГ (www.transmonee.org).

Рис. 3. Коэффициент младенческой смертности¹, 1990-2012 гг. (на 1000 родившихся живыми)

¹По Молдове – данные с 1997 года не включают Приднестровье, по Украине – Отчетный период до 2011 года – среднее за два года: 1989: 1988-1989; 2010: 2009-2010, по Грузии – уменьшение в 2009 году частично объясняется улучшением системы регистрации (в 2009 году увеличился коэффициент смертности среди женщин).

Показатели уровня младенческой смертности, представленные на рисунке 4, были оценены Межведомственной группой по оценке детской смертности с использованием методологии, описанной в ЮНИСЕФ, ВОЗ, ВБ и ОН. Методология использует данные о смертности из различных источников, включая записи актов гражданского состояния, обследования и переписи. Эти оценки могут существенно отличаться от показателей, полученных из данных записи актов гражданского состояния (рис. 3), в частности, для стран, в которых регистрация смертей и рождений является неполной и (или) в которых принято определение «живорождения», отличающееся от рекомендуемого ВОЗ. По этим оценкам, коэффициент младенческой смертности Азербайджана в 2012 году равен 30,8 ‰, Грузии – 17,8 ‰, Беларуси – 3,9 ‰, Молдовы – 15,1 ‰, Украины – 9,2 ‰, Армении – 14,7 ‰.

Источник: База данных TransMonEE 2014, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/СНГ (www.transmonee.org).

Рис. 4. Коэффициент младенческой смертности, 1990-2012 гг. (на 1000 родившихся живыми)

Весьма позитивны в странах также тенденции в показателе материнской смертности. Ее уровень снизился за 1990 – 2012 гг. почти во всех регионах. Наибольшее снижение наблюдается в Республике Беларусь – с 21,8‰ в 1990 г. до 0,9‰ в 2012 г. В 2012 году материнская смертность в Республике Молдова составила 30 случаев на 100 тыс. живорождений, Украине – 12,5, Армении – 18,8, Азербайджане – 14,9 и Грузии – 24,5 случая на 100 тыс. живорождений. Азербайджан является единственной страной, где в 2012 году, по сравнению с 1990 годом, коэффициент материнской смертности (9,3 на 100 тыс. живорождений) повысился до 14,9. Но нужно отметить, что наибольший показатель был в 2007 году (35,5‰), с тех пор он начал снижаться.

Таким образом, смертность в странах постсоветского пространства имеет схожую тенденцию к снижению. Но ее уровень и половозрастная структура значительно различаются по странам. Также стоит отметить сложность интерпретации и сравнения предоставленных данных, так как имеются значительные расхождения в учете и определениях.

© Хасанов В.Ф., Хасанова Р.Р. Текст. 2016

¹Беларусь: определение живорождения ВОЗ принято в 2005 году; Молдова: данные с 1997 года не включают Приднестровье, Грузия: концепция живорождения ВОЗ с 2008 года.

Информация об авторах

1.Хасанов Венер Фазлыевич (Россия, Башкортостан) – учитель истории и обществознания ООШ д. Даниловка Мелеузовского района Республики Башкортостан.

2.Хасанова Рамиля Рафаэлевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Khasanov V.F., Khasanova R.R.

MORTALITY OF POST-SOVIET COUNTRIES' POPULATION

Exploring mortality of post-Soviet countries' population is complicated because of data unreliability and unavailability. The data of national statistic websites and international databases verified that mortality rate and pace of changing in mortality indexes significantly differ among countries. In 1990-2012, not each considered country had tendency of decreasing in mortality.

Keywords: post-Soviet countries, mortality, life expectancy

Information about the the authors

1. Khasanov Vener (Russia, Bashkortostan) – teacher of history and social science v. Danilovka Meleuzovsky district, Republic of Bashkortostan

2. Khasanova Ramilya (Russia, Moscow) – PhD in Economics, researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

УДК 314.44

Р.Р. Хасанова

ТЕНДЕНЦИИ ИНВАЛИДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Инвалидность является одним из важнейших показателей состояния здоровья населения. На сегодняшний день в России 12,5 млн инвалидов. Российская статистика недостаточно охватывает демографические характеристики инвалидов, что усложняет анализ уровня инвалидизации России и ее особенностей. Имеющиеся данные показывают, что взрослая и детская инвалидность имеют разные тенденции: инвалидность детей растет, взрослых – снижается.

Ключевые слова: инвалидность, здоровье населения, статистика инвалидности.

Принятая в 2006 году и ратифицированная Российской Федерацией в 2012 году Конвенция ООН бросила вызов статистической системе учета инвалидов [2]. В соответствии с нормами ст. 31 Конвенции сбор надлежащей информации, включая статистические и исследовательские данные, позволяет разрабатывать и осуществлять политические стратегии, выявлять и устранять барьеры, с которыми сталкиваются инвалиды при осуществлении своих прав [1, с. 22].

На сегодняшний день система учета инвалидов требует дальнейшей проработки. В таблице 1 показана общая информация об инвалидах, которая имеется на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделе «Положение инвалидов». Как видно из таблицы, сложности со статистикой начинаются уже с общей численности инвалидов. Цифры отличаются на 67-338 тысяч человек.

Таблица 1

Общая численность инвалидов в Российской Федерации, в тыс. чел., на 1 января соответствующего года (по данным сайта gks.ru)

Показатель	009	010	011	012	013	014	015 ⁴
Общая численность инвалидов по группам инвалидности ¹	3074	3134	3209	3189	3082	2946	2924
Численность инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ ²			2866	2843	2738	2608	2589
Распределение инвалидов по полу и возрасту ³					2422 ⁵	2813	2656

Примечания:

¹ В общую численность инвалидов включаются лица, состоящие на учете и получающие пенсию в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, Министерстве обороны РФ, Министерстве внутренних дел РФ и Федеральной службе безопасности, Федеральной службе исполнения наказаний Минюста России и Федеральной службе РФ по контролю за оборотом наркотиков. Расчет Росстата.

² Приведены данные формы № 94(ПЕНСИИ) на 31.12.2014.

³ По данным Пенсионного фонда Российской Федерации из Федерального регистра лиц, имеющих право на получение государственной социальной помощи.

⁴ С учетом данных формы № 1-ЕДВ по Крымскому федеральному округу.

⁵ На 1 апреля 2013 года.

На 2015 год 9% населения являются официальными инвалидами: среди детей 2% и среди населения в возрасте 18 лет и старше 11% являются инвалидами. Рисунок 1 демонстрирует динамику общего коэффициента инвалидности. Рост количества инвалидов в 1995-2006 гг. связан с законом о социальной защите инвалидов, улучшением учета инвалидов, с «монетизацией льгот».

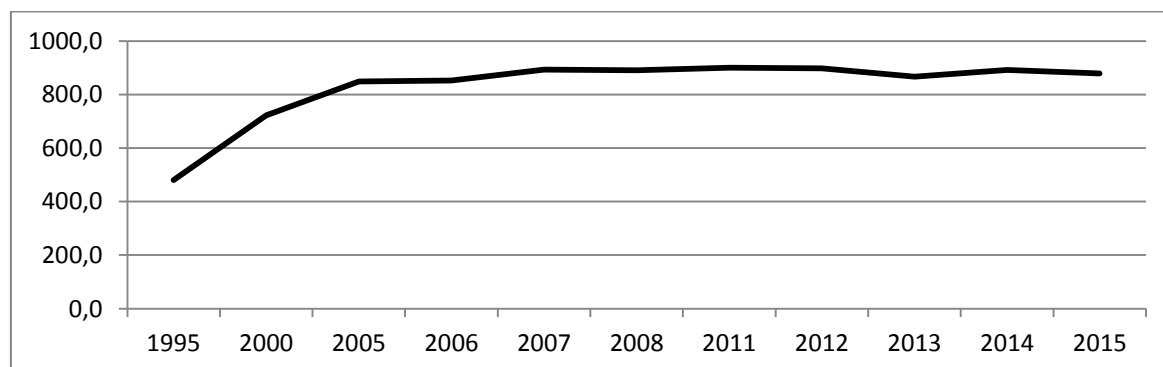

Рис.1.Общий коэффициент инвалидности в России (контингент), на 10 тыс . населения (по данным сайта gks.ru)

Дальнейшая тенденция к снижению была обоснована снижением уровня инвалидности взрослых и детей в 2008-2010 годах, начиная с 2011 года показатель взрослых снижался, а у детей рос (рис. 2).

Федеральная служба государственной статистики предоставляет данные по возрастной структуре контингента инвалидов за последние 3 года. Причем возрастное распределение контингента инвалидов и впервые признанных инвалидами различается. Контингент представлен возрастными группами 0-7, 8-17, 18-30, 31-54/59 и 55+/60+ лет, первичная инвалидность – более мелкими возрастными группами 0-3, 4-7, 8-14, 15-17, 18-44, 45-54/59, 55+/60+ лет. Нужно отметить, что возрастное распределение контингента инвалидов предоставляет Пенсионный фонд РФ, распределение впервые признанных

инвалидов дано в медицинской форме 7 МСЭ (Министерство труда и социального развития). Данные различия в распределениях усложняют анализ инвалидности по возрастам, рост инвалидности детей (контингент) в 2013-2015 годах связан с возрастом 8-17 лет (на 2% по сравнению с 2013 г.).

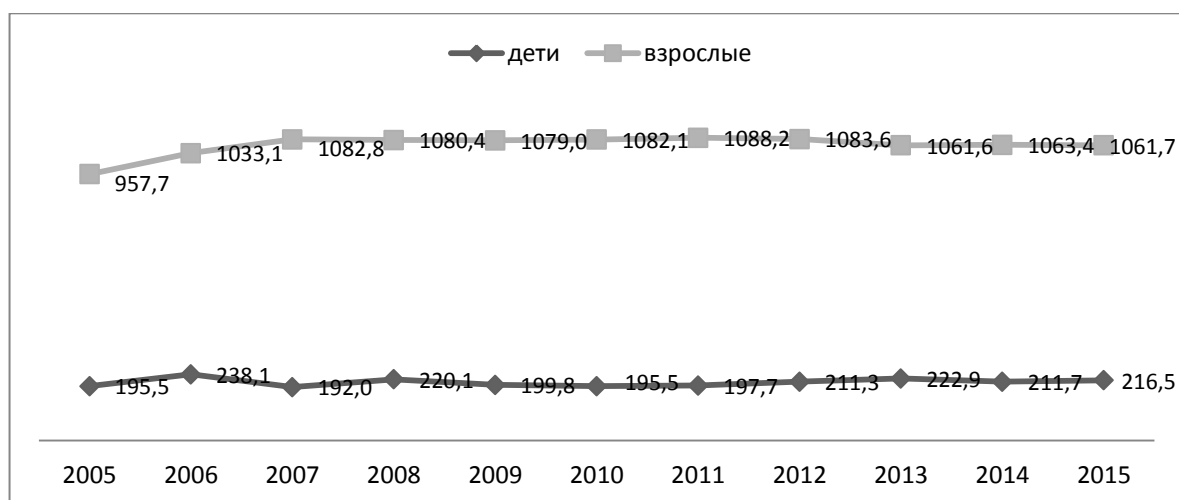

Рис. 2. Общий коэффициент инвалидности взрослых и детей в России (контингент), на 10 тыс. населения²

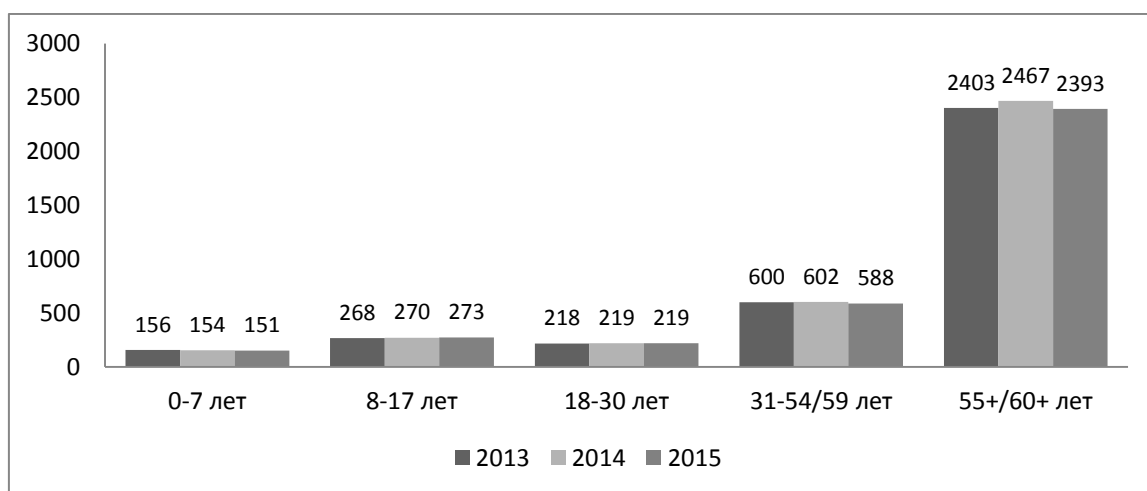

Рис. 3. Возрастные коэффициенты инвалидности (контингент), на 10000 тыс. населения (расчеты автора по данным gks.ru)

Анализ возрастных коэффициентов первичной инвалидности за 2007-2014 гг. показывает, что тенденция снижения наблюдается во всех рассматриваемых группах, кроме возрастной группы 4-7 лет. У детей 4-7 лет коэффициент инвалидности в 2014 году вырос на 9% по сравнению с 2007 годом.

Таблица 2

Возрастные коэффициенты первичной инвалидности, на 10 тыс. населения

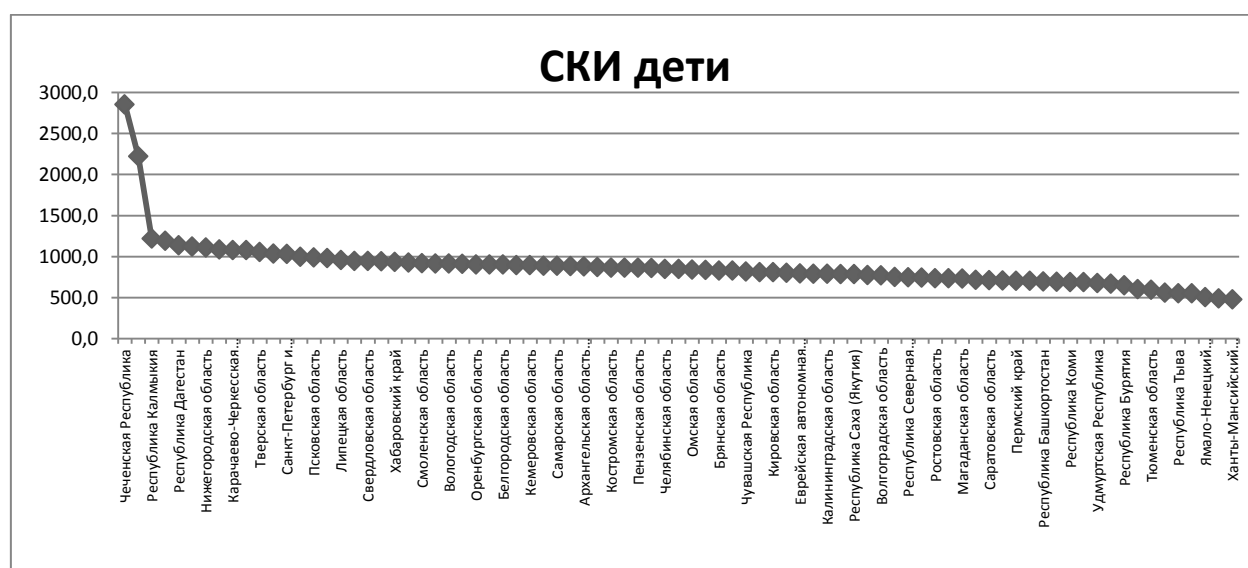
Возраст, лет	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
0-3 года	47,5	45,8	47,0	47,7	46,4	46,4	44,3	43,8
4-7 лет	25,0	25,3	26,3	27,8	27,3	26,2	26,8	27,3

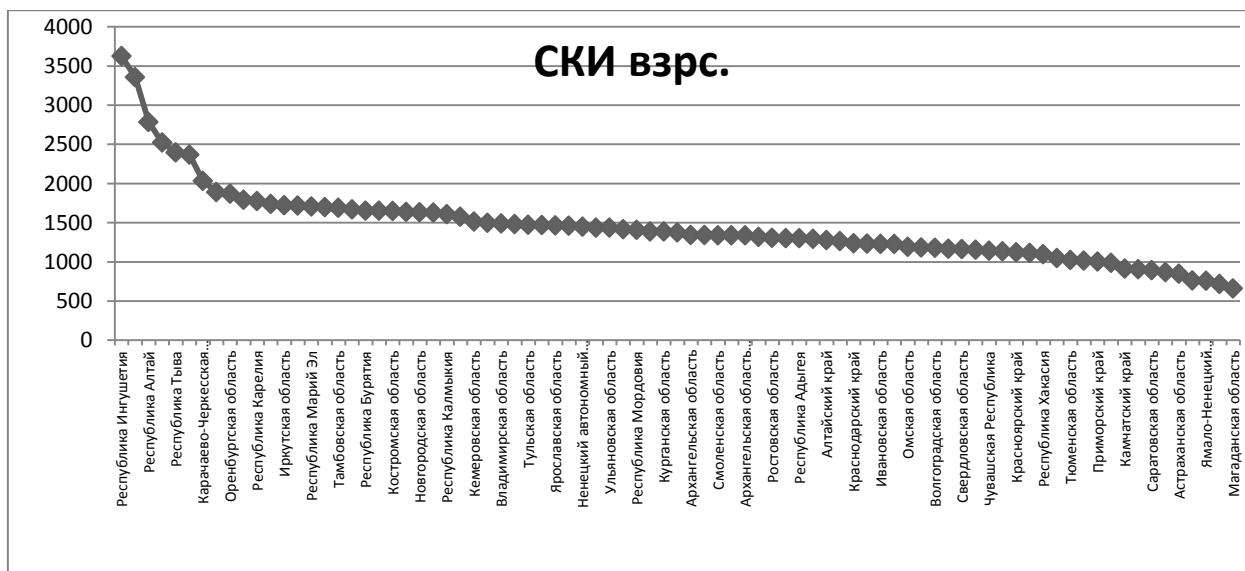
8-14 лет	19,5	18,3	18,6	18,7	18,6	18,4	17,7	17,9
15 лет и старше	15,6	13,9	15,1	14,1	14,8	13,8	12,9	13,1
От 18 до 44 лет	27,0	24,9	25,4	25,9	25,1	24,3	23,0	22,8
От 45 до 54 лет (ж), до 59 лет (м)	109,5	105,5	106,7	108,7	103,4	98,6	91,7	86,9
Старше 55 лет (ж) и 59 лет (м)	218,5	176,1	161,2	143,4	132,3	124,9	116,6	112,1

Источник: расчеты автора по данным gks.ru

Также одним из важных вопросов мониторинга инвалидности является региональный аспект. Для создания системы мониторинга инвалидности и ее снижения в целом по стране нужно определить, от чего зависит региональная дифференциация, в каких возрастах и от каких причин, в каких регионах выше инвалидность детей.

На рисунке 4 показан стандартизованный коэффициент инвалидности (СКИ) детей и взрослых за 2014 год в регионах России. Среди субъектов Российской Федерации особо выделяются два региона: Республика Ингушетия и Чеченская Республика. В этих регионах стандартизованный коэффициент инвалидности взрослых и детей в разы превышает общероссийский показатель и показатели других регионов.

Источник: расчеты автора по данным gks.ru

Рис. 4. Стандартизованные коэффициенты инвалидности (контингент), на 100 тыс. населения¹

Таким образом, в России взрослая и детская инвалидность имеют разные тенденции: инвалидность детей растет, взрослых – снижается. Сравнение стандартизованного показателя инвалидности России и регионов подтвердило, что регионы значительно отличаются друг от друга и от общероссийского показателя. Уровень учета инвалидности в России оставляет желать лучшего. Отсутствие единой базы, регистра учета инвалидности затрудняет изучение данного вопроса, соответственно мешает разработке рекомендаций и мер по снижению уровня инвалидности и улучшения положения инвалидов в России.

© Хасанова Р.Р. Текст. 2016

Список источников

1. Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Измерение инвалидности и положение инвалидов: российский и международный подходы // Вестник НГУЭУ. – 2016. – №1.
2. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ.

Информация об авторе

Хасанова Рамиля Рафаэлевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Khasanova R. R.

TENDENCIES IN DISABILITY OF POPULATION IN RUSSIA

Disability is one of the most important indexes of the population health. Today, there are about 12.5 million individuals with disability in Russia. Russian statistic bases have insufficient data about demographic characteristics of people with disability that make analysis of disability

¹Косвенная стандартизация по возрастному распределению контингента инвалидов России.

level and its peculiarities in Russia more complicated. Existed data show that adult and child disabilities have different tendencies: the child disability rate is increasing while adult disability rate is declining.

Keywords: disability, health, disability statistics.

Information about the author

Khasanova Ramilya (Russia, Moscow) – PhD in Economics, researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

УДК 314.172

Т.М. Цепилова, В.Б. Гурвич, С.В. Ярушин, О.А. Козлова

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ОТ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ*

В статье приведены результаты исследования влияния медико-демографических и социально-экономических факторов на здоровье населения РФ и оценки экономического ущерба этого влияния. Определен парциальный вклад каждой группы в состояние здоровья населения. На основе проведенных расчетов определены приоритетные направления по регулированию действия факторов, негативно влияющих на здоровье.

Ключевые слова: факторы здоровья населения, экономический ущерб здоровью, управление рисками

Анализ имеющихся показателей [1], характеризующих влияние медико-демографических, экономических и социальных факторов на здоровье населения за период 2012 – 2014 гг. и обобщение полученной аналитической информации позволили оценить вклад этих групп факторов среды обитания в формирование здоровья населения Российской Федерации (см. рис.)

Доли влияния факторов среды обитания на состояние здоровья населения распределились следующим образом [4]:

- санитарно-гигиенические факторы – 37 %;
- социально-экономическим факторы – 33 %;
- факторы, обусловленные образом жизни – 30 %.

Количественная оценка и прогноз влияния исследованных факторов среды обитания на состояние здоровья населения в Российской Федерации выполнены с использованием статистических методов регрессионного и корреляционного анализа парных корреляций и построения регрессионных линейных однофакторных моделей.

В качестве оцениваемых показателей состояния здоровья населения приняты следующие базовые медико-демографические показатели:

- ожидаемая продолжительность жизни, лет;
- смертность всего населения, случаев на 1000 человек;
- смертность населения в трудоспособном возрасте, случаев на 100000 человек;
- заболеваемость всего населения, случаев на 100000 человек;

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

– заболеваемость детского населения, случаев на 100000 детей.

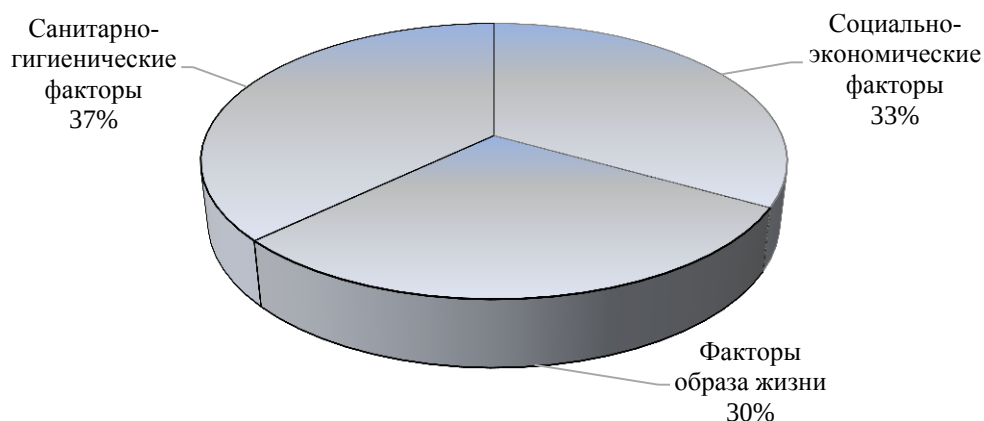

Рис. Вклад различных групп факторов среды обитания в формирование здоровья населения Российской Федерации [4]

Для характеристики влияния факторов среды на состояние здоровья населения использован интегральный показатель по каждому из рассматриваемых факторов, который учитывал как оценку парных корреляций, так и их кумулятивное воздействие на базовые медико-демографические показатели.

Статистически значимое влияние на целевой показатель демографической политики Российской Федерации – ожидаемую продолжительность жизни – по результатам оценки парных корреляций (коэффициенты корреляции Спирмена на уровне выше средней зависимости от 0,55 до 0,69 по данным 2012 года и от 0,38 до 0,63 по данным 2014 года) оказывают все рассматриваемые факторы среды обитания. При этом наиболее значимо влияние социально-экономических факторов (коэффициенты корреляции Спирмена от 0,63 до 0,69). В относительно меньшей степени оказывают влияние факторы образа жизни (коэффициенты корреляции Спирмена на уровне 0,54) с тенденцией к увеличению влияния на показатель ожидаемой продолжительности жизни. Средним уровнем зависимости характеризуется влияние санитарно-гигиенических факторов (коэффициенты корреляции Спирмена от 0,38 до 0,55), при имеющейся тенденции к снижению уровня этого влияния.

Регрессионная линейная однофакторная модель прогноза влияния групп факторов среды обитания на ожидаемую продолжительность жизни характеризуется следующими зависимостями:

- снижение уровня влияния социально-экономических факторов на 1 % по интегральному показателю вероятно может привести к увеличению ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации на 0,011 года;
- снижение уровня влияния факторов образа жизни на 1 % по интегральному показателю вероятно может привести к увеличению ожидаемой продолжительности жизни на 0,017 года;
- снижение уровня влияния санитарно-гигиенических факторов на 1 % по интегральному показателю вероятно может привести к увеличению показателя ожидаемой продолжительности жизни на 0,005 года.

Наибольший результат реализация демографической политики в Российской Федерации может быть достигнут при системном решении проблем снижения влияния всего комплекса факторов среды обитания на состояние здоровья населения [3]. Так, снижение комплексного воздействия факторов среды обитания на 1 % (в %, если показатель, включенный в интегральную оценку, измеряется в %) в ближайшей

перспективе может привести к достижению уровня ожидаемой продолжительности жизни с 70,76 года в 2014 году до 71 года. При этом наибольший эффект может быть получен за счет снижения уровня воздействия на состояние здоровья факторов образа жизни [3].

Расчет вероятного экономического ущерба для здоровья населения Российской Федерации в результате воздействия факторов среды обитания выполнялся на основе оценки и прогноза их влияния на показатели смертности и заболеваемости всего населения с использованием статистической модели прогноза влияния на эти показатели социально-экономических, санитарно-гигиенических факторов и факторов образа жизни.

Для расчета экономических показателей использованы результаты оценки потерь валового регионального продукта в случае преждевременной смерти и случае одного заболевания, рассчитанные в соответствии с Методическими рекомендациями 5.1.0029-11 «Методические рекомендации к экономической оценке рисков для здоровья населения при воздействии факторов среды обитания» с учетом совместного приказа Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, Министерства финансов РФ, Федеральной службы государственной статистики от 10 апреля 2012 года № 192/323н/45н/113 «Об утверждении методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Этот методический подход предусматривает оценку пользы каждого человека для общества, на основе создаваемого им (в настоящем или в будущем) среднегодового валового внутреннего продукта (ВВП), который рассматривается как количественная величина общественной полезности.

Для расчета использованы следующие основные показатели:

- средняя ожидаемая продолжительность жизни населения Российской Федерации – 70,24 года по данным 2012 года и 70,93 года по данным 2014 года [1], при целевом показателе демографической политики – 75 лет;
- показатель смертности всего населения – 13,3 случая на 1000 человек в 2012 году и 13,1 случая на 1000 человек в 2014 году;
- оценка потерь ВВП в результате потери одного года жизни для одного человека – 3,25 млн рублей в сопоставимых ценах 2014 года;
- показатель общей заболеваемости населения – 160578,0 случая на 100000 человек по данным 2012 года и 161241,5 случая на 1000000 человек в 2014 году при одной и той же средней продолжительности одного случая заболевания (7 дней) для 2012 и 2014 годов.

Общий экономический ущерб для здоровья населения Российской Федерации в результате воздействия комплекса факторов среды обитания (социально-экономических, санитарно-гигиенических и образа жизни) составил более 38,9 трлн рублей в 2012 году и 38,25 трлн рублей в 2014 году. В результате случаев преждевременной смерти потери ВВП составили около 26,1 трлн рублей в 2012 году и 25,4 трлн рублей в 2014 году. От заболеваний, обусловленных воздействием этих факторов, – 12,8 трлн рублей в 2012 году и 12,85 трлн рублей в 2014 году. При ВВП на уровне 62,4 трлн рублей потери общества достигают более 61 % ежегодно.

Предотвращенные экономические потери, связанные с неблагоприятным воздействием факторов среды обитания, в результате предпринимаемых в Российской Федерации в последние годы действий по снижению влияния всего комплекса санитарно-гигиенических, социально-экономических и факторов образа жизни на состояние здоровья населения, составили около 0,65 трлн рублей, или немногим более 1 % ВВП Российской Федерации [2].

По результатам оценки возможного экономического ущерба для здоровья можно сделать следующие выводы:

1. Проблемы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения продолжают оставаться ключевыми в формировании здоровья населения субъектов

Российской Федерации. Ежегодный экономический ущерб для здоровья населения в результате воздействия социально-экономических, санитарно-гигиенических факторов и факторов образа жизни достигает 38,25 трлн рублей ежегодно.

2. Уровень предотвращенных экономических потерь, связанных с воздействием факторов среды обитания, в результате реализации комплекса мероприятий по снижению влияния санитарно-гигиенических, социально-экономических факторов и факторов образа жизни на состояние здоровья населения Российской Федерации достиг 0,65 трлн рублей (около 1 % ВВП Российской Федерации).

3. Основой обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения по приоритетным направлениям деятельности в субъектах Российской Федерации может стать создание систем управления риском для здоровья населения, как на национальном, так на региональном и муниципальном уровнях.

© Цепилова Т.М., Гурвич В.Б., Ярушин С.В., Козлова О.А. Текст. 2016

Список источников

1. Демографический ежегодник России. – М.: Росстат, 2015.
2. Дерстуганова Т.М. Оценка влияния социально-экономических факторов на здоровье населения и использование ее результатов при принятии управленческих решений по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (на примере Свердловской области) / Дерстуганова Т.М., Величковский Б.Т., Гурвич В.Б., Вараксин А.Н., Малых О.Л., Кочнева Н.И., Ярушин С.В. // Анализ риска здоровью. – 2013. – № 2. – С. 49-56.
3. Козлова О.А., Величковский Б.Т., Дерстуганова Т.М. Методические вопросы измерения последствий социального неравенства в регионах России // Экономические и социальные перемены. – 2014. – № 5. – С.127-134.
4. Оптимизация научно-методических подходов к оценке влияния социально-экономических факторов риска на состояние здоровья населения промышленно развитых городов: Отчет НИР ФБУН «Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Екатеринбург, 2014.

Информация об авторах

1. Цепилова Татьяна Михайловна (Россия, Екатеринбург) – научный сотрудник Центра профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий Роспотребнадзора (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30. e-mail: zaikinatm@inbox.ru).
2. Гурвич Владимир Борисович (Россия, Екатеринбург) – доктор медицинских наук, директор Центра профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий Роспотребнадзора (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30).
3. Ярушин Сергей Владимирович (Россия, Екатеринбург) – старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социально-гигиенического мониторинга и управления риском.
4. Козлова Ольга Анатольевна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. e-mail: olga137@mail.ru).

**Tsepilova T.M., Gurvich V.B., Yarushin S.V., Kozlova O.A.
ESTIMATED ECONOMIC LOSSES FROM THE NEGATIVE IMPACT OF ENVIRONMENTAL FACTORS ON POPULATION HEALTH**

The article contains results studies of the effect of medical and demographic and socio-economic factors and the assessment of the economic damage of the influence on health of the Russian population. The partial contribution of each group on population health. Allocated directions on regulation of effect of the factors adverse influencing the health of the population.

Keywords: factors of health population, the economic damage to health, risk management

Information about the authors

1. Tsepilova Tatiana (Russia, Yekaterinburg) – researcher, Center for prophylaxis and health protection of workers of industrial enterprises of Rospotrebnadzor (Russia, 620014, Yekaterinburg, Popova st., 30. e-mail: zaikinadm@inbox.ru).

2. Gurvich Vladimir Borisovich (Russia, Yekaterinburg) – MD, Director of the Center for prophylaxis and health protection of workers of industrial enterprises of Rospotrebnadzor, (620014, Yekaterinburg, Popova st., 30).

3. Yarushin Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg) – senior researcher, Head of laboratory of social-hygienic monitoring and risk management.

4. Kozlova Olga Anatolievna (Russia, Ekaterinburg) – doctor of economic sciences, professor, head of the Centre for Research socioeconomic dynamics, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, st. Moskovskaya st., 29. e-mail: olga137@mail.ru).

3. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 314

Р.И. Акьюлов, К.А. Казанцева

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В данной статье рассматриваются тенденции изменения динамики миграционных процессов в Свердловской и Челябинской областях в период с 2010-2014 гг. и особенности их проявления в данных регионах. Обоснована взаимосвязь между показателями развития отдельных отраслей и динамикой трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, иностранные мигранты, уровень занятости, производительность труда.

Миграция населения представляет собой сложный и многообразный процесс, оказывающий существенное влияние на рынок труда и экономическое положение страны в целом. Приток мигрантов из зарубежных стран далеко не всегда оказывает положительное воздействие на экономико-социальные показатели страны, зачастую это приводит к увеличению уровня безработицы среди местного населения, снижению уровня оплаты труда и, как следствие, - к росту социальной напряженности. Поэтому особенно важно определить характер взаимосвязи между миграционными процессами и экономическими явлениями в обществе.

Миграция населения – один из видов движения населения, выражающегося в перемещении людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства на некоторый срок или навсегда [1, с. 63]. Причинами миграции являются как неэкономические (политические, этнические, религиозные, экологические, семейные), так и экономические факторы [2, с. 86].

На наш взгляд, данные проблемы целесообразно рассмотреть на примере ведущих индустриальных российских регионов, в которых наиболее выражена трудовая миграция. В частности, такими регионами являются Свердловская и Челябинская области. По численности населения области сопоставимы: по данным Росстата на 2016 г., в Свердловской области проживает 4 328 942 чел., в Челябинской – 3 500 361 чел. [7]. Экономическое развитие регионов имеет прямую взаимосвязь с развитием рынка труда, часть которого обеспечивает трудовая миграция из зарубежных стран. Перейдем к рассмотрению динамики показателей миграции в Свердловской и Челябинской областях за период с 2010 по 2014 гг.

На основании статистических данных можно сделать вывод о том, что динамика показателя миграционного прироста в Челябинской области имеет волнообразный характер. По данным на 2011 г., он увеличился и достиг максимального значения 6572 чел., после чего до 2013 года прирост снижался, а уже в 2014 г. вновь вырос до 5740 чел. Стоит отметить, что положительное значение показателя в регионе обеспечивается за счет значительного миграционного обмена населения с зарубежными странами, пик был достигнут в 2011 г., тогда прирост составил 5955 чел. [6].

Наибольшую проблему вызывает внешняя миграция, пребывая на территории другой страны, мигранты живут по своим сложившимся моральным устоям, традициям, обычаям, что ведет к недовольству среди местного населения. Если рассматривать национальный состав прибывших в Челябинскую область, то можно заметить некоторые

изменения. Традиционно большинство иммигрантов составляют граждане стран СНГ, в 2010 г. приехало около 28,12% выходцев из Казахстана, на втором месте Таджикистан – примерно 22,58%, на третьем Киргизия – 11,36% (от общего числа прибывших). Значительные изменения происходят в 2014 г., доля прибывших из Казахстана увеличилась до 38,40% от общего числа прибывших, затем Таджикистан – 13,18%, Украина – 11,88% и Узбекистан – 10,86% [4]. Что касается стран дальнего зарубежья, в 2010 г. Китай занимал 4,59%, а в последующие годы преобладают иммигранты из других стран [4].

Наиболее привлекательным для жителей Челябинской области до 2013 оставался Казахстан, но уже в 2014 г. поток эмигрантов в Таджикистан резко вырос и составил 1089 чел., а именно 29,78% от числа выбывших из Челябинской области. Отмечается падение интереса к Германии, если в 2010 г. 14,02% челябинцев направлялись именно туда, то к 2013 г. цифры сократились до 7,89%, а в 2014 г. большинство переехало на территорию других стран [4].

В Свердловской области в 2010 г. миграционная убыль населения составила 7299 чел. Однако уже в 2011 г. наблюдался миграционный прирост населения, достигнувший максимального значения в 13143 чел., к сожалению, все последующие годы показатель снижался, и лишь в 2014 г. произошло некое увеличение, прирост был равен 4581 чел. [5].

В 2014 г. основной поток приезжих составляли граждане Таджикистана (20,38%), Казахстана (18,68%) и Киргизии (15,93%). Эмиграция осуществлялась на территорию других стран – около 25,92% от числа выбывших, в Таджикистан – 18,92% и Киргизию – 15,46% [8].

Как же эти изменения отразились на экономике региона? Для начала рассмотрим динамику уровня занятости населения за период 2010-2014 гг.

Таблица

Уровень занятости населения по субъектам Российской Федерации в среднем за год, %¹.

Область	2010	2011	2012	2013	2014
Свердловская	62,6	64,1	65,2	65,5	65,2
Челябинская	63,8	65,4	66,0	66,1	66,0

Наблюдается тенденция увеличения уровня занятости в обоих регионах, небольшой спад пришелся на 2014 год, причинами которого являются кризис, безработица, отъезд трудовых мигрантов.

На смену местному населению приезжают мигранты, как правило, занятые в таких отраслях, как строительство, добыча полезных ископаемых, пассажирские перевозки, а также несложные работы в сфере услуг, досуга и т.д. Рассмотрим, как изменился индекс производительности труда по соответствующим отраслям экономики в целом по России. Производительность труда в строительстве снижается с 2011 г. и к 2014 г. достигает всего 96,2%. Добыча полезных ископаемых также характеризуется небольшим снижением индекса производительности на протяжении всего исследуемого периода (если в 2010 г. индекс составил 104,3%, то в 2014 г. показатель уменьшился и равнялся 101,4%). Что касается пассажирских перевозок, то в отрасли «Транспорт и связь» имеет место волнообразный характер изменения данного индекса, при этом максимальное значение было достигнуто в 2011 г. (105,4%), а в 2014 г. наблюдался спад, индекс достиг отметки 100,9%.

Производительность труда в Свердловской и Челябинской областях за период с 2010 по 2013 гг. упала, снижение индекса производительности труда в Челябинской области составило 2,0, а в Свердловской – 7,8 [3].

¹Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 147 с. (дата обращения: 26.02.2016)

Низкая производительность обусловлена отрицательным значением прироста высокопроизводительных рабочих мест в соответствующих отраслях, к примеру, в Свердловской области в 2014 г. спад в добыче полезных ископаемых равнялся 54,3, в строительстве – 0,9 [10].

Положительной тенденцией является сокращение травматизма в данных сферах, что свидетельствует о заинтересованности работодателей в вопросах охраны труда. В Свердловской области за период 2011- 2014 гг. сокращение составило: в добыче полезных ископаемых – 1,6 раза; строительстве – 2,1; транспорте и связи – 3,3 [9].

На основании всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: экономический спад приводит к тому, что данные регионы становятся менее привлекательными для иностранных трудовых мигрантов, поскольку снижаются показатели занятости на региональном рынке труда, происходит падение уровня жизни местного населения, что приводит к снижению объемов продаж и, как следствие, к падению размеров оплаты труда. При этом для восстановления количества трудовых мигрантов, необходимого для экономики российских регионов, важно еще способствовать созданию прозрачных условий их трудоустройства и официальных трудовых отношений с работодателями. Вместе с тем необходимо обеспечить благоприятные условия, в первую очередь, для повышения эффективной занятости среди местного трудоспособного населения, так как иностранные трудовые мигранты в подавляющем большинстве являются работниками низкой квалификации, что препятствует внедрению и развитию инноваций в производственной сфере и увеличению производительности труда. Одним из основных направлений повышения занятости российских работников является создание условий для более высокой межрегиональной мобильности трудовых ресурсов, то есть возможности трудоспособного населения свободно перемещаться по территории страны для наиболее выгодного трудоустройства.

© Акьюлов Р.И., Кузнецова К.А. Текст. 2016

Список источников

1. Перевозкин Л.М. Основы демографии: учебное пособие. – Орел: Издательство ОРАГС, 2003. – 128 с.
2. Положенцева Е.А. Мировая экономика: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. – 132 с.
3. Индекс производительности труда по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (дата обращения: 01.05.2016).
4. Международная миграция в Челябинской области в динамике 2000-2014 гг [Электронный ресурс]. URL : http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 22.02.2016).
5. Миграционный прирост населения за 2002-2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/population/ (дата обращения: 22.02.2016).
6. Общие итоги миграции населения Челябинской области в динамике 2000-2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 22.02.2016).
7. Предварительная оценка численности населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.02.2016).

8. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2015 г. [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 26.02.2016).

9. Травматизм на производстве [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 01.05.2016).

10. Число высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 01.05.2016).

Информация об авторах

1. Акьюлов Роберт Ишкалеевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор УИУ РАНХиГС (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. e-mail: director@uapa.ru).

2. Казанцева Ксения Алексеевна (Россия, Екатеринбург) – студентка III курса факультета «Экономика и Менеджмент» УИУ РАНХиГС (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. e-mail: director@uapa.ru).

Akyulov R.I., Kazanceva K. A.

INFLUENCE OF EXTERNAL LABOUR MIGRATION ON DEVELOPMENT OF BRANCHES OF ECONOMY IN THE RUSSIAN REGIONS

In this article trends are discussed in the dynamics of migration processes in the Sverdlovsk and Chelyabinsk region during 2010-2014 years and especially their manifestations in these regions. The relationship between the performance of individual industries and the dynamics of labor migration was substantiated.

Keywords: labor migration, foreign migrants, employment, labor productivity.

Information about the authors

1. Akyulov Robert Ishkaleyevich (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of economic Sciences, prof. Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Russia, Yekaterinburg, 8 Marta st., 66. e-mail: director@uapa.ru).

2. Kazantseva Ksenia Alekseevna (Russia, Yekaterinburg) – the student of the third course of faculty "Economics and Management", Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Russia, Ekaterinburg, 8 Marta st., 66. e-mail: director@uapa.ru).

УДК 331.556

Е.Б. Бедрина, Н.А. Глухова

МОНИТОРИНГ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ*

В статье представлены результаты наблюдений за трудовой миграцией из Китая в Россию. Данный вид миграции рассматривается с точки зрения исторически

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов России».

сложившегося сотрудничества стран в освоении сопредельных слабозаселенных территорий. Авторами анализируются количественные и качественные характеристики китайской миграции, ее динамика и региональная составляющая.

Ключевые слова: трудовая миграция, китайская миграция в регионах России

В силу особенностей исторического и экономического развития Китай выступает в роли поставщика трудовых ресурсов в Российскую Федерацию, занимая лидирующие позиции среди стран дальнего зарубежья, к которым его относит российская статистика. Однако наличие сопредельных с Российской Федерацией территорий и их совместное освоение, в том числе и российских земель, выделяет Китай из общей совокупности государств дальнего зарубежья и позволяет проводить сравнение китайской миграции с миграциями из стран СНГ. В пользу данного сравнения выступает и аргумент о том, что современный Китай гораздо ближе по доходу на душу населения к этим странам, нежели к развитым странам Европы и США, имеет те же демографические проблемы, как и страны Средней Азии – основные поставщики иностранной рабочей силы на российский рынок труда.

Миграция населения между Китаем и Россией является одной из наиболее древних. Считается, что первые перемещения маньчжуров и китайцев на территорию Приморской и Амурской областей начались еще в XVII в. во времена их нахождения в Цинский империи [1, с. 234.]. Если учесть тот факт, что мигрировали в основном мужчины, то можно предположить наличие процессов ассимиляции и этногенеза, а также формирования общекультурных ценностей у населения приграничной территории. Очевидно, переселенцы часто создавали семьи с представителями местных народностей, особенно тунгусов, которые населяли не только Восточную Сибирь, но и территории северо-восточного Китая.

Одной из особенностей китайской миграции является ее преимущественно «целевой» характер, проявляющийся в активном привлечении китайских граждан для реализации различных проектов по освоению Дальнего Востока и Сибири. Еще в конце XIX – начале XX вв. китайских рабочих активно использовали на российских золотых приисках в Амурской области. Владельцы приисков отдавали китайцам предпочтение в связи с тем, что привлечение российских подданных считалось нерентабельным, так как приходилось тратить на обустройство их многочисленных домочадцев. Ссыльных, которых в этом крае было в избытке, обычно не привлекали на данные работы из-за недоверия к ним.

Китайцев активно вербовали на строительные работы. Без китайских рабочих не обошелся проект по строительству Забайкальской железной дороги – части Транссибирской магистрали, построенной 1895-1905 гг. Китайские рабочие принимали участие в строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), проходящей по территории Маньчжурии и соединившей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром в 1897-1903 гг. В дальнейшем данная магистраль придала импульс экономическому развитию близлежащей территорий и привела к перенаселению Маньчжурии, а также к оттоку ее жителей в районы Приморья. Благодаря этому численность китайцев в Амурской и Приморской областях к 1910 г. достигла максимального значения и составила 92475 чел., или 11 % к общей численности местного населения [2, с. 37].

Во время Первой мировой войны, в условиях нехватки рабочих рук, российское правительство проводило вербовки жителей Китая для прокладки дорог, добычи угля, рубки леса, проведения строительных работ. В 1931 г. после оккупации Маньчжурии Японией на территорию СССР перешло большое количество военных и гражданских лиц, которые также пополнили трудовую армию. После окончания Второй мировой войны китайские граждане из Маньчжурии были приглашены для работы на предприятиях золотой, вольфрамowo-молибденовой и оловянной промышленности [3, с.185].

В 50-е гг. XX в. в период роста российско-китайского сотрудничества имела место широкомасштабная образовательная миграция китайской молодежи в Советский Союз. Однако в 60-е гг. XX в. наметилось охлаждение отношений между странами, что естественным образом сказалось и на трансакциях.

В начале 1990-х гг., в связи с либерализацией российской экономики, китайцев вновь начали активно использовать на лесозаготовках, в строительстве и овощеводстве. В 1992 г. был подписан двусторонний документ «Соглашение о принципах направления и приеме китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России» [7].

Особую роль в китайской миграции играют государственная политика и корпоративный сектор. Современное правительство Китая активно поощряет эмиграцию своих граждан. В частности, в 2000 г. 3-й сессией ВСНП десятого созыва была принята стратегия «Идти во вне», предусматривающая выход китайских предприятий на внешний рынок, создание китайскими компаниями филиалов за рубежом, освоение природных ресурсов других стран. В соответствии со стратегией предусмотрено завоевание значительной доли международного рынка труда. В отраслевой структуре экспорта рабочей силы из КНР приоритет принадлежит строительству и освоению природных ресурсов за рубежом [5, с. 60].

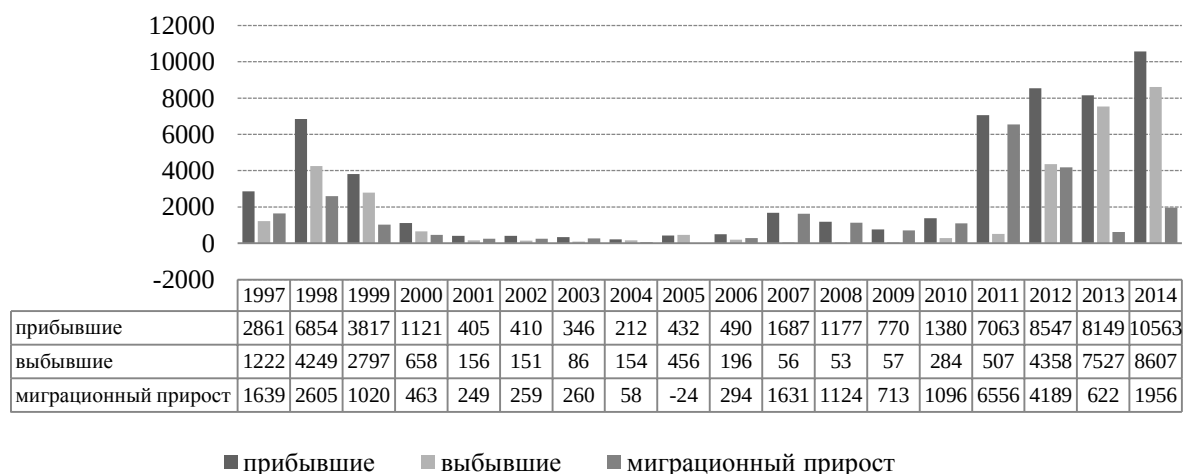
Уже в 2000 году Россия и Китай заключили соглашение «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» [8]. В этом же году было подписано соглашение между странами о сотрудничестве по совместному освоению лесных ресурсов. Вследствие этого в 2002 г. на лесозаготовки в Амурскую область прибыли китайские рабочие. В июне 2007 г. была достигнута договоренность между администрацией Амурской области и народным правительством провинции Хэйлунцзян об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, в рамках которой особое место было уделено кооперации в сфере использования природного и лесного потенциала, а также вопросам привлечения рабочей силы из Китая в отрасли и регионы, в которых имеется недостаток трудовых ресурсов [2, с. 69].

Еще одним примером современного сотрудничества Китая и России на рынке труда является возведение трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) в 2006-2014 гг., для строительства которой велась активная вербовка граждан Китая. Другим аналогичным примером может служить совместно разрабатываемый правительствами России и Китая проект по строительству магистрального газопровода для поставок газа из Якутии в Приморский край и страны Азиатско-Тихоокеанского региона – «Сила Сибири».

Количественная оценка миграционных потоков из Китая в Россию, проведенная на основе официальных данных государственной статистики с 1997 по 2014 гг., выявила их изменчивость (рис. 1), а также выраженную зависимость от объемов реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке.

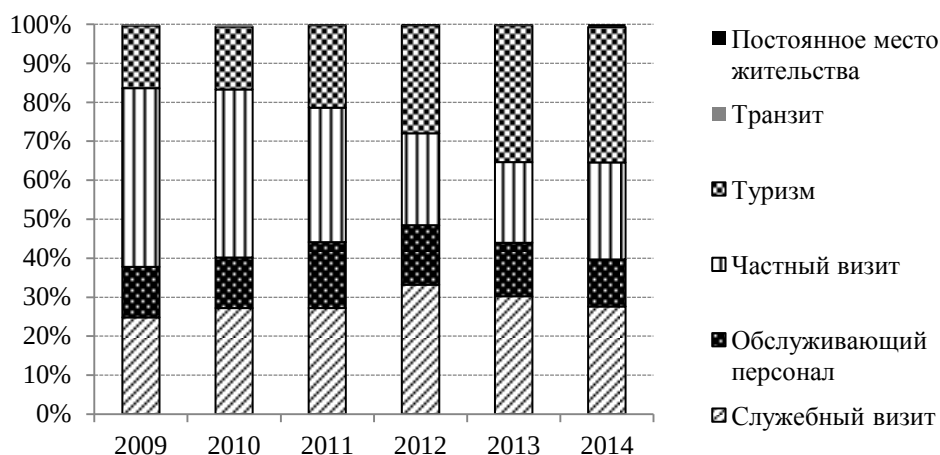
Важным моментом в анализе миграционных потоков является выделение трудовой миграции, которая имеет важное значение в вопросе формирования местного рынка труда для большинства принимающих территорий. Существует проблема ее статистического учета в связи, во-первых, со сложностью получения информации о том, сколько времени, въехавший мигрант будет находиться в стране-реципиенте и какое количество миграций он совершит в отчетный период, во-вторых, трудностью выявления нелегальной миграции.

В соответствии с данными ФМС России, большинство прибывших на территорию Российской Федерации китайских граждан целью своего визита указывали: частный визит (2009 – 2011 гг.), служебную командировку (2012 г.) и туризм (2013 – 2014 гг.). При этом доля трудовой миграции, к которой мы отнесли «служебный визит» и «обслуживающий персонал», ранжировалась от 38 % в 2009 г. до 49 % в 2010 г. (рис. 2).

Составлено по: Российский статистический ежегодник: стат.сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 1. Миграция из Китая в Россию с 1997 по 2014 гг., по данным ФМС, чел.

Источник: официальный сайт ФМС России//<https://гувм.мвд.рф/about>

Рис. 2. Распределение иммигрантов из КНР, прибывших в Россию, по целям въезда в 2009-2014 гг.

На основании анализа информации о цели прибытия китайских граждан в Россию можно утверждать, что в настоящее время миграция из Китая продолжает носить преимущественно трудовой характер. Перенаселенность северо-восточных территорий Китая, высокая доля трудовых ресурсов при ограниченном количестве рабочих мест, процессы урбанизации, экологические проблемы и значительная дифференциация населения по уровню доходов заставляют жителей Китая выезжать на заработки, в том числе в Российскую Федерацию.

Сдерживающим фактором китайской миграции выступает визовый режим с Российской Федерацией, введенный для трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья. Однако существуют возможности для обхода данного ограничения, которые ведут к росту нелегальной китайской миграции. Во-первых, это возможность безвизового въезда на территорию страны в качестве туриста на основании российско-китайских межправительственных соглашений 1993 и 2000 гг. «О безвизовых групповых турах и туристических поездках» с последующим нелегальным трудоустройством. Во-вторых, возможность перебраться на российскую территорию в соответствии с соглашением

между приграничными городами Благовещенском (Россия) и Хэйхе (Китай) о безвизовом режиме пересечения Амура, разделяющего эти города.

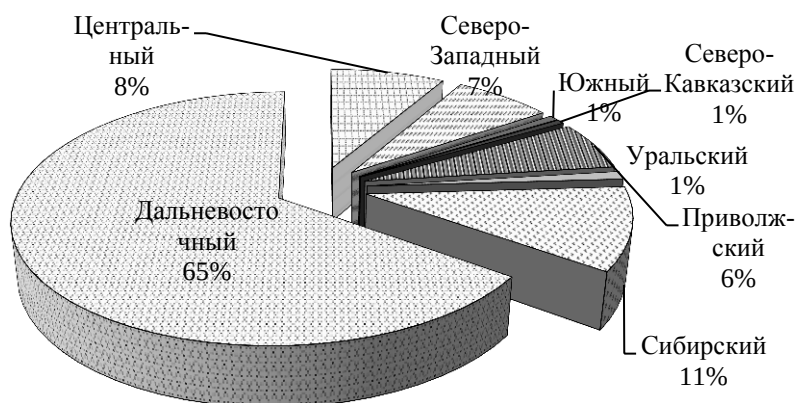
Только за 2009 – 2014 гг. китайская трудовая миграция увеличилась в 14 раз, а сумма миграционного прироста накопленным итогом за этот период составила 24709 чел. (см. рис. 1). Тем не менее, как видно из рис. 3, численность иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России, после 2009 г. снизилась – и это противоречит ранее выявленной тенденции. Кроме того, если учесть тот факт, что китайские мигранты в массовом порядке не принимают российское гражданство, а работают временно [6, с. 174], можно утверждать, что, во-первых, нелегальная трудовая миграция из Китая в России имеет место; во-вторых, она увеличивается.

Составлено по: Труд и занятость в России: стат.сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 3. Численность иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России с 2000 по 2014 гг., по данным ФМС.

Статистика показывает, что миграция из Китая в Россию в количественном плане значительно уступает миграции из таких стран Средней Азии, как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия. В 2014 г. ее доля в общих миграционных потоках составила всего 6,8 %. Однако для отдельных регионов Дальнего Востока она существенна. Так, в 2014 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано 7138 мигрантов из Китая, а доля этого региона в китайской миграции в Россию составила 65 %. Региональное распределение численности прибывших мигрантов из Китая в России в 2014 г. представлено на рис. 4.

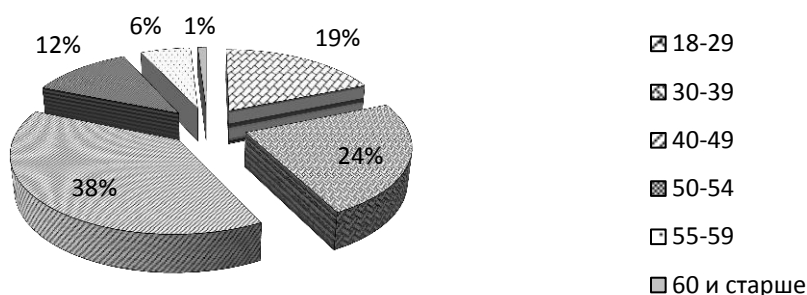

Составлено по: Российский статистический ежегодник – 2015: стат.сб. – М.: Росстат, 2015.

Рис. 4. Распределение численности прибывших из Китая мигрантов по регионам России в 2014 г., %

Наиболее привлекательными для китайской миграции являются Приморский край и Амурская область. По данным официальной статистики, в 2014 г. выходцы из Китая составляли: в Приморском крае – 25,8 тыс. чел., Амурской области – 18,8 тыс. чел., Магаданской области – 2,3 тыс. чел., Сахалинской области – 1,3 тыс. чел., Республике Саха (Якутия) – 1 тыс. чел.

Анализ возрастной структуры трудовой миграции из Китая в Россию показал, преобладание в ней более старших возрастов, чем у представителей Средней Азии. Данное обстоятельство отражает процесс старения населения Китая в связи с проведением ограничительной политики рождаемости. В 2014 г. на возрастную группу от 18 до 29 лет мигрантов из Китая приходится 19 %, тогда как на группу от 40 до 49 лет – 38 % (рис. 5).

Составлено по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 5. Распределение иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России в 2014 г., по возрастам, %

Анализ квалификационной структуры китайской миграции выявил более высокий уровень квалификации, нежели у представителей стран Средней Азии. Так, по данным официальной статистики, неквалифицированные работники в миграционных потоках из Китая составляют чуть более 3 %, в то время как руководители учреждений, организаций, предприятий и их структурных подразделений (служб) – 4 - 5 % (рис. 6).

Источник: Труд и занятость в России: стат.сб. – М.: Росстат, 2015.

Рис. 6. Распределение трудовых мигрантов из Китая по профессиональной квалификации, %

Таким образом, мониторинг выявил наличие исторических корней миграции из Китая в Россию, ее тесную связь с государственной экономической политикой, проводимой китайским правительством, и инвестиционной активностью российских регионов. Были замечены значительные временные колебания официально регистрируемой численности трудовых мигрантов, а также наличие масштабной нелегальной миграции. Сравнение с миграционными потоками из Средней Азии показало, что китайская миграция «более зрелая», уровень ее квалификации выше. Китайские граждане чаще трудоустраиваются на горнодобывающие предприятия, лесозаготовки, занимаются сельским хозяйством и предпринимательством, чем представители стран СНГ.

© Бедрина Е.Б., Глухова Н.А. Текст. 2016

Список источников

1. Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом / [Под руководством Г.В. Глинки]. – СПб., 1914.
2. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2009.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Дальневосточное общество в 1945—1950-е годы. – Владивосток, 2009.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly, 2016, № 689-690 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
5. Пэнг Уэн Дзе. Миграция рабочей силы из Китайской Народной Республики в условиях усиления открытости экономики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2010. – № 10. – С. 52-61.
6. Садовская Е.Ю. Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. – 2008. – № 2. – С. 151-180.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России // Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999 гг. / под ред: Г.Б. Карасина. Москва, 1999.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республики и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации // Сборник российско-китайских документов, 1999-2007/ Под ред. А.П. Лосюкова. Москва, 2007.

Информация об авторах

1. Бедрина Елена Борисовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. e-mail: Bedrina1967@mail.ru).
2. Глухова Наталья Андреевна (Россия, Екатеринбург) – студентка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: naattaalliiyu@gmail.com).

MONITORING OF LABOR MIGRATION FROM CHINA TO RUSSIA

The article presents the results of the monitoring of labor migration from China to Russia. This type of migration consider from the point of view of historically established cooperation between the countries in the development of neighboring sparsely populated areas. The authors analyzed the quantitative and qualitative characteristics of Chinese migration, its dynamics and regional component.

Keywords: labor migration, Migration from China to Russia

Information about the authors

1. Bedrina Elena (Russia, Yekaterinburg) – Ph.D., Associate Professor of the Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin, a Senior Researcher at the Institute of Economics s of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29. e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

2. Glukhova Natalia Andreevna (Russia, Ekaterinburg) – Urals Federal University Student them. First President of Russia BN Yeltsin. e-mail: naattaalliyy@gmail.com).

УДК 314.7

А.Г. Боброва, А.А. Пилютик

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

В статье обосновывается необходимость организации единого учета рынка мобильности рабочей силы на пространстве ЕАЭС, а также многогранного рассмотрения развития ситуации с учетом изменений нормативно-правового, социально-экономического, политического и демографического характера, что позволяет повысить качество исследований.

Ключевые слова: миграция, рабочая сила, миграционное законодательство.

Интеграционные процессы по расширению экономического сотрудничества Беларуси, России и Казахстана, начавшиеся в 2009 г. и обусловившие ратификацию почти 40 международных договоров, выразились в создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), договор о котором был подписан в мае 2014 г.

Развитие законодательной базы нашло отклик в новой волне увеличения миграционных перемещений. Анализ миграционных процессов между Беларусью и другими странами ЕАЭС позволяет судить о высоких темпах их динамики. Так, по данным официальной статистики, брутто-миграция в Беларуси со странами СНГ за первое полугодие 2015 г. составила почти 15 тысяч человек, что на 35% больше по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Безусловно, в течение последнего десятилетия основная часть (более 70%) миграционного оборота со странами СНГ приходилась на перемещения в и из России. Исключением стал 2014 г., когда в результате военных конфликтов доля Украины выросла в 2 раза. Тем не менее, роль Казахстана, Армении и Киргизии, а также стран-претендентов на вступление в ЕАЭС в миграционном обороте Беларуси увеличивается.

Причем данные миграционных служб принимающих стран выявили существенные занижения официальной статистики по безвозвратной миграции из Беларуси (рис. 1).

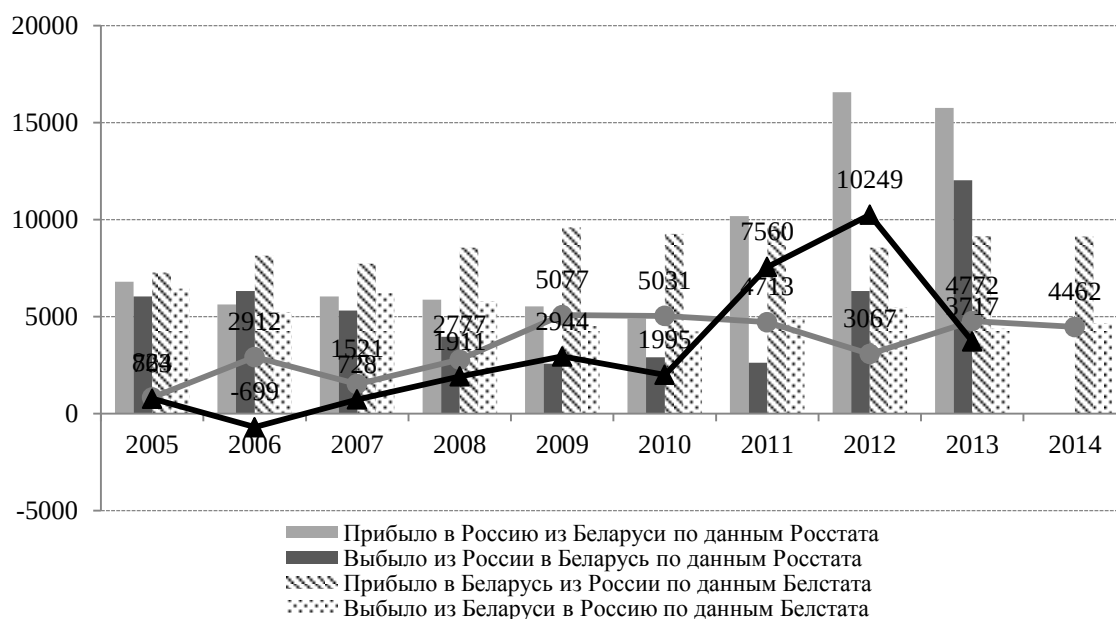

Рис. 1. Динамика миграционных перемещений между Россией и Беларусью по данным статистики Казахстана и Росстата [1, 2]

Схожая ситуация наблюдается и в отношении российско-казахстанских миграционных перемещений (рис. 2).

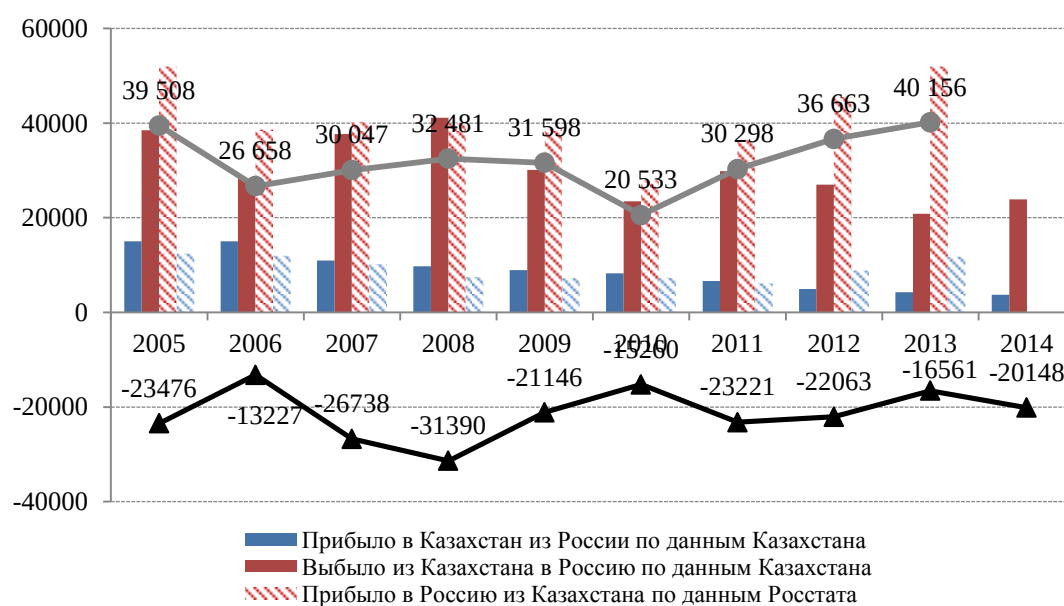

Рис. 2. Динамика миграционных перемещений между Россией и Казахстаном, по данным статистики Казахстана и Росстата [2, 3]

Таблица

Модульное сопоставление данных статистики страны назначения и страны оправления за период 2005-2013 гг.

Откуда выехали	Беларусь	Казахстан	Россия
Куда прибыли			
Беларусь	-	956	29916
Казахстан	387	-	320
Россия	29946	94540	-

В силу геополитических факторов потенциал миграций между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан терялся на фоне высокой миграционной подвижности обеих стран относительно России. Тем не менее, ввиду новых изменений в социальной и миграционной политике вследствие углубления евразийских интеграционных процессов весьма актуальным становится изучение миграционного потенциала между данными странами, причем с точки зрения их интересов, но с учетом возможностей влияния России.

Изменение миграционной ситуации на всем евразийском пространстве во многом зависит от проводимой именно в России миграционной политики. При определенном ужесточении правил пребывания и проживания мигранты могут перемещаться в Беларусь. Учитывая, что общее число внешних иммигрантов в Беларусь составляет всего 5% от числа внешних мигрантов в Россию, даже незначительное для российской стороны изменение в потоках будет иметь существенный эффект для Беларуси. Кроме того, в перспективе расширения стран-участниц ЕАЭС можно ожидать притока нецелевых мигрантов, т.е. по качественным характеристикам противоречащего миграционной политике Беларуси, где в настоящее время уже существуют качественные диспропорции в потоках мигрантов: отток высококвалифицированных, высокообразованных кадров восполняется низкоквалифицированными.

Стоит учесть, что все это может представлять реальную угрозу демографической и национальной безопасности и требует целенаправленного регулирования. Существующий опыт неэффективного решения миграционных проблем (например, миграционная политика Франции, вызвавшая серьезный межэтнический конфликт), а также происходящие геополитические и социально-экономические трансформации на постсоветском пространстве свидетельствуют о необходимости комплексного изучения ситуации и своевременного выявления факторов притяжения и отталкивания мигрантов для каждой территории.

В течение последнего десятилетия главенствующая роль в миграционных перемещениях, в частности в рамках стран – участниц Таможенного союза, была отведена экономическому развитию, а именно размеру заработной платы. Прежнее многолетнее лидерство России сменилось в 2015 г. Казахстаном. Причинами падения российской зарплаты в долларовом эквиваленте стали и значительная девальвация рубля, и политические события на постсоветском пространстве. Однако в последнее время, на фоне дорожающей нефти, российский рубль заметно восстановил свою стоимость, сильно укрепившись к доллару. Тем не менее, средняя зарплата в России сейчас не выше 650 долл., тогда как в Казахстане – выше 700 долл.

Что касается Беларуси, то если уровень жизни и безработицы по сравнению с Россией и Казахстаном отличаются незначительно, то средняя заработная плата в Беларуси меньше (около 460 долл.), чем в данных двух странах – участницах ЕАЭС. В Республике Беларусь разрабатываются специальные программы по привлечению иммигрантов, однако следует уделять более пристальное внимание эмиграционной политике в целях удержания кадров в стране. Предлагаемая им на переезд и обустройство разовая выплата, как мера привлечения, неспособна конкурировать со среднемесячной заработной платой в России и Казахстане. В данном случае более значимый эффект может быть получен от успешной реализации мер программы социально-экономического развития Беларуси, в частности от повышения заработной платы высококвалифицированным работникам.

Анализ данных мониторинга общей миграционной ситуации в Беларуси показывает, что миграционные настроения населения весьма чутко реагируют на изменение социально-экономического положения в стране. Так, осенью 2011 года 9,1% респондентов хотели бы уехать на постоянное место жительства за рубеж, а 13,0% планировали выехать из страны для временной работы, тогда как летом 2014 г. эти показатели составили 5,6% и 16,5% соответственно [4]. Если проследить динамику

данных мониторинга за 2010-2014 гг., то обнаружится рост доли респондентов, желающих поработать за границей, в частности у молодежи и у имеющих высшее и незаконченное высшее образование.

Углубление интеграции между странами – участницами ЕАЭС повлекло изменения в миграционной политике данных государств: осуществляется согласование дальнейшего развития общей миграционной политики, координация усилий государств в данном направлении; сближение национальных законодательств и обеспечение гарантий прав трудящихся-мигрантов в сфере трудовых отношений. Создание ЕАЭС позволило упростить трудовые отношения между странами-участницами вследствие действительной физической и нормативно-правовой свободы передвижения рабочей силы: с 1 января 2015 г. не требуется получения разрешения на работу; автоматически производится взаимное признание дипломов; согласованы вопросы уплаты налога на доходы граждан; при сроке пребывания до 30 суток граждане стран Союза освобождены от заполнения миграционных карт и от обязанности регистрации в органах внутренних дел при пересечении внутренних границ стран ЕАЭС, если срок их пребывания не будет превышать 30 суток с даты въезда; обеспечен доступ ко всем медицинским услугам, гарантированным в каждой стране всем гражданам стран Союза.

Гармонизируются меры социальной политики: рассматривается вопрос введения в случае выезда граждан экспорта пенсий с ежемесячным платежом между уже тремя странами ЕАЭС – Беларусью, Россией и Казахстаном.

В связи с созданием общего рынка труда имеется необходимость дальнейшего развития международных договоров, направленных на углубление интеграции в сфере трудовой миграции населения, а также необходимость создания эффективной системы организованного набора и привлечения трудящихся-мигрантов на территории государств ЕАЭС; совершенствование правовых и организационных основ борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми.

Однако необходимым условием качественной миграционной политики, в том числе в целях обеспечения демографической безопасности, является своевременная оценка миграционного потенциала Беларуси и для Беларуси, учитывающая современные геополитические и социально-экономические изменения на пространстве ЕАЭС. В условиях создания ЕАЭС появляется реальная возможность согласования полученных данных между странами путем единого учета миграционных потоков по месту прибытия, который считается более точным, а также проведением более широких межстрановых исследований закономерностей развития и последствий миграционных процессов. Особую ценность приобретает многогранное рассмотрение развития ситуации и выявление переплетений между изменениями нормативно-правового, социально-экономического, политического и демографического характера, что позволит гарантировать качественный и комплексный анализ, способствующий гармонизации миграционной политики и совершенствованию законодательства стран-участниц ЕАЭС.

© Боброва А.Г., Пилюттик А.А. Текст. 2016

Список источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by/>. (дата обращения: 20.02.2016).
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.02.2016).
3. Комитет по статистике министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.gov.kz/> (дата обращения: 20.02.2016).

4. Артюхин М.И., Пушкевич С.А. Основные проблемы миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 126-140.

Информация об авторах

1. Боброва Анастасия Григорьевна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, зав. сектором социально-демографической политики Института экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2. e-mail: nastassiabobrova@mail.ru.

2. Пилюттик Андрей Антонович (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, зам. директора по информационно-коммуникационным технологиям Института экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; e-mail: pilutic@gmail.com).

Bobrova A.G., Piliutsk A.A.

MIGRATION POTENTIAL OF BELARUS AND KAZAKHSTAN IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION ON THE SPACE EAES

The necessity of organizing an unified account of labor mobility market on the EAEC space are justified, as well as multi-faceted study of the situation taking into account the legal, socio-economic, political and demographic are substantiated, which will improve the quality of research.

Keywords: migration, labor, immigration laws.

Information about the authors

1. Bobrova Anastacia (Belarus, Minsk) – PhD, head of Department Social and labour relation and demography, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, 220072Minsk, Surganova st.,1-2. e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

2. Piliutsk Andrei (Belarus, Minsk) – PhD, Deputy Director for information and communication technologies, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, 220072, Minsk, Surganova st., 1-2; . e-mail: pilutic@gmail.com).

УДК 316.44

М.Н. Вандышев

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП РАЗМЕЩЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ*

Аннотация В статье рассматриваются аспекты территориального размещения трудовых мигрантов в городском пространстве. Рассматриваются проблемы анклавизации пространства под влиянием размещения мигрантов. Приводятся результаты социологического исследования среди трудовых мигрантов в городе Екатеринбурге. Описывается процесс поиска и выбора жилья, фиксируются особенности взаимодействия принимающего сообщества и трудовых мигрантов.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов России».

Ключевые слова трудовые мигранты, социальное взаимодействие, социальное пространство, анклав, место жительства

Одной из ключевых задач для мигранта является поиск места проживания. Новое место жительства должно удовлетворять разнообразным критериям. При этом важно иметь виду, что этот выбор ведет к некоторым преобразованиям в пространстве города – изменяется социально-демографический состав территорий, кварталом, домов, подъездов и пр. Это в свою очередь способно оказывать некоторое влияние на практики расселения населения, концентрации различных слоев населения в разных районах городах. Особенно этот процесс характерен для больших городов, наиболее привлекательных для проживания и работы мигрантов. Таким образом, в социальном пространстве города фиксируются разнообразные формы неравенства. Задача заключается в том, чтобы понять логику этого процесса, чтобы можно было прогнозировать потенциальные риски. Проблематика территориального расселения в городах впервые стала разрабатываться представителями Чикагской школы. В работах Р.Парка [1], Э.Берджесса [2], Л.Вирта [3] тема структурирования и зонирования городского пространства становится едва ли ведущей. При этом этнический фактор (расовый) для американских городов становится базовым. В больших городах естественным путем складываются зоны компактного расселения людей определенной этнической, культурной, религиозной принадлежности. Эта сегрегация, а затем и геттоизация, с одной стороны, обеспечивает относительную безопасность для жителей – живут рядом с точно такими же, базовые идентификационные элементы сопоставимы и не конфликтны, они не вызывают удивления или отрицания. С другой стороны, происходит выдавливание местного населения принимающего сообщества в другие районы города. Таким образом, появляются новые измерения рынка недвижимости, процессов ценообразования и пр.

Опыт приема мигрантов в больших городах России пока не привел к появлению четко выраженных пространственных зон концентрации выходцев из других стран. Для наших городов характерна рассеянная сегрегация, при которой мы наблюдаем мультипликационный эффект – мигранты селятся в те районы, где жилье изначально более низкого качества, а значит более дешевое, рост числа мигрантов делает эти районы менее привлекательными для местного населения, но в то же время, конкурентоспособным с точки зрения привлечения других мигрантов. Таким образом, не наблюдается ожидаемый эффект снижения цены жилья в местах компактного расселения. Эти выводы подкрепляются данными социологических исследований.

Мы разбили процесс поиска и выбора жилья мигрантами на несколько этапов, для каждого из которых характерны свои особенности.

Поиск жилья

Поиск жилья трудовыми мигрантами осуществляется с помощью друзей и родственников, уже проживающих в том городе, куда они нацелены. Более того, в одном из интервью один из информантов сообщил, что наличие жилья и родственников стало главным критерием выбора города. Итак, более половины опрошенных трудовых мигрантов искали жилье с помощью родственников и друзей (53%). Каждый третий ответивший сообщил, что самостоятельно искал жилье (33%). При этом поиск жилья с помощью работодателя – это сравнительно малораспространенный способ. О таком пути поиска заявили только 12% респондентов (см. Рис.1).

Обращает на себя внимание тот факт, что к представителям местного населения (например, в агентства недвижимости, независимым риелторам и пр.) обращаются относительно небольшое число приехавших. Таким образом, уже на этом этапе представители принимающего сообщества замещаются на тех, кто по этническим, религиозным или иным обстоятельствам ближе, надежнее и т.п. В целом, это подтверждает предположение о параллельных процессах дифференциации и интеграции –

дифференцируется городское пространство, а интегрируются диаспоры, представители мигрантских общин.

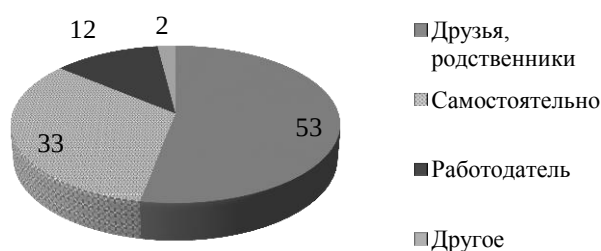

Рисунок 1. Источники помощи при поиске текущего жилья, %%

Социально-культурные контакты, которые могли бы обогащать местные и пребывающие общины не развиваются, таким образом, на самых первых этапах включения в принимающее сообщества мы наблюдаем некоторое отчуждение и нежелание идти на сотрудничество. Такая подозрительность может развиваться в разнообразные формы, вплоть до ксенофобии, причем не только по отношению к мигрантам, но и по отношению к местному населению.

Рисунок 2. Источники помощи при поиске жилья, %%

Базовыми критериями выбора жилья является близость к месту работы (33%) и стоимость (29%). Можно предположить, что такая комбинация критериев демонстрирует процесс складывания мини-анклавов, когда вокруг относительно крупных мест работы мигрантов (рынки, базы и другие предприятия) ими заселяются дома, общежития и пр. Такой процесс, например, можно наблюдать в Екатеринбурге в районе рыночного комплекса «Таганский ряд» или «Овощебазы №4» (см. Табл.1).

Таблица 1

Критерии при поиске жилья, %%		
№№. п.п.	Вариант ответа	Доля, %
1.	Комфортные условия	14
2.	Близость к месту работы	33
3.	Стоимость	29
4.	Близость к родственникам, друзьям	11
5.	Близость к магазинам, садикам, школам, больницам и т.п.	6
6.	Другое	11

Популярными районами проживания для мигрантов обычно считаются не очень дорогие городские окраины и промежуточные (согласно терминологии Э.Берждесса) зоны. Согласно данным исследования, мигранты проживают в центральных районах, в районе Сортировки, Уралмаше и Эльмаше (см. Рис. 3).

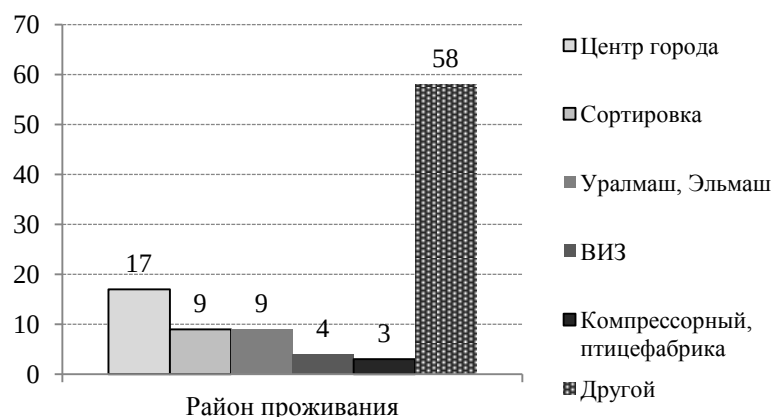

Рисунок 3. Районы проживания трудовых мигрантов, %%

Представленные данные свидетельствуют о том, что выраженных анклавов проживания трудовых мигрантов пока не существует. Этот вывод поддерживается также данными об окружении трудовых мигрантов по месту жительства (см. Рис.4).

Рисунок 4. Состав окружения мигрантов по месту жительства, %%

Место текущего проживания

Согласно полученным в ходе исследования данным, более половины опрошенных заявили о том, что проживают в благоустроенных квартирах (59%). Около четверти респондентов сообщили о том, что проживают в частных домах (23%), около 14% - в общежитиях (см.Табл.2).

Таблица 2

Место текущего проживания трудовых мигрантов

№	Вариант ответа	Доля, %
1.	Благоустроенная квартира	59
2.	Частный дом	23
3.	Общежитие	14
4.	Затруднились ответить	3
5.	Пока не нашли места для проживания	1
6.	Всего	100

Две третьих опрошенных заявили о том, что жилье, в котором они проживают, арендовано (68%), и только у трети респондентов оно находится в собственности (32%). Собственниками арендованного жилья выступают местные жители (46%), родственники, друзья (35%), работодатели (16%).

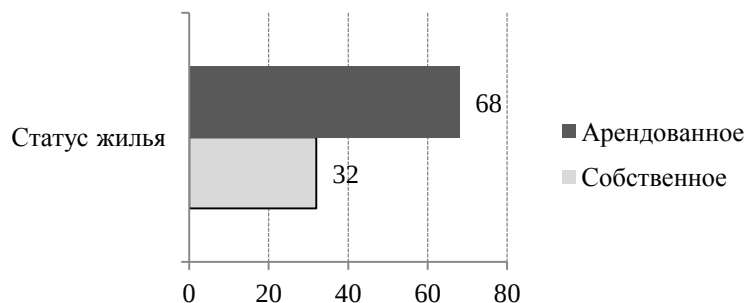

Рисунок 5. Статус жилья, %%

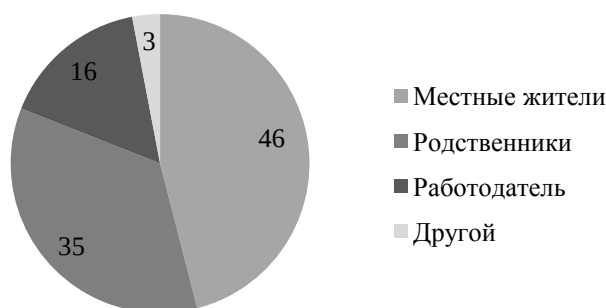

Рисунок 6. Собственники арендуемого жилья, %%

Таким образом, аренда жилья – это распространенная форма взаимодействия между принимающим сообществом и трудовыми мигрантами. В этом заключается потенциал развития. Вопрос заключается в том, насколько эти отношения регламентированы и легализованы. Для мигрантов этот вопрос особо важен в связи с необходимостью наличия временной/постоянной регистрации на территории Российской Федерации.

Работодатели, квалифицированные партнеры трудовых мигрантов, очевидно, могли бы играть большую роль в процессе предоставления жилья для мигрантов. Это позволило бы улучшить контроль над миграционными потоками. Но на сегодняшний день, вероятно, рынок аренды жилья для мигрантов находится в серой зоне и достаточно прозрачен для контролирующих институций. В то же время, сейчас это пространство неформализованных контрактов и открытых договоренностей между собственниками жилья и трудовыми мигрантами. Отсюда, потенциал и риски развития ситуации съема/сдачи жилья.

Более половины мигрантов проживают в кругу семьи (60%), четверть – с друзьями (24%), а примерно 6% живет вместе с выходцами из города/села исхода. Для них, в целом, нехарактерно проживание по одному/одной (см. Табл.3).

Таблица 3

Состав проживающих вместе мигрантов, %%		
	Вариант ответа	Доля, %
	Один	6
	С ближайшими родственниками (со своей семьей)	60

	С дальними родственниками	3
	С друзьями	24
	С выходцами из моего города (села, поселка, аула и т.п.)	6
	Другое	1
	ВСЕГО	100

Средняя численность домохозяйства опрошенного трудового мигранта – 4 человека. Более половины опрошенных дома общаются на родном языке (52%). В других местах (на работе, в магазинах и пр.) общение происходит преимущественно на русском языке (см. рис.7). Использование родного языка сокращается до пространства места постоянного проживания рядом с такими же мигрантами. Знание языка становится инструментом доступа к социальной инфраструктуре, учреждениям и услугам. Данные исследования показывают, что у мигрантов серьезных языковых проблем нет. Однако, как показывают другие исследования [4] такие проблемы существуют у женщин, выполняющих функции домохозяйки.

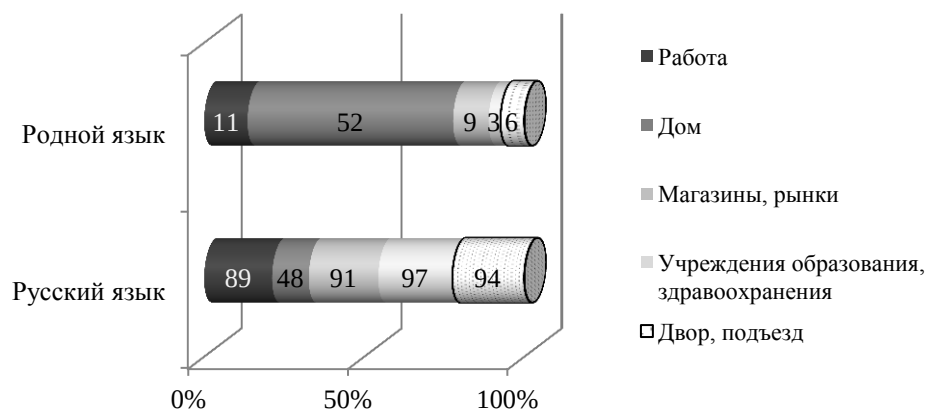

Рисунок 7. Использование родного и русского языков, %%

Почти половина трудовых мигрантов знают своих соседей по дому (49%), в то время как треть (33%) – не знают (см.Табл.4). Для этой доли трудовых мигрантов, таким образом, подобные слабые связи, обычно рассматриваемые в качестве потенциала развития солидарности, появления интегрированных социальных общностей, не доступны или не являются желаемыми. В то же время, часто мигранты сталкиваются с нежеланием общаться со стороны местного населения.

Таблица 4

Знакомство с соседями, %%	
Вариант ответа	Доля, %
Да, знают	49
Знают некоторых	18
Не знают	33
<i>Всего</i>	<i>100</i>

Доля примерно в 30% опрошенных мигрантов – это те, кто слабо коммуницирует с представителями принимающего сообщества. Это цифра подтверждается ответом на вопрос о том, кто входит в круг постоянного общения. Две трети респондентов заявили, что по новому месту жительства такой круг сложился (62%). У трети – нет.

Круг общения мигрантов образуется по кровнородственному принципу. Более половины опрошенных сообщили, что в него входят члены семьи (52%). Если к ним прибавить еще тех, кто приехал вместе (23%), то получается, общение более трех

четвертей опрошенных замыкается на мигрантов, и сравнительно небольшая доля респондентов выходит за пределы диаспоры. Таким образом, место нахождения мигранта во многом воспроизводит коммуникационные практики, характерные в месте исхода. А это указывает на общую тенденцию к закреплению анклавного принципа территориального размещения трудовых мигрантов в больших городах.

Более полная информация об организации и проведении опроса представлена в монографии «Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально – экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики» [6].

Список источников

1. Парк Р. Город как социальная лаборатория. // Социологическое обозрение. 2002, т. 2, № 3, с. 3-12.
2. Бёрджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект. — Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология, 2000, № 4
3. Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН. – 2005.
4. Баразгова, Е.С. Противоречия в формировании социокультурной идентичности детей трансграничных мигрантов [Текст] / Е. С. Баразгова, М. Н. Вандышев, Л. С. Лихачева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. N 1 (72). С. 229-240
5. Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально – экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики: кол.моногр. / Е.Б. Бедрина, М.Н. Вандышев, Е.А, Илинбаева и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – 151 с.

Информация об авторе

Вандышев Михаил Николаевич (Россия, Екатеринбург) – к.социол.наук, доцент кафедры теории и истории социологии ИСПН УрФУ (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19), m.n.vandyshhev@urfu.ru

Vandyshhev M.N.

TERRITORIAL PRINCIPLE OF PLACEMENT MIGRANTS IN THE BIG CITY

This article discusses aspects of the territorial distribution of migrants in the urban space. The author considers the problem of formation of enclaves in the urban space. The results of sociological research among migrants in the city of Ekaterinburg. Describes the process of searching and selecting property, fixed features of the interaction of the host communities and migrants.

Ключевые слова migrant workers, social interaction, social space, an enclave, place of residence

Информация об авторе

Vandyshhev Mikhail (Russia, Ekaterinburg) – PhD in sociology, docent, Ural Federal University, m.n.vandyshhev@urfu.ru

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования миграционных процессов, происходящих в мире и на территории Российской Федерации, обоснованы профилактические подходы к содержанию миграционного законодательства, определены критерии степени профилактического воздействия законодательства, отличительные признаки миграционного законодательства и приоритетные задачи при его разработке.

Ключевые слова: миграционное законодательство, мигрант, профилактическая функция, права человека, обеспечение безопасности.

Любое законодательство, регулирующее определенные сферы общественных отношений и устанавливающее императивные запреты, несет в себе нагрузку предупредительного влияния на человека, осуществляя одновременно педагогическое воздействие на него и формируя правопослушное поведение.

Степень профилактического воздействия законодательства на поведение человека зависит от:

- качества законодательства, включая аспекты рациональности и справедливости;
- качества применения законодательства, эффективных правовых механизмов и компетентности правоприменителей;
- строгости санкций, предусмотренных за нарушение данного законодательства;
- качества правового воспитания граждан.

Предупредительное значение правовых норм тем актуальнее, чем более значимы проблемы и сфера общественных отношений, регулируемых законодательством.

В этой связи необходимо отметить, что в сфере миграционного законодательства содержатся проблемы не только государственной важности, но и проблемы, от которых может зависеть существование самого государства.

События в Западной Европе, связанные с террористическими актами, осуществленными мигрантами, явственно продемонстрировали всему миру то, к чему приводит недооценка значимости миграционного законодательства и его подмена общими принципами свобод и прав человека.

Вряд ли въезд на территорию чужого государства и проживание в нем следует относить к естественным правам, которые не нуждаются в соответствующем правовом регулировании.

Бесконтрольный приток мигрантов со своими традициями, обычаями, религиозными предпочтениями, а зачастую с иным уровнем культуры, развития и законопослушания ставит под угрозу не только общественную безопасность страны, но и сам факт государственности, имеющей в своей основе совершенно иные правовые и моральные ценности, чем у большинства мигрантов, стремящихся в данные страны.

В конечном итоге в отечественном законодательстве должны быть расставлены приоритеты обеспечения прав и свобод своих граждан или прав и свобод мигрантов, количество и поведение которых может негативно повлиять на комфортность и безопасность существования населения страны.

Подобная позиция не может и не должна рассматриваться в качестве дискриминационной или националистической позиции, так как это все лишь признак государственного и разумного подхода к правовому регулированию определенных сфер общественных отношений, и любое государство рано или поздно может столкнуться с необходимостью определения таких приоритетов в своем миграционном законодательстве.

Приоритетность прав коренного населения устанавливается в национальном законодательстве только до той поры, пока допуск мигрантов в страну не урегулирован в законном порядке. Далее начинает действовать целый комплекс международного антидискриминационного законодательства, предусматривающего для государств, вступивших в Совет Европы, обязанности по исполнению Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) от 4 ноября 1950 года с последующими дополнительными протоколами.

Государства берут на себя обязательства обеспечить каждому человеку, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, закрепленные в 1-м разделе ЕКПЧ, в том числе право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства в пределах этой территории каждому, кто находится **законно** на территории государства [1].

Не адекватное целям обеспечения безопасности граждан миграционное законодательство само может спровоцировать националистические настроения и конфликты между гражданами государства и мигрантами, что подтверждается многочисленными примерами.

Политиков и ученых, публично рассуждающих о мультикультурализме, становится все меньше и меньше, особенно после последних событий, связанных с массовыми убийствами ни в чем не повинных людей в Париже и Брюсселе. Жестокая реальность возвращает от идеализированных и романтических теорий к насущной необходимости обеспечения безопасности граждан, о чем сами граждане настойчиво напоминают руководителям своих государств, и что неразрывно связано с необходимостью надлежащего правового регулирования количественного и качественного состава мигрантов.

Миграционное законодательство обладает повышенной профилактической значимостью, выполняя задачу контроля за въездом в государство и проживанием в нем лиц, не являющихся ее гражданами. Данная задача вполне согласуется с государственными целями поддержания социального порядка в стране и обеспечения безопасности ее граждан.

Повышенная профилактическая значимость миграционного законодательства объясняется необходимостью государственного предвидения негативных последствий, связанных с социальными процессами, обусловленными бесконтрольной миграцией или миграцией, происходящей без надлежащего правового контроля со стороны государства.

В этой связи миграционное законодательство коренным образом отличается от иных сфер правового регулирования, которые, как правило, основываются на обычаях и традициях, существующих в обществе веками и тысячелетиями.

Характерным примером консервативного отношения к таким законам и предупреждения их частого изменения являются постановления древнегреческих мудрецов Залевка и Харонда, которые обязали желающих внести в существующий закон какое-либо изменение являться в народное собрание с петлей на шее, и в случае непринятия предлагаемого изменения должны были на месте удавиться. По преданию, за триста лет в законы Залевка и Харонда было внесено только два изменения. «Первое было такое. В первоначальном законе говорилось: «Если кто кому выколет глаз, то сам должен лишиться глаза»; к этому было добавлено: «...а если выколет одноглазому, то должен лишиться обоих». Все согласились, что это справедливо. Второе было такое. В первоначальном законе говорилось: «Кто развелся бездетным, тому дозволяется взять новую жену»; к этому было добавлено: «...но не моложе прежней». С этим тоже все согласились. Если же от первого брака у человека были дети, то второй брак ему не разрешался совсем. У Харонда об этом сказано: «Кто в первом браке сумел быть счастливым, тот не порти себе счастья; кто не сумел, тот не повторяй несчастья» [2].

Большинство сфер правового регулирования основано на исторически сложившихся традициях и обычаях, существующих в государстве. Миграционное же

законодательство в большей степени ориентировано на внешние социальные процессы, происходящие за пределами государственных границ, но эти процессы непосредственно затрагивают и государственные интересы, так как связаны с возможным и фактическим перемещением лиц, являющихся гражданами других государств.

Подобные явления чаще всего вызваны происходящими в других странах военными действиями, революциями, государственными переворотами, гражданскими войнами и иными социальными конфликтами, создающими угрозу безопасности жизни людей, пытающихся обосноваться в других государствах, как правило, с более высоким уровнем жизни, социального порядка и социального обеспечения.

Необходимость своевременного установления и изменения миграционного законодательства тех стран, в которые направляются мигранты, вызвана невозможностью реального влияния социально благополучных стран на внутреннюю и внешнюю политику других государств, доводящих у себя социальную ситуацию до катаклизмов. Среди таких государств можно упомянуть Афганистан, Ливию, Сирию и еще ряд африканских государств и государств Ближнего Востока.

Такова современная реальность, актуализирующая необходимость принятия качественного миграционного законодательства странами, выбираемыми для миграции гражданами других государств. Одновременно, такая реальность определяет проблему своевременности и оперативности принятия и изменения миграционного законодательства, предупреждающего бесконтрольное перемещение мигрантов, создающих угрозу безопасности коренного населения.

Уже сейчас можно констатировать, что под видом беженцев, спасающихся от войны, в страны Западной Европы проникают члены террористических организаций, а также так называемые «экономические мигранты», ищущие более выгодные экономические условия жизни.

Недооценка профилактического воздействия миграционного законодательства способна обострить и ухудшить самую благополучную ситуацию в стране, когда количество мигрантов в ней начинает превышать разумные пределы.

Профилактическая функция миграционного законодательства должна быть обоснована серьезными исследованиями:

- международного права в данной сфере;
- геополитических процессов, происходящих в мире;
- психологических особенностей взаимоотношений коренного населения с мигрантами;
- социологических закономерностей взаимоотношений различных социальных групп;
- криминологических аспектов поведения мигрантов и других объективных закономерностей, связанных с миграционными процессами.

Только на основе научных подходов, учитывающих вышеперечисленные аспекты, можно законодательно предупреждать социальные конфликты, связанные с нерегулируемыми миграционными процессами.

Истории известны радикальные подходы к миграции, так, в Древней Греции Солон издал закон, согласно которому «кто во время междоусобных раздоров не примкнет ни к одной из сторон, тот лишается гражданских прав. Это учило граждан быть хозяевами своего государства не только в мыслях, но и на деле: где все привыкли быть недовольными, сложа руки, там властью легко овладеет жестокий тиран» [2].

В современном мире «маятник миграционного законодательства» качнулся в другую сторону, создав условия для свободного перемещения мигрантов в случае локальных конфликтов. В статье 14 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН, закреплено право поиска убежища от преследования и право пользования убежищем как личное право индивида. Однако нужно

заметить, что данное право не обусловлено обязанностью государства предоставлять убежище преследуемым лицам [3].

В России правовую основу миграционного законодательства составляют Конституция РФ, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и принимаемые в соответствии с указанными нормативными правовыми актами иные нормативные правовые акты Российской Федерации. Особое место среди данного законодательства занимает Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015). Основной инновацией данного закона считается предусмотренный в нем уведомительный характер: действовавшая ранее регистрация иностранных граждан по месту пребывания заменена постановкой на учет по месту пребывания [4, с. 16].

Среди целей миграционного учета в статье 4 данного закона предусмотрено: формирование полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан, необходимой для **прогнозирования последствий указанных перемещений**, а также для ведения государственного статистического наблюдения в сфере миграции; **управление в кризисных ситуациях; защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации и иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации, а также в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и общественной безопасности путем противодействия незаконной миграции и иным противоправным проявлениям.**

По поводу названия закона и его целей следует заметить, что миграционное законодательство на первое место должно выдвигать не миграционный учет иностранных граждан, а миграционный контроль, включающий в себя и функции учета. Такой подход будет более соответствовать как лингвистической логике, так и цели прогнозирования последствий миграционных перемещений. Цель прогнозирования последствий миграционных перемещений необходимо подразделять на прогнозирование миграционных перемещений внутри страны и на прогнозирование миграционных перемещений иностранных граждан непосредственно в страну. Второе представляется более актуальным и значимым.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что прежде чем легитимизировать доступ мигрантов в страну, необходимо определить, во-первых, сможет ли государство обеспечить права и свободы мигрантов под своей юрисдикцией, учитывая международные обязательства, во-вторых, нужно скрупулезно исследовать возможные социальные проблемы, связанные с совместным существованием мигрантов и коренного населения, учитывая как психологические, так и социологические, и криминологические аспекты этих взаимоотношений.

В этой связи можно констатировать, что российским законодателям предстоит серьезная работа по совершенствованию миграционного законодательства, чтобы не делать ошибок в данной сфере, допущенных западноевропейскими государствами. Нельзя недооценивать профилактическую значимость миграционного законодательства, так как последствия такой недооценки бывают ужасными.

© Ветошкин С.А. Текст. 2016

Список источников

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 2 о наделении европейского суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения (подписан в г. Страсбурге 06.05.1963), Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об

обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=29160> (Дата обращения 27.04.2016);

2. Гаспаров Михаил. Занимательная Греция. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Gasparov/03.php. (дата обращения 27.04.2016);

4. Зинченко Н.Н. Право убежища как международно-правовой институт // Российская юстиция. – 2011. – № 5.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189575> (Дата обращения 27.04.2016).

Информация об авторе

Ветошкин Сергей Александрович (Россия, Екатеринбург) – доктор педагогических наук, профессор кафедры права института гуманитарного и социально-экономического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета (Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11), e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru

Vetoshkin S.A.

PREVENTIVE FUNCTION OF MIGRATION LEGISLATION

The article considers the problems of legal regulation of migration processes in the world and in the Russian Federation, based preventive approaches to the content of the migration legislation, the criteria of degree of preventive effect of legislation, features, migration legislation and priorities in its development.

Keywords: immigration legislation, a migrant, a preventive function, human rights, security and others.

Information about the author

Vetoshkin Sergey (Russia, Ekaterinburg) – Doctor of Pedagogical Science, Professor, Department of Law, Russian State Professional Pedagogical University. e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru

УДК 314.7

Е.В. Донец

МИГРАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИИ*

Пополнение населения региона за счет постоянной миграции, в том числе международной, является одним из путей решения проблемы сокращения

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

демографического потенциала. Субъекты Центрального федерального округа России представляют разнообразные примеры сужения и расширения демографического потенциала под влиянием миграции. Положительный эффект от миграции может быть усилен при условии дальнейшего развития программ иммиграции, единственной из которых в настоящее время является программа переселения соотечественников.

Ключевые слова: миграция, межрегиональная миграция, международная миграция, программа переселения соотечественников.

Вклад миграции в демографическое развитие отдельных субъектов Центрального федерального округа России неоднороден. С одной стороны, регион долгое время был и остается центром притяжения мигрантов из всех (без исключения) остальных округов страны, и эта тенденция сохраняется [2, с. 14-15].. С другой стороны, привлекательность отдельных субъектов внутри региона неочевидна. Формирование современного демографического потенциала территорий Центрального региона происходит в условиях оттока населения в наиболее «востребованные» субъекты региона и страны в целом – Москву и Московскую область [5, с. 104-105]. Наличие центра притяжения мигрантов такого уровня формирует благоприятную обобщенную картину для региона в целом: миграционный прирост Центрального округа на фоне других округов максимально высок и приближается, несмотря на некоторые колебания в последние годы, в основном в сторону падения, к 222 тыс. чел. (2015 г.)¹. На уровне же отдельных субъектов ситуация заметно дифференцирована.

Региональное разнообразие субъектов Центрального федерального округа напрямую отражается в миграционной и демографической динамике. При этом естественный прирост и миграционный прирост в большинстве субъектов заменены убылью населения как под влиянием естественного воспроизводства (отрицательные значения во всех субъектах, за исключением Москвы), так и миграции: в 2015 г. в 8 из 18 субъектов региона наблюдалась миграционная убыль (таблица 1).

Помимо Москвы и Московской области, в Центральном округе есть центры притяжения мигрантов другого масштаба, в которых наблюдается положительное миграционное сальдо, как межрегиональное, так и международное. Условное деление позволяет различать три группы субъектов (2015 г.): 1) наиболее привлекательные регионы, в которых наблюдается положительное межрегиональное и международное сальдо миграции – Москва, Московская, Воронежская, Ярославская области; 2) относительно благополучные регионы, в которых отрицательное межрегиональное сальдо компенсируется положительным международным, – Белгородская, Калужская, Курская, Липецкая, Тульская области; 3) неблагополучные регионы, в которых отрицательное межрегиональное сальдо не компенсируется международным обменом, – Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская,, Тамбовская, Тверская области (таблица 2). (Отметим, что такое разделение для ряда регионов не носит устойчивый характер).

Таблица 1

Миграционный прирост/убыль населения субъектов Центрального федерального округа Российской Федерации, 2010-2015 гг., тыс. чел.²

Миграционный прирост, всего	2010	2011	2012	2013	2014	2015
-----------------------------	------	------	------	------	------	------

¹ Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2404007> (дата обращения - 05.05.2016).

² Здесь и далее (таблица 2) – там же.

Российская Федерация	158.1	319.8	294.9	295.9	270.0	245.4
Центральный федеральный округ	161.1	214.4	239.8	231.1	216.9	221.8
Белгородская область	6.0	8.4	8.6	6.6	7.6	5.9
Брянская область	-2.5	-4.3	-4.7	-5.0	-3.4	-1.8
Владимирская область	0.8	-0.3	-2.9	-0.5	-0.2	-1.5
Воронежская область	5.3	9.9	10.0	9.9	13.4	12.2
Ивановская область	0.6	0.8	1.0	-0.5	-0.8	-2.2
Калужская область	0.6	3.6	1.4	2.4	9.4	1.7
Костромская область	-1.2	-1.8	-0.8	-0.3	0.2	-0.6
Курская область	0.7	1.9	2.9	4.7	3.9	7.8
Липецкая область	1.3	-0.8	0.6	2.1	2.4	2.5
Московская область	64.8	114.5	109.6	98.9	106.7	87.6
Орловская область	-0.7	0.3	-1.4	-1.8	-0.6	-1.6
Рязанская область	0.2	3.7	2.6	1.9	0.5	0.0
Смоленская область	-2.0	3.8	0.8	-1.7	2.0	-0.6
Тамбовская область	-0.9	0.6	0.2	0.2	0.3	-5.5
Тверская область	-0.4	2.5	0.7	0.1	-1.6	-1.9
Тульская область	0.2	6.7	-0.3	0.6	2.9	2.9
Ярославская область	1.7	6.0	5.6	4.8	4.5	4.7
г. Москва	86.7	59.1	105.8	108.8	69.6	112.2

Таблица 2

Субъекты Центрального федерального округа по вкладу межрегионального и международного обмена в общее сальдо миграции, 2015 г., тыс. чел.

Миграционный прирост - всего	Из него за счет передвижений			
	в пределах России	международ ных	в том числе:	
			со странами СНГ	с другими зарубежны- ми странами
Центральный федеральный округ	126.7	95	90.8	4.2
Белгородская область	-1.5	7.4	7.3	0.1
Брянская область	-4.1	2.3	2.2	0
Владимирская область	-3.1	1.6	1.5	0
Воронежская область	3.2	9	8.9	0.1
Ивановская область	-3.6	1.4	1.3	0.1
Калужская область	-4	5.7	5.6	0.1
Костромская область	-1.7	1	1.1	-0.1
Курская область	-2.5	10.3	8.1	2.2
Липецкая область	-3.3	5.8	5.7	0.1
Московская область	66.8	20.8	20.2	0.5
Орловская область	-3.4	1.8	1.8	0
Рязанская область	-1.8	1.8	1.8	0

Смоленская область	-3.2	2.6	2.5	0.1
Тамбовская область	-3.2	-2.2	-2.2	0
Тверская область	-5.5	3.6	3.5	0.1
Тульская область	-4.5	7.4	7.2	0.2
Ярославская область	2.4	2.3	2.2	0.1
г. Москва	99.8	12.4	11.9	0.5

Таким образом, в значительной части субъектов региона международная миграция частично или полностью компенсирует общий результат оттока населения за счет внутренней миграции. Подавляющее большинство международных мигрантов (не менее 93-94%), как и в целом по стране, прибывают в регион из стран СНГ.

Миграционный обмен в трех основных возрастных группах населения имеет отчетливые различия по субъектам (рисунок). При этом необходимо учитывать, что перспективы демографического развития и роста населения территории формируют, прежде всего, молодые возрастные группы – лица моложе трудоспособного возраста и относительно молодая часть лиц трудоспособного возраста – группа лиц в репродуктивных возрастах. Особую зону в этом смысле также составляют Москва и Московская область, устойчивый миграционный прирост в которых практически не сопоставим с динамикой во всех других субъектах региона: прирост в возрастах моложе трудоспособного в 2014 г. составлял 8 тыс. чел. в Москве и 20 тыс. чел. в Московской области, в трудоспособных возрастах – 57 и 77 тыс. чел. соответственно¹. Такая ситуация носит практически постоянный характер.

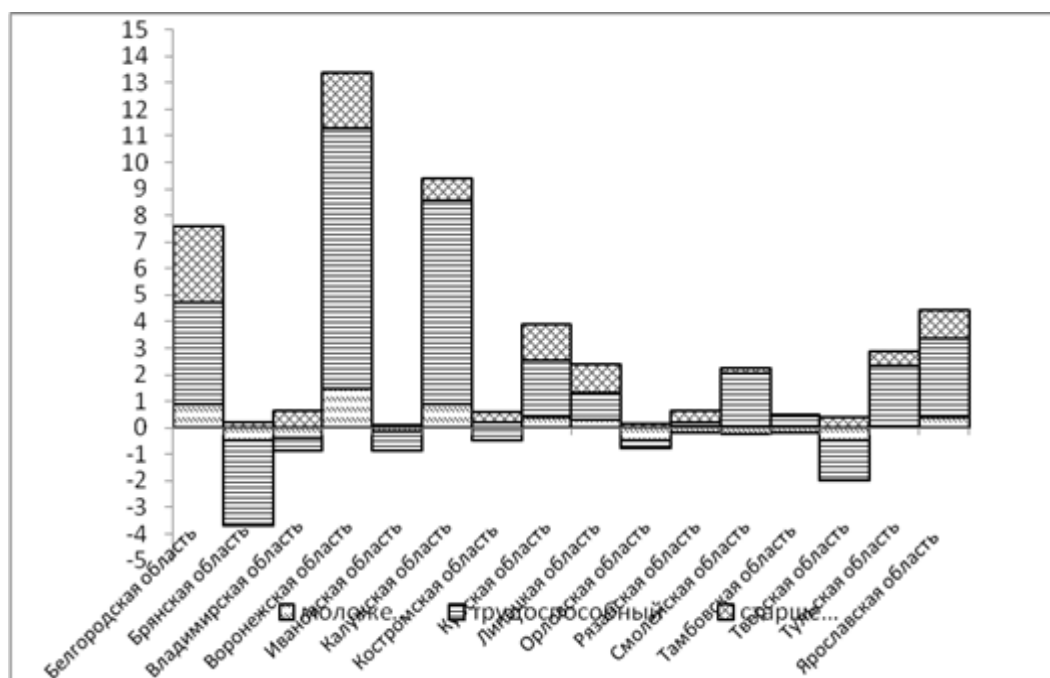

Рис. Общий миграционный прирост/убыль в субъектах Центрального федерального округа (кроме Москвы и Московской области), три основные возрастные группы населения, 2014 г., тыс. чел.²

¹ Возрастно-половой состав мигрантов по субъектам Российской Федерации в 2014 году / Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/IssWWW.exe/Stg/tab2-09-14.xls

² Там же.

Отток основного контингента среди мигрантов – лиц трудоспособного возраста, имеющий долгосрочные негативные последствия (выражающиеся, в том числе, и в ослаблении демографического потенциала), довольно распространен в относительно благополучном Центральном округе, при этом практически во всех случаях убыль также происходит за счет межрегионального обмена, и она полностью или частично компенсируется международным обменом (таблица 3). Удельный вес лиц трудоспособного возраста среди выбывающих практически повсеместно выше, нежели среди прибывающих (исключение составляют данные по межрегиональному обмену с Москвой и данные по Орловской области).

Таблица 3

Вклад межрегионального и международного обмена в изменение численности лиц трудоспособного возраста в субъектах Центрального федерального округа, 2014 г.¹

Регион	Межрегиональный обмен			Международный обмен		
	удельный вес прибывших в трудоспособном возрасте, %	удельный вес выбывших в трудоспособном возрасте, %	прирост/убыль населения в трудоспособном возрасте, чел.	удельный вес прибывших в трудоспособном возрасте, %	удельный вес выбывших в трудоспособном возрасте, %	прирост/убыль населения в трудоспособном возрасте, чел.
Центральный федеральный округ	74	74	86 605	80	87	73 739
Белгородская область	72	76	-414	64	73	4 286
Брянская область	77	79	-4 190	72	79	1 000
Владимирская область	73	74	-1 680	77	82	1 236
Воронежская область	75	77	2 458	82	91	7 349
Ивановская область	75	76	-1 915	76	78	1 180
Калужская область	74	75	-1 379	82	82	9 073
Костромская область	72	77	-1 250	83	94	786
Курская область	73	77	-1 305	70	75	3 456
Липецкая область	74	78	-2 024	72	79	3 081
Московская область	72	73	64 259	80	85	12 937
Орловская область	80	77	-1 144	72	68	877
Рязанская область	75	75	-607	75	85	842
Смоленская область	77	77	-2 841	90	95	4 898
Тамбовская область	73	76	-3 691	92	93	4 142
Тверская область	73	75	-4 383	79	85	2 839
Тульская область	73	73	-2 828	83	96	5 160
Ярославская область	74	76	1 290	78	83	1 703
г. Москва	74	70	48 249	79	82%	8 894

В 8 субъектах региона в 2014 г. отрицательное сальдо миграции наблюдалось в молодых (моложе трудоспособного) возрастах. В то же время в возрастах старше

¹ Рассчитано по: Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2014 год / Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-02-14.xls

трудоспособного практически во всех субъектах сохранялся, хотя и небольшой (на общем фоне), но заметный миграционный прирост.

Неравномерный отток и приток населения различных возрастных групп постепенно деформируют возрастную структуру населения региона, при этом в выгодных условиях остаются регионы традиционного притяжения трудовых ресурсов и молодежи, прежде всего, Московский мегаполис.

Признание возможного положительного эффекта миграции (отражающегося в оздоровлении демографической структуры и улучшении демографической ситуации в регионах), в особенности международной, не перераспределяющей собственное население России в русле «западного дрейфа», привело к формированию новой позиции, согласно которой международная миграция признается одним из источников пополнения населения, компенсирующих естественную убыль. «Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию становится одним из источников увеличения численности населения страны в целом и ее регионов» [3].

В рамках Концепции демографической политики поставлена задача «по привлечению мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития», включающая «разработку социально-экономических мер по повышению миграционной привлекательности территорий, из которых происходит отток населения...» [4].

Первая из перечисленных задач Концепции миграционной политики включает «создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом...». В соответствии с поставленной задачей с 2007 г. действует Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [1]. Потенциальное позитивное влияние переселения на демографический потенциал отдельных территорий заложено в принципах действия программы: по условиям помощь оказывается самим соотечественникам (это понятие трактуется довольно широко) и членам их семей, причем перечень членов семей в ходе действия программы уточнялся и расширялся.

Несмотря на то, что относительно благополучные территории (Москва и область) не являются участниками программы, Центральный регион привлекает значительное число участников на остальные свои территории – около 36%¹ от общероссийского объема участников программы (составившего, по данным ФМС, почти 210 тысяч соотечественников и членов их семей в 2015 г.). В настоящее время в программе участвуют 13 субъектов Центрального округа. И доля участников программы и членов их семей, получивших гражданство в 2015 г., значительна и достигает 80 и более процентов от общего числа лиц, получивших гражданство в Калужской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях. Таким образом, программа стала основным каналом иммиграции в Россию. Значительную долю иммигрантов в последние годы составили граждане Украины. Лидерами среди субъектов, принявших наибольшее число участников программы и членов их семей в 4 квартале 2015 г., стали, в том числе, области Центрального региона – Липецкая (7,4 тыс. чел.), Воронежская (4,9 тыс. чел.), Калужская (3,2 тыс. чел.), Тульская (3,0 тыс. чел.), Курская (1,9 тыс. чел.) [6, с.14].

Таким образом, программа, призванная восполнить недостаток населения, прежде всего в отдаленных регионах России, наиболее успешно реализуется, в основном, в субъектах Центрального округа. Учитывая сохраняющиеся отрицательные показатели естественного воспроизводства в большинстве субъектов Центрального округа, для пополнения и сохранения демографического потенциала представляется необходимым не только дальнейшее совершенствование программы переселения соотечественников с учетом возможного снижения объема потока, но и, кроме того, формирование системы

¹ Здесь и далее – по данным ФМС.

мер по повышению привлекательности регионов как для иммигрантов, так и для собственных жителей.

© Донец Е.В. Текст. 2016

Список источников

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [Электронный ресурс]. URL: http://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/about/compatriots/Pravovoe_obespechenie/Akti_Prezidenta_Rossijskoj_Federacii/item/6383/
2. Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В. Миграция в развитии России. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/load/366066296> (дата обращения 29.04.2016).
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>
4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299>
5. Мкртчян Н.В. Пространственные особенности внутрироссийской миграции // Современные исследования миграции населения / под ред. Донец Е.В., Чудиновских О.С.; Экономический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2015.
6. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fms.gov.ru/upload/site1/...file/Monitoring_4_kv._2015.pdf

Информация об авторе

Донец Екатерина Всеволодовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет, Центр по изучению проблем народонаселения (Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46 (3-й новый учебный корпус). e-mail: donets_e@mail.ru).

Donets E. V.

MIGRATION AS A SOURCE OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL IN THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

Replenishment of population of a region through permanent migration, including international migration, is one of the ways of solving the problem of the demographic potential reduction. The regions of the Central Federal district of Russia represent a variety of examples of reduction and growth of their demographic potential under the influence of migration. The positive effect of migration may be enhanced through further development of immigration programs, the only program in force being the program of resettlement of compatriots nowadays.

Keywords: migration, interregional migration, international migration, the program of resettlement of compatriots

Information about the author

Donets Ekaterina Vsevolodovna (Russia, Moscow) – Candidate of Sciences (PhD, Senior researcher, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Centre for Population Studies (Russia, 119991, MSU, Faculty of Economics, GSP-1, 1-46 Leninskiye Gory; e-mail: donets_e@mail.ru)

УДК 314.742

Е.С. Красинец

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

В работе рассматриваются основные тенденции возвратной миграции в России, анализируется ход реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, освещается ряд ключевых проблем, связанных с модернизацией переселенческой политики российского государства.

Ключевые слова: миграция, возвратная миграция, репатриация, переселение соотечественников, миграционная политика, переселенческие программы.

В решении вопросов, связанных с преодолением неблагоприятных демографических тенденций, пополнением экономики страны и ее регионов трудовыми ресурсами, многое зависит от регулирования миграционных процессов. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года определено, что долгосрочные цели и задачи управления в миграционной сфере диктуют необходимость стимулирования возвратной миграции, одним из главных ресурсов которой являются лица, состоявшие в гражданстве СССР, выходцы из Российского государства и их потомки, проживающие за рубежом (в первую очередь, в странах СНГ и Балтии), владеющие русским языком, близкие к традициям, культуре и обычаям населения РФ. Разработка мер по оказанию содействия добровольному переселению в страну соотечественников относится к приоритетным направлениям совершенствования миграционной политики Российской Федерации.

По имеющимся оценкам, потенциал миграции русских и российских народов с территории стран СНГ и Балтии в среднесрочной перспективе составляет более 2 млн человек [2, с.71]. Как в демографическом плане, так и с точки зрения социально-экономических, а также геополитических интересов, российское государство заинтересовано в привлечении тех, кто имеет культурную и духовную связь со своим народом. Соотечественники, проживающие за рубежом, могут быть безболезненно интегрированы в российское общество, причем на любых территориях страны. Вопросы возвратной миграции соотечественников находятся в постоянном фокусе внимания политического руководства государства, федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Одним из направлений решения проблем в этой сфере является реализация стартовавшей в 2006 году Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению на историческую родину соотечественников, проживающих за рубежом. С принятием данной масштабной программы Россия продемонстрировала всему мировому сообществу свою готовность прийти на помощь соотечественникам,

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-02-18002.

ищущих пути возврата на свою историческую родину, повернулась лицом к тем людям, которые в разное время и по разным причинам убыли из РФ. В дальнейшем мы попытаемся показать то, что произошло с репатриацией соотечественников под воздействием мероприятий Госпрограммы в период нестабильного развития отечественной экономики, а также обсудить некоторые направления модернизации данного переселенческого проекта.

Первоначально переселенческая программа нацеливалась на масштабное переселение соотечественников, проживающих за рубежом. По имеющимся оценкам, до начала реализации Госпрограммы в ней потенциально были готовы принять участие от 3 до 5 миллионов человек [1, с.136]. Разработчики программы исходили из понимания того, что после ее принятия большинство находящихся в странах СНГ соотечественников ринется в Российскую Федерацию. Однако в силу слабой мотивированности на переезд в Россию в рамках Госпрограммы на первом этапе ее реализации механизм переселения не смог набрать первоначально ожидаемых оборотов. После проведения большой организационной подготовительной работы, принятия внушительного пакета нормативных правовых актов, создания целой системы управления Государственной программой, разработки и реализации переселенческих программ в регионах количество переселившихся соотечественников оказалось меньше, чем прогнозировалось. Масштабы переселения оказались в десятки раз меньшими в сравнении с запланированными. Общество так и не ощутило наплыва соотечественников, а их возвращение не стало действенным рычагом воздействия на демографические процессы и формирование региональных рынков труда. В результате стимулирования и организации процесса добровольного переселения соотечественников переселенческие программы не стали, как это замышлялось, инструментом экономического и социально-экономического развития регионов. Ощутимых изменений на отечественном рынке труда не произошло. В течение 2008-2012 гг. в результате организованного переселенческого процесса на территорию Российской Федерации прибыли всего 113,7 тыс. участников переселенческой программы и членов их семей, половина из которых переселилась в последний год периода [3].

С начала 2013 года переселенческая программа была продолжена и модернизирована, ей придан бессрочный характер. В результате удалось значительно снизить административные барьеры переселения, расширить каналы вхождения в программу и категории переселенцев. Теперь соотечественники могут выбирать территорию вселения, не ориентируясь исключительно на существующие вакансии. Определен перечень субъектов РФ, которые являются территориями приоритетного заселения.

По информации Росстата, на 1 января 2015 года на территорию Российской Федерации прибыло и поставлено на учет 253,6 тыс. участников Государственной программы и членов их семей. Согласно данным ФМС России, за десятилетний период с начала реализации программы в Россию переселилось более 460 тыс. соотечественников. Все большее количество российских регионов стало включаться в программу переселения. Если на первом этапе в ней участвовало 12 пилотных регионов, то к концу 2015 года в выполнение переселенческой программы подключилось уже 59 субъектов РФ.

В массовом порядке поехали в Россию соотечественники в последние два года. В 2014 году в сравнении с 2013 годом численность участников переселенческой Госпрограммы увеличилась более чем в 3 раза и в 2015 году – в 5,4 раза. При этом значительное влияние на активизацию переселенческих процессов оказала ситуация на Украине. В связи с массовым экстренным прибытием в Россию граждан Украины в 2014 году доля соотечественников, переселившихся из этой страны, в общем количестве участников переселенческой программы составила 39,2%, в 2015 году – соответственно 60,2%.

Необходимо также учитывать, что в 2015 году большинство регионов, принимавших переселенцев, было представлено областями Центрального федерального

округа (в первую очередь, Воронежской, Калужской, Липецкой и Тульской) – свыше 42%. Вместе с тем, доля соотечественников, прибывших на территории Дальнего Востока, откуда идет массовый отток населения, незначительна (5,6%).

Оценивая эффективность механизмов, созданных в стране для содействия возвращения на Родину соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, необходимо отметить, что, несмотря на дополнительные меры, принятые в рамках Государственной программы, практическая реализация данного важнейшего направления миграционной политики Российской Федерации по-прежнему наталкивается на множество нерешенных вопросов и проблем. Важнейшие среди них – не только организационно-правовые вопросы натурализации переселенцев, но и социальные аспекты их интеграции.

Наиболее существенными проблемами в организационно-правовой сфере реализации Программы является болезненная, сложная и длительная процедура легализации переселенцев и получения соотечественниками российского гражданства. По-прежнему не решены проблемы постановки на учет и регистрации по месту жительства. Трудности связаны с тем, что встать на учет и зарегистрироваться по месту жительства переселенцы не имеют возможности, так как у них, как правило, нет собственного жилья. Регистрируясь по месту пребывания и не имея регистрации по месту жительства, многие прибывшие в Россию не могут быть признаны безработными и получать пособие по безработице, не имеют возможности открыть свое дело, зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей, встать на учет по улучшению жилищных условий, воспользоваться ипотечным кредитованием, устроить детей в дошкольные учреждения, поставить на учет автомобиль, оформить документы в ГИБДД и пр.

Помимо трудностей, связанных с оформлением документов и регистрацией, ряд социально-экономических проблем у переселенцев возникает в сфере занятости. С момента заявки региона на переселенца до момента его трудоустройства на территории вселения проходит 3-4 месяца, а иногда и полгода. В связи с отсутствием у работодателя возможности бронировать вакансию для переселенца на продолжительное время существует высокий риск того, что прибывающие соотечественники не успевают занять заранее согласованные рабочие места и вынуждены повторно искать работу. Возвращаясь на родину, переселенцы обнаруживают, что их представления о быстром трудоустройстве были не вполне адекватны. По данным проведенных нами обследований, после переезда в Россию свыше 60% участников Госпрограммы не сразу находят постоянную работу. Каждый пятый трудоспособный член их семей также остается незанятым. Около 17% участников переселенческих программ обращаются в государственные учреждения службы занятости населения с целью поиска подходящей работы.

Реальных рычагов воздействия на процессы их занятости у местных властей оказывается не так много. Они сталкиваются с низкой мотивацией бизнеса в их труде. Трудоустройству соотечественников мешает незаинтересованность многих местных работодателей в приеме на работу переселенцев. При выборе кандидатов на рабочие места работодателю довольно часто выгоднее нанимать временных трудовых мигрантов, прибывших из-за рубежа, которым можно платить меньшую зарплату и для которых не требуется предоставление социальных гарантий и жилья. Барьеры для трудоустройства переселенцев возникают и в связи с получением в местах выезда неполной информации о потребностях экономики российских регионов в необходимых кадрах. В условиях, когда региональные службы занятости обладают далеко не полным перечнем вакансий, большинство из которых низкооплачиваемые, многие потенциальные переселенцы нередко получают отказ для участия в переселенческой программе. Следует учесть, что и у самих кандидатов часто отсутствует необходимый трудовой стаж по заявляемым ими специальностям, что также тормозит процессы их организованного переселения.

Одной из ключевых задач, стоящих сегодня перед переселенцами, является их жилищное обустройство. Госпрограмма не предусматривает предоставления переселенцам жилья в собственность. Как правило, соотечественники вынуждены довольствоваться затратным временным жильем, включая центры временного размещения, гостиницы, частный найм, общежития. По данным наших исследований, доля переселенцев, жилищно обустроенных на постоянной основе, в общей численности участников переселенческой программы незначительна и составляет около 15%. Решению проблемы жилищного обустройства препятствует недоступность услуг ипотечного кредитования. На практике у большинства приезжающих в Россию соотечественников нет средств для участия в ипотеке. Даже если участник Госпрограммы устраивается на работу, то уровень его заработной платы, как правило, не позволяет воспользоваться ипотечным кредитом. К тому же для получения ипотечного кредита необходимо иметь кредитную историю и поручителя, а переселенцу взять их неоткуда.

В связи с отсутствием возможностей по обеспечению соотечественников жильем за счет средств федерального бюджета процесс содействия их жилищному обустройству ложится на плечи местных властей и является наиболее трудным моментом в их деятельности. Для обеспечения поддержки соотечественников во всех субъектах РФ, реализующих региональные переселенческие программы, необходимо развивать сеть центров временного размещения переселенцев и прорабатывать различные варианты приобретения ими жилья. В частности, можно использовать в этих целях жилищные сертификаты, предусматривающие субсидии и частичные компенсации на аренду жилья, оплату коммунальных услуг, а также возврат ипотечных кредитов.

У переселенцев-соотечественников продолжают оставаться нерешенными и такие вопросы, как прохождение службы в армии, учет пенсионного стажа, перевод учащихся высших и средних учебных заведений в профильные российские учреждения по месту переселения, пользование кредитными продуктами наряду с гражданами РФ.

Особого внимания заслуживает участие в переселенческой программе соотечественников, имеющих высокие достижения в области науки, техники или культуры, молодых людей, которые хотят получить образование или уже обучаются в российских учебных заведениях, а также предпринимателей и других групп населения. Механизм поддержки соотечественников должен стимулировать привлечение отдельных категорий переселенцев с высокой квалификацией – ученых и инженеров, занимающихся разработкой актуальных научных и технологических проблем, а также студенческой и перспективной молодежи. Для поощрения притока научных работников из числа соотечественников, проживающих за рубежом, целесообразно решение вопроса о предоставлении им в полном объеме установленных переселенческой программой государственных гарантий и социальной поддержки во всех территориях вселения Российской Федерации.

На уровне субъектов РФ для квалифицированных специалистов, инженеров и научных работников следует определить комплекс дополнительных мер по предоставлению им субсидий, льгот и преференций, повышающих миграционную привлекательность территорий вселения. При разработке и корректировке региональных программ переселения субъектами Российской Федерации большое значение имеет четкое определение информационных ресурсов в режиме постоянного обновления, отражающих текущую потребность региональных рынков труда в высококвалифицированных специалистах и кадрах для научных учреждений и организаций. Вместе с тем, для стимулирования репатриации перспективной молодежи в рамках региональных переселенческих программ могут быть выделены и меры по привлечению соотечественников к участию в них через механизмы целевого приема на обучение по образовательным программам высшего образования за счет региональных и местных бюджетов с учетом специальностей и направлений подготовки, наиболее востребованных отраслями экономики того или иного субъекта РФ.

В ходе актуализации механизмов переселения соотечественников, проживающих за рубежом, действующую переселенческую Госпрограмму важно дополнить и системой мер, направленных на стабилизацию численности населения в восточных регионах Российской Федерации. Выделяемые на реализацию переселенческой Госпрограммы средства из федерального бюджета надо в большей мере переориентировать на наиболее важные в геополитическом отношении районы на востоке страны. При корректировке программы переселения требуется расширить перечень восточных территорий приоритетного заселения, для которых установлены повышенные размеры единовременного пособия. За счет средств федерального бюджета необходимо установить дополнительные меры социальной поддержки для соотечественников, переселяющихся в приграничные территории в составе Дальнего Востока и Байкальского региона.

Информированность значительной части переселенцев (как потенциальных, так и реальных) об условиях переселения невысокая. По данным проведенных нами опросов, каждый пятый переселенец получает информацию о Государственной программе переселения от членов семьи, друзей, сослуживцев, знакомых. Более половины переселенцев отмечают, что информация об условиях переселения, полученная до переезда в Россию, лишь частично соответствует фактической ситуации по прибытии на новое место.

Смещение информации об условиях участия в Госпрограмме в лучшую сторону способствует формированию завышенных ожиданий переселенцев относительно возможностей получения жилья, поиска работы с достойным заработком, самого приема на территориях вселения и не лучшим образом сказывается на их дальнейшем поведении. Поэтому большое значение имеет активизация как информационно-аналитического сопровождения Государственной переселенческой программы, так и информационного обеспечения региональных переселенческих программ с использованием новейших технологий в сфере массовых коммуникаций и возможностей общественных организаций соотечественников, действующих за рубежом.

© Красинец Е.С. Текст. 2016

Список источников

1. Красинец Е.С. Возвратная миграция в демографическом и социально-экономическом развитии российских регионов // Детерминанты современной международной миграции населения: вопросы совершенствования миграционной политики России / под ред. В.А.Ионцева. – М.: МАКС Пресс, 2010.
2. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. – 2015. – № 2.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23 апреля 2016 г.).

Информация об авторе

Красинец Евгений Семенович (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Россия, 117218, Москва, Нахимовский пр., 32; e-mail: e_krasinets@mail.ru).

Krasinets E.S.

RESETTLEMENT PROCESSES AND MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA

The paper highlights the main tendencies of return migration to Russia, discusses the realization of the State program on rendering assistance to voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad, touches a number of the key problems connected with modernization of resettlement policy of the Russian state.

Keywords: migration, return migration, repatriation, resettlement compatriots, migration policy, resettlement programs.

Information about the author

Krasinets Evgeniy Semenovich (Moscow, Russia) – Head of Laboratory of Migration Studies at the Institute of Social and Economic Studies of Population RAS, PhD. in Economics (Russia, 117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32; e-mail: e_krasinets@mail.ru).

УДК: 314.744

А.И. Кузьмин, Е.Б. Бедрина, Е.Х. Тухтарова, А.А. Носов

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТОКОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ УЗБЕКИСТАНА В СВЕРДЛОВСКУЮ ОБЛАСТЬ*

Текущая кризисная миграционная ситуация в современном мире вызывает острую необходимость изучения данного явления в целях недопущения европейского сценария развития в России.

В этом случае особую практическую значимость приобретают вопросы анализа тенденций относительно выделения социально-экономических факторов, вызывающих миграционные процессы и их влияние на экономику принимающей страны. В данной статье предложен анализ одного из теоретических подходов, учитывающих социально-экономические факторы, оказывающие влияние на миграционные процессы принимающей страны и страны исхода.

Ключевые слова: миграция, факторы притяжения, факторы выталкивания.

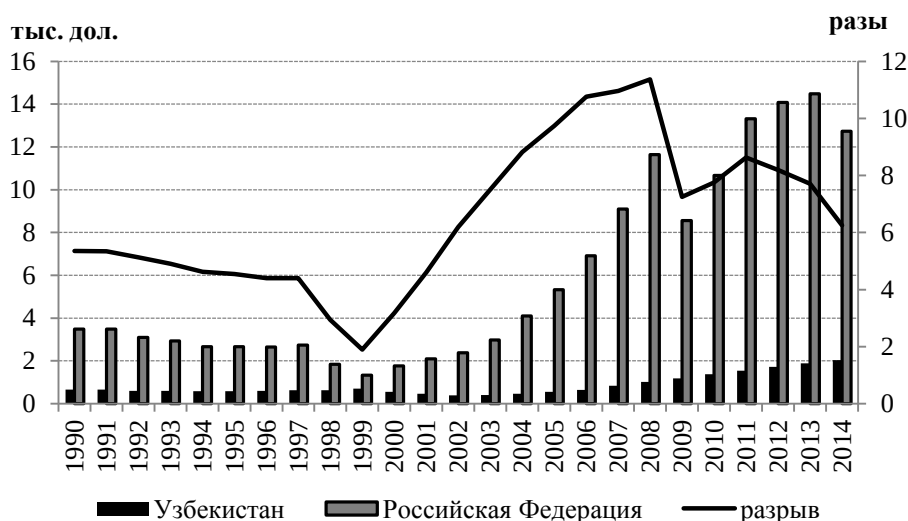
Проведенный нами анализ миграционных процессов в Узбекистане с начала 90-х годов прошлого столетия позволил выделить два периода развития ситуации в стране. Первая «волна» миграции из Узбекистана проявила себя после распада Советского Союза и длилась до нулевых годов нового тысячелетия. В этот период, как и все страны постсоветского пространства, Узбекистан столкнулся с всплеском национализма и раскачиванием ситуации в государстве со стороны различных пришлых экстремистов. Надо отдать должное Президенту Узбекистана И.А. Каримову, который не позволил ситуации развиваться по катастрофическому сценарию, как это было, например, в Таджикистане. Между тем запущенные ростки центробежных тенденций сформировали предпосылки для миграционных потоков из Узбекистана в следующие страны: Россию, Турцию, Израиль, Азербайджан, Грузию, страны Западной Европы, США. При этом, если миграция в страны Турция, Израиль и страны бывшего СССР имела характер «выталкивания» и возвращения различных национальностей на историческую Родину, то миграция в страны Запада – это поиски людьми лучшей доли. Иначе говоря, миграция в этот период имела черты как «жесткого», так и «мягкого» сценария.

К началу нулевых годов текущего столетия этот поток был практически исчерпан.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-02-00164 «Научно-методический инструментарий измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

В конце XX – начале XXI вв. из Узбекистана в Россию вернулось много русских и смешанных русскоязычных семей, в том числе, в Свердловскую область.

Второй цикл миграции, начавшийся с начала 2000-х гг., имел иную природу и характеризовался воздействием «мягких» факторов, основным из которых являлся более высокий уровень в доходах и возможность получения более высокого заработка в России по сравнению с регионами Узбекистана. В начале миллениума с повышением цен на нефть доходы в России начали стремительно расти, что позволило повышать благосостояние населения. В это время в Узбекистане происходило относительное снижение среднедушевых доходов в связи с перестройкой экономической модели страны и отказом от экспорта ресурсов в пользу экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью [1]. По мере выстраивания выбранной модели доходы в стране росли, но гораздо меньшими темпами, нежели в России. Различные подходы к формированию экономической модели и целей развития сравниваемых стран привели к существенному разрыву между доходами домохозяйств, что и стало основным фактором привлекательности для трудовых мигрантов из Узбекистана. Так, в 2008 году разрыв в доходах на душу населения в России и Узбекистане составил 11 раз (см. рис. 1).

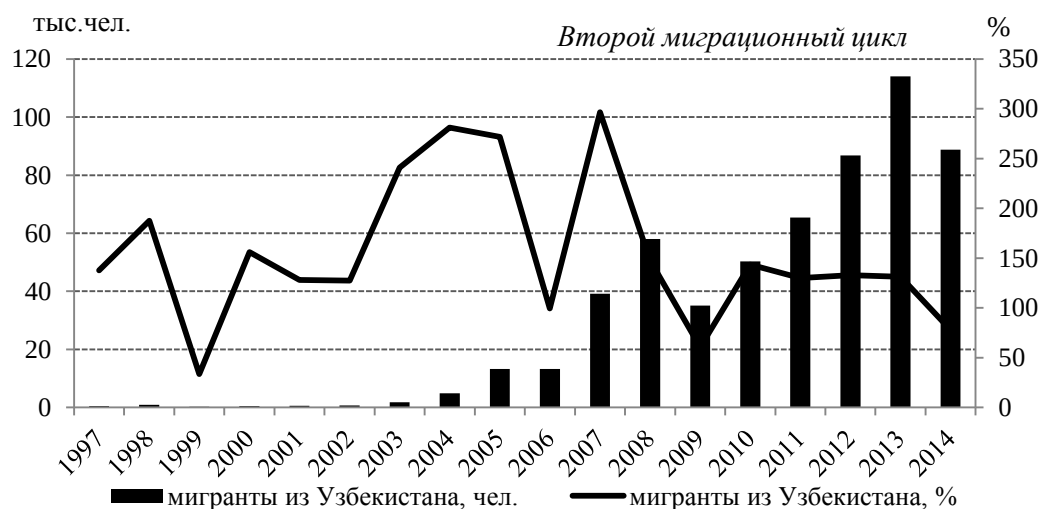

Источник: данные Росстата.

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения и разрыв между Россией и Узбекистаном за 1990 – 2014 гг., долл.

Таким образом, миграция из Узбекистана имела два цикла с различными мотивационными установками: на смену места жительства или на занятость. Этот же сценарий развития имел место и в Свердловской области. Как можно наглядно убедиться, с середины 90-х годов прошлого столетия миграционные потоки из Узбекистана в Свердловскую область были незначительны и имели природу возвращения русских и русскоязычных семей на историческую Родину [2].

Начавшийся второй цикл значительно превосходил первый по численности мигрантов (см. рис. 2) и отличался мотивацией пребывания в области. Сегодня российские регионы привлекают жителей Узбекистана, прежде всего, возможностью заработка, а потому миграция носит временный и трудовой характер.

Источник: данные Росстата.

Рис. 2. Динамика притока мигрантов из Узбекистана в Свердловскую область за 1996 – 2014 гг.

Этому способствуют не только существенные различия в уровне доходов между странами, но и наличие безвизового режима, а также сложившиеся исторические связи и относительно низкий языковой барьер. Также одним из определяющих факторов при выборе страны эмиграции является наличие в ней родственников или знакомых: так как для жителей Центральной Азии особую роль играют кровнородственные связи и семья, то и приток мигрантов имеет сетевую природу. Этот же вывод соответствует результатам нашего исследования, проведенного в 2011-2015 гг. [3].

Другим важным демографическим фактором миграции из Узбекистана является наличие массы проживающего в Узбекистане народонаселения (гравитационная концепция миграции). Так, среди стран ближнего зарубежья по численности населения Узбекистан уступает лишь Украине. По данным Госкомстата Республики Узбекистан, население страны увеличилось на 1,9 % в 2014 г. [4] относительно предыдущего года и составило 30,76 млн чел. К середине нового столетия, по прогнозам ООН, численность населения Узбекистана может достигнуть 42-44 млн чел. При этом основной вклад в динамику численности населения вносят высокие репродуктивные установки супругов. Так, в 2014 г. общий коэффициент рождаемости в этой стране составил 23,5 промилле [5], тогда как гипотетический потенциал рождаемости в послевоенные годы снизился с 1959 по 1970 гг. с 50 до 38,5 ‰ [6, с. 108]. По нашим подсчетам (по методике В.А.Борисова), потенциал рождаемости (гипотетический минимум естественной рождаемости – ГМЕР) к 1989 г. впоследствии несколько увеличился и составил в Узбекистане уже 41,2‰.

Если учесть все эти обстоятельства, то степень реализации потенциала рождаемости в фактическом числе детей в Узбекистане *до сих пор очень высока* (составляет 57-60 % от потенциала рождаемости при относительно благоприятных социально-гигиенических условиях), что вызывает тревогу правительства и в перспективе приведет к высокой антропогенной нагрузке на территорию и росту социально-политической напряженности в силу недостаточности ресурсной базы.

© Кузьмин А.И., Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х., Носов А.А. Текст. 2016

Список источников

1. Салиев А.С., Файзуллаев М. Социально-экономическое развитие Республики Узбекистан за годы независимости // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2013. – № 1 (2).

2. Максакова Л. Узбекистан в системе международных миграций // Демоскоп № 415 – 416. – 2010. – 22 марта - 4 апреля.
3. Бедрина Е.Б., Шаболина К.А. Мотивы иммиграции в современной России // Демографический и миграционный потенциал Урала: материалы круглых столов III Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012.
4. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/country/uzbekistan> (дата обращения: 02.02.2016).
5. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 02.02.2016)
6. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976.

Информация об авторах

1. Кузьмин Александр Иванович (Россия, Екатеринбург) – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел.: (343) 371-67-72, e-mail: kuz53@list.ru).
2. Бедрина Елена Борисовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bedrina1967@mail.ru).
3. Тухтарова Евгения Хасановна (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).
4. Носов Андрей Александрович (Россия, Екатеринбург) – экономист Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: keht20@mail.ru).

Kuzmin A. I., Bedrina E. B., Tukhtarova E. Kh., Nosov A. A. THE MAIN THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF FACTORS OF LABOUR MIGRATION IN RUSSIA

The current crisis migration situation in the modern world, brings to the fore the necessity of studying this phenomenon in order to avoid the European scenario in Russia. In this case, special practical importance attaches to the analysis to the study of theoretical approaches regarding the allocation of socio – economic factors causing migration and its impact on the economy of the host country. This article offers an analysis of theoretical approaches taking into account socio – economic factors influencing the migration processes of the host country and country of origin.

Keywords: migration, pull factors, push factors

Information about the authors

1. Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Russia, Yekaterinburg) –Doctor of Social Science, Candidate of Economics, Professor, the Leading Researcher, Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (Russia, 620014, Moskovskaya st., 29; e-mail: kuz53@list.ru).
2. Bedrina Elena Borisovna (Russia, Yekaterinburg) – Candidate of Economic Sciences assistant professorUral Federal University – Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (Russia, 620014, Moskovskaya st., 29;
3. Tukhtarova Evgenya Khasanovna (Russia, Yekaterinburg) – The leading economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Moskovskaya st.,29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru)

4. Nosov Andrey Aleksandrovich (Russia, Yekaterinburg) – The economist, Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (Russia, 620014, st.Moskovskaya st., 29; e-mail: keht20@mail.ru).

УДК 331.5

Т.В. Кузьмицкая, Т.В. Сергеевич

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены тенденции на рынке труда Республики Беларусь, обусловленные миграционными процессами. Отражено влияние трудовой миграции на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь. Проанализированы положительные и отрицательные стороны трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, воспроизводство, трудовые ресурсы, миграция, труд.

Управление трудом в широком смысле охватывает совокупность отношений воздействия на весь воспроизводственный цикл трудовых ресурсов, который включает производство, распределение и потребление рабочей силы. В этой связи следует подчеркнуть значение междисциплинарного, комплексного подхода к объекту исследования, так как он изучается в рамках ряда дисциплин, а также является объектом управления и областью компетенции ряда государственных органов. Трудовая политика переплетается с демографической, миграционной, социальной политикой, политикой в области здравоохранения, образования и т.д.

Широкое распространение в науке получил процессный подход, рассматривающий воспроизводство трудовых ресурсов как непрерывный процесс, обеспечивающий пофазное воспроизводство рабочей силы [1 - 3]. В самом общем плане при использовании такого подхода воспроизводство трудовых ресурсов включает в себя производство, распределение и перераспределение и потребление рабочей силы. Применение процессного подхода в исследовании воспроизводства трудовых ресурсов берет свое начало от методологии, предложенной К. Марксом при исследовании воспроизводства общественного продукта.

На современном этапе общественного развития исследование процессов воспроизводства рабочей силы целесообразнее проводить с позиций системного подхода. Это связано, в первую очередь, с коренными трансформациями системы трудовых отношений. Сегодня процесс воспроизводства населения и трудовых ресурсов сопровождается сдвигами в социально-классовой структуре общества (как объективными, находящими отражение в реальной действительности, так и субъективными, существующими лишь в сознании людей и проявляющимися в самоидентификации в плане классовой принадлежности); изменениями в воспроизводимом типе работника (от работника, занятого преимущественно физическим, к работнику, занятому преимущественно интеллектуальным трудом). На практике нашел отражение принцип непрерывного образования, который обеспечивает сохранение конкурентоспособности на рынке труда на протяжении всей жизни человека. Это позволяет говорить о производстве

компетенций человека не в момент производства и распределения рабочей силы, а на протяжении всей профессиональной жизни.

На воспроизводство населения вообще и трудовых ресурсов в частности в условиях ускоряющейся глобализации и постоянного повышения мобильности человеческих ресурсов существенное влияние оказывают миграционные процессы. Роль трудовой миграции значительно возрастает и на фоне обостряющейся глобальной борьбы за трудовые ресурсы, что требует формирования продуманной миграционной политики.

Неблагоприятные тенденции в динамике рождаемости и смертности в Республике Беларусь в 1990-е гг. и начале первого десятилетия XXI века, приведшие к депопуляции и продолжающиеся уже два десятилетия, до последнего времени практически не оказывали негативного влияния на экономику страны. Это связано с тем, что в Беларуси продолжала расти как абсолютная численность населения в трудоспособном возрасте, так и его доля в общей численности. В последние годы ситуация изменилась. Уже на начало 2008 года абсолютная численность населения в трудоспособном возрасте впервые уменьшилась, а с 2009 года начала уменьшаться и доля населения в трудоспособном возрасте. Уже сейчас экономика страны ощущает существенный спад практически всех основных показателей состояния и использования трудовых ресурсов: численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, численности экономически активного населения и численности занятых. При этом доля лиц старше трудоспособного возраста в составе трудовых ресурсов увеличилась почти в полтора раза – с 4,4% в 2005 году до 7,1% в 2014 году [4]. Описанная динамика привела к необходимости проведения пенсионной реформы и увеличения пенсионного возраста.

Новые тенденции сохранятся достаточно длительное время (примерно 15-20 лет), причем их темпы будут нарастать. Уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте будет увеличивать демографическую нагрузку на трудоспособное население, и, если не корректировать проводимую политику, это приведет к целому ряду негативных явлений социально-экономического характера. Со временем это может вызвать дефицит и усугубить структурные дисбалансы трудовых ресурсов, которые начинают проявляться уже в настоящее время. Несмотря на то, что на протяжении последних лет ситуация в Республике Беларусь характеризовалась высоким уровнем занятости населения и низким уровнем официальной безработицы, ростом спроса на рабочую силу и снижением регистрации безработных, в стране наблюдаются дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, неэффективная занятость и диспропорции в численности занятых по основным видам экономической деятельности.

В условиях депопуляции компенсировать убыль населения возможно за счет миграции. Государство заинтересовано в притоке населения в республику и стремится проводить эффективную миграционную политику, направленную на активное привлечение иммигрантов, особенно из стран СНГ, их успешную интеграцию в белорусское общество и нейтрализацию возможных отрицательных последствий. Однако возможность полностью погасить депопуляцию в стране за счет притока молодежи из стран СНГ и Балтии (даже с учетом активизации миграции из Украины в последние годы), согласно исследованиям, практически отсутствует [5]. Кроме того, следует изучить и хорошо взвесить все позитивные и негативные последствия миграции (как иммиграции, так и эмиграции) для социально-экономического, демографического и политического развития Республики Беларусь. Необходимо концептуально более четко определить: когда, сколько, каких и куда конкретно иммигрантов на постоянное место жительства стране необходимо привлечь. В некоторых случаях проблему целесообразно решать другим путем. В частности, при возникновении дефицита трудовых ресурсов возможны следующие меры: переход экономики на инновационный путь развития; модернизация производства; рост производительности труда; повышение квалификации и организации имеющегося трудового потенциала; более широкое использование посильного труда

пенсионеров, инвалидов, учащейся молодежи или привлечение временных трудовых мигрантов на основе договоров и контрактов.

Республика Беларусь при обострении дефицита трудовых ресурсов будет вынуждена привлекать трудовых мигрантов. Однако следует учитывать, что это должны быть квалифицированные работники и оплачиваться их труд должен так же, как труд граждан Беларуси. Привлечение в страну неквалифицированных разнорабочих может принести желаемый эффект за счет более низкой оплаты труда трудовых мигрантов, однако, как свидетельствует международный опыт, лишь в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде это может повлиять на формирование ряда негативных тенденций, таких как замедление развития прогресса в механизации тяжелого ручного труда, обострение социальной обстановки в стране.

Вместе с тем международная трудовая миграция имеет свои плюсы и минусы как для стран, отдающих рабочую силу, так и для принимающих стран. Страны – экспортеры рабочей силы в результате миграции получают следующие преимущества: благодаря миграции снижается давление на рынок труда, уменьшается уровень безработицы, а соответственно и социальной напряженности в стране; трудовые мигранты за границей могут повысить свою квалификацию, овладеть новыми технологиями и изучить более передовую организацию труда, а впоследствии, вернувшись на родину, использовать полученный опыт; приток валюты в страну через валютные переводы от трудовых мигрантов, которые они высылают своим родственникам; повышение уровня жизни и благосостояния домохозяйств трудовых мигрантов.

Среди недостатков, которые несет международная трудовая миграция странам-экспортерам, можно выделить следующие: к трудовой миграции чаще всего склонны лица, находящиеся в наиболее трудоспособном возрасте; страна теряет часть затрат, связанных с образованием и профессиональной подготовкой мигрантов; возвратная трудовая миграция нередко трансформируется в эмиграцию, так как трудовые мигранты, которым удастся хорошо обустроиться в принимающих странах, часто не планируют возвращение на родину.

Для стран, преимущественно принимающих трудовых мигрантов, миграция приносит такие выгоды, как снижение издержек производства, ведущее к повышению конкурентоспособности товаров вследствие использования более низкооплачиваемых мигрантов по сравнению с местными кадрами; высококвалифицированные мигранты получили образование и прошли профессиональную подготовку за счет другой страны; в случае спада производства иностранных рабочих часто увольняют в первую очередь, на них ограниченно распространяются социальные гарантии, пособие по безработице, социальное и пенсионное обеспечение; за счет приезжих работников увеличивается внутренний спрос на товары потребления.

В то же время страны – импортеры рабочей силы могут получить такие проблемы, как рост дискриминации и межнациональной розни; недовольство коренного населения и соответственно усиление социальной напряженности. Тем не менее, несмотря на расхожее мнение о невыгодности приема международных трудовых мигрантов, на практике баланс соотношения преимуществ и потерь от трудовой миграции чаще всего складывается в пользу принимающей страны.

Для того чтобы регулировать любой социально-экономический процесс, в том числе миграционный, необходимо знать текущее состояние объекта, тенденции его развития, пределы и инструменты возможного воздействия на этот процесс. Однако проведение комплексной оценки трудовой миграции в Республике Беларусь и определение ее влияния на социально-экономическое развитие в настоящее время затруднено по следующим причинам: отсутствует гармонизированное определение трудовой миграции, миграция гибко трансформируется в различные формы и виды, ни один из доступных способов учета трудовой миграции не обеспечивает полного охвата мигрантов. Для оценки масштабов трудовой миграции из Беларуси можно использовать

данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. В соответствии с балансами трудовых ресурсов, при составлении которых использовались предварительные результаты выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения, в том числе и по вопросам, касающимся трудовой миграции, количество граждан Республики Беларусь трудоспособного возраста, работающих за границей, в 2012 году составило 55,4 тыс. чел., или 0,9% от численности трудовых ресурсов; в 2013 году - 63,4, или 1,1% и в 2014 г. - 61,6 тыс. чел., или 1% [4]. Однако обследования домашних хозяйств как способ получения данных о миграции также имеет определенные недостатки. Во-первых, трудовые мигранты могут уехать в другую страну на работу, забрав с собой всю семью, и в этом случае не у кого будет получить информацию. Во-вторых, несмотря на то, что органы государственной статистики гарантируют конфиденциальность информации, некоторые домохозяйства склонны к сокрытию сведений о родственниках-мигрантах, например, из опасения предъявления к уплате налогов из доходов, полученных за рубежом.

В настоящее время трудовая миграция не оказывает сильного влияния на уменьшение численности занятых в экономике, но при этом негативно сказывается на возрастной структуре трудовых ресурсов, так как работать за границу выезжают преимущественно молодые трудоспособные кадры, и на профессионально-квалификационной структуре населения, так как в результате миграции происходит замещение работников с высоким уровнем образования и квалификацией менее образованными и квалифицированными работниками. При выработке миграционной политики необходимо учитывать, что временная трудовая миграция, которая зачастую оборачивается эмиграцией, вызвана не только недостатком высокооплачиваемых рабочих мест на родине. На принятие решения о миграции существенное влияние оказывают такие неэкономические причины, как уровень личной и общественной безопасности в стране, надежность правопорядка и отсутствие коррупции, лучшие жизненные перспективы для детей и т.д. Поэтому миграционную политику нельзя сводить к регулированию миграционных потоков. Миграционная политика – это широкий спектр мероприятий в сфере экономической, социальной, образовательной, региональной политики государства.

Поскольку трудовая миграция – это комплексное и внутреннее противоречивое явление, она оказывает разнонаправленное воздействие на социально-экономическое развитие страны. Для определения основных направлений миграционной политики рассмотрим выгоды и проблемы, получаемые Республикой Беларусь, являющейся в основном страной – экспортером рабочей силы. Основными преимуществами экспорта труда считаются:

- снижение уровня безработицы;
- использование полученного за границей опыта (повышение квалификации и овладение новыми технологиями) трудовых мигрантов при возвращении на родину;
- улучшение платежного баланса страны за счет притока валюты посредством переводов от трудовых мигрантов, высылаемых своим семьям;
- сокращение бедности и повышение благосостояния домохозяйств трудовых мигрантов.

В сложные для экономики Беларуси периоды отсутствие языкового барьера и законодательно закрепленные равные права при трудоустройстве на более масштабном и диверсифицированном рынке труда географически близко расположенной и транспортно доступной России, предлагающей более высокий уровень заработной платы, стимулируют трудовую миграцию. Международная трудовая миграция служит амортизатором для смягчения колебаний на рынке труда вследствие спада производства, снижает напряженность на национальном рынке труда, уменьшает уровень безработицы. Однако максимальный положительный эффект от снижения напряженности на рынке труда вследствие миграции достигается при негативном типе отбора мигрантов – когда мигрантами становятся работники с худшим уровнем образования и квалификации,

поскольку не могут найти себе работу в своей стране. Но, по оценке экспертов, при относительно низкой дифференциации доходов (как сейчас в Беларуси) и при существенной разнице в доходах между Беларусью и Россией преобладает позитивный отбор, то есть мигрируют самые продуктивные, производительные и активные граждане [6]. Поэтому чаще всего трудовыми мигрантами становятся не безработные, а квалифицированные специалисты в наиболее трудоспособном возрасте, востребованные на местном рынке труда, но не удовлетворенные предлагаемым уровнем оплаты, и в результате Беларусь хронически испытывает нехватку кадров в ряде отраслей экономики. Между тем, освобожденные в результате миграции рабочие места не удается заполнить по ряду причин: отсутствие доступного жилья в трудодефицитных регионах, дисбалансы в профессионально-квалификационной структуре трудовых ресурсов и др.

Опросы и выборочные обследования домашних хозяйств показывают, что средства, зарабатываемые трудовыми мигрантами, служат источником, позволяющим улучшить качество жизни, в первую очередь – жилищные условия, а не для инвестиций и сбережений [7]. Помимо приобретения жилья, доходы от трудовой миграции расходуются на образование и услуги здравоохранения, а также на покупку товаров длительного пользования, улучшения питания. То есть домохозяйства, в составе которых имеются трудовые мигранты, получают возможность улучшить свое благосостояние. Вместе с тем рассматривать трудовую миграцию в качестве ключевого инструмента борьбы с бедностью применительно к условиям Беларуси будет неверно. Так как поступления от трудовых мигрантов хотя и повышают общий уровень благосостояния населения, но имеют низкую адресность по причине позитивного типа отбора трудовых мигрантов. Как отмечалось выше, основными причинами трудовой миграции белорусов являются не бедность и безработица, а желание улучшить свое материальное положение и более широкие возможности сделать карьеру, получить налоговые преимущества для ведения бизнеса в странах с более либеральным законодательством и большим распространением частного сектора. Это приводит к тому, что в Беларуси трудовыми мигрантами зачастую становятся относительно обеспеченные городские жители, имеющие материальные потребности значительно выше тех, которые представляется возможным удовлетворить, работая в Беларуси. В то же время альтернативные подходы к оценке влияния трудовой миграции на уровень бедности в стране показывают, что в условиях отсутствия денежных переводов уровень бедности населения, полагающегося на помощь родных, возрастет [7].

Успешность социально-экономического развития Республики Беларусь сегодня во многом зависит от того, сумеет ли страна перейти к инновационному пути развития. Комплексная модернизация неразрывно связана с количественными и качественными характеристиками трудовых ресурсов (отток – приток), качеством подготовки иностранцев в нашей стране и обучения белорусов за рубежом. Необходимо разработать и внедрить хозяйственные механизмы, стимулирующие экономический рост, предотвращающие отток высококвалифицированных кадров за границу и привлекающие необходимых специалистов в Беларусь.

Для предотвращения оттока высококвалифицированных кадров за границу необходимо увеличивать общий уровень оплаты труда в стране и усилить его дифференциацию в зависимости от качества труда, особенно в приоритетных для государства отраслях, так как главной причиной выезда в настоящее время является неудовлетворенность уровнем заработной платы. Рост доходов будет способствовать снижению текучести кадров на предприятиях Беларуси, а также стимулировать возвратную трудовую миграцию.

Вместе с тем на современном этапе Республике Беларусь все еще удастся сохранить достаточно квалифицированный трудовой потенциал, и поэтому необходимо создать условия, чтобы он был максимально задействован внутри страны. Для решения проблем занятости, возникающих на рынке труда, не стоит стимулировать внешнюю трудовую миграцию. При этом следует проводить политику выборочной миграции.

Привлекать специалистов из других стран следует только с использованием механизма фильтрации мигрантов, позволяющего отбирать работников, обладающих необходимыми специальностями и квалификацией.

© Кузьмицкая Т.В., Сергиевич Т.В. Текст. 2016

Список источников

1. Бондарь А.В. Воспроизводство рабочих кадров / под ред. М.Г. Муталимова. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – 176 с.
2. Котляр П.А. Рабочая сила в СССР. – М., 1967.
3. Шаршов Л.А. Воспроизводство рабочей силы при социализме. – Воронеж, 1977.
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 30.11.2015).
5. Кузьмицкая Т.В., Шахотько Л.П. Роль миграции в решении проблем социально-экономического и демографического развития Республики Беларусь // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн., Москва, 1-4 апр. 2014 г. / отв. ред. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
6. Белорусские мигранты зарабатывают больше миллиарда: в стране всеобщего равенства им платить не готовы // ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА». –2000-2013. [Электронный ресурс].: <http://news.tut.by/economics/373638.html> Дата доступа : 22.11.2015
7. Шиманович Г., Чубрик А. Предложение рабочей силы в Беларуси: вызовы для экономической политики / Г. Шиманович, А. Чубрик // Исследовательский Центр ИПМ. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2013r01.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Информация об авторах

1. Кузьмицкая Татьяна Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – старший преподаватель Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65; e-mail v-t-k@ya.ru).
2. Сергиевич Татьяна Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – аспирант кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (220013, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 65; e-mail: serhiyevich@gmail.com).

Kuz'mickaja T.V., Serhiyevich T.V.

INTERNATIONAL LABOUR MIGRATION AND ITS IMPACT ON HUMAN CAPITAL REPRODUCTION OF THE POST-SOVIET SPACE ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the trends in the labor market of the Republic of Belarus due to migration. There were showed the impact of labour migration on the socio-economic and demographic development of the Republic of Belarus. There were analyzed the positive and negative aspects of labour migration.

Keywords: labour migration, reproduction, labour recourses, migration, labour.

Information about the authors

1. Kuzmitskaya Tatsiana Vladimirovna (Belarus, Minsk) – Senior lecturer, Belarusian National Technical University (Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti st., 65; e-mail v-t-k@ya.ru).

2. Serhiyevich Tatsiana Vladimirovna (Belarus, Minsk) – postgraduate student of the department «Economics and law », Belarusian National Technical University (Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti st., 65; e-mail serhiyevich@gmail.com).

УДК 314.74

Т.В. Куприна

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТОКОВ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ МИГРАЦИИ НА ОСНОВЕ ДИРЕКТИВЫ BLUE CARD¹

В статье представлены возможности регулирования высокопрофессиональной миграции, являющейся актуальной и для России, имеющей высокую долю в эмиграции высокопрофессиональных специалистов. В статье приводятся примеры миграционных систем США, Канады, Австралии, а также Blue Card Directive, реализуемой в Европе.

Ключевые слова: высококвалифицированная миграция, регулирование, человеческий капитал, Директива Blue Card.

К высококвалифицированной миграции, или миграции человеческого капитала, относятся высококвалифицированные и бизнес-мигранты: менеджеры, администраторы, специалисты, которые могут перемещаться на внутреннем рынке труда в пределах международных организаций или ищут работу на международном рынке труда.

Что же означает термин высококвалифицированный (“high-skilled”) мигрант? М. Beine, F. Docquier, H. Rapoport [1, с. 631] рассматривают его с двух точек зрения. Во-первых, определение может основываться на официальной квалификации, что, по мнению экспертов, имеет некоторый экономический смысл, так как официальная квалификация является достаточно обоснованным аргументом, определяющим будущий потенциал доходов. Это является релевантным, так как большинство мигрантов обычно в возрасте 20-30 лет, когда уровень их дохода еще недостаточно определяет будущие потенциальные заработки.

С другой стороны, с экономической точки зрения определение навыка (skill) должно быть вне рамок официальной квалификации. Если мигрант может достичь высоких заработков в принимающей стране, возможно, он имеет достаточно редкий талант и может считаться высококвалифицированным. Такое определение навыков основывается на уровне доходов, считается экспертами достаточно гибким, охватывает все виды профессионального мастерства, включая спортивные и творческие профессии, которые трудно поддаются стандартизации.

М. Beine, F. Docquier, H. Rapoport [1, с. 632] предлагают использовать оба определения параллельно. Таким образом, определять наиболее перспективных молодых мигрантов, выделять субсидии для их привлечения, например, как это делается по системе Erasmus для привлечения профессионалов из развивающихся стран с последующим доступом на рынок труда ЕС. Такой широкий иммиграционный режим обеспечит большую прозрачность и предсказуемость.

Учитывая сложную экономическую и демографическую ситуацию, для России также становится важным привлечение высококвалифицированных специалистов с целью развития своего экономического и социокультурного потенциала. В то же время доля

¹Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

эмигрантов из России, имеющих высшее образование, составляет в целом 20%. Доля эмигрировавших высококлассных специалистов в Австралию – 60%, в Канаду – 59%, в США – 48%, Израиль – 32,5%. Почти каждый десятый эмигрант – доктор или кандидат наук. Ежегодные потери России от «утечки мозгов» – 3 млрд долларов, с учетом упущенных возможностей – 50-80 млрд долларов. В большинстве случаев из России эмигрирует молодое поколение мужчин. Это приводит к старению, феминизации населения, замедлению развития научных направлений [6, с. 165]. Следовательно, необходимо рассматривать опыт работы по предотвращению утечки и привлечению высококвалифицированных мигрантов в других странах.

Ряд стран сами приглашают высококвалифицированных специалистов и создают особые программы «Высококвалифицированные и бизнес-мигранты». Так, с 1980-х годов США, Канада, Австралия создали особые системы въезда для привлечения предпринимателей, ученых, технических специалистов. Таким образом, с целью сохранения высококвалифицированного человеческого потенциала, являющегося в дальнейшем основой человеческого капитала, возможен учет опыта других стран, осуществляющих специально организованные программы привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

В США существует лотерея DV (diversity visa – виза многообразия) Program, в результате которой можно получить Permanent Resident Card (PRC) или Green Card, дающие разрешение на постоянное проживание, работу, свободное перемещение в страну и из страны. В то же время данная программа критикуется из-за того, что не предъявляет к мигрантам никаких требований, не учитывает профессиональные знания и умения, уровень образования.

В Австралии в 1999 году была принята программа «Новая повестка дня для мультикультурной Австралии», направленная на создание административной, социальной, экономической инфраструктуры, отвечающей потребностям многонационального населения страны; содействующей достижению социальной гармонии между представителями различных культур; использующей преимущества культурного многообразия населения во благо всех австралийцев [8, с. 211].

Наилучшей системой привлечения высокопрофессиональных мигрантов является программа (Points-Based Immigration System) в Канаде, стартовавшая в 1967 году и обновленная в 2001. По требованиям данной программы высококвалифицированный иммигрант должен иметь профессиональный стаж работы и набрать минимум 67 баллов из 96 возможных в соответствии со следующими категориями: образование (25 баллов), владение официальным языком страны (20 баллов), опыт работы (до 21 балла), возраст с предпочтением более молодого (до 10 баллов), договоренность о работе (10 баллов), адаптивность, включая родственные связи в Канаде (до 10 баллов). Данные факторы направлены не только на усиление экономического потенциала, но и на вероятность успешной интеграции.

В связи с вышеперечисленным, в Европе предлагается ввести Blue Card, по типу американской Green Card, которая обеспечит приток высококвалифицированных кадров из развивающихся стран на европейский рынок. Blue Card (по цвету флага ЕС) – удостоверение личности, подтверждающее наличие вида на жительство и права на трудоустройство на территории большинства стран ЕС для граждан других стран без права предоставления гражданства. Карта была предложена главой Европейской комиссии М. Баррозу 23 октября 2007 года по аналогии с Green Card в США. Как планируется, введение Blue Card должно способствовать удовлетворению потребности ЕС в квалифицированной рабочей силе. Кроме того, Blue Card поможет Европе стать более конкурентоспособной в привлечении высококвалифицированных кадров наравне с такими странами, как США и Канада.

Вариантом Blue Card может быть введение Blue Diploma, подтверждающего профессиональную квалификацию. Любой выпускник-магистр (или эквивалентной

квалификации) университетов-партнеров мог бы иметь право на Blue Card в зависимости от его степени. Такой комплексный и предсказуемый подход мог бы значительно помочь в отборе талантливых студентов с последующим привлечением на европейский рынок труда без разрешения на постоянное проживание и с поощрением циркулярной миграции [4].

В мае 2008 года в ЕС была одобрена Директива 1, касающаяся введения Blue Card. Директива направлена на облегчение въезда высококвалифицированных мигрантов в ЕС. Необходимость притока данной категории мигрантов обусловлена возрастающей нехваткой высококвалифицированных кадров в таких отраслях, как инженерия и информационные технологии, а также увеличивающимися демографическими проблемами, связанными со старением населения и снижением рождаемости. Таким образом, социальная система не может считаться устойчивой.

Blue Card Directive (Директива, регламентирующая введение Blue Card) направлена на облегчение условий въезда и проживания гражданам из развивающихся стран с целью занятости на высококвалифицированном рынке труда, а также обеспечения социально-экономическими правами, благоприятными условиями для воссоединения семей и перемещения по ЕС. С этой целью разработано специальное разрешение EU Blue Card.

Таким образом, Blue Card Directive является инициативой ЕС в глобальной конкуренции за лучшие, высококачественные умы (mobilebrains). Несомненно, что экономические проблемы являются центральным мотивом создания Blue Card Directive¹.

Цель Директивы состоит в интеграции граждан, длительно (от 5 лет) и легально проживающих в стране ЕС, и которые рассматриваются как ключевые фигуры в обеспечении экономического и социального благополучия².

Согласно Директиве, получив долговременный статус проживания, мигранты должны иметь равные права с гражданами ЕС по ряду экономических и социальных параметров: доступ к занятости и предпринимательству (с определенными ограничениями), общему и профессиональному образованию, признанию профессиональных квалификаций, социальной безопасности, социальной помощи, налоговым преимуществам, доступ к товарам и услугам, доступ на всю территорию ЕС. Однако в определенных случаях могут быть введены ограничения.

В апреле 2012 года Германия приняла закон о получении Blue Card с учетом знания языка претендентом для наиболее востребованных областей – математики, IT-технологий, инженерии, медицины, а также для иностранных студентов, закончивших немецкий университет. Причем, им дается полтора года на поиски работы после окончания учебы. К 2014 году в Германии было выдано 7 тысяч Blue Card, 4 тысячи из которых иностранцам, уже проживающим в Германии [4].

Франция одобрила специальные миграционные положения в отношении высококвалифицированных мигрантов. Карта 'Carte Compétences et Talents' будет служить разрешением на проживание тем мигрантам, которые своими навыками и талантами могут внести значительный и продолжительный вклад в экономическое и национальное развитие Франции или влияние Франции в таких областях, как интеллектуальные, научные, культурные, гуманитарные или спортивные и, прямо или косвенно, стране – донору мигранта. Кроме того, мигрант должен предоставить специальный профессиональный проект, включающий вышеуказанный вклад. Профессиональный проект может реализовываться в форме наемного трудоустройства (на основе контракта, соответствующего квалификации и образованию), бизнес-плана или осуществления независимой (свободной) профессии (например, писатели и переводчики) [2, с.18].

¹ Proposal for a council directive on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment, COM(2007) 637 final, p. 19

² European Parliament Legislative Observatory Procedure file, Immigration: third-country nationals legally residents since 5 years, long-term resident status, CNS/2001/0074., p.15

В целом Директива направлена, прежде всего, на определение условий въезда и проживания высококвалифицированных мигрантов и их семей из третьих стран. Во-вторых, определяются права свободного передвижения мигрантов и их семей из третьих стран. В связи с этим устанавливается свод правил [2, с. 29]:

1. Система въезда регулируется рынком труда стран-участниц, и они вправе контролировать количество и вид квалифицированных мигрантов. Страны-участницы могут также не разрешать въезд с целью трудоустройства по определенным видам профессий, по экономическим секторам и регионам. Могут отдавать предпочтение гражданам ЕС и третьих стран.

2. Страны-участницы могут вводить более благоприятные условия по ряду параметров: порог заработной платы, процессуальные гарантии, доступ на рынок труда после первых двух лет, требования для замены работодателей, период поиска работы в случае временной безработицы, социально-экономические права и права на равенство, въезд членов семей и периоды отсутствия в ЕС для долгосрочных высококвалифицированных мигрантов. Страны-участницы могут вводить и свои правила, отличные от указанных в Директиве. Однако они не имеют право предоставлять более расширенные права для первого въезда с целью избежать конкуренции между странами-участницами.

3. Ряд лиц не подпадают под действие Директивы, несмотря на их квалификацию: лица находящиеся под временной защитой или обратившиеся за ней, беженцы, исследователи, члены семей граждан ЕС, которые имеют право на свободное перемещение; лица, имеющие разрешение на длительное пребывание в другой стране-участнице с целью ведения экономической деятельности и бенефициары международных соглашений, имеющие облегченный въезд и временное пребывание в стране-участнице.

4. Гражданин третьей страны должен выполнить ряд требований Директивы. Они должны подтвердить высокую квалификационную должность и наличие высшего образования или эквивалент профессионального опыта (не менее трех лет). Они должны соответствовать требованиям рынка труда и квотам регулирования. Также в статье 5 представлен ряд критериев: наличие контракта или предложения работы в течение не менее чем одного года в запрашиваемой стране; наличие действительных проездных документов, страховки на всю семью; не представлять угрозу государственной политике, общественной безопасности или общественному здоровью.

5. Заработная плата высококвалифицированных работников должна достигать определенного национального порога, который устанавливается государством-участником соответственно его рынку труда и иммиграционной политике. Заработная плата должна соответствовать коллективному договору или практике в определенной сфере занятости. С другой стороны, Европейский социально-экономический комитет (European Economic and Social Committee) считает, что заработная плата не является критерием и понятие «высококвалифицированный» должно связываться с дипломами о высшем образовании и квалификацией или эквивалентными профессиональными навыками, а не с заработной платой, которую должен получать работник.

6. Заявление должно быть подано самим высококвалифицированным работником или его предполагаемым работодателем. Решение должно быть принято в течение 90 дней с дополнительным временем для признания профессиональной квалификации и получения визы. Через 90 дней претендент должен быть проинформирован о решении [3, с. 34].

7. Период действия карты – от 1 года до 4 лет в зависимости от страны пребывания. Директива не предусматривает возобновление Blue Card. Это означает, что через четыре года высококвалифицированные мигранты должны покинуть страну пребывания. Этого времени недостаточно для получения долгосрочного жительства в ЕС (требуется 5 лет). В экстремальных случаях возможно проживание еще в течение одного года без дальнейшего возобновления [3, с. 35].

8. Директива гарантирует владельцам Blue Card ряд социально-экономических прав, которые включают: уровень заработной платы и условия работы (увольнение, безопасность здоровья), свободу участия в ассоциациях и членство в организациях работников, образование и профессиональную подготовку, признание дипломов, сертификатов и других профессиональных квалификаций. Права также включают: социальную безопасность, перевод пенсий, доступ к товарам и услугам (включая жилье и услуги по трудоустройству), а также свободный доступ на территорию государства-участника. Однако доступ к грантам на учебу и займам, касающимся как среднего, так и высшего образования, получения жилья, могут быть ограничены. Национальное законодательство может также содержать предварительные требования для поступления в университеты, и права равного отношения, касающегося образовательной и профессиональной подготовки, могут предоставляться только лицам, которые имеют разрешение на жительство в стране-участнице.

9. Отказ в выдаче, возобновлении или отзыв Blue Card возможны, если держатель не выполняет требования Директивы, если была предоставлена ложная информация, если произошла смена работодателя ранее, чем через первые два года проживания, если работник не нашел работу в течение трех месяцев или периоды безработицы случались более, чем один раз в течение действия Blue Card [3, с. 40].

Дополнительными основаниями для отказа могут быть: ситуация на рынке труда и анализ этого рынка, подтверждающий, что позиция может быть занята гражданами страны предполагаемого въезда и членами ЕС или введением квот. Отказ также возможен в случае, если предполагаемый работодатель подвергся санкциям за предоставление незаконной занятости. Дополнительными причинами могут быть: государственная политика и безопасность, сохранение общественного здоровья, отсутствие или недостаточность ресурсов для проживания без социальной поддержки (кроме случаев безработицы в течение трех месяцев).

10. Директива Blue Card получила нарекания за возможный эффект «утечки мозгов» (braindrain). Для снижения эффекта «утечки мозгов» в Директиве указывается возможность циркуляторности высококвалифицированной рабочей силы. Схема циркуляторной миграции могла бы служить средством, помогающим развивающимся странам получать выгоды от миграции для своего развития, что совпадает с политикой развития ЕС [3, с. 43].

В то же время страны-участницы могут самостоятельно вводить более благоприятные условия и адаптировать свое законодательство к схеме, предложенной Директивой Blue Card. Некоторые положения Директивы Blue Card могут совпадать или, наоборот, противоречить другим законодательным актам, например, Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов (European Convention on the Legal Status of Migrant Workers) и Конвенция международной организации труда (International Labor Organization Conventions) № 97 и № 143, которые определяют более благоприятные условия в отношении профессиональной мобильности и социальных прав [5, с. 473].

В целом Директива Blue Card повышает привлекательность ЕС для высококвалифицированных мигрантов из третьих стран. Этому способствуют два фактора: разрешение на воссоединение семей и возможность передвижения внутри сообщества [5, с. 477].

Исследования доказывают, что самым значительным преимуществом Директивы Blue Card является то, что она устанавливает гармонизацию иммиграционных правил для высококвалифицированных мигрантов в ЕС.

Еще одним фактором, повышающим интерес к найму мигрантов из третьих стран, является пороговый уровень заработной платы. В то же время страны-участницы имеют право вводить более высокий пороговый уровень заработной платы.

Следующим фактором Blue Card, который может повысить интерес к найму рабочей силы из третьих стран, является возможность замены наличия высшего

образования на профессиональный опыт, когда требуется определить приемлемость претендента для Blue Card [5, с. 486]. Такая гибкость может помочь при решении проблем признания квалификации, так как будет легче доказать, что мигрант имеет трехлетний профессиональный опыт за рубежом (хотя часто бизнес нанимает мигрантов с более чем трехлетним опытом работы), чем прохождение сложной процедуры признания квалификации [5, с. 487]. В нескольких странах-участницах, таких как Франция и Германия, возможность замены высшего образования на профессиональный опыт уже существует.

©Куприна Т.В. Текст. 2016

Список источников

1. Beine M., Docquier F., Rapoport H., “Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries : Winners and Losers” // The Economic Journal. – 2008. – Vol. 118 (April). – P. 631–652.
2. Björklund A. Skilled workers leaving for the European Union – Possible Impacts of the EU Blue Card Directive on Developing Countries of Origin through Migration of Skilled Workers. – Stockholm: University of Stockholm, 2011. – 124p.
3. European Commission, Final report: The linkage between migration and development, Operational implications for programming and project development. European Commission. July 2007.
4. J. von Weizsäcker *Welcome to Europe* (2006) [Electronic resource]. URL: <http://www.bruegel.org/publications/publication-detail/publication/48-welcome-to-europe> (accessed April 15, 2016)
5. UNESCO, Transformer la Fuite des Compétences en Gain: Le Cas du Mali. UNESCO (2005).
6. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. – М.: РГСУ; Академический Проект, 2007. – 472 с.

Информация об авторе

Куприна Тамара Владимировна (Россия, Екатеринбург) – к.п.н., доцент Уральского федерального университета, Высшая школа экономики и менеджмента, кафедра международной экономики (Россия, 620002, г.Екатеринбург, ул. Мира, 19; тел. (343) 375 41 48; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Kuprina T. V.

HIGHLY SKILLED MIGRATION FLOWS REGULATION BASED ON BLUE CARD DIRECTIVE

The article presents the mechanisms of regulating the highly skilled migration flows which are urgent for Russia having a high proportion in the emigration of highly qualified specialists. The article gives examples of the US, Canada, Australia immigration systems as well as the Blue Card Directive, implemented in Europe.

Keywords: highly skilled migration, regulation, human capital, Blue Card Directive

Information about the author

Kuprina Tamara (Russia, Yekaterinburg) – PhD, Associate Professor, Ural Federal University, Graduate School of Economics and Management, International Economics Department (Russia; 620002, Yekaterinburg, 19, Mira st., 19; тел. (343) 375 41 48; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлены результаты анализа миграции населения в Кемеровской области. Анализ проведен в разрезе муниципальных образований региона. Изучение причин миграции показало, что в качестве обстоятельства, вызвавшего необходимость смены места жительства, доминируют причины личного, семейного характера и в связи с учебой. Кроме этого, в работе выявлены миграционные проблемы Кемеровской области и предложен ряд мероприятий для их решения.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, население, причины переселения, проблемы.

Максимальная численность населения Кемеровской области была зафиксирована по данным Всесоюзной переписи 1989 г. и составила 3 171, 1 тыс. человек. После этого численность населения области постоянно сокращается, с 2010 по 2014 г. она уменьшилась на 36,3 тыс. человек, или на 1,3 %. Если в 2010 г. влияние миграции на изменение численности населения области было еще положительным, то начиная с 2011 г. миграция начала оказывать отрицательное влияние на изменение численности населения, и оно с каждым годом росло, вытесняя влияние естественного прироста. Так, в 2011 г. на влияние миграции приходилось только 27,6 % от общего влияния на изменение численности населения. В 2011 г. это влияние составило 56,8 %, в 2014 г. – 84,6 %. Причем в 2013 г. снижение численности населения Кемеровской области практически полностью (96,4 %) ¹ было обеспечено влиянием миграции. Все вышесказанное и определило актуальность изучения миграции в Кемеровской области.

Рассмотрим общие итоги миграции по муниципальным образованиям Кемеровской области. В 2014 г. в областном центре зафиксирован миграционный прирост населения, сформировавшийся преимущественно за счет переехавших к месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Выявлен существенный прирост населения, сменившего место жительства по причине учебы, обстоятельств личного, семейного характера, работы, и убыль – по возвратившимся к прежнему месту жительства. На протяжении последних пяти лет эта цифра менялась с тенденцией дальнейшего увеличения.

Начиная с 2011 г. миграционная убыль имела тенденцию к увеличению вплоть до 2013 г. Однако в 2014 г. миграционная убыль составила 5314 человек, что на 603 человека меньше, чем в 2013 г. Наиболее интенсивный миграционный прирост в разрезе городских округов наблюдался в Новокузнецком городском округе (за 2014 г. он составил 397 человек) [6].

Причина мигрирования в Кемеровский и Новокузнецкий городские округа связана с тем, что они являются наиболее развитыми и перспективными по сравнению с другими городскими округами области, так как в рассматриваемых округах легче найти место работы, учебы, организовать свой досуг. Другие причины смены места жительства связаны с семейными обстоятельствами (в связи со вступлением в брак), покупкой или наследованием жилья, необходимостью смены места жительства из-за природно-климатических условий. Причинами, зависящими от предпринимаемых мер на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, являются обострение межнациональных отношений, криминогенной обстановки, экологическое

¹Рассчитано по: Демографический ежегодник Кемеровской области: стат. сборник / Кемеровостат. – Кемерово, 2015. – 130 с.

неблагополучие.

В 2013 г. большинство мигрантов в возрасте от 14 лет (45,9 %) в качестве обстоятельства, вызвавшего необходимость смены места жительства, указали причины личного, семейного характера (46,9 % прибывших и 45 % выбывших). Больше всего сославшихся на эти обстоятельства среди выехавших из области в страны вне СНГ (71,9 %) и прибывших из других регионов России (49,1 %). Среди прибывших в область из стран СНГ таких оказалось 47,9 %, выбывших туда – 39 %. Наибольшее количество вынужденных переселенцев в нашу область прибывает из Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана – 80,7; 7,9 и 7,2 % соответственно (данные приведены на 1 января 2014 г., в процентах к общему числу вынужденных мигрантов). В общей численности вынужденных переселенцев 57,8 % женщин и 42,2 % мужчин. В возрастной структуре переселенцев отмечается преобладание доли лиц трудоспособного возраста – 73,4 %, лиц моложе трудоспособного возраста – 3,6 % и старше трудоспособного – 23 %. Согласно информации форума переселенческих организаций, на данный момент в Кемеровской области нет ни одной организации, которая могла бы оказать посильную помощь вынужденным переселенцам [1].

Второй по значимости причиной переселения мигранты назвали переезд в связи с учебой (18,5 % прибывших и 19,9 % выбывших). Чаще всего на нее указывали мигранты, перемещающиеся внутри области (22,2 %) и выбывшие в другие регионы России (17,6 %).

Переезд в связи с работой (всего указали 13,1 % прибывших и 11,2 % выбывших) достаточно распространен среди прибывших из стран, не относящихся к государствам СНГ (62,5 %) и выбывших в страны СНГ (42 %).

В качестве причины переселения возвращение к прежнему месту жительства назвали 4,8 % прибывших и 4,2 % выбывших, в том числе данную причину указали 10,1 % прибывающих в регион из стран вне СНГ и 5,3 % – из других субъектов РФ.

Самыми непопулярными причинами оказались обострение межнациональных отношений (0,4 % прибывших из стран СНГ), экологическое неблагополучие (0,3 % прибывших из других регионов России и 1,2 % выбывших туда), несоответствие природно-климатических условий (0,2 % и 0,6 % соответственно). Обострение криминогенной ситуации среди опрашиваемых отмечалось редко (0,4 % прибывших и 1,0 % выбывших).

Что касается муниципальных районов, то на протяжении 2010–2014 гг. во всех районах, кроме Кемеровского, Новокузнецкого и Прокопьевского, наблюдалась интенсивная миграционная убыль. В 2014 г. самая низкая миграционная убыль наблюдается в Прокопьевском (–133 человека) и Кемеровском (–198 человек) районах.

Основные миграционные потоки приходятся на перемещения внутри области. Так, в 2013 г. из числа прибывших сменили место жительства в пределах области 61,7 %, из числа выбывших – 56,7 %. С каждым годом наблюдается значительный рост внешней миграции для нашей области и постепенное перераспределение структуры миграционных потоков в ее пользу. Это особенно характерно для городской местности.

В 2013 г. по сравнению с 2010 г. оборот внутрирегиональной миграции увеличился на 6,1%, внешней для Кемеровской области – на 22,3%, это достигалось за счет роста числа выбывших за пределы области (на 27,4%). На изменение численности населения и его структуры оказывает наибольшее влияние именно внешняя миграция. Однако внутренняя миграция, напротив, не влияет на динамику общей численности населения Кемеровской области, так как внутрирегиональная миграция является производной от темпов развития урбанизации. Внутрирегиональная миграция оказывает значимое влияние на перераспределение жителей по ее территории, изменение социально-демографического состава населения муниципальных образований.

За рассматриваемый период почти во всех муниципальных образованиях преобладали перемещения внутри области, причем доля внутрирегиональной миграции наиболее высока в муниципальных районах (65–86 %) и ряде малых городов. В результате

передвижений внутри области миграционный прирост за счет внутрирегиональной миграции сложился в Кемеровском, Новокузнецком, Юргинском, Анжеро-Судженском городских округах, Кемеровском муниципальном районе. Незначительное положительное сальдо межрегиональной миграции в 2012 г. и 2013 г. зафиксировано только в Юргинском и Калтанском городских округах и Юргинском муниципальном районе.

В пределах области наибольшие миграционные потоки складываются в направлении «город – город» и «село – город» – население стремится переехать из сел в города с целью поиска рабочих мест и для получения образования.

Наиболее привлекательными остаются Кемеровский городской округ (9,3 тыс. человек, или 22,8 % от всех внутриобластных прибывших в 2013 г.), Новокузнецкий (6,5 тыс. человек, или 15,8 %) и Беловский (2,2 тыс. человек, или 5,5 %) городские округа. Среди муниципальных районов выделяются Кемеровский (2 тыс. прибывших, или 4,9 %), Новокузнецкий (1,5 тыс. человек, или 3,6 %) и Топкинский (1,3 тыс., или 3,1 %).

В таблице представлена информация о межрегиональной миграции в разрезе федеральных округов.

Таблица

Межрегиональная миграция по федеральным округам, человек¹

Федеральный округ	Прибывшие			Выбывшие			Миграционный прирост/убыль (–)		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Межрегиональная миграция	15704	20380	20237	23738	28516	30521	-8034	-8136	-10284
По федеральным округам:									
Центральный	931	1474	1623	2940	3804	4072	-2009	-2330	-2449
Северо-Западный	472	846	870	1622	1969	2487	-1150	-1123	-1617
Южный	739	1231	1143	2481	3068	3824	-1742	-1837	-2681
Северо-Кавказский	359	389	406	328	359	459	31	30	-53
Приволжский	869	953	838	923	1191	1220	-54	-238	-382
Уральский	861	1134	1155	1230	1389	1446	-369	-265	-291
Сибирский	10270	12947	13019	13373	15791	15965	-3103	-2844	-2946
Дальневосточный	1203	1406	1183	841	935	1048	362	471	135

Миграционная убыль за счет обмена населением с субъектами Российской Федерации на протяжении последних лет имеет устойчивую тенденцию к росту. К 2013 г. она составила –10,3 тыс. человек. Из числа прибывших заметную долю составили возвратные мигранты (кто родился в Кемеровской области). В 2013 г. их было 16 % от числа прибывших из других субъектов Российской Федерации.

Как правило, межрегиональные миграционные потоки протекают между близлежащими территориями. Наиболее интенсивный миграционный обмен наблюдался в рамках Сибирского федерального округа – около 60 % межрегионального миграционного оборота.

Положительное сальдо миграции в 2011–2013 гг. наблюдалось только с Дальневосточным федеральным округе (число прибывших оттуда превышало число выбывших в его регионы на 13–50 %), а, за исключением последнего года, еще и с Северо-Кавказским (на 8–9 %). Наибольшая миграционная убыль сложилась во взаимообмене

¹Кемеровостат: Мигранты Кузбасса. Какие они? Аналитическая записка. – Кемерово, 2014. – 76 с.

населением с регионами Сибирского, Центрального и Южного федеральных округов. По миграционному обмену с регионами СФО число прибывших превышало число выбывших по республикам, входящим в состав округа, Алтайскому и Забайкальскому краям, Иркутской области.

За рассматриваемый период Кемеровская область характеризуется положительным сальдо миграции международных мигрантов. Наиболее привлекательными территориями Кемеровской области для иммигрантов остаются Кемеровский (в 2013 г. – 33,9 % всех иммигрантов) и Новокузнецкий (20,8 %) городские округа, а также Кемеровский муниципальный район (9,3 %). Как правило, основными причинами иммиграции выступают причины личного и семейного характера.

Наибольшее число эмигрантов из Кемеровской области зафиксировано в Новокузнецком и Кемеровском городских округах (в 2013 г. – 24,2 % и 20,9 % всех эмигрантов), Топкинском (13,6 %) и Таштагольском (8 %) муниципальных районах. Основными причинами эмиграции выступали причины личного, семейного характера, а также связанные с учебой и работой.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из численности лиц, указавших гражданство, гражданами РФ являлись 2718,9 тыс. человек, или 99,7 %; 5,6 тыс. человек (0,2 %) имели гражданство других государств и 2,6 тыс. человек (0,1 %) – лица без гражданства.

По данным УФМС России по Кемеровской области, на конец 2013 г. на территории области состояли на миграционном учете 31,3 тыс. иностранных граждан и 0,3 тыс. лиц без гражданства. Из общего числа иностранных граждан и лиц без гражданства 17,1 % – постоянно проживающие (имеющие вид на жительство), 24,1 % – временно проживающие (имеющие разрешение на временное проживание) и 58,8 % – временно пребывающие [5].

Большинство граждан, состоявших на миграционном учете на 1 января 2014 г., прибыли из Таджикистана (7337 человек). Граждане из Таджикистана, имеющие вид на жительство, составили 1562 человека, а имеющие разрешение на временное проживание – 1763 человека. Временно пребывающих из этой страны насчитывается 4012 человек.

Второй страной по численности мигрантов, прибывших в Кемеровскую область, стал Узбекистан (6836 человек). Граждане из Узбекистана, имеющие вид на жительство, составили 673 человека, а имеющие разрешение на временное проживание – 1062. Временно пребывающих в области из этой страны насчитывается 5101 человек.

Третьим по масштабам стал Казахстан. Мигранты из этой страны по численности составили 4499 человек. Граждане из Казахстана, имеющие вид на жительство, составили 439 человека, а имеющие разрешение на временное проживание – 1523 человека. Временно пребывающих из этой страны насчитывается 2537 человек.

Среди иностранных граждан 89,7 % составляют граждане стран СНГ (из них большей численностью обладают граждане Таджикистана – 28,9 %, Узбекистана – 12,4 % и Казахстана – 8,1 %), 3,1 % – граждане Китая, 1,3 % – КНДР, 0,6 % и 0,5 % – Турции и Вьетнама соответственно. Основная масса прибывших лиц без гражданства имеют вид на жительство и разрешение на временное проживание (49,1 % и 41,3 %), остальные пребывают временно.

Ярко выражен сезонный характер миграции. Для Кемеровской области характерна сезонность, прослеживаемая в течение нескольких лет подряд. Приток мигрантов наблюдается в летние месяцы, а отток – в начале осени. Отток населения в осенний период связан с началом учебного года, в основном уезжают выпускники общеобразовательных учреждений и продолжают обучение в других областях. Приток же населения в летние месяцы связан с трудовой миграцией, которая обуславливается сезонными работами, например, строительством.

Проведенный анализ миграции населения в Кемеровской области позволил выявить ряд проблем, которые требуют решения:

- Легализация труда мигрантов: несмотря на выделение средств на поддержку

мигрантов, не все устраиваются на работу официально из-за уклонения от уплаты налогов. Многие мигранты теряют при этом свою квалификацию, имея, к примеру, высшее юридическое образование, но устраиваясь строителем [2].

- Получение гражданства: сегодня благодаря денежным поощрениям сотрудников районных отделений миграционных служб популярным становится экспресс получение российского гражданства, что является серьезным нарушением положений Федерального закона «О гражданстве РФ» [3].

- Мигрантофобия: к сожалению, в программах образовательных учреждений всех уровней недостаточно внимания уделяется изучению национальных культур и вопросов мультикультурализма. В этой ситуации единственным инструментом расширения кругозора учащихся является посещение ими спецкурсов и культурно-просветительских организаций.

- Адаптация мигрантов на новом месте жительства: адаптация или вхождение в культуру принимающего социума является основным условием для благополучного пребывания мигрантов. Экономическая мотивация приезда мигрантов часто сочетается с их безмолвием, отсутствием желания «быть услышанными», даже в рамках существующей нормативно-правовой базы. Идеи о социальной поддержке иностранцев должны сочетаться с практическими действиями региональных властей, хотя бы за счет реализации конкретных мероприятий.

Для решения выявленных проблем, связанных с миграцией в Кемеровской области, представим ряд мероприятий, которые направлены на их решение, в том числе и на возвращение мигрантов на прежнее место жительства [4]:

<i>Мероприятие</i>	<i>Ожидаемый непосредственный результат</i>
Организация и ведение мониторинга текущей потребности организаций Кемеровской области в рабочей силе, в том числе с предоставлением жилья, для ее восполнения за счет соотечественников.	Определение потребности организаций в рабочей силе, в том числе с предоставлением жилья.
Корректировка и поддержание актуального состояния банка вакансий для трудоустройства соотечественников.	Создание актуального банка вакансий для соотечественников.
Формирование толерантного отношения жителей Кемеровской области к соотечественникам.	Проведение круглых столов, пресс-конференций, передач на радио, телевидении с участием соотечественников.
Организация горячей линии для соотечественников.	Расширение доступности информации о подпрограмме для соотечественников;
Ознакомление соотечественников с особенностями истории, культуры и национальными традициями народов, проживающих на территории вселения.	Социальная и культурная адаптация и интеграция соотечественников.
Содействие в поиске подходящей работы и трудоустройстве участников Государственной программы переселения соотечественников и членов их семей.	Трудоустройство участников Государственной программы переселения соотечественников и членов их семей;
Оказание содействия в трудоустройстве соотечественников из числа студентов и выпускников учебных заведений.	Трудоустройство соотечественников из числа студентов и выпускников учебных заведений.

Таким образом, из проведенного анализа видно, что миграция активно

вмешивается в жизнь жителей Кемеровской области. Экономический потенциал территории повышается за счет притока высококвалифицированных кадров, способных освоить новые технологии. Однако незаконная миграция и неорганизованный приток мигрантов ухудшают социально-культурный уровень, вызывая также социально-экономическую напряженность в области. В случае приезда вынужденных мигрантов области требуется дополнительное финансирование на их обустройство, предоставление рабочих мест, строительство объектов для их жизнедеятельности. Миграция трудоспособного населения влияет на рынок рабочей силы, обостряя конкуренцию на рынке труда.

© Левина Е.И. Текст. 2016

Список источников

1. География Госпрограммы [Электронный ресурс] URL: <http://migrant.ru/> (дата обращения: 13.12.2015 г.).
2. Топкаев Д. А. Некоторые аспекты создания миграционной программы Кемеровской области. [Электронный ресурс] URL: <http://jurnal.org/articles/2008/polit63.html> (дата обращения: 13 декабря 2015 г.).
3. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ, в ред. от 31.12.2014 № 19.
4. Подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Кемеровскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2014–2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufmsko.ru/> (дата обращения: 15.12.2015 г.).

Информация об авторе

Левина Елена Ивановна (Россия, Кемерово) – доцент Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (650000, г. Кемерово, ул. Весенняя 28; e-mail: lena_levina76@mail.ru).

Levina E. I.

SOME MAIN CHARACTERISTICS OF PEOPLE MIGRATION IN KEMEROVO REGION

Results of the analysis of people migration in Kemerovo Region are presented in article. The analysis is carried out in a section of municipalities of the region. The migration reasons from which follows are opened that as the circumstance which caused the necessity of change of a residence the reasons of personal, family and study are dominated. Besides, migratory problems of Kemerovo region are revealed and actions for their decision is offered in the article.

Keywords: migration, migratory streams, population, reasons of resettlement, problem.

Information about the author

Levina Elena Ivanovna (Russia, Kemerovo) – associate professor, Department of Management Accounting and Analysis, T.F. Gorbachev State Technical University (Russia; 650000, Kemerovo, Vesennaya st., 28; e-mail: lena_levina76@mail.ru).

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

В статье анализируются региональные тенденции образовательной миграции рабочей силы высшей квалификации в условиях повышающейся финансовой и социально-экономической нестабильности в различных регионах мира и в России, выявляется вклад различных стран в формирование миграционных потоков и их распределение по отдельным категориям в различных секторах экономики.

Ключевые слова: международная образовательная миграция, показатели, рабочая сила, зарубежные страны, Россия, регионы.

Растущей сферой деятельности в различных регионах мира, в том числе в России и ее регионах, становится привлечение квалифицированной рабочей силы, которая рассматривается как один из важных инструментов в общей стратегии экономического развития в условиях возрастающей конкуренции стран за человеческий капитал.

В современный период миграция приобрела новые черты и особенности, связанные с появлением интеллектуальной миграции – миграции квалифицированной рабочей силы (преподаватели, аспиранты, стажеры-исследователи, научные сотрудники, артисты, писатели, поэты, композиторы, спортсмены, тренеры, студенты и др. категории). Развитые страны используют и другие формы привлечения квалифицированной рабочей силы, в частности, на военную службу по контракту, с последующим предоставлением вида на жительство.

Уровень миграции во многом определяется характером включения рабочей силы в воспроизводственный процесс. Различают миграцию вообще (которая существовала на протяжении всей истории развития общества), миграцию рабочей силы (возникшую в связи с промышленной революцией в XVI в. и необходимостью иметь квалифицированных работников) и интеллектуальную миграцию (возникла в 40-е гг. XX в. в связи с развертываем научно-технической, а в последующем управленческой, информационной, компьютерной, «зеленой» революций).

Под международной (внешней) трудовой миграцией рабочей силы понимается перемещение населения через государственные границы для вступления в трудовые отношения с работодателями в другой стране. К трудовым мигрантам не относят командировочных, «челноков» и лиц, проживающих менее года.

В трудовой миграции различают следующие ее виды: безвозвратная (выезд на постоянное место жительства в принимающей стране); маятниковая (челночная, как правило, приграничная, регулярный переезд в (из) страны и обратно); нелегальная (незаконный въезд или выезд в страну пребывания); временно-постоянная (ограничена сроком пребывания в стране въезда 1-6 годами); сезонная (выезд для работы на срок до 1 года в отрасли, имеющие сезонный характер производственного цикла, – охота, рыболовство, сбор грибов, ягод, посевные работы, сбор урожая и т. п.); «утечка умов» (миграция высококвалифицированной рабочей силы – ученые, специалисты, звезды спорта, искусства и т. п.).

Основными сферами привлечения интеллектуального капитала все шире становятся такие, как информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, медицина, образование, наука, химия, математика, инженерия, т.е. все то, что формирует современный научно-технологический потенциал страны.

За пределами стран происхождения в 2013 г. проживало 231,5 млн человек (или 3% всего населения мира, в том числе в Европе – 72,4 млн мигрантов, в Азии – 70,8 млн, в

Северной Америке – 53,1 млн (в том числе в США – 45,8 млн), Африке – 18,6 млн мигрантов) против 154,2 млн человек в 1990 г. [2, с. 54]. В итоге, в странах ОЭСР в 2010 г. 11,6% населения – мигранты, в Австрии – 15,5%, Ирландии – 17,2%, Швейцарии – 26,6%, США – 12,9%, в современной Великобритании и Франции до 1/3 населения – иностранцы, в Германии более 10% населения, или около 8 млн человек – турки, в США из 316,4 млн жителей США (на 01.01.2014 г.) афроамериканцы составляют почти 13%, «латинос» – 16,3%.

В этом миграционном потоке все большую долю занимает международная миграция студентов. Так, с 2000 по 2012 гг. численность студентов, обучающихся за пределами стран гражданства, выросла в мире вдвое – с 2,1 млн до 4,5 млн человек, в том числе в странах ОЭСР – с 1,6 млн до 3,4 млн человек, в Северной Америке – с 0,6 млн до 1,0 млн человек (21,2%), в России – с 64,1 тыс. до 173,6 тыс человек, или до 4,0 % всего рынка иностранных студентов [1, с. 113-114]. На студентов из стран Юго-Восточной Азии приходится 53% всего количества международных студентов в мире, при этом на Китай – 21%, Индию – 6,5%, Южную Корею – 4,4%.

Наиболее высокий удельный вес иностранных студентов, обучающихся в вузах, отмечен в Австралии – около 20% от всех обучающихся студентов, в Великобритании их 16,8%, Швейцарии – 16,2%, Новой Зеландии – 15,6%, Австрии – 14,7%, в России – 3,1%.

Пополнение рынка труда страной приема международных мигрантов может происходить с помощью механизма прямого рекрутирования из-за рубежа, с использованием системы онлайн-образования, франшизы, создания международных кампусов.

Большинство стран предоставляет разнообразные льготы как обучающимся мигрантам-студентам, стажерам, исследователям, так и соискателям работы, окончившим вузы. Это касается аспирантов и выпускников PhD-программ, которые, как правило, обладают высоким уровнем квалификации, интернациональны по взглядам на происходящие мирохозяйственные связи и отношения, адекватны к вопросам обустройства и проживания, контакта с внешней средой. Так, Германия и Австралия предоставляли послевузовским мигрантам период до 18 месяцев (в 2012 г.) для поиска работы, Ирландия – от ½ до 1 года, Канада – до 36 месяцев, Южная Корея – до 14 месяцев, Финляндия – до 6 месяцев, Чехия – до 24 месяцев.

Наиболее активную политику по удержанию иностранных выпускников вузов проводят США, Канада, Великобритания и Австралия.

Среди факторов, влияющих на выбор страны обучения иностранными мигрантами, можно выделить такие, как:

- географическая близость к стране обучения (например, в странах ЕС более 70% иностранных студентов, обучающихся в данной стране, являются гражданами другой страны Евросоюза);

- языковая близость (например, для США, Канады, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии – чаще всего это студенты из бывших английских колоний и зависимых территорий, то же самое относится к обучающимся во Франции, для России характерно то, что здесь 56% среди студентов-мигрантов – это граждане из стран бывшего СССР);

- культурная, социально-экономическая близость и религиозная терпимость;

- плата за обучение (как правило, для студентов-мигрантов она выше, чем для отечественных). Так, эксперты банка HSBC подсчитали, что год обучения в российских вузах в 2013 г. оценивался в 3131 долл., а расходы на проживание – в 6310 долл.; самыми дорогими для иностранных студентов (стоимость обучения + расходы на проживание в год) стали: Австралия – 38516 долл., США – 35705, Великобритания – 30325, ОАЭ – 27375, Канада – 26011, Сингапур – 24248, Гонконг – 22443, Япония – 19164, Россия –

9441, Китай – 8766 долл.¹ Различия в стоимости обучения в вузах связывают не только с их статусом, но и местом жительства студента, нахождением вуза. Как правило, местные студенты имеют большие льготы, чем иногородние или иностранцы, особенно в государственных учебных заведениях; но и здесь высокая оплата нивелируется за счет стипендиальных программ, кредитов, перспектив получения работы после окончания учебы в вузе;

- репутация страны и имидж вуза;
- создание национальных образовательных программ по поддержке зарубежного обучения.

Особенности современной миграции проявляются в том, что в процессе глобализации и интернационализации происходит стирание граней между странами принимающими и поставляющими рабочую силу; расширяется перечень стран, вовлеченных в международную образовательную миграцию рабочей силы; с повышением благосостояния страны происходит снижение привлекательности тяжелого, физического, неквалифицированного, монотонного труда местных жителей, что стимулирует приток мигрантов; происходит рост удельного веса мигрантов, относимых к категорий так называемой «интеллектуальной» миграции; изменяются направления и объемы миграционных потоков, с появлением новых доноров и реципиентов рабочей силы и прежде всего за счет стран Восточной Европы, России, Украины, Молдовы, стран Среднего Востока, ЮВА; появляются новые формы миграции в виде усыновления, обучения (стажировки, переобучение, образование).

Зарубежная и отечественная практика привлечения рабочей силы отработала механизм и инструментарий регулирования миграции, которые включают: законодательные квоты (например, США принимают не более 140 тыс. мигрантов в год, 10% из которых для высококвалифицированных работников); экономические факторы (размер заработной платы, условия работы и т.п.); неэкономические (пол, возраст, цвет кожи, вероисповедание, знание языка страны пребывания, состояние здоровья, квалификация, наличие иждивенцев, судимости и иных обременений).

Миграционная политика, осуществляемая в различных странах мира, имеет свои специфические особенности. Они определяются целями государства: повышение темпов экономического роста, количества населения и рождаемости, привлечение квалифицированной рабочей силы в растущие сектора экономики (информационные технологии, телекоммуникации), давление со стороны работодателей о привлечении дешевой рабочей силы, в целях снижения издержек на ее оплату. Такого рода политика активно проводится в США в отношении мексиканцев, латиноамериканцев и т.д., Россией – в отношении мигрантов из стран бывшего СССР, Великобританией – в отношении граждан из стран Британского содружества наций, Францией – из стран франкофонной зоны, а также Германией, Канадой, Австралией и другими странами.

Западная система национальных счетов в качестве наиболее приемлемых количественных показателей межстрановой миграции рабочей силы рассматривает показатели, фиксируемые в платежном балансе. При этом выделяют три основные статьи: трудовой доход (все виды выплат лицам-нерезидентам за работу, выполненную для резидентов); перемещения мигрантов (денежная оценка имущества мигрантов); переводы работников (пересылка денег и товаров на родину).

Международная трудовая миграция ныне все более рассматривается с точки зрения становления и формирования социальных и интернациональных сетей, по которым перемещаются трудовые и финансовые потоки, информация, материально-вещественные и духовные ценности, способствуя росту и упрочнению экономических связей, движения капитала, товаров, услуг, что, в свою очередь, усиливает процессы транснационализации и

¹ Обучение в российском вузе дороже, чем в немецком или испанском [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/14/08/2013/870131.shtml> (дата обращения 14. 08. 2013).

глобализации, соединяющей в единую мирохозяйственную паутину процессы эмиграции и иммиграции в различных регионах мира, усиливая и интенсифицируя процессы обмена идей, информации, квалификации, опыта, трудовых и интеллектуальных навыков, оказывая все возрастающее воздействие на все стороны жизни общества.

Чаще всего транснациональные связи, осуществляемые мигрантами, в экономической и статистической литературе описываются как «пять Т»: трансферты (денежные переводы и пожертвования), торговля, транспорт, телекоммуникации и туризм.

Войны, стихийные бедствия, неустроенность, падение жизненного уровня, трудовая, образовательная и научная неудовлетворенность лишь подстегивают интеллектуальную миграцию. Так, по данным академика В. Садовниченко (ректора МГУ), за последнее время из страны уехали около 16 тыс. докторов наук [3, с. 50], некоторые из них стали лауреатами Нобелевской премии за пределами отечества.

Принятый в 1991 г. Закон РФ «О занятости» позволяет и гражданам России выезжать за рубеж на работу. Это стимулировало всплеск эмиграции в страны дальнего зарубежья: 1990 г. – 103,7 тыс. человек, 1998 г. – 72,2 тыс., 1999 г. – 61,6 тыс. человек. Только с января по август 2014 г. Россию покинули 203659 граждан, что вдвое выше, чем за тот же период 2013 г. Причем, за весь 2013 г. из России эмигрировало 186 тыс. граждан страны, относимых, в основном, к интеллектуальной элите.

Проявилась еще одна разновидность интеллектуальной миграции – это выезд из страны долларовых миллионеров. Так, согласно докладу консалтинговой компании New World Wealth, из России в 2015 г. уехали 2 тыс. миллионеров, а общее число миллионеров в стране снизилось на 2%, составив 127 тысяч. Первое место по оттоку миллионеров заняла Франция. Из страны за 2015 г. уехали 10 тыс. человек с состоянием не менее 1 млн долл, а число миллионеров в стране снизилось на 3% – до 323 тыс. На втором месте — Китай, откуда уехали 9 тыс. миллионеров, или 1%. При этом Китай «производит» гораздо больше новых миллионеров, чем теряет, а с повышением уровня жизни в стране миллионеры могут начать возвращаться, отмечается в докладе. Третье место заняла Италия, потерявшая 6 тыс. (2%) миллионеров. Отъезд миллионеров из Франции объясняется ростом религиозной напряженности и прежде всего среди еврейской диаспоры, и в ближайшие 10 лет отток из страны только усилится. С аналогичными проблемами в ближайшем будущем могут столкнуться Бельгия, Германия, Швеция и Великобритания, что связывают с наплывом в ЕС мигрантов из Сирии, Ливии, Афганистана и других проблемных регионов.

Первенство в списке стран, нарастивших количество миллионеров в 2015 году, досталось Австралии. В страну в 2015 году приехали 8 тыс. миллионеров (3%), их число выросло до 290 тыс. На втором месте — США, куда приехали 7 тыс. миллионеров. Авторы доклада насчитали в США 4,18 млн миллионеров. На третьем месте – Канада, куда приехали 5 тыс. миллионеров (рост на 2% – до 292 тыс.). Лидером в списке городов по оттоку миллионеров стал Париж. Столицу Франции в 2015 году покинули 7 тыс. миллионеров (6%). Большинство уехали из Парижа в Великобританию, США, Канаду, Австралию и Израиль. Лидером по притоку миллионеров из городов стал Сидней, куда приехали 4 тыс. миллионеров¹.

Введение квотирования для иммигрантов из стран дальнего зарубежья, а также установление безвизового режима или уведомительной системы учета не решают проблем контроля за миграцией. На первый план все более выдвигаются проблемы нелегальной миграции, которая ведет к криминализации общества, ухудшению санитарно-эпидемиологической ситуации, росту коррупции, снижению общего уровня заработной платы с одновременным снижением издержек производства и ростом доходов предпринимателей и чиновников, заинтересованных в расширении границ квотирования, не неся при этом никакой ответственности за состояние социально-экономической ситуации в регионе.

¹См.: <https://news.mail.ru/economics/25316072/?frommail=10> (Дата обращения: 31.03.2016).

В целом миграция в России порождает множество политических, экономических, социальных и иных проблем. Так, за постоянным видом на жительство в США в 2015 году обратилось рекордное число россиян. На 4 тыс. грин-карт, дающих право на постоянное проживание в США, претендовало более 265086 граждан России. Еще более 75 тыс. россиян получили вид на жительство в Европе¹.

Интеллектуальная миграция вносит весомый вклад в приращение национального продукта принимающих стран. Так, в 10 крупнейших университетах США иностранцам принадлежало 87% патентов в сфере создания полупроводниковых устройств, 84% – в сфере информационных технологий, 83% – в сфере импульсных и цифровых связей, 79% – в области создания новых лекарств, 77% – в сфере оптических устройств [2, с. 60] . Иммигранты – важный ресурс предпринимательства. Так, в 2012 г. на их долю приходилось 25% новых американских предприятий, а в Кремниевой долине – 44%.

© Масленников М.И. Текст. 2016

Список источников

1. Вартанян А. Международная образовательная миграция: региональный аспект// Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 2.
2. Лебедева Л.Ф., Смирнова И.К., Щербина А.В. США в международной миграции населения в начале XXI века // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 12.
3. Мельник А. Задача управленца – не мешать хорошим людям работать //Эксперт. – 2015. – № 41. – 5-11 октября.

Информация об авторе

Масленников Михаил Иванович (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014. г. Екатеринбург, ул.Московская, 29. e-mail: mim1943@mail.ru.; тел. 371-45-36)..

Maslennikov M.I.

THE MODERN TRENDS OF INTERNATIONAL STUDENT MIGRATION LABOR FORCES

In article the author tries to describe modern trends of international studentregions migration labor forces in conditional rises of the financial and social-economic instability, analyses levels and indicatorsmigration in Russian and foreign countries in deferens sector economics as a result development processes international differentiation and globalization of the international studentregions migration in Russian and foreign countries.

Keywords: Russia, foreign countries, international student migration, labor forces.

Information about the author

Maslennikov Michail Ivanovich (Russia,Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Professor, Institute of economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moscovskaya st. 29, e-mail: mim1943@mail.ru; tel. 371-45-36).

¹ window.rosbusinessconsulting.config.set('articleColumn', 'false')(Датаобращения: 03.04.2016).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ИНСТРУМЕНТОВ ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

Миграционные процессы приобрели глобальный масштаб, именно миграция называется одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Не вызывает сомнений актуальность разработки инструментов для оценки общественного мнения о проблемах миграции.

Ключевые слова: мигранты, мониторинг, адаптация, общественное мнение, принимающая территория.

Одним из самых сложных вопросов анализа миграции до сих пор является выбор инструментария для изучения миграции, ее взаимосвязи с социально-экономическими процессами, происходящими на принимающей территории. Оценка миграционных потоков происходит как на межстрановом, так и на региональном уровнях, характеризуя внешние и внутренние потоки миграции. Нормативный подход к количественному анализу процессов движения рабочей силы достаточно ограничен с точки зрения применения инструментария, который позволяет изучить динамику, структуру и классификацию мигрантов.

При выборе методов изучения миграции необходимо учитывать региональные особенности, направления и формы миграционных процессов. Этот выбор определяется целями и задачами, программой исследования, основными гипотезами, выбранным объектом изучения (мигранты, предприятия, населенные пункты и др.) [1].

Традиционные методы изучения миграции можно разделить на прямые и косвенные. Прямые методы заключаются в регистрации непосредственного передвижения мигрантов в месте их прибытия и выбытия. И таким образом фиксируется информация о конкретной численности выбывших и убывших с территории мигрантов, общая характеристика их состава и направлений миграции. Путем дополнительного применения косвенных методов можно рассчитать сальдо миграции за определенный период, анализируя статистику естественного движения. Также путем сопоставления данных о месте рождения и месте фактического проживания можно получить расчетные данные о численности неместных уроженцев, что тоже характеризует сальдо миграции. Информационной базой в этом случае является перепись населения [4]. Применение косвенных методов изучения миграции может дать информацию о размерах и направлении миграций, в частности, представление о продолжительности проживания населения в определенной местности, о географии перемещений мигрантов и пр.

Главной проблемой применения традиционных методов изучения миграционных процессов, с которой сталкиваются исследователи, заключается в том, что они слабо охватывают проблемы адаптации мигрантов на принимающей территории, их влияние на местное сообщество, не позволяют выявить социальные и экономические проблемы, оценить качество прибывающих трудовых мигрантов. Используя богатый инструментарий социологических методов исследования, появляется возможность получения уникальной информации, характеризующей социальную интеграцию приезжих и местного сообщества, этнические и культурные особенности отношений, мотивации и прогнозирование возможных реакций при вхождении мигрантов в общество.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Дополняя количественные нормативные методы изучения миграционных процессов социологическими, мы можем перейти к попытке объяснения и прогнозирования факторов, мотиваций и направлений миграционных потоков. Одним из важнейших направлений исследования становится социальная интеграция и адаптация мигрантов и местного сообщества, структура и динамика возникающих социальных отношений на принимающей мигрантов территории. Полученная информация позволяет применять комплексный социально-экономический подход к созданию системы мониторинга миграционных потоков, моделирования, диагностики и прогнозирования миграций, их влияния на благополучие принимающей территории.

Рассмотрим применение социологических методов для изучения миграции с точки зрения используемого инструментария. Специалисты выделяют три основных вида сбора социологической информации: опрос, анализ документов и наблюдение [5].

Выбор метода контент-анализа для изучения проблем миграционной политики, национальной, культурной и бытовой адаптации мигрантов в местном сообществе обусловлен значительной ролью средств массовой информации в формировании общественного мнения, моделей поведения мигрантов и отражении важнейших проблем миграционной политики. Этот метод широко применяется для решения проблем, которые сложно структурировать и дать им однозначную количественную оценку [2]. Суть контент-анализа, как научного метода, состоит в переводе вербальной информации в статистическую невербальную форму, он предполагает систематическую фиксацию смысловых единиц некоторой совокупности текстового массива с последующей квантификацией полученных данных.

Для апробации исследования взаимоотношений трудовых мигрантов и населения принимающей стороны мы выбрали традиционный вариант обзорного контент-анализа. Этот подход предполагает изучение всех материалов, попадающих в сферу исследования, их кодирование, группировку по содержательно-эмоциональной направленности и анализ по единой методике без предпочтений. Результатом отбора и анализа данных для исследования будет являться общая картина распределений смысловых единиц по выбранным группировкам, которая затем будет интерпретирована [3]. Источники для сбора такой информации могут быть разнообразны, а том числе печатные и электронные СМИ, нормативные акты, интервью и пр. Также при выборе обобщающего контент-анализа есть возможность сбора данных за определенный период и возможность изучения их изменения в динамике.

В современном мире все большее значение в формировании информационных потоков и их влиянии на общественное мнение приобретает сеть Интернет. В процессе использования поисковых систем сети Интернет можно обнаружить и зафиксировать логические закономерности изучаемой проблемы. В качестве информационного источника в процессе мониторингового исследования была выбрана поисковая сеть Яндекс, как наиболее популярная в российском интернет-пространстве.

Целью исследования является качественная оценка взаимодействия трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, и местного сообщества, отраженного в электронных источниках информации. В соответствии с целью был поставлен ряд задач:

- определение позитивной и негативной окраски ключевых образов, сформированных СМИ при освещении проблем внешней миграции;
- выявление проблем адаптации мигрантов в оценках перспектив и угроз в их жизни на принимающей территории;
- выявление доминирующих в сознании местного сообщества образов трудового мигранта, оценка их эмоциональной направленности.

Объектом исследования выступили веб-страницы, доступные в поисковой системе Яндекс, за период с сентября 2013 г. по август 2015 г., содержащие позитивные и негативные ключевые образы освещения миграционных процессов.

Предметом исследования стала система взаимоотношений трудовых мигрантов и местного сообщества принимающей территории и возникающих при этом позитивных и негативных образов – мнимых и реальных.

Метод исследования – количественный контент-анализ электронных информационно-источников с последующей обработкой данных в Excel.

Единицей исследования стали слова и их сочетания. Подсчет проводился по количеству упоминаний смысловой единицы за анализируемый период и доле этих упоминаний в общей совокупности доступных веб-источников. Расчет проводился как по Свердловской области, так и по России в целом. Эмпирическими индикаторами выступили ключевые понятия, характеризующие позитивные и негативные высказывания, направленные как из среды мигрантов, так и от представителей населения принимающей стороны, отраженные в интернет-публикациях.

Основной смысловой единицей в работы выступило слово «мигранты». Подбор сочетаний слов был обоснован задачами, поставленными в исследовании, и включил следующие группировки смысловых единиц: «трудовые мигранты», «адаптация мигрантов», «мигранты патент». Одной из возникших в процессе исследования проблем стала сложность выбора временных точек исследования за анализируемый период, который был ограничен возможностями предоставления данных поисковыми системами. Были выбраны следующие временные точки: сентябрь 2013 г., январь 2014 г., сентябрь 2014 г., январь 2015 г., август 2015 г. Первый месяц года и начало осени выбраны не случайно, поскольку именно с этими месяцами в России часто связано изменение законодательства, в том числе и в вопросах миграции, а также экономические и политические события в стране и в мире, которые существенно влияют на формирование общественного мнения.

Таким образом, были выделены и проанализированы основные понятия, характеризующие проблему трудовой миграции. Результаты расчетов представлены в таблице.

Таблица

Динамика упоминаний и их доля в общей совокупности упоминаний на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловой единицы «мигранты» и некоторых общих характеристик миграционных процессов

Смысловые единицы	Период	По России		По Свердловской обл.		Доля СО от общ. показателей	
		кол-во упоминаний ед.	доля от общего кол-ва упоминаний	кол-во упоминаний, ед.	доля от общего кол-ва упоминаний	%	разница отн. доли СО от росс. показателей, %
«Мигранты»	сен.13	89 567	0,000017257551	2 700	0,000017133085	3,0	-0,7
	янв.14	291 639	0,000042308813	8 347	0,000040040598	2,9	-5,4
	сен.14	92 555	0,000014995752	4 263	0,000021803112	4,6	45,4
	янв.15	601 545	0,000087750061	29 379	0,000141132908	4,9	60,8
	авг.15	123 659	0,000024556526	3 968	0,000027580598	3,2	12,3
Общая характеристика							
Итого:	сен.13	6 393		137		2,1	
	янв.14	24 050		597		2,5	
	сен.14	8 050		176		2,2	
	янв.15	96 322		3 011		3,1	
	авг.15	11 701		357		3,1	
в том числе:							
«Трудовые мигранты»	сен.13	4 273	0,000000823311	102	0,000000646965	2,4	-21,4
	янв.14	7 949	0,000001153182	154	0,000000737493	1,9	-36,0

	сен.14	4 736	0,000000767326	109	0,000000554864	2,3	-27,7
	янв.15	22 073	0,000003219887	706	0,000003372062	3,2	4,7
	авг.15	4 835	0,000000960147	153	0,000001046205	3,2	9,0
«Адаптация мигрантов»	сен.13	1 539	0,000000296531	18	0,000000114221	1,2	-61,5
	янв.14	1 927	0,000000279555	46	0,000000220662	2,4	-21,1
	сен.14	1 709	0,000000276892	23	0,000000117633	1,3	-57,5
	янв.15	1 785	0,000000260386	49	0,000000846525	2,7	225,1
	авг.15	868	0,000000172370	26	0,000000180720	3,0	4,8
«Мигранты патент»	сен.13	581	0,000000137816	17	0,000000107875	2,9	-21,7
	янв.14	14 174	0,000002545477	397	0,000001904411	2,8	-25,2
	сен.14	1 605	0,000000314275	44	0,000000225038	2,7	-28,4
	янв.15	72 464	0,000013005716	2 256	0,000010837532	3,1	-16,7
	авг.15	5 998	0,000001487269	178	0,000001237234	3,0	-16,8

Как видно из таблицы, проблеме миграции уделяется значительное внимание в интернет-источниках. Особый интерес представляют вопросы легализации трудовых мигрантов («мигранты + патент») – 94822 упоминания за периоды выборки. Доля упоминаний выбранных смысловых единиц по Свердловской области в сравнении с российскими показателями колеблется от 1,3 до 4,9%. Повышение интереса к общим вопросам миграции наблюдается в период с сентября 2014 г. по январь 2015 г. При выборе ключевых понятий для этого блока удивление вызвало отсутствие в статистике упоминаний таких смысловых единиц, как «мигранты + население», «мигранты + жители», «мигранты + местное сообщество».

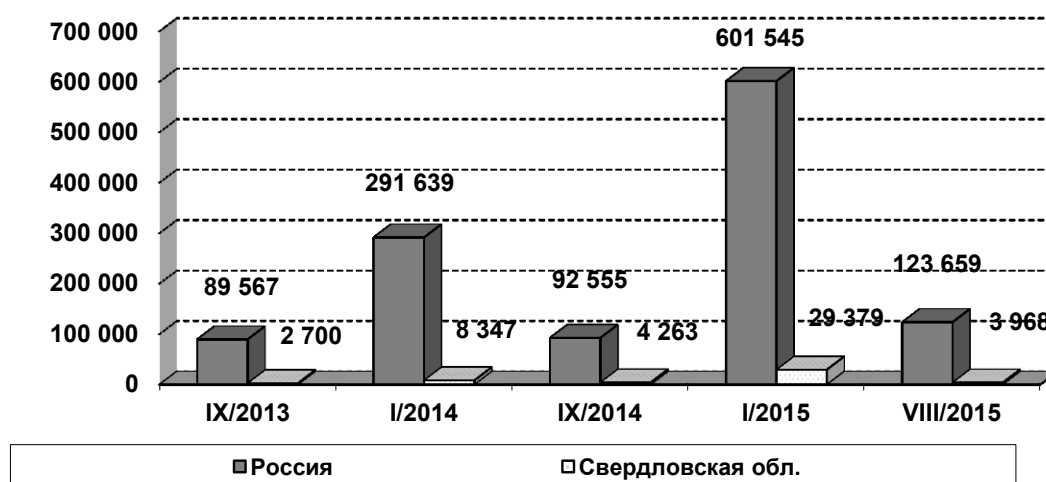

Рис. 1. Количество упоминаний на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловой единицы «мигранты»

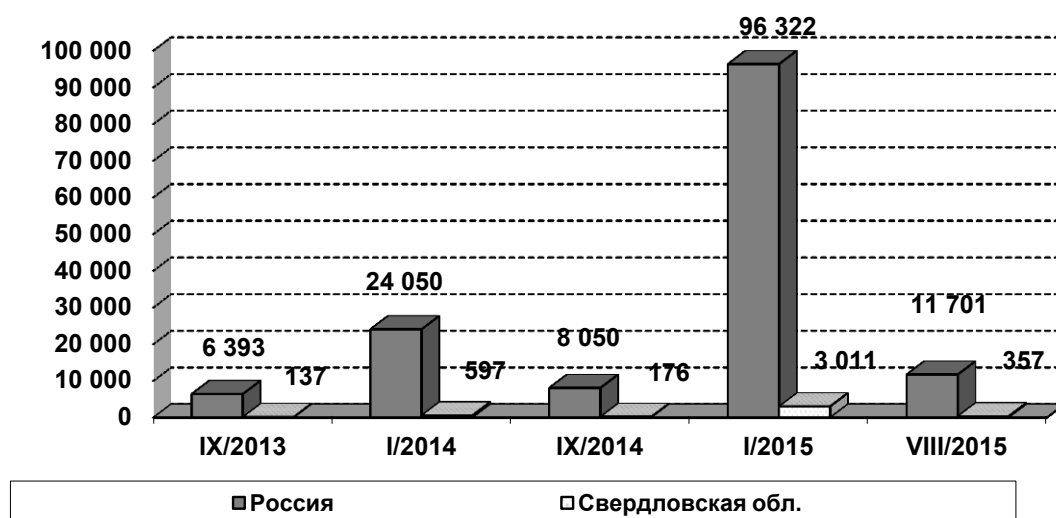

Рис. 2. Количество упоминаний на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловых единиц, дающих общую характеристику мигрантам: «трудовые мигранты», «адаптация мигрантов», «мигранты патент»

Данные, представленные на рисунках 1 и 2, дают представление о сопоставимости всплесков интереса к проблемам мигрантов в Свердловской области и по России в целом.

Проведенное исследование дает основание говорить о необходимости соединения традиционных количественных и качественных методов с методами социологических исследований при построении системы мониторинга внешней трудовой миграции и ее влияния на благополучие принимающей территории. Применение метода контент-анализа для изучения закономерностей через упоминания ключевых категорий в электронных информационных базах с использованием статистических данных поисковых систем можно признать состоятельным. Дальнейшее направление исследований следует направить на оценку эмоционального фона упоминаний смысловых единиц, характеризующих взаимоотношения мигрантов и местного сообщества, что позволит обосновать комплексный подход к миграционной политике и сгладить возможные негативные последствия.

© Мельникова А.С. Текст. 2016

Список источников

1. Рабочая книга социолога. – М., 1976.
2. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М., 1998.
3. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.
4. Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории: кол. моногр./ Е.Б. Бедрина, М.Н. Вандышев, Н.Л. Струин, Н.П. Неклюдова, А.С. Мельникова, Е.А. Илинбаева, Е.Х. Тухтарова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 153 с.
5. Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. – М., 1972.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г.Екатеринбург, ул.Московская, 29, e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Melnikova A.S.

MODERN APPROACHES TO DEVELOPMENT OF TOOLS OF THE ASSESSMENT OF MIGRATORY PROCESSES

Migratory processes assumed a global scale, migration is called as one of the main factors of social transformation and development in all regions of the world. Relevance of development of tools for an assessment of public opinion about migration problems doesn't raise doubts.

Key words: migrants, monitoring, adaptation, public opinion, the accepting territory.

Information about the author

Melnikova Anna Sergeevna (Russia, Yekaterinburg) – PhD, Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Science (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: anuta_kk@mail.ru)/

УДК 314.748

Н.П. Неклюдова, Е.А. Илинбаева

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

В данной статье проведена оценка миграционной ситуации на территории Свердловской области. Авторами выделены основные факторы, обуславливающие миграционные потоки в данный регион, проанализирована трудовая миграция, оценена динамика нелегальной трудовой миграции.

Ключевые слова: миграционная привлекательность, внешняя миграция, оценка, факторы миграционной привлекательности, Свердловская область, трудовая миграция, регион.

Миграционная привлекательность является одним из основных факторов притяжения миграционных потоков из менее развитых стран и регионов в более развитые. Одним из способов оценки миграционной привлекательности региона является учет существующих перемещений граждан одной страны в другие страны и регионы. Свердловская область не является исключением, являясь одним из основных регионов – потребителей иностранной рабочей силы на территории Уральского федерального округа. Потоку иностранной рабочей силы в данный регион способствуют множество факторов.

Во-первых, территория области имеет выгодное географическое положение. Через Свердловскую область проходят многие железнодорожные маршруты, связывающие европейскую и азиатскую части России, страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В пределах Свердловской области функционирует один из крупнейших

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

железнодорожных узлов России. Международный аэропорт «Кольцово», расположенный около г. Екатеринбурга, играет ведущую роль в обслуживании транзитных транспортных коридоров.

Во-вторых, привлекают сформировавшийся в регионе развитый промышленный комплекс, высокий уровень среднедушевых доходов населения, относительно невысокий уровень безработицы, а также наличие делового центра в виде города-миллионника Екатеринбурга, занимающего 4-е место по численности населения после городов Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. Основными сферами, привлекающими внимание иностранных работников в 2015 году, являлись: оптовая и розничная торговля, ремонт транспорта, строительство, сельское хозяйство и иные [3], представленные на рис. 1.

В период с 2005 по 2014 гг. приток в регион иностранных граждан и лиц без гражданства имел тенденцию к росту, за исключением кризисных периодов 2008 и 2014 гг. Однако в 2015 году прослеживается снижение пассажиропотока иностранных граждан. Данные по показателям за 2015 год соизмеримы с показателями за 2011 год. Соответственно за 2015 год на территорию Свердловской области через государственную границу РФ в пункте пропуска аэропорта «Кольцово» г. Екатеринбурга въехало более 144 тыс. иностранных граждан (рис. 2).

В целом резкое снижение притока иностранных граждан в Свердловскую область сказалось и на сокращении количества постановки на миграционный учет иностранных лиц на территории области. Многие эксперты [3] отмечают, что снижение притока иностранных лиц на территорию данного региона обусловлено факторами экономического, политического и институционального характера. Институциональные факторы вызваны, прежде всего, изменениями в миграционном законодательстве.

Рис. 1. Ключевые сферы привлечения иностранной рабочей силы (Свердловская область, по данным 2015 г.). чел.

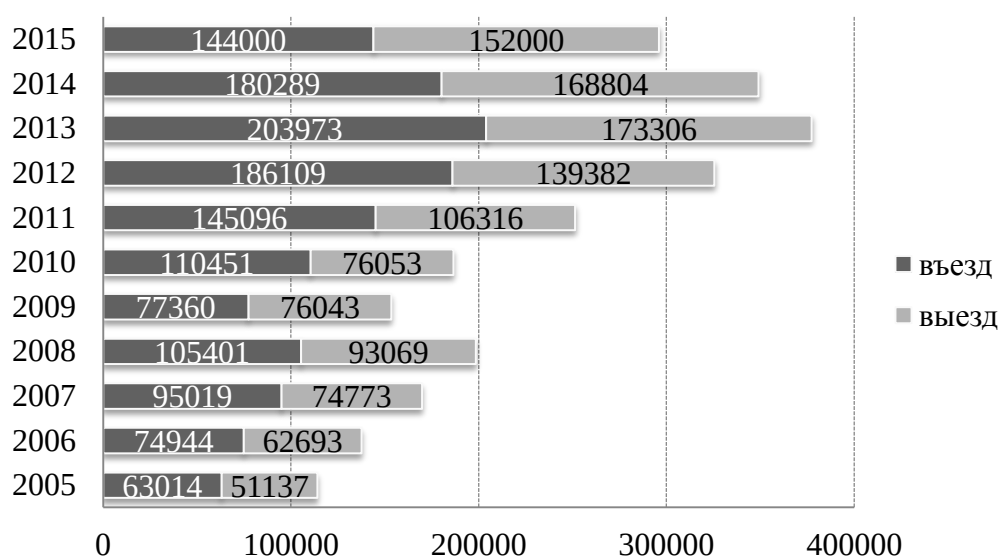

Рис. 2. Динамика пересечения Государственной границы иностранными гражданами и лицами без гражданства через аэропорт «Кольцово», чел. [1, 3]

В 2015 году на территории Свердловской области было поставлено на миграционный учет 313 524 человек (по сравнению с 2014 годом количество снизилось на 24 334 человека), из них по месту пребывания – 297 400 (по сравнению с 2014 годом снизилось на 28 138 чел. [6]). По сравнению с другими регионами Российской Федерации Свердловская область занимает 6-е место после Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской областей и Краснодарского края по количеству иностранных граждан, поставленных на миграционный учет. Основные миграционные потоки в Свердловской области формируют граждане Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Китая (рис. 3).

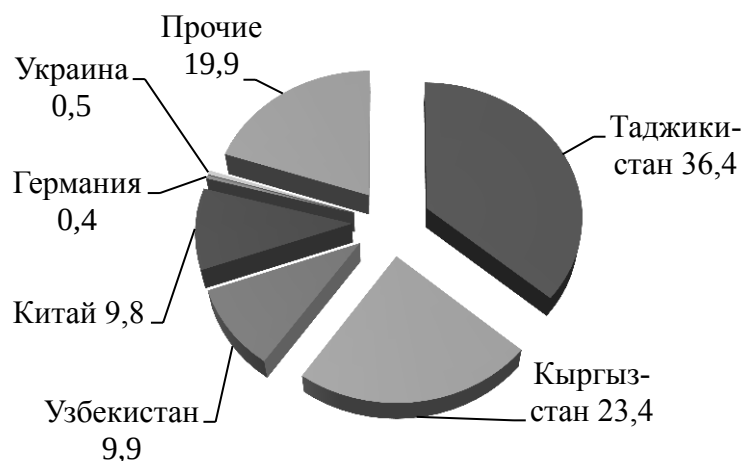

Рис. 3. Гражданская принадлежность лиц, прибывших на территорию Свердловской области в 2015 г., % [3]

Специфика миграционных потоков в Свердловскую область определяется относительно большей долей представителей Средней Азии. До 2012 г. в Свердловской области наиболее многочисленную группу мигрантов составляли граждане Таджикистана – государства, население которого практически в 4 раза меньше, чем население Узбекистана. С 2012 г. количество представителей Узбекистана опередило жителей Таджикистана в иммиграционных потоках, но незначительно, а в 2014 г. в лидеры снова

вышел Таджикистан. За последние 5 лет лидерами по въезду на территорию региона являются граждане Таджикистана, доля которых в общем числе въезжающих составляла в различные годы от 45 до 53%, в 2015 году – 36,4% от общего количества въехавших (52 тыс. человек) [6].

Объяснить данный феномен можно рядом обстоятельств. Во-первых, географическим положением Таджикистана, обеспечивающим транзитный коридор через Казахстан и Южный Урал в Свердловскую область. Во-вторых, наличием сильной таджикской диаспоры в г. Екатеринбурге, регулирующей иммиграционные потоки из Таджикистана и частично контролирующей занятость своих граждан. В-третьих, высоким уровнем толерантности местного населения к приезжим из Средней Азии, привыкшего жить в «многонациональной семье».

Как показывают расчеты, наиболее значимым фактором миграции в регионы России выступает наличие потоков мигрантов из страны исхода за прошлый период, а не экономический фактор [2]. Но это не противоречит законам Е. Равенштейна, признающих главенство экономических причин миграции [8]. Дело в том, что по уровню заработной платы и безработицы любой регион России находится в значительно более выигрышном положении, чем Узбекистан и в особенности Таджикистан, занимающий самые низкие экономические рейтинги среди стран СНГ.

Несмотря на то, что миграция в Свердловскую область, как и в другие регионы России, носит преимущественно трудовой характер, часть мигрантов, видимо, для удобства нахождения в России и трудоустройства стремятся получить вид на жительство (рис. 4) и принять российское гражданство (рис. 5). Обычно эти процессы сопровождаются привозом в Россию членов семьи, оставленных на родине, а значит, ростом численности «второго поколения» мигрантов, т.е. населения, которое автохтонное население по чисто визуальным характеристикам часто ассоциирует с населением «второго сорта».

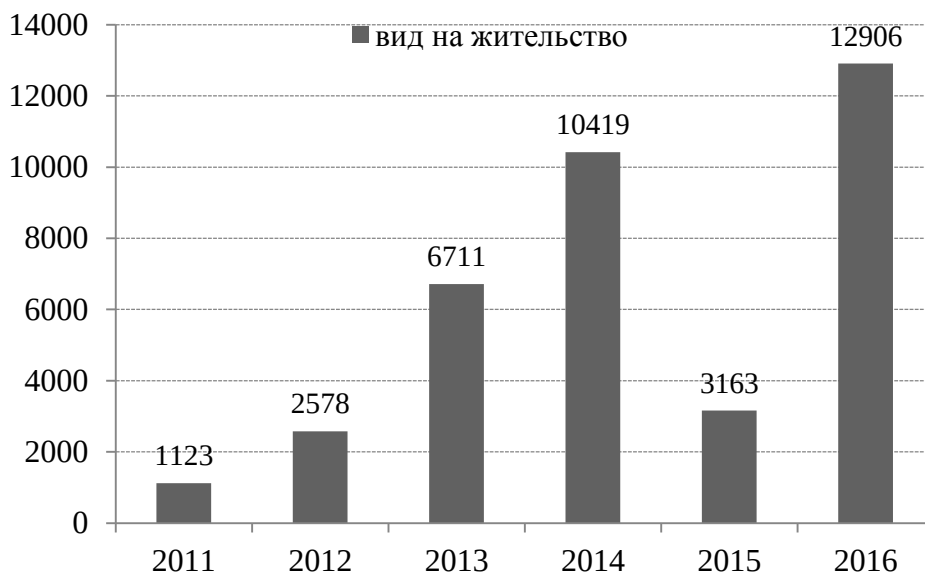

Рис. 4. Численность иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших вид на жительство в Свердловской области, на 1 января, с 2011 по 2015 гг., чел. [1, 3]

Рис. 5. Численность иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших российское гражданство в Свердловской области с 2007 по 2015 гг., чел. [1, 3]

В этих условиях особую важность приобретает процесс адаптации мигрантов в принимающем сообществе в качестве важного направления регулирования миграции. Только через активную адаптацию – изучение русского языка, культуры, традиций и законов принимающей страны, получение образования и т.п. – мигранты могут перейти из «видимого меньшинства» в «невидимое».

Теперь более подробно остановимся на трудовой миграции. По данным Управления Федеральной миграционной службы по Свердловской области, преимущественной целью въезда остается «работа», т.е. трудоустройство (66,5% от общего количества) [3].

Рынок труда выступает основной движущей силой миграции. Привлечение иностранной рабочей силы в Свердловскую область связано, прежде всего, с диспропорциями в географическом распределении вакансий и безработицы в рамках региона. Высокая экономическая активность в Екатеринбургской агломерации сочетается с относительно высоким уровнем безработицы на периферии. Слабая внутренняя мобильность населения создает сложности с замещением имеющихся вакансий российскими гражданами, состоящими на учете в службе занятости. Как правило, это низкооплачиваемые рабочие места, не требующие высокой квалификации. Основными сферами применения труда иностранных работников являются: строительство и сервис (рестораны, отели, магазины). Таким образом, одной из основных характеристик миграции в Свердловскую область выступает низкий уровень квалификации прибывшего населения.

Поток квалифицированных специалистов достаточно небольшой. Наиболее востребованными профессиями на рынке их труда являются инженеры разных направлений. Количество зарегистрированных квалифицированных зарубежных специалистов на территории Свердловской области в 2014 г. составило 1298 чел. Однако за 2015 год в целом оформлено 413 разрешений на работу квалифицированным специалистам. Снижение количества прибывающих на территорию Свердловской области квалифицированных специалистов обусловлено тем, что принятый в 2015 году Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливает требования к иностранным гражданам, желающим оформить разрешительные документы на территории Российской Федерации, подтверждения знания русского языка, истории России и основ законодательства [7].

Особую категорию, согласно действующему миграционному законодательству, составляют высококвалифицированные специалисты, выделяемые, главным образом, по уровню оплаты труда. В 2014 г. в Свердловской области было оформлено всего 127 разрешений на работу высококвалифицированным специалистам [1], в 2015 году – 74, также продлено 15 разрешений на работу. В основном высококвалифицированные

специалисты занимают должности руководящего, инженерно-технического и преподавательского состава (профессора, научные работники) [3].

С 2007 года в Свердловской области был взят курс на ограничение внешней миграции, что нашло отражение в снижении квот (разрешений на работу) на иностранную рабочую силу. К примеру, если в 2009 году данная квота составляла 100 693 рабочих места, то в 2014 году она сократилась в 2 раза и составила 47 974, в 2015 году – 11 418. Однако даже после сокращения она не была вычерпана полностью [4]. Проблема в том, что квоты устанавливались, в том числе, в разрезе квалификации. А поскольку ядро трудовой миграции в Россию составляют низкоквалифицированные работники, то квоты по этой группе часто заканчивались еще до начала массового приезда мигрантов, и оставались незаполненными квоты для квалифицированных работников, что провоцировало рост нелегальной миграции.

Иностранные граждане, приехавшие на заработки из безвизовых стран, не сумевшие получить разрешение на работу из-за исчерпания квоты в разрезе квалификации, вынуждены были либо покупать патент (появился с 2010 г.), либо работать нелегально.

Новый вариант легализации занятости трудовых мигрантов появился 1 июля 2010 г. со вступлением в силу поправок в закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые подвели правовую основу трудоустройству мигрантов у физических лиц. Иностранные граждане из стран с безвизовым режимом получили право на получение нового разрешительного документа на трудоустройство – патента, предусматривающего трудоустройство у физических лиц для выполнения работ для личных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [4].

Несмотря на непродолжительный срок своего существования, патент как особая форма разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности для иностранных граждан из стран с безвизовым режимом достаточно быстро завоевал популярность, став такой же распространенной формой разрешительных документов, как и разрешение на работу. В 2012 г. в регионе численность патентов, выданных иностранным гражданам, превысила численность выданных разрешений на работу (33339 патентов против 30665 разрешений на работу). Динамика количества выдаваемых патентов продолжала стабильно расти (рис. 6), и в 2014 г. доля мигрантов, работающих по патентам, в Свердловской области составляла 60 % от общего числа трудовых мигрантов, а в 2015 году произошел существенный разрыв.

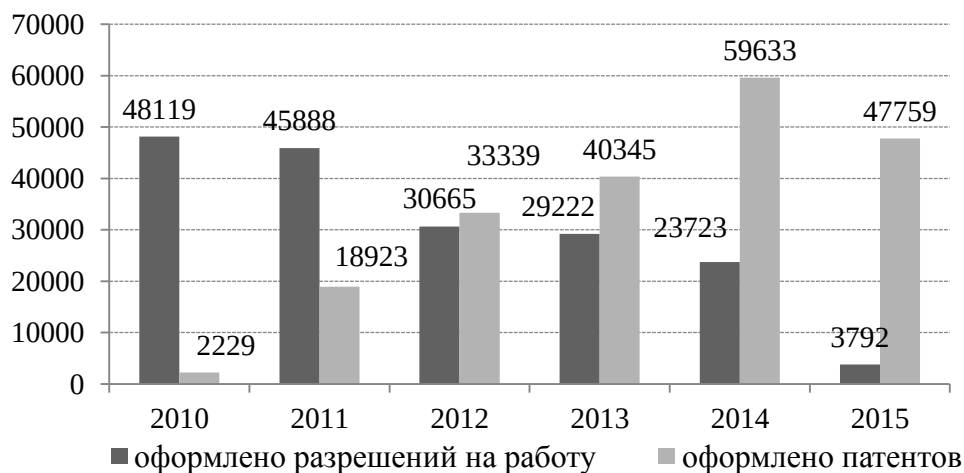

Рис. 6. Динамика оформленных разрешений на работу и патентов в Свердловской области в 2010 – 2015 гг. [1, 3]

Как и в других регионах, в Свердловской области применение патентной системы использовалось с нарушениями. Многие мигранты, получив патент, работали таксистами, рабочими на стройках, официантами и поварами в ресторанах и кафе, уборщиками и обслуживающим персоналом в офисах фирм, водителями общественного транспорта и кондукторами. Причина в том, что многие из тех, кто оформил себе патент на трудоустройство, не понимали юридических различий между патентом и разрешением на работу, рассматривая патент в качестве альтернативного документа разрешению на работу. Хотя некоторые мигранты, оформляя патент, умышленно шли по пути «наименьшего сопротивления», понимая, что оформить его проще, легче, быстрее и дешевле, чем разрешение на работу. Также патент использовали иммигрирующие вслед за мужьями женщины-домохозяйки с целью комфортного пребывания на принимающей территории.

Те, кто не оформил патент и не «вошел» в квоту на получение разрешения на работу, составили нелегальную миграцию. По нашим приблизительным оценкам, в период с 2007 по 2015 гг. в Свердловской области насчитывалось от 100 до более 200 тыс. иностранных граждан, осуществляющих свою трудовую деятельность нелегально (табл. 1).

Таблица 1

Оценка нелегальной миграции в Свердловской области

	Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Численность ИГ и ЛБГ, зарегистрированных по месту пребывания	205106	286688	200831	223801	257594	289735	356005	325538	297400
2	Численность ИГ и ЛБГ, прибывших в Свердловскую область через аэропорт Кольцово с целью «работа»	47642	54319	33480	46387	90289	130649	141392	129595	95760 ¹
3	Численность ИГ и ЛБГ, получивших разрешительные документы (разрешение на работу или патент) на осуществление трудовой деятельности	94350	100041	86856	53943	64811	68493	63861	80169	51551
4	Нижний ² порог нелегальной миграции (разница между строками 2 и 3)	-	-	-	-	25478	62156	77531	49426	44209
5	Верхний порог нелегальной миграции (разница между строками 1 и 3)	110756	186647	113975	169858	192783	221242	292144	245369	245849

Примечание: ИГ – иностранные граждане, ЛБГ – лица без гражданства.

Миграция имеет значение для развития территории, в том числе и с точки зрения роста налогооблагаемой базы. Мигранты, осуществляющие трудовую деятельность и получающие доходы на территории Российской Федерации, обязаны выплачивать налог

¹ 144 000 ИГ и ЛБГ, пересекших Государственную границу через аэропорт «Кольцово» / 100*66,5% по «работе» = 95 760

² Порог нижний потому, что учтены только иностранные граждане, прибывшие ч/з аэропорт Кольцово. Иностранцы, прибывающие на работу в Свердловскую область железнодорожным и автомобильным транспортом, остаются вне этого учета.

на доходы физических лиц (НДФЛ – далее) согласно статье 207 Налогового кодекса РФ [5].

Таким образом, можно констатировать, что Свердловская область является важнейшим центром привлечения внешних трудовых мигрантов. Несомненно, что миграционная ситуация в Свердловской области имеет свою специфику, связанную с особенностями основных миграционных потоков, а именно с масштабным привлечением представителей Средней Азии, в том числе и жителей Таджикистана. На особенности миграции во многом влияют, как показывает практика, изменения в законодательстве, касающиеся правового положения иностранных граждан в Российской Федерации.

© Неклюдова Н.П., Илинбаева Е.А. Текст. 2016

Список источников

1. Аналитический отчет, характеризующий миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-ural.ru/>
2. Бедрина Е.Б., Шаболина К.А. Мотивы иммиграции в современной России // Демографический и миграционный потенциал Урала: материалы круглых столов III Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – С. 310-316.
3. Доклад о миграционной ситуации в Свердловской области, основных результатах деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Свердловской области за 2015 год // Управление Федеральной миграционной службы по Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.fms.gov.ru/>
4. Закон Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 21 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 15.05.2010), ст. 13.3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>
5. Налоговый кодекс РФ (Часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) ст. 207 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Неклюдова Н.П., Илинбаева Е.А. Оценка миграционной ситуации в Свердловской области // Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной предпринимательской политики: кол. моногр. – Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 8-17.
7. Федеральный закон от 20.04.2014 № 74-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"» // Информационно-правовой портал «Консультант». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=171276&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.3758017026846525>
8. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. – 1889. – No. 52. – P. 241-305.

Информация об авторах

1. Неклюдова Наталья Павловна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nnp81@mail.ru).
2. Илинбаева Екатерина Александровна (Россия, Екатеринбург) – ведущий экономист Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

THE ASSESSMENT OF MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE SVERDLOVSK REGION TERRITORY

The aim of this article is assessment of a migratory situation in the territory of Sverdlovsk region. The authors carried out the analysis and assessment of migration factors, labor migrations and dynamics of illegal labor migration.

Keywords: migration attractiveness, external migration, assessment, factors of migratory appeal, Sverdlovsk region, labor migration, region

Information about the authors

1. Neklyudova Natalia Pavlovna (Russia, Yekaterinburg) – Ph.D. in Economics, research assistant, The Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: nnp81@mail.ru).

2. Ilinbaewa Ekaterina Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) – leading Economist, The Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) (Russia, 620014, Moskovskaya st., 29; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru).

УДК 314.7

Ю.Н. Петракова

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются методы регулирования внутренней миграции населения. Описываются государственные программы, в ходе реализации которых оказывается воздействие на процессы внутренней миграции населения в Республике Беларусь. Дана оценка результатов отдельных программ государственного регулирования, а также сформулированы предложения по их усовершенствованию.

Ключевые слова: государственное регулирование, внутренняя миграция, сельские территории, города-спутники.

Во всем мире миграционное поведение населения всегда являлось одним из индикаторов благополучия и социально-экономического развития страны, региона. В международной миграции основные потоки мигрантов направлены из экономически развивающихся стран в экономически развитые государства. То же происходит и с перемещением населения по территории одного государства – внутренние мигранты направляются из отсталых, депрессивных регионов в экономически более благоприятные районы с лучшими условиями для проживания. Причем, если в развитых странах мира многие внутренние мигранты при смене места жительства ориентируются в первую очередь на наличие свободных рабочих мест с достойной оплатой труда в районе въезда, то в развивающихся странах зачастую миграция происходит в районы с лучшими условиями проживания, где достаточно свободных рабочих мест, но в то же время и высока конкуренция со стороны таких же мигрантов. По этой причине в развитых странах мира миграция действительно служит средством выравнивания социально-экономического дисбаланса в развитии регионов, а вот в развивающихся странах внутренняя миграция зачастую приводит к возникновению новых проблем в развитии регионов. В первую очередь из-за постоянного оттока населения из сельской местности в

города происходит перенаселение последних, что не всегда можно решить исключительно экономическими мерами без вмешательства государства.

В Беларуси пока рано говорить о прямом воздействии внутривнутриреспубликанской миграции на выравнивание социально-экономических различий в развитии регионов страны. Скорее, наоборот, на данный момент внутренние перемещения населения порождают ряд проблем демографического характера, которые оказывают влияние и на экономическое развитие регионов. Так, постоянный отток населения из сельской местности в городскую ведет к потере огромного количества молодого трудоспособного населения фертильного возраста в сельской местности, в которой и так с конца 70-х годов прошлого века наблюдается процесс депопуляции населения. Многие внутренние мигранты направляются в крупные города, особенно в столицу республики, которая только за счет внутреннего перемещения населения ежегодно пополняется в среднем на 15 тысяч человек. С одной стороны, постоянный приток молодежи создает конкуренцию на рынке труда, что обеспечивает предприятия более высококвалифицированными работниками, но, с другой стороны, это порождает рост уровня безработицы либо увеличение доли занятых без официального оформления на работу. Также одной из серьезных проблем, особенно для столичного региона, выступает проблема обеспеченности населения жильем. Поэтому в последнее десятилетие со стороны государства предпринимается ряд мер по регулированию процессов внутренней миграции.

Понятие «регулирование внутренней миграции» нечасто встречается в западной литературе, так как процесс прямого регулирования миграционных процессов характерен для стран с плановой экономикой, где командными методами можно воздействовать на перемещение населения по территории страны в целях улучшения экономического развития отдельных регионов. Развитые постиндустриальные страны мира также проводят политику, направленную на перераспределение населения между регионами, и в первую очередь это касается трудовых ресурсов. Однако достигается необходимый эффект с помощью методов косвенного регулирования внутренней миграции. В рамках различных программ в США, Австралии, странах ЕС проводится поддержка лиц, решивших сменить место жительства в связи с трудоустройством в другом регионе, а также выделяются дотации предприятиям, производящим набор и адаптацию сотрудников из других регионов страны [5].

В Республике Беларусь регулирование внутренней миграции осуществляется с помощью косвенных методов, которые можно разделить на административно-правовые и организационно-экономические. В целом для миграционной политики Беларуси характерно взаимодействие трех базисных компонентов государственного управления миграцией: 1) институциональная составляющая, включающая формальные и неформальные институты, которые опосредованно оказывают воздействие на миграционные процессы; 2) правовое обеспечение, которое включает нормативно-правовую базу регулирования внутренней миграции; 3) программный подход, объединяющий государственные программы, в ходе реализации которых оказывается воздействие на миграционные процессы. В данной статье особое внимание хотелось бы уделить принятым и реализованным в Республике Беларусь государственным программам, одним из целевых показателей которых выступает оптимизация процессов внутренней миграции населения.

Для решения социально-экономических проблем в отдельных регионах и во всей стране в целом в Республике Беларусь реализуется ряд целевых государственных программ. Государственные программы относятся к организационно-экономическим методам регулирования внутренней миграции населения, и среди них можно выделить программы, направленные на: 1) усовершенствование социальной инфраструктуры и решение жилищных проблем; 2) повышение предпринимательской активности и решение проблем с трудоустройством.

Несмотря на реализацию в стране в 2006-2010 гг. профильных Государственной миграционной программы и Национальной программы демографической безопасности, первой государственной программой, в которой был предусмотрен ряд мероприятий, направленных на повышение миграционной привлекательности отдельных регионов и в частности сельской местности, стала «Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 гг.» [3]. В данной программе основным критерием повышения привлекательности сельских регионов выступает развитие социальной инфраструктуры и строительство доступного благоустроенного жилья. В ходе реализации программы по всей территории Республики Беларусь осуществлялось строительство качественно новых типов поселения – агрогородков. Благодаря более развитой инфраструктуре и наличию газо- и водоснабжения в новостройках агрогородки должны были стать для городских мигрантов более привлекательными по сравнению с типичными сельскими населенными пунктами. Однако практически в каждом агрогородке остались невостребованными новые дома, строительство которых не всегда осуществлялось на высоком уровне и не соответствовало потребностям сельского жителя. Дальнейшее развитие сельской местности предусмотрено в «Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы», в которой продолжилась работа по преобразованию уже созданных агрогородков, а также других сельских населенных пунктов, в центры высокоэффективного труда сельчан; осуществлялась реализация комплекса мер, направленных на снижение оттока населения из сельской местности, прежде всего молодых специалистов и квалифицированных кадров, и обеспечение притока молодежи в сельскую местность, в первую очередь за счет возвращения молодых людей, получивших образование и профессиональную подготовку [4]. Однако на сегодняшний день в агрогородках завершилось строительство новых жилых домов, во многих сельских населенных пунктах социальная инфраструктура доведена до городских стандартов, а притока мигрантов из городов не произошло. Ведь привлечь и закрепить на местах горожан, у которых уже сложился отличный от сельского образ жизни, довольно сложная и не быстро разрешимая задача. Поэтому, на наш взгляд, на данный момент агрогородки должны стать ядром, способным обеспечить работой трудоспособное население из близлежащих сел, в них должны иметь возможность получить среднее образование дети малонаселенных деревень. Для обеспечения маятниковой миграции между агрогородками и близлежащими селами должно быть налажено регулярное автобусное и железнодорожное сообщение, налажена бесплатная доставка к местам работы и учебы. Эти меры могут способствовать прекращению оттока населения из умирающих деревень на постоянное местожительство в города.

Еще одной программой, направленной на решение жилищных проблем, только не сельских жителей, а столичного региона, является программа строительства городов-спутников [1]. В рамках программы в городах-спутниках запланированы: строительство для жителей столицы доступного жилья; модернизация существующей инфраструктуры и транспортного сообщения под нужды растущей численности населения; перенос некоторых производственных объектов, расположенных в столице. Процесс добровольного переселения части горожан в пригород уже давно охватил все развитые страны мира, однако в Республике Беларусь он находится только в стадии зарождения. Строительство доступного жилья в городах-спутниках может способствовать усилению субурбанизации, что приведет к формированию вокруг столичной агломерации обширной пригородной зоны. На сегодняшний день, несмотря на свою перспективность, практическая реализация программы строительства жилья в городах-спутниках не получила должного развития, а количество городов-спутников, фигурирующих в программе, постоянно сокращается. Во-первых, стоимость строящегося в городах-спутниках жилья практически не уступает стоимости столичной недвижимости; во-вторых, недостаточно изучено общественное мнение столичных жителей относительно переезда в пригород; в-третьих, не изучен региональный рынок труда в городах-спутниках

и перспективные направления для его роста, что в целом не способствует развитию данной программы.

Помимо решения жилищных проблем потенциальных мигрантов эффективным направлением повышения миграционной активности населения является решение проблем с трудоустройством отдельных граждан. В Республике Беларусь ряд государственных программ одной из своих целей ставят перераспределение трудовых ресурсов. В первую очередь стоит отметить ежегодно утверждаемую Государственную программу содействия занятости населения Республики Беларусь [2]. В рамках данной программы во всех службах занятости страны постоянно обновляется информация о наличии свободных рабочих мест по регионам республики; проводится содействие безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, ремесленной деятельности; органами по труду, занятости и социальной защите производится переселение безработных для трудоустройства в других регионах страны. Переселение происходит на добровольной основе. После заключения договора с нанимателем решивший сменить место жительства индивид получает материальную помощь, ему возмещаются все расходы, связанные с переездом, а также предоставляется жилье на новом месте жительства. В ходе исполнения этой программы на новое место жительства ежегодно переселяется порядка 300 безработных и их семей. Казалось бы, такой вид переезда должен способствовать трудоустройству безработных, решить проблему нехватки кадров в трудодефицитных районах. Однако, как признаются руководители некоторых сельскохозяйственных организаций, существует вероятность приема так называемых работников «перекати-поле». Получив подъемные и жилье, они работают из рук вон плохо; когда же заканчиваются выделенные государством средства они попросту увольняются и переезжают на другое место «работы» и жительства, оставляя после себя дома или квартиры практически в аварийном состоянии [6]. Таким образом, программа, призванная обеспечить трудодефицитные районы республики квалифицированными кадрами, на деле способствует переселению в сельскую местность и малые города лиц вполне трудоспособного возраста, только не работоспособного образа жизни. Одной из причин неудачи программ по привлечению горожан в трудодефицитные районы выступает несогласованность действий государственных органов и средств массовой информации, недостаточная популяризация периферийного образа жизни среди населения.

Основной целью программы по обеспечению занятости населения посредством переселения безработных выступает перераспределение трудовых ресурсов на территории страны. Однако среди переселяющихся в сельскую местность есть доля граждан, для которых решающим фактором в переселении на новое место жительства выступает не вопрос трудоустройства, а решение жилищных проблем. Среди них можно выделить две категории: лица предпенсионного возраста, которые давно мечтают о домике в деревне и за счет переезда в сельскую местность исполняют свою мечту, а заодно решают жилищную проблему своих детей, оставляя им квартиру в городе, а также молодые семьи с маленькими детьми, в которых основной доход приносит глава семьи, женщина зачастую находится в отпуске по уходу за ребенком или не имеет постоянного места работы, а решение жилищного вопроса в крупном городе в ближайшем будущем не предвидится. Целевой аудиторией программ по поддержке внутренней трудовой миграции должна стать именно вторая категория граждан, которая способна увеличить трудовой и демографический потенциал стагнирующих регионов. Причем для привлечения таких молодых семей, помимо предоставления жилья, упор следует сделать на высокие доходы мужчин, а также доступность и качество образования и медицинского обслуживания.

Таким образом, посредством выполняемых в государстве программ социально-экономического развития регионов оказывается прямое или косвенное воздействие на оптимизацию миграционного движения населения по территории страны. Однако,

несмотря на использование опыта зарубежных стран, многие методы регулирования внутренней миграции не работают в наших реалиях. С одной стороны, качество жизни в наших периферийных регионах уступает качеству жизни в зарубежных странах, что снижает потенциальный переезд коренных горожан в малые города и сельскую местность. С другой стороны, в переселении безработных в трудодефицитные регионы абсолютно не заинтересован частный бизнес, основные предприятия которого сосредоточены лишь в крупных городах. Для сравнения, в высокоразвитых странах за счет филиалов крупных корпораций образуются свободные высокооплачиваемые вакансии на региональных рынках труда. Получается, что в нашей стране все финансирование данных программ ложится на плечи государства, а без поддержки частного бизнеса и заинтересованности в переезде на новое место жительства самих граждан серьезных изменений во внутренней миграции не произойдет. К тому же низкая эффективность реализованных на сегодняшний день государственных программ, а также нестабильная экономическая ситуация в стране и регионах привели к сокращению финансирования многих целевых программ, в том числе и программ, способствовавших дальнейшему развитию непривлекательных для мигрантов регионов.

© Петракова Ю.Н. Текст. 2016

Список источников

1. Государственная программа по строительству крупных жилых районов для жителей г. Минска в городах-спутниках и выносу (переносу) из столицы в населенные пункты республики производственных объектов (Утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.06.2010 № 976) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm3/sovsm065.htm> (дата обращения: 15.03.2016).
2. Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2015 год (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 февраля 2015 г. № 77) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mintrud.gov.by/ru/populbusy/> (дата обращения: 11.03.2016).
3. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005-2010 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 25.03.2005 г. № 150 [Электронный ресурс]. URL: <http://levonevski.net/pravo/razdelb/text883/index.html> (дата обращения: 17.03.2016).
4. О государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 [Электронный ресурс]. URL: <http://mshp.minsk.by/programms/b05296a6fb2ed475.html> (дата обращения: 15.03.2016).
5. Фильченков С.В., Погребова Е.С. Исследование опыта зарубежных государств по регулированию занятости населения на основе развития внутрирегиональной трудовой миграции // Сервис в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 202-213.
6. Шитикова Д. Где хранится «ключ» к самодостаточности села? // Директор. – 2009. – № 11. – С. 60-62.

Информация об авторе

Петракова Юлия Николаевна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1 корп. 2; e-mail: petra13@mail.ru).

Petrakova Y.N.

EXPERIENCE OF REGULATION OF THE PROCESSES OF INTERNAL MIGRATION OF POPULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

This article discusses methods of regulation of internal migration. It describes the state programs, in the course of realization of which have an impact on the processes of internal

migration of the population in the Republic of Belarus. The evaluation of results of the individual programs of state regulation, as well as proposals on their improvement.

Key words: government regulation, internal migration, rural areas, satellite towns

Information about the author

Petrakova Yuliya Nikolaevna (Belarus, Minsk) – Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, 220072, Minsk, Surganova st., 1 build. 2. e-mail: petra13@mail.ru)

УДК 314.7.044

О.В. Попова

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье анализируются структура, динамика и направления миграции молодежи Республики Саха (Якутия), оценивается вклад миграции молодежи в формирование численности населения региона. Определены факторы, влияющие на миграционную мобильность различных возрастных групп молодежи. Выявляются особенности миграции молодежи в регионе.

Ключевые слова: молодежь, миграция, миграционный отток, миграционная активность, причины выезда.

Молодежь является наиболее подвижной в миграционном плане частью населения и характеризуется особой ролью в демографическом воспроизводстве. Миграция молодежи меняет не только численность и структуру населения, но и оказывает непосредственное влияние на социально-экономические процессы. Отличаясь энергичностью, инновационностью, профессиональной и образовательной мобильностью, молодежь служит драйвером экономического развития. Миграционный приток молодежи может сглаживать негативные демографические тенденции. Вместе с тем миграционный отток молодежи является отражением различий в уровне и качестве жизни населения, ведет к ускоренному старению населения, замедлению темпов экономического роста, отрицательной селекции в районах выезда.

По определению, принятому в ООН, к молодежи относятся лица в возрасте от 15 до 24 лет. Органы государственной статистики Российской Федерации относят к молодежи лиц в возрасте 15-29 лет. Этот возрастной диапазон, в соответствии со стандартами ООН и рекомендациями МОТ, разбивается на три возрастные категории: дети и подростки – 15-19 лет, из них к «детям» относят население в возрасте 15-17 лет; взрослая молодежь – 20-24 лет; молодые взрослые – 25-29 лет [1, с. 8].

Как показывают итоги 2013 года, миграционные процессы играют значительную роль в формировании численности населения Республики Саха (Якутия). Миграционная убыль населения, которая складывается в результате превышения числа выбывших над числом прибывших, является основным фактором общего снижения численности населения республики. Якутия относится к числу 20 субъектов Российской Федерации, в которых население сокращается в результате превышения миграционного оттока над естественным приростом населения [2].

При этом значительный вклад в рост миграционного оттока населения республики вносит миграция молодежи, то есть миграция населения в возрасте 15-29 лет. Численность молодых мигрантов возросла с 19 тыс. человек в 2005 году до 38,5 тыс. человек в 2013 году, рост составил 19 тыс. человек. В общем объеме миграции доля молодежи возросла с

44 % в 2005 году до 51 % в 2013 году (таблица).

Таблица

Общие итоги миграции населения Республики Саха (Якутия) [3, 19]

Показатель	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013
Объем миграции							
Всего	43310	56019	37001	36232	62589	74369	75214
в том числе молодежь	19338	29553	17479	15955	30724	35632	38504
Миграционный прирост							
Всего	-5084	-5483	-7023	-7126	-9809	-8359	-9130
в том числе молодежь	-1400	-1995	-3169	-2835	-4630	-3212	-3620

Одновременно вклад молодежи в миграционный отток населения возрос с 27,5 % в 2005 году до 39,6 % в 2013 году: так, если в 2005 году молодежь составляла 1400 из 5084 человек миграционного оттока в целом по республике, то в 2013 году – уже 3620 из 9130 человек [3, с. 22]. Рост миграционного оттока молодежи происходит по всем возрастным группам.

В миграционном оттоке молодежи, как в абсолютном, так и в относительном выражении, доминируют дети и подростки в возрасте 15-19 лет. Вместе с тем, наибольший вклад в рост миграционного оттока молодежи в 2005-2013 годах внесла группа взрослой молодежи в возрасте 20-24 лет. Миграционный отток молодых взрослых в возрасте 25-29 лет возрос со 150 человек в 2005 году до 847 человек в 2013 году, что составило 10,7 % и 23,4 % от общей миграционной убыли молодежи в 2005 и 2013 годах соответственно [3, с. 22].

Традиционно сельская местность вносит наибольший вклад в миграционный отток молодежи. Так в 2013 году 140 % миграционной убыли молодежи республики обеспечивалось за счет сельской молодежи и -40 % – за счет городской. Удельный вес сельской молодежи в миграционном оттоке увеличился – в 2005 году 90 % миграционной убыли молодежи происходило за счет сельской местности. В 2005-2011 годах сальдо миграции молодежи в сельской местности сохраняло отрицательное значение, в то время как в городе в 2006-2007 и 2013 годах наблюдался миграционный прирост в размере 1452, 3616 и 1444 человек соответственно [3, с. 28-29].

Безусловно, интенсивность миграции молодежи связана с социально-экономическим положением в сельской местности. Основными «выталкивающими факторами» являются, главным образом, отсутствие возможности обучения и перспективы работы, низкая заработная плата в сельской местности, низкое качество медицинских услуг, во многих районах – неудовлетворенность жилищно-коммунальными условиями.

«Притягивающими» факторами переезда в город для молодежи являются желание получить профессию и повысить профессиональную квалификацию, большие шансы найти рабочее место, более высокое качество сервиса и обслуживания в городе и желание повысить уровень материального положения. Повышенная миграционная активность молодежи связана, как правило, с изменением социального статуса и нередко предполагает смену места жительства как для получения образования, так и для трудоустройства в связи с завершением обучения.

С 2005 по 2013 гг. в общем объеме миграции молодежи произошли структурные изменения. Так, если в 2005 году 44,4 % молодых мигрантов составляла взрослая молодежь в возрасте 20-24 лет, то в 2013 году их удельный вес снизился до 33,8 %. Доля детей и подростков в общем объеме миграции возросла с 26,1 % в 2005 году до 38,6 % в 2013 году [3, с. 22]. Таким образом, в 2013 году наиболее мобильной частью населения Республики Саха (Якутия) являлась 15-24-летняя молодежь, на которую приходилось 37 % от общего объема миграции населения республики и 72,3 % от объема миграции

молодежи.

На долю миграции в пределах Российской Федерации в 2013 году приходится 98,8 % общего объема миграции молодежи республики, из них 66 % – внутриреспубликанская миграция молодежи и 33 % – межрегиональная миграция [3, с. 24-26].

Международная миграция составляет всего 1,2 % от общего объема и не оказывает существенного влияния на миграцию молодежи Республики Саха. При этом только по международной миграции наблюдается миграционный прирост, т.е. количество прибывших превышает количество выбывших по всем молодежным возрастным группам. В 2013 году из 489 человек прироста международной миграции 39,5 %, или 193 человека, составляла молодежь [3, с. 26]. В основном это мигранты из стран ближнего зарубежья: Киргизии, Украины и Узбекистана.

Возрастной состав молодых мигрантов заметно меняется в зависимости от направления миграции. Доля старших возрастных категорий увеличивается по мере роста расстояния миграции:

- во внутрирегиональной миграции молодежи наибольший удельный вес принадлежал детям и подросткам в возрасте 15-19 лет – 43,2%;
- в межрегиональной миграции – взрослой молодежи в возрасте 20-24 года – 38,4 %;
- в международной – молодым взрослым в возрасте 25-29 лет – 42,7 %.

Объемы миграции молодежи естественным образом резко увеличиваются по достижении возраста окончания школы – 17 лет (миграция 17-летних в 3,5 раза превышает миграционные потоки 16-летних как по прибытию, так и по выбытию) и достигает своего пика в возрасте 20-24 лет, а далее происходит поступательный спад [2].

Среди выбывших в возрасте 15-29 лет 88,6 % имели образование не ниже неполного общего среднего, а среди прибывших в возрасте 15-29 лет 90% имели образование не ниже неполного общего среднего [3, с. 34].

В структуре миграционной убыли молодежи в 2013 году 41,9 % имели среднее полное образование, 24 % – высшее профессиональное образование и 9,6 % – незаконченное высшее образование [3, с. 35].

Образовательный уровень молодых мигрантов увеличивается от когорты к когорте. Так основную массу миграционного оттока 15-19-летних молодых людей в 2013 году составляли лица со средним общим (полным) образованием – 71 % от миграционной убыли детей и подростков в 2013 году; 58,2 % миграционного оттока взрослой молодежи в возрасте 20-24 лет составляли лица с высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием; а в миграционной убыли молодых взрослых в возрасте 25-29 лет лица с высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием составляли уже 61 %.

Среди причин выезда молодежи за пределы республики преобладает выезд в связи с учебой – эту причину указали 45 % выехавших молодых людей; на втором месте находятся обстоятельства личного и семейного характера – 26,6 %; на третьем – выезд в связи с работой – 16,2 %.

Такие причины, как обострение межнациональных отношений и обострение криминогенной обстановки указали соответственно 5 и 1 человек в возрасте 15-29 лет. Молодежь составила 55,6 % от общего числа выехавших за пределы республики по причинам обострения межнациональных отношений и 33,3 % выехавших по причине ухудшения криминогенной обстановки. Экологическое неблагополучие отметили 14 молодых людей, что составило 26,4 % от общего числа выбывших по этой причине [3, с. 40].

Причины выезда молодых людей за пределы республики существенно различаются по возрастным группам. Учебные миграции являются основной формой территориальной мобильности детей и подростков республики. Так, выбытие 15-19-летних на 81 % связано

с учебными причинами. Среди взрослой молодежи в возрасте 20-24 лет выезд в связи с учебной отметили 36 % выбывших, а среди молодых взрослых – всего 4 %. Личные и семейные обстоятельства являются причиной миграции 32 % взрослой молодежи в возрасте 20-24 лет и 41 % молодых взрослых в возрасте 25-29 лет. Самый большой удельный вес выбытий в связи с работой наблюдается в группе молодых взрослых – 33 %.

По мере перехода от младших возрастных групп к старшим увеличивается доля выбытий в связи с возвращением к прежнему месту жительства: 1 % среди детей и подростков, 4 % среди взрослой молодежи и 7 % среди молодых взрослых.

Миграционные потоки молодежи после окончания учебных заведений в меньшей степени ориентированы на сельскую местность, как и на малые и средние города, в основном молодые мигранты стремятся в города и мегаполисы за пределами республики.

Миграция в города является ступенью восходящей вертикальной мобильности, и наоборот – вертикальная мобильность выражается в изменении места жительства. Миграция в города является показателем успеха и результатом победы в социальной борьбе за пространственные прибыли. Результатом данной победы является повышение статуса молодых людей.

Основным центром притяжения мигрантов в республике является город Якутск. Миграционный прирост населения Якутска практически полностью формируется за счет притока молодежи, и наибольший удельный вес в этом потоке принадлежит детям и подросткам в возрасте 15-19 лет. В 2013 году в г. Якутске объем миграции равнялся 20111 человек, из которых молодежь в возрасте 15-29 лет составляла 11420 человек, или 56,8 %. Положительное сальдо миграционного прироста населения в Якутске составило в 2013 году 4863 человек, из которых 4348 человек, или 89,4 %, – молодежь, в том числе 2782 человека – дети и подростки [4, с. 57]. Одновременно во всех административных районах республики наблюдалось отрицательное сальдо миграции молодежи.

Согласно данным доклада ЮНФПА по миграции молодежи, на долю молодых людей в возрасте 15-29 лет приходится половина потока мигрантов во всем мире и одна треть общего числа иммигрантов [5]. В Республике Саха (Якутия) в 2013 году молодежь составляла 51 % от общего потока мигрантов и 34,5 % иммигрантов. Таким образом, миграционная активность молодежи Республики Саха (Якутия) соответствует общемировым тенденциям и не носит избыточный характер. Повышенная миграционная активность молодежи республики по сравнению с другими возрастными группами связана, как правило, с изменением места жительства для получения образования и для трудоустройства в связи с завершением обучения.

Вместе с тем рост добровольного миграционного оттока молодежи из республики наглядно показывает, насколько условия жизни в регионе соответствуют требованиям молодежи. Молодежь является потенциалом будущего социально-экономического развития, и растущий отток этого потенциала является угрозой устойчивому развитию региона. Сложившаяся ситуация требует от региональных властей принятия эффективных мер по повышению привлекательности республики в качестве места жительства и работы молодежи.

© Попова О.В. Текст. 2016

Список источников

1. Молодежь в России. 2010: стат. сб./ ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
2. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gks.ru>, свободный (дата обращения 10.06.2015).
3. Миграция населения Республики Саха (Якутия): Статистический сборник: в 2 т.

(т.1)/ Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2014. – С. 19,22, 24-29, 34-35, 40-41.

4. Миграция населения Республики Саха (Якутия): Статистический сборник: в 2 т. (т.2)/ Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2014. – С. 37-58.

5. Миграция молодежи – Народонаселение мира в 2006 году (молодежное издание) [Электронный ресурс]. – С. vi – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ecosoc/unfpa/moving_young/moving_young.pdf, свободный (дата обращения 10.06.2015).

Информация об авторе

Попова Ольга Васильевна (Россия, Якутск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия) (Россия, Республика Саха (Якутия), 677007, г. Якутск, пр. Ленина, 33, тел. +7(4112)33-57-11; e-mail: popova_olya@mail.ru)

Popova O.V.

TRENDS OF MIGRATION OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

In the paper structure, dynamics and directions of migration of young people of the Republic of Sakha (Yakutia) are analyzed, contribution of young people migration to the formation of the region's population is estimated. The factors influencing migration mobility of various age groups of young people are defined. Peculiarities of youth migration in the region are revealed.

Keywords: youth, migration, migration outflow, migration activity, reasons for departure.

Information about the author

Popova Olga Vasilievna (Russia, Yakutsk) – PhD in Economics, researcher of the Center of social problems of labor, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). (Russia, Republic of Sakha (Yakutia), 677007, Yakutsk, Lenin Av., tel. +7(4112) 33-57-11; e-mail: popova_olya@mail.ru).

УДК 314.7

О.А. Козлова, А.А. Проворова

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)*

На основе проведенного социологического опроса населения Архангельской области осуществлен анализ миграционных установок в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, типа поселения и длительности проживания на Севере.

Ключевые слова: миграционные установки, северный регион.

Реализация ключевых задач Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, а также

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-02-00164 «Научно-методический инструментарий измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

региональных стратегий социально-экономического развития северных регионов, опирается на использование собственного социально-экономического потенциала, в том числе демографического. Современной проблемой большинства регионов Севера является сокращение численности населения, вызванного, в том числе, миграционным оттоком. Во всех субъектах российского Севера за исключением Ненецкого автономного округа в 2014 г. регистрировался отрицательный миграционный прирост населения. «Регионами-лидерами» по данному показателю в этом году стали Республика Коми (-107 ‰), Ямало-Ненецкий автономный округ (-112 ‰), Камчатский край (-98 ‰) и Магаданская область (-153 ‰)¹.

Потеря постоянного населения регионом обуславливает ряд социально-экономических проблем:

- сокращение численности населения, физиологически адаптированного к условиям Севера;
- старение населения и увеличение демографической нагрузки;
- снижение качественных характеристик трудового потенциала, прежде всего инновационного, профессионально-квалификационного ввиду отъезда молодого населения;
- возникновение количественного и качественного несоответствия между спросом и предложением рабочей силы различного профиля и квалификации и риск развития занятости.

Оценку миграционной ситуации в регионе невозможно осуществить исключительно на основе анализа динамики статистических показателей. Выявить потенциальные намерения населения в отношении миграции, особенности ценностных ориентаций, мотивы решений или поступков позволяет социологический опрос. Данное исследование дает возможность раскрыть систему факторов, влияющих на миграцию, тем самым выработать систему практических мер по регулированию миграции в нужном обществе направлении.

Социологический опрос методом анкетирования был проведен в Архангельской области в I квартале 2015 г. Генеральная совокупность – население Архангельской области (без Ненецкого автономного округа) в возрасте от 16 лет и старше. Выборочная совокупность составила 600 респондентов в возрасте от 16 лет и старше. Опрос охватывал население 6 крупных городов, в которых проживает более 60% населения области (города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Котлас, Коржма, Вельск) и 5 муниципальных районов области (Мезенский, Пинежский, Виноградовский, Плесецкий, Каргопольский). Выборочная совокупность отражает половозрастное распределение респондентов по отдельным районам области, что обеспечивает репрезентативность выборки, то есть возможность экстраполировать полученные в ходе социологического исследования результаты на жителей всей Архангельской области. Максимальная ошибка выборки составила 4 %. Статистическая обработка эмпирических данных производилась с помощью программы SPSS.

Основными задачами социологического опроса стали:

- изучение миграционных намерений (установок) населения в ближайшей и отдаленной перспективе в целом и в зависимости от пола, возраста респондента, уровня его образования, семейного положения и наличия детей, длительности проживания на Севере;
- выявление основных причин миграции;
- определение ключевых направлений миграционных потоков населения.
- выявление рисков, вызванных миграцией населения, и разработка рекомендаций по оптимизации миграционной ситуации в регионе.

¹Регионы России. Социально-экономические показатели-2015 [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm Дата обращения: 1.05.2016 г.

Анализ результатов исследования показал достаточно высокую долю респондентов, ориентированных на переезд как в ближайшее время, так и в некоторой перспективе – почти четверть населения планируют переезд в ближайшее время и около 11 % в отдаленной перспективе (таблица 1).

Таблица 1

Миграционные установки населения Архангельской области, % опрошенных

Варианты ответов	Количество респондентов	% ответов
Планирую отъезд в ближайший год-два	152	25,3
Никуда не собираюсь уезжать	380	63,3
Планирую отъезд в перспективе	65	10,8
Другое	3	0,5
Всего	600	100,0

Среди направлений миграции преобладает межрегиональная миграция – 64,5% респондентов в качестве ключевого определили миграцию за пределы Архангельской области в другие регионы России. Немного более 20% планируют переезд в крупный город области, например, в областной центр, около 5% респондентов планируют переезд из города в сельскую местность и столько же - за пределы Российской Федерации. На выезд за пределы Архангельской области в основном ориентировано городское население (71% респондентов). Около 11% респондентов, проживающих в городах, планируют переезд в крупный город области, скорее всего это население городов на юге области (Котлас, Коржма и Вельск). Сельское население больше ориентировано на переезд в крупный город (56,3%), чем за пределы региона (41,7%). Таким образом, сельским населением частично восполняется потеря населения, уезжающего из городов, однако угроза потери населения областью достаточно велика.

С целью определения факторов риска для территории, вызванных миграцией населения, важно осуществить анализ миграционной активности в зависимости от социально-демографических характеристик.

Анализ показывает, что мобильность населения снижается с возрастом: максимальная доля респондентов, планирующих переезд, находится в возрасте 16-22 лет (таблица 2). Соответственно, желание остаться в своем населенном пункте с возрастом увеличивается. Необходимо отметить достаточно высокую долю респондентов в возрасте от 22 до 54 лет, планирующих отъезд в отдаленной перспективе.

Таблица 2

Миграционная активность населения в зависимости от возраста, %

Миграционные намерения	16-22 года	22-40 лет	40-54 года	55-72 года	Более 72 лет	Итого
Планируют отъезд в ближайший год-два	47,4	23,0	12,5	11,8	5,3	100,0
Не планирую переезд	9,5	16,3	19,7	25,5	28,9	100,0
Планирую отъезд в перспективе	12,3	38,5	40,0	6,2	3,1	100,0
Другое	33,3	33,3	33,3	0,0	0,0	100,0

Еще одной особенностью миграции является отъезд населения с преимущественно высоким уровнем образования, что является, безусловно, фактором риска. Согласно

проведенному опросу, практически 47% изъявивших желание мигрировать имеют высшее и послевузовское образование, 25% – среднее профессиональное (рис. 1).

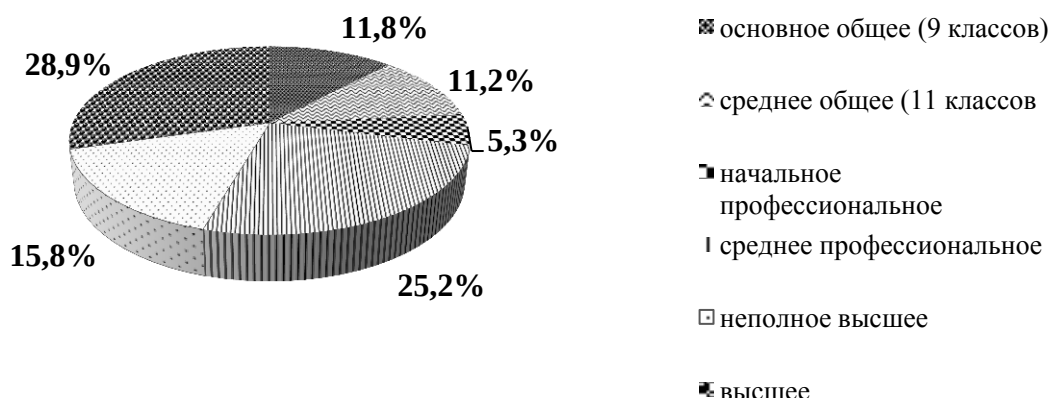

Рис. 1. Доля респондентов, планирующих отъезд в ближайшее время, в зависимости от уровня образования, %

Кроме того, более 50% респондентов с высшим и послевузовским образованием и 30% со средним профессиональным выразили желание мигрировать в будущем.

Наиболее миграционно активным в Архангельской области является молодое население, как правило, не создавшее собственной семьи. Так, 54%, изъявивших желание уехать не состоят в браке и 60,9% планирующих отъезд не имеют детей. Вместе с тем, 28,3% желающих уехать состоят в зарегистрированном браке и 20% планирующих отъезд имеют одного ребенка и 14% – двоих детей. Особенностью является то, что состоящие в браке менее ориентированы на переезд в ближайшее время и больше задумываются о переезде в перспективе. Та же тенденция отмечается и в отношении детей. Семьи, имеющие одного и более детей, больше ориентированы на жизнь в своем населенном пункте, причем чем больше в семье детей, тем меньше возникает желание уехать. Желание уехать в перспективе также прямо пропорционально количеству детей в семье: чем меньше детей, тем больше вероятность выбора стратегии переезда.

Исследование также показало, что на жизнь на Севере больше ориентированы женщины, чем мужчины: 65% опрошенного женского населения не планируют переезд против 60,7% опрошенных мужчин.

Анализ миграционной активности населения в зависимости от типа поселения показал, что более мобильны жители городов: 77% планирующих отъезд являются жителями городов.

Важным аспектом является изучение миграционных установок в зависимости от длительности проживания населения. Известно, что проживающее на Севере население адаптировано к особым условиям природной дискомфортности, поэтому миграция коренного населения является фактором риска потери части трудового потенциала.

Таблица 3

Миграционные намерения населения в зависимости от длительности проживания на Севере, %

Миграционные намерения	Менее 5 лет	От 5 до 10 лет	Более 10 лет	Итого
Планируют отъезд в ближайшие год-два	51,0	25,0	22,9	25,3
Не планируют переезд	40,8	53,1	66,1	63,3
Планируют переезд в	8,2	21,9	10,4	10,8

перспективе				
Другое	0,0	0,0	0,6	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Результаты опроса показали, что на переезд в большей степени мотивирована та часть населения, которая прожила менее 5 лет в своем населенном пункте (таблица 3). Отмечается тенденция снижения миграционной активности в зависимости от длительности проживания: в категории населения, проживающего на данной территории менее 5 лет, 51% стремится покинуть ее в течение двух лет; в категории «от 5 до 10 лет» такая доля составляет 25%; в категории «более 10 лет» – практически 23%. Особенностью также является большая мотивированность на переезд в будущем категории жителей, проживающих более длительный срок. Снижение миграционной активности с увеличением длительности проживания можно объяснить возникновением со временем социальных связей, семьи, рождением детей.

Выявление причин, заставляющих население мигрировать, является важным этапом формирования факторов, влияющих на миграционный потенциал территории. В данном исследовании причины переезда были классифицированы на следующие группы:

- социально-трудовые (возможность получения работы и достойного материального вознаграждения за труд);
- образовательные (возможность получения хорошего образования);
- психофизиологические (желание сменить климат, улучшить состояние здоровья);
- профессиональные (завершение трудового договора);
- личные (брак, развод, желание восстановить родственные связи).

Результаты проведенного опроса показали, что основными мотивами переезда из собственного населенного пункта являются желание найти достойную работу и материально обеспечить собственную семью. Желание сменить климат и улучшить собственное здоровье является третьим по значимости мотивом. Менее значимым, по мнению респондентов, является желание получить образование и реализовать личные планы (таблица 4).

Таблица 4

Ключевые причины миграции населения в Северном регионе. % опрошенных

Причины, заставляющие задуматься об отъезде	Доля респондентов, %
Отсутствие возможности материального обеспечения своей семьи	24,4
Отсутствие возможности получить (дать детям) хорошее образование	15,4
Отсутствие возможности найти работу в данном населенном пункте	26,0
По состоянию здоровья (желание сменить климат)	17,9
По семейным обстоятельствам (брак, развод, желание вернуться к родственникам и др.)	15,0
По причине завершения контракта, трудового договора и т.п.	1,2

Таким образом, решение материальных проблем является основным мотивом переезда из собственного населенного пункта.

Основным мотивом к переезду среди молодого населения в возрасте от 16 до 22 лет является желание получить достойную работу (48,8% ответов). Также желание получить качественное образование является одним из преобладающих мотивов населения в данной возрастной категории (27,5%). Отсутствие возможности материального обеспечения собственной семьи является основной причиной миграции населения в возрасте от 22 до 54 лет.

Данные опроса показывают наличие в сельской местности более острой ситуации в социально-трудовой сфере и сфере образования, чем в городе. Наиболее остро стоит проблема поиска работы – 45,8% среди всех отмеченных причин миграции на селе против 24,9% в городе. Так же остро стоит проблема получения образования – 31,3% в городе и 13,6% в сельской местности. Городское население также в несколько раз чаще выделяет в качестве причины миграции отъезд по состоянию здоровья, желание сменить климат.

Исследование показало, что ключевой причиной, вынуждающей мигрировать наиболее активное население (проживающих в своем населенном пункте менее 5 лет), является отсутствие найти подходящую работу, большое значение также имеет отсутствие возможности материального обеспечения семьи и получение образования. Для населения, прожившего на Севере более длительный срок (от 5 до 10 лет), основными мотивами к переезду являются желание получить образование (вероятнее всего это молодое поколение) и желание сменить климат и вернуться к родственникам. Причины отъезда укорененного на Севере населения, проживающего здесь более 10 лет, схожи с причинами не закрепившегося здесь населения – желание найти работу и достойную заработную плату. Кроме того, для данной категории населения более весомы мотивы отъезда по состоянию здоровья и по семейным обстоятельствам.

Анализ миграционной активности и миграционных установок населения Архангельской области на основе проведенного социологического опроса позволил выявить следующие особенности миграционной ситуации:

1. Значительная потенциальная миграционная активность населения (25% планирует отъезд в ближайшее время и около 11% в перспективе) в совокупности с преобладанием межрегиональной миграции (64,5%) свидетельствует о высоком риске потери регионом постоянного населения.

2. Преобладание в числе потенциальных мигрантов лиц с высшим и средним профессиональным образованием предопределяет проблему ухудшения качественных характеристик трудового потенциала.

3. Отмечается снижение миграционной активности с возрастом: в наибольшей степени нацелено на переезд молодое поколение в возрасте 16-22 года. Особенностью является значительная ориентация на переезд в отдаленной перспективе населения в возрасте от 22 до 54 лет. Отъезд молодого населения способствует возникновению проблемы старения населения.

4. Отмечается зависимость между миграционной активностью, семейным положением и наличием детей. Наиболее подвижна категория населения, не имеющая семьи и детей. Особенностью является то, что состоящие в браке менее ориентированы на переезд в ближайшее время и больше задумываются о переезде в перспективе. Та же тенденция отмечается и в отношении детей, однако, чем больше количество детей в семье, тем меньше возникает желание переехать из своего населенного пункта. Вместе с тем около 34% планирующих переезд имеют 1-2 детей. Это может рассматриваться как угроза потери будущего демографического потенциала. В целом, более низкая миграционная активность семейных пар и семей, имеющих детей, должна рассматриваться как конкурентное преимущество при разработке политики воспроизводства демографического потенциала.

5. Ориентация на переезд населения, проживающего на Севере короткий срок (менее 5 лет). Адаптированное к условиям Севера население в наименьшей степени ориентировано на переезд. Это также может являться конкурентным преимуществом. Особенностью также является большая мотивированность на переезд в будущем категории жителей, проживающих более длительный срок – от 5 до 10 лет, что не может не учитываться при разработке мер государственного регулирования. Анализ показал, что причины миграции как укорененного населения, так и прожившего незначительный период практически идентичны – отсутствие возможности найти работу и материально обеспечить семью. Отличие заключается в том, что население, прожившее на Севере

более 10 лет, больше выделяет такую причину отъезда, как желание улучшить состояние здоровья, сменить климат.

6. Выявлено преобладание социально-трудовых причин (отсутствие возможности найти работу и обеспечить собственную семью), вынуждающих население мигрировать. Учет ключевых причин миграции в разных возрастных категориях позволяет корректировать политику в сфере воспроизводства трудового потенциала. Так основной причиной миграции молодого населения является отсутствие найти работу; в возрасте 22-40 и старше – низкий уровень жизни, людей старшего поколения – желание сменить климат и уехать к родственникам. Анализ причин миграции в городе и сельской местности обозначил ряд социально-экономических проблем, в частности более острую проблему безработицы и получения образования.

Таким образом, потенциальными угрозами потери демографического потенциала Архангельской области являются: активная миграция за пределы области молодого населения и населения с высоким уровнем образования; потенциальная миграция населения, состоящего в браке и имеющего детей. Преимуществами сложившейся ситуации является низкая миграционная активность укорененного, адаптированного к северным условиям населения, а также лиц, находящихся в браке и имеющих детей. Данный аспект не может не учитываться при разработке политики народосбережения и сохранения трудового потенциала. Причины, заставляющие людей мигрировать, имеют экономическую природу и, в отличие от климатических, являются регулируемыми, что также может стать предметом разработки точечных мер государственной поддержки.

© Козлова О.А., Проворова А.А. Текст. 2016

Информация об авторе

1. Козлова Ольга Анатльевна (Россия, Екатеринбург) - доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Проворова Анна Андреевна (Россия, Архангельск) – научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики Российской академии наук» (Россия, 163000, г. Архангельск, ул. Садовая, 3. e-mail: aashirikova@mail.ru).

Kozlova O.A., Provorova A.A.

MIGRATORY DIRECTIVES OF THE POPULATION OF THE NORTHERN REGION (ON THE BASIS OF DATA OF SOCIOLOGICAL INTERVIEW)

On the basis of the conducted sociological interview of the population of the Arkhangelsk region the analysis of migratory directives depending on social and demographic characteristics of respondents, type of the settlement and duration of stay is carried out on the North.

Keywords: migratory directives, northern region.

Information about the author

1. Kozlova Olga – Doctor of Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: Olga137@mail.ru

Provorova Anna Andreevna (Russia, Arkhangelsk) – Researcher, Federal Center for Integrated Arctic Research, (Russia, 163000, Arkhangelsk, Sadovaya st., 3. e-mail: aashirikova@mail.ru).

МИГРАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье на основе статистического материала рассматриваются миграционные процессы в регионах России на протяжении последнего десятилетия. Особое внимание уделяется анализу миграционной ситуации на Юге России и в частности в Краснодарском крае, выступающем одним из центров притяжения внутренних мигрантов. Отмечается, что характер и состав миграционных потоков в значительной степени определяют характер социального, в том числе межэтнического? взаимодействия в регионе. В этой связи изменение направления и состава миграционных потоков в последние годы меняет и характер конфликтности между мигрантами и местным населением в регионе и крае.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, межэтнические отношения, Краснодарский край, внутрирегиональная миграция, межрегиональная миграция.

Миграционные перемещения были и остаются для российского общества одной из актуальных проблем. Вот уже на протяжении нескольких десятилетий масштабы как внутрироссийских, так и зарубежных миграций представляют собой значительные по величине потоки, интенсивность и направления которых непрерывно меняются. Однако при всех изменениях можно отметить устойчивость определенных миграционных направлений. Прежде всего это касается внутрирегиональных миграций. Практически во всех регионах России на внутрирегиональные миграции приходится больше половины всех перемещений. Причем эта ситуация устойчиво сохраняется на протяжении последнего десятилетия. Наименее подвижно с точки зрения межрегиональных перемещений население таких регионов, как Центральный, Сибирский, Северо-Западный и Приволжский. Среди регионов, которые, напротив, наиболее активно участвуют в межрегиональном обмене, лидирует Северный Кавказ. Здесь практически половина всех перемещений направлена за его пределы, причем поток в последние годы только усиливается и регион продолжает терять население. Активно в межрегиональном обмене участвуют также Юг России и Дальний Восток.

Вместе с тем постепенно происходит процесс сокращения объемов внутрирегиональной миграции. Это характерно практически для всех территорий страны. Исключение составляют Дальневосточный и Северо-Западный регионы, где внутрирегиональные перемещения увеличились к 2013 г. по сравнению с 2000 г.¹

Таким образом, статистика последних лет показывает растущую активность межрегиональных перемещений. Однако и в межрегиональной миграции, с одной стороны, сохраняются уже ставшие традиционными центры притяжения, с другой – набирают силу новые направления.

В конце 1990-х – 2000-х гг. потоки внутренней миграции сокращались как в результате объективных причин – сложных социально-экономических условий в стране, затруднявших переезд, так и собственно методологических – изменения порядка учета мигрантов.

Начиная с 2011 г. показатели внутренних перемещений резко возросли и достигли уровня 1990 г. Наиболее заметно увеличились объемы миграций (в абсолютных цифрах) в Центральном, Приволжском районах. Несколько в меньшей степени увеличилась

¹ Рассчитано по: Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

миграционная активность в таких регионах, как Северо-Западный, Уральский и Южный. Практически не изменился масштаб миграций на Северном Кавказе и Дальнем Востоке.

Одной из причин такого резкого роста показателей миграции стало изменение порядка статистического учета. В число постоянных мигрантов стали включать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более [2]. Однако часть мигрантов по-прежнему не попадает под статистический учет, поскольку многие не оформляют регистрацию по месту пребывания. В то же время нельзя исключать сам факт роста миграционной подвижности.

Лидируют в абсолютных цифрах по притоку мигрантов Центральная Россия, Поволжье и Сибирь. Однако анализ миграционного сальдо показывает, что у большей части регионов даже при значительных валовых показателях миграционного движения оно отрицательное.

Только три территории в 2013 г. – Центральная Россия, Северо-Западный и Южный регионы – в результате миграционного обмена не потеряли, а приобрели население, тогда как население Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, Урала и Дальнего Востока продолжает сокращаться в результате миграционного оттока. Таким образом «западный дрейф», сложившийся в начале и достигший значительных масштабов в середине 1990-х гг., сохраняет свою актуальность до сих пор, в результате чего отдельные регионы потеряли и продолжают терять значительную долю своих жителей. В настоящее время ежегодный миграционный поток в этом направлении составляет около 60–80 тыс. чел. Суммарные объемы миграций с запада на восток в пределах страны начиная с 1980–1990-х гг. составили около 3 млн чел. [1].

Наиболее активно в ходе этих миграций сокращается население регионов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Среди северных регионов лишь две территории – Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО имеют близкий к нулевому и изменяющийся от года к году миграционный баланс, на остальных территориях Севера наблюдается устойчивая убыль [1].

Территориями, откуда продолжается устойчивый отток населения, являются республики Северного Кавказа. Массовые миграционные потоки, связанные с выездом населения из данных регионов, в отдельные периоды имели характер экстренного исхода и были следствием вооруженных конфликтов (первая половина 1990-х гг.). В итоге в ряде республик существенно сократилась численность русского и «русскоязычного» населения, а для соседних «русских» – Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области – долгое время острой была проблема вынужденных переселенцев и временно перемещенных лиц. При этом выталкивающие факторы действуют и для «титульного» населения, так как в республиках существует дефицит рабочих мест и сравнительно низок уровень зарплат. Этот поток преимущественно направляется в соседние края и области, а также в города Европейской России, причем он включает как переселения на постоянное жительство, так и выезд на временную работу.

В самих западных регионах, выступающих центрами притяжения внутренних мигрантов, миграционные потоки распределяются неравномерно. В Центральном регионе львиную долю мигрантов принимают Москва и Московская область, причем свою роль эти регионы в последние годы несколько не утратили. Собственно, Москва и область представляют собой единый столичный регион и привлекают мигрантов из других территорий сравнительно высоким уровнем зарплат, более широким и мобильным рынком труда, в целом большими возможностями самореализации.

Второй центр всероссийского масштаба – Северо-Западный регион, а в нем собственно Санкт-Петербург и Ленинградская область. В миграционном плане они уступают, но масштабы переселений сюда достаточно велики. За два десятилетия миграционный прирост здесь составил примерно 700 тыс. чел. Сюда также съезжается население со всей страны, но почти треть миграционного прироста обеспечивает сам Северо-Запад [1].

На Юге России лидером по принятию внутренних мигрантов выступает Краснодарский край. Край устойчиво сохраняет за собой имидж миграционно привлекательного региона. Благодаря активному миграционному обмену, прежде всего, с регионами Азиатской части, а также регионами Северного Кавказа, с начала 1990-х гг. край увеличил численность своего населения примерно на 0,5 млн чел. [1].

На протяжении 2000-х гг. основными поставщиками мигрантов для Южного региона в целом и для Краснодарского края в частности выступали в первую очередь республики Северного Кавказа. В начале 2000 годов на долю этого миграционного потока здесь приходилось 7,2%.

В середине 2000-х гг. этот миграционный поток несколько ослаб, а к 2013 г. доля выходцев из республик Северного Кавказа увеличилась почти на 2% и составила 8,7%.

Второй по величине поток внутренних мигрантов составляют выходцы из регионов Центральной России. Их доля в составе мигрантов, направляющихся на юг, составляла 5,8% в 2000 г. и 8,9% в 2013 г. Третий по величине миграционный поток внутренних мигрантов на юг в начале 2000 гг. составляли выходцы из Приволжского округа. На долю этих мигрантов приходилось 5%. Однако к середине 2000-х гг. его уверенно догнал и с 2010 г. опережает миграционный поток из Сибири. В 2013 г. на долю выходцев из Сибирского региона, прибывших на юг, пришлось 6,4% мигрантов. Относительно стабильными остаются миграционные потоки из таких регионов, как Дальний Восток, Урал, Приволжский и Северо-Западный¹. Таким образом, отмеченная выше тенденция, наметившаяся в последние годы, – сокращение объемов внутрирегиональной миграции и увеличение межрегионального обмена – наглядно проявляет себя на юге страны.

Если рассматривать масштабы миграций в Южный регион в абсолютных цифрах, то можно отметить численный рост всех миграционных потоков. Увеличение масштабов миграции в 2013 г. в сравнении с 2000 г. составило в регионе практически в два раза. Если в целом миграции в Южный регион из других регионов России выросли, то по разным направлениям этот рост был неравномерным и неодинаковым. Наибольшее увеличение абсолютной численности миграционного потока произошло в направлении Центрального региона. Миграционный поток из этого региона вырос к 2013 г. по сравнению с 2000 г. в 2,7 раза. Такой же значительный прирост объемов миграции дает Сибирский регион. Приток мигрантов из Сибири на юг за указанный период также увеличился в 2,7 раза. Третьим миграционным потоком, увеличившим свои масштабы за рассматриваемый период, стал Северо-Запад. Миграции из этого региона на юг выросли в 2,3 раза. В 2 раза увеличились миграционные потоки из таких регионов, как Урал, Дальний Восток, Северный Кавказ, Приволжский регион. Миграционный обмен внутри Южного региона вырос в 1,5 раза².

Таким образом, можно констатировать определенное изменение миграционных векторов на юге страны: сокращение внутрирегиональных перемещений и увеличение межрегионального обмена, при возрастающей роли сибирского миграционного потока, частично набирает силу северо-западный миграционный поток, тогда как традиционный и один из самых массовых – северо-кавказский – постепенно сокращается и перенаправлен в северо-западном направлении. В 2013 г. миграции в этом направлении с Северного Кавказа в 3,5 раза превысили миграционный поток 2000 г. Усиление миграционного потока в этом направлении демонстрирует и Южный регион. В 2013 г. миграционный поток сюда вырос в 2,7 раза по сравнению с 2000 г., тогда как в Центральный регион – в 2,5 раза. Северо-западное направление, таким образом, опередило центральное и является теперь приоритетным в миграциях жителей юга.

¹ Рассчитано по: Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

² Рассчитано по тем же источникам.

Характеризуя валовую сторону миграций в Южном регионе на протяжении последнего десятилетия (2000–2013 гг.), можно отметить, что в целом регион принял около трех миллионов мигрантов (2983535 чел.). Немногим меньше – 2820888 чел. – выехало за тот же период за его пределы. При этом миграционное сальдо было положительным и составило 162647 чел. Вклад различных регионов в общий миграционный поток, направленный на юг, был неодинаковым. Более 200 тыс. чел. прибыло из республик Северного Кавказа и еще около 200 тыс. чел. из Центрального региона. 160 тыс. чел. составил миграционный поток из Сибирского региона и такое же число мигрантов дали югу приволжские территории. Немногим более 100 тыс. чел. составили миграционные потоки из Уральского, Дальневосточного и Северо-Западного регионов¹.

Таким образом, население Южного региона в последние годы все активнее пополняется за счет мигрантов из Сибири, Северо-Запада, Центральной России. Изменяется структура населения и, как следствие, меняется характер взаимодействия между местным и пришлым населением.

Конфликтогенный потенциал является неотъемлемой частью в векторе взаимодействия местные – пришлые. В то же время глубина, характер и формы конфликтности напрямую зависят от численности групп, культурной дистанции, миграционных установок и других факторов.

На протяжении 1990–2000-х гг. наиболее массовым миграционным потоком в Южном регионе был поток из республик Северного Кавказа. В ситуации взаимодействия мигрантов из республик Северного Кавказа и местных жителей Южного региона конфликтность проходила в поле этнокультурных особенностей: языка, норм и традиций. Ряд исследований фиксировал повышенный конфликтный фон в районах массового вселения представителей титульных наций. Со временем уровень конфликтной напряженности несколько снизился в результате, с одной стороны, взаимной адаптации местного населения и мигрантов, с другой – вследствие сокращения доли данного миграционного потока в общем потоке мигрантов, прибывающих на юг.

В нынешней ситуации, характеризующейся увеличением миграционного потока с Севера страны, стала заметнее проявляться конфликтность в отношениях между этой группой мигрантов и местными жителями.

Как показывают социологические исследования, сегодня принципиально меняются жизненные стратегии жителей Севера, отчетливо у подавляющего большинства формируются миграционные установки и ориентации на переезд в более благоприятные с климатической и социально-экономической точек зрения территории. Стратегии миграции имеют, как правило, два сценария: 1) переезд при первой возможности в более благоприятный для жизни и труда регион страны; 2) переезд постепенно, поэтапно, с последовательной покупкой жилья, поиском места работы, отправкой на обучение детей с последующим переездом к ним.

Однако, ориентируясь на определенные объективные условия (климат, доступность жилья и работы), мигранты с северных территорий не учитывают значительной культурной дистанции с принимающим обществом. Различия в менталитете и стереотипах поведения жителей Севера и Юга в отдельных ситуациях оказываются достаточно велики и зачастую ведут к непониманию и конфликтам.

Мигранты с Севера отмечают у южан более высокую обособленность, отсутствие сплоченности и взаимопомощи, отзывчивости и доброжелательности. *«В Краснодаре тепло, но характер населения оставляет желать лучшего, стоит лишь послушать бабью ругань в магазине. Не знаю, готовы ли мы туда переезжать»* [3].

¹ Рассчитано по: Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

В свою очередь, местные жители с недоверием и предвзятостью относятся к мигрантам с Севера, опасаясь, что те с их «большими северными» доходами могут способствовать росту цен на продукты и недвижимость, создавать конкуренцию на рынке труда и т.д.

Рост конфликтности в поле взаимодействия мигрантов-северян и местных жителей имеет под собой, как мы уже отмечали выше, и объективные причины – увеличение миграционных потоков и концентрацию мигрантов в определенных населенных пунктах, микрорайонах, в некоторых случаях специально построенных для выходцев из определенных северных территорий, обеспечивающих их компактное проживание и в некоторой степени направленное на облегчение процессов адаптации. Однако в представлениях местных жителей это иногда воспринимается как своеобразная экспансия. Как следствие, это вызывает противодействие как на бытовом, так и на административном уровне и в свою очередь затрудняет приживаемость, подогревает миграционные установки и способствует возвратной миграции или же переезду в другие регионы.

Таким образом, зависимость между отношением к мигрантам и степенью их интеграции в сообщество является показателем того, что мнение общества о мигрантах и отношение к ним влияет в значительной мере на приживаемость новоселов.

Способом выхода из сложившейся ситуации может быть диалоговая модель адаптации, которая позволяет обнаруживать сложности и нюансы в отношениях местные – мигранты. В частности данная модель позволяет легче увидеть, что индивиды (как местные жители, так и переселенцы) гораздо более гибки в своем отношении к интеграции, чем это может показаться на первый взгляд. Кроме того, с помощью данной модели можно не только прогнозировать сферы жизни возможной ассимиляции, но и легче обнаружить и, главное, предвидеть проблемы, которые возникают или возникнут в дальнейшем во взаимоотношениях между местным населением и иммигрантами.

© Ракачева Я.В. Текст. 2016

Список источников

1. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. – 2014. – № 595 – 596, 21 апреля - 4 мая.
2. Социально-экономическое положение Российской Федерации, январь 2012. – М.: Росстат, 2012.
3. Ракачев Д.Н., Ракачева Я.В., Сушко П.Е. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Внутрирегиональная миграция на Юге России, и ее влияние на социальное самочувствие жителей региона». – Краснодар, 2014.

Информация об авторе

Ракачева Ярослава Владимировна (Россия, Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, тел. 8(861)2199501(220); e-mail: jaroslava.r@mail.ru).

Rakacheva Y.V.

MIGRATION MOVEMENTS IN SOUTHERN RUSSIA:TRENDS AND IMPLICATIONS

On the basis of statistical data are considered migratory processes in the Russian regions over the last decade. Particular attention is paid to the analysis migratsionnnoy situation in southern Russia and in particular in the Krasnodar region, is one of the centers of attraction of internal migrants. It is noted that the nature and composition of migration flows are largely

determined by the nature of the social, including inter-ethnic cooperation in the region. In this context, a change in recent years, the direction and composition of migratory flows and changes the nature of the conflict between migrants and the local population in the region and the province

Keywords: migration, migration flows , inter-ethnic relations , Krasnodar region , intra-regional migration, inter-regional migration

Information about the author

Rakacheva Yaroslava Vladimirovna (Russia, Krasnodar) – PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology, Kuban State University (Russia, 350040, Krasnodar, Stavropolskay st., 149; tel. 8(861)2199501(220); e-mail: jaroslava.r@mail.ru).

УДК 314.748

А.К. Смалюга

СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНАЯ БАЗА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Рассматриваются тенденции и проблемы в белорусско-российской миграции. Анализируется влияние миграционных потоков на состояние рынка труда России и Беларуси. Излагаются основополагающие положения законодательной базы Республики Беларусь в области миграционной политики. Освещаются миграционная политика, проводимая в Республике Беларусь на современном этапе, и анализ рынка труда. Анализируется генезис законодательной базы и ее влияния на занятость. Рассматриваются направления совершенствования миграционной политики в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, законодательная база, Республика Беларусь, Российская Федерация.

Рынок труда является одним из основных индикаторов состояния экономики. Одним из важнейших факторов, определяющих состояние рынка труда, является численность трудового потенциала. В Республике Беларусь его нынешняя и прогнозная численность характеризуется устойчивым снижением.

Это требует усиления внимания к миграционному потенциалу, который действует неоднозначно. С одной стороны, миграция дает возможность обеспечить потребности экономики в рабочей силе Беларуси. Но, с другой стороны, она порождает и ряд негативных явлений в экономическом и социальном состоянии страны. Как показывает современная ситуация с миграцией в Западной Европе, массовый приток мигрантов становится фактором сильного давления на социальную инфраструктуру страны – репицента. Возникают проблемы с жильем, здравоохранением, социальной стабильностью, проявлением криминальных действий. Временно решаются проблемы мигрантов, но при этом одновременно усложняется и жизнь коренных жителей.

Отдельные проявления влияния мигрантов на жизнь местного населения имеют место и в Беларуси. В 2014-2015 гг. в Республику Беларусь хлынул поток граждан Украины. Как следствие его – появление переизбытка рабочей силы в Беларуси, что привело к увеличению количества безработных. В тех регионах Беларуси, куда прибыли граждане Украины, начала накаляться социальная обстановка, местные жители высказывали недовольство действиями местных властей, которые оказывали первоочередную помощь гражданам Украины, и не местным жителям, нуждавшимся в

такой помощи (например, выделение жилья, материальной помощи, обеспечение работой и т.п.).

Это ситуация усугубилась и экономическими факторами, когда падение цен нефть вызвало ухудшение экономической ситуации в стране, что привело к полной или частичной остановке производств и высвобождению внутренней рабочей силы, которое только в 2015 г. составило около 100 тыс. чел. Это свидетельствует о необходимости проведения грамотной и взвешенной государственной миграционной политики.

Активные миграционные процессы в Республике Беларусь связаны с Российской Федерацией. Это происходит в силу наличия родственных связей между гражданами наших государств, развития общего рынка труда, другими социальными и политическими причинами. Немаловажными в миграционной политике являются и давние исторические связи населения приграничных белорусских и российских областей. Этим миграционным процессам способствует и миграционная политика Республики Беларусь и Российской Федерации. Основными задачами государственной миграционной политики Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции являются совершенствование регулирования экспорта и импорта рабочей силы, защита национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы и смягчение ситуации на внутреннем рынке труда за счет трудоустройства белорусских граждан за границей.

В этой связи в 2003-2004 гг. в Республике Беларусь произошло реформирование органов государственного управления, осуществляющих регулирование нелегальной, вынужденной и внешней трудовой миграции. На базе департамента по миграции Министерства труда и социальной защиты и структурных подразделений Министерства внутренних дел, занимающихся вопросами паспортно-визовой службы и борьбы с незаконной миграцией, был создан Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Основными задачами, которые призвано решать данное структурное подразделение, являются:

- разработка и осуществление мер, направленных на реализацию законодательства о внешней трудовой миграции;
- организация работы по предотвращению незаконного трудоустройства граждан Республики Беларусь за границей;
- принятие мер по защите их социальных прав и предоставленных им социальных гарантий.

Министерством внутренних дел совместно с другими органами государственного управления в 2009-2010 гг. принят ряд организационно-практических мер по реализации Государственной миграционной программы на 2006-2010 гг. В рамках данной программы Министерством внутренних дел осуществлено совершенствование нормативно-правовой базы в области миграции населения.

В настоящее время для реализации поставленных задач в области трудовой миграции в республике сформировано миграционное законодательство, которое включает в себя законы «О внешней трудовой миграции», «О правовом положении иностранных лиц и лиц без гражданства в Республике Беларусь», «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» и др. Этими документами обеспечиваются права трудящихся-мигрантов, защита национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы, система мер поддержки государственных и коммерческих структур, стремящихся самостоятельно выйти на мировой рынок труда.

В соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» осуществление деятельности, связанной с трудоустройством граждан Республики Беларусь за границей и привлечением иностранной рабочей силы в Республику Беларусь, производится на основании специальных разрешений. При выдаче юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям лицензий на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством граждан Республики Беларусь за границей и

привлечением иностранной рабочей силы в Республику Беларусь, лицензирующий орган изучает договоры, заключенные юридическими лицами Республики Беларусь и иностранными работодателями (посредническими фирмами) на предмет соответствия договоров требованиям миграционного законодательства, и в первую очередь, в области защиты прав трудящихся-мигрантов в стране трудоустройства.

Так, в статье 11 Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» предусмотрено, что при заключении трудовых договоров на трудоустройство граждан Республики Беларусь за границей и привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы должен соблюдаться принцип равенства прав трудящегося-мигранта с гражданами государства трудоустройства в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Не допускается найм трудящихся-мигрантов на условиях, унижающих человеческое достоинство, наносящих вред здоровью. За гражданами Республики Беларусь, выехавшими за границу для оплачиваемой трудовой деятельности по трудовому договору, сохраняются права и обязанности, предусмотренные законодательством Республики Беларусь.

Законодательно закреплён порядок выезда белорусских граждан для выполнения оплачиваемой работы у иностранного нанимателя. Согласно статье 5 Закона «О внешней трудовой миграции» белорусы выезжают на работу за границу по визе государства трудоустройства, выданной его дипломатическим представительством или консульским учреждением, и должны иметь трудовой договор с иностранным нанимателем. Рабочая виза, выданная трудящемуся-мигранту, должна давать право не только законного нахождения в иностранном государстве, но и право осуществлять трудовую деятельность у иностранного нанимателя.

В соответствии со статьей 12 Закона «О внешней трудовой миграции» на трудящегося-мигранта распространяются льготы и компенсации, установленные законодательством Республики Беларусь для высвобождаемых по указанным основаниям работников – граждан Республики Беларусь, если иное не предусмотрено трудовым договором.

В случае нарушения нанимателем условий трудового договора с трудящимся-мигрантом, являющимся гражданином Республики Беларусь, выехавшим для оплачиваемой трудовой деятельности за границу, трудящийся-мигрант вправе обратиться в дипломатическое представительство или консульское учреждение Республики Беларусь, которые обязаны принять меры по защите его прав, в том числе по реализации его прав на получение причитающихся льгот и компенсаций, на расторжение трудового договора и возвращение трудящегося-мигранта в Республику Беларусь за счет нанимателя.

Политика в области трудовой миграции в Республике Беларусь реализует концепцию активного государственного регулирования, для которой характерно использование преимущественно административных методов государственного регулирования, что отражено в нормативных правовых документах в области трудовой миграции. Организационная функция государственного управления в области трудовой миграции в Республике Беларусь реализована посредством наделения соответствующими правами, полномочиями, обязанностями Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел и его региональных управлений.

Функция планирования выражается в разработке соответствующих программ. В частности, она была отражена в подпрограмме «Оптимизация миграционных процессов» Национальной программы демографической безопасности на 2011-2015 гг. Функции учета и контроля реализуются через установление строгого порядка въезда/выезда, ограничения по выезду определенных категорий граждан. Контроль за выезжающими гражданами осуществляется через лицензирование деятельности организаций, оказывающих помощь белорусским гражданам в трудоустройстве за границей. Однако при этом в настоящий момент не осуществляется учет белорусских граждан, которые самостоятельно трудоустраиваются в странах безвизового режима, в том числе и в Российской Федерации,

по данным миграционной службы России, в 2015 г. получили разрешение на трудоустройство более 315 тыс. чел. .

В этой связи заметим, что в недостаточной степени осуществляется функция прогнозирования процессов в области трудовой миграции. В первую очередь это касается проработки следующих вопросов: влияния внешней трудовой миграции на внутренний рынок труда, оценки и прогноза перспектив привлечения иностранной рабочей силы в республику и оттока рабочей силы из республики.

В последующие годы в Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» внесены изменения и дополнения, в которых даны определения ряду новых терминов в сфере внешней трудовой миграции (например, «трудоустроенный-эмигрант», «трудоустроенный-иммигрант», «иностранное предприятие», «предприятие Республики Беларусь»). Определения некоторых терминов обновлены и доработаны (например, «внешняя трудовая миграция», «государство трудоустройства»).

В настоящее время в этом законе закреплены основные принципы осуществления внешней трудовой миграции:

- добровольность внешней трудовой миграции;
- недопустимость незаконной внешней трудовой миграции;
- защита рынка труда Республики Беларусь;
- недопустимость подмены трудовых отношений, вытекающих из трудовых договоров, заключенных с трудоустроенными-иммигрантами, обязательствами, возникающими на основе договоров, предусмотренных гражданским законодательством Республики Беларусь, и др.

В законе отражены особенности трудоустройства за пределами Республики Беларусь по студенческим программам в период летних каникул граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь, обучающихся в организациях системы образования Республики Беларусь.

В целях обеспечения защиты Республикой Беларусь прав и свобод граждан, самостоятельно выезжающих за пределы республики для трудоустройства, в законопроекте предусмотрено, что данные граждане имеют право до даты выезда из Республики Беларусь уведомить подразделение по гражданству и миграции органа внутренних дел по месту жительства или месту пребывания о выезде за пределы Республики Беларусь в целях трудоустройства, а в случае заключения трудового договора в Республике Беларусь до выезда в государство трудоустройства – представить копию трудового договора, заключенного с иностранным работодателем.

В целях либерализации экономики и улучшения бизнес-климата в Республике Беларусь упразднено лицензирование деятельности, связанной с привлечением в Республику Беларусь иностранной рабочей силы. Вместо этого в законе закрепляется необходимость получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы теми работодателями, которые собираются использовать труд более десяти трудоустроенных-иммигрантов. Также законом определено, что каждый трудоустроенный-иммигрант для занятия трудовой деятельностью у работодателя Республики Беларусь должен (по ходатайству работодателя Республики Беларусь) получить специальное разрешение. При осуществлении трудовой деятельности у нескольких работодателей Республики Беларусь трудоустроенный-иммигрант будет обязан получить специальное разрешение для работы у каждого из них.

Развитие трудовой миграции рабочей силы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией является основополагающим фактором формирования и развития общего рынка труда Союзного государства. Государственное регулирование в сфере трудовой миграции в рамках Союзного государства может быть определено как система мер и механизмов законодательного, социально-экономического и организационного характера, направленных на оптимизацию миграционных потоков, а также на координацию самого процесса трудовой миграции на всех стадиях его формирования и реализации.

Анализ и учет миграционных процессов в Республике Беларусь ведется с 1994 г. За все время существования лицензионного порядка официально было трудоустроено за рубежом более 75 тыс. человек, в том числе не менее половины – в Российской Федерации. По неофициальным каналам в отдельные периоды численность белорусских трудовых мигрантов на рынке труда России превышала миллион человек.

В последние годы, однако, удельный вес миграционных перемещений в Россию стал снижаться в связи с ростом потоков в другие страны: США, Великобританию и пр. Среди мигрантов преобладает молодежь в возрасте до 24 лет. Большинство выбывающих на работу за пределы Беларуси в эти страны выезжают из Минска. Из общего числа трудящихся-мигрантов подавляющая часть заключает контракты на выполнение работ, связанных с применением преимущественно физического труда. Так, трудовая миграция в Россию, связанная с умственным трудом, составляет всего около 6%. Российских работодателей интересуют в первую очередь рабочие строительных и сельскохозяйственных специальностей, специалисты нефтегазового комплекса и транспортники. Работать в России чаще всего приходится вахтовым методом по 40-60 суток; география потоков носит ярко выраженный избирательный характер. Они направлены главным образом в Западную Сибирь (более 80%) и Центральный район (около 9%). Остальные распределяются между Восточно-Сибирским, Северо-Кавказским и северными районами России.

Образовательный уровень выезжающих в Россию работников довольно высок: около 80% имеют среднее и среднее специальное образование, 10% – высшее. Образовательная и профессиональная структура занятости белорусов в других странах иммиграции в точности повторяет структуру в Российской Федерации. Большинство эмигрантов, несмотря на образование, заняты преимущественно ручным, непривлекательным, тяжелым и низкооплачиваемым трудом. Такие рабочие места, как правило, не пользуются спросом у местного населения. Подавляющая часть выехавших для работы за рубеж из Республики Беларусь – мужчины, как, собственно, и приезжающие в Беларусь трудящиеся-мигранты.

В Республику Беларусь с 1994 г. для работы по трудовым контрактам прибыло около 22 тыс. человек. Едут чаще всего для организации совместных предприятий, проектов, строительства газопровода, создания финансовых групп. Востребован в основном руководящий персонал или высококвалифицированные специалисты, хотя определенная часть прибывающих находит себе работу в строительстве и сельском хозяйстве, требующих применения физического труда. Примечательно и то, что если из Беларуси в другие страны едут в основном молодые работники в возрасте до 24 лет (таковых более половины), то в Беларусь, напротив, приезжают лица старше 40 лет (таковых более одной трети).

Основной миграционный поток в Беларусь идет из России, Казахстана, Украины. Прибывшие из этих государств в 2009-2015 гг. составили около 86% общего числа мигрантов из стран СНГ и Балтии. Из других стран в Республику Беларусь традиционно приезжают с торговыми целями вьетнамцы и в качестве трудящихся мигрантов по реализации инвестиционных проектов – граждане Китая (примерно 4-5%).

Миграционный процесс охватил в настоящее время все области республики. Большая часть приезжающих из Украины прибывают на работу в Брестскую и Гомельскую области (более 70%). Это объясняется разными темпами реформ экономики двух стран, более тяжелой финансовой ситуацией в Украине, безвизовым режимом въезда в Республику Беларусь и, конечно же, соседством стран. Остальные въезжающие распределились следующим образом: 15% приходится на наиболее развитые в промышленном отношении регионы – Минск и Минскую область, заметная часть оседает на загрязненных в результате Чернобыльской аварии территориях, испытывающих особенно острую нехватку кадров.

По материалам социологического опроса (2009 г.) Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) было отмечено, что почти половина белорусов (49,7%) хотели бы выехать на постоянное место жительства за рубеж. Среди стран, куда хотели бы эмигрировать белорусы, лидирует Германия – 16,5%, затем следуют США – 9,4%, Россия – 4,9%, Польша – 4,6% и страны Балтии – 1,8%. Это в первую очередь связано с тем, что качество и уровень жизни населения Германии почти в 7,5 раза выше, чем в Беларуси, в США – более чем в 7 раз, а средняя зарплата в Польше почти в 3 раза превышает оплату труда в Беларуси.

Но одно дело желания, а другое – реальность. Реалии же таковы: основные потоки, особенно в восточных областях Республики Беларусь, направлены на российский рынок труда. Это связано с формированием общего рынка труда в рамках Программы совместных действий по унификации законодательства в социально-трудовой сфере и сближению уровней социальных гарантий граждан Беларуси и России, с географической близостью стран, реальной возможностью найти в России работу, безвизовым режимом и, что немаловажно, знанием языка.

Анализ статистических данных о миграционных потоках в Республику Беларусь свидетельствует, что в основном трудящиеся-мигранты в Республику Беларусь направляются из стран СНГ (ежегодно 10-12 тыс., что составляет 87-89% от общего количества трудовых мигрантов) и это преимущественно граждане из приграничных государств – России и Украины (75-78% от общего количества трудящихся мигрантов). За последние 20 лет (1994-2015 гг.) миграционная ситуация в Беларуси остается стабильной – основные миграционные потоки в Беларусь направляются из стран СНГ (2015 г. – 21426 чел., в том числе из России – 7933 и Украины – 9126).

Таким образом, миграционная политика Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции направлена на совершенствование регулирования экспорта и импорта рабочей силы, защиту национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы и смягчение ситуации на внутреннем рынке труда за счет трудоустройства белорусских граждан за границ и направлена на восток, т.е. в Российскую Федерацию.

Занятость иностранцев в республике преимущественно используется в сельскохозяйственном производстве и строительстве, а также на должностях руководителей, в качестве спортсменов-инструкторов, тренеров, поваров и других специалистов.

Подавляющее большинство мигрантов из числа граждан Республики Беларусь выезжают на работы, связанные с физическим трудом (строительные и сельскохозяйственные (сбор ягод), перерабатывающие предприятия), а также в сферу обслуживания (работа в гостиницах, на круизных лайнерах). Большинство мигрантов, несмотря на высокий уровень образования, преимущественно заняты ручным, мало привлекательным, тяжелым и низкооплачиваемым трудом, т.е. на рабочих местах, не пользующихся спросом у местного населения. Из общей численности трудовых мигрантов в Беларуси занятые на рабочих местах, связанных с умственным трудом, составляют десятую часть.

Цель миграционной политики Республики Беларусь должна состоять в уменьшении негативных последствий миграционных процессов в рамках сохранения и развития национальной идентичности и безопасности страны путем максимального сокращения незаконной и формирования селективной миграции.

Для достижения этой цели в средне- и долгосрочной перспективе стоят следующие задачи:

- предупреждение, предотвращение и минимизация негативных последствий миграционных процессов;
- разработка механизмов привлечения мигрантов, основанных на критериях отбора специалистов;

- стимулирование притока иностранных специалистов с высоким инновационным потенциалом путем упрощения порядка привлечения иностранной рабочей силы высокой квалификации и регулирования качественного состава привлекаемой иностранной рабочей силы;
- привлечение иностранной рабочей силы в отрасли и сферы, где отсутствует конкуренция со стороны отечественной рабочей силы;
- сокращение незаконной миграции и торговли людьми, а также внедрение на пограничных постах и иных пунктах современных технических средств;
- разработка механизмов рационального расселения иммигрантов, исходя из интересов демографического и социально-экономического развития регионов, региональных рынков труда;
- разработка системы мер по легализации, адаптации и интеграции иммигрантов в общество.

© Смалюга А.К. Текст. 2016

Список источников

1. Официальный сайт исполнительного комитета СНГ: <http://www.cis.minsk.by>.
2. Министерство труда и социальной защиты населения: <http://www.mintrud.gov.by>.
3. Масленкова Е. Внешняя миграция Беларуси: проблемы и тенденции // Белорусский банковский бюллетень. – 2007. – № 43. – С. 45-54.
4. <http://europa.eu.int>.

Информация об авторе

Смалюга Андрей Кондратьевич (Республика Беларусь, Гомель) – аспирант Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Республика Беларусь, 246029, Гомель-29, просп. Октября 50; e-mail: 375291269630@yandex.by).

Smaliuga A.K.

SOCIALANDLEGALBASISBELARUSIAN-RUSSIAN LABOR MIGRATION

The tendencies in the Belarusian-Russian migration are regarded. The effect of migration flows on the labor market of Russia in Belarus are shown. Sets out the basic provisions of the legal framework of the Republic of Belarus in the field of migration policy are analyzed. Migration policies in the Republic of Belarus at the present stage and labor market are regarded. The genesis of the legal framework and its impact on employment are regarded. Problems in Belarusian-Russian migration are analyzed. Consider ways of improving migration policy in the framework of the Union State are regarded.

Keywords: migration policy, labor migration, the legal framework, the Republic of Belarus, the Russian Federation.

Information about the author

Smaliuga Andrey Kondratievich (Belarus, Gomel) – aspirant Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (Belarus, 246029, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: 375291269630@yandex.by).

ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОТОКОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ДИНАМИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ*

В ходе работы проведена модификация динамической модели возрастной трудовой миграции. Данная модель позволяет получить прогнозную динамику взаимообусловленных миграционных процессов с учетом изменения количественного состава возрастных групп мигрирующего населения. В модели заданы зависимости между уровнями оплаты труда иностранной рабочей силы на региональных рынках труда от количества трудящихся мигрантов и динамики миграционного притока населения. При этом в постановке задачи учитываются предпосылки концепции новой экономики миграции и синтетической теории миграции в отношении задания влияния миграционных сетей на систему миграционных потоков.

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, динамическое моделирование, миграционная политика, миграционные сети, возрастной состав, концепция новой экономики миграции, синтетическая теория миграции.

Современная динамика и направленность потоков трудовой миграции из стран СНГ в регионы Российской Федерации объясняется стремлением индивида повысить свой уровень жизни за счет существенного дисбаланса в социально-экономическом развитии территорий отправления и притяжения миграции. При рассмотрении динамики перемещения трудовых ресурсов необходимо отметить, что трудовая миграция устремляется в страны с высоким уровнем экономических свобод [1] и, соответственно, большей вероятностью трудоустройства мигрантов в официальном секторе экономики принимающей страны [2]. Подчеркнем, что динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией претерпела существенные изменения в условиях повышения уровня жизни и стабилизации экономической ситуации в странах ближнего зарубежья [3].

Существенное влияние на устойчивость социально-экономических систем регионов оказывает транзитная миграция, которую связывают с приоритетностью для мигрантов государств с развитой экономикой, переезд в которые является конечной целью для многих выходцев из наиболее бедных стран третьего мира. В то же время транзитные мигранты могут искать способы заработка в регионах, через которые происходит перемещение, что, с одной стороны, ведет к изменению состояния трудового капитала данных территорий, с другой стороны, одним из способов получения денег для представителей транзитной миграции является доставка наркотиков в регион, через который происходит транзит [4].

В то же время мигранты устремляются в регионы, характеризующиеся развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни, при этом степень развитости региональной экономики в большинстве случаев зависит от состояния энергетической обеспеченности и природно-ресурсного капитала территории [5]. При рассмотрении миграционных процессов между странами СНГ и регионами УрФО объем и направленность потока мигрантов будет зависеть от уровня экономических благ, которые возможно получить, работая в выбранном регионе. Анализ уровня общего экономического развития

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-06-00048 «Социальная парадигма регионального развития: выбор приоритетов и трансформация экономики».

территории необходимо проводить с учетом энергетической составляющей, основополагающую роль в которой играет энергетическая безопасность [6].

При моделировании традиционно учитываются такие экономические факторы выталкивания и притяжения трудовых ресурсов, как уровень безработицы, общее число вакансий, численность мигрирующего населения в год. Выбор индивидом определенного региона для миграции напрямую зависит от степени развитости рынка труда и инфраструктуры в данном регионе. На макроэкономическом уровне одним из основных стимулов для миграции является наличие или отсутствие высокооплачиваемой работы и возможности трудоустройства на условиях, являющихся удовлетворительными для индивида, что является актуальным для молодых людей при поиске работы. Таким образом, при рассмотрении миграционных процессов между двумя регионами одним из самых сильных выталкивающих факторов является невозможность найти работу, при этом наиболее важным фактором притяжения является высокий доход работающего населения в принимающем регионе.

При рассмотрении миграции по возрастному показателю необходимо отметить, что одним из наиболее привлекательных факторов для молодых людей является возможность получения хорошего образования, а впоследствии – хорошо оплачиваемой работы. Также на принятие решения о миграции влияет уровень предоставления общественных благ, таких как дошкольное воспитание, начальная школа, здравоохранение, низкий уровень преступности и развитость инфраструктуры.

На основании динамической модели прогнозирования трудовой миграции автором была разработана модель прогнозирования динамики возрастных групп мигрирующего населения, учитывающая коэффициенты передвижки возрастов, связанную с ними переменную динамику функций оплаты труда мигрантов и динамику естественного прироста населения [7]. В модели учитывается 3 возрастные группы, выделенные среди трудоспособного населения: молодежная (Y), средняя (M) и старшая (O). Величина $x_{sh}^a(t_k)$ обозначает численность трудовых мигрантов с разбивкой по возрастным группам, где $\alpha=Y, M, O$ соответствует типу возрастной группы из страны-донора s в регион притяжения h в момент времени t_k [8]. Соответственно верхним индексом α обозначим все переменные в модели для упрощения разбивки на возрастные группы. В результате получим функции зарплат, зависящие от возрастных групп:

$$w_h^a(t_k) = w_h^a(x_h^a(t_k)) = w_{0h}^a \frac{E_h^a + V_h^a}{E_h^a + U_h^a + a_h x_h^a(t_k)} \quad (1)$$

$$w_s^a(t_k) = w_s^a(x_s^a(t_k)) = w_{0s}^a \frac{E_s^a + V_s^a}{E_s^a + U_s^a - a_s x_s^a(t_k)} \quad (2)$$

Метод передвижки возрастов учитывается в модели следующим образом:

$$x_{sh}^a(t_{k+1}) = x_{sh}^a(t_k) + \Delta q_{sh}^a x_{sh}^a(t_k) (P_s(t_k) - x_h^a(t_k)) (w_h^a(x_h^a(t_k)) - w_s^a(x_s^a(t_k))) + \Delta F_{sh}^a(t_k), \quad (3)$$

где переход мигрантов между возрастными группами $F_{sh}^a(t_k)$ для всех трех возрастных групп $\alpha=Y, M, O$ задается следующим образом: поток молодежной группы, представленный коэффициентом $F_{sh}^Y(t_k)$, описывает приток в молодежную группу трудоспособного населения детей мигрантов, достигших возраста 15 лет. При этом приток трудовых ресурсов в молодежную возрастную группу задан следующим образом:

$$I_{sh}(t_i) = \gamma_{sh}^y \cdot x_{sh}^y(t_i) + \gamma_{sh}^m \cdot x_{sh}^m(t_i) + \gamma_{sh}^o \cdot x_{sh}^o(t_i), \quad (4)$$

Также, в соответствии с приведенной ниже формулой, данный коэффициент учитывает отток мигрантов в среднюю возрастную группу и коэффициент смертности населения, соответствующий молодежной возрастной группе:

$$F_{sh}^Y(t_k) = \gamma_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) + \gamma_{sh}^O x_{sh}^O(t_k) - \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) - \mu_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) \quad (5)$$

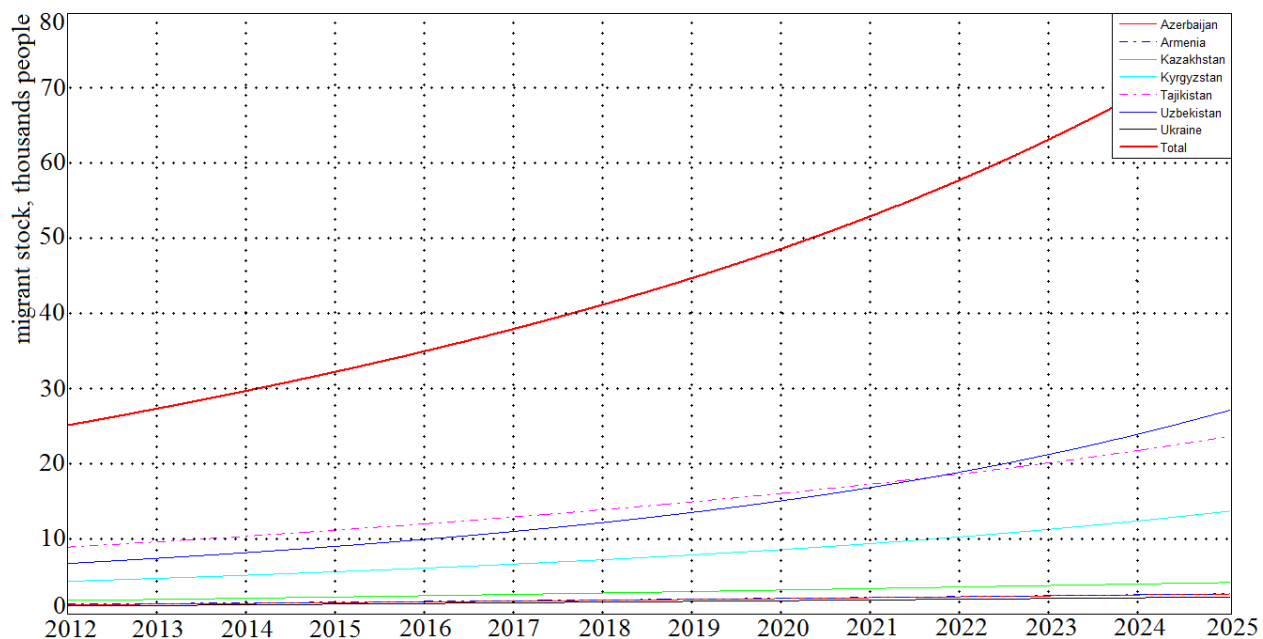

Рис. 1. Младшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

Параметр $F_{sh}^M(t_k)$ описывает мигрантов средней возрастной группы. В соответствии с формулой 6 данный параметр описывает приток в среднюю возрастную группу мигрантов из младшей возрастной группы, достигших возраста 30 лет. В то же время в данной формуле учитываются отток мигрантов в старшую возрастную группу и смертность населения, характерная для средней возрастной группы мигрантов из страны s :

$$F_{sh}^M(t_k) = \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y(t_k) - \beta_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) - \mu_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) \quad (6)$$

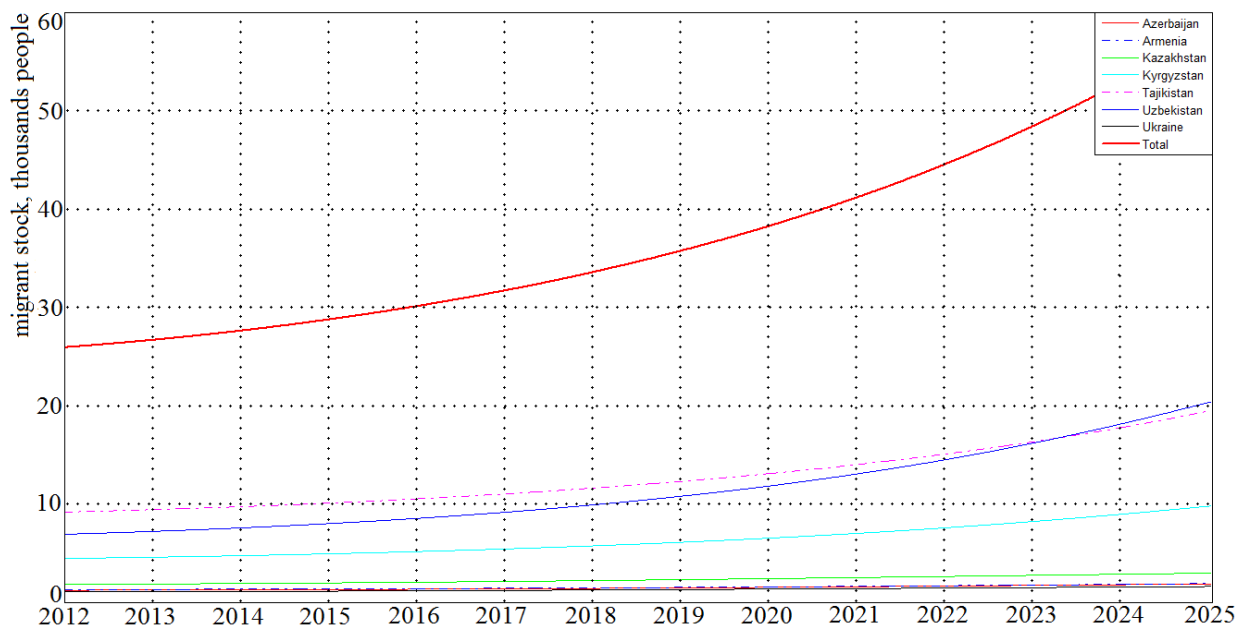

Рис. 2. Средняя возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

С помощью переменной $F_{sh}^O(t_k)$ описывается численность мигрантов старшей возрастной группы. Данный параметр включает в себя приток мигрантов из средней

возрастной группы, отток мигрантов из старшей возрастной группы, при выходе на пенсию, и смертность населения. Данный результат представлен в формуле 7:

$$F_{sh}^O(t_k) = \beta_{sh}^M x_{sh}^M(t_k) - \beta_{sh}^O x_{sh}^O(t_k) - \mu_{sh}^O x_{sh}^O(t_k) \quad (7)$$

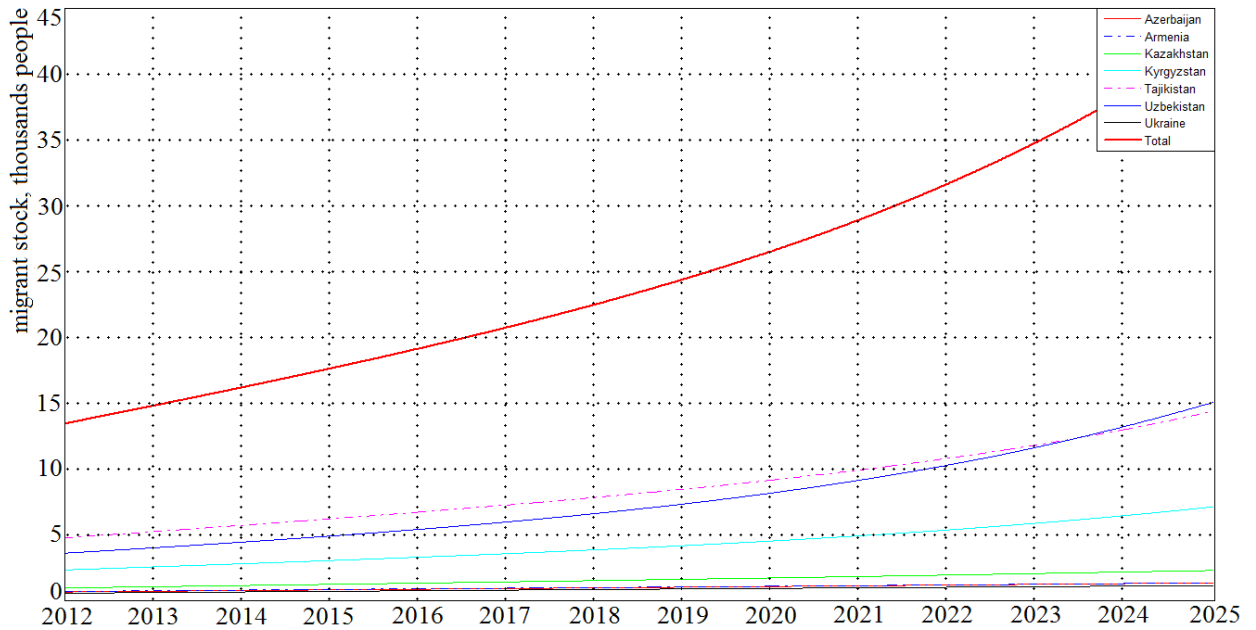

Рис. 3. Старшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

В данной модификации модели принимается в расчет коэффициент естественного прироста населения. Для стран СНГ данный параметр обозначим за P_s . В таком случае зависимость прироста населения от времени будет выглядеть следующим образом:

$$P_s^a(t_k) = P_s^a(t_{k-1}) + g_s^a P_s^a(t_{k-1}) \quad (8)$$

где $\alpha = Y, M, O$ – тип возрастной группы мигрирующего населения;

g_s^a – коэффициент прироста населения.

Общий вид данной модели представлен следующим образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} x_{sh}^y(t_i + \Delta) = x_{sh}^y(t_i) + \Delta \cdot [q_{sh}^y \cdot x_{sh}^y(t_i) \cdot (P_s^y(t_i) - x_s^y(t_i)) \cdot (w_h^y(x_h^y(t_i)) - w_s^y(x_s^y(t_i))) + \\ \quad + I_{sh}(t_i) - \beta_{sh}^y \cdot x_{sh}^y(t_i) + R_s^y \cdot x_{sh}^y(t_i)] \\ x_{sh}^m(t_i + \Delta) = x_{sh}^m(t_i) + \Delta \cdot [q_{sh}^m \cdot x_{sh}^m(t_i) \cdot (P_s^m(t_i) - x_s^m(t_i)) \cdot (w_h^m(x_h^m(t_i)) - w_s^m(x_s^m(t_i))) + \\ \quad + \beta_{sh}^y \cdot x_{sh}^y(t_i) - \delta_{sh}^m \cdot x_{sh}^m(t_i) + R_s^m \cdot x_{sh}^m(t_i)] \\ x_{sh}^o(t_i + \Delta) = x_{sh}^o(t_i) + \Delta \cdot [q_{sh}^o \cdot x_{sh}^o(t_i) \cdot (P_s^o(t_i) - x_s^o(t_i)) \cdot (w_h^o(x_h^o(t_i)) - w_s^o(x_s^o(t_i))) + \\ \quad + \delta_{sh}^m \cdot x_{sh}^m(t_i) - \mu_{sh}^o \cdot x_{sh}^o(t_i) + R_s^o \cdot x_{sh}^o(t_i)] \end{array} \right. \quad (9)$$

В результате данная модель позволяет получить прогноз взаимообусловленной динамики потоков трудовых ресурсов с разбивкой по трем основным возрастным группам. При этом смоделированная система рынка труда не является замкнутой, что достигается за счет задания эмпирической динамики всех управляющих параметров, учтенных в поставленной задаче. Задание динамики естественного прироста в странах отправления миграции позволило также увеличить допустимый предел достоверного прогноза.

Список источников

1. Агарков Г.А., Кривенко И.А., Судакова А.Е. Трансакционные издержки в криминальной экономике // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 3 (56). – С. 330-334.
2. Найденов А.С., Кривенко И.А. Эволюция взглядов западных ученых в понимании криминальной экономики // Журнал экономической теории. – 2014. – № 4.
3. Куклин А.А., Гурбан И.А. Региональные особенности демографической составляющей человеческого капитала // Народонаселение. – 2012. – № 4. – С. 35-50.
4. Гурбан И.А., Клевакин А.Н. Оценка социально-экономических последствий наркомании в Уральском федеральном округе // Экономика региона. – 2013. – № 2. – С. 34-42.
5. Пыхов П.А. Диагностика природно-ресурсного капитала территории // Экономика региона. – 2013. – № 2. – С. 55-63.
6. Денисова О.А., Пыхов П.А. Оценка современного и перспективного состояния УрФО с позиций энергетической безопасности // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 52-61.
7. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. – Chicago. – Mart 2001. – No.106. – P. 1262-1298.
8. Васильева А.В., Тарасьев А.А. Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 283-298.

Информация об авторе

Тарасьев Александр Александрович (Россия, Екатеринбург) – соискатель, ведущий экономист Центра экономической безопасности Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; тел. 8-912-609-45-83; e-mail: alextarassiev@mail.ru).

Tarasyev A.A.

AGE DIFFERENTIATION OF LABOR MIGRATION FLOWS IN DYNAMIC MODELS

During the work I carried out the modification of the age divided labor migration dynamic model. This model allows to forecast the dynamics of the interrelated processes of migration, taking into account changes in the number of members of the migrant population ages. The model define the relationship between the foreign labor force wage levels in the regional labor markets of the number of migrant workers and the dynamics of migration flows. In the problem formulation I took into account the background concept of the new economy of migration and the synthetic theory of migration in regard to impact the influence of migration networks on the whole migration flows system.

Keywords: labor migration, labor market, dynamic modeling, migration policy, migration networks, the age structure, the concept of a new economy of migration, synthetic theory of migration.

Information about the author

Tarasyev Alexandr (Russia, Yekaterinburg) – PhD student, leading economist of the Center for Economic Security, Institute of economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; phone: 8-912-609-45-83, e-mail: alextarassiev@mail.ru).

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ГРАВИТАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ*

В статье представлена модель трудовой миграции, описывающая динамику межрегиональных потоков трудовых ресурсов в непрерывном времени. Модификация модели позволяет смоделировать и объяснить динамику миграционных процессов и связанных с ними экономических эффектов как для регионов притяжения, так и для регионов отправления мигрантов. При составлении модели учитывались основные положения теории позиционных игр и метод разности потенциалов, что позволило описать межрегиональную миграцию на краткосрочную перспективу с высокой точностью.

Ключевые слова: трудовая миграция, прогноз, экономическая теория миграции, экономические эффекты, динамическое моделирование, миграционная политика, рынок труда.

В настоящее время наблюдается процесс значительного сокращения численности научных кадров. Для корректировки и повышения отдачи от инвестиционных потоков необходимы научно обоснованные прогнозы, отражающие изменение динамики инвестиций в зависимости от результативности их использования. Негативная демографическая ситуация в России предопределила наличие многочисленных проблем рынка труда. Сочетание высоких показателей оборота рабочей силы с низкими показателями оборота рабочих мест составляет важнейшую черту российского рынка. Ввиду социально-экономической ситуации, сложившейся на российском рынке труда в последние годы, неизбежно привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего зарубежья [1, 2] в количестве и качестве, необходимом для устойчивого развития системы [3].

При этом трудовая миграция характеризуется направленностью в страны с высоким уровнем экономических свобод [4]. Большая часть мигрантов стремится к официальному трудоустройству в регионах принимающей страны [5, 6]. Динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией может претерпеть существенные изменения в результате влияния внешних факторов, дестабилизирующих социально-экономическую систему регионов, принимающих миграцию. Межгосударственная и межрегиональная трудовая миграция, подразумевающая вынужденное или добровольное перемещение рабочей силы через государственные и региональные границы, становится широко распространенным явлением. По оценкам экспертов, Россия занимает второе место в мире по численности неофициальных мигрантов [1, 2]. Социально-демографическая ситуация, сложившаяся в России, требует пересмотра роли трудовой миграции в региональном развитии. Миграционные процессы оказывают существенное влияние на качество жизни населения и экономическую ситуацию в регионах России. Последствия неконтролируемой трудовой миграции приводят к необходимости оценки ее влияния на теневую экономику. В то же время трудовым мигрантам актуально иметь возможность трудоустройства в официальном секторе экономики [3].

Процессы межрегиональной миграции населения оказывают существенное воздействие на развитие социально-экономической ситуации в регионах Российской

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01352a2 «Научно-методическое обоснование повышения эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионах России: баланс интересов экономического прагматизма и национальной безопасности».

Федерации. В последние годы наблюдается изменение уровня спроса и предложения рабочей силы на региональных рынках труда. Последствия внутренней миграции достаточно противоречивы, что затрудняет принятие управленческих решений, направленных на повышение качества жизни в исследуемых регионах.

При моделировании традиционно учитываются такие экономические факторы выталкивания и притяжения трудовых ресурсов, как уровень безработицы, общее число вакансий, численность мигрирующего населения в год. Выбор индивидом определенного региона для миграции напрямую зависит от степени развитости рынка труда и инфраструктуры в данном регионе. На макроэкономическом уровне одним из основных стимулов для миграции является наличие или отсутствие высокооплачиваемой работы и возможности трудоустройства на условиях, являющихся удовлетворительными для индивида, что является актуальным для молодых людей при поиске работы. Таким образом, при рассмотрении миграционных процессов между двумя регионами одним из самых сильных выталкивающих факторов является невозможность найти работу, при этом наиболее важным фактором притяжения является высокий доход работающего населения в принимающем регионе.

При рассмотрении миграции по возрастному показателю необходимо отметить, что одним из наиболее привлекательных факторов для молодых людей является возможность получения хорошего образования, а впоследствии – хорошо оплачиваемой работы. Также на принятие решения о миграции влияет уровень предоставления общественных благ, таких как дошкольное воспитание, начальная школа, здравоохранение, низкий уровень преступности и развитость инфраструктуры. Необходимо отметить связь миграции с демографией. Основные причины миграции, по данным официальной статистики и социологических опросов, связаны с жизненными циклами, что подразумевает такие события в жизни человека, как рождение ребенка, получение образования, служба в армии, смена семейного статуса и выход на пенсию. Немаловажную роль в межрегиональной динамике трудовых ресурсов играют климатические и природные условия, этническая структура, культура и традиции в регионах, задействованных в миграционных процессах [4].

Миграция сглаживает существующие межрегиональные различия в уровне и качестве жизни. Безработица в крупных городах, как правило, ниже, чем по стране в целом. Поэтому миграция из городов с большей безработицей в города с более низкой позволит уравновесить рынок труда. Также миграция населения реагирует на межрегиональную дифференциацию в доходах [5].

Одним из немаловажных факторов увеличения потока трудовых мигрантов в регион являются так называемые миграционные сети, под которыми понимается набор межличностных связей, соединяющих мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов между собой посредством отношений родства, дружбы и общего социального происхождения. Миграционные сети упрощают распространение информации об условиях жизни в разных странах и регионах, что обеспечивает повышение вероятности трудоустройства. Динамику распространения информации представляется возможным смоделировать посредством применения агент-ориентированного моделирования. При достижении миграционными сетями определенного уровня развития миграция приобретает характер самоподдерживающегося процесса. Переход от индивидуальной независимости при принятии решения о миграции к групповой взаимозависимости, выгодной для всех ее участников, произошел в рамках новой экономической теории миграции. Согласно этой теории решение принимается потенциальным мигрантом совместно с другими членами его семьи, которые не меняют места работы и жительства. Целью миграции в данной ситуации становится максимизация доходов не отдельного человека, а сообщества людей, которые будут делить между собой как расходы, так и доходы от миграции одного члена сообщества [6]. Также в новой экономической теории миграции подчеркивается значимость такого фактора, как уровень доходов окружения

семьи. Неудовлетворенность своим социальным положением на родине может побудить членов семьи к миграции с целью увеличения доходов [7]. В нашей работе влияние миграционных сетей на систему миграции определяется с помощью показателя $x_{jk}(t_s)$.

Поскольку в работе поставлена задача разработки математической модели для объяснения динамики межрегиональных миграционных потоков и их воздействия на развитие региональных рынков труда, рассмотрим миграционные процессы в рамках либеральной модели развития. Данная модель основана на парадигме прав человека, которая утверждает приоритет прав человека над правами гражданина. Право на свободное передвижение является одним из основных прав человека в демократическом обществе [8]. Либеральная модель развития предполагает устранение всех препятствий и барьеров для мобильности трудовых ресурсов, что наиболее ярко отражает как экономические, так и социально-демографические составляющие межрегиональной миграции населения.

Актуальность задачи моделирования межрегиональных миграционных потоков определяется возникновением новых тенденций в миграции, вызванных процессом реформирования российского общества. Процесс трудовой миграции слабо контролируется государством, вследствие чего повышается доля трудящихся, занятых в теневом секторе экономики. В настоящем исследовании предлагается динамическая модель, основанная на следующих принципах. Модель является синтетической конструкцией и соединяет «гравитационную модель», представленную в работе К. Кумо, задачу оптимизации транспортных потоков и элементы логистической динамики роста населения Ферхюльста. Модель разделена на две части и отражает движение населения как из Свердловской области в субъекты Уральского федерального округа, так и из субъектов УрФО в Свердловскую область. В процессе моделирования задействованы данные по уровню безработицы, количеству рабочих мест, межрегиональным потокам миграции. Для моделирования прогноза используются такие показатели, как средняя заработная плата, уровень преступности, качество жизни в целом по субъектам федерального округа. Перечисленные параметры были объединены в степенной функции Кобба – Дугласа.

Логистическое уравнение, также известное как уравнение Ферхюльста, изначально появилось при рассмотрении модели роста численности населения. При обозначении через P численности населения и через t времени модель сводится к дифференциальному уравнению:

$$P(t_{s+1}) = P(t_s) + r \cdot P(t_s) \cdot \left(1 - \frac{P(t_s)}{L}\right), \quad (1)$$

где параметр r характеризует скорость роста (размножения), а L – емкость среды (то есть максимально возможную численность населения).

Модель гравитации Кумо в общем виде [9] представлена следующим образом:

$$M_{ij} = g \cdot \frac{P_i^\alpha \cdot P_j^\beta}{D_{ij}^\delta}, \quad (2)$$

где M_{ij} – число мигрантов из области i в область j ;

g – коэффициент гравитации;

P_i – население области i ;

P_j – население области j ;

D_{ij} – расстояние между областью i и областью j .

Результатом моделирования являются траектории, описывающие динамику миграционных потоков, оценка изменения трендов этих траекторий и возможность прогнозирования. Поскольку используется такой коэффициент, как сомножитель логистической динамики, можно с уверенностью говорить о том, что графическое изображение прогноза будет выполнено в виде S-образной кривой. Если рассматривать графический результат моделирования, то можно проследить динамику насыщения уровня вакансий в рассматриваемом субъекте потоками мигрирующего населения. Процесс миграции идет с ускорением до определенной точки, называемой точкой перегиба. После прохождения указанной точки процесс миграции идет с замедлением и в конечном итоге насыщается на определенном равновесном уровне [10].

При построении прогноза движения населения из определенной области в субъекты региона используется следующая формула:

$$x_{ik}(t_{s+1}) = \frac{g \cdot x_{jk}(t_s) \cdot (b_j - \sum_{k=1} x_{jk}(t_s)) \cdot (\alpha_k - \sum_{j=1} x_{jk}(t_s))}{r_{jk}}, \quad (3)$$

где $x_{jk}(t_s)$ – поток из субъекта j в субъект k ;

$j=1, \dots; k=1, \dots;$

g – коэффициент «популярности» региона для миграции, вычисленный с помощью функции Кобба – Дугласа;

b_j – отдающий пункт (число безработных в заданной области);

α_k – принимающий пункт (число вакансий в субъектах федерального округа);

$g \cdot x_{jk}(t_s)$ – сомножитель логистической динамики.

Если рассматривать миграцию населения из субъектов региона в определенную область, то формула меняется следующим образом:

$$x_{kj}(t_{s+1}) = \frac{g \cdot x_{kj}(t_s) \cdot (\alpha_j - \sum_{k=1} x_{kj}(t_s)) \cdot (b_k - \sum_{j=1} x_{kj}(t_s))}{r_{kj}}, \quad (4)$$

В данном случае также меняются обозначения:

b_j – принимающий пункт (число рабочих мест в интересующей нас области);

α_k – отдающий пункт (число безработных в субъектах области);

В случае существенной удаленности субъектов один от другого расстояние становится одним из результирующих факторов, зависимость обратно пропорциональна: чем больше расстояние, тем меньше вероятность исхода рабочих мигрантов в данный субъект.

Универсальность приведенной модели заключается в том, что можно указать любое количество отдающих и принимающих пунктов и связей между ними. Также может быть учтено большое количество коэффициентов, описывающих макроэкономические показатели регионов: состояние окружающей среды, общее качество жизни, уровень

преступности, средние заработные платы населения, расстояние, покупательная способность денежных доходов.

Итоговой точкой моделирования стали траектории, описывающие миграцию населения, на основе которых был составлен краткосрочный прогноз движения миграционных потоков. Как видно из графической интерпретации моделирования, наиболее привлекательными для миграции из Свердловской области являются Челябинская область и Ханты-Мансийский автономный округ. Число вакансий в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах близко к насыщению, соответственно наблюдается тенденция постепенного сокращения масштаба миграции в этом направлении. Как показывает индикативный анализ и прогнозирование с использованием динамической модели, Свердловская, Челябинская и Тюменская области отличаются постоянным положительным уровнем миграционного прироста, то есть являются наиболее предпочтительными для трудовых мигрантов как наиболее экономически развитые и стабильные субъекты. Таким образом, на территории УрФО наблюдается отток из неблагополучных регионов в более успешные, который будет продолжаться в условиях рыночных отношений до тех пор, пока не будут сокращены диспропорции в социально-экономическом развитии между регионами России. В современной России важной движущей силой миграции является спрос на труд в крупных городах, он стимулирует не только миграцию в пределах регионов, но и между отдельными частями страны. Расширение предложения на рынке труда в наименее социально-экономически развитых регионах позволит сократить неравномерность миграционных потоков и обезлюдение, что создаст благоприятные предпосылки для развития территории.

При моделировании используются текущие данные по уровню безработицы. В дальнейших исследованиях планируется разработка модели в плане построения функций прогноза уровня безработицы и вакансий и включение этих показателей в модель в качестве временных функций. Такая модификация позволит существенно улучшить качество модельного прогнозирования. Задание в динамике исходных параметров, учитываемых в модели, предполагаемое в дальнейшей работе, позволит увеличить временной интервал прогноза с условием сохранения точности прогнозирования на уровне 97%, в то же время предполагается, что система, описываемая в данной модели, будет иметь характер саморегулирующейся. Также в дальнейших исследованиях планируется разработка модели в направлении построения функций прогноза уровня безработицы и вакансий и включение этих показателей в модель в качестве временных функций. Такая модификация позволит существенно улучшить качество модельного прогнозирования. Также предполагается создание модели с элементами агент-ориентированного моделирования для оценки влияния миграционных сетей на динамику межрегиональных миграционных потоков.

© Тарасьев А.А., Тарасьева Т.В. Текст. 2016

Список источников

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год «Россия перед лицом демографических вызовов» / А.Г.Вишневский, С.Н. Бобылев и др. – М.: ПРООН, 2009. – 208 с.
2. Fasani, F. Deporting undocumented immigrants: The role of labor demand shocks. , University College London. 2009.
3. Найдёнов А.С., Кривенко И.А. Влияние административных барьеров и институциональной среды на динамику теневого сектора экономики // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 117-122.

4. Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации / Андриенко Ю.В., Гуриев С.М.; Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. – М., 2006. – 52 с.
5. Вакуленко Е.С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. – 2012. – № 1. – С. 25-50.
6. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. – Chicago. – Mart 2001. – No. 106. – С. 1262-1298.
7. Магомедова А.Г. Экономико-демографические аспекты внешней миграции в России: сб/ статей / гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: ТЕИС, 2006. – 128 с.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Kumo K. Inter-regional Population Migration in Russia: Using an Origin-to-Destination Matrix [Electronic resource]. URL: <http://www.ier.hit-u.ac.jp/>
10. Никонов О.И., Тарасьев А.А., Луценко А.В.. Задача моделирования динамики межрегиональных миграционных потоков // Вестник УрФУ. – 2014. – № 2. – С. 141- 146.

Информация об авторах

1. Тарасьев Александр Александрович (Россия, Екатеринбург) – аспирант, экономист Центра экономической безопасности Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: alextarassiev@mail.ru).
2. Тарасьева Татьяна Владимировна (Россия, Екатеринбург) – экономист Центра экономической безопасности Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел. 8-982-713-21-61, e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

Tarasyev A.A., Tarasyeva T.V.

BEHAVIORAL DYNAMICS IN THE MIGRATION GRAVITY MODELS

The paper presents a model of labor migration, describing the dynamics of inter-regional labor flows in continuous time. Modification of the model presented allows to model and explain the dynamics of migration and related economic effects for both regions of attraction and the regions of origin of migrants. In drawing up the model takes into account the basic provisions of the theory of positional play and a potential difference method that allowed us to describe inter-regional migration in the short term with high accuracy.

Keywords: labor migration, forecasting, economic theory of migration, economic effects, dynamic simulation, migration policy, labor market

Information about the authors

1. Tarasyev Alexandr (Russia, Yekaterinburg) – PhD student, leading economist of the Center for Economic Security, Institute of economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; phone: 8-912-609-45-83, e-mail: alextarassiev@mail.ru).
2. Tarasyeva Tatiana (Russia, Yekaterinburg) – economist of the Center for Economic Security, Institute of economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; phone: 8-982-713-21-61, e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ КАРЬЕРНОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НАПРЯЖЕННОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

Рассматриваются внешние и внутренние факторы, определяющие карьерную миграцию в вынужденное предпринимательство. Дается оценка стимулов и перспектив развития стартапов в ситуации экономического кризиса с точки зрения закономерностей развития предпринимательства.

Ключевые слова: скрытая безработица, стимулы к созданию бизнеса, вынужденное предпринимательство, самозанятость, эффективность стартапов

Среди государственных антикризисных мер по стабилизации рынка труда традиционно предлагается такая, как развитие предпринимательства: микрофинансирование начинающих предпринимателей, реализация проекта «Начни свое дело» и др. Насколько оправданны ожидания того, что создание и развитие малого и среднего бизнеса способно стабилизировать ситуацию на рынке труда? Прогнозы российских и западных исследований не слишком оптимистичны.

Об актуальности проблемы карьерной миграции говорят результаты авторских социологических исследований настроений экономически активного населения Свердловской области. Выборка исследования формировалась с учетом представленности различных типов населенных пунктов Свердловской области:

- моногорода и монопоселения (монопрофильные населенные пункты): г. Нижний Тагил (400 респондентов), г. Серов (360 респондентов), г. Верхняя Пышма (100 респондентов), г. Качканар (150 респондентов), г. Каменск-Уральский (300 респондентов);
- города и поселения с дифференцированной экономической деятельностью предприятий, расположенных на территории муниципального образования: г. Екатеринбург (1100 респондентов), г. Ирбит и Ирбитское муниципальное образование (310 респондентов), г. Березовский (140 респондентов);
- иные поселения: г. Кировград (60 респондентов), г. Арамиль (80 респондентов). Итого – 3 000 респондентов.

Анализируя ответы респондентов на вопрос «Ожидаете ли Вы или проживающие с вами члены семьи в ближайшие полгода “увольнения”?», можно выделить ряд наиболее проблемных муниципальных образований Свердловской области. Сложная ситуация наблюдается в монопрофильных городах: в Нижнем Тагиле, Серове. Угрозу увольнений в ближайшее время ощущают также в г. Березовский. Уверенно себя чувствует трудоспособное население монопрофильных городов Верхняя Пышма, Качканар, Серова, а также городов с дифференцированной экономикой – Екатеринбург и Ирбита (табл. 1). Зависимости угрозы увольнений от типов муниципальных образований (монопрофильные или города с дифференцированной экономикой) не выявлено.

Таблица 1

Уровень тревожности – характеристика ожиданий изменений на рынке труда по муниципальным образованиям Свердловской области (вариант ответа вопрос «Ожидаете ли Вы или проживающие с вами члены семьи в ближайшие полгода “увольнения”?», % от числа опрошенных)

№	Муниципальное образование	Вариант ответа					
		Это уже происходит	Это может случиться в ближайшее время	В ближайшее время это вряд ли случится	Уверен (а), что этого не случится	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Монопрофильные	г. Нижний Тагил	15	16,5	19,8	19,5	12,8	16,5
	г. Верхняя Пышма	3	9	27	35	20	6
	г. Серов	20,6	11,7	15	24,2	15	13,6
	г. Качканар	8,7	12,7	27,3	26	16	9,3
	г. Каменск-Уральский	6	14	27,7	24	18	10,3
Дифференцированная экономика	г. Екатеринбург	6,4	12,6	23,6	29,8	16,4	11,2
	г. Ирбит	4,4	14,8	22,4	26,8	20,4	11,2
	Ирбитское муниципальное образование (сельская местность)	8,3	13	27	18	8,3	15
	г. Березовский	7,1	15	36,4	18,6	22,9	0
Иные	г. Кировград	6,7	6,7	40	10	23,3	13,3
	г. Арамилъ	3,2	5,8	17,5	28,1	21,3	21

Полученные данные заставили провести корреляционный анализ ожидания угрозы увольнений от сферы занятости экономически активного населения (табл. 2). Повышенный уровень тревожности обнаружен среди работников бизнес структур и индивидуальных предпринимателей. Каждый пятый работник промышленного сектора также не уверен в сохранении своего рабочего места. Наиболее защищенными чувствуют себя государственные и муниципальные служащие и работники социальной сферы.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о возможности увольнения (доля работников по социально-профессиональным группам)

Вариант ответа на вопрос	Работник промышленного предприятия	Работник социальной сферы	Государственный, муниципальный служащий	Индивидуальный предприниматель	Работник в бизнес структуре
Это уже происходит	6,0%	4,9%	5,2%	17,5%	15,8%
Это может случиться	14,4%	10,4%	8,7%	20,4%	10,9%
Вряд ли случится	26,2%	26,6%	21,3%	13,1%	26,8%
Не случится	23,7%	35,5%	31,9%	25,5%	28,2%

Подтолкнуть работника к карьерной миграции может и ситуация скрытой безработицы. Ответы на вопрос о том, насколько велика вероятность в ближайшие полгода перевода на сокращенную рабочую неделю (день), респондентов в отдельных муниципальных образованиях приведены в таблице 3. Самый высокий уровень этих негативных ожиданий наблюдается в Нижнем Тагиле; более того, город занимает первые строчки в списке городов области, где уже работников переводят на сокращенную рабочую неделю. И по ощущениям работников, ситуация далека от стабилизации: каждый третий опасается, что «это может случиться в ближайшее время».

Хотя более чем десятая часть трудоспособного населения в городах Екатеринбурге, Серове и Березовском также попали в эту сложную жизненную ситуацию, тем не менее, в общем спектре настроений жителей городов преобладают оптимистические настроения, уверенность, что перевода на сокращенную неделю не произойдет (табл. 3). Достаточно уверенно смотрят в завтрашний день и работники городов Качканара, Каменска-Уральского, Ирбита и Арамиля, считая, что перевод на сокращенную рабочую неделю (день) в ближайшее время им не грозит.

Таблица 3

Распределение вариантов ответов на вопрос, ожидаете ли Вы или проживающие с вами члены семьи в ближайшие полгода «перевода на сокращенную рабочую неделю /день» по муниципалитетам (% варианта ответа)

№	Муниципальное образование	Это уже происходит	Это может случиться в ближайшее время	В ближайшее время это вряд ли случится	Уверен (а), что этого не случится	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Монопрофильные	г. Нижний Тагил	23,5	37,5	12,5	7,8	6,8	12
	г. Верхняя Пышма	2	13	28	24	20	13
	г. Серов	10,8	11,7	15	29,2	11,4	21,9
	г. Качканар	5,3	12,7	26,7	28,7	13,3	13,3
	г. Каменск-Уральский	10,7	14,7	24,7	27,3	14	8,7
Дифференцированная экономика	г. Екатеринбург	11,4	15	18,5	28,8	13,4	13
	г. Ирбит	2,8	10,4	26,4	34,8	11,6	14
	Ирбитское муниципальное образование (сельская местность)	0	8,3	24	35	16,7	15
	г. Березовский	13,6	12,9	36,4	13,6	23,6	0
Иные	г. Кировград	1,7	10	38,3	16,7	18,3	15
	г. Арамиль	2,5	1,3	18,8	28,8	18,8	30

О практике перевода на сокращенную рабочую неделю сообщают, опять же, индивидуальные предприниматели (28,5 %), близкий уровень тревожности демонстрируют работники промышленного сектора (20,8 %) (табл. 4).

Таблица 4

Распределение вариантов ответов на вопрос «Ожидаете ли Вы в ближайшие полгода перевода на сокращенную рабочую неделю /день» по социально-профессиональным группам (% вариантов ответа)

Вариант ответа	Работник промышленного предприятия	Работник социальной сферы	Государственный, муниципальный служащий	Индивидуальный предприниматель	Работник в бизнес-структуре
Это уже происходит	14,5	9,9	5,8	12,4	8,1
Это может случиться	20,8	6,8	8,4	28,5	16,5
Вряд ли случится	22,8	26,6	14,8	18,2	20,4
Не случится	16,8	34,8	39,7	21,2	36,3

Таким образом, респонденты из сферы индивидуального предпринимательства (наряду с промышленным сектором) уже сегодня в большей степени ощущают уязвимость своего положения на рынке труда.

Что в этой ситуации могло бы мотивировать трудоспособное население Свердловской области заняться собственным бизнесом? Что стало бы решающим фактором при принятии решения о создании собственного бизнеса? Выявилась категория респондентов, которые понимают, что бизнес – не их сфера деятельности; «бизнес – не мое дело»; «не рискнула бы из-за наших чиновников», «свой бизнес создать невозможно», «поздно уже, пенсионер» – так респонденты при ответе на открытый вопрос мотивируют свое нежелание заняться бизнесом.

Респонденты, рассматривающие возможность работы в бизнес-структурах, отмечают, что основополагающими факторами являются *внутренние установки*: личное желание, желание заработать, надежда на собственные силы.

Таблица 5

Факторы, способствующие созданию собственного бизнеса, указанные респондентами (% ответов)

Фактор	Процент ответов
Помощь со стороны региональных или местных органов власти в поиске инвестиций	45,3
Консультации в разъяснении нормативных актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской деятельности	28,1
Поддержка местной администрации в создании бизнес-плана и исследовании потребностей населения	26,4
Бесплатные курсы, тренинги по созданию и развитию своего дела	24,3
Осознание собственного вклада в развитие инфраструктуры города и региона	15,0
Встречи (прием граждан) с представителями местной администрации	9,9
Затрудняюсь ответить.	0
Ваш вариант	1

*Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, помощь со стороны региональных или местных органов власти в поиске инвестиций является главным фактором, способствующим созданию собственного бизнеса (45,3 %). Вторая группа факторов связана с организационной и консультационной поддержкой: «консультации в разъяснении нормативных актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской деятельности» (28,1%), «поддержка местной администрации в создании бизнес-плана и исследовании потребностей населения» (26,4 %), «бесплатные курсы, тренинги по созданию и развитию своего дела» (24,3 %) (табл. 5).

В то же время, большинство людей, организующих новый бизнес в неблагоприятной жизненной ситуации («вынужденные предприниматели»), не являются предпринимателями в широком смысле: они не создают ни новые рабочие места, ни значительную добавленную стоимость. Скорее, они рассматривают свой бизнес как альтернативу занятости по найму, а доходы – как заменитель заработной платы [1, с. 425]. Речь идет, скорее, о самозанятости, а не о развитии предпринимательства.

Еще одна закономерность, выявленная исследователями предпринимательства, развенчивает миф о том, что выгоды для экономического роста при создании новых фирм будут выше, чем при расширении существующих. Напротив, производительность фирмы увеличивается с ее возрастом. Неудивительно, чем богаче страна, тем меньше доля стартующих бизнесов [2].

И наконец, еще один довод классиков теории предпринимательства [3]. Отвечая на вопрос, кто же в большей степени отреагирует на стимулирующие государством меры и начнет свой бизнес, исследователи констатируют: «не самые лучшие предприниматели». В частности, безработные с большей вероятностью приступят к созданию собственного бизнеса, нежели те, у кого есть работа. Им нечего терять, становясь предпринимателями. Но те, кто является безработными, обычно демонстрируют худшие результаты при организации новой фирмы, чем те люди, кто специально ушел с работы, чтобы начать свой бизнес. Вывод напрашивается сам собой: стремление в ситуации кризиса увеличить число новых фирм привлекает большее число «плохих», непрофессиональных предпринимателей, чем «хороших» и эффективных.

© Чевтаева Н. Г., Саранчук С. Ю. Текст. 2016.

Список источников

1. Шейн С. Почему вовлечение населения в предпринимательство – плохая политика? // Современные классики предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010) / Пер с англ. под научн. ред. А. Ю. Чепуренко; Нац исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: издат. дом высшей школы экономики, 2013. – 526.
2. Haltiwanger J., Lane J., Speltzer J. Productivity differences across employers: The roles of employer size, age, and human capital // American Economic Review Papers and Proceedings. – 1999. – No 89(2). – P. 94-98.
3. Johnson P. Differences in regional firm formation rates: A decomposition analysis // Entrepreneurship Theory and Practice. – 2004. – No 28(5). – p. 431–445.

Информация об авторах

1. Чевтаева Наталия Геннадьевна, д.с.н., доцент, зав кафедрой управления персоналом, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС e-mail: che13641@gmail.com 620990, Россия. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. 3432517866

2. Саранчук Сергей Юрьевич, соискатель кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления -филиал РАНХиГС e-mail: saranchyk@mail.ru 620990, Россия. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. 3432517866

Chevtaeva N.G., Saranchuk S.U.

ENTREPRENEURSHIP AS A WAY TO CAREER MIGRATION TENSIONS ON THE LABOUR MARKET CONDITIONS OF THE INDUSTRIAL REGION

Discusses external and internal factors that define career migration forced entrepreneurship. Assesses the incentives and development prospects of the startups in the situation of economic crisis in terms of regularities in the development of entrepreneurship.

Keywords: hidden unemployment, incentives for the creation of business, forced entrepreneurship, self-employment, the effectiveness of startups.

Information about the authors

1. Chevtaeva Natalia Gennadievna, Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Personnel Management of the Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Russia. Yekaterinburg, 8 March,66

2. Saranchuk Sergey Urievich, Competitor of the Department of Theory and Sociology of Management of the Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Russia. Yekaterinburg, 8 March,66

УДК 314.174:331.25

Е.В. Чистова

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ПЕНСИОННУЮ СИСТЕМУ РОССИИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Рассматривается влияние внешней миграции на пенсионную систему России в среднесрочной перспективе в условиях изменения пенсионного возраста. Представлены результаты прогнозирования методом передвижки возрастов по трем сценариям демографического развития России.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионный возраст, демографический прогноз, миграция, метод передвижки возрастов.

Одним из основных вызовов современного пенсионного обеспечения является старение населения. Правительства разных стран ищут ответы на эту проблему путем оптимизации демографической структуры населения. Воздействие на естественный прирост населения через повышение рождаемости не даст мгновенных результатов, а через сокращение продолжительности жизни и не может даже рассматриваться. Поэтому тенденции внешней миграции населения представляет интерес для улучшения демографической структуры населения.

Кроме того, повышение пенсионного возраста выглядит наиболее простым инструментом, обеспечивающим сокращение численности пенсионеров, расходов

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №15-32-01352a2 «Научно-методическое обоснование повышения эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионах России: баланс интересов экономического прагматизма и национальной безопасности»).

пенсионной системы и увеличение выплат страховых взносов за счет повышения численности их плательщиков. Повышение пенсионного возраста является распространенным ответом на старение население. За последние 20 лет он был увеличен в таких странах, как Аргентина, Венгрия, Германия, Италия, Турция, Чехия, Япония. В России законодательно установленный возраст выхода на пенсию является самым низким из всех стран, имеющих общегосударственную систему обязательного пенсионного обеспечения [6]. Пенсионный возраст для мужчин наступает с 60 лет, для женщин – с 55 лет. Он был установлен еще в 1932 г. на основе обследований рабочих, выходящих на пенсию по инвалидности, и с тех пор не повышался, хотя характер и условия труда заметно изменились [5].

С целью определения влияния внешней миграции на пенсионную систему России в среднесрочной перспективе в условиях изменения пенсионного возраста проведено исследование, заключающееся в построении прогнозов на основе гипотез о выделении в процессах воспроизводства населения общемировых демографических тенденций и проявлений российских особенностей развития. Потенциальные варианты дальнейшего демографического развития России зависят от причин происходящих изменений. В глобальном контексте российские демографические тенденции, с одной стороны, тесно переплетаются с переменами в развитых странах, с другой – демонстрируют свою специфику.

При прогнозировании численности пенсионеров логично использовать метод компонент, или метод передвижки возрастов. Он полностью соответствует логике старения и обновления населения. Данный метод позволяет не только рассчитать общую численность пенсионеров, но и составить их распределение по полу и возрасту. Его применение основано на использовании уравнения демографического баланса. Суть метода заключается в том, что данные о численности отдельных возрастно-половых групп передвигаются каждый год в следующий возраст с учетом смертности населения и повозрастного сальдо миграции. Численность нулевой возрастной группы определяется на основании прогноза годового числа рождений и младенческой смертности. Прогноз же годового числа рождений строится на основе числа женщин детородного возраста и частоты деторождения у женщин данного возраста.

Демографический прогноз до 2036 г. строится по сценариям на основе трех гипотез относительно будущих тенденций демографического развития России. В основу сформированных гипотез легло выделение в процессах воспроизводства населения общемировых демографических тенденций и проявлений российских особенностей развития. Первая гипотеза заключается в том, что в процессах воспроизводства населения России на период прогноза превалирует отклонение от общемирового демографического тренда под воздействием российских особенностей при сохранении текущего уровня миграции населения. Вторая гипотеза предполагает, что в ближайшие два десятилетия уровень смертности в России будет находиться в русле общемировых демографических закономерностей, но с некоторым запаздыванием, а уровни рождаемости и миграции в результате активной демографической политики возрастут. Согласно третьей гипотезе, к концу прогнозного периода население России полностью перенимает социально-демографическую модель поведения населения развитых стран, что вызовет снижение смертности (значительное старение населения) и уровня репродуктивности (распространение малодетных нуклеарных семей). Исходя из предполагаемых гипотез сформированы значения отдельных показателей по трем сценариям (таблица).

Таблица

Значения показателей по трем сценариям прогноза на 2036 г.

Показатель	Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3
Коэффициент суммарной рождаемости, ед.	1,79	2,15	1,98

Средний возраст матери при рождении ребенка, лет	30,2	32,3	33,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин, лет	69,7	70,9	73,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении женщин, лет	78,5	79,9	83,2
Коэффициент младенческой смертности, чел./1000 родившихся	5,9	4,0	4,0
Миграционный прирост, тыс. чел.	270	300	350

Составлено по: Васильева Е.В. Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 38. С. 5-21; Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/191961/#ixzz44ww2iVeH>; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70170932/#help#ixzz44wwMuYbh>

Данный метод может быть использован для оценки последствий повышения пенсионного возраста в России. Основой такой оценки являются прогнозы численности пенсионеров по старости при действующем трудовом законодательстве и потенциальном его изменении в части увеличения пенсионного возраста. Условия его повышения пока официально не представлены в виде законопроекта, поэтому предполагается в прогнозе учесть положения уже одобренного законопроекта, предусматривающего постепенное увеличение до 65 лет (ежегодно по полгода) предельного возраста нахождения на государственной гражданской службе как для мужчин, так и для женщин [4]. Сейчас для этих категорий граждан действует общий порядок. Для изучения эффектов повышения пенсионного возраста до 65 лет для всех категорий граждан России принято следующее допущение. Увеличение пенсионного возраста начинается в 2016 г., осуществляется темпом 6 месяцев в год и закончится для мужчин в 2026 г., а для женщин – в 2036 г. Таким образом, к 2036 г. установленный выход на пенсию составит 65 лет для обоих полов.

Результаты проведенных расчетов представлены на рисунке. Согласно полученным прогнозам, будет происходить сокращение общей численности населения России по всем сценариям. Наиболее существенное снижение численности произойдет по первому сценарию демографического развития России, за 2015-2036 гг. оно составит 11,2 млн человек, или 7,7%. Так, в рамках этого сценария тенденция старения населения «снизу» сохранится. Во втором сценарии заложены параметры, характеризующие успешную реализацию проводимой демографической и миграционной политики в России, что позволило построить относительно благоприятный прогноз. Согласно этому сценарию численность населения уменьшится на 1,1 млн человек, т.е. на 0,8%. Такой прогноз вполне вероятен, если принимать во внимание те положительные демографические тенденции, которые произошли в России за последние годы. Расчет прогноза по третьему сценарию показал, что население в 2036 г. сократится на 3,6% и составит 141,1 млн человек. В значения показателей этого сценария заложена следующая логика. Тенденции снижения смертности и роста продолжительности жизни являются более устойчивыми и носят всеобщий характер в отличие от уровня рождаемости, который значительно варьируется в развитых странах. Поэтому по третьему сценарию значение коэффициента суммарной рождаемости предполагается практически на уровне простого воспроизводства населения.

Согласно полученным расчетам, прогнозируется изменение возрастной структуры населения России. По всем сценариям уменьшатся численность и доля детей. По первому и третьему сценариям доля населения моложе трудоспособного возраста в 2036 г. составит 12%, по второму сценарию – 14,3% (против 18% в 2015 г.). Кроме того, в России

беспрецедентно увеличатся численность и доля пожилого населения. За 2015-2036 гг. их доля вырастет с 24 до 29% (по первому и второму сценариям) или до 30% (по третьему). Наиболее высокая численность лиц старше трудоспособного возраста будет по второму и третьему сценариям, она составит 42 млн человек, что на 20% больше, чем в 2015 г. Относительно прогноза удельного веса лиц трудоспособного возраста результаты по трем сценариям схожи. В 2036 г. эта доля колеблется от 57 до 59% в зависимости от сценария, что находится на текущем уровне – 58,4%.

Такие прогнозируемые изменения возрастной структуры определяют существенное усиление демографической нагрузки на трудоспособное население. Причем это усиление будет происходить только за счет роста численности лиц старше трудоспособного возраста. Если в 2015 г. нагрузка пожилыми составляла 412 человек на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, то к 2036 г. она может вырасти, по разным сценариям, до 493-515 на 1000. Таким образом, вне зависимости от сценария демографического развития в России будет возрастать демографическая нагрузка на трудоспособных граждан из-за дальнейшего старения населения.

Повышение пенсионного возраста является наиболее обсуждаемым ответом на старение населения, обеспечивающим долгосрочную устойчивость пенсионной системы. Некоторые авторы [2-3] утверждают, что такому ответу нет и альтернативы с точки зрения систематического поддержания соотношения между числом пенсионеров и работников. По полученным прогнозам, при постепенном увеличении пенсионного возраста к 2036 г. это соотношение сократится. В зависимости от сценария на 1000 человек трудоспособного возраста будет приходиться 290-305 человек старше трудоспособного возраста. Причем в первую очередь это сокращение произойдет за счет снижения численности лиц пенсионного возраста на 34-35% по сравнению с расчетом с неизменным пенсионным возрастом, численность же лиц трудоспособного населения увеличится лишь на 11% (рисунок). При повышении пенсионного возраста доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения в 2036 г. составит 19-20%, при неизменном возрасте – 29-30%.

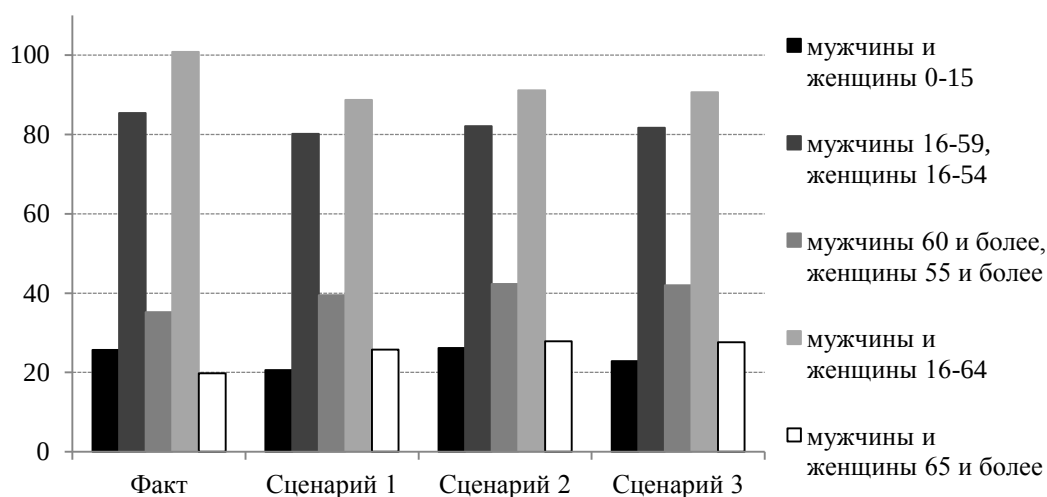

Рис. Прогноз численности населения России по основным возрастным группам на 2036 г., млн чел.

С повышением пенсионного возраста гендерная пропорция трудоспособного населения не изменится, в отличие от структуры населения пожилого возраста. Как прогнозируется, без повышения пенсионного возраста в 2036 г. удельный вес мужчин составит 33%, а в случае повышения пенсионного возраста – 35%. Такой сдвиг характерен для всех сценариев демографического развития России. По результатам полученных прогнозов проведен расчет среднего возраста пожилого населения. В 2015 г. средний

возраст мужчин старше трудоспособного возраста составлял 69 лет, при условии сохранения пенсионного возраста на прежнем уровне к 2036 г. он увеличится на 1 год, а при повышении – на 4 года. Средний возраст женщин старше трудоспособного возраста в 2015 г. был равен 68 лет, в 2036 г. прогнозируется его увеличение на 1 год (при неизменном пенсионном возрасте) и на 7 лет (при повышении). Необходимо отметить, что значения этого показателя несущественно варьируются по сценариям.

Полученные результаты прогнозирования показали, что, во-первых, демографическая нагрузка на трудоспособное население продолжит усиливаться при реализации всех сценариев демографического развития России, причем наиболее существенно – по второму сценарию, характеризующему успешно проводимую демографическую политику. Вместе с тем необходимо учитывать, что полученный прогноз относится к возрастной структуре населения. Численность же реальных плательщиков пенсионных взносов намного меньше численности лиц трудоспособного возраста (за счет существования экономически неактивного населения, безработных, неформально занятых), а численность пенсионеров – больше численности лиц пенсионного возраста (из-за наличия досрочных пенсий по старости, пенсий по инвалидности). И, во-вторых, значительным потенциальным резервом снижения демографической нагрузки на трудоспособное население является численность женщин пенсионного возраста. Учитывая различия в продолжительности жизни мужчин и женщин, более оправданно с демографической точки зрения повышение пенсионного возраста для женщин. Таким образом, влияние внешней миграции на пенсионную систему России неоднозначно, при определенных условиях миграционные процессы позволят «оздоровить» половозрастной состав населения либо усилить тенденции старения населения. В этом свете вполне оправданна позиция федеральных органов власти [1] не рассматривать миграцию в качестве одного из способов решения проблемы пенсионной системы.

© Чистова Е.В. Текст. 2016

Список источников

1. Замминистра Любовь Ельцова рассказала радио ООН о перспективах рынка труда в России / Министерство труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/audio/35> (дата обращения: 29.04.2016).
2. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Демоскоп Weekly. 2012. № 511-512 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/analit01.php> (дата обращения: 29.04.2016).
3. Лельчук А. Пенсионный возраст // Лаборатория пенсионной реформы. [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionreform.ru/71358> (дата обращения: 29.04.2016).
4. Решения, принятые на заседании Правительства 22 октября 2015 года / Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/20199/> (дата обращения: 29.04.2016).
5. Синявская О. Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. – 2005. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (дата обращения: 29.04.2016).
6. Соловьев А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России // Народонаселение. – 2015. – № 2 (68). – С. 39-51.

Информация об авторе

Чистова Елена Витальевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

**THE IMPACT OF EXTERNAL MIGRATION ON THE PENSION SYSTEM OF
RUSSIA IN THE MEDIUM TERM**

The paper examines the impact of external migration on the pension system of Russia in the medium term in a changing retirement age. The author presents the results of forecast by the method of shifting ages of the three scenarios of demographic development of Russia.

Keywords: pension system, retirement age, demographic forecast, migration, the method of shifting ages

Information about the author

Chistova Elena Vitalievna (Russia, Екатеринбург) – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Ural Branch (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

Научное издание

Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ

VII Уральский демографический форум с международным участием
(г. Екатеринбург, 2-3 июня 2016 г.)

Том 2. Демографический потенциал регионов России и СНГ:
динамика роста и инерционность изменений

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 6 от 21.06.2016 г. Рег. № 21 (16)

Технический редактор Е. Х. Тухтарова

Редактор О.Л. Сафьянова

Подписано в печать 3.10.2016. Формат 60х84/16.
Уч.-изд. л. 32. Тираж 500 экз. Заказ № ...

Институт экономики УрО РАН
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54